РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ХОМАЙ

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ БАШКОРТОСТАНА

Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева

ЭТНОСЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ: ДИАЛЕКТИКА РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

г. Уфа, 9 декабря 2014 г.

ISBN 978-5-4457-0065-4

Региональная общественная организация
«ХОМАЙ – народные традиции Башкортостана»

ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»

ФГБУН Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук

ЭТНОСЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ: ДИАЛЕКТИКА РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции

г. Уфа, 9 декабря 2014 г.

© ГБОУ ВПО «БАГСУ», 2014

ISBN 978-5-4457-0065-4

УДК 323
ББК 66.3(2Рос),5
Э91

Рекомендовано к изданию Научным советом БАГСУ

Редакционная коллегия: Ф. Г. Галиева, Е. Ш. Гибадуллина, А. Р. Даутова,
Р. М. Мухаметзянова-Дуггал, А. Б. Юнусова.
Научный редактор: И. В. Фролова, д-р филос. наук, руководитель НИЦ ПУиГС БАГСУ

Этносы и формирование гражданской нации: диалектика российской национальной политики: [Электронный ресурс] : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 9 декабря 2014 года. / под общ. ред. И. В. Фроловой. – Текстовое электронное издание (3,47 Мб). – Уфа : БАГСУ, 2014. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : Celeron, Intel Pentium (или аналогичный процессор других производителей), 1.6 MHz ; 512 Мб оперативной памяти ; Windows 98 и выше ; привод CD-R ; Adobe Reader 5.0 (или аналогичный продукт для чтения файлов формата pdf). – Загл. с экрана.

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Этносы и формирование гражданской нации: диалектика российской национальной политики» (Уфа, 9 декабря 2014 года). Целью конференции было создание информационной платформы для научных дискуссий о российской национальной политике и современном состоянии этносов. Тематика секций конференции сформулирована по четырем направлениям: развитие этносов в XXI веке: прогнозы и реальность; политические риски и модели решения межэтнических конфликтов в контексте Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации; диалектика этнической и гражданской идентичности в современной России; традиционная культура народов как ресурс формирования гражданского единства

Рекомендуется ученым, научным сотрудникам, преподавателям, студентам, а также всем, интересующимся проблемами общественных наук.

ISBN 978-5-4457-0065-4 © ГБОУ ВПО «БАГСУ», 2014

Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции
г. Уфа, 9 декабря 2014 г.

Текстовое электронное издание
Редакторы: Р. Ф. Латыпов, К. Т. Тимашева.
Ответственный за выпуск: Е. Ш. Гибадуллина.

Минимальные системные требования: Celeron, Intel Pentium (или аналогичный процессор других производителей), 1.6 MHz ; 512 Мб оперативной памяти ; Windows 98 и выше ; привод CD-R ; Adobe Reader 5.0 (или аналогичный продукт для чтения файлов формата pdf).

Подписано к использованию 26.12.2014
Объем 3,47 Мб

БАШКИРСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
И УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН,
450008, Республика Башкортостан, г. Уфа, Ул. З. Валиди, 40
E-mail: bagsu@rb.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ *9*

Л. М. Мусина. РОЛЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ «СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» *9*

И. В. Фролова. ЭТНИЧЕСКАЯ И НАДЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО: ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ *12*

Ю. Н. Дорожкин. СОВРЕМЕННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ: НОВЫЕ РЕАЛИИ, УГРОЗЫ И ПРОБЛЕМЫ *16*

Р. Ф. Латыпов. ЭТНИЧЕСКИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИК СССР: ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА *20*

Р. Р. Вахитов. ДИАЛЕКТИКА ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ: ЛОЖНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ РОССИИ *26*

Р. М. Мухаметзянова-Дуггал. РИСКИ И УГРОЗЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ *31*

СЕКЦИЯ 1. РАЗВИТИЕ ЭТНОСОВ В XXI ВЕКЕ: ПРОГНОЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ .. *34*

Б. В. Бурангулов. ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ПО ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕГИОНА КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв. *34*

М. Р. Зазулина. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СУБЭТНОСОВ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ *39*

М. Б. Закиров. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕОЛОГЕМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. С. ТРУБЕЦКОГО *45*

М. В. Кржижевский. САМАРСКИЕ БАШКИРЫ: СОХРАНЕНИЕ И ПОДДЕРЖАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ *50*

Е. Е. Нечвалода. ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА *53*

Е. М. Поляков. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ: МИГРАЦИЯ, КОНСОЛИДАЦИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ *60*

А. Г. Пудов. ОНТОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ 67

И. А. Тогунов. МЕСТО И РОЛЬ КАТЕГОРИИ «ЭТНОС» В СИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА 72

Т. Л. Трифонова. СОВРЕМЕННАЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ СЕМЬЯ В БУРЯТИИ 75

Н. М. Филиппова. ЭТНОСАМООРГАНИЗАЦИЯ: ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАТИКЕ 80

В. А. Хабудаева. ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ БУРЯТСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД 84

В. В.Черникова. РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЭТНОФЕДЕРАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 89

О. И.Чекалина, М. А. Шайхетдинов. РУССКИЙ ЭТНОС И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН (1990–2011 гг.) 95

В. В. Шишкин. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВИДЫ СПОРТА КАК ФАКТОР САМОИНДЕФИКАЦИИ ЭТНОСА 98

СЕКЦИЯ 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И МОДЕЛИ РЕШЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 101

Г. Р. Асадуллина. ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 101

А. Г. Баимов. РОЛЬ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ СРЕДИ СОЛДАТ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ 104

Ю. В. Бакулина. БАШКОРТОСТАН КАК ЭТНИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА 108

Д. И. Безрукова. ЭТНОЭГОИСТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ КАК ФАКТОР ДИСКРИМИНАЦИИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ 111

Е. А. Беляев. ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 113

А. Т. Бердин. ПОЛИТИЗИРОВАННАЯ РЕВИЗИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ КАК ТЕХНОЛОГИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН) 118

И. М. Габдрафиков. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ 127

Е. Ш. Гибадуллина. ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ 132

Е. О. Данилова. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ЭТНИЧЕСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ 135

А. Р. Даутова. ВОПРОСЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЕДИНСТВА НАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН 138

И. В. Демичев. К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ МИГРАНТСКИХ СООБЩЕСТВ: МОДЕЛЬ И ИНДЕКС ИНКОРПОРАЦИИ 144

А. С. Евстифеев, Р. А. Иксанов. ВЛИЯНИЕ СМИ НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ И ПРОФИЛАКТИКУ ФОРМ ПРЕСТУПНОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ..... 151

А. А. Захарова. ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОСТРОЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ 156

Н. Г. Ираева, Э. Р. Калимуллина. ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА ДЛЯ РОССИИ 160

А. А. Исаев. ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ..... 163

О. Б. Истомина. КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ КАК ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ..... 169

Р. Д. Карамышев. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН 173

О. Н. Кобяков. ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ 178

С. А. Ли. РЕКЛАМА КАК СРЕДСТВО ПРОДВИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ .. 184

Т. М. Надыршин. ПРЕПОДАВАНИЕ «ОСНОВ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ 189

Т. К. Платонова. ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ..... 192

С. Ю. Романов. НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РАМКАХ АСИММЕТРИЧНОЙ КОНСТРУКЦИИ «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ И РАВЕНСТВО». 195

Г. В. Рябцовский, Т. С. Болховитина. ПУТИ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 206

А. И. Тимиргазиева. ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ АТЕИСТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛАХ БАШКИРСКОЙ АССР) ... 219

К. В. Фофанова, Д. М. Борисов. МОДЕЛИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ 226

З. М. Хасанов, Г. З. Хасанова. ЭКСТРЕМИЗМ КАК ОСНОВА МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 232

С. В. Шанин. ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ У СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА..... 238

СЕКЦИЯ 3. ДИАЛЕКТИКА ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ *..... 242*

С. Р. Абрамова, С. С. Алексеенко, А. И. Халиулина. РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В РАЗВИТИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ (ПО ДАННЫМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БАШКОРТОСТАНЕ)..... 242

Н. А. Абузарова. ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ..... 245

Н. В. Коровкина. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН) 248

Н. Е. Малахов, К. Г. Фурман. К ПОИСКУ ОБНОВЛЕННОЙ МОДЕЛИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ 255

О. В. Нечипоренко. СУБЭТНОСЫ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ: ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 259

А. С. Никонова. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ 264

В. Е. Обухов, Н. Е. Малахов, Л. В. Семенова. ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ..... 268

Т. Ф. Пушкина. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В ГРАЖДАНСКОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ..... 269

Э. В. Садретдинова. ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ..... 273

Ф. Г. Сафин, А. И. Халиулина. ЭТНИЧНОСТЬ И ЯЗЫК В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ..... 278

Э. Ф. Сафина, З. Х. Сунагатуллина, А. И. Халиулина. ПОДПИСКА НА ПЕРИОДИЧЕСКУЮ ПЕЧАТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ..... 282

З. Л. Сизоненко. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 288

Е. В. Чащин, К. Д. Камышев. БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ..... 293

С. А. Юсупова. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. Т. АКСАКОВА В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ..... 297

***СЕКЦИЯ 4. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА** 300*

А. А. Арсланбаева. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ БАШКИРСКОЙ АССР В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (В КОНЦЕ 80-Х НАЧАЛЕ 90-Х ГГ. XX В.)..... 300

С. А. Бадретдинова. РАЗВИТИЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ЭТНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА БАШКОРТОСТАНА В КОНЦЕ 1980-х – 2000-е гг..... 303

Е. Л. Вишнякова. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА В ФОРМИРОВАНИИ СЦЕНИЧЕСКОЙ ХОРЕОГРАФИИ..... 310

Ф. Г. Галиева. ТРАДИЦИОННЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В БАШКОРТОСТАНЕ 314

С. М. Гареева. САБАНТУЙ В БАШКОРТОСТАНЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТ НАРОДНОГО ТЮРКСКОГО ОБРЯДА К ОБЩЕНАРОДНОМУ ПРАЗДНИКУ..... 318

Ю. Г. Диникеева. РОДИННЫЕ ОБРЯДЫ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ..... 324

Ю. Г. Диникеева. ПРЕДМЕТЫ ТРАДИЦИОННОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ ДЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ) *329*

М. В. Лунина. ПРАЗДНИК КАК ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАЧАЛО НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ *333*

Е. Е. Нечвалода. «КУНГУРЯКИ» АЯ И ЮРЮЗАНИ В XIX – НАЧ. XX В.: СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РУССКОГО СЕЛА В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ *335*

Е. Е. Нечвалода. СОБРАНИЕ ПРЕДМЕТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ БАШКОРТОСТАНА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ МУЗЕЯХ РБ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК *339*

О. Г. Беломоева. ТРАДИЦИОННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ *345*

Р. А. Султангареева. ИДЕИ СОЛИДАРИЗАЦИИ И СПЛОЧЕНИЯ В ПРАЗДНИЧНО-ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ БАШКИР *351*

Г. Р. Хусаинова. ОТГОЛОСКИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НАРОДА В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЯХ БАШКИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2014 ГОДА В ЗИАНЧУРИНСКИЙ РАЙОН РБ) .. *359*

И. Е. Шемякина, В. М. Брегиня. ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОСНОВЕ ВЫБОРА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ *362*

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

РОЛЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ «СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

THE ROLE OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF THE «STRATEGY OF THE STATE NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION»

Л. М. Мусина (ГБОУ ВПО «БАГСУ», г. Уфа, Россия)
L. M. Musina (Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена роли некоммерческих общественных организаций в реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации». Особое внимание автор уделяет деятельности Региональной общественной организации «Хомай – Народные традиции Башкортостана».*

Abstract. *Article is devoted to the role of non-governmental organizations in the implementation of the «Strategy of the state national policy of the Russian Federation». Particular attention is paid to the activities of the Regional Public Organization «Homay – Folk traditions of Bashkortostan».*

Ключевые слова: *Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, некоммерческие общественные организации, Региональная общественная организация «Хомай – Народные традиции Башкортостана».*

Keywords: *Strategy of the state national policy of the Russian Federation, non-profit community organizations, Regional Public Organization «Homay – Folk traditions of Bashkortostan».*

Начну с того, что Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, в рамках реализации которой в нашей республике был проведен конкурс грантов среди некоммерческих общественных организаций на проведение мероприятий, и благодаря чему стал возможен наш научный форум – важнейший государственный документ. Приоритетные задачи Стратегии – это, прежде всего, вопросы гражданского единства, формирования гражданской нации, что совершенно не исключает вопросы этнокультурной самобытности и культурного многообразия, которое всегда отличало Российское государство. Не случайно дополнением Стратегии является Концепция государственной национальной политики Республики Башкортостан.

В реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации существенная роль принадлежит некоммерческим общественным организациям, деятельность которых в области этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, а также межэтнического сотрудничества, сохранения и защиты

самобытности, культуры, языка и традиций народов Российской Федерации признается социально ориентированной. Сегодня подобные некоммерческие общественные организации и в России, и за рубежом являются одним из гарантов развития и укрепления гражданского общества, решая самые разные социально значимые задачи [подробнее см.: 1; 2].

Я представляю на конференции Региональную общественную организацию «Хомай – Народные традиции Башкортостана». Она была создана в 2009 году с целью возрождения и сохранения культурно-национальной самобытности народов, проживающих на территории Республики Башкортостан. Одним из наших первых проектов было формирование единого культурного пространства «Центр народных художественных ремесел народов Республики Башкортостан», где у любого гостя была возможность познакомиться с народными традициями, окунуться в мир национального искусства и творчества, поучаствовать в национальных праздниках, играх, гуляниях. Помимо этого, мы включились в развитие внутреннего туризма с целью ознакомления гостей и жителей Республики с бытом и культурой народов, проживающих на территории Башкортостана.

Башкортостан – это многонациональная, полиэтничная республика, на территории которой проживают представители более ста национальностей. Все они богаты своими уникальными историческими и культурными традициями. Поэтому основными задачами общественной организации являются:

1. Налаживание межкультурного сотрудничества, знакомство с культурой народов Республики Башкортостан.

2. Распространение, передача и популяризация народных традиций и ремесел среди населения.

3. Пропаганда искусства художественных народных промыслов и ремесел Республики Башкортостан в Российской Федерации и за ее пределами, в том числе посредством организации выставок, конкурсов, аукционов, развития международного обмена и внешнеэкономической деятельности в данной области.

4. Содействие национальному и духовному возрождению народов, сохранению и развитию языка, литературы, фольклора, национального искусства, возрождению бытовых народных традиций и праздников, народных игр.

5. Участие в активном социальном творчестве через разработку и реализацию собственных проектов, нацеленных на получение конкретных результатов в области пропаганды и продвижения народных и художественных промыслов, традиций, обычаев, праздников народов, проживающих на территории Республики Башкортостан.

6. Привлечение граждан республики к выявлению, изучению, сохранению, возрождению и популяризации национального исторического и культурного (материального и духовного) наследия народов, проживающих в Республики Башкортостан; формирование у граждан, молодого поколения исторического и национального самосознания, патриотизма, чувства ответственности за возрождение, сохранение и приумножение народных и художественных промыслов, традиций, обычаев, праздников народов, проживающих на территории РБ.

Для достижения данной цели наша организация в настоящее время осуществляет следующие виды деятельности:

– создание и организация работы клубов по интересам, в т. ч. направленных на возрождение народных традиций, ремесел и промыслов,

формирование в людях экологической грамотности, бережного отношения к природе, культурному достоянию республики,

содействие распространению традиций, обычаев народов РБ, организация и проведение мероприятий, пропагандирующих народные промыслы и традиции;

– туристическая деятельность;

– содействие в разработке и реализации программ возрождения, сохранения национальных культур и традиций, укрепление их связей с исторической Родиной;

– разработка проектов программ и отдельных мероприятий по налаживанию культурного сотрудничества народов Республики Башкортостан и России,

осуществление издательской, телерадиовещательной и других видов деятельности по связям с общественностью;

– деятельность, направленная на адаптацию и перенесение эффективных моделей в социальной сфере, в области общественных инициатив, экологии, туризма, информатизации;

– сотрудничество со служителями узаконенных религиозных конфессий, направленное на достижение уставных целей;

– организация и проведение образовательных программ, семинаров, мастер-классов, направленных на возрождение народных традиций и ремесел.

Региональная общественная организация «Хомай – Народные традиции Башкортостана» неоднократно получала гранты на проведение различных мероприятий.

В 2011 году организация выступала учредителем Международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна» («Белый Журавль»). Цели и задачи данного конкурса: укрепление культурных связей и взаимопонимания между народами, межнационального мира и согласия, развитие и поддержка национальной литературы, стимулирование литературного творчества в Республике Башкортостан.

В 2012 году была реализована программа «Сохранение национальных традиций декоративно-прикладных искусств Башкортостана», в рамках которой была создана информационная база о мастерах и творческих центрах Республики, проведены показательные мастер-классы по прикладному творчеству.

Последний из выигранных нашей организацией грантов был получен на проведение сегодняшней конференции, которая была организована при поддержке и непосредственном участии Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан и Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук.

Список использованных источников

1. Андо Э. Экотуризм в практике общественной некоммерческой организации» Ассоциация Мусасина-Тамо-Хабаровск» // Природные ресурсы и экология Дальневосточного региона Материалы Международного научно-практического форума 25–26 октября 2012 г., г. Хабаровск. Хабаровск, 2013. С. 416–419.

2. Калинкина О. Н. Современные проблемы и перспективы развития региональных общественных организаций (на примере Пермского края) //

3. Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 18 (272). С. 78–81.

ЭТНИЧЕСКАЯ И НАДЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО: ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ETHNIC AND SUPRA-ETHNIC IDENTITY THROUGH THE PRISM OF INDIVIDUAL AND COLLECTIVE: PHILOSOPHICAL AND POLITICAL ANALYSIS

И. В. Фролова (ГБОУ ВПО «БАГСУ», г. Уфа, Россия)
I. V. Frolova (Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена проблемам идентификации современного человека. Особое внимание автор уделяет этнической и надэтнической идентичности. Данные понятия рассматриваются через призму таких категорий, как индивидуальное и коллективное. Это позволяет объяснить существование различных методологических подходов и концепций этноса.*

Abstract. *This paper deals with the problems of identification of modern man. Particular attention is paid to ethnic and supra-ethnic identity. These concepts are viewed through the prism of categories such as individual and collective. This explains the existence of different methodological approaches and concepts of ethnicity.*

Ключевые слова: *идентичность, этническая идентичность, надэтническая идентичность, коллективное, индивидуальное, концепции этноса.*

Keywords: *identity, ethnic identity, supra-ethnic identity, collective, individual, concept ethnicity.*

Понятие «идентичность», введенное Э. Эриксоном в рамках созданной им психоаналитической теории идентичности, на сегодняшний день широко используется представителями других социально-гуманитарных наук [Подробнее об этом см.: 2]. Социологи рассуждают о групповой или социальной идентичности, психологи – индивидуальной или личностной, этнологи – этнической или национальной и т. п. В частности, этническая идентичность – один из социальных статусов, которые имеет индивид в своем статусном наборе, который у современного человека достаточно велик. В том случае, если именно этническая принадлежность определяет стиль и образ жизни, круг знакомых, манеру поведения, если она лучше всего характеризует индивида, именно она и является главным статусом. Однако сегодня это происходит далеко не всегда. С одной стороны, этническая принадлежность выступает в качестве прирожденного статуса, который устанавливается по этнической принадлежности родителей или родному языку. Поскольку индивид не имеет контроля над этим, такой статус становится приписываемым. С другой стороны, она может рассматриваться как достигаемый статус, особенно там, где имеет место культурный и языковой миксинг. Индивид реализует свою свободу выбора, получая этнический статус по собственному желанию или под давлением обстоятельств.

Попытаемся разобраться в этнической идентичности как прирожденном статусе. Самоидентичность личности возникает в ходе и на основе ее взаимодействия с социальной средой (коллективом, группой), где социальный опыт не только усваивается

личностью, но и определенным образом интерпретируется (интернализируется). Через процесс интернализации происходит формирование индивидуального социального опыта, а, следовательно, и совокупности социально-психологических качеств личности. В процессе же экстернализации индивидуальный социальный опыт проявляется в конкретных действиях и поступках, в деятельности вообще. То есть имеет место диалектический процесс интернализации – экстернализации, при этом значимость этих процессов варьируется в зависимости от этапа социализации и от стадии развития социальности.

В процессе первичной социализации индивида, когда индивид усваивает социально-обусловленные ценности, убеждения и установки, воспринимая их некритически, как нечто само собой разумеющееся, становление социально-психологических качеств личности в значительной степени предопределяется характером социализирующего воздействия, оказываемого на нее агентами и институтами первичной социализации. В частности, своеобразной «социализирующей силой», которая некритически усваивается индивидом, выступает родной язык, который дает «предпонимание». Иными словами, формирование индивидуальной идентичности напрямую связано с языком, а через него – с культурой этноса. Данная форма интернализации подразумевает приобретение индивидом культурных форм без обязательного понимания таковых. В этом смысле и этническая идентификация будет выступать как нерефлексивная, «примордиальная» – то есть первоначальная, исконная.

Однако осознание своей этничности, принадлежности к группе, возникает лишь в ситуации столкновения с другой группой, противопоставления «свои-чужие». Таким образом, здесь идет речь уже об идентичности социальной. Под идентичностью социальной (или коллективной, групповой), понимают совокупность идей, убеждений или поведенческих практик, присущих конкретной социальной группе/коллективу. Не случайно представители примордиализма определяют этнос как устойчивую, исторически сложившуюся группу людей, говорящих на одном языке и признающих свое единое происхождение. Помимо этого, она обладает комплексом обычаев, укладом жизни, своеобразным стереотипом поведения, который хранится и освещается традицией и противопоставляет себя всем другим аналогичным коллективам.

Концепция примордиалистов с ее пониманием этнической идентичности объясняет существование этноса в традиционном обществе, где, несмотря на пограничное столкновение/взаимодействие этносов, преобладала своего рода «этническая замкнутость». Конечно, прецеденты создания надэтнических общностей были и в эту эпоху – взять, например, религиозную общность христиан, ведь, как известно, в священных текстах провозглашалась максима, что для христианина «нет ни эллина, ни иудея».

Посттрадиционное, индустриальное общество, возникшее на базе промышленного производства, в рекордно короткие сроки сломало существовавшие до этого традиции, привело в движение большие группы людей, чем стимулировало развитие средств передвижения, усилило процессы межэтнической коммуникации и сближения этносов. В то же время, процессы индустриализации и урбанизации привели к тому, что этносы начали утрачивать естественно-природные условия своего проживания, то есть свою пресловутую «примордиальность». Не менее существенным является и то, что эпоха индустриализма – это эпоха кристаллизации «национальных государств», инициирующая «дискурс о нации». Этот дискурс был начат философами, историками, писателями, и отвечал на определенный социальный заказ – заказ инструментального созидания этнической (или надэтнической) общности. Вспомним, к примеру, знаменитые

«Речи к немецкой нации» И. Г. Фихте. Именно Фихте осознал, что действительное национальное самоопределение народа – национальная идентичность – осуществимо только посредством его образования и воспитания, когда народу, объединенному в государство, «прививается» определенная система идей, способствующая его интеграции, во многом – за счет единого, «национального» языка. Созидание национальной истории, национальной литературы, национального искусства мы можем проследить на примере российской истории XIX века. Иными словами, этничность становится «достигаемым» статусом.

В этом отношении оправдана позиция т. н. «инструменталистов», которые считают, что этнические мифы создаются элитой общества и используются ею для достижения интеграции людей и легитимации собственной власти. В отличие от примордиалистского подхода, инструменталистский ориентирован не на поиски оснований этничности, а на выявление тех функций, которые выполняются общностью и этносами. Иными словами, существование этнических идентичностей оправданно, так как оно функционально. Соответственно, на этом этапе развития общества этническая идентичность формируется опосредованно, и значительную роль в этом процессе начинает играть стадия вторичной социализации индивида, так как роль и значимость первичной – бессознательно-докритической стадии – снижается. Механизмом процесса вторичной социализации становится так называемая «критическая» форма интернализации, которая позволяет индивиду определенным образом оценивать, основываясь на собственном жизненном опыте, предлагаемую ему обществом когнитивную и социальную стимуляцию [Подробнее об этом см.: 3]. Именно поэтому возрастает значимость институтов власти и образования в формировании и пропаганде этнической или, скорее, надэтнической общности (поскольку индустриальные общества принципиально полиэтничны). Идеологические скрепы позволяют консолидировать граждан в условиях территориального оформления национальных государств, способствуя становлению у каждого члена общества осознания своей национальной, гражданской принадлежности.

Успешность подобного рода усилий демонстрирует и опыт создания в Советской России единой надэтнической общности – «советского народа» (опустим подробности о том, что она была результатом деэтнизации русского населения), и, в особенности, американской нации. Надо, впрочем, отметить, что в советское время признавалось право индивида на этническую идентичность. В качестве объективной характеристики она фиксировалась в паспортах, личных делах и прочих документах как «национальность».

Современное – постиндустриальное – общество инициирует конструктивистский дискурс об идентичности. Сбываются философские пророчества В. С. Соловьева о том, что человечество преодолеет родовую и национальную стадии своего развития и вступит во вселенскую стадию. Действительно сегодня наблюдается как постепенно идущий процесс стирания национальных границ (создание Европейского союза), так и стремительно развивающийся процесс межэтнического и межрасового взаимодействия, приводящий к смешению примордиальных этносов и рас. Тем не менее, о каком бы обществе мы не говорили, процесс становления личности предполагает формирование «самости», которая базируется на личной идентификации. Поэтому в ситуации размытости языковых и культурных границ актуализируется конструктивистский дискурс об этничности, имеющий черты сходства с инструменталистским подходом.

Согласно конструктивистскому подходу, этническое чувство и формируемые в его контексте представления и доктрины представляют собой интеллектуальный конструкт,

сознательно создаваемый писателями, учеными, политиками. Этничность в таком понимании – это процесс социального конструирования воображаемых общностей, основанный на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями, единым типом культуры и идеей или мифом об общности происхождения и общей истории.

Конструктивистами подчеркивается значение субъективного психологического аспекта рассмотрения проблемы: коллективного сознания, мифологии, воображения, а не связь с территорией и историческими процессами в качестве объективной данности, как это было в прежних теориях. Этническая идентичность становится субъективным выбором самого индивида, приписыванием, причислением себя к некоему целому.

На наш взгляд, на сегодняшний день представляется перспективной концепция надэтнической идентичности, которая развивается в трудах таких исследователей, как В. А. Авксентьев и М. Е. Попов [подробнее об этом см.: 1; 4]. Сущность надэтнической идентичности заключается в присутствии, с одной стороны, общегражданской культуры и ценностей, консолидирующих социум; с другой стороны – этничности, то есть этнической идентичности, благодаря которой происходит квалификация того или иного человека как представителя этнической культуры и традиций. Это особенно актуально дл современной России.

М. Е. Попов считает, что своего рода «ностальгия» по коллективному прошлому порождает в сознании россиян стремление к коллективистской надэтнической идентичности и тяготение к советскому прошлому. На наш взгляд, именно коллективистское самосознание советских людей являлось базой советской социокультурной системы. «Социалистические нормы поведения» существовали не только на бумаге: они осваивались советским человеком через институты вторичной социализации, через элементы советской культуры и коммунистической идеологии. Современному российскому обществу не хватает консолидирующей идеи, в основу которой и может быть положен концепт надэтнической идентичности.

При этом российская надэтническая идентичность должна поддерживать идею этнокультурного многообразия России через развитие не только общегражданской культуры, но и поликультурности, так как только в многообразии этнических и религиозных традиций, социального и культурного опыта, мировоззрений заключена конструктивная сила российского общества. Необходимость формирования надэтнической общегражданской идентичности в современной России актуализируется тем, что процесс модернизации российского общества может осуществляться более эффективно, если общество будет учитывать характерные для российской полиэтничной культуры процессы и тенденции, советский социокультурный опыт.

Важно и то, что надэтническая идентичность в современной России может сформироваться на тех аутентичных основах, которые сложились в ходе совместного исторического развития населяющих ее народов. При этом не надо забывать о том, что надэтническая общность – это не только понятие, но и феномен. Реальные условия и предпосылки для консолидации единой надэтнической общности россиян содержатся уже в многовековой истории совместного проживания российских этносов.

Список использованных источников

1. Авксентьев В. А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. 268 с

2. Виноградeнко Г. Г. Понятие идентичности: интерпретационный анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 18. С.104–107.
3. Виноградeнко Г. Г., Фролова И. В. Социализация, интернализация, идентичность: диалектика взаимосвязи // Вестник Башкирского университета. – 2011. № 4. – С.1389–1391.
4. Попов М. Е. Надэтническая идентичность: опыт формирования гражданского общества и российская полиэтничная специфика // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. – М.: Российская ассоциация политической науки; РОССПЭН, 2008. С. 82–93.

СОВРЕМЕННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ: НОВЫЕ РЕАЛИИ, УГРОЗЫ И ПРОБЛЕМЫ

NATIONALISM AS AN IDEOLOGICAL AND SOCIO-POLITICAL PHENOMENON OF MODERNITY

Ю. Н. Дорожкин (ГБОУ ВПО «БАГСУ», г. Уфа, Россия)
Yu. N. Dorozhkin (Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена факторам активизации национализма в мире, его внешним и внутренним угрозам, методам адекватного реагирования на них в современной России.*

Abstract.*The article is devoted to activating factors of nationalism in the world, its external and internal threats, and appropriate measures of reaction to them in modern Russia*

Ключевые слова: *национализм, идеологические и социально-политические угрозы сорвеменного национализма, национализм и современная Россия.*

Key words: *nationalism, ideological and socio-political threat of the modern nationalism, nationalism and modern Russia.*

Национализм – весьма заметный турбулентный фактор современных мировых и внутригосударственных идеологических и политических процессов, рождающий существенный конфликтогенный потенциал. Под национализмом понимается в данном случае как самосознание этноса, нации, нации-государства, их идентичность, идеология, так и политическая практика, политические движения самого разного толка.

Национализм в любой своей форме зиждется на идее общности: он говорит людям, кто они такие, дает им историю, укрепляет социальные связи и дух нации, порождает, наконец, идею исторической судьбы, выходящую далеко за пределы вопросов о смысле бытия отдельного человека. [4, с. 149]. И хотя для появления нации и национализма необходимы предпосылки правового, политического и экономического порядка, тем не менее, этническая идентичность, этнические чувства являются культурной почвой и идейным источником национализма как идеологии и политической практики. [1, p. 32]. Отсюда и перманентная политическая обостренность проблематики национализма. Ибо последний – это, с одной стороны, принцип, который заложил основы современного устройства мира по национальному признаку, с другой – это принцип, тре-

бующий пересмотра существующих границ сложившихся национальных государств. [2, с. 230–234].

Сегодняшняя активизация национализма происходит вследствие нижеследующих трансформаций, составляющих реалии и специфику современного национализма, факторы и силу его влияния:

1. Кризис классических идеологий (либерализм, консерватизм, коммунизм и т. д.), что создает благоприятные условия для их замещения идеями национализма, их популярности и распространения;

2. Экономическая и культурная глобализация и ее противоречивость, порождающие внешние вызовы нациям-государствам, их национальной экономике и культуре, социальному благополучию, национальному самосознанию и идентичности, вызывающие националистические настроения как некую психоэмоциональную оппозицию;

3. Однополярный мир, монополия США в мировом политическом пространстве, которые обострили политическую чувствительность всех остальных наций-государств мирового сообщества;

4. Радикальные процессы посткоммунистических трансформаций приведшие к утрате прежней и поиску новой национальной идентичности, стремительно поднявшие спрос на националистические проекты;

5. Обострения во многих полиэтничных странах, включая Россию, в условиях политического транзита обостряется противоречие между потребностями формирования общегражданской нации и интересами развития национальной идентичности многочисленных этносов, проживающих на территории единого государства;

6. Возвышение роли религии и прежде всего ислама в мировой политике и национальной общественной жизни, часто обусловленной этнонациональными факторами развития, смыкание религиозного фанатизма и радикального (экстремистского) национализма, резкое возрастание роли и возможностей мобилизационной функции СМИ в консолидации этнонациональных сил.

В связи с активизацией национализма обостряется сегодня конфликтогенность в мировом и национальных сообществах, появляются новые угрозы и проблемы, требующие научного осмысления.

Прежде всего речь идет о внешних угрозах существованию национальных государств, которые могут принимать различные формы. Так, объективная потребность в возрастании роли наднациональных и международных органов, отвечающих за сохранение мира в условиях колоссального прогресса в области вооружений, особенно ядерных и необходимости контролирования их распространения и использования, оборачивается угрозой для наций-государств в части нарушения их суверенитета, вмешательства во внутренние дела и т. д. Об этом свидетельствуют бомбардировки странами НАТО Югославии, вторжение США в Ирак, трагические события в Ливии.

В свою очередь глобализация, развитие мирохозяйственных связей существенно затрудняет регулирование национальными правительствами собственной экономики. Все это естественно не может не вызывать обостренной озабоченности наций-государств о защите своих стратегических политических и экономических интересов, порождающих особые претензии к наднациональным органам и отдельным государствам и националистические настроения внутри самих наций-государств.

Еще одна проблема в этой области – угроза окружающей среде и глобальному экологическому равновесию со стороны института нации-государства. Решая свои

национальные проблемы, государство зачастую не просчитывает экологических последствий своих действий не только для своего народа, но и для всего мирового сообщества. Об этом, в частности, свидетельствует Чернобыльская ядерная катастрофа.

Серьезная проблема для национальных государств – разрушение единой национальной культуры и общих традиций вследствие глобализации культурного пространства. Речь идет о мировом распространении американского кино, китайской и японской кухне, о широком развитии Интернета и международного туризма.

Внутренние угрозы целостности нации – государства проявляются в первую очередь в форме подрыва института федерализма и распада этнофедераций.

В свое время национализм открыл эру национального строительства и разрушения многонациональных империй. На современном этапе также любой этнос, прошедший этап индустриальной модернизации и сформировавший в ходе нее слой этнической элиты (интеллектуальной, культурной, политической), способной создать национальные символы, стремится утвердить свою суверенную национальную государственность.

Так, в постсоветской России процесс формирования новой «российской нации» шел параллельно с «возрождением весьма «старых наций», то есть татарской, башкирской, якутской и многих других». [3, с. 336]. По существу, рост русского национализма в среде русских в России был во многом детерминирован ростом этнического национализма нерусских этносов в России и явился ответом на стремительный рост этносепаратизма. В данном случае сработала известная крылатая фраза о том, что «национализм порождает национализм».

Сепаратный национализм на волне роста национального самосознания во многом способствовал распаду СССР, Югославии, Чехословакии, он является чувствительным фактором развития сегодня практически всех этнофедераций.

Фундаментальная угроза со стороны национализма существует в нынешнем противостоянии национализма и мультикультурализма в национальных государствах вследствие миграции, образования этнорелигиозных анклавов, нежелании мигрантов интегрироваться в чужую среду обитания. Миграционные потоки способны подорвать национальную культуру и этническую идентичность, тем самым становясь в обществе источником взаимных претензий, вражды, постоянной конфликтности, насилия и беспорядка.

Здесь мы имеем дело, по сути, с двумя формами «защитного» национализма. Одна из них – стремление этносов – иммигрантов отстоять свои интересы в части языка, культуры, религии на территории страны, их принявшей. Другая форма представлена стремлением коренных граждан страны защитить свои интересы перед напором иммигрантов, которые не хотят интегрироваться, изучать чужой язык и культуру, жить по законам новой Родины.

Как показывает мировая и отечественная практика, национализм в его крайних формах может породить экстремизм и терроризм. Радикальный национализм склонен провоцировать национальную нетерпимость и фанатизм, ибо опирается на узкое понимание нации – этнически однородного сообщества, чего-то вроде большой семьи. Отсюда появляются «свои» и «чужие», поощрение и оправдание расизма и ксенофобии, происходит раскол общества, его раздел по национальному признаку, вытеснение «инородцев», этно- и религиозные конфликты.

Так, наиболее опасной тенденцией в России стало возросшее число убийств на почве этнической и религиозной ненависти, а также рост числа и агрессивности националистических праворадикальных движений и организаций под лозунгами «Понаехали тут» и «Россия для русских». В этом смысле Россия идет в русле развития европейских стран, где есть Национальная партия Британии, Народный фронт Ле Пена во Франции и ряд других организаций ультранационалистического толка.

Если иметь в виду пути, формы и методы адекватного реагирования России на угрозы современного национализма, их профилактику, преодоление или, по меньшей мере, минимизацию, то не претендуя на полноту и исчерпанность, можно было бы предложить следующее:

– внести России свой вклад в создание нового современного миропорядка и эффективных наднациональных механизмов его регулирования с учетом интересов наций – государств;

– использование позитивного ресурса общероссийского национализма как консолидирующей идеологии формирования единой гражданской нации в России, российского патриотизма, модернизации страны;

– существенная концептуальная трансформация государственной национальной политики федеральной и региональной власти; обеспечение совместимости российской гражданской и этнической идентичности народов России;

– разработка и реализация модели федеративного устройства России, адаптированной к современному этапу развития страны;

– формирование эффективной и адекватной миграционной политики с учетом необходимости мультикультурных процессов, диалога этнокультур и их интеграции в общенациональную российскую культуру;

– формировать гомогенную гражданскую нацию в России на основе консолидирующих ценностей – единого правового пространства, единого образования, общероссийской культуры как высших достижений всех народов страны, примата культуры над религией при активном взаимодействии всех институтов гражданского общества.

Национализму надо не противостоять – это запоздалая реакции. Надо предвидеть новые угрозы, порождающие националистические настроения и действия, анализировать их и предлагать опережающую политику, решая те реальные проблемы, на которых спекулируют и которые эксплуатируют радикалы и экстремисты националистического толка.

Список использованных источников

1. Smith A. D. Ethnik origius of Nations. – Oxford: Wiley-Blackwell, 1986. – 336 p.
2. Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ.: Бердиновой Т. В., Тюнькиной М. К.; Ред. Крупник И. И. - М.: Прогресс, 1991. – 319 с.
3. Сидорина Т. Ю. , Полянников Т. Л. Национализм: теории и политическая история: учеб. Пособие для вузов. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. – 356 с.
4. Хейвуд Э. Политология / Пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Вельского – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005 г., – 544 с.

ЭТНИЧЕСКИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИК СССР: ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА

ETHNIC DISCRIMINATION IN PERSONNEL POLICIES OF THE BALTIC REPUBLICS OF THE USSR: A FACTOR OF POLITICAL RISK

Р. Ф. Латыпов (ГБОУ ВПО «БАГСУ», г. Уфа, Россия)
R. F. Latypov (Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia)

Аннотация. *Согласно концепции статьи, государственная кадровая политика выполняет функцию стабилизации взаимодействия центра и регионов.*

На материале рассекреченных партийных архивов показано, что в результате либерализации политической системы после XX съезда в партийном аппарате прибалтийских республик СССР стали распространяться практики дискриминации кадров по этническому и языковому признакам. Это стало одной из предпосылок центробежных тенденций периода перестройки.

Annotation. *According to the concept of article state personnel policy serves as a stabilizing interaction between the center and the regions.*

On the material declassified Party archives show that as a result of the liberalization of the political system after the XX Congress of the party apparatus in the Baltic republics of the USSR began to spread the practice of discrimination training on ethnic and linguistic grounds. This was one of the prerequisites of the centrifugal tendencies of the perestroika period.

Ключевые слова: *кадровая политика, номенклатура, политические риски, кадровые дискриминации, кадровая безопасность.*

Keywords: *personnel policy, nomenclature, political risks, human discrimination, personnel security.*

Распад СССР, оцененный Президентом Российской Федерации В. В. Путиным как «крупнейшая геополитическая катастрофа XX века», был вызван целым комплексом взаимосвязанных факторов и предпосылок. Причем так называемая «экономическая версия», связанная с неспособностью плановой экономики обеспечить потребности развития страны, давно отвергнута как несостоятельная. Объективным, наблюдаемым фактором распада стало очевидно неконвенциональное поведение политических элит СССР, как союзного центра, так и национальных республик в его составе. В частности, последние не только не противодействовали, но и фактически возглавили так называемый «парад суверенитетов» разрушивший Советский Союз. Последствием подобного безответственного поведения стали серии кровавых межнациональных конфликтов, архаизация всех социальных институтов, разрушение современной инфраструктуры жизнеобеспечения и катастрофическое падение качества жизни населения. Анализ структуры общества современных государств Средней Азии и Закавказья показывает, что самый наибольший ущерб «парад суверенитетов» нанес коренным народам национальных окраин, во имя и от имени которых он якобы осуществлялся. Поэтому научный анализ причин сформировавших такой политический сценарий является весьма актуальным для построения теории управления многонациональным государством.

Сегодня в России не утихают споры о том: «Был ли СССР федеративным или унитарным государством»? Объективный научный анализ показывает, что СССР являлся государством, которое одновременно несло в себе признаки унитарного, федеративного и даже конфедеративного устройства. В условиях классической модели федеративного государства, субъект федерации не имеет права на выход из ее состава даже по результатам всенародного референдума жителей данного региона. В Конституции СССР провозглашалось право наций СССР на самоопределение «вплоть до отделения», что является признаком конфедеративного государства.

В этих условиях одним из важнейших институтов, удерживающим СССР от неминуемого распада, являлся институт партийной номенклатуры. Будучи суверенными государствами (УССР и БССР с членством в ООН, в Грузии до 80-х гг. русский язык не имел статуса государственного и т. д.), республики возглавлялись политическими элитами, интегрированными в рамках одной политической партии – КПСС [3]. Будучи членами партийной номенклатуры, представители политико-административных и хозяйственных элит были вынуждены соблюдать принципы политической лояльности («партийной дисциплины»), придерживаться конвенциональных норм поведения («моральный облик коммуниста»), поскольку как инкорпорация, так и экскорпорация в состав политико-административной элиты, а значит, и личный социальный статус всецело зависели от политической воли вышестоящих партийных органов.

Понимая эту особенность советской политической системы, И. В. Сталин создал и поддерживал жестко централизованный институт государственной кадровой политики. На протяжении всего периода режима своей личной власти И. В. Сталин увеличивал удельный вес должностей, входящих в номенклатуру Политбюро и Центрального комитета партии: «Показательно, что в первой половине 1950-х гг. на Политбюро утверждалось больше или столько же кандидатур на номенклатурные должности, сколько в последующие годы вплоть до краха КПСС приходилось на всю региональную номенклатуру ЦК» [5; 29].

Десятилетия после смерти Сталина проходили под знаком роста влияния региональных комитетов на кадры номенклатуры, в первую очередь, за счет должностей, прежде бывших номенклатурой ЦК. Так, «в полное ведение региональных комитетов отошли почти все должности секретарей горкомов и райкомов партии, председателей исполкомов городских Советов областных центров, заведующих кафедрами общественных наук в вузах (входившие в 1950-х гг. в основную номенклатуру ЦК)» [3; 40]. После выведения районного уровня из номенклатуры ЦК ее структура все больше напоминала феодальную пирамиду власти и отношений, включая передачу права номенклатурного контроля за районным уровнем власти областному звену. Эти реформы оказались катализатором усиления регионализации кадровых процессов.

Рассмотрим данный тренд советской кадровой политики на примере Латвийской СССР в период с 1953 по 1960 гг. Необходимо отметить, что сразу же после смерти И. В. Сталина, претендент № 1 на высшую власть в государстве Л. Берия выступил с целым рядом либеральных инициатив. Одним из таких важных начинаний было повышение роли национальных кадров в республиках с тем, чтобы не русские ставленники, а местные кадры решали все. Это особо проявилось в специальных инициативах Берии в Литве, Латвии, Белоруссии и на Западной Украине.

Однако данная уступка региональным элитам стала детонатором весьма опасных политических процессов. В некоторых национальных республиках и прежде всего – Прибалтийских – стали распространятся практики этнических дискриминаций граждан, не принадлежащих к титульному этносу, что стало прообразом современной кадровой

политики суверенной Литвы, Латвии, и Эстонии, когда более 40% населения лишены гражданства и соответственно права занимать должности государственной службы. В частности, как следует из недавно рассекреченных документов партийных архивов, в конце 50-х годов кадровая политика ЦК КП Латвийской ССР стала предметом разбирательства особой комиссии ЦК КПСС.

Результаты работы комиссии вскрыли, что «нередко при выдвижении и расстановке кадров, прежде всего, принимаются во внимание не деловые и политические качества, а национальная принадлежность. Под предлогом выдвижения работников, знающих латышский и русский языки, проводится определенная линия на замену кадров нелатышской национальности латышами. При этом не учитывается, что в республике, кроме латышей, насчитывается 38% русских, украинцев, белорусов и лиц других национальностей» [1; 224].

Как отмечалось в записке, «интересы дела, как известно, требуют, чтобы кадры, работающие в национальных республиках, изучали язык коренного населения». Однако ЦК и Рижский горком КП Латвии стали на путь категорических требований по вопросу обязательности изучения языков. После XX съезда партии, в декабре 1956 г., обсудив вопрос «О недостатках в проведении ленинской национальной политики в республике» бюро ЦК приняло решение, в котором предложило всем работникам нелатышской национальности партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных органов в двухлетний срок изучить латышский язык.

В качестве санкции за саботаж данного решения предлагалось поставить вопрос «о дальнейшем использовании на работе». При обсуждении этого вопроса на бюро ЦК, председатель Совета министров Латвии Э. Берклавс заявил о том, что «Надо об этом предупредить товарищей, чтобы не было обиды через два года, когда перед ними поставят вопрос, чтобы уходили с работы. Если за два года латышский язык не изучат, пусть тогда обижаются сами на себя» [1; 224]. Секретарь Рижского горкома партии Страуюмс, например, в разговоре с секретарями райкомов партии заявлял, что «если подобранный работник не сумеет с ним объясниться на латышском языке, то такого человека не следует присылать к нему на беседу, горком не будет его утверждать» [1; 225].

В результате латыши и представители иных этносов проживавших в Латвии были поставлены в очевидно неравные условия. Большинство урбанизированных латышей владело какой-то степени русским языком, тог да как кадрам и иным национальностям предстояло изучить латышский язык «с нуля».

Однако, кадровые чистки по национальному признаку были инициированы латвийскими элитами, не дожидаясь истечения ими же поставленного срока двухлетнего ультиматума. В ходе мероприятий «по упрощению структуры и сокращению государственного аппарата» были освобождены от должности заместитель министра связи Латвии Наумов, зам. министра автотранспорта Афанасьев, а также заместители руководителей ряда других ключевых министерств: Козловский, Лазарев, Беляев, Смирнов, начальник главного аптечного управления Туманов и заместитель сельхозотделом ЦК КП Латвии Рубен, секретари сельских райкомов партии Пасечник, Пидоренко, Рыбальченко, Цунаев, Добрыженков, Безруков, Браславец, а также группа председателей райисполкомов и директоров совхозов. При этом на высвободившиеся должности были рекрутированы работники, не обладавшие достаточным уровнем квалификации и необходимыми компетенциями, но зато блестяще владевшие латышским языком. Эдуард Берклавс публично прокомментировал этот тренд на партсобрании в латвийском Гос-

университете следующим образом: «Пусть нелатышские товарищи не обижаются. Спасибо, что помогли вырастить кадры, а теперь им придется уступить место» [1; 231].

Характерной закономерностью, который выявил «административный кризис» в Латвийской ССР стал тот факт, что в ходе этнических чисток в кадровой сфере объектом дискриминации, помимо нелатышского населения, стали также этнические латыши, придерживающихся системы не национальных, а общегражданских ценностей. Как отмечалось в докладной записке, в ЦК КПСС поступило много жалоб от государственных служащих – латышей репатриировавшихся в Латвию после победы в Великой Отечественной войне. В обращениях раскрывались многочисленные факты служебной аннигиляции: «Часть из приехавших в республику товарищей высказывает обиду за неправильное к ним отношение со стороны местных работников, заявляя, что приезжих товарищей рассматривают как неполноценных латышей, не знающих в должной степени культуру и быт настоящих латышей» [1; 225–226]. Например, в таком положении оказались секретари ЦК Пельше, Миглиник, председатель Госплана Чулит, председатель совнархоза Гайле, а также министр торговли Янсон.

Позднее, в ходе «парада суверенитетов», этот «латвийский феномен» в полной мере проявит себя в новых государствах Средней Азии и Закавказья, где кадровым дискриминациям будут подвергнуты не только представители некоренных народов, но и граждане из числа «титульного» этноса, которые не разделяли официальной националистической идеологии и даже просто вели урбанизированный, светский образ жизни.

Помимо ущемления общегражданских прав нелатышской части граждан СССР подобная «национальная специфика» латвийской кадровой политики имела следствием резкое падение эффективности латвийской экономики и народного хозяйства республики в целом. Как следует из документов ЦК КПСС: «Некоторые руководящие работники партийных и советских органов республики слишком увлекаются национальным вопросом, искусственно раздувают его, много затрачивают на это сил и времени и упускают крупные вопросы, связанные с улучшением руководства народным хозяйством». [1; 231] В частности, Э.Берклавс торпедировал программу развития тяжелой промышленности на территории латвийской республики, мотивировав это тем, что за последние годы население республики увеличилось за счет приезжих на 450 тысяч человек, а строительство и расширение заводов потребует дальнейшего завоза рабочей силы извне. По этим мотивам ЦК КП Латвии отклонило идею строительства завода по производству кондиционеров, расширению вагоностроительного и дизельного производств.

В период первых лет государственной независимости Латвии в постсоветский период процесс банкротства таких брендовых латвийских предприятий как ВЭФ, РАФ и ряда других, которые вполне могли вписаться в рыночную экономику, почти официально обосновывался тем, что большинство работников данных компаний не являются этническими латышами. Следовательно, ликвидация данных производств, трактовалась как удар по «оккупантам», а не по экономике Латвии.

Как показала практика, такая близорукая политика прорвавшейся во власть националистически настроенной интеллигенции ударила бумерангом по самому латышскому народу, во имя которого она якобы проводилась. Сегодня Латвия представляет собой деиндустриализированную, но отнюдь не постиндустриализированную отсталую окраину Евросоюза. Примерно половина бюджета данного независимого государственного образования составляют пошлины за российский транзит, другая половина – дотации Евросоюза на содержание аппарата управления и силовых структур. Значительная часть мужского населения является «трудовыми мигрантами», работающими на низко-

оплачиваемых и грязных работах в богатых странах Евросоюза от Австрии до Ирландии, вдали от своих семей. Европарламент же неоднократно поднимает вопрос о строительстве на территории Латвии особых лагерей для депортации мигрантов Африки и Магриба из тех стран ЕС, где их численность особенно высока, например, из Франции. Вполне очевидно, что демократическое законодательство Евросоюза и принципы толерантности не позволят латвийским элитам уклониться от исполнения данного решения, если оно будет принято.

В 1959 г. санкции по пресечению кадровых дискриминаций в Латвии были достаточно мягкими. ЦК КП Латвии направил в ЦК КПСС докладную записку, где указанные перегибы полностью признавались, а в качестве исправительных мер предлагалось нескольких партийных функционеров «отозвать из Латвийской республики для работы в других республиках нашей страны» [2; 234]. В том числе на руководящую партийную работу во Владимирскую область РСФСР был переведен главный фигурант обвинения Э. Берклавс.

После смещения Н. С. Хрущева с поста Генерального секретаря ЦК КПСС Э. Берклавс направил в ЦК КПСС записку с просьбой санкционировать его возвращение в Латвию. Интересен тот факт, что в качестве обоснования своей политической позиции он использовал схожую аргументацию с самопровозглашенным главой фрондирующей Чечни А. Масхадовым, ссылавшегося на интервью Б. Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». В аргументации Э. Берклавса в роли Ельцина выступил Берия, а интервью заменило решение Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1953 года, в котором сам Союзный центр обязал «покончить с извращениями советской национальной политики, отменить практику выдвижения на ответственные работы людей не из латышской национальности; освободить от занимаемых должностей работников, не знающих латышский язык и направить их в распоряжение ЦК КПСС. Ведь именно тогда, когда была прямая директива сверху, более искренно, чем когда-либо проявились истинные желания людей по этим вопросам» [4] – отмечал в своей записке на имя секретаря ЦК КПСС В. Н. Титова Э. Берклавс.

Параллельно автор записки попытался скомпрометировать бывшую партийную верхушку компартии Латвии, «доведя до сведения» ЦК КПСС, что «тогдашние руководители ЦК КП Латвии и прежде всего тов. Калнберзин и Пельше призывали все «латышизировать» в республике и остро критиковали секретарей Рижского горкома, в том числе и меня, за непринятие им желательных мер в этом направлении» [4].

В своем ходатайстве экс-ПредСовмина Латышской СССР также указал Москве на недостатки в кадровой политике в соседней прибалтийской республике: «говорят, в Литве есть целые польские районы, где живут поляки, но у руководства только литовцы, русских никуда не выдвигают, только милиционерами. В милицию выдвигают русских, когда арестовывать, надо русских тянуть, мол, видите, русские делают. Я это говорю для большей активности, что у т. Снечкуса не лучше дело, чем у латышей» [4]. То есть по заверениям Э. Берклавса в Латвии не происходило ничего такого выходящего за рамки общепринятых кадровых практик национальных республик. В конце своего ходатайства высокопоставленный партийный функционер напомнил о своем довоенном партийном стаже и поклялся в верности идеям коммунизма и пролетарского интернационализма.

В конце 80-х гг. XX в. Эдуард Берклавс вернулся в большую политику, где пережил второе политическое рождение. Он стал одним из руководителей Народного фронта, депутатом Верховного совета, а затем и Сейма Латвии. Его называют патриархом национализма

и отцом-основателем одной из наиболее радикальных националистических и антикоммунистических партий «Движение за национальную независимость Латвии».

Политологический анализ ситуации административного кризиса в Латвии и материалов работы комиссии ЦК КПСС по его разрешению позволяют сделать ряд выводов имеющих большое значение для формирования внутренней и кадровой политики современного демократического многонационального государства.

Первый вывод, заключается в недопустимости рассмотрения национальной политики в качестве инструмента борьбы за государственную власть. Использование национального вопроса в качестве разменной карты в политической игре на уровне Союзного или Федерального центра Л. Берией или Б. Ельциным всегда приводило к активизации целого комплекса опаснейших политических процессов, среди которых: центробежные тенденции, ухудшение межэтнических отношений, возникновение конфликтов на национальной почве.

Второй вывод состоит в повышенной осторожности в использовании этнического фактора при формировании кадровой политики государства. Необходимо строго соблюдать принцип равных прав всех граждан в доступе к государственной службе. Любые формы этнических дискриминаций должны рассматриваться как вид незаконных кадровых практик или кадровой коррупции, а лица пытающиеся заниматься этническим предпринимательством на почве разжигания межнациональной розни должны быть подвергнуты процедуре люстрации.

Третий вывод. Изучение второго государственного языка государственными служащими целесообразно поощрять, но нельзя превращать язык в инструмент кадровых дискриминаций. На наш взгляд, в России необходимо использовать опыт Канады, где государственным служащим франкоговорящего Квебека устанавливается надбавка к окладу за знание французского языка.

Список использованных источников

1. Докладная записка комиссии ЦК и КПК КПСС в Секретариат ЦК КПСС о недостатках работы с кадрами в Латвийской ССР. 8 июня 1959 г. // Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964. (Серия «документы советской истории»). – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2009.
2. Докладная записка ЦК КП Латвии в ЦК КПСС о выселении из республики группы бывших руководящих работников Латвии. 15 декабря 1960 г. Сов. Секретно. № 54 // Региональная политика Н. С.Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты 1953–1964. (Серия «документы советской истории»). М.: «Российская политическая энциклопедия», 2009.
3. Дудкина Д. В. Советская кадровая политика и местный государственный аппарат (1917-1991 гг.): Дисс. … канд. ист. наук. – Самара, 2002.
4. Тольц В. Латышское дело 1959 г. [Электронный ресурс]: официальный сайт Радио «Свобода». Режим доступа: http://archive.svoboda.org/programs/hd/2004/hd.070304.asp. Дата обращения: 10.06.2013.
5. Федоров А. В. Кадровая политика СССР на завершающем этапе индустриальной модернизации: конец 1950–1980-е гг.: Дисс. … канд. ист. наук. М, 2005.

ДИАЛЕКТИКА ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ: ЛОЖНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ РОССИИ[1]

THE DIALECTICS OF ETHNIC AND CIVIC NATION: FALSE ALTERNATIVE FOR RUSSIA

Р. Р. Вахитов (БашГУ, ИГИ РБ, г. Уфа, Россия)
R. R. Vakhitov (Bashkir State University, IHR RB)

Аннотация. *Гражданский национализм рассматривают как альтернативу этническому национализму, который представляет опасность для таких полиэтнических государств как Россия. Однако противоположность между этими национализмами – диалектическая, они связаны друг с другом и при помощи одного нельзя победить другой. Россия нуждается в другой действительно наднациональной идеологии.*

Abstract. *Civic nationalism is considered as an alternative to ethnic nationalism, which is harmful to such multi-ethnic States like Russia. However, the contrast between the two nationalisms is dialectical, they are related to each other and one cannot overcome the other. Russia needs another really supranational ideology.*

Ключевые слова: *Этнический национализм, гражданский национализм, этническая нация, гражданская нация, диалектика.*

Keywords: *Ethnic nationalism, civic nationalism, ethnic nation, civil nation, dialectics.*

Национализм в общепринятом на Западе и мало распространенном в России его понимании – это идеология, которая призвана сплотить в одно целое всех граждан, принадлежащих к определенному государству. Именно государство или согражданство и называется во всем мире нацией, что отражено, например, в названии ООН – Организация объединенных наций есть объединение государств, а не этносов. Но различные виды национализма – этнический и гражданский национализмы отличаются пониманием самого феномена нации. В согласии с первым этническим национализмом нация представляет собой сообщество людей, которые объединены общими происхождением, языком и культурой, особенностями коллективной психологии («национальным характером»). Иными словами здесь слово «нация» употребляются примерно в том же значении, что и слово «этнос», который должен иметь или уже имеет свое собственное государство. Такое государство существует для удовлетворения жизненных потребностей одного государствообразующего этноса, представители других этносов могут быть формально равноправными, но они остаются этническими меньшинствами, права которых в реальности вторичны по отношению к правам титульного народа. В ряде случаев в подобных государствах закон прямо предусматривает ограничения в правах для жителей и даже граждан нетитульной национальности.

Такого рода национальные государства были распространены в XVII–XIX веках, прежде всего в Восточной Европе и в Центральной Европе. Так, многие немецкие государства первой половины XIX (как известно, единой Германии тогда не существова-

[1] *Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ №13-13-02002 а/У «Социокультурные аспекты модернизационных процессов в Республике Башкортостан».*

ло) позиционировали себя как «германско-христианские», то есть полноправными гражданами в них являлись лишь этнические немцы, исповедующие христианство, а, к примеру, этнические евреи, исповедующие иудаизм, даже немецкоязычные и, так сказать, немецкокультурные, гражданами не считались или обладали урезанными правами: не могли быть избранными в органы государственной власти, не могли заниматься определенными профессиями, постоянно проживать определенных местах и т. д. Схожая ситуация была даже в тех государствах, которые сегодня принято противопоставлять «восточноевропейской этнонационалистической модели» как образец либерализма. Например, в США вплоть до 1875 года чернокожие американцы были лишены прав гражданства. То есть до 1875 года чернокожие не считались членами американской нации (а в южных штатах до 1960-х они не были полноправными гражданами по так называемым «законам Джимми Кроу»). Индейцы были в таком положении до 1924 года. Как видим, вплоть до конца XIX – начала XX в. в. американская нация носила если не этнический, то расовый характер.

В настоящее время этническое понимание нации и национального государства заложено в основания конституционного строя некоторых восточноевропейских государств и бывших советских республик, например, республик Балтии. Так, Литовская республика согласно Конституции является результатом реализации права на самоопределение литовского народа, который как говорится в тексте Конституции, веками решительно защищал «свою свободу и независимость» и сохранил «свой дух, родной язык, письменность и обычаи». Закон о гражданстве Литовской республики предусматривает упрощенные правила приема в гражданство Литовской Республики (без натурализации) лиц литовского происхождения, то есть лиц, имеющих одного или обоих родителей (бабушек и дедушек) – литовцев и считающих себя литовцами.

В согласии с позицией альтернативного гражданского национализма нация, напротив есть не этническое, а политическое сообщество, тот самый абстрактный и полиэтничный «народ» который является источником суверенитета по конституции любого демократического государства. На современном Западе (в Западной Европе и в США) господствует именно второе понимании нации. Когда в нынешней Франции говорят о французах, то имеются в виду вовсе не «этнические французы», а просто граждане Франции, которые по своей этнической принадлежности могут быть алжирцами, арабами или русскими (как Марина Влади, которую на самом деле зовут Марина Владимировна Полякова-Байдарова). Гражданский национализм предполагает, что члены одного и того же политического сообщества – «нации» должны быть лояльными по отношению к государству, гражданами которого они стали, знать язык, который в этом государстве признается официальным, разделять набор культурных ценностей, которые признаются в этом государстве базовыми. Но и не более того – в быту они могут сохранять свою этническую идентичность, говорить на родном языке, исповедовать свою этническую религию. При этом ни один гражданин нации не имеет преимуществ перед другими в связи со своей этнической принадлежностью. То есть этнический француз имеет столько же прав, сколько этнический алжирец, если они оба обладатели французского гражданства.

Применительно к России проект гражданского национализма означает, что все граждане России, независимо от их этнической принадлежности, составляют единую российскую нацию, подобную, скажем, американской. При этом они могут принадлежать к разным этносам и быть россиянами русского, татарского, якутского или даже вьетнамского и африканского происхождения, но их объединяет российский патрио-

тизм, русский язык как язык российского государства и «культурный минимум», составляющий базу идентичности россиянина (скажем, высокая оценка тех или иных исторических персонажей – от Александра Невского до Юрия Гагарина или событий российской истории – от крещения Руси до победы в Великой Отечественной войне).

Сторонники гражданского национализма утверждают, что такой проект в нашей стране, отличающейся крайней этнической пестротой, предпочтительнее, чем проект национального государства, рассматриваемого как результат самоопределения одной нации в этническом смысле. В России проживает около 120 народов и если каждый из них попытается создать свое национальное государство на основе идеологии этнонационализма, то мы получим гражданскую войну на 1/6 части суши. Не получится, утверждают они, и построить здесь этнонационалистическое русское государство, как желают сторонники лозунга «Россия для русских!». Хотя и этнических русских в Российской Федерации более 80%, а например, этнических чеченцев менее 1%, очевидно, что, как неоднократно замечали политологи, большая численность не всегда совпадает с высокой активностью и высоким уровнем этнической солидарности. События на российском Северном Кавказе в 1990-е годы подтвердили это: маленький чеченский народ, численность которого равна численности одного российского областного города, смог втянуть огромную Россию в долговременный военный конфликт.

Легко предположить, что если Россия превратится в национальное государство русского народа, в том же смысле, в каком Литва является государством литовского народа, как этого желают русские этнонационалисты, это вызовет ответную реакцию татарских, башкирских, якутских (не говоря уже о кавказских) этнонационалистов. Ведь по сути дела их народы в русском национальном государстве обречены будут на роль дискриминируемых этнических меньшинств. Нерусские этнонационалисты попытаются создать свои государства, где уже русские превратятся в дискриминируемое меньшинство (каковыми, кстати, они уже являются в государствах Балтиии).

Итак, на первый взгляд действительно, сторонники гражданского национализма правы: этнонационализмы – и русский, и нерусские смертельно опасны для нашей Родины – России, поэтому лучше уж национализм гражданский, где всем – и русским, и башкирам, и татарам, и якутам следует просто признать себя россиянами, полиэтническим политическим обществом, составляющим субстрат государства Российская Федерация.

Но по зрелому размышлению нетрудно понять, что альтернатива: «этнический или гражданский национализм» ложная. На самом деле они представляют собой не противоположности, а две стадии развития одного и того же феномена. Гражданский национализм имеет своим базисом национализм этнический и не может без него существовать. Возьмем такую «образцовую» гражданскую нацию как французскую. Западные теоретики национализма, в частности, Ганс Кон, любят противопоставлять французский «прогрессивный» политический национализм, который предполагает, что нацию составляют все граждане, «плохому» «нетолерантному» немецкому национализму, где народ понимается как этнос, «Volk». Но ведь и классики раннего французского национализма – философы и ученые-просветители и революционеры вовсе не считали, что французская нация – это конструкт из абстрактных граждан без этничности, лишенный исторических корней и видели во французской нации именно этническую нацию с глубокими историческими корнями – потомков галлов, а в этих, последних – наследников великой цивилизации древности – республиканского Рима. Так, историк Мабли прямо называл сообщество галло-римлян до их завоевания франками

«французской нацией» (этим ничем не отличаясь от идеологов немецкого национализма, для которых «немецким народом» была община древних германцев). Ключевая фигура французской революции аббат Сийес в простонародье видел потомков галлов и римлян, а в аристократах – потомков германцев. Широко известны его слова о том, что если аристократы – потомки завоевателей германцев, то почему бы им не отправиться обратно «во Франконские леса», оставив в покое «французскую нацию» – потомков галлов и римлян, составляющих «третье сословие». Восприятие французской нации как этнической характерно и для крупнейших французских историков XIX века. Так, Ф. Гизо писал, что более тринадцати веков Франция состояла из двух народов – франков и галлов, время не стерло различия между ними и в 1789 году галлы взяли реванш.

Итак, *первоначально французская нация осознавалась ее представителями как типичная этническая нация*, и если она и включала в свой состав представителей других народов, то родственных или живших по соседству на территории Французского королевства (бретонцев, бургундцев, провансальцев), активно их ассимилируя. Этим она ничем не отличалась от немецкой этнической нации, которая росла за счет поглощения «нациеобразующим этносом» – пруссаками многочисленных немецких народностей и даже славян. Речи о включении во французскую нацию арабов и негров не шло и не могло идти, ни в XVIII, ни в XIX, ни даже в первой половине XX века.

То же самое можно сказать и другом классическом примере «гражданского национализма» – американском национализме, мы уже писали выше, что американская нация до конца XIX века была если не этнической, то расовой.

Итак, этнический национализм предшествует гражданскому по времени. Прежде чем нации Запада стали гражданскими, они были этническими. Но дело тут не только в хронологии, но и в причинно-следственной связи. Иными словами, *западные нации стали гражданскими, потому что они были этническими*. Чтоб осознать это, нужно снова обратиться к определению гражданской нации. Таковой является сообщество людей, объединенных не единым происхождением (неважно, реальным или мифическим), а единым гражданством, принадлежностью к одному и тому же государству, а также добровольной приверженностью к системе ценностей и культуре, которая ассоциируется с этим государством. *Однако те культурные ценности нации, которые затем в эпоху гражданского национализма предлагается принять как свои этнически чуждым кандидатам на гражданство, вырабатываются в эпоху этнического национализма и принадлежат определенной этнонации. Гражданский национализм предполагает приобщение новых граждан к культуре, которая была создана представителями этнического ядра. По сути при декларировании равенства всех этнических групп в едином политическом сообществе – нации, некоторые из них молчаливо признаются стоящими выше других.*

Действительно, если уж последовательно проводить в жизнь декларируемые принципы гражданского национализма, а именно равенство всех этнических групп, независимо от того, «коренные» они или нет, то почему бы не переименовать Французскую республику в Африкано-Арабско-Фанцузскую, или почему бы не объявить наряду французским языком государственным языком этой республики арабский, а языком межэтнического общения английский? Предвидим резонный и справедливый ответ, потому что эта земля – Родина этнических французов, которые создали здесь некогда национальное французское государство, а африканцы и арабы – чужаки, приехавшие во Францию со своих исторических Родин и чтобы стать полноправными гражданами, они выучить французский язык, овладеть азами французской культуры, уважать ее тради-

ции. Но ведь это ответ совершенно вписывающийся в дискурс этнонационалистической идеологии. Получается, что *гражданская нация – это всего лишь модификация этнической нации, а гражданский национализм – модификация национализма этнического*, потому что внутри гражданской нации есть коренная этническая группа, в честь которой названа страна, язык которой объявлен государственным, культура которой является базой для государственного конституционного патриотизма, члены которой получают гражданство просто по факту рождения, и есть другие этнические группы, формально располагающие теми же правами, фактически же могущие рассчитывать лишь на то, чтоб их языки и культуры останутся языками и культурами бытового общения и их члены смогут стать полноценными гражданами лишь в результате трудного процесса натурализации.

В современных гражданских нациях этничность членов коренных этнических групп – не результат свободного выбора, как у членов других групп, а результат следования традиции, бессознательного перенятия этнических ценностей в процессе воспитания, который начинается с младенческого возраста. Араб, приехавший во Францию, может свободно и сознательно решить ассимилироваться во французском этносе, француз по происхождению, родившейся во французской семье, становится французом вовсе не по своей воле, а потому что так вышло естественным образом. И опыт показывает, что когда он вырастет, то скорее всего не станет менять свою этничность, тем более на этничность гражданина Франции арабского происхождения.

Сторонники гражданского национализма любят приводить фразу Эрнеста Ренана о том, что нация – это ежедневный плебесцит. На самом деле эта мысль глубоко ошибочная. *Если бы нация была бы действительно ежедневным плебесцитом, то значит, в любой из дней нация могла бы распасться, коль скоро ее члены – граждане не захотели бы быть вместе, обнаружили, что у них разные взгляды на историю этого сообщества и на его базовые ценности. Фактически ведь их ничто всерьез не связывает, они – свободные самодостаточные индивиды, которые сами выбирают: примыкать им к одной нации или нет.* Тот факт, что североамериканская и французская нация существуют до сих пор объясняется лишь тем, что они не являются вполне гражданскими нациями, они сохранили этническое ядро, где этничность не выбирается добровольно и сознательно, а просто транслируется из поколения в поколение, и для членов этого этнического ядра так естественно быть французом или американцем, что они даже не ставят вопрос о своей принадлежности к этим нациям, то есть не участвуют в пресловутом ежедневном плебесците. А участвует в нем мексиканец или русский, который став французом или американцем, мучается сомнением: правильно ли он поступил или может лучше прямо сегодня выйти из этого сообщества и вернуться на Родину?

Но вернемся к российским проблемам. Очевидно, что проповедь гражданского российского национализма встретит и встречает у представителей нерусских этнических групп в Росссии такой же отпор как и проповедь этнического русского национализма. Это вполне естественно: *с точки зрения интересов нерусских народов России принципиальной разницы между проектом русского этнонационализма и российского гражданского национализма нет, второй есть лишь смягченный вариант первого.* Российская гражданская нация – это та же самая русская этническая нация с нерусскими этническими меньшинствами, разница только в том, что меньшинства получают право сохранять свою этничность, то есть говорить в быту на своем языке, исповедовать свою религию, чтить свои обычаи и традиции в той мере, в которой это не противоречит государственным законам, уходящим корнями в ментальность государствообразующего

русского этноса (яркий пример – запрет на многоженство в законодательстве РФ, связанный христианскими основами русской культуры). В отличие от проекта русского этнонационализма, при этом никто не требует от этих меньшинств ассимилироваться или убираться вон. Хотя сами реалии российского гражданского общества будут подталкивать молодых «нацменов» к ассимиляции.

Реальной альтернативой этническому национализму может быть не гражданский «российский национализм», который по сути представляет собой смягченный вариант развития русского этнонационализма, а наднациональная идеология которая сплачивала бы граждан России действительно независимо от их национальной, языковой, расовой принадлежности. Некогда такой идеологией был коммунизм. Возврат к ней, видимо, уже невозможен, но можно попытаться найти другие подобные идеологемы.

Список использованных источников

1. Данн Отто. Нации и национализм в Германии 1770–1990. Перевод с немецкого И. П. Стребловой. СПб: «Наука», 2003.
2. Закон Литовской республики о гражданстве Электронный документ. Режим доступа: http://novi-put.ru/Закон-Литовской-Республики-о-гражданстве.
3. Калхун Крейг Национализм Перевод с английского А. Симрнова М.: Издательский дом «Территория будущего» 2006 – 2888 с.
4. Конституция Литовской республики. Электронный документ. Режим доступа: http://shirakcentre.org/hy/sahmanadrutyunner/273-shirak-centre
5. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. Пер. с анг. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского – М.: Праксис, 2002 – 416 с.
6. Ренан Эрнест Что такое нация? Электронный документ. Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php
7. Французская историография первой половины XIX в. Ф. Гизо, Ф. Минье Электронный документ. Режим доступа: http://www.istmira.com/istoriografiya-srednix-vekov/1975-francuzskaya-istoriografiya-pervoj-poloviny-xix-v.html
8. Kohn, H. The Idea of Nationalism: A Study of its Origins and Background / H. Kohn. – N.Y.: The Macmillan Company, 1944

РИСКИ И УГРОЗЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

RISKS AND THREATS OF SPIRITUAL SECURITY IN MODERN RUSSIA

Р. М. Мухаметзянова-Дуггал (ИЭИ УНЦ РАН, г. Уфа, Россия)
R. M. Mukhametzyanova-Duggal (R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia)

Аннотация. *В статье рассматриваются основные риски и угрозы духовной безопасности современной России: отсутствие концепции государственно-религиозных отношений, единого органа, регулирующего данные отношения, а также посттрансформационный идеологический вакуум, интенсификация распространения влияния нетрадиционных религи-*

озных организаций и культов, рост религиозного фундаментализма, распространение негативного влияния СМИ на духовную жизнь россиян.

Abstract. *The article discusses the main risks and threats of spiritual safety of modern Russia: the absence of the concept of state-religious relations, a single regulatory authority for these relations, as well as post-transformation ideological vacuum, the intensification of the spread of the influence of non-traditional religious organizations and cults, the growth of religious fundamentalism, the spread of the negative influence of the media on the spiritual life of the Russians.*

Ключевые слова*: духовная безопасность, государственно-конфессиональные отношения, риски.*

Keywords: *spiritual security, state-confessional relations risks.*

В последнее время интерес к духовным факторам существенно возрос, в первую очередь к духовной безопасности общества как составной части национальной безопасности. При этом само понятие духовной безопасности пока только формируется в отечественной научной литературе. Существует множество определений данного понятия сформулированных учеными, политиками и публицистами. Среди них обращает на себя внимание определение данное доктором политических наук П. Н. Беспаленко, содержащее в себе институциональные факторы и условия обеспечения духовной безопасности. Как полагает автор, духовная безопасность общества представляет собой его определенное качественное состояние, способствующее оптимальному хозяйственному и экономическому росту, политической стабильности, нормальному взаимообогащающему культурному обмену с Западом и Востоком [1, с. 22].

Проблема духовной безопасности тесно связана с религиозным мировоззрением, деятельностью религиозных объединений. Безопасность в этой сфере является важным приоритетом национальной безопасности наряду с военной, политической, экономической, социальной. К сожалению, на сегодняшний день политика российского государства в сфере свободы совести концептуально не оформлена и носит во многом ситуационный характер. Продолжает оставаться актуальной проблема отсутствия единого органа, координирующего деятельность различных органов власти и управления, осуществляющих связи с религиозными объединениями. Как правило, они действуют автономно друг от друга и не наделены исполнительно-распорядительными полномочиями. Фактически все органы власти на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, самостоятельно определяют, с какими религиозными объединениями и в каком объеме они взаимодействуют, выстраивая собственную политику по отношению к различным конфессиям.

Одной из главных проблем в обеспечении национальной и духовной безопасности России является рост религиозного фундаментализма. Основная опасность, связанная с религиозным фундаментализмом, кроется в присущей ему тенденции противопоставления религиозного авторитета и государственности, верующих данной конфессии и иноверцев, а также атеистов, что является фактором дезинтеграции и фрагментации общества, ослабления духовного единства нации. Следствием и продолжением фундаментализма является религиозный экстремизм, характеризующийся крайностями в интерпретации вероучения и в выборе методов практической реализации своих целей. Религиозный экстремизм направлен на подрыв основ светского государства, сложившегося социального порядка, против законов и правовых норм, регулирующих государственно-конфессиональные отношения.

Деидеологизация российского общества, являющаяся, бесспорно, элементом его либерализации, породила ряд новых угроз его духовной безопасности. Необходимо при этом подчеркнуть, что практиковавшиеся попытки властных структур заменить дискредитированную коммунистическую идеологию оздоравливающим влиянием религиозной морали оказались малоэффективными и не принесли существенных результатов. В условиях посттрансформационного идеологического вакуума интенсифицируется распространение влияния нетрадиционных религиозных организаций и культов, рискогенный потенциал которого с точки зрения духовной безопасности российского общества обусловлен применением разрушительных, глубоко вторгающихся в индивидуальную психику методов воздействия.

Деструктивный и угрожающий компонент содержит распространение влияния СМИ на духовную жизнь россиян, а также распространение вестернизированной массовой культуры, пропагандирующей индивидуалистические, потребительские модели поведения, вытесняющие традиционные для менталитета россиян стереотипы и ценности коллективизма, социального соучастия, служения общенациональным интересам и целям. Российские СМИ, как правило, не стремятся использовать свой потенциал на нужды духовно-нравственного прогресса общества. Нами был проведен содержательный, статистический и объектный анализ публикаций федеральных и региональных СМИ с точки зрения их удовлетворения духовных потребностей, реализации гражданами права на свободу совести. Так, в период с 1 января по 31 декабря 2013 г. информация в контексте «свобода совести» присутствует в 6193 публикациях общероссийских и региональных СМИ. Пики публикационной активности приходятся на июнь 2013 г. В этот период в СМИ активно обсуждался вопрос об ужесточении наказания за оскорбление чувств верующих. Обращает на себя внимание нейтральный характер публикаций о реализации гражданами права на свободе совести. При этом нейтральный характер публикаций означает их исключительно информативный характер. При этом имеется лишь небольшая доля аналитических статей. Таким образом, при удовлетворительном состоянии информированности населения и общем количестве публикаций, посвященным основным событиям в области свободы совести и удовлетворения духовных потребностей, следует отметить: небольшое количество экспертных аналитических статей по проблеме свободы совести, государственно-конфессиоональных отношений; позитивных оценок деятельности органов власти; отсутствие публикаций в районных газетах; узкую ресурсную базу распространения информации в СМИ, информагентства являются едва ли не единственным источником информации; недостаточное участие в формировании правовой культуры и т. д.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо принятие концепции государственной политики в сфере свободы совести, выработка стратегии снижения уровня угроз в духовной сфере, проведение адекватной государственной политики в сфере духовного и нравственного воспитания населения, ограничение использования возможностей СМИ в целях, обладающих социально деструктивным потенциалом.

Список использованных источников

1. Беспаленко П. Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения // Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. д-ра наук. Ростов-на-Дону. 2009.

СЕКЦИЯ 1.
РАЗВИТИЕ ЭТНОСОВ В XXI ВЕКЕ: ПРОГНОЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ПО ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕГИОНА КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв.

INFORMATION RESOURCES OF THE CENTRAL ARCHIVE OF PUBLIC ASSOCIATIONS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN ON THE HISTORY OF NATIONAL-CULTURAL ASSOCIATIONS IN THE REGION OF THE LATE 20 – EARLY 21 CENTURIES

Б. В. Бурангулов (Башкирский государственный университет, Уфа, Россия)
B.V. Burangulov (Bashkir State University, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена обзору архивных фондов по истории национально-культурных объединений одного из наиболее крупных архивов Приволжского федерального округа – Центрального архива общественных объединений Республики Башкортостан.*

Abstract. *The article is devoted to the review the archival funds on the history of national-cultural associations of one of the largest archives of Volga Federal District – Central archive of public associations of the Republic of Bashkortostan.*

Ключевые слова: *Республика Башкортостан, архив, национально-культурные объединения, Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан.*

Keywords: *Republic of Bashkortostan, archive, national-cultural associations, Central archive of public associations of the Republic of Bashkortostan.*

Башкортостан является наиболее крупной в Российской Федерации республикой по численности населения (более 4 млн.) и уникальным регионом по многообразию представленных в ней этносов, культур, языков. Сегодня здесь проживают представители более 130 национальностей. Наиболее многочисленны русские, башкиры, татары, чуваши, марийцы, мордва, удмурты. Имеется компактное проживание немцев, латышей, белорусов, казахов, украинцев. В сохранении и развитии истории, культуры, традиций и обычаев народов Башкортостана огромную работу проводят национально-культурные центры. Неоценимый вклад они внесли в дело сохранения гражданского и межнационального согласия народов проживающих на территории республики, особенно в годы перестройки социалистического устройства страны и политико-экономического кризиса конца XX и начала XXI вв. В настоящее время в республике зарегистрировано более 60 национально-культурных объединений. Они участвуют в реализации и защите политических, экономических, социальных, культурных прав и

свобод, сохранении самобытности, национальной культуры, языка, охране памятников исторического и культурного наследия народов, населяющих нашу республику. Бесценное документальное наследие региональных общественных объединений и национально-культурных центров хранятся в Центральном архиве общественных объединений Республики Башкортостан (ЦАОО РБ).

ЦАОО РБ (до 2010 г. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан) создан на базе партийного архива Башкирского республиканского комитета КП РСФСР в соответствии с Указом Президента РФ «О партийных архивах» от 24 августа 1991 г. и постановлением Совета Министров Башкирской ССР от 22 ноября 1991 г.

В 11 регионах Приволжского федерального округа (ПФО) созданы архивы на базе бывших партийных архивов советского времени. Все они имеют разные названия: Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан, Пермский государственный архив новейшей истории, Государственный архив современной истории Чувашской Республики, Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики, Государственный общественно-политический архив Нижегородской области и т. д. Только в трех субъектах округа нет таких архива: в Республиках Мордовия и Марий Эл, Пензенской области. Таким образом, в подавляющем большинстве государственной архивной службы регионов ПФО функционируют архивы общественных объединений, и они стоят на страже сохранения бесценного документального наследия современной истории республик, краев и областей России.

ЦАОО РБ с 1991 г. комплектуется архивными документами региональных отделений разных политических партий, национально культурных центров, женских объединений, детских, молодежных и ветеранских организаций, творческих союзов, профсоюзных, благотворительных, просветительских, экологических организаций, республиканских издательств, редакций республиканских газет и журналов.

Сегодня в ЦАОО РБ хранится 1 257 654 дела. По объему документов в ПФО наш республиканский архив уступает только Государственному общественно-политическому архиву Нижегородской области, где хранится 1 344 567 дел. Источниками комплектования ЦАОО РБ являются 177 организаций, что является не только в ПФО, но и по всей России самым большим показателем среди профильных архивов. Для сравнения в: Татарстанском архиве 55 объединений, Удмуртском – 73, Марий Эл – 35, Чувашском – 81, Оренбургском – 41, Пензенском – 8.

Востребованность информационных ресурсов ЦАОО РБ остается высокой. Так, за 2011-2013 гг. сотрудниками архива только по документам республиканских комитетов КПСС и ВЛКСМ было исполнено 1 122 запроса, что является абсолютным рекордом в ПФО. Например, за этот период Центральным государственным архивом историко-политической документации Республики Татарстан было исполнено 370 запросов, Государственным архивом новейшей истории Ульяновской области – 172, Центром документации новейшей истории Оренбургской области – 160 [2].

Сегодня ЦАОО РБ комплектуется документами 22 национально-культурных центров республики, из них сформированы архивные фонды по 13 центрам: Башкирский народный центр «Урал» (ф. 10054), Башкирское (Аксаковское) отделение Международного фонда славянской письменности и культуры (ф. 10256), Всемирный курултай башкир (ф. 10172), Общественная организация «Ассамблея народов Республики Башкортостан (ф. 10283), Общественная организация «Канаш (съезд) чувашей Республики Башкортостан» (ф. 10245), Общественное объединение «Лермонтовский центр» Республике Башкортостан

(ф. 10324), Общественное объединение «Русь» (ф. 10334), Общественное объединение «Собор русских Башкортостана» (ф. 10284), Общество чувашской культуры Республики Башкортостан (ф. 10265), Республиканская общественная организация дружбы и сотрудничества «Башкортостан – США» (ф. 10327), Республиканское общественное объединение «съезд татар Башкортостана» (ф. 10200), Республиканский национально-культурный центр русских Башкортостана «Вече» (ф. 10041), Союз немцев Республики Башкортостан «Видергебурт» (ф. 10119) [3. с. 289–299].

Одним из крупных фондов архива является фонд Башкирского народного центра «Урал» (БНЦ «Урал»). Данный архивный фонд включает в себя 124 единицы хранения. Особый интерес представляют Устав центра, программы, протоколы съездов, пленумов, заседаний Правления, обращения к высшим органам государственной власти СССР, РСФСР, РФ и РБ по вопросам суверенитета Башкортостана и межнациональных отношений. Особо следует подчеркнуть о печатном органе БНЦ «Урал» – газете «Замандаш», который отложился, как отдельное дело под № 92 за 1991–1992 гг. Следует отметить, что Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан газетой «Замандаш» не комплектовалась.

Историческую ценность имеют сохранившиеся сведения об отделениях БНЦ «Урал», расположенных в других странах и регионах РФ, таких как: Башкирский культурный центр «Заки Валиди» в Республике Узбекистан и «Салават» в Республике Казахстан. В фонде отложилось решение исполкома Шевченковского городского совета народных депутатов Казахской ССР № 49 от 17 января 1991 г. «О регистрации Башкирского культурного центра «Салават». Согласно Уставу «Главной целью БКЦ является активное участие в рамках законности в движении за предоставление Башкирии статуса союзной республики, содействие госорганам в организации обучения башкирскому языку, организации пропаганды истории и культуры прогрессивных обычаев башкирского народа, конкурсов, ярмарок-продаж изделий народного искусства, популяризующих историю и культуру башкирского народа; организация записи башкирской музыки, создание коллектива художественной самодеятельности, изучение национальных обрядов и кухню; установление связей с другими областями республики, где проживают башкиры в целях тесного контакта и сотрудничества» [1. Д.13. Л.38]. Во всех крупных городах Оренбургской области работали башкирские общественные центры: Башкирское культурно-просветительное общество им. М. Бурангулова; Каравансарай; «Туган тел» – Орский башкирский культурный центр; «Изге тойак» народный центр по возрождению языка и культуры тюркоязычного населения г. Новотроицка; «Йантура» в г. Гай; «Усерган» – башкирский культурно-просветительский центр г. Медногорск. В Челябинской области: «Аргужа», «Дуслык» татаро-башкирский культурный центр г. Усть-Катав; «Шонкар» в Кунашакском районе; Башкирский народный центр г. Магнитогорска. Сохранился учредительный документ Миасского башкирского центра культуры и просвещения «Ильмен-Тау», который был создан 9 августа 1990 г. Согласно 1 пункту Устава «Башкирский центр культуры и просвещения (БЦКП) «Ильмен-Тау» (далее – «центр») является добровольной общественной организацией, ставящей своей целью достижение подлинного равноправия башкир в семье народов, гармонизации межнациональных отношений путем приобщения башкир, проживающих в г. Миассе и подчиненных городу населенных пунктах к национальной культуре во всем его многообразии, к родному языку и литературе, национальным традициям, путем возрождения светской, религиозной культуры в его духовном и нравственном аспектах, национального и исторического самосознания, повышения социальной активности» [1. Д.13. Л.16].

Кроме того сохранились данные о башкирских общественно-культурных центрах Екатеринбургской, Пермской, Курганской, Магаданской областей, а также республик Татарстан, Коми, Якутии.

Деятельность БНЦ «Урал» была поддержана населением всех районов и городов республики, что подтверждают документы о деятельности районных и городских отделений центра. Сохранились архивные документы народных центров: «Юрматы», «Давлекан», «Баймак», «Акмулла» г. Белебей, «Ирандык» г. Сибай, «Тере шишмалар» г. Кумертау, «Конгак» г. Мелеуз, «Оло Эйек» Кугарчинский район, «Ай» Мечетлинский район, «Агидель» Дюртюлинский район и т. д.

В архивном фонде отложился первый Устав БНЦ «Урал», который был принят I съездом БНЦ Урал 18 декабря 1989 г. и утвержден Постановлением Совета Министров БАССР №103 от 11 мая 1990 г. В Уставе центра было указано, что «БНЦ Урал и его районные, городские, первичные организации, предприятия и кооперативы пользуются правами юридического лица и имеют печать и штамп со своим наименованием» [1. Д.1. Л.40]. Основными задачами являлись: активное участие в рамках советской законности в движении за предоставление Башкирии статуса союзной республики; вовлечение широких слоев населения в практическую общественную работу по поднятию социально-правового статуса башкирского языка путем постановки вопроса о признании его на территории республики государственным языком, а русского – языком межнационального общения; содействие государственным органам в организации обучения башкирскому языку в детских дошкольных учреждениях, в школах и вузах; организация широкой пропаганды истории и культуры, прогрессивных обычаев башкирского народа среди населения, советских и иностранных туристов путем проведения лекций, выставок, экскурсий, выпуска в установленном порядке научно-популярной литературы,, рекламных материалов, сувениров, записей башкирской музыки, а также посредством использования периодической печати, кино, радио и телевидения.

Кроме того, в учредительном документе указано о содействии детским садам, школам и другим учебным заведениям в воспитании у детей и молодежи уважительного отношения к родной земле, истории и культуре коренного ее населения и представителей других народов. Одной из задач Центра стало «установление связи с государственными, общественными, научными, хозяйственными органами РСФСР и других союзных республик, где проживают башкиры, в целях приобщения их к изучению и пропаганде своей истории и культуры».

В Уставе БНЦ «Урал» указано о «проведении активной профилактической антиалкогольной работы среди широких слоев населения, а также индивидуальной работы с лицами. Рассматривая алкоголизм как явление несовместимое с народными обычаями и традициями». Также в документе прописано «о содействии государственным органам в работе по возрождению традиционного способа ведения хозяйства (коневодство, кумысоделие, пчеловодство, народные промыслы и т. д.)». Многие задачи БНЦ «Урал» имели стратегический характер, даже после четверти века они остаются актуальными. Например, Президент Башкортостана Р. З. Хамитов в самом начале своего руководства регионом объявил о необходимости продвижения башкирских брендов «Башкирская пчела», «Башкирский мед», «Башкирская лошадь», «Башкирский кумыс». На наш взгляд, при решении таких задач необходима совместная работа органов государственных и муниципальных властей и общества что, несомненно, приведет к высокой консолидации населения сельской местности в деле производства кумыса и меда. Без широкой общественной и разъяснительной работы невозможно решать такие вопросы.

В документах БНЦ «Урал» прослеживается последовательное объяснение населению республики, и ставятся конкретные просьбы руководству как федеральных, так и республиканских властей об острых экономических, социальных, экологических, демографических, культурно-языковых проблемах республики. Основные усилия БНЦ «Урал» были направлены на экономико-культурное, демографическое и языковое развитие башкирского народа. При этом население республики понимало, что Башкортостан является единственным местом в земном шаре, где башкиры как автохтонный народ могут сохранить и развить свой язык, культуру, традиции, обычаи и т. д. Здесь необходимо подчеркнуть, что национально-культурные центры инициировали введение в программу обучения в школах новой дисциплины историю и культуру народов Башкортостана, что дает возможность формирования толерантного мировоззрения молодежи. Сегодняшнее сокращение учебных часов по этому предмету в образовательных учреждениях республики может в будущем стать одним из факторов гуманитарных катаклизмов и межнациональных противоречий.

Сегодня вопросы социокультурного, экономического развития народов проживающих как на территории Российской Федерации, так и в мире в целом остаются актуальными. Можем только поддержать призыв Президента РФ В. В. Путина, провозгласившего, что «Мы с огромным вниманием и с огромным уважением относимся, и должны, и будем относиться к каждому этносу, к каждому народу Российской Федерации. В нашем многообразии всегда была и есть наша красота и наша сила».

Информационные ресурсы ЦАОО РБ об истории республиканских национально-культурных центрах являются бесценным документальным наследием, которые должны быть пополнены и расширены. Наряду с текстовыми документами фонды должны быть доукомплектованы фотодокументами, аудио и видеозаписями. Несомненным обогащением архива станет прием документов личного происхождения активных деятелей национально-культурных центров. В перспективе наряду с созданием архивных фондов Регионального марийской национально-культурной автономии «Эрвел Марий», Национально-культурного центра удмуртов Башкортостана, Центра казахской национальной культуры «Ак бата», Центра кыргызской культуры «Ала-Тоо», Туркменского центра национальной культуры, Чеченского общественно-культурного центра «Барт», Центра таджикской национальной культуры им. И. Сомони и т. д. необходимо сохранить документы действующих 14 уникальных историко-культурных центров в с. Темясово, Николо-Березовка, Саитбаба, Суук-Чишма, Надеждино, Усень-Ивановский, Пришиб, Золотонушка, Красный Яр, Килимово, Максим Горький, Балтика, Новые Татышлы, Мишкино. Архивные документы по истории национально-культурных объединений новейшего времени до сих пор не нашли широкого научного исследования. Исключение составляют работы Губогло М. Н., Кульшарипова М. М. и Газизова Р. Р., Буранчина А. М. и др. [4]. Поэтому на наш взгляд нужно силами национально-культурных объединений, научных учреждений, архивов, отдела аппарата Правительства Республики Башкортостан по взаимодействию с общественными объединениями подготовить и издать сборник документов и материалов по истории деятельности национально-культурных объединений республики конца XX – начала XXI вв.

Список использованных источников

1. Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан. Фонд 10054. Башкирский народный центр «Урал».

2. Пономарев С. А. «Бывшие партийные архивы» Приволжского федерального округа анализ состава документов, источников комплектования, востребованности находящихся на хранении документов, кадрового состава и перспектив развития // Государственная архивная служба Нижегородской области. – http://www.archiv.nnov.ru/.
3. Путеводитель. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан. – Отв. сост. Р. А. Валишин. – Уфа, 2009.
4. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Мозаика. – Сост. М. Н. Губогло. – Т. 2. – М., 1992; Буранчин А. М. Этнополитическое развитие Республики Башкортостан в 1990–2000 гг. – Уфа, 2006; Кульшарипов М. М., Газизов Р. Р. Новейшее башкирское национальное движение и проблемы российского федерализма. – Уфа, 2011.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СУБЭТНОСОВ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ[1]

SPIRITUAL CULTURE OF THE ALTAI REPUBLIC SUBETHNOSES: CURRENT STATUS AND FEATURES OF CONSERVATION

М. Р. Зазулина (Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск, Россия)
M. R. Zazulina (Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

Аннотация. *Работа посвящена анализу современного состояния духовной культуры субэтносов Республики Алтай, а также оценке различных форм общественно политической активности, рассматриваемых в качестве факторов роста этнического самосознания.*

Abstract. *The paper analyzes the current state of spiritual culture subethnoses Altai Republic, as well as evaluating the different forms of social and political activity, seen as a factor of growth of ethnic identity.*

Ключевые слова: *традиционная культура, этническая идентичность, субэтническая идентичность, родовая идентичность, коренные малочисленные народы*

Keywords: *traditional culture, ethnic identity, sub-ethnic identity, tribal identity, indigenous peoples*

Сохранение духовной и языковой культуры коренных малочисленных народов сегодня является одной из самых важных задач мировой и научной общественности. Мировая практика показывает, что состояние и развитие этнической культуры не в последнюю очередь зависит от складывающихся форм общественной и политической активности коренных народов. По сути дела эти два процесса: передача культурных традиций с одной стороны и отстаивание своих прав в сфере политического (и шире – просто активная общественная позиция), с другой стороны, – питают и стимулируют друг друга, определяя интенсивность происходящих процессов в обеих сферах.

[1] *Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00170*

Целью данной работы является определение современного состояния духовной культуры алтайских субэтносов (в частности теленгитов, проживающих в Улаганском районе Республики Алтай), и анализируются различные формы общественно политической активности этих этносов, рассматриваемые в качестве факторов способствующих росту их этнического самосознания и духовной культуры.

Эмпирической основой предлагаемых выводов и обобщений послужили результаты социологического исследования, проведенного в 2012 г. на территории Улаганского района Республики Алтай при участии сотрудников Института философии и права СО РАН. Улаганский район традиционно является местом компактного проживания теленгитов, являющихся одним из алтайских субэтносов, входящих в группу южных алтайцев. На сегодняшний день теленгиты являются одним из самых многочисленных субэтносов Республики Алтай, и составляют значительную долю населения Улаганского района. В частности, определяя свою этническую принадлежность, 43% опрошенных в ходе исследования заявили, что они являются теленгитами, 40% респондентов отнесли себя к алтайцам и 10% указали, что они – «алтайцы-теленгиты», акцентировав внимание на своей двойной этнической принадлежности.

Данные, полученные в ходе исследования, позволили проанализировать степень сохранности элементов духовной культуры теленгитов, а также степень их приобщения к этнокультурным традициям своего народа. Результаты этносоциологического исследования показали заметные различия в уровне осведомленности представителей различных субэтнических групп обследованных районов об обычаях и традициях своего народа (табл. 1). Наилучшее знание обычаев и традиций характерно для алтайцев, наихудшее – для теленгитов. Например, среди алтайцев хорошо знают свои обычаи 67% респондентов, а среди теленгитов – лишь 38%. Мы полагаем, что полученные данные отражают ситуацию дефицита информации (о традиционной духовной и материальной культуре, прежде всего) в которой оказались представители теленгитского субэтноса.

Таблица 1

«Знаете ли Вы обычаи и традиции своего народа?», массовый опрос, %

	все	алтаец	теленгит	алтаец-теленгит
хорошо знаю обычаи и традиции	53	67	38	50
знаю наиболее характерные обычаи и традиции	40	29	54	50
имею смутное представление об обычаях и традициях	5	4	4	0
не знаю обычаев и традиций	2	0	4	0

Приведенные результаты опроса дают представление об уровне знания коренным населением обследованных районов своих обычаев и традиций, но не раскрывают того, в какой мере они склонны следовать им на практике. Оказалось, что основная масса респондентов Улаганского района в той или иной мере придерживалась обычаев и традиций (табл. 2). При этом больше половины опрошенных (62%) отметили, что придерживается обычаев и традиций своего народа полностью. Частично следуют обычаям и

традициям своего народа только 32% респондентов. О том, что не придерживаются обычаев и традиций своего народа заявили 6% опрошенных.

Таблица 2

«Придерживаетесь ли Вы обычаев и традиций своего народа?», массовый опрос, %

	все
полностью придерживаюсь	62
частично придерживаюсь	32
не придерживаюсь	6

Частной, но достаточно красноречивой иллюстрацией того, какое значение придает коренное население обследованных районов традиционно передаваемым обычаям, могут быть данные опроса, характеризующие отношение респондентов к традиционному социальному институту сеоку (алт. сөөк) – роду. Отметим, что традиционное разделение алтайцев на отдельные сеоки («алмат», «кыпчак», «мундус», «сагал» и др.) на протяжении многих веков являлось одной из фундаментальных констант общественной организации алтайских этнических групп. В этой связи в традиционном алтайском обществе каждый человек с младых лет имел четкое представление о своей родовой принадлежности.

Результаты опроса показали, что родовая идентичность коренного населения Улаганского района Республики Алтай достаточно крепка. В ходе опроса свой сеок смогли назвать 98% респондентов и еще 2% затруднились ответить на поставленный вопрос. Обращает на себя внимание, знание родовой принадлежности продемонстрировали представители всех субэтнических групп. Одной из важных функций сеока, сохранившейся до наших дней, является регламентация семейно-брачных отношений. В алтайском сеоке строго соблюдается родовая экзогамия, не допускающая заключения брака между представителями одного рода, считающимися близкими родственниками.

Данные нашего опроса показали, что коренное население Улаганского района последовательно придерживается обычая родовой экзогамии (табл. 3). 83% опрошенных заявили о недопустимости нарушения данного обычая. Нарушение обычая экзогамии допустили 12% респондентов. При этом отметим, что против нарушения обычая экзогамии чаще высказывались теленгиты (88%), чем алтайцы (83%).

Таблица 3

«Допустимо ли заключение браков между представителями одного сеока (рода)?», массовый опрос, %

	алтаец	теленгит	алтаец-теленгит
да	8	12	33
нет	83	88	67
другое	8	0	0

Уровень знания коренным населением обследованных районов родного языка является высоким, алтайский язык считают родным 95% алтайцев, независимо от субъэтнической принадлежности и еще 5% назвали родным русский язык (табл. 4). Признание этнического языка родным языком имеет не только важное символической значение, но отражает реальные языковые практики этноса. Как показало исследование, у коренного населения Улаганского района практически не наблюдается серьезных проблем со знанием своего этнического языка. Почти все респонденты свободно владеют своим этническим языком, т. е. умеют свободно разговаривать, писать и читать.

Таблица 4

«В какой степени Вы владеете алтайским языком?», массовый опрос, %

	алтаец	теленгит	алтаец-теленгит
свободно	96	100	100
с трудом	4	0	0
не владею	0	0	0

Хорошее знание традиций и языка сопряжено с активными культурными установками, которые демонстрирует коренное население северных районов Республики Алтай. Современные алтайцы ориентированы на дальнейшее сохранение своей культуры и ее языковой составляющей, что проявляется в первую очередь в желании изучать язык в рамках школьной программы. Большинство респондентов, независимо от субэтнической принадлежности не только поддерживают изучении алтайского языка в школах, но считают, что оно должно быть обязательным (табл. 5). Среди алтайских респондентов лишь 4% считают, что обучение родному языку должно происходить по желанию. Среди теленгитов доля таких респондентов больше и составляет 12%.

Таблица 5

«Как Вы относитесь к обязательному изучению учениками-алтайцами в школе алтайского языка?», массовый опрос, %

	алтаец	теленгит	алтаец-теленгит
поддерживаю обязательное изучение родного языка	96	88	83
изучение языка должно идти по желанию	4	12	17

Специфика современной ситуации заключается в том, что сохранение духовной культуры алтайских субэтносов во многом зависит от процессов, протекающих в политической сфере. Речь идет о статусе коренных малочисленных народов, которым обладают представители теленгитского субэтноса, а также о общественно политической активности, ориентированной на укрепление традиционных общественных и политических институтов и как следствие способствующей росту этнического самосознания.

Одним из проявлений этнической идентичности представителей современных алтайских субэтносов, способствующим сохранению культурных традиций, является восприятие ими статуса коренных малочисленных народов. Восприятие статуса коренных малочисленных народов представляет собой сложный процесс осмысления алтай-

скими субэтносами произошедшего изменения своего общественного положения. Этот процесс включает в себя и эмоциональное реагирование на новый правовой статус, и практическое оценивание его потенциальных возможностей, и раздумья о дальнейшей судьбе алтайского этноса. В массовом сознании алтайских этнических групп эта тема является одной из немногих, по поводу которых, сформировалось единое мнение (табл. 6). Более 80% опрошенных выразили одобрительное отношение к признанию теленгитов коренным малочисленным народом, а негативное отношение выразили всего 3% опрошенных.

Таблица 6

«Как Вы относитесь к признанию теленгитов коренным малочисленным народом?», массовый опрос, %

	все	алтаец	теленгит	алтаец-теленгит
полностью одобряю	65	50	73	83
скорее одобряю	18	25	15	17
мне безразлично	7	13	4	0
скорее не одобряю	3	8	0	0
категорически не согласен	0	0	0	0
затрудняюсь ответить	7	4	8	0

Эксперты, оценивая значение статуса коренных малочисленных народов для теленгитов Улаганского района, склонны к более осторожным оценкам: лишь около половины экспертов (48%) указали, что такой статус будет способствовать развитию теленгитов; в то же время более 40% экспертов, отметили, что статус коренного малочисленного народа окажет несущественную роль, либо вообще не сыграет никакой роли (табл. 7).

Таблица 7

«Какое значение имеет статус коренного малочисленного народа для теленгитов Улаганского района?», экспертный опрос, %

	эксперты
будет способствовать их развитию	48
никак не повлияет на их развитие	21
окажет несущественную роль	21
затрудняюсь ответить	10

Представители теленгитов придают статусу коренных малочисленных народов важное политическое значение, связывая с ним признание своих этнических групп в рамках политической системы общества. В такой ситуации теленгиты как граждане государства являются естественными участниками политического процесса. Однако как представители коренных малочисленных народов они желают иметь дополнительные гарантии, предоставляющие им возможность отстаивать свои политические интересы

через общегосударственный механизм власти, участвовать в работе органов государственной власти и местного самоуправления, оказывать влияние на принятие политических решений, особенно тех, которые непосредственно их касаются.

Одной из форм политического участия сегодня выступают общественные организации малочисленных народов. Среди населения Улаганского района участие в общественных организациях не является распространенной практикой, о своем участии в работе общественных организаций малочисленных народов заявили лишь 12% опрошенных. Причем среди алтайцев доля тех, кто участвует в работе общественных организаций выше, чем среди теленгитов (17 и 12% соответственно). Оценивая роль общин в жизни их села, население Улаганского района склоняется к умеренным оценкам: 38% дали среднюю оценку и 36% в совокупности отметили, что эти организации играют незначительную роль либо вообще не играют никакой роли (табл. 8). При этом респонденты-теленгиты склонны к более высоким оценкам работы общественных организаций, чем респонденты-алтайцы.

Таблица 8

«Роль общин коренных малочисленных народов в жизни Вашего села»? массовый и экспертный опрос, %

	эксперты	массив	алтаец	теленгит	алтаец-теленгит
высокая	2	13	4	23	0
средняя	19	38	46	31	50
незначительная	33	18	33	8	17
они не играют никакой роли	38	18	13	23	17
затрудняюсь ответить	7	12	4	15	17

Эксперты оценивают роль общин более критично, чем простое население. Более 70% экспертов отметили, что общин играют незначительную роль, либо вообще не играют никакой роли. О высокой роли общин заявили лишь 2% экспертов (среди респондентов массового опроса этот показатель составил 13%), а среднюю оценку поставили 19% экспертов (по сравнению с 38% респондентов массового опроса). Спектр вопросов, которые, по мнению экспертов, могли бы решать общины достаточно широк, от проблем культуры и воспитания детей и до экономических и бытовых проблем поселков. Наиболее эффективно местные общины могли бы решать проблему пьянства, что отметили 52% экспертов, а также заниматься отстаиванием прав на исконные земли, что отметили 57% экспертов.

Исследование показало, что представители теленгитского субэтноса не являются более политически активными, но при этом склонны выше оценивать деятельность общин и других организаций коренных малочисленных народов. Несмотря на внимательное отношение к теме этнического возрождения уровень участия опрошенного населения, независимо от субэтнической принадлежности, в деятельности общественных организаций остается низким и едва превышает 10%.

Таким образом, результаты этносоциологического исследования представляют высокое значение традиционной культуры в обследованном районе. Очевидно, что коренное население Улаганского района (теленгиты), несмотря на развитие глобального процесса гомогенизации культурных практик, еще сохраняет свою самобытность, что выражается прежде всего в сохранении традиционной обрядности, повышении престижа и уровня владения родным языком, сохранении культурной преемственности.

Важными факторами роста этнического самосознания выступают различные формы общественно политической активности, прежде всего получение и сохранение статуса коренных малочисленных народов, а также создание общин коренных народов на уровне отдельных поселений и участие в их работе.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕОЛОГЕМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. С. ТРУБЕЦКОГО

RETHINKING OF IDEOLOGEM OF NATIONAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF POLITIKAL CONCEPT OF N. S. TRUBETZKOY

М. Б. Закиров (Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина)
M. B. Zakirov (Lugansk Taras Shevchenko National University, Lugansk, Ukraine)

Аннотация. *Проведен анализ некоторых аспектов политической теории Н. С. Трубецкого. Отмечены особенности межэтнического культурного взаимодействия. Подчеркнута актуальность теоретических положений мыслителя для формирования взвешенной и адекватной национальной политики.*

Abstract. *It is given the analysis of some aspects of political theory . It is outlined the peculiarities the ethnic cultural interaction. It is emphasized the relevance of the theoretical propositions of the thinker to form a balanced and adequate national policies.*

Ключевые слова: *народ, культура, этнос, реформа, цивилизация*
Keywords: *people, culture, ethnos, reform, civilization.*

Проблема определения сущности и содержания этнической идентичности славянских народов продолжает вызывать значительный интерес исследователей. Особенную остроту дискуссии о природе славянского мира приобретают в переломные периоды европейской и мировой истории. Возникшие на постсоветском пространстве самостоятельные государства испытывают мощное и, к сожалению, не всегда конструктивное внешнее воздействие. Агенты влияния активно используют искусственно созданные укоренившиеся в сознании некоторой части общества иерархические идеологемы политического либо культурного первенства, старшинства и подчиненности. Противодействие же носит либо несистемный, эпизодический характер, либо в своей основе имеет те же неприемлемые с точки зрения толерантности и взаимного уважения положения. Одна из причин недостаточно эффективной и адекватной современным вызовам национальной политики кроется в слабой теоретической базе. Поскольку, как отмечают современные исследователи, у большинства политиков и политологов до сегодняшнего

дня нет ясного представления о сущности панславизма, об идеях славянской солидарности и единства [1, с. 5]. Между тем в распоряжении современных исследователей находится значительный массив философского, культурологического и политического знания, созданный многолетним и продуктивным трудом ученых и общественных деятелей русской послереволюционной эмиграции. Активное изучение и практическое использование наработанного нашими предшественниками материала даст возможность переосмыслить прошлое и освободится от навязанных либо надуманных догм.

В частности, свою оригинальную концепцию межэтнического взаимодействия предложил выдающийся русский лингвист Н. С. Трубецкой. Для создания ясной картины процесса культурного взаимодействия русского и украинского этносов, ученый обращается к переломной эпохе формирования единого Московского государства и становления Российской империи. В своем исследовании ученый отталкивается от идеи изначального культурного единства Руси, которое в последующем, под влиянием, главным образом, внешних факторов было утрачено. В результате на протяжении XV–XVII веков сформировались существенно различающиеся между собой культуры Западной Руси и Руси Московской. Однако в силу осознания общерусского единства и общего «византийского культурного преемства» эти культуры рассматривались не как разные культуры, а скорее как разные редакции одной общерусской культуры. В последующем, после присоединения Украины, по мнению Н. С. Трубецкого, вопрос о первенстве культур был решен преимущественно политически в пользу культуры украинской. Причем первенство это было обусловлено необходимостью решения сиюминутной политической задачи, а именно – предотвращения возможных проявлений украинского сепаратизма. В силу этого обстоятельства первенство украинской культуры во многом носило формальный и половинчатый характер. По большому счету, отмечает Н. С. Трубецкой, все свелось лишь к «исправлению» богослужебных книг и к Никоновской реформе [2, с. 166]. Хотя здесь можно и упрекнуть мыслителя в излишне легкомысленной характеристике самой религиозной реформы. Это «исправление богослужебных книг» оставило глубокий след в истории, прежде всего России. И заслуженно, с присущей русскому языку образностью и емкостью эпитетов, получило свое трагичное и глубокое по смыслу название – «раскол».

Тем не менее, вследствие отмеченной выше половинчатости культурного взаимодействия на Украине сохраняется западнорусская культура без всяких примесей великоросской. В Великороссии же степень проникновения варьировалась в очень широком диапазоне: от возникновения своеобразного «западничества» в среде определенной части высших слоев общества до полного неприятия и сохранения чистоты великоросской традиции. Однако постепенно, по мере расширения экономических и политических связей Великороссии и Украины на протяжении второй половины XVII века происходит процесс смешивания и взаимопроникновения культур. Однако, по-прежнему, и главным образом, за счет унификации церковной обрядовости.

Поворотным пунктом в дальнейшем развитии русской культуры становится период петровских реформ. По мнению Н. С. Трубецкого, именно тогда вопрос взаимоотношения и дальнейшего развития культур был окончательно, и во многом однозначно, решен в пользу украинской культуры. Это решение было предопределено всем предыдущим ходом развития истории и Украины, и России. Дело в том, что, начиная уже с середины XIV века, большая часть тогдашних украинских земель подпадает под все возрастающее польское влияние. Полонизация Украины, угрожавшая сохранению национальной идентичности, в то же время способствовала проникновению на Украину и лучших образцов западноевропейской культуры и образования. В отличие от Москов-

ского государства, на Украине создается густая сеть учебных заведений, и уровень образования ее населения в то время мало отличался от уровня образования населения наиболее развитых стран Европы. Именно по этой причине, как считает Н. С. Трубецкой, отправной точкой для задуманной Петром I европеизации России была выбрана именно западнорусская культурная традиция, формировавшаяся под влиянием европейской культуры, пусть и в польской ее редакции [2, с. 166].

А великоросскую редакцию русской культуры, своим европофобством мешавшую осуществлению его замыслов, Петр постарался совсем уничтожить. Однако, не взирая на все гонения, которым подвергалась великоросская культурная традиция, Петр I, как отмечает Н. С. Трубецкой, вовсе не был русофобом: «…вся работа Петра была вызвана патриотизмом, – пишет мыслитель. – Но патриотизм этот был своеобразен… Это была не привязанность к реальной России, а страстная мечта о создании из русского материала великой европейской державы» [3, с. 197]. А материал этот естественно не хотел, да и не мог быть настолько пластичным, чтобы за несколько лет кардинально измениться. Поэтому Петру I «приходилось вести постоянную и упорную борьбу». Внешними проявлениями этой борьбы были широко известные нам казусы: обязательное посещение ассамблей, насильственное переодевание в европейское платье, публичное бритье бород, и многое иное, отмечаемое Н. С. Трубецким как: «явно преднамеренное и злобное оскорбление национального чувства, издевательство над священными для каждого русского традициями» [3, с. 197].

Меж тем наступление украинской редакции культуры шло по всем фронтам. Никоновская реформа способствовала проникновению и замене московского варианта церковнославянского языка киевским. Трубецкой отмечает: «Как бы то ни было, в XVII веке киевская традиция церковнославянского языка одолела московскую, вытеснила ее в старообрядческое подполье, а сама воцарилась в Москве, сделавшись отныне общерусской» [4, с. 173]. Вслед за церковными книгами в Московскую Русь проникает и получает широкое распространение украинская светская переводная литература. В результате этого в основу литературного языка петровской и всей послепетровской эпохи лег церковнославянский язык киевской редакции. «Таким образом, – подчеркивает Н. С. Трубецкой, – старая великоросская, московская культура при Петре умерла; та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры» [2, с. 167]. Причем процесс этот, как мы вынуждены признать, продолжается и сегодня. Украина превращается в своеобразного донора для роста российской науки и культуры.

Постепенная и все более тесная политическая и экономическая интеграция Украины с Россией приводит к тому, что в Москву, а затем и в Петербург перемещаются лучшие просветительские силы Украины, талантливые ученые, одаренные военные. Среди наиболее заметных фигур украинской интеллектуальной миграции того времени нельзя не вспомнить советника Петра I по вопросам образования, науки и культуры Феофана Прокоповича. Выдающийся украинский религиозный, культурный и общественный деятель, ректор Киево-Могилянской академии был призван в Москву и назначен вице-президентом Синода.

Выпускники украинских православных братских школ и Киево-Могилянской академии становятся организаторами высшего духовного просвещения Российской империи. Не прекращается и переселение в Россию украинских научных и религиозных деятелей. Оно наоборот становится еще более массовым и организованным. Эта миграция осуществила серьезное влияние на развитие русской государственности, образования,

науки и культуры, и стала одним из решающих факторов модернизации российского государства. На протяжении XVIII века выходцы из Украины занимали руководящие должности в Святейшем Синоде и Славяно-греко-латинской академии. Например, в 1746 году из восьми членов Синода шестеро были украинцами. Из двадцати одного ректора, возглавлявших Московскую Славяно-греко-латинскую академию с 1701 по 1762 год, восемнадцать были украинцы – воспитанники Киево-Могилянской академии [5, с. 74]. Таким образом, мы видим, что Украина превращается в источник научных кадров для российской империи, и украинцы играют заметную роль в ее развитии.

Вследствие этого влияние украинской культурной традиции, опиравшейся на существенную и, как отмечалось выше, заинтересованную поддержку Петра I, охватывает все культурное пространство. Феофан Прокопович, Степан Яворский и многие другие воспитанники западнорусской школы принесли западные традиции ораторского искусства. Н. С. Трубецкой подчеркивает, что и послепетровская литература стала прямым продолжением западно-русской украинской литературной традиции. Та же картина наблюдается не только в других видах искусства, но и в духовной культуре послепетровской России в целом.

«Таким образом, – делает вывод Н. С. Трубецкой, – на рубеже XVII–XVIII веков произошла украинизация великорусской духовной культуры. Различия между западнорусской и московской редакциями русской культуры было упразднено, и русская культура стала единой» [2, с. 172]. Здесь необходимо подчеркнуть, что под понятием западнорусской культуры необходимо иметь в виду и белорусскую ее составляющую. Большая часть белорусских земель последовательно переживала сходные с украинскими землями политические и культурно-религиозные трансформации.

Однако в силу того, что государственность продолжала оставаться великоросской, то центр этой культуры переместился из Украины в Москву и, благодаря этому, из провинциальной культуры отдаленных окраин Европы, которыми были и Польша, и Украина, она превратилась в культуру столичную. И теперь, будучи столичной культурой, она не могла больше довольствоваться «русско-польским жаргоном», который напоминал и о ее провинциальности, и о польском влиянии. И хотя этот жаргон и оказал существенное влияние на великоросский деловой язык, уже сформировавшийся в среде государевых людей Москвы, тем не менее, он был постепенно вытеснен.

С этого момента единственным деловым и разговорным языком и Великороссии, и Украины стал великоросской язык. В последующем, испытав определенные изменения под воздействием церковнославянского языка, он, наконец, стал тем современным русским языком, который является «литературным и разговорно-деловым языком всех образованных русских, то есть языковой базой русской культуры» [2, с. 175].

И вот здесь проявилась традиционно присущая истории развития славянских народов неоднозначность исторического пути. Вновь сформированная общерусская культура, как ни странно, оказалась равноудаленной и от великоросского народного фундамента, и от украинского. Великоросс не мог быть удовлетворен потерей практически всего самобытного, за исключением канцелярского языка. А в душе малоросса возникла неудовлетворенность перемещением центра культуры из Украины в Великороссию и последующей трансформацией, которой подвергся и литературный и деловой язык.

В дальнейшем эта неудовлетворенность постоянно толкала людей на поиски национальной идентичности. Поиски, по словам Н. С. Трубецкого, в равной степени характерные и великороссам, и малороссам, и протекавшие параллельно. Он упоминает нарочито простонародные произведения, возникавшие практически в одно время – ма-

лороссийская «Энеида» Котляревского и великоросский «Богатырь Елисей» Майкова. В последующем эти же направления продолжали русский поэт Кольцов и украинский поэт Шевченко [2, с. 176]. Но даже сами эти попытки и упорство, с которым они предпринимались, являются подтверждением единства общерусской культуры, а отсюда вытекает и единство причин этого явления, и общая цель реформирования культуры, стоящая одинаково остро перед всеми частями этой общерусской культуры: и перед русскими, и перед украинцами, и перед белорусами. Как мы отмечали выше, в развитии общерусской культуры возникла парадоксальная ситуация всеобщего несоответствия.

Как указывает Н. С. Трубецкой, каждая культура должна иметь две стороны. Одну – обращенную к конкретному этнографическому фундаменту, и другую – обращенную к вершинам духовной жизни [2, с. 180]. Общерусская же культура, с одной стороны, оказалась оторванной, и где-то даже чуждой, народным корням великороссов, поскольку вся послепетровская культура строилась на западнорусском фундаменте. Но и вершина ее, базирующаяся на великоросском языке, не стала органичной частью культуры украинцев. В результате, как отмечает мыслитель, человек «русского этнологического типа» мог приобщиться к культуре только обезличившись, утратив существенные для народа черты. В отличие от русской интеллигенции, которая вполне удовлетворяла свои духовные потребности [1, с. 181]. Продолжая мысль Н. С. Трубецкого, можно добавить, что украинская интеллигенция в свою очередь была лишена в рамках такой редакции общерусской культуры возможности удовлетворять свои духовные потребности, поскольку оказывалась в таком случае оторванной от национального фундамента, важнейшей составляющей которого является именно язык.

Таким образом, ключевой проблемой реформы общерусской культуры, направленной на утраченное воссоединение с народным фундаментом, есть вопрос о сохранении общерусской культуры или о создании самостоятельных культур для каждого народа. В которых и «нижний этаж» культуры будет иметь ярко выраженные этнические черты, и «верхний этаж» будет развиваться исключительно в узко национальных рамках. Как совершенно справедливо заметил Н. С. Трубецкой, особенно остро этот вопрос стоит перед украинцами. Причем в этой проблеме на протяжении практически всей новейшей истории важную роль играет политическая составляющая, поскольку русско-украинские взаимоотношения имеют огромное геополитическое значение, которое в современном мире, переживающем очередной цивилизационный поворот, приобретает существенную остроту, и выходят далеко за рамки обычного культурологического спора.

По мнению Н. С. Трубецкого, проблему несоответствия культурных этажей послепетровской общерусской культуры можно преодолеть путем ее согласования с конкретной национальной индивидуальностью. Причем эта работа должна быть внешне дифференцирована по отдельным краям и областям. Поскольку, как подчеркивает мыслитель, «… «русский народ вообще» есть абстракция, конкретно же существует великоросс (со своими разновидностями – помор, волгарь, сибиряк, казак и т. д.) белорус, малоросс-украинец (тоже со своими разновидностями)» [2, с. 183]. Исходя из этого, проблему сохранения культурного, а затем и гражданского единства можно будет считать решенною только в том случае, когда вместо прежней «отвлеченной мундирно-безличной однородности появится радуга ярко выраженных оттенков» [2, с. 183]. А ложные иерархические идеологемы уступят место справедливому и исторически обоснованному пониманию идеи равенства и единства.

На основе проведенного политологического анализа концепции формирования общерусской культуры Н. С. Трубецкого мы приходим к выводу, что общерусская культура

сформировалась в процессе синтеза западнорусской и великорусской культурной традиции. Вся послепетровская и современная культурная традиция в высших ее проявлениях является продолжением именно западнорусской культурной традиции. Общей проблемой русского, украинского и белорусского этносов стало разрушение органического единства национальных культур, усугубившееся навязыванием ложных иерархических идеологем. Преодоление несоответствия культурных пластов возможно через согласование общерусской культуры с национальной индивидуальностью каждого народа.

Оригинальная и возможно неоднозначная концепция межэтнического культурного взаимодействия Н. С. Трубецкого побуждает нас к дальнейшему переосмыслению привычных идеологем межнациональных отношений и национальной политики.

Список использованных источников

1. Прокудин Б. А. Идея славянского единства в политической мысли XIX века: генезис, основные направления и этапы развития: Дис... канд. полит. наук: 23.00.01: М., 2007. – 180 с.
2. Трубецкой Н. С. К украинской проблеме // Евразийский современник. Париж, 1927. Кн. 5. С. 165–184.
3. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. – М.: АГРАФ, 1999. – 554 с.
4. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. – М.: Издательская группа «ПРОГРЕСС», 1995. – 800 с.
5.Закиров М. Б. Исторические пути, причины и особенности миграции украинцев в Россию (в XV – начале XX века) // История украинской науки на рубеже тысячелетий: Сб. научн. трудов / Отв. ред. А. Я. Пилипчук. – Вып. 19. – К., 2005. – С. 69–81.

САМАРСКИЕ БАШКИРЫ: СОХРАНЕНИЕ И ПОДДЕРЖАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

SAMARA BASHKIRS: KEEPING AND HOLDING THE TRADITIONAL CULTURE IN THE MODERN CONDITIONS

М. В. Кржижевский (Самарская государственная областная академия, Россия)
M. V. Krzhizhevskiy (Samara State Regional Academy, Russia)

Аннотация. *В статье речь идет о сохранении и поддержании традиционной культуры самарских башкир в наше время. Очень важная роль в этом процессе принадлежит национальным объединениям. Они организуют традиционные праздники и выпускают газету.*

Abstract. *This article is about keeping and holding the traditional culture of Samara bashkirs in our time. The national associations have a very important role of this process. They organize the traditional holidays and issue the newspaper.*

Ключевые слова: *традиционная культура, родословная, праздник.*
Keywords: *traditional culture, family tree, holiday.*

Формирование принципов толерантности, уважения к культуре других народов, неразрывно связано с сохранением и поддержанием собственной этнической культуры.

Если в сельской местности дольше сохраняются различные особенности традиционной культуры и быта (жилищные и хозяйственные постройки, средства передвижения и т. д.), то городская среда способствует утрате этих особенностей, всеобщему нивелированию. В таких условиях основные усилия по сохранению традиционной культуры должны прилагать национально-культурные объединения.

Наиболее крупным башкирским объединением в области является общественная организация «Курултай (конгресс) башкир» Самарской области, возглавляемая С. Н. Вилдановым. С этой организацией связан «Курултай (конгресс) башкир» г. Самары, возглавляемый К. Ш. Шайхулисламовой. Указанные объединения располагаются, как и многие национально-культурные организации других народов, в государственном учреждении Самарской области «Дом дружбы народов». В этом учреждении часто организуются и проводятся экскурсии для детей и молодежи, благодаря которым представители молодого поколения лучше узнают культуру разных народов, в том числе, башкирского. При «Курултае (конгрессе) башкир» Самарской области и г. Самары работает также Союз башкирской молодежи «Юлдаш» («Спутник»). Башкирское молодежное движение проявляет большую активность в нашей области. В нем участвуют студенты, школьники, а также молодые люди, работающие в разных отраслях. Активисты башкирского молодежного движения часто организуют и проводят различные собрания, праздничные вечера.

По инициативе этих организаций, при поддержке Правительства Самарской области, в Самаре и области проводятся традиционные башкирские праздники. Один из них – Йыйын – давно приобрел большую популярность. Он проводится в селе Имелеево Большечерниговского района и привлекает гостей из Республики Башкортостан.

Башкиры Самарской области имеют, как известно, свои поселения на юго-востоке области, но значительное их число проживает в городе Самаре.

Весной по инициативе башкирской общественности отмечается другой традиционный праздник – Каргатуй («грачиный праздник»). Этот праздник символизирует наступление весны, пробуждение природы и связан с культом грачей. Кроме того, праздник Каргатуй, или Карга буткаһы – в некоторых местах он известен под таким названием [3, с. 234] – и связан с почитанием предков. Считалось, что вместе с пробуждающейся природой на какое-то время оживали и умершие предки. Смысл праздника сводился к торжествам по случаю обновления окружающей природной среды, и обращению к духам предков и силам природы, с которыми были связаны грачи, сделать этот год благополучным. Раньше в нем участвовали только женщины и дети. Традиционно Каргатуй проводили около водоема, обливали друг друга водой, что должно было способствовать выпадению дождя. Во время праздника также водили хороводы, варили кашу, угощались ею, а остатки этой каши оставляли для грачей [2, с. 20].

Сегодня этот праздник отмечают вне зависимости от пола и возраста. Также варят ритуальную кашу, угощают гостей, устраивают выступления творческих коллективов. В последнее время он часто отождествляется с традиционным праздником нового года и весны Наврузом, известным у древних персов и пришедшим в эти места из Средней Азии.

Следует отметить наблюдаемое в последние годы возрастание интереса башкир города Самары к традиционной культуре своего народа. Так, с каждым годом все больше зрителей присутствует на празднике Каргатуй, поэтому, если в первые годы он проводился в небольшом зале Дома дружбы народов, то теперь его организуют в более просторных Дворцах культуры.

В Самаре в 2010 г. башкирская общественность организовала праздник, посвященный башкирским генеалогическим летописям – шежере. Он проходил в здании го-

сударственного учреждения Самарском области «Дом дружбы народов». На празднике присутствовал коллектив активистов башкирского культурного движения.

В мае 2011 г. в Таш-Кустьяново состоялся праздник шежере – «Шежере байрамы». Он собрал не только жителей этого села, но и гостей из других башкирских поселений области, а также из Самары и Республики Башкортостан.

На этом празднике был представлен целый ряд красиво оформленных родословных: одни напоминали дерево, другие – цветок, некоторые сопровождались фотографиями. В разных шежере, выставленных на празднике, упоминались название племени, птица, дерево, клич и племенной знак – тамга. Некоторые родословные заняли целый альбом. Жительница этого села, собирательница башкирского фольклора Фархиза Хасановна Юнусова составила шежере, состоящее только из женских имен.

С тех пор этот праздник проводится в сельской местности с большим размахом. Кроме демонстрации родословных, организуется выступление творческих коллективов и отдельных исполнителей, выставляются также юрты, в которых гостей угощают традиционными блюдами.

Работают творческие коллективы, в том числе, в Самаре – ансамбль танца «Ляйсан» («Первый весенний дождь»), которому в 2009 г. было присвоено звание «народный самодеятельный коллектив». Данный ансамбль получил широкую известность, как в Самарской области, так и за ее пределами. В репертуаре этого творческого коллектива такие традиционные танцы, как «Захида», «Байык», «Кыззар уйыны» и др., распространенные у самарских башкир. Ансамбль «Ляйсан» неоднократно принимал участие в фестивалях и конкурсах, проводимых в Республике Башкортостан. Бессменным руководителем коллектива является Р. Д. Шаймарданова.

У самарских башкир, как и у башкир других регионов, любимым музыкальным инструментом считается курай, который традиционно изготавливался из стебля растения, называемого башкирами также словом курай (дягель, дудник и т. д.). В последнее время получили распространение также металлические кураи. Указанный инструмент имеет многочисленные аналоги в музыкальной культуре различных народов Евразии. Вместе с тем, как отмечают исследователи, именно башкирский курай достиг гармонии необычайной мелодической красоты и силы воздействия на слушателей. Он прекрасно выдержал все испытания временем [1, с. 54]. В настоящее время у башкир Самарской области есть свои музыканты-кураисты, а также, благодаря стараниям общественности, организованы мастер-классы по игре на этом инструменте.

Важнейшим средством сохранения и поддержания национальной культуры являются этнические средства массовой информации. В настоящее время в Самарской области издается около 15 таких СМИ. В 2000 г. в Самаре начала выходить в свет башкирская газета «Ыргыз» («Иргиз»). Эта газета была создана на базе общетюркской духовно-просветительской газеты «Азан» («Призыв»), по инициативе ее редактора Ш. Х. Галимова. Первоначально газета «Ыргыз» выходила как башкирское приложение к газете «Азан», затем – как башкирское приложение к областной татарской газете «Бердэмлек» («Единство»). Сегодня «Ыргыз» является самостоятельной газетой самарских башкир. В ней публикуются материалы, посвященные культуре башкирского народа, истории самарских башкир, знаменитым землякам, значимым событиям и т. д. Многие материалы посвящены непосредственно молодежи и детям. У данного издания сложились свои постоянные рубрики: «История», «Народные праздники», «О хороших людях», «Нашим маленьким друзьям» и др. Большинство материалов выходит на башкирском языке, чтобы молодое поколение не забывало свой родной язык – важнейший

показатель национального самосознания. Вместе с тем, некоторые материалы публикуются на русском языке, чтобы данную газету могли читать не только башкиры, но и представители других народов. Выходящие в свет номера указанной газеты рассылаются в различные государственные и общественные организации: Правительство Самарской области, Самарскую Губернскую Думу, администрацию городского округа Самара, Всемирный курултай башкир и др.

Читая газету «Ыргыз», самарские башкиры проникаются уважением к своему народу, к родной культуре, к обычаям и традициям предков. Следует также отметить, что данная газета (как и другие этнические средства массовой информации) не замыкается в сфере национальных вопросов, а пропагандирует общечеловеческие ценности, воспитывает уважение к культурным ценностям разных народов, способствует развитию принципов толерантности. Постоянными авторами указанной газеты являются активисты башкирских национально-культурных объединений, а также исследователи – краеведы, преподаватели и студенты, изучающие башкирскую культуру. Следует отметить большой вклад в издание этой газеты С. Б. Красновой-Игенбетовой, З. Л. Шарафутдиновой, Г. Мусиной и др. Редакция башкирской газеты «Ыргыз», так же как и редакции многих других этнических средств массовой информации, располагается в государственном учреждении Самарской области «Дом дружбы народов». В настоящее время материалы, опубликованные в газете «Ыргыз», размещаются также на сайте государственного учреждения Самарской области «Дом дружбы народов», что существенно расширяет круг ее читателей. В дальнейшем башкирским общественникам следует расширить взаимодействие с учебными заведениями и туристскими фирмами для развития этнического туризма.

Список использованных источников

1. Ахатова Ф. Г. Народная музыкальная культура башкир. – Уфа: Издательство «Гилем», 2007. – 92 с.
2. Бикбулатов Н. В. Башкиры. Краткий этноисторический справочник. – Уфа: УНЦ РАН, 1995. – 34 с.
3. Руденко С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки. - Уфа: «Китап», 2006. – 376 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА

PERSPECTIVES OF HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC STUDIES OF THE RUSSIAN POPULATION OF BASHKORTOSTAN

Е. Е. Нечвалода (ИЭИ УНЦ РАН, Уфа, Россия)
E. E. Nechvaloda (IES USC RAS, Ufa, Russia)

Аннотация. *В статье на основе краткого историографического анализа исследований русского населения Южного Урала, обозначены основные, перспективные направления и актуальные задачи будущих исследований.*

Abstract. *In article on the basis of a brief historiographical analysis research of the Russian population of the southern Urals, outlines, promising directions and urgent task for future research.*

Ключевые слова: *Этнография, русские, историко-этнографический атлас, Башкортостан.*

Keywords: *Ethnography, Russian, historical-ethnographic Atlas, Bashkortostan.*

С конца XVIII в. русские – самая крупная этническая группа на Южном Урале. Являясь одним из наиболее многочисленных этносов в Республике Башкортостан, русские оставались при этом до недавнего времени одним из наименее изученных в этнографическом отношении народов края (подобная ситуация была характерна для республик РСФСР, а потом и РФ, т. к. основное внимание уделялось изучению самобытной культуры титульных этносов, что вполне закономерно). Между тем, русское переселенческое население Южного Урала представляет интереснейший объект для исследований, т. к. оно было весьма неоднородно по составу и этнографическим характеристикам. Р. Г. Кузеев определял русское население Южного Урала как смешанную внутриэтническую многоструктурную группу, в состав которой входили крестьяне, горнозаводское население, казаки, горожане. Между этими группами не было четких границ, и они отчасти перекрывали друг друга. Выходцы практически из всех губерний европейской части России, русские переселенцы на Южном Урале составляли в этнографическом отношении весьма мозаичную картину.

Работы конца XIX – начала XX в. (В. М. Черемшанского, В. Касимовского, М. А. Круковского, Д. К. Зеленина, Ф. М. Старикова, А. Кривощекова, А. С. Бежковича и других) не могли дать исчерпывающую характеристику культуры русских Южного Урала [2, 14, 17, 19, 20, 21, 40, 43]. Описания в них либо слишком общи, либо характеризуют отдельную группу, либо одну отрасль культуры. Опираясь на них, невозможно воссоздать целостную и подробную картину жизни и быта русских Башкирии, невозможно судить о локальных различиях в их культуре.

В XX в. подробно изучены были говоры русских в Башкирии (З. П. Здобнова), на основе проведенных исследований был подготовлен атлас русских говоров [11, 12, 13]. Активно собирался и изучался русский фольклор (Л. И. Брянцева, И. Е. Карпухин, Б. Г. Ахметшин, Л. Г. Бараг и др.), музыкальный фольклор (М. П. Колпакова, Э. В. Померанцева, Ф. Г. Ахатова (Галиева)) [3; 25, 33]. Много было сделано для освещения социальной истории русского крестьянства (М. И. Роднов) [35, 36].

Описания конца XIX – начала XX в. и проведенные в XX в. исследования русского населения Южного Урала, к сожалению, оставляют много лакун. Заполнить их возможно мобилизовав уже существующие источники (архивные и музейные материалы) и осуществляя систематические полевые исследования. Сегодня, в условиях стремительного размывания этнических традиций под влиянием городской культуры, при господстве общемировых глобалистических тенденций, сопряженных с нивелировкой этнической самобытности, важность полевых исследовании многократно возрастает. Русские Южного Урала как весьма урбанизированный этнос оказались подвержены этим разрушительным для традиционной культуры тенденциям в полной мере. В этих обстоятельствах осуществление этнографических исследований русского населения Башкортостана приобретает особую актуальность.

Долгие годы полевых этнографических исследований среди русского населения Башкортостана почти не проводилось. Первое и единственное в XX в. комплексное этнографическое исследование материальной культуры русских, проживающих в Башкирии, осуществил в 1959 г. в западных районах БАССР известный казанский этнограф

Е. П. Бусыгин [4]. Традиции русского старообрядческого населения Южного Урала, в течение ряда лет изучались в ходе многочисленных экспедиций Е. С. Данилко [8].

В соседних с Башкирией областях (Свердловской и Челябинской) в то же время регулярно проводились экспедиции, в которых собирался материал по этнографии (традиционной архитектуре, одежде, ткачеству, ремеслам) русских Среднего и Южного Урала, Зауралья (О. В. Новиковой, Е. И. Артюшкиной, Е. А. Чайко, А. А. Рыбалко, Е. Г. Черкасовой, О.В. Филиппцовой и др.) [1, 32, 38, 41, 44.]. В Башкирии долгое время не было специалистов в области этнографии русских, разрабатывающих вопросники, осуществляющих полевые исследования. Традиционная культура большей части русского населения, проживающего на территории Башкирии, долгое время оставались своеобразным «белым пятном». На фоне отсутствия полевых исследований музейные фонды вяло пополнялись предметами этнографии русских.

Ситуация начала меняться несколько лет назад. Начиная с 2008 г. активизировались полевые этнографические исследования русского населения в РБ. Этнографами Башкортостана был осуществлен целый ряд экспедиций преимущественно в северо-восточные р-ны РБ (в них участвовали И. В. Кучумов, Ф. Г. Галиева, З. Ф. Хасанова, М. Г Муллагулов, Э. В. Камалеев, Е. Е. Нечвалода и другие). В комплексных этнографических экспедициях по северо-восточным районам РБ (Дуванскому, Белокатайскому, Мечетлинскому, 2011–2013 гг.) исследования осуществлялись совместно с этнографами из Челябинска – А. А. Рыбалко, О. В. Новиковой, Е. И. Артюшкиной, Е. А. Чайко, О. В. Филиппцовой и авторитетнейшим специалистом по материальной культуре русских И. И. Шангиной (С.-Петербург). Впервые в рамках проведенных в 2011–2013 гг. экспедиций А. И. Нечвалодой были осуществлены антропологические исследования русских РБ [26, 27, 28]. В результате проведенных экспедиций пополнили свои фонды предметами этнографии русских РБ музеи Уфы, Челябинска и С.-Петербурга (МАЭ ИЭИ УНЦ РАН, ЧГКМ, РЭМ).

На сегодняшний день в Башкортостане наиболее полно и подробно исследованы русские северо-восточных районов. В ходе экспедиций был собран богатейший корпус источников по материальной культуре, обрядности, этнографии детства, музыкальному фольклору [37]. Хочется верить, что проведенные исследования – только начало. Поэтапными, целенаправленными систематическими полевыми исследованиями должна быть постепенно охвачена вся территория Башкортостана, все районы компактного расселения русских. В итоге мы должны быть выявлены локальные особенности в традиционной культуре русских РБ. Желательно осуществить полевые исследования устоявшимся научным коллективом, что позволит легко сопоставлять, сравнивать, обобщать полученные результаты по различным территориям.

Необходимо предпринять все усилия, для того, чтобы собранные во время экспедиций материалы «по горячим следам» обрабатывались, расшифровывались и передавались в архивы, а следом непременно вводились в научный оборот – публиковались в виде сборников статей и материалов экспедиций. По итогам проведенных в 2000-х гг. полевых исследований уже подготовлены несколько книг и статей [5, 6, 29, 31, 37 и др.].

Необходимо взаимодействие ученых, осуществлявших исследования этнографические, фольклорные, лингвистические, антропологические, социологические, исторические, археографические, планирование совместных экспедиций, публикаций, конференций для обмена информацией, для координации усилий.

Конечной целью и итогом многолетних комплексных полевых этнографических исследований должен стать историко-этнографический атлас русских Южного Урала, в ко-

тором будут отражены не только основные составные материальной и духовной культуры, но их локальные варианты, их историческое развитие. Считаю эту амбициозную стратегическую цель одной из важнейших. Подобный атлас будет содержать вполне подробное, детальное, конкретное знание о традиционной культуре русских Башкортостана.

Начатые в XXI в. полевые исследования – это лучше, чем ничего, но с каждым годом степень сохранности традиционных элементов в культуре и в памяти информаторов все ниже. Многое уже утрачено. Для глубокого исследования традиционной культуры, которое подразумевает подготовка атласа, необходимо мобилизовать все уже имеющиеся источники, вводить их в научный оборот. Необходимо исследовать и публиковать экспедиционные материалы предшественников, собранные многие десятилетия тому назад: фольклорные записи экспедиций Н. П. Колпаковой и Э. В. Померанцевой, собранные в Башкирии среди русского населения в первой пол. XX в. (архив УНЦ РАН); материалы из фольклорного фонда филфака БГУ, которые активно собирались кафедрой русской литературы БГУ начиная с 60-х гг. XX в. В этом направлении уже сделаны первые шаги [25, 33].

Помимо экспедиционных материалов интереснейшим историческим и этнографическим источником неизвестными и недоступными для широкого круга исследователей являются краеведческие сочинения, мемуарные произведения, которые в виде рукописей (или изданий, вышедших небольшим тиражом), хранятся либо в государственных, научных, семейных архивах, либо в сельских, школьных музеях. Они содержат слепок жизни и быта давно разрушенного уклада. Такие тексты необходимо выявлять и публиковать. Нами в ходе проведенных экспедиций были обнаружены подобные сочинения, они отчасти опубликованы, отчасти подготовлены к публикации [9, 10, 23, 42].

Не менее важной задачей является оцифровка фотографий, аудио- и видеозаписей, хранящихся в научных архивах и фольклорных фондах.

В будущем необходимо наладить связи с краеведами на местах, содействовать краеведению на местах, поддерживать его методически: обеспечивать краеведов вопросниками, публиковать материалы их исследований. Даже школьные исследовательские работы содержат порою очень интересную информацию и тоже достойны публикации. Следует стремиться к созданию сети краеведов-информаторов на местах. Проводить совместные с ними этнографические и социологические исследования, обеспечивая их анкетами и вопросниками. Взаимодействие с краеведами позволит уточнять и дополнять собранные в поле материалы, мониторить ситуацию. Краеведческая работа будет содействовать пробуждению и поддержанию интереса к истории и культуре своих предков, своего села, выявлению и сохранению интереснейших артефактов, документов и фотографий. Уже существуют примеры плодотворного сотрудничества. Мы публиковали исследования краеведов и предполагаем широко практиковать это и впредь [15, 16, 18].

Другим важнейшим направлением работы должно стать изучение музейных коллекций по этнографии русских РБ. Предметы этнографии русских Башкирии представлены не только в музеях Уфы и других городов РБ, но также и в музеях Челябинска, Златоуста, С.-Петербурга (РЭМ) [24]. Они пока в подавляющем большинстве не опубликованы. Уникальными артефактами, как показывает опыт, располагают нередко многочисленные сельские и школьные музеи. Судьба их вызывает наибольшую озабоченность в связи с не всегда надлежащими условиями хранения экспонатов и в виду неофициального их статуса, что чревато утратой собраний в случае закрытия школ или уходом энтузиаста – создателя/хранителя музея (что иногда имело место). Обработка именно этих собраний на всей территории компактного расселения русских в РБ – наи-

более актуальная и сложная задача, сложная в организационном плане и затратная по времени, но все же насущная. Описание и публикация экспонатов из подобных общественных музеев спасет их для науки. Итогом этой работы должна стать публикация серии каталогов собраний этнографических предметов русских РБ в музеях Республики и других городов России. Нами подготовлен, но пока не поддержан проект такого музееведческого исследования. В этом направлении проделана уже большая работа: описаны собрания музеев в исследованных населенных пунктах, подготовлены рукописи каталогов уфимских коллекций, предметов из собрания РЭМ [30].

Собранные материалы должны стать объектом сравнительно-исторического анализа в контексте процессов внутриэтнического и межэтнического взаимодействий. В последние десятилетия накоплен обширный материал по этнографии народов Башкортостана для сравнительных исследований [7, 34, 39 и др.].

Таковы планы и насущные задачи этнографического исследования русских РБ на ближайшее десятилетие. Итогом многолетних полевых этнографических, археографических, музееведческих исследований должны стать сборники полевых материалов, музейные каталоги, монографии. Параллельно с ними необходимо готовить издания научно-популярного плана – красочные альбомы по одежде и декоративно-прикладному искусству русских Башкирии. Завершением многолетней напряженной работы должен стать, как уже писалось выше, историко-этнографический атлас. Осуществление намеченных целей, позволит ликвидировать существующее пока «белое пятно» в картине жизни русских на Урале – культурно-бытовые русских Башкортостана. Полученные данные могут быть использованы для сравнительного, сопоставительного анализа материалов по другим группам русского населения, для исследования процессов межэтнического взаимодействия в Республике Башкортостан и на Южном Урале в целом.

Список использованных источников

1. Артюшкина Е. И. Состав и роль приданого в свадебной обрядности русского населения Южного Урала в конце XIX – середине XX вв. // Этнография и фольклор народов Южного Урала: Русская свадьба.– Челябинск, 2006. – С. 27–37.
2. Бежкович А. С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии // Археология и этнография Башкортостана. Т. 5. – Уфа, 1973. – С. 61–93.
3. Брянцева Л. И. Песни из фольклорного фонда кафедры русской литературы Башгосуниверситета (1960–1976) // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. – Уфа, 1977. – С. 149–158.
4. Бусыгин Е. П. Материальная культура русского населения западных районов Башкирской АССР // Географический сборник, Вып 2. – Казань, 1967.
5. Галиева Ф. Г. Хозяйственная деятельность русского крестьянского населения Башкортостана (XIX – начало XXI вв.) // Традиционная культура народов Урало-Поволжья в Условиях модернизации общества: сб. ст. / отв. ред. Р.Р. Садиков. – Уфа, 2011. – С. 8–25.
6. Галиева Ф. Г. Этнографические исследования русского населения Башкортостана. – Уфа: Гилем, 2012. – 168 с.
7. Галямшин Р. Б., Садиков Р. Р. Удмурты // Народы Башкортостана: энциклопедия. – Уфа, 2014. – С. 288–310.
8. Данилко Е. С. Старообрядчество на Южном Урале: Очерки истории и традиционной культуры. – Уфа: Гилем, 2002. – 216 с.
9. Долгов. Блеск в тучах / рукопись. – 262 с.

10. Дудин Н. А. Русская свадьба в селе Ярославка Дуванского р-на Башкортостана в первой половине XX века / Публикация Е. Е. Нечвалоды // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки. / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – С. 234–238.
11. Здобнова З. П. Атлас русских говоров Башкирии. В 2-х ч. / АН. Респ. Башкортостан. 4-е изд. Ч. 1, 2. – Уфа: Гилем, 2008. – 406 с.
12. Здобнова З. П. Словарь русских говоров Башкирии. Выпуск 1–3. Уфа, 1997–2003.
13. Здобнова З. П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. – Уфа, 2001.
14. Зеленин Д. К. Черты быта Усть-Ивановских староверов // Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. Т. 21, вып. 3. – 1905.
15. Казанцев А. А. Брак и семья государственных крестьян с. Ярославка в XIX веке // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки. – Уфа, 2011. – С. 222–233.
16. Казанцев А. А. Хозяйство крестьян Ярославки в конце XIX – начале XX века // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки. – Уфа, 2011. – С. 46–56.
17. Касимовский В. Исторические очерки о Дуване. – Месягутово, 1991.
18. Кирякова Н. А. Русская свадьба (по материалам села Вознесенка) // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки. – Уфа, 2011. – С. 239–242.
19. Кривощеков А. На оренбургской пограничной линии // Вестник Оренбургского учебного округа. № 4. – Оренбург, 1914.
20. Кривощеков А. Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. № 2 . – Оренбург, 1915.
21. Круковский М. А. Южный Урал: путевые очерки. – М, 1909.
22. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю.– М., Наука, 1992. – 260 с.
23. Кучин П. М. Покуда сердце бьется. – Свердловск: Средне-уральское книжное издательство, 1969. – 120 с.
24. Лаженцева Л. В. Собрание предметов из села Ярославка Дуванского района РБ в фондах Златоустовского краеведческого музея // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – С. 327–330.
25. Материалы экспедиции 1949 г. МГУ им. М. В. Ломоносова совместно с башкирским НИИ истории, языка и литературы им. М. Гафури под руководством Э. В. Померанцевой / Публикация Ф. Г. Галиевой // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки. / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – С. 332–338.
26. Маурер А. М., Нечвалода А. И. Русские айско-юрюзаньского междуречья: обобщенный и интегрированный фотографические портреты // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки. / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – С. 40–44.
27. Нечвалода А. И. Материалы к антропологии русского населения северо-востока Башкортостана (Дуванский район) // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки. / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – С. 16–39.

28. Нечвалода А. И., Щербаков А. С. Русские // Народы Башкортостана: энциклопедия. – Уфа, 2014. – С. 238–263.
29. Нечвалода Е. Е. Одежда русского населения Дуванского р-на Республики Башкортостан // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – С. 99–142.
30. Нечвалода Е. Е. Собрания предметов материальной культуры русских айско-юрюзаньского междуречья в музеях Дуванского района Башкортостана // Русские айско-юрюзаньского междуречья: история, антропология, культура (историко-этнографические очерки) / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – С. 302–320.
31. Никонорова Е. Е. Илларионова Е. Н. Одежда русских Башкортостана в процессе межэтнических взаимодействий // Славянский мир: история и современность. – Уфа, 2008. – С. 40–48.
32. Новикова О. В. Традиционная одежда оренбургского казачества в конце XIX начале XX веков // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника АРКАИМ. – Челябинск, 1996.
33. Песни села Вознесенка Дуванского р-на в записях 1949 г. (экспедиции Э. В. Померанцевой) и 2009, 2011 гг. (автора публикации) / Публикация Ф. Г. Галиевой // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки. / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – С. 339–351.
34. Петров И. Г. Чуваши // Народы Башкортостана: энциклопедия. – Уфа, 2014. – С. 336–357.
35. Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917): социальная структура, социальные отношения. – Уфа, 2002. – 314 с.
36. Роднов М. И. У Истоков уфимской прессы. Вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. – Уфа, 2009. – 172 с.
37. Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – 380 с.
38. Рыбалко А. А. История и быт казаков Новолинейного района // АРКАИМ: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск, 1995.
39. Садиков Р. Р. Этноконфессиональные процессы в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья // Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья. – М., 2009. – С. 26–53.
40. Стариков Т. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1891.
41. Чайко Е. А. Свадебные обряды в горнозаводских районах Челябинской области в 1950-60гг // Этнография и фольклор народов Южного Урала: Русская свадьба. – Челябинск, 2006. – С. 75–84.
42. Чемерис В. П. Большеустьикинское в моей памяти и в свидетельствах прошлого / рукопись. – 2011. – 58 с.
43. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа, 1859.
44. Черкасова Е. Г. Двухремизные пестряди. Горнозаводская зона Челябинской области // Национальные культуры Урала. Народная одежда и текстиль. Материалы конференции. – Екатеринбург, 2006. – С. 72–75.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ: МИГРАЦИЯ, КОНСОЛИДАЦИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

ETNOPOLITICAL PROCESSES IN NORTH-EAST CAUCASUS: MIGRATION, CONSOLIDATION, POLITICAL MYTHS & PROBLEMS OF IDENTITY

Е. М. Поляков (ВГУ, Воронеж, Россия)
E. M. Polyakov (VSU, Voronezh, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена анализу актуальных этнополитических процессов на Северо-восточном Кавказе – регионе открытых этнополитических конфликтов. Автор показывает, как демографические изменения в структуре населения региона влияли на идентичность жителей и конфликтную динамику.*

Abstract. *This article analyzes the current ethno-political processes in the North-Eastern Caucasus – a region of open ethno-political conflicts. The author shows how demographic changes in the population structure of the region influenced the identity of residents and conflict dynamics.*

Ключевые слова: *Чечня, Дагестан, Ингушетия, миграция, идентичность.*
Keywords: *Chechnya, Dagestan, Ingushetia, migration and identity.*

Введение. Северо-восточный Кавказ, регион, в котором произошли два вооруженных этнополитических конфликта (русско-чеченский и осетино-ингушский), а также ряд межэтнических конфликтов находятся в латентной стадии, является своеобразным «аттрактором» для исследователей национально-этнической политики. Это уникальный регион знаменит не только своей географией или лингвистической картой, но и тем фактом, что тяжелое прошлое и наличие, как кажется, имманентных дестабилизирующих факторов не привели его к хаосу и коллапсу, или к отторжению от России.

Даже проект «ичкерийской государственности» оказался, в конечном итоге, нежизнеспособным и малопривлекательным для населения региона. Народы Кавказа давно сделали исторический выбор в пользу России, и события последних десятилетий лишь укрепили их в правильности такого выбора.

Давайте попытаемся проанализировать причины и последствия основных этнополитических процессов, протекавших в трех республиках Северного Кавказа – Дагестане, Ингушетии и Чечне, опираясь на знания исторических фактов, политической динамики и демографии.

Дагестан. 20 января 1921 г. из Дагестанской области и Хасавюртовского округа Терской области были образованы Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР. Последующие десятилетия отмечены относительно стабильностью в плане административного устройства. Единственным серьезным испытанием можно назвать ситуацию, вызванную депортацией чеченцев.

Тогда, в 1944 г., был упразднен Ауховский район, большая часть которого отошла вновь созданному Новолакскому району и созданы ряд районов (например, Ногайский) из числа территорий, полученных от Ставропольского края и Грозненской области (существовавшей на территории Чечни в период депортации ингушей и чеченцев в

1944–1956 годы). Дальнейшие административно-территориальные преобразования в Дагестане не выходили за рамки муниципальных образований.

Следует отметить, что национально-государственное строительство Дагестана в целом повторяло этапы, характерные для всего Северного Кавказа в XX веке. Этих этапов можно выделить пять. Первый этап (1917–1922 гг.) связан с образованием основных территориально-политических единиц, которые с некоторыми видоизменениями сохранились и в настоящее время.

Второй этап (1922–1929 гг.) связан с формированием на основе региона крупного административно-территориального образования – единого экономического района Северокавказского края (правда, за исключением Дагестана) с центром в Ростова-на-Дону.

Третий этап (1929–1941 гг.) был связан с обратной тенденцией: разделением края на более мелкие единицы – края и области, с преимущественно русским населением, и автономные области и республики.

Четвертый этап (1941–1958 гг.) охватывает период, в который совершались многочисленные, но краткосрочные по историческим меркам переделы территорий, что было вызвано депортациями.

Наконец, пятый этап (1958–1990-е гг.) связан с различными попытками восстановления прав репрессированных народов и возрождением их автономий [12, с. 63]. Поскольку пятый этап пришелся на период становления современной России, рассмотрим его подробнее.

13 мая 1991 г. сессия III Съезда народных депутатов ДАССР приняла постановление «О государственном статусе Дагестанской АССР», согласно которому республика была провозглашена Дагестанской Советской Социалистической Республикой – Республикой Дагестан (ДССР-РД) в составе РСФСР (соответствующие изменения в Конституцию были внесены только в октябре 1993 г.).

В августе 1992 г. Верховный Совет Республики и в ноябре 1992 г. Съезд народов Дагестана одобрили основные положения новой Конституции Республики Дагестан. Однако проведение конституционной реформы было отложено почти на год. 22 октября 1993 г. Верховный Совет РД принял постановление о реформировании системы органов республиканской власти. 12 декабря население Дагестана на втором референдуме вновь высказалось против введения поста президента (68,1% против 30,8% – за). Обратим внимание: за полтора года в общественном сознании жителей РД произошло снижения категоричности в вопросе о введении поста президента: с 83% до 68,1%, т. е. почти на 15 пунктов.

26–27 июля 1994 г. состоялось заседание Конституционного Собрания РД, которое утвердило новую Конституцию РД. Высшим органом исполнительной власти в Дагестане стал Государственный Совет РД – коллегиальный орган власти, который обеспечивает взаимодействие органов государственной власти. В октябре 1994 г. Верховный Совет РД принял «Закон о выборах Народного Собрания Республики Дагестан», в соответствии с которым ЦИК республики мог осуществлять квотирование мест в парламенте и создавать специальные избирательные округа.

Начало XXI века можно выделить в шестой этап, для которого характерен возврат к идее двадцатых годов, которая нашла воплощение в виде Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, а не краев (зато теперь с включением в них Дагестана). Если «спрямить» поиски центральной власти и выделить стержневое содержание этих административных преобразований, то легко заметить колебание между двумя «полю-

сами»: формирование региона как целостной административной единицы или как системы рядоположенных административных единиц [5, с. 128].

В конце XX века в Дагестане возникли многочисленные этнические движения («Тенглик», «Садвал» и др.), выступавшие за предоставление отдельным дагестанским народам автономии внутри республики, т. е. за «федерализацию». Республиканским властям удалось, опираясь на более многочисленные горские народы, традиционно доминирующие в дагестанской политической системе, наладить диалог с оппозиционными силами и удержать стабильность политической ситуации.

Сложившееся еще с 20-х гг. «прерывистое равновесие» между крупнейшими этносами Дагестана (аварцами, даргинцами и кумыками), выражавшееся в том, что представитель каждого из них занимал одну из ключевых должностей (секретарь обкома КПСС, председатель Совмина и председатель Верховного совета), удалось сохранить и в период демократических реформ.

Более того, это «этническое разделение властей» более-менее удалось институализировать с помощью Конституции Дагестана и ряда республиканских законов [5, с. 141–143]. Однако сами дагестанские исследователи обращают внимание на то, что этническая характеристика при формировании политической элиты – только внешняя форма, в которую облекаются объединения, выстроенные по экономическим интересам, вследствие чего доступ в эти объединения оказывается крайне затрудненным [1, с. 33].

Если свести к общему знаменателю данные по численности основных этнических групп Дагестана, то мы увидим, что разные народы имели различную скорость прироста своей численности. Неуклонно увеличивалась численность (а в сравнении с другими народами – и доля) аварцев, даргинцев, кумыков и лезгин, т. е. четырех крупнейших народов Дагестана (на них приходится около 60% населения в начале века и более 70 сейчас). Весьма противоречивую динамику, с перемежающимися взлетами и падениями, показывают рутульцы, таты и армяне. Особняком стоят русские, чья абсолютная и относительная численность сокращаются вот уже почти полвека.

Несмотря на миграцию горского населения на «плоскость» и «чересполосное» заселение равнин, в Дагестане в целом сохраняется порайонный этнический баланс (с некоторым перекосом в пользу аварцев как самого многочисленного этноса): из 51 муниципалитета (городов и сельских районов) аварцы составляют большинство в 16, даргинцы – в 5, кумыки и лезгины – в 4, лакцы и табасараны – в 2, рутульцы, ногайцы и азербайджанцы – в 1 каждый. Остальные этнические группы расселены дисперсно или слишком немногочисленны, чтобы даже в местах компактного проживания составить большинство населения. [10].

Исходя из этих данных, мы можем говорить о трех важных тенденциях:

- коренизации дагестанского населения и победе в межэтнической конкуренции «большой четверки» (аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин);
- победе «гор над равниной», ибо равнинно-городские этносы (русские, армяне, ногайцы) теперь составляют меньшинство населения Дагестана;
- «превосходстве» кавказского мира над тюркским – из 4 наиболее многочисленных народов тюркский только один (кумыки), наиболее распространенный язык (не считая русского) – аварский, и даже наличие других тюрок – азербайджанцев и ногайцев – не исправляет положение.

Чечня. События двух последних десятилетий обусловлены динамикой этносоциальных и этнополитических процессов в собственно чеченской среде. Они могут быть

охарактеризованы как возникновение новой этнополитической доминанты Северо-Кавказского региона. Поскольку в этнополитических конфликтах важную роль играет групповая идентичность и «я-концепция», рассмотрим сюжет о формировании и трансформациях этнического сознания и самосознания чеченцев в советский и постсоветский период подробнее.

На проблему этнической самоидентификации влияли два важных фактора: образование населения и историческая мифология (особенно касательно происхождения чеченцев и их присоединения к России). По первому фактору важно отметить, что долгое время чеченцы имели низкий уровень грамотности даже на родном языке в сравнении с соседними народами (особенно осетинами) и как следствие, низкий социальный статус. Например, в парторганизации Горской АССР чеченцы, будучи самым многочисленным народом, занимали четвертое место, уступая не только русским и осетинам, но и ингушам. [8, с. 40]. Депортация в середине века и обе чеченские войны в конце века только усилили этот разрыв (см. таблицу 1).

Хотя в Чечне наблюдается высшая скорость прироста доли лиц с высшим образованием (из числа рассмотренных регионов), при сохранении темпов отставание от соседей будет ликвидировано не ранее середины тридцатых годов XXI века. Все это заметно осложняет воспитание подрастающих поколений, формирование интеллигенции и укрепление этнического самосознания (для чеченцев до сих пор значительную роль играет тейповая, т. е. родовая идентификация и вирдовая принадлежность).

Таблица 1

Число лиц с высшим образованием в республиках Северного Кавказа, в расчете на 1.000 жителей

Год/регион	Чечня	Ингушетия	Дагестан	Осетия
2002	71	108	120	195
2010	115	164	181	264

Более того, построение гражданской, а не этнической нации тесно связанно с индустриальным производством и городским образом жизни. С этим у чеченцев тоже есть проблемы. Большая часть их после депортации поселилась в сельской местности, и для этносоциальной структуры восстановленной Чечено-Ингушской АССР была характерна диспропорция, которую условно можно назвать «русский город – автохтонное село» [5, с. 132–138].

Для самих чеченцев, депортация была и остается чем-то вроде «второго рождения». Пожалуй, она сродни теме Победы для русского национального самосознания, и игнорирование такой тематики официальной наукой и властями не могли не способствовать постепенной радикализации. Чеченский кризис начала 1990-х годов породил или актуализировал богатую мифологию об истории и современном облике чеченского народа.

Один из доминирующих – миф об исключительном природном свободолюбии и благородстве, другой – миф об исключительной древности чеченцев [15, с. 73]. Идея древности подтверждалась родственными связями нахско-дагетсанских и хурритоурартских языков, а изучение чеченского и ингушского языков (по количеству часов уравненных с русским) с первого класса во всех школах сделалось обязательным. Крайне ревизионистские версии древней истории чеченцев поддерживались Дж. Дудаевым, который способствовал деинтеллектуализации Чечни [14, с. 145].

Востребованность подобных версий объяснялась тем, что они отвечали задачи консолидации чеченцев в условиях жесточайшего кризиса. Той же цели служили использование образа тотемного предка (волка), политический ислам и популярный с конца 1980-х годов лозунг «Нас миллион!». Последний, хотя и преувеличивал реальную численность чеченцев (по переписи 1989 года во всей России их было чуть менее 900 тысяч человек), но позволял требовать к себе более уважительного отношения по политическим мотивам.

Дело в том, что советская иерархия этнических образований (союзная республика – автономная республика – автономная область – автономный округ) была в свое время введена И. В. Сталиным на основании довольно-таки волюнтаристских критериев. Среди условий, позволяющих народу претендовать на получение статуса союзной республики были, в том числе, окраинное географическое положение, наличие промышленной базы и численность в миллион человек [13, с. 167].

Чеченцам именно последнего критерия и не доставало, чтобы обосновать свои повышенные статусные притязания. Рупорами этих и других мифов были чеченские СМИ и публикации чеченских интеллектуалов за пределами Чечни. Отметим, что в основном, это были публикации на русском языке, то есть ориентированные не только на чеченскую аудиторию.

Одной из главных идей, пропагандировавшихся интеллектуалами, состояла в том, что, во-первых, чеченцы никогда не вели агрессивных войн и никогда не посягали на чужие территории, а с другой, никому не давали себя покорить. Подобное «сочетание несочетаемого» и апелляция к давнему историческому прошлому в своеобразной трактовке является наиболее типичной практикой при политическом мифотворчестве [6, с. 51].

Изначально лидеры «чеченской революции» намеревались строить светское демократическое правовое государство (как они его понимали). Однако после столкновения с оппозицией 31 марта 1992 года Дж. Дудаев стал опираться на происламских традиционалистов. Позднее была оказана поддержка тарикату кадирийя в противовес тарикату накшбандийя. [6, с. 51]. Похоже, что окончательное решение в пользу строительства исламской модели государственности Дж. Дудаев принял к началу 1993 года, навязав в мае парламенту идею об объявлении ислама государственной религией.

Первая чеченская война повлекла быструю исламизацию общества, увидевшего в исламе мощную идеологию сопротивления. Именно во время войны в школах Чечни началось преподавание основ ислама, а девушек обязали покрывать голову платком. Постепенно религиозная идентичность стала занимать все большее место в сознании чеченцев. Если в 1990-м году опросы фиксировали почти полное отсутствие предубеждений по отношению к иноверцам, то в 1995-м году их уже было более четверти, особенно среди молодежи. То же касалось и межэтнических отношений: около трети населения винило в бедах чеченцев исключительно русских [4, с. 247].

Ингушетия. На этническом сознании ингушей существенно сказалась как сама депортация, так и отношение к ингушам после их возвращения на родину. Весь позднесоветский период (1960–1980-е гг.) ингуши в ЧИАССР и СО АССР были этническим меньшинством, испытывали трудности с развитием своей культуры, получением высшего образования, трудоустройством.

К этому добавлялось опасение ассимиляции как со стороны чеченцев (особенно на фоне применения этнонима «вайнахи», который должен был способствовать нивелированию «буржуазного национализма»), так и со стороны русских, учитывая невоз-

можность для многих ингушей изучать свою историю и литературу наравне с русской, даже в «своей» республике.

В 1970–1980-е гг. ряд ингушских интеллектуалов и общественных деятелей предпринимали шаги, негативно воспринимаемые советской властью, направленные на историческую реабилитацию и улучшение положения ингушского населения в Пригородном районе. Хотя это были мирные акции, партийное руководство их жестко пресекало [16, с. 290–296].

Хотя в начале 1970-х гг. положение несколько улучшилось (на радио и ТВ появились передачи на ингушском языке, его стали преподавать в школах), это были паллиативные меры. Кроме того, на официальном уровне продолжали происходить инциденты, которые иначе как шовинистическими не назовешь. Например, в 1981 г. в книге «Следствием установлено» за авторством В. Петухова ингуши были выставлены преступным народом, а ислам – преступной религией [2, с. 96–102].

Накалявшаяся обстановка впервые приняла насильственный оборот за десятилетие до осетино-ингушского конфликта. В конце октября 1981 г., после убийства осетинского таксиста, в Орджоникидзе прошел митинг под лозунгом «Осетия без ингушей!», переросший в захват здания обкома КПСС и трехдневные массовые беспорядки.

На протяжении всех восьмидесятых годов в среде ингушской общественности циркулировала идея о необходимости восстановления своей государственности как единственного способа решения территориальной проблемы. В немалой степени этому способствовало безразличие Грозного и Москвы к сигналам с мест. Ингуши сами себя воспринимали как разделенный народ, лишенный «исторической земли». Причем ради «восстановления справедливости» (то есть получения Пригородного района) предлагались даже такие способы, как создание Осетино-ингушской республики с центром в Орджоникидзе [16, с. 300–301].

Любопытно, что подобную «химеру» уже в наши дни «воплотил» так называемый Имарат Кавказ, в чей состав входит «вилайят Галгайче», состоящий из территорий РСО–А и РИ.

Очевидно, что радикальный национализм части ингушей в постсоветской России смог найти выход только в совместном с исламизмом проекте. Тогда же, четверть века назад, требования ингушей были сугубо светскими. Начавшаяся на стыке 1980–1990-хх гг. демократизация общественно-политической жизни лишь подстегнула усилия по возрождению ингушской государственности. Но, как и многие аналогичные проекты, он носил скорее внеправовой характер. 15 сентября 1991 г. на съезде депутатов разных уровней от Ингушетии было объявлено о создании Ингушской республики в составе РСФСР. Чуть позднее, 6–7 октября, Оргкомитет по восстановлению ингушской государственности на III съезде ингушского народа выступил с осуждением этой поспешной декларации, ибо республика не может быть образована до возвращения «аннексированных земель» [7, с. 13–14].

Под влиянием событий 31 октября-5 ноября 1992 года (вооруженная стадия осетино-ингушского конфликта), Москва напрямую вмешалась в процесс ингушского нациестроительства. На территории трех районов ЧИАССР, населенных преимущественно ингушами, 28 ноября была образована Временная администрация Ингушетии во главе с Р. С. Аушевым. Через три месяца, 28 февраля 1993 г. он выиграл первые президентские (безальтернативные) выборы, а 20 марта 1993 г. – подписал Кисловодские соглашения с РСО-А, послужившие базой для постконфликтного урегулирования, в частности, для решения проблемы беженцев и переселенцев из Пригородного района.

Девяностые для Ингушетии были периодом тяжелейших испытаний, т. к. требовалось наладить социальную инфраструктуру (школы, вузы, больницы, детские сады и т. д.), обустроить беженцев (не только из Осетии, но позднее и из Чечни), организовать работу органов власти. С последним пунктом возникли наибольшие трудности на местном уровне – до сих пор у Ингушетии нет официальной административной границы с Чечней, а руководство последней оспаривает принадлежность Сунженского района.

В этническом плане Ингушетия стала монолитной: согласно данным ВПН-2002 ингуши составляли свыше 77% населения республики (и это на фоне нескольких десятков тысяч беженцев из Чечни), а по данным ВПН-2010 – уже более 93%. Однако проблемы с образованием, и как следствие, с сохранением собственной культуры, не решены – только две трети ингушей, проживающих в своей республике, знают родной язык, в то время как у чеченцев этот показатель – 99%. При этом доля ингушей, знающий родной язык, в целом по РФ составляет 71% [9].

То есть, воссоздание своей государственности, как необходимое условие самосохранения и защиты от ассимиляции, не дало ингушам видимых преимуществ. Скорее наоборот – учитывая трагические события недавнего прошлого, «кровавой ценой» было куплено всего лишь символическое возрождение.

Впрочем, подобный вывод можно сделать обо всех попытках этнонационального возрождения на Кавказе (как Северном, так и Южном): ставка на консолидацию народа в рамках мифологемы возращения утраченных территорий и восстановления исторической справедливости (оборачивающейся несправедливостью по отношению к другим народам), приводит к результатам.

Список использованных источников

1. Атаев М. М., Гаджиев Н. М. Этнополитические процессы в постсоветском Дагестане. – Махачкала, 1997. – 160 с.
2. Базоркин М. М. История происхождения ингушей / М. М. Базоркин. – Нальчик : Эль-Фа, 2002 (Респ. полигр. комб. им. Революции 1905 г.). – 289 с.
3. Базоркин М. М. История происхождения ингушей. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – С.96–102.
4. Берсанова З. Система ценностей современных чеченцев (по материалам опросов) // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999. С. 223–249.
5. Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. С. 132–138.
6. Корниенко Т. Сущность и структура политического мифа / Т. Корниенко // Власть. – 2009. – № 10. – С. 49–53.
7. Костоев Б. У. Преданная нация: О некоторых уроках становления Ингуш. Респ. / Б. У. Костоев. - [Владикавказ] : Гуманитар. фонд Ингушетии, 1995. – 112 с.
8. Кохорхоева Д. С. Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа : 1917–1944 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 Элиста, 2001. – 243 с.
9. Официальные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Электронный ресурс. Режим доступа – URL: www.gks.ru
10. Официальный сайт правительства Республики Дагестан // [электронный ресурс]. – Url: http://www.government-rd.ru/dagestan/karta/regions

11. Поляков Е. М. Проблемы формирования этнической идентичности чеченцев / Е. М. Поляков // Российский журнал исследований национализма. – 2012. – № 2.
12. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений : Учеб. пособие / Сикевич З. В. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1999. – 203 с.
13. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. – М., 1949.
14. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. – М, 2001. – 552 с.
15. Тишков В. А. Чеченский кризис / В. А. Тишков, Е. Л. Беляева, Г. В. Марченко; Отв. ред. Л. А. Беляева; Центр комплекс. социал. исслед. и маркетинга, [Общерос. об-ние «Круглый стол бизнеса России»]. – М. : Изд-во ЦКСИИМ, 1995. – 73 с.
16. Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: НЛО, 2006. – С.290–296.

ОНТОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ONTOLOGY OF ETHNIC IDENTITY AND THE FORMATION OF CIVIL CULTURE

А. Г. Пудов (Якутская ГСХА, г. Якутск, Россия)
A. G. Pudov (The Yakutsk state agricultural academy, Yakutsk, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена анализу структуры феномена идентичности в котором актуальность гражданского компонента задается онтологическим типом идентичности. Модернизация этнокультур в ключе идентичности подразумевает формирование сопряжений этносимволизма сознания с символически заданной метафизикой гражданских состояний.*

Abstract. *Article is devoted to the analysis of structure of a phenomenon of identity in which relevance of a civil component is set by ontologic type of identity. Modernization of ethnocultures in a frame of identity means formation of interfaces between ethnosymbolism and symbolically set of civil states.*

Ключевые слова: *этнос, идентичность, онтология идентичности, символы сознания этноса.*

Keywords: *ethnos, identity, ontology of identity, symbols consciousness of ethnos.*

Любые политические задачи, формулируемые властью для общества взаимодействуют с цепочкой трансляции, которую можно привязать к триаде «личность – общество – культура». В данной последовательности, первый элемент «личность», подразумевает личностные основания индивида или то, что делает его по определению свободным существом, поступающим по мысли. В данном случае мы имеем дело с явлением экзистенциального уровня идентичности человека с самим собой. Это классическая проблема, проблема европейского человека, отрефлексированная и отраженная в философской литературе. Идентичность данного уровня сопряжена с узнаванием мысли, ее рождением.

Вторым элементом является «общество». Данный уровень связан с конфликтом между внутренними притязаниями свободной личности и существующими формами социальных взаимоотношений. Проблема идентичности на данном уровне отражается идеологической оберткой, так и фактическими отношениями, завязывающими фактическое бытие, являющееся результатом социального взаимодействия.

Третий элемент триады «культура», отражает культурный формализм, определенную традицию, норму и ритуал и поэтому связан с проблемой идентичности на уровне чистых идеологических конструктов.

Говоря о новой культурной парадигме развития национальных регионов России, необходимо рассмотреть состав и соотношение фактического и идеологического уровней сознания, бытия сообщества того или иного региона в разрезе трех уровней указанной триады.

Вырисовывается два базовых уровня идентичности, которые можно обозначить как: 1. Внутренняя (экзистенциальная) идентичность и 2. Внешняя (идеологическая) идентичность. Эти два уровня по-разному конструктивны для рассматриваемых политических процессов формирования национальных и государственных задач и приоритетов развития. Второй уровень – идеологической идентичности есть субстрат для национального единения, политических задач и консолидации общества.

Философское понимание феномена «identity» (айдентити) можно определить через уровень «онто-идентичности», связанный с непсихологическим «я». Не вдаваясь в подробное объяснение философского понимания «я», отметим, что данное разделение у философов прослеживалось с эпохи Нового времени. Существует разделение на психологическое, субъективное «я» и непсихологическое, вырастающее в акте трансценденции. Это некое бессубъектное сознание, лишенное психологических свойств, а значит без накрутки любой идеологии.

Как отмечает М. К. Мамардашвили в своей работе «Эстетика мышления» [1], были яркие представители в европейской культуре, которые не только пытались разрешить данную проблему, сколько сами являлись указанной «ходячей проблемой». Таковым, например, был Антонен Арто – французский театральный экспериментатор и теоретик. Мучительная проблема рождения мысли, переживалась Арто на его теле, которое никак не хотело «выпадать в мысль». Человек, рождающийся в акте трансценденции, точно не знает на каком уровне найти себя и что с собой отождествить.

Итак, сформулируем сущность внутренней идентичности человека. Внутренняя идентичность человека осуществляется независимо от внешних условий жизни и представляет онтологический уровень осуществления мысленного тождества. Это понимание, мысль, тождество мысли самой себе, что неминуемо требует наличие индивида и его экзистенциального усилия.

В отличие от первого типа идентичности, социокультурная идентичность, как правило, складывается стихийно. Она присуща группам людей, отделяющих себя от представителей других групп по признаку традиции, происхождения, языка, веры, земли, в общем, – конкретного типа культуры. Существует в научной литературе такое определение социокультурной идентичности: это «совокупность представлений человека о себе и своем положении в обществе, а также связанных с этими представлениями чувств, оценок и намерений, которые формируются на основании отождествления себя с определенными культурными моделями и ролевыми функциями, с социальными институтами и отношениями». Идеологизаторская работа включает в себя комплексный сплав жизненных пафосов и готовых картинок-представлений в изобилии присутствующих у каждого индивида.

Существенное отличие политической идентичности от социокультурной, видится в природе признака отличия. Прежде всего, идеологическая надстройка, надстоящая над социокультурной идентичностью опирается на определенные виды идей, ценностей и псевдосимволов, которые надэтничны, надкультурны, и которые сознательно продуцируются социальными институтами. Таким образом, политическая идея, ценность и псевдосимвол выполняют дифференцирующую социальную функцию.

Целостность России обеспечивается не столько функционированием общего экономического и политического пространств, но и за счет единой для всей страны социокультурной идентичности, которая в России на настоящий момент не задействована.

Следует вспомнить поиски национальной, объединяющей идеи всей России, а также современные поиски идентичности народов России, путем трансформации государственных праздников социалистического прошлого в праздники современного единения на фоне эмоциональной энергетики прошлой эпохи. В политических дискуссиях проскальзывает мысль о том, что поиск национальной идеи, есть симптоматика социального заболевания.

Фактически следует, что идеологизаторский задел прошлых эпох не исчерпал себя и, можем сказать, «живее всех живых». Он стал частью менталитета старшего и среднего поколения. Отчасти, в силу патерналистских свойств в нашем менталитете и отсутствия традиции автономной жизни, свободной от всяких идеологий у нас в России, прошлый опыт сгодился для внедрения его подрастающим поколениям. Последние, охотно ведутся. Хотя скорее от молодого поколения мы бы ожидали ориентацию на все живое, а не имитацию живого. Это результат отсутствия традиции артикулированного, гражданского поля, в котором бы что-то активно обсуждалось, не замалчивалось и односторонне освещалось в СМИ. Молодежь подобно старшему поколению обретает знак, который им присвоили.

Когда мы сталкиваемся со столь скользкими по своей природе символическими понятиями как нация, гражданское и правовое сознание, символ, цивилизованность, демократия, в силу нашей утопленности в эмпирике окружающего мира, в голову начинают проникать «дубли мыслей» – идеологические остатки мысли, отпечатки рефлексивного акта. В этом случае возникают «упрощенческие схемки», ухватывающие буквально, в готовых картинках-представлениях мысль. Схожая ситуация произошла и происходит в нашей стране с феноменом суверенитет и принципом федерализма.

А цивилизованная форма общежития для своего бытия нуждается в каждодневном усилии. Другими словами цивилизованность – это усилием воспроизводящееся состояние сознания, нация – это состояние сознания, суверенитет – также из разряда символических конструкций сознания. Оставаться обществу в данных формах можно лишь снова и снова их рождая. Э. Ренан, а затем Хосе Ортега-и-Гассет о сущности нации сказал: «Жизнь нации – это ежедневный плебисцит, т. е. постоянный процесс выявления, налаживания и поддержания уровня консенсуса относительно целей и средств, необходимых для воплощения ценностей данной нации в формах государства, образе жизни, внешних проявлениях культуры».

Таким образом, цивилизация, нация, правосознание, демократия, суверенитет и близкие им понятия, в основе своей, являются символами, символическими состояниями сознания. Они характеризуются духовным усилием людей, постоянным процессом связывания целей и средств в гармонию единства.

Государство поглотил кризис доверия. Это недоверие между федеральным Центром и субъектами федерации, между властью и обществом, между чиновником и

предпринимателем, преподавателем, наемным рабочим. При этом, если символическое удержание состояния цивилизованности отсутствует, то это будет приводить к ситуации двойных стандартов. Естественно, что реальный федерализм в подобных условиях реализован не будет и не станет понятен обществу.

Нам необходимо практиковаться в установлении артикулированных (символических) форм, научиться доводить эти формы до выявления их смысла. Люди должны понять, что это достойные традиции формы человеческого общежития, достойные национальных идей в нашей стране.

Другой важный аспект идентичности возникает в связи с культурными и экономическими процессами интеграции и взаимопроникновения явлений унификации массовой культурой. Этносы перемешиваются. Нельзя забрать свою родную землю, с соответствующей ей природной средой на которой этническая культура взошла и расцвела. Но можно «перемещать» в другие земли вторичный этнический символизм, а это есть качество этнического сознания, которое в отличие от природной среды обладает свойством мобильности. Но проблема заключается в том, что впереди следует «защитный пояс» этнического символизма, до конца не отрефлексированный, и превращенный в идеологические конструкты – лозунги, призывы, идеи. Выражается это в современном мире ростом фундаментализма, сопротивления культурной ассимиляции.

Решение данной проблемы видится в том, что необходимо символотворчество, сплав и синтез вторичных этнических символических образований и гражданско-правовых, выработанных европейским логосом [2, 3].

В нашей стране на гребне активных процессов глобализации возникнет явление упомянутого выше «защитного пояса» этнических культур. Поэтому в Республике Саха (Якутия) необходимо заранее проводить своего рода превентивную работу по выявлению возможных проблемных точек непроницаемости разных идентичностей, например, таких как молодежь из улусов и городская молодежь, молодежь, прибывающая из республик бывшего Советского Союза на заработки. Нам кажется, что события октября, ноября 2005 г. во Франции и других странах Европы, связанные с хулиганскими и негражданскими проявлениями молодежи, дают почву для глубокого анализа возможных упущений в работе с различными моделями идентичностей.

Онтологическое пространство реальных символов высвобождает избыточную страсть для того, чтобы что-то было. В таком ключе необходимо искать способы онтологического среза идентичности этноса и нации. К сожалению, естественным способом реализации этой возможности в традиционном обществе была закрытая к бытию как токовому форма, под названием миф. В мифологически конципированном символе бытие присутствует в снятой форме.

Если говорить о функции символической онтологизации сознания в предлагаемом ключе этномодернизации, то следует отметить важность перехода от социокультурной идеологической идентичности к экзистенциальной. Сутью последней является приобретение от воссоединения человека с живой мыслью гражданских завоеваний европейского логоса. Социальный срез бытия в данном аспекте являет тот уровень экзистенциальной идентичности, который будет формировать в широких слоях населения гражданскую инициативу и самостоятельное ответственное участие в реализации собственной жизненной стратегии. Экзистенциальная идентичность является формообразующим основанием для других способов идентичности. Если данный тип лежит в основании всех типов существующих идентичностей, то он обеспечит фундаментальную привязку и цельность всех составляющих в человеке как члене общества с гражданской позицией.

Любая идентичность подпитывается актами самобытия – как в наличной, так и снятой форме. Если в социокультурной идентичности этноса данное основание наличествует в снятой форме, то это означает, что в основании этнической идентичности лежит «скрытое», «задремавшее» бытие. В содержательном аспекте «скрытое бытие» образовано этническим символическим пространством. Вторичный по природе этнический символ сформирован на основе первичного символизма (или может быть редуцирован к первичному/ метафизическому символу), имеющего непосредственное отношение к бытию. Однако вторичный этносимвол сформирован под мифологический способ «кодирования-интерпретации». Между тем, несмотря на это, он своей способностью позволяет человеку традиционного общества исполнять прикладную значимость – оставаться в истине относительно нравственных императивов. Этнический символизм мифа – функционален. Спектр этнических символов жестко эксплуатируется сегодня национальными политическими элитами с целью национальной консолидации, агрегации национальных интересов. Его изначальная функциональность невостребована.

Широко используется национальный символизм в искусстве для целей как примитивной этностилизации, так и действительного одухотворения современных видов и жанров искусства национальным колоритом, вопрошающих к генезису человеческого в человеке.

Современная задача связана с решением проблемы сохранения и продления существования онтологического основания в вопросе этнической национальной идентичности. Существует в связи с этим насущная задача расширения мира в точке этнического символа. Она заключается в необходимости сопряжения этнического символизма с универсальным символизмом, данным в завоеваниях философской и христианской культуры. Последнее станет важнейшей социокультурной задачей. Простая имитация и репликация этнического символизма породит инерционное море мертвых смыслов, угадать за которыми истинный смысл будет почти невозможно. Точно также сегодня мы ничего не можем сказать о каких-то тотемных вещах и символах ушедших цивилизаций. Они для нас представляют «нулевую» в культурном плане ценность. Налаживание сопряжений, выход этнических символов на универсальный символизм – вот главные культурные доминанты в эпоху глобального культурного саморазвития.

Этнический культургенез традиционного общества наших предков – коневодов, скотоводов, рыболовов, охотников и земледельцев можно представить моделью порождения четкого спектра символических констант, как связанных с природно-климатическим и хозяйственным ландшафтом, так и собственно формирующим его. Пространство возникших символов зарождающегося этноса, порождает вокруг себя расширяющееся пространство культурных форм и формализмов, псевдосимволов и просто знаков.

Для неорганически модернизированных этносов закончился этап этнической самоидентификации и самоинституциализации. Сегодня должен начаться этап этномодернизации. Потенциал этнического символизма с приложением к социальной размерности традиционного общества закончился, наступил этап раскрытия универсального начала в этническом пространстве символов, выход и сопряжение с символами философской культуры, т. е. с полем гражданской инициативы и отвлеченных духовных завоеваний христианской ойкумены.

В связи с вышесказанным, становится понятным, что модернизация этносов (этномодернизация) – онтологический процесс выявление новых бытийных форм, наполненных новым содержанием. В политически инициированных модернизациях не суще-

ствует преобразований на онтологическом уровне. Они представляют идеологически инициированную модернизацию, вариант внешней социальной модернизации, в которой отсутствует сопряжение с символическим спектром перенимаемой культуры.

Этномодернизация таким образом, должна вобрать в себя экзистенциальную доминанту, основываться не на этническом символическом пространстве традиционного общества, которое напоминает о бытии, а на преобразованном символическом пространстве, которое само есть бытие, культурное «схватывание» бытия. Не просто оставаться в истине, которую кто-то когда-то за тебя решил, а открывать истину в каждый данный момент. Философский символизм на это способен, он способен на взрывание символом живой мысли. Девиз Рене Декарта в случае этнической модернизации остается действенным – «выковать нового человека – из человека ветхого». Этномодернизация, основанная на экзистенциальной идентичности – это путь от обычая к закону. Где под законом подразумевается не столько конкретный закон, а логос, саморождающий исключительно законные мысли. Это есть умение удержания определенной формальности, полное удержание формы и ее окончательное выполнение.

Мы считаем, что творчество символических конструктов – это первейшая прерогатива художников, деятелей искусства, ответственных за создание искусственных форм, образующих «понимающие модели». Часто они соразмерны слабым, неотрефлексированным веяниям, возникающим в обществе. Любой творческий человек перманентно производит символические конструкты, помогающие ему самому «коммуницироваться» со своим сознанием.

Список использованных источников

1. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: «Московская школа политических исследований», 2000, – 416 с.
2. Новиков А. Г., Пудов А. Г. Менталитет северян в контексте циркумполярной цивилизации. Якутск, 2005. С. 156.
3. Пудов А. Г. Эстетика символического в эпоху транзитивной социальной реальности / А. Г. Пудов. – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2014. – 336 с.

МЕСТО И РОЛЬ КАТЕГОРИИ «ЭТНОС» В СИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА

THE ROLE OF THE CATEGORY «ETHNOS» IN SYSTEM MODEL OF THE STATE

И. А. Тогунов (ВФ РАНХиГС, г. Владимир, Россия)
I. A. Togunov (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена вскрытию связей категории «этнос» в системной модели государства.*

Abstract. *The article is devoted to opening of communications of the category «ethnos» in system model of the state.*

Ключевые слова: *этнос, социум, власть, государство, моделирование.*
Keywords: *ethnos, society, power, state, modeling.*

Этнос как одна их составляющих (наряду с исторической эпохой, идеологией и правопорядком) в широком смысле характеризует цивилизацию. Специфичность этноса, при всем прочем, условно определим языком, конкретным укладом и этническими (национальными) традициями.

Реальное объективное проявление этноса выражают общественные организации, деятельность которых в рамках правопорядка характеризуется общественными связями.

Именно уклад, общественные институты, общественные связи и правопорядок определяют те либо иные общественные отношения.

Таким образом, уклад, как проявление этноса непосредственно характеризуют историческая эпоха, правопорядок и общественные связи. Опосредованно этнос характеризуется общественными институтами в рамках общественных отношений и идеологией в рамках конкретной цивилизации.

Такова диалектика вероятностных элементов и характеристик, связанных с категориями этнос, уклад, традиции.

Реальное выражение этнических укладов (в рамках общественных институтов) проявляется в определенных конкретных формах общественного бытия, а вероятностные общественные отношения на практике выражаются степенью народовластия.

Общественные связи, как выражение определенного уклада, традиций непосредственно характеризуют свободы, которые в действительности проявляются конкретными формами волеизлияния.

Таким образом, общественные связи посредством общественных институтов и свобод, реализовываясь волеизлиянием, в достаточной степени характеризуют социум с его конкретным общественным уровнем и определенной степенью.

Вместе с тем, общественные институты с конкретными формами волеизлияния и уровнем общественного бытия в правовых рамках, определенных конституционными (законодательными) основами, могут характеризовать конкретную форму народовластия. Именно в характеристики «народовластие» категория «общественное бытие» является конкретным отражением вероятностного этноса.

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что в системе представленных категорий и характеристик, этнос, как сущность, (его возникновение, эволюция и взаимосвязи с иными исследуемыми категориями и характеристиками) правомочно соотнесен с социумом.

Необходимо акцентировать внимание на связи категории «этнос» с правопорядком, а категории «общественное бытие» с конституцией (законом).

Кроме того, элемент «общественные институты», в котором уравновешиваются вероятностные характеристики этноса с его конкретными проявлениям общественного бытия, связан равнозначно как с категорией «правопорядок» так и с категорией «конституция (закон)».

Именно категории «правопорядок» и «конституция (закон)» связывают общественное бытие социума в государственной системе устройства с формами и институтами государственной власти.

Этнос, как характеристика социума в рамках исторической эпохи, правопорядка и цивилизации, в определенной степени, соотносится с государственной идеологией, ко-

торая в рамках правопорядка выступает в форме государственного устройства, соответствующей общественным отношениям.

Государственные органы реализуют государственную политику, в соответствии с идеологией, уравновешивая, тем самым, общественные связи, сформированные конкретными этносами.

Определенное ограничение свобод в социуме обеспечивается режимными функциями власти, а волеизлияние в системе народовластия ограничивается в той либо иной степени властными полномочиями государственных органов, в соответствии с законодательством в границах соответствующего государственного устройства.

Общественное бытие, которое посредством общественных институтов характеризует тот либо иной этнос, в рамках конституции (закона) в государственном устройстве регулируется правопорядком. Именно такое равновесное состояние народовластия и государственного устройства, общественного бытия и правопорядка характеризуют формацию с ее конституционными основами и уровнем социального благополучия.

Резюмируя исследование, следует заключить, что категория «этнос» в системной модели государства связана прямо либо косвенно со всеми составляющими, как социума, так и власти (рис.1).

Вскрытие и обеспечение в рамках государственного менеджмента соответствующего условного равновесного состояния всех элементов и характеристик системы «социум-власть» обеспечивается степень государственного суверенитета.

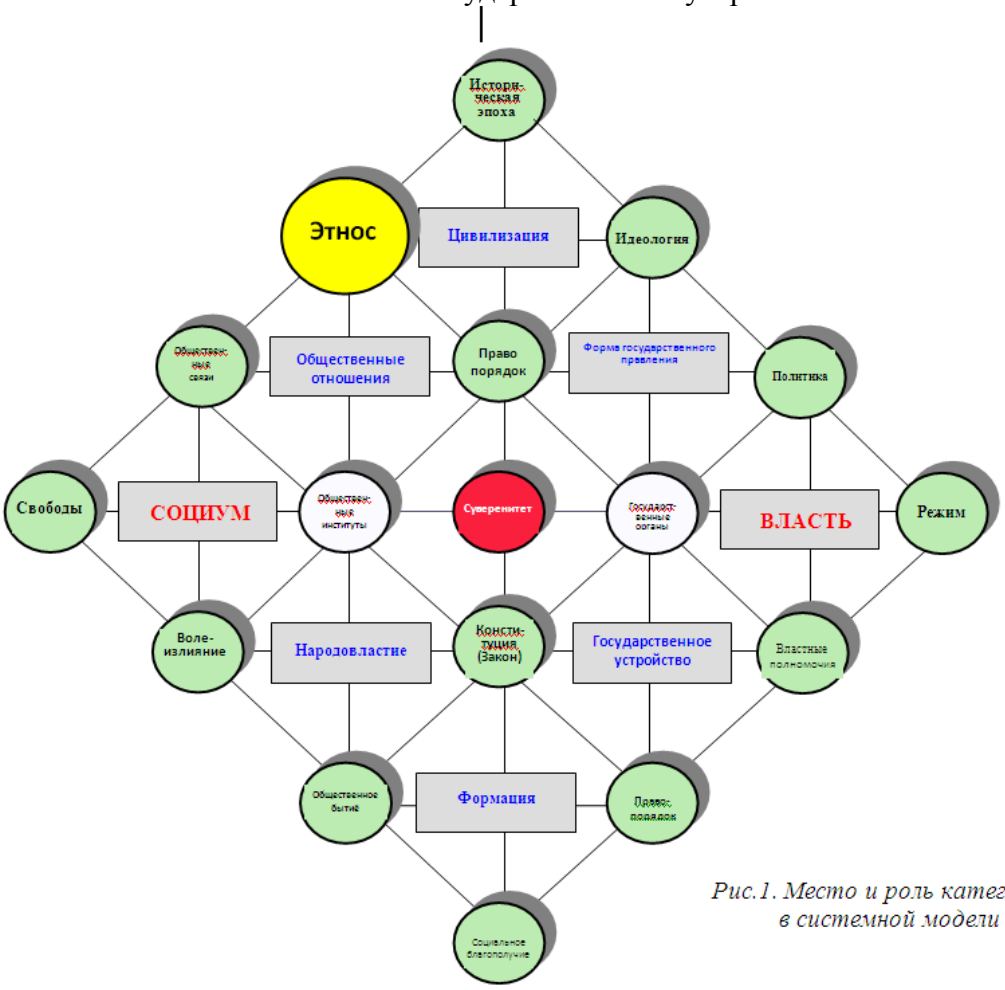


Рис.1. Место и роль категории «этнос» в системной модели государства

СОВРЕМЕННАЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ СЕМЬЯ В БУРЯТИИ

INTERETHNIC MODERN FAMILY IN BURYATIA

Т. Л. Трифонова (БГУ, г. Улан-Удэ, Россия)
T. L. Trifonova (BSU, Ulan-Ude, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению особенностей, динамики развития, факторов, влияющих на состояние современной межнациональной семьи в Бурятии.*

Abstract. *The article deals with the features of the dynamics of development, factors affecting the state of contemporary ethnic family in Buryatia.*

Ключевые слова: *брак, семья, межнациональная семья, нация, межнациональные отношения.*

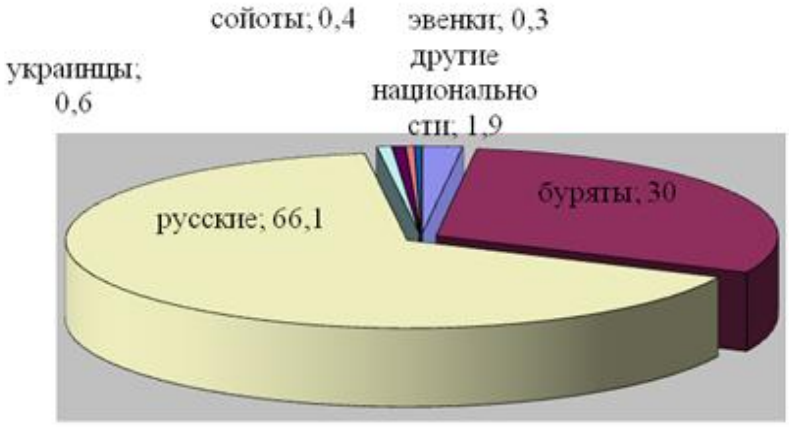
Keywords: *marriage, family, ethnic family, nation, ethnic relations.*

Россия представляет собой многонациональное государство, на территории которого по данным переписи 2010 года проживает 194 национальности. Русские являются самой многочисленной национальностью Российской Федерации и составляют 77,71% от всего ее национального состава. Для многонациональной страны естественными являются браки, с представителями преобладающей нации. Межнациональные семьи, где один из супругов является русским, составляют в России большинство семей в общем количестве смешанных браков.

Национальный состав Республики Бурятии позволяет говорить о полиэтничности данного региона. На территории республики сложились районы, где с давних пор наблюдаются межнациональные контакты. Для большинства жителей, населяющих республику, характерно повседневное межнациональное общение в быту, на производстве, дружеские и семейные связи. В сельских районах Бурятии расселены украинцы, татары, якуты, эвенки и представители других национальностей. В настоящее время в связи с интенсивно протекающими процессами миграции и урбанизации происходит усиление национальной мозаичности населения республики (особенно г. Улан-Удэ). Основными, т. е. более значительными по численности, этническими группами здесь являются буряты и русские.

Диаграмма 1

Национальный состав населения Республики Бурятия (согласно переписи 2010 г.)



Для межнациональных семей республики характерно значительное число вариантов по этническому признаку. Все смешанные семьи, населяющие Республику Бурятия, можно распределить по следующим группам: 1) семьи, где один из супругов относится к одной из основных национальностей данной территории (бурят), другой является русским (данная группа семей представляет большинство межнациональных семей республики Бурятия, так как состоит из наиболее многочисленных групп населения; 2) супружеские пары, где один из супругов принадлежит к основной национальности данной территории, а другой – к любой другой национальности (кроме русских); 3) семьи, включающие русских и другие национальности; 4) прочие варианты семей, где ни один из супругов не принадлежит к основным национальностям, в том числе к русской (данные пары наименее всего распространены на территории Республики Бурятия).

Известно, что политика государства самым непосредственным образом может влиять как на создание межнациональных семей, так и создавать этому препятствия. Если, к примеру, политика государства направлена на консолидацию межэтнических отношений, то межнациональные семьи будут ячейкой, благодаря которой возможно складывание тесных и дружественных отношений. В случае же поддержки политической деятельностью этнической обособленности людей создание межнациональных семей будет фактически сдерживаться.

По данным Всесоюзных переписей, доля семей, в составе которых были представители разных национальностей, составляла в 1959 г. – 10,2%, в 1970 г. – 13,5%, в 1979 г. – 14,9%, в 1989 – 17,5%. Данные показатели свидетельствуют о благоприятной обстановке, создававшейся политикой советского правительства для развития межнациональных семей.

В результате распада СССР в стране усилились центробежные этнополитические тенденции, почти повсеместно происходило обострение межэтнических конфликтов, что вызвало резкое снижение численности межнациональных браков. Произошел поворот общественного сознания от ценностей интернационализма к национальной обособленности, возрождению узко традиционных ценностей, культуры и этнической самоидентификации. Следствием этого стал распад многих межнациональной семей, переход к однонациональным семьям. Так, в 1994 г. доля межнациональных семей составила – 11,5%.

В последние годы этот показатель снова стал увеличиваться. Например, по данным группы компаний Monitoring.ru в 2000 г. межнациональные семьи в России составили 23%, а в 2004 г. – 37% [1]. Данные тенденции не могли не отразиться и на состоянии межнациональной брачности в Республике Бурятия. Так, по материалам архива ЗАГС в Бурятии доля семей, в составе которых были представители разных национальностей, составляла в 1979 г. – 10,9%, в 1989 – 12,3%, в 1994 г. – 11,9%, в 1999 г. – 12,4%, в 2004 г. – 13,4%, в 2006 г. – 14,2%, в 2012 – 13,7%.

На развитие межнациональных браков также оказывает значительное влияние религиозная принадлежность народов. Религиозный состав российского населения многообразен. Среди титульных народов России представлены все три мировые религии – христианство, ислам, буддизм. Так, для представителей ислама наиболее характерной является установка на общение лишь с представителями своей религии, что является преградой для беспрепятственных контактов с другими (инаковерующими) людьми, тем более на создание межнациональных семей. Представители христианской, буддийской религии в большей степени готовы к совместному проживанию, деятельности, открытым контактам с представителями других национальностей.

Значительное влияние на динамику межнациональной брачности оказывают процессы миграции. В советское время в 30–50-е гг. количественный рост инонационального населения в союзных республиках был следствием интенсивных межрегиональных миграций. В этих условиях часть мигрантов вступала в межнациональные браки. Нередко вступление в такой брак являлось причиной переезда в другую республику (особенно женщин). В итоге происходило своеобразное накопление потенциала межэтнической брачности. В частности, дети мигрантов, как правило, значительно быстрее и легче родителей воспринимали особенности культуры и быта населения коренных национальностей регионов, в которых они поселились.

Межнациональные семьи являются мощным фактором, детерминирующим миграционное поведение русских. Браки русских с представителями коренного населения, как правило, снижают ориентацию русского населения на отъезд, а браки с представителями не коренных национальностей, напротив, могут в определенных случаях стимулировать миграцию подобных семей за пределы республики, уменьшая тем самым численность русских.

В силу широкого расселения русских на территории бывшего СССР, когда около 17% численности этноса проживало за пределами России в инонациональных средах, межнациональные браки у русских были там широко распространены. Так, если в европейской части России, на территории основного расселения русских, доля национально-смешанных браков невелика (3–5%), то в Бурятии этот показатель достигал 10–12% [2].

Факторами, влияющими на развитие межнациональной брачности, являются экономические показатели развития страны в целом и Республики Бурятия в частности: приток иностранных инвестиций, открытие различных международных организаций, привлечение иностранной рабочей силы. Геополитическое положение Республики Бурятия определило наличие в территориальной структуре республики иностранной рабочей силы из следующих стран (данные за 2007 год): КНР – 783 человек, Северной Кореи – 224; среди выходцев из стран СНГ наибольшее количество иностранных работников приходится на граждан Украины – 207 человек, Кыргызстана – 248, Узбекистана – 45, Таджикистана – 34.

«Открытые» границы и глобализация существенно расширили социальное пространство для взаимодействия людей, принадлежащих к различным национальностям и государствам. Резко возросли культурные обмены и контакты посредством спутников и кабельных линий, информационные технологии: Интернет, электронная почта, мобильная связь, возможности получения образования за границей, реализация международных программ по трудоустройству за границей, доступность международного туризма.

В современных условиях активному развитию межнациональной брачности способствует глобальное развитие общества и технологий. Способы брачного выбора расширяются с появлением виртуального брачного выбора, а также выбора при помощи смс-сообщений, при помощи специализированных брачных сайтов знакомств в Интернете, на котором индивиды обоих полов регистрируют анкеты с социально-демографическими характеристиками и фотографиями. Брачный выбор при помощи смс-сообщений происходит посредствам мобильного телефона и специальной программы знакомств, предоставляемой операторами мобильной связи.

По данным Дворца бракосочетания г. Улан-Удэ, в последние годы стали часто встречаться браки русских с англичанами, греками, турками, болгарами, венграми, бурят – с китайцами, монголами, корейцами. Особенно часто такие браки стали заклю-

чаться с начала 1990-х годов по настоящее время. При этом с каждым годом наблюдается тенденция к увеличению числа межнациональных браков.

Межнациональные браки с иностранными партнерами в современных российских условиях имеют явную гендерно-ориентированную направленность. Данная форма брака имеет повышенное внимание со стороны женской части России. Мотивом для такого выбора российской женщины служит в основном неблагоприятные социально-экономические условия российского общества: недостаток социальных пособий, мужская девиантность, низкая материальная обеспеченность, вынужденная миграция, профессиональная дискриминация и т. д. Как отмечала О. Маховская, «Нормальная семейная политика предполагает, что семьи поддерживаются с рождением каждого ребенка, на выгодных условиях получают кредиты и жилье. О нашей системе поддержки семьи говорить всерьез пока не приходится. Отсутствие реальной семейной политики – основная причина и запредельного количества разводов в Российской Федерации, и возросшей женской эмиграции, и беспризорности» [3].

Нужно отметить, что в последнее время происходят положительные сдвиги и тенденции в укрепление института семьи со стороны политики, проводимой государством и правительством РФ, (в Бурятии – со стороны правительства Республики Бурятия). В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации (от 10 мая 2006 г.) одной из важнейших государственных задач Президент России В. В. Путин назвал проблемы демографии. В Послании Президента определены критерии укрепления института семьи: повышение уровня и качества жизни населения, снижение смертности населения, эффективная миграционная политика, повышение рождаемости. Во исполнение Послания Президента Российской Федерации Администрацией г. Улан-Удэ внесены изменения в План действий Администрации по выполнению программы социально-экономического развития на 2005–2007 гг. В рамках реализации данного плана в 2003 г. в г. Улан-Удэ был проведен Год семьи. Проведение года семьи было направлено на формирование комплексного решения проблем улучшения положения семьи; привлечение внимания общественности к проблемам семьи, повышению ее статуса, пропаганде семейных ценностей; возрождение лучших национальных семейных традиций и обычаев, утверждение духовных ценностей семьи в обществе; обеспечение необходимых условий для рождения и воспитания здоровых детей, охраны материнства и детства; профилактику семейного неблагополучия, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и т. д.

В настоящее время Правительством РФ учрежден «материнский капитал», который будет выплачиваться семье за рождение второго ребенка. Материнский капитал также будет выплачиваться при рождении третьего, четвертого и последующих детей - при условии, что семья может получить «материнский капитал» только один раз.

Материнский капитал по усмотрению семьи может быть направлен на решение проблемы жилищных условий, получение образования ребенка или на пополнение пенсионного счета матери ребенка.

В Республике Бурятия с 1 января 2013 г. Предоставляется республиканский материнский (семейный) капитал многодетным семьям, среднедушевой доход которых ниже 1,5 величины прожиточного минимума, установленного в республике, при рождении (усыновлении) третьего или последующих детей. Средства капитала могут быть направлены на приобретение или строительство, проведение ремонта жилого помещения, уплату первоначального взноса, процентов, погашение основного долга по кредиту (займу), в том числе ипотечному, получение образования детьми в образовательном

учреждении на территории Российской Федерации, лечение ребенка в соответствии с медицинскими показаниями и проезд к месту лечения и обратно, приобретение транспортного средства, продуктивных животных, бытовой техники, предметов первой необходимости для новорожденного ребенка (детей). Распоряжение средствами капитала может осуществляться одновременно по нескольким направлениям.

Среди факторов, влияющих на динамику численности межнациональных семей, можно отметить и особенности половозрастной структуры населения.

По данным переписи 2010 г., на каждую 1000 человек населения Республики Бурятия мужчины-буряты составили 134 человека, женщины-бурятки – 152, мужчины-русские – 298, русские женщины – 332.

Обзор материалов Республиканского архива ЗАГС показывает, что за последние 20 лет произошли большие изменения в соотношении численности мужчин и женщин одной национальности, вступающих в разнонациональные браки. Если в прошлом русские женщины вступали в смешанные браки намного чаще, чем русские мужчины, а у нерусских народов (бурят, эвенков, башкир, якутов и др.) наблюдалась противоположная тенденция, то в настоящее время эти различия практически исчезли. Результаты проведенного нами социологического исследования показали постоянное снижение числа мононациональной предпочтительности и уменьшение в большинстве вариантов разрыва между фактической частотой межнациональных браков и их теоретической вероятностью, что является свидетельством важного процесса – постепенного снижения национальной предубежденности.

Социологическое исследование также показывает, что мужчины-буряты чаще вступают в межнациональный брак (22%), чем женщины-бурятки (7,9%), русские соответственно составляют 21% и 16,8%.

Национально смешанные семьи, проживающие в Бурятии, по преобладающим вариантам делятся на 4 группы:

1. Русско-украинские семьи – 24,6%;
2. Семьи русских с бурятами – 15,7%;
3. Семьи бурят с русскими –32,3%;
4. Прочие варианты – 27,4%.

Специальная статистика по межнациональным семьям в централизованном порядке в РФ не ведется, и потому на сегодня трудно составить общее представление о динамике межнациональной брачности в республике. Однако результаты проведенного нами исследования показывают достаточно четкую тенденцию к увеличению доли таких браков. По данным социологического исследования можно сделать вывод, что более распространенными в Республике Бурятия являются браки между русскими и бурятами, а также между украинцами и русскими.

В последнее время межнациональные браки становятся обычным явлением и среди представителей других национальностей, проживающих на территории республики, в частности, азербайджанцев, армян, греков, англичан, монголов, китайцев и других. Заключающиеся межнациональные браки свидетельствуют о глубоких изменениях, которые происходят в психологии, мировоззрении, во всем духовном облике современного общества.

Распространение национально-смешанных браков в Республике Бурятия, как и в других полиэтнических регионах России, способствует постепенному стиранию в обыденном сознании и поведении людей национальных и религиозных барьеров – тем более, что многонациональная среда благоприятствует взаимопроникновению национальных и культурных традиций.

Следует отметить, что каждая сложившаяся межнациональная семья создает условия для формирования новых таких семей. Очень часто в межнациональные браки вступают те лица, которые уже имели опыт родственного общения с людьми другой национальности. Так, по данным социологического опроса на вопрос: «Согласились бы Вы на брак своего сына (дочери) с лицом другой национальности?» – ответы распределились следующим образом: да, согласился бы – 36,0%; нет, стал бы возражать – 16,4%; предоставил бы решение самим молодым, вступающим в брак – 37,9%; затрудняюсь ответить – 9,3%.

Отмечая положительные стороны значения и влияния межнациональных семей, нельзя не затронуть и их внутренних противоречий. Успешная адаптация супругов в разнонациональной семье зависит не только от умения преодолевать противоречия в потребностях, возникающих на основе их личностных особенностей и прошлого опыта, но и от того, насколько они способны преодолевать противоречия, обусловленные спецификой национальных культур брачных партнеров. Например, неспособность супругов проявлять уважение к родному языку брачного партнера, к его национальным обычаям и традициям может привести к обострению межличностных взаимоотношений супругов. Поэтому взаимная адаптация супругов в межнациональных семьях представляет собой более сложный процесс, чем в однонациональных и требует создания благоприятных условий для их существования и развития.

Список использованных источников

1. Электронный ресурс [http://monitoring.ru/index.htm] (дата обращения 17.11.2014)
2. Махарова Г. С. Развитие национально-смешанных браков и семей как показатель межнационального взаимодействия народов Республики Бурятия: дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук / Г. С. Махарова. Улан-Удэ, 2003. – С. 28.
3. Маховская О. Межкультурные браки и модел семейных отношений / О. Маховская. – М., 2003. – С. 5.

ЭТНОСАМООРГАНИЗАЦИЯ: ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАТИКЕ

ETHNIC SELF-ORGANIZATION: APPROACHES TO PROBLEMS

Н. М. Филиппова (ГБОУ ВПО «БАГСУ», г. Уфа, Россия)
N. M. Filippova (Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена анализу подходов к проблемам самоорганизации этносов как субъектов развития территорий.*

Abstract. *This article analyzes the advantages of problems ethnos group self-organization as being subject of development.*

Ключевые слова: *самоорганизация, общество, народ, этнос, субъект развития территорий.*

Keywords: *self-organization, society, people, ethnos, subject of areal development.*

В системе государственного и муниципального управления краеугольным камнем являются отношения с объектом управления.

На кого направлено управляющее воздействие? Каково желаемое состояние того, на кого оно направлено? Какую поведенческую реакцию и от кого власть хочет видеть результатом своего воздействия?

Учебники менеджмента называют объектом воздействия общество. Однако тогда должно быть определено адекватное нормативно-правовое регулирование, опирающееся на сущностные характеристики общества, закрепленного как базовое понятие в законах соответствующего уровня.

Но в законах, реализуемых властью, употребляются такие понятия как «народ» (Конституция РФ) и население (ФЗ-№131 об основах местного самоуправления в Российской Федерации). Причем, мы понимаем, что когда строится взаимодействие с «народом», то речь идет о «носителе суверенитета и единственном источником власти в Российской Федерации, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [1]. Если речь идет о «населении», то это те, кто имеет гражданское право на проживание в конкретной территории и участие в осуществлении местного самоуправления в установленном законом порядке. Но когда власть говорит о своих целях, она опирается на понятие «общества» – гражданского общества. Все эти понятия – народ, население, общество – не находят свое место в понятийных аппаратах государственного и муниципального нормативно-правового регулирования. По умолчанию власть ориентируется на усредненного избирателя и потребителя, на массы, создав в эпоху индустриализации современные политические и экономические системы управления массами (в том числе и через создание для масс товаров и услуг). Сегодня практически реализуются концепции «фордизмома» (когда производитель товаров, услуг и благ диктует потребителю параметры качества продукции), «тоетизма» (идеология, направленная на наиболее полный учет и удовлетворение потребностей масс) и т. п. Властный менеджмент, упрощая управленческие ситуации, по своему усмотрению классифицирует и объединяет группы людей в понятной для себя форме: «элиты», «креативный класс», «средний класс», «рабочая аристократия», т.п.

Почему так важно понять, с кем власть имеет дело? Потому что, строительство целенаправленных, продуктивных и эффективных отношений зависит от сущностной характеристики того, на кого направлено коммуникативно-управляющее воздействие. Одно дело – управлять искусственными системами, другое – живыми. Образно говоря: то ли кирпичи перекладывать, то ли управлять скакуном.

Для кардинального изменения качества государственного и муниципального управления необходимым сначала структурировать, а затем сущностно характеризовать элементы системы, определяя их возможные модели поведения и тем самым получив возможность выбора адекватных инструментов для продуктивного взаимодействия и возможности влиять на развитие субъектности этих элементов.

Рассмотрим две логики структурирования.

Искусственная система представлена логикой: человек – референтная группа – коллектив – организация – страна – межгосударственная кооперация.

Когда речь идет о развитии в рамках муниципалитета, страны, мира, используется логика искусственных структур, например, гражданское общество как многоуровневая и многофункциональная кооперация НКО, в идеале самоосознающих себя как субъекта партнерства с властью в процессе принятия, реализации и оценки осуществления решений.

Живая система представляет собой логику естественного социального структурирования типа: человек – семья – род – народ – человечество.

В этом случае правомерно в качестве структурной единицей рассматривать этнос. А это влечет за собой вопросы определения сущностных характеристик этноса, того, как происходит его самоорганизация, при каких условиях он развивается, управляется, входит в горизонтальную и вертикальную кооперацию…

Решение этих вопросов имеет не только научный, но и политический, управленческий интерес в связи, например, с институционализацией российских этносов и республик, образованных на их основании. Эти процессы являются частью более широких мировых социально-политических изменений, которые связаны с проблемами взаимоотношения христианского и мусульманского культурно-цивилизационных суперэтносов. Учитывая это этносоциальные процессы в России напрямую связаны и с геополитическими изменениями.

Рассматривая гипотезу субъектности этноса в системе государственного и муниципального управления, мы сталкиваемся с тем фактом, что в отечественной науке специфика природы этноса и этнических общностей до сих пор однозначно не определена. Огромное количество публикаций по проблемам, связанным с «национальным вопросом», опираются на анализ конкретных случаев, зачастую конфликтных ситуаций, рассматривая в них роли тех или иных политически активных фигур от власти, бизнеса или общества. Изучаются политические тенденции вовлеченности этносов в процесс перераспределения власти и возможности использования политическими игроками этнического фактора в качестве выгодного средства в политической игре различных сил. И этот подход к исследованию важен и правомочен, так как «национальный вопрос» непосредственно касается федерализма как сущностной основы российской государственности.

Сущность самого этноса, который может рассматриваться как объект воздействия и (или) субъект взаимоотношений с властью, можно характеризовать, опираясь на существующие в отечественной науке подходы, которые дают характеристику онтологической природы этнических общностей.

– теория этноса (С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, Э. А. Баграмов, М. С. Джунусов, В. И. Козлов, К. И. Козлов, М. В. Крюков, Р. Г. Кузеев и др),

– теория этногенеза (Л. Н. Гумилев, С. М. Широкогорова)

– информационная концепция этноса (С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров,).

Постмодернистская методология анализа этноса (Дж. Клиффорд, Дж. Маркус, М. Неш, Р. Самуэль, Б. Андерсон и др.) трактует этнос не как изначально данную, развивающуюся во времени субстанцию, а скорее как явление, производное от динамики социальных отношений за счет осознания этнической группой своих отличий. Более того, Б. Андерсон определяет этнос как воображаемую и специально конструируемую общность, необходимую для достижения каких-либо политических интересов через возможность организовывать и мобилизовывать массы. Этот подход вызывает необходимость искать инструменты формирования новых элит разрабатывать сценарии борьбы между ними за перераспределение влияния в политическом пространстве с помощью формирования новой символики (А. Г. Здравомыслов), что продолжает использование толпо-элитарной модели управления.

В этой модели не просматривается целостность этноса, как самоструктурированной из индивидуумов, семей и родов сущности, обладающей своими ценностями, языком, характером, типом поведения и коллективным сознанием, наконец.

Растущее самосознание индивидуальностей, выделяющих себя из толпы, но не исключающих свою этническую принадлежность, становится почвой для развития этносов как самоорганизующихся сообществ, способных к освобождению от географических привязок и освоению новых территорий. При этом, самоорганизационные процессы могут войти в резкое противоречие с привычным мировоззрением и моделями поведения сложившейся политической и управленческой элиты.

В целом, этнос может быть описан на языке синергетики. Это сложная, открытая, неравновесная, динамически изменчивая социальная система, свободно взаимодействующая со средой, изменения в которой напрямую влияют на увеличение степени внутреннего многообразия и внутренних противоречий. Так, существует противоречие между устойчивостью и изменчивостью, которое вызвано тем, что этнос, призванный сохранять и передавать устойчивые культурные нормы, будучи элементом социальной системы, не может не изменяться в связи с ее изменениями. Исследуя этнос с позиций синергетики, можно описать противоречия между единством традиций и многообразием их индивидуально-семейно-родовых проявлений, между индивидуализацией интересов и унификацией норм взаимоотношений, обеспечивающих сохранение этнической целостности. С позиций синергетического подхода эти противоречия рассматриваются не как проблема, а как внутренний источник изменения и развития этноса как живой, саморазвивающейся системы.

Самоорганизующимися называют такие системы, которые способны при изменении внешних или внутренних условий их функционирования и развития сохранять или совершенствовать свою организацию с учетом прошлого опыта, сигналы о которой поступают по каналам обратной связи.

Сущность самоорганизации этноса представляет собой механизм упорядочения социальных связей и отношений, в которые включены и которые формируют сами носители языка и традиций, выступая в качестве индивидуумов и семейно-родовых кооперaций.

Общественная самоорганизация этноса – естественный, спонтанный процесс самодвижения его членов к сохранению своей национальной идентичности через возрождение языка, исторической памяти и традиционной культуры, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется этническое сообщество как постоянно развивающаяся структура – субъект взаимодействия с социальной средой и социальными институтами.

То есть самоорганизующиеся этносы являются деятельными субъектами. Они приспосабливают общественные институты к своим интересам. Для исследования этих процессов продуктивно будет использовать деятельностно-акционистский подход. Еще молодой К. Маркс, а затем и французский социолог А. Турен рассматривали закономерности социальной жизни, демонстрирующие, что люди, рожденные при одних обстоятельствах, своей практической деятельностью могут создавать новые обстоятельства общественной жизни. Акционистский подход направлен на решение вопросов социальной и культурной ориентации общества, природы социальных конфликтов и борьбы за власть, выявления социальных факторов, подавляющих или вызывающих социальные движения, то есть на «образование исторического действия – способа, которым люди делают свою историю» [2].

Самоорганизация есть особый вид индивидуально-коллективной деятельности и действий (поступков), способ самореализации коллективного «Я» конкретной этнической группы. «Одновременно самоорганизация может быть представлена как процесс с соответствующими этапами от целеориентации, определения задач, выбора средств их реализации и достижения, до результатов» [3].

Именно это процесс может стать основой для формирования нового типа отношений органов государственной и местной власти с этносами, как субъектами общественно-властного взаимодействия. Со сложными самоорганизующимися живыми системами невозможно общаться на основе упрощения ситуаций и механистического деления общества на группы для удобного распределения ресурсов. Зачастую используемый в отечественной практике управления авторитарно-директивный подход более не соответствует принципам организации общественно-властных отношений. Осознание сложности мира, сложности устройства живых, самоосознающих себя и самоорганизующихся этнических групп должно привести и к усложнению методов взаимодействия с ними как с природной основой самой структуры населения. Рост факторов неопределенности социального развития, характерный для сегодняшней реальности, требует реализации партисипативных подходов к государственному и муниципальному управлению. Это должно создать условия разрешения социальных противоречий общественного развития и оптимизировать всю систему управления обществом, что приведет к росту качества жизни населения.

Результатом управляющего воздействия должно стать побуждение членов этнических сообществ к активной деятельности и участию в местном самоуправлении. Это возможно через создание сети добровольных организаций, дополняющих в своей деятельности органы власти и выполняющих задачи поддержания духовной культуры, сохранения родного языка, этнического самосознания, обеспечения социальной защиты и прав своих членов, продвижение ее политических интересов и содействие развитию ее экономической базы [3].

Список использованных источников

1. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2875/ © КонсультантПлюс, 1992–2014.
2. Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные или различные // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева М., 1999. С. 473.
3. Барбашина Э. Р. Самоорганизация российских немцев как многофакторная проблема // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 октября 2007 г. – М.: «МСНК-пресс», 2008. – 120 с.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ БУРЯТСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

ABOUT BURYAT ETHNIC IDENTIFICATION of YOUTH IN THE MODERN PERIOD

В. А. Хабудаева (БГУ, г. Улан-Удэ, Россия)
V. A. Khabudaeva (The Buryat State University, Ulan-Ude, Russia)

Аннотация. *В статье дается характеристика этнической идентификации. Раскрываются такие понятия как, «этнонациональное самосознание», «этнос», «нация», выявляется соотношение данных понятий друг с другом. Также рассматриваются признаки, которые выделяет молодежь при этнической идентификации себя со своим этносом.*

Abstract. *The article describes the characteristics of ethnic identification. Disclosed concepts such as «ethnic identity», «ethnos», «nation», reveals the relationship of these concepts to each other. Also discusses the characteristics that distinguishes young people with ethnic identify themselves with their ethnic group.*

Ключевые слова: *этнос, нация, национальное самосознание, этническая идентификация.*

Keywords: *ethnos, nation, national identity, ethnic identification.*

В современной литературе при характеристике этнической идентификации употребляются такие термины как «этнонациональное самосознание», «этнос», «нация». В связи с этим, для начала выясним сущность этих категорий. Данные понятия не имеют общепризнанных в научной литературе универсальных определений. Одни авторы отождествляют их, другие видят в них отличительные черты. В демографическом энциклопедическом словаре дается следующее определение этноса: «Этнос это исторически сложившаяся общность людей – племя, народность, нация. Основными условиями возникновения этноса является общность территории и языка, обычно выступающих и в качестве признаков этноса» [2, с. 543].

В социологической литературе «нация» рассматривается как более сложное образование, чем понятие «этнос». «Этнос – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность, обладающая общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык), а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием)» [4, с. 464].

«Нация – это исторически сложившийся тип этноса, представляющий собой социально-экономическую целостность, возникшую на основе общности экономических связей, территории, языка, особенностей культуры и быта, психологического склада и самосознания» [6; с. 197]. Анализируя приведенные определения понятий этноса и нации, можно сделать вывод, что нация представляет собой тип этноса, характеристики которого являются основанием формирования нации.

В содержание понятия «нация», кроме этнокультурной составляющей входит и политическая. Некоторые исследователи, следуя западной традиции, считают, что под нациями понимаются сообщества граждан того или иного государства, независимо от их этнической принадлежности. Эту точку зрения поддерживает В. А. Тишков [7, с. 3–26]. Другие исследователи считают, что категории «этнос» и «нация» отражают по сути одно и то же общественное явление, поэтому объединяют их в единую (парную) категорию – «нация-этнос». Сторонником данного подхода является Р. Г. Абдулатипов [1, с. 15–36].

Таким образом, «этнос» используется для определения народа, как определенной исторически сложившейся целостности. Этнос может характеризоваться и вне связи с территорией определенного государства. Понятие «нация» включает в себя характеристики, соотносящиеся определенным образом с государством. Поскольку «национальные ценности» включают в себя помимо этнических множество других компонентов, то применение данного понятия, в исследовании грозит тем, что этническая компонента может «раствориться» среди других.

С другой стороны, образ этноса определяется, прежде всего, народной культурой. Поэтому использование понятия «этнические ценности» предполагает концентрацию внимания на традиционной культуре. Мы придерживаемся точки зрения, что термины «этнос» и «нация» являются тождественными понятиями и характеризуются, прежде всего, особенностями культуры, общими национальными традициями и обы-

чаями. Также идентичными понятиями являются «межэтнические отношения» и «межнациональные отношения», «этническое» и «этнонациональное самосознание».

Особенности поведения людей, обусловленные их этнической принадлежностью, складываются из двух составляющих – биологической и социально-культурной. Биологическая составляющая связана, прежде всего, с генетическими основаниями для деления людей на этносы. Это своего рода «генетический код» народа, который передается по наследству: характерные черты внешности, характера, психики и поведения, присущие определенному народу. Значительную роль играет социально-культурная составляющая.

Осознание своей этнической принадлежности приходит к человеку в процессе социализации. В данном процессе происходит усвоение индивидом ценностей, формирование национального самосознания. Он начинает ощущать свою принадлежность к народу, его истории, культуре, стране, в которой он живет, системе ценностей нации, в которой сформированы его ценностные ориентации.

Этнонациональное самосознание» выступает как сложное духовное образование, функционирует как на индивидуально-личностном, так и на групповом уровне. Природа его заключается не только в способности этнонациональной общности к самоотражению, но и в способности человека, отдельного этнофора, осознавать самого себя в этнонациональном мире, представлять себя в качестве субъекта, наделенного специфическими этнонациональными особенностями [3]. Этнонациональное самосознание представляет собой совокупность ценностей, взглядов, стереотипов и символов, в которых этническая общность осознает свое определенное, исторически обусловленное социально-культурное своеобразие.

В структуру этнонационального самосознания включаются, по мнению В. М. Мухи, следующие элементы: этнонациональная идентификация (осознание этнонациональной принадлежности); представления (и их интерпретация) о культуре, языке, территории, истории, государственности народа – «образ мы»; целый комплекс этнонациональных чувств; система этнических стереотипов; осознание национально-экономических интересов и национального единства на основе культурной, этнографической и социально-экономической общности [5, с. 39].

Важным элементом этнонационального самосознания является этническая идентификация. Этническая идентификация – это отождествление индивида или группы с определенной общностью, в процессе чего ими усваиваются и преобразуются этнические ценности. Этническая идентичность, являющаяся видом социальной идентичности, – это способность человека ответить на вопрос «Кто я?» по отношению к этнической общности. Она характеризуется сложной системой взаимосвязанных компонентов: язык, идея, символы, историческая судьба, психический склад и т. д., в которых аккумулируется опыт этноса в самосохранении, саморазвитии, понимании окружающего мира и определении себя в нем [8, с. 77].

Согласно большинству этнопсихологических концепций, этническая идентичность имеет трехкомпонентную структуру. Когнитивный, или познавательный, компонент включает знания человека о своей этнической группе: самоназвание, особенности ее исторической судьбы, традиций и обычаев, элементов материальной и духовной культуры (народный костюм, фольклор, национальная кухня и т. п.), национальной символики и т. д. Сущность этого компонента можно выразить вопросом: «Что я знаю о своем народе?». Усвоение этих знаний происходит преимущественно в ходе неформального образования, общения с представителями своей этнической группы, а также через опыт непосредственного участия в традиционных мероприятиях и праздниках.

Аффективный, или эмоциональный компонент, отражает личное отношение человека к своей этнической группе и к принадлежности к ней, субъективную значимость данной группы. В зависимости от характера этого отношения выделяют позитивную и негативную этническую идентичность: человек может позитивно относиться к своему происхождению, гордиться своим народом, или, напротив, стыдиться своей этнической группы, относиться к ней с презрением [8, с. 5–6].

Этническая идентификация одна из важных составляющих этнонационального самосознания, которое входит в систему традиционных духовных национальных ценностей человека. Согласно структуре этнонационального самосознания, этнической идентификации и сущности духовных ценностей представляется актуальным рассмотрение таких компонентов как: определение молодежью главных идентификационных признаков при соотнесении себя к этносу (национального (родного) языка, религиозных представлений и предпочтений). Так как этнонациональное самосознание, это еще и целый комплекс этнонациональных чувств, то к традиционным духовным национальным ценностям можно отнести такие ценности, присущие бурятскому этносу, как любовь к родной земле, уважительное отношение к старшим, толерантность к представителям других наций.

Признаки, понимаемые индивидом как ведущие при определении национальной принадлежности, являются главными элементами этнической идентификации. В связи с этим в анкету нашего социологического исследования, проведенного среди бурятской молодежи был включен вопрос, позволяющий раскрыть ведущие признаки в определении национальной принадлежности современной бурятской молодежью.

В результате были получены следующие данные.

Таблица

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы считаете, какие признаки являются наиболее характерными при определении Вашей национальности?», %

Варианты ответа	Данные по общему массиву опрошенных	Ранг	Буряты	Ранг	Русские	Ранг
Язык	69,2	I	72,8	I	67,0	I
Вероисповедание	24,2	V	24,9	IV	23,4	VI
Внешность	52,4	III	48,6	III	59,9	II
Общая история	12,0	VII	12,2	VII	12,5	VII
Национальный характер, поведение (национальная психология)	25,8	IV	24,7	V	27,9	IV
Традиции	55,1	II	64,3	II	41,5	III
Самоидентификация	22,5	VI	21,9	VI	23,8	V

Как видно из таблицы, наиболее важными компонентами этнической идентификации и при определении национальной принадлежности для молодежи являются, прежде всего, признаки, как: язык – 69,2%. Второе место занимают «традиции» (праздники, обычаи, обряды, одежда, национальная кухня и т. д.) – 55,1%. На третьем месте – внешность (52,4%). Можно отметить, что имеются некоторые различия в ответах, которые обусловлены национальной принадлежностью, но незначительные. Так, например, для молодежи бурятской национальности наиболее значимыми являются такие признаки, как: язык – 72,8%, традиции – 64,3% и внешность – 46,8%, а менее значимым – общая история – 12,2%. Для молодежи русской национальности наиболее значимыми являются признаки: язык – 67%, внешность – 59,9%, а потом уже традиции – 41,5%, наименее значимым является также общая история – 12,5%. Последовательность распределения идентификационных признаков по рангам (со II по VII) у молодежи бурятской национальности выглядит следующим образом: традиции, внешность, вероисповедание, национальный характер, поведение (национальная психология), самоидентификация (внутреннее ощущение национальной принадлежности), общая история. У молодежи русской национальности эта цепочка выглядит так: внешность, традиции, национальный характер, самоидентификация, вероисповедание, общая история. Обращает на себя внимание то, что для молодежи бурятской национальности значимость национальных традиций как идентификационного признака выше по сравнению с молодежью русской национальности (64,3% и 41,5% соответственно). Этот показатель занимает более высокую ранговую позицию (буряты – II ранг, русские – III ранг), что свидетельствует, возможно, о большей значимости национальных традиций среди молодежи бурятской национальности как идентификационного признака при определении национальной принадлежности.

Таким образом, как показало исследование, высокое ранговое положение традиций как идентификационного признака свидетельствует о важности их содержания в структуре традиционных духовных национальных ценностей современной бурятской молодежи. Для молодежи русской национальности внешность занимает ранговую позицию выше, чем у молодежи бурятской национальности. Это позволяет судить о том, что при соотнесении человека к национальности внешность играет для русской молодежи большее значение. При этнической идентификации молодежь, прежде всего, выделяет такие признаки, как язык и внешность. Значение имеют также традиции этноса.

Список использованных источников

1. Абдулатипов Р. Г. Этнополитология. СПб. : Питер, 2004. С. 15−36.
2. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 543.
3. Золотова Н. П. Национальное самосознание как объект философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1997.
4. Краткий словарь по социологии. М., 1989. С. 464.
5. Муха В. Н. Этнонациональное самосознание русского населения полиэтнического региона (на примере Краснодарского края): дисс. …канд. социол. наук. Краснодар, 2006. С. 39.
6. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г. В. Осипова. М., 1998. С. 197.
7. Тишков В. А. Забыть о нации // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3−26.
8. Чибисова М. Понятие этнической идентичности: теоретические основы / BiZ – Bote. – № 2. 2010 – С. 5–6.
9. Шадже А. Ю. Этнические ценности как философская проблема. М. Майкоп, 2005. С. 77.

РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЭТНОФЕДЕРАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

RISKS AND OPPORTUNITIES OF ETHNIC FEDERALISM IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION

В. В.Черникова
(Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия)
V.V. Chernikova
(Voronezh State University, Voronezh, Russia)

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности современного этапа развития федерализма в государствах, использующих смешанную (этнотерриториальную) модель территориального устройства. Выявляются риски и возможности федерализма в условиях противоречивых международных процессов: глобализации экономики и политики взаимных санкций США, ЕС и России.*

Abstract. *This article discusses the features of the current stage of development of federalism in the states with mixed (ethnoterritorial) model of territorial structure. Identify risks and opportunities of federalism in controversial international processes: the globalization of the economy and politics of mutual US sanctions, the EU and Russia.*

Ключевые слова: *федерализм, стабильность, полиэтнические сообщества, глобализация.*

Keywords: *federalism, stability, multi-ethnic community, globalization.*

В начале XXI века активизировались споры о приемлемости федеративного устройства для различных стран. Дискуссия приобрела острый характер в 2013–2014 годах в связи с украинским кризисом. Какой способ территориального устройства предпочтительнее для многосоставного государства? Насколько устойчивы федеративные государства? Эти вопросы из теоретической плоскости перешли на арену политической борьбы. Однако без оценок рисков и возможностей тех или иных форм территориального устройства невозможно реализовать оптимальные сценарии развития. Из государств, возникших на постсоветском пространстве, только Россия выбрала федеративное устройство, хотя для ряда других федеративный проект был бы приемлем и даже необходим. Опыт федеративного строительства на протяжении 23 лет выявил проблемы обусловленные спецификой территориальной формы устройства.

Федеративная форма устройства сложна для управления и согласования вопросов между различными уровнями власти – федеральным, региональным и муниципальным, что предполагает выработку механизмов согласования противоречивых интересов и достижения компромиссов при принятии решений.

Большинство федеративных государств, существующих на мировой арене, были образованы (или преобразованы в федеративные) в XX веке.

Именно в этот период федеративная идея начинает приобретать популярность. Даже такие относительно устойчивые развитые государства, как Бельгия прибегают к федеративной форме государственного устройства. Не пропадает интерес к подобному

территориальному устройству и в XXI веке. Активно обсуждается вопрос преобразования в федеративное государство в Италии. Сегодня к разряду федераций относятся 28 стран, в которых проживают 40 процентов населения земного шара

Часто причиной, побуждающей государства принимать федеративную форму, выступает желание объединить разные национальные, лингвистические, религиозные сообщества в единое образование для наибольшей эффективности хозяйственной деятельности. В частности из 21 ныне существующих федераций, взятых для анализа, полилингвистические сообщества наблюдаются в 11. При этом не учитываются Югославия и Чехословакия, которые были образованы в XX веке и уже претерпели распад.

В последнее время интерес к федерализму усиливается в связи со стремлением ряда регионов в унитарных государствах получить собственную государственность: референдум в Шотландии, опрос в Каталонии, объявления «Венецианской республики», вооруженная борьба за создание Новороссии, вызванная отказом от федерализации центральной власти Украины и ограничение прав жителей региона Донбасс.

Федерализм в многосоставных обществах позволяет решать множественные задачи. Главная идея, цель федерализма – создание демократического плюралистичного общества. Однако эта цель – цель далекого будущего, в том числе и для России. Мировой опыт показывает, что федерализм может использоваться для достижения ограниченных целей.

По мнению А. Захарова, утилитарный подход к федерализму может проявляться в различных ситуациях.

1. Федерализм для экспансии. Например, использование федерализма Эфиопией для поглощения Эритреи. Так, чтобы обзавестись Эритреей, Эфиопия в 1950 году приняла рекомендацию ООН – и стала федерацией. «Проглотив» Эритрею, она быстро отказалась от федерализма, снова изменив конституцию.

2. Федерализм, как мечта. Случай Китая – федерализм можно пообещать (а потом не дать). В борьбе за власть Сунь Ятсен и его партия защищали федерализм, но после 1922 года, укрепившись, они объявили его «орудием местных царьков». Мао Цзэдун, идя к власти, тоже приманивал меньшинства идеей федерализма, но в итоге не дал им почти ничего.

3. Федерализм как наказание. 1945 год: французы – за федерализацию Германии. Принудительное рассредоточение власти в границах опасного соседа – лучший способ обеспечить мир [1].

К выделенным А. Захаровым случаям можно добавить еще:

4. Решение корпоративных задач разными уровнями власти. Пример России в середине 1990-х гг., когда предоставление полномочий и финансовых субсидий определялось лояльностью Центру.

5. Федерализм как решение национального вопроса. Кроме обозначенных ситуаций, федерализм активно используется в полиэтнических государствах. Случай Бельгии. Когда для предотвращения распада страны был изменен характер территориального устройства на федеративный (1994 г.).

Проблема сосуществования в современном мире в рамках одного государства различных этнических групп приводит к необходимости поиска оптимальной модели разрешения межэтнических отношений на уровне территориального устройства.

Процессы, происходящие с федерациями, избравшими этнонациональный принцип организации территориального деления, показывают не однозначный результат.

Так, можно обозначить четыре варианта последствий развития этнофедерализма.

1. Ряд федераций, использовавших национальный (этнический) фактор как основу федерации, пришел к распаду (Чехословакия, Югославия).

2. Были преобразованы (Нигерия неоднократно изменяла свое административно-территориальное деление. В настоящее время она использует территориальный принцип организации федерации.).

3. Некоторые государства наоборот переходят к этнонациональному типу федеративного устройства для снятия межэтнической напряженности – Бельгия (по Конституции 1989 г.).

4. Можно выделить группу федераций с этническим или этнотерриториальным устройством государства, сохраняющих государственную целостность, но претерпевающих внутренние катаклизмы в форме локальных национальных конфликтов, проявлений сепаратизма (Индия, Канада, Российская Федерация).

Развитие федеративных отношений в XX веке были под влиянием разных факторов: освобождение стран от колониальной зависимости и формирование национальных суверенных государств; принятие международных документов о защите прав меньшинств. В том числе Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.), статья 1. Которого гласит: «1. Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» [2].

В XXI веке мир оказался в несколько других условиях. Распад СССР на национальные суверенные государства по границам бывших национальных республик создал прецедент изменения границ государства и создания политических единиц из бывших внутригосударственных образований.

Прецедент спровоцировал поток центробежных тенденций в ряде государств: Чехословакии, Югославии и в самой России. Однако распад СССР не единственный случай XX века распада государств, использующих этнический принцип территориального устройства. Сюда можно отнести и Малийскую Федерацию, которая после получения в 1960 г. независимости от Франции просуществовала несколько месяцев и распалась на Мали и Сенегал. Есть и другие примеры.

В начале XXI глобализация приобретает особые масштабы. Так в ВТО входят 159 стран, что приводит необходимости соблюдения принципов свободной торговли. Национальная промышленность начинает конкурировать с международными производителями. В таких условиях участниками рынка становятся не только страны, но и регионы. Глобализация в экономике, технологиях, привела к тому, что конкуренция за ресурсы преобладает в отношениях между странами и регионами. Универсализация образа жизни вызывает у людей защитную реакцию, стремление сохранить собственную архаику. Люди ищут защиту в собственной национальности. Кроме того, стремление сохранить свою идентичность делает конкурентоспособнымиразные территории, привлекая своей непохожестью. Государство здесь начинает выступать конкурентом региона.

В сложившихся условиях меняется и характер сепаратизма. Так, в XX веке, согласно многочисленным исследованиям [3], сепаратизм проявлялся более активно в меньшем субъекте федерации. Однако такая закономерность перестает проявляться в начале XXI века. Если проанализировать движения, стремящиеся к федерализации своего государства или выходу из него, то они создавались в успешных, экономически развитых регионах: Каталония (Испания), Венето (Италия), Шотландия (Великобритания).

В качестве обоснования стремления к созданию самостоятельного государства или расширению прав, выступает собственная идентичность, которая включает лин-

гвистический и этнический компонент. Причем дебаты ведутся по поводу нескольких вопросов: особые права языка, культуры; экономическая самостоятельность и расширение политических прав. При условиях учета мнения регионов требование к созданию самостоятельного государства откладывается на неопределенное время. Пример осуществления грамотной политики расширения полномочий Канадой привел к снижению напряженности между Квебеком и остальной Канадой и снятия угрозы распада государства. Лидеры движения за независимость Каталонии также оговаривают возможность сохранения контуров государства при принятии федеративной формы территориального устройства и расширении полномочий. Политические партии предлагают свои проекты. «Надеемся, что соглашение о проведении конституционной реформы в области федерализма поможет добиться новых отношений между Каталонией и остальной Испанией. Эта реформа признает многонациональность и многоязычность, защитит полномочия в области образования, культуры и языка Каталонии, подтолкнет к совместному, но более справедливому налоговому кодексу и даст возможность каталонцам проголосовать за нее», – заявила лидер социалистов Ниубо [4].

Риски для России.

В России применяется смешанная (континентальная) модель федерализма, в которой использовано сочетание этнического и территориального сегментирования государства. В этой модели изначально присутствует неравенство в статусе (республики и области), сложный способ принятия решений через процедуры согласования. Серьезной угрозой является неравномерное развитие регионов, что способствует недовольству в богатых и бедных регионах. В богатых – необходимостью делиться, в бедных – отсутствием необходимых ресурсов для поддержания уровня жизни, соотносимого с богатыми регионами, появлением чувства обиды на внутренний колониализм.

По данным Госкомстата, по размеру ВРП на душу населения, большинство национальных республик (кроме Татарстана, Якутии и Башкортостана) попали в конец списка. Причем ВРП на душу населения Ингушетии в 19 раз меньше, чем аналогичный показатель лидера списка – Сахалинской области [5].

Серьезным риском для целостности России продолжает играть прецедент распада СССР по национальным границам с созданием суверенных государств, большинство из которых экономически состоялись.

Экономическая помощь и дотации национальным республикам вызывают с одной стороны потребительские настроения в элите республик, ориентацию на лоббирование интересов региона в центре, консервируют экономическую зависимость. С другой стороны – недовольство регионов-доноров и их населения специфическим перераспределением средств в пользу республик и появление русского национализма, призывов к сокращению территории государства («Хватит кормить Кавказ!», «Россия для русских!»).

В то же время, поддержка Центром элит республик приводит к укреплению личных режимов национальных лидеров, усиливаются риски создания в республиках националистических проектов. Формирование в республиках политических институтов может привести к созданию государственности и заявки на независимость.

Уступки этническим меньшинствам влекут за собой эскалацию их требований.

Федерации, основанные на этническом принципе, трудно поддаются реорганизации в силу того, что административные границы совпадают с ареалом расселения и максимальной концентрацией этнической группы.

Группа рисков связана с экономической ситуацией в стране и внешними вызовами. Политика взаимных санкций ЕС и России привела к ослаблению курса рубля, росту

инфляции и снижению жизненного уровня населения. Ухудшение положения в экономической и социальной сферах коснулось всех субъектов Российской Федерации, хотя не всех в равной мере. Углубление кризисных тенденций может привести к снижению финансовой помощи наиболее бедным субъектам федерации, а здесь, за исключением Ивановской области, расположились национальные республики. Это приведет к росту недовольства и возможному росту сепаратизма. Кроме того, активно продвигаемые отдельными политическими силами проекты типа «Великой Черкессии» может получить поддержку из зарубежных источников, в том числе тех стран, где наиболее мощная черкесская диаспора (Турция, США) или стран с радикальными движениями ислама.

Риски распада или выхода из состава России отдельных территорий сохраняются, хотя вероятность их в последние годы снизилась.

Возможности федерализма для поддержания целостности государства.

Федеративное устройство дает определенный кредит целостности. Это обусловлено тем, что федерализм предполагает торг разных групп интересов, уровней власти, разных институтов. Итогом федеративного торга является рассредоточение власти. Чем сложнее социум, тем больше потребность в федерализме. Он – подпорка политических систем, нацеленных на защиту меньшинств. Автономия сегментов, по мнению А. Лейпхарта, представляет «самоуправление меньшинств в сфере своих исключительных интересов» [6,77]. По всем вопросам общего характера решения должны приниматься сегментами совместно, на началах пропорциональности влияния. Однако по другим вопросам право принятия и исполнения решений может быть предоставлено отдельным сегментам.

Лейпхарт рассматривал федерализм как особую форму автономии сегментов в многосоставных обществах, проводил параллели с сообщественной демократией.

В федеративном государстве меньшинства могут чувствовать себя более значимыми за счет предоставления автономии в рамках субъекта при возможности лингвистического плюрализма, когда национальный язык становится региональным. Титульные народы получают дополнительные политические возможности. Возможность сохранения своих ценностей в рамках общего широкого экономического поля позволяет федерализму сглаживать противоречия.

В полиэтнических государствах существующие противоречия не ограничиваются исключительно противоречиями между Центром и регионами или между доминирующей этнической группой и меньшинствами. Картина сложнее. Конфликты между различными этническими группами имеют место. Можно вспомнить чечено-ингушский или осетино-ингушский конфликты, или югославскую палитру конфликтов. Потребность в стабильности и наличие авторитетной «третьей стороны» стимулирует поддержку федеративных отношений. Можно говорить о парадоксе национализмов, когда этнонационализм, сталкиваясь с другим этнонационализмом переключается на поддержку гражданского национализма.

Анализ 43 федераций, проведенный Дж. Лемко, существовавших с 1787 по 1991 г., показал, что наиболее устойчивыми оказались богатые, более или менее равноправные федерации, которые включали не менее 12 субъектов и в которых отсутствовали языковые проблемы [7,56].

Наличие значительного числа субъектов федерации становится некой подушкой безопасности, но не может гарантировать целостности государства, о чем свидетельствует прецедент распада Советского Союза. Другой угрозой федерализму может стать чрезмерная централизация, некоторые признаки которой мы наблюдаем в современной России. Из 18 этнонациональных федераций 5 централизовались (включая Россию).

Большей централизации способствует значительное межрегиональное неравенство [8], принятые законодательные акты, порядок назначения губернаторов (до 2014 года). При этом основы федеративного устройства были сохранены, что позволяет реформировать государство в сторону предоставления большей автономии субъектам.

В условиях размывания суверенитета национальных государств наднациональным уровнем отношений, автономия субъектов федерации дает возможность проводить более гибкую экономическую политику, выстраивать сотрудничество с учетом этнических и религиозных особенностей, что способствует диверсификации сотрудничества и укреплению экономики.

Экономическая слабость большинства этнонациональных субъектов приводит к зависимости от центра и потребности в дотациях, что усиливает заинтересованность в укреплении центральной власти и одновременном расширении собственных полномочий.

Так, по данным Госкомстата, объемы помощи национальным республикам составляют значительную часть республиканских бюджетов. Среди 20 самых дотационных регионов находятся Республики Саха (Якутия), Тыва, Алтай, Ингушетия, Бурятия, Дагестан, Чечня, Карачаево-Черкесия и другие [9]. При расчете дотаций на душу населения Республике Саха (Якутия) было выделено 41,3 тыс. руб., Тыве – 28,6 тыс. руб. Меньше других – Республике Калмыкия – 6,6 тыс.руб. на душу населения. Это существенные средства для региональных бюджетов.

Объективные условия для развития федерализма существуют, наряду с ними сейчас появились субъективные факторы, связанные с украинским кризисом. Украинский кризис стимулировал поиск общей гражданской идентичности в России, снижение уровня национализма, консолидацию большинства вокруг базовых ценностей и центральной власти. Это временное явление, которое можно использовать для укрепления государственности и развития федерализма.

Оценки существующих рисков и использование возможностей могут стать отправной точкой развития федеративных отношений и демократизации общества. Федерализм выступит как механизм согласования интересов меньшинств и большинства – различных сообществ, а не бюрократических институтов. Даже ограниченный федерализм, который сейчас существует в России при значительной централизации управления, ресурс сохранения стабильности и целостности государства.

Список использованных источников:

1. Захаров А. А. Федерализм в XXI веке: реальность и мнимость. Лекция на семинаре ШГЛ, Воронеж, 21 июня 2014 г. // Видеозапись лекции: http://www.chitaivrn.ru/andrey-zaharov-federaciya-eto-ne-ray-no-inogo-puti-u-rossii-net
2. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16 декабря 1966 г. // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
3. Lemco J. Political Stability in Federal Government. N.Y., 1991.
4. Ниубо: отношения Каталонии и Испании возможны на основе федерализма. 07.11.2014. Электронный ресурс. Режим доступа: http://m.ria.ru/world/20141107/1032169907.html
5. Список регионов России по ВРП на душу населения // http://newsruss.ru/doc/index.php/
6. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. – М, 1997. – С.77.
7. Lemco J. Political Stability in Federal Government. N.Y., 1991.

8. Эксперты американского Национального бюро экономических исследований проанализировали 1503 региона в 82 странах мира, чтобы понять насколько однородно региональное развитие стран. В среднем самый богатый регион одной страны оказался в 5,2 раза состоятельнее самого бедного. По межрегиональным различиям Россия оказалась на 3 месте после Венесуэлы и Таиланда. У нас разрыв составил 25 раз. // Забавина Ю. Потеря кормильцев. В стране резко сокращается число регионов-доноров – в 2013 году их осталось всего десять // Новые известия, – 29 апреля 2013 г. // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.newizv.ru/economics/2013-04-29/181859-poterja-kormilcev.html
9. 20 самых дотационных регионов России. (Данные за 2010 год) // Электронный ресурс. Режим доступа: http://dnevniki.ykt.ru/EllikPE/542294

РУССКИЙ ЭТНОС И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН (1990–2011 гг.)

RUSSIAN ETHNICITY AND ETHNO-POLITICAL DEVELOPMENT OF BASHKORTOSTAN (1990–2011)

О. И. Чекалина (БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия)
М. А. Шайхетдинов (БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия)
O. I. Chekalina (BSPU named after M. Akmulla, Ufa, Russia)
M. A. Shayhetdinov (BSPU named after M. Akmulla, Ufa, Russia)

Аннотация. *В данной статье рассматривается положение русского этноса и этнополитическое развитие Республики Башкортостан на постсоветском этапе. Анализируется деятельность русских национальных организаций в общественно-политическом пространстве многонационального региона.*

Abstract. *In this article the provision of the Russian ethnos and ethnopolitical development of the Republic of Bashkortostan at a Post-Soviet stage is considered. The activity of the Russian national organizations in political space of the multinational region is analyzed.*

Ключевые слова: *русский этнос, этнополитическое развитие, национальная политика, национальная политика, этничность*

Keywords: *Russian ethnos, ethno-political development, national policy, national policy, ethnicity*

Проблема этнокультурного и этнополитического развития русского народа не теряла своей актуальности на протяжении всего исторического развития нашей страны, а особенно на рубеже XX–XXI вв. – в период трансформации Российского государства, когда вновь, с особой остротой, был поставлен национальный вопрос. В рассматриваемый постсоветский период этнокультурное и этнополитическое развитие русского этноса напрямую связано с развитием национальных общественных объединений.

Русское население Башкортостана, согласно данным переписи 2010 г., составляет 1432906 чел., а это 36,1% в этнической структуре региона. В динамике переписи 2002 и 2010 гг. Башкортостан «недосчитался» 57809 представителей русской национальности,

а в динамике переписи 1989 и 2010 гг. – 115385 чел. Данные цифры подчеркивают необходимость целенаправленной государственной и региональной национальной политики, нацеленной на сохранение и развитие русского этноса в регионе.

Начавшийся на волне перестройки с демократизацией страны рост национального самоопределения привел к созданию национальных организаций. Национальные движения к концу 80-х гг. охватывают все более широкие слои населения. По мере нарастания национального сознания у населения республики шло интенсивное становление этнополитических организаций, расширялась их социальная база [4, с. 43].

Национальные объединения русских в Республике Башкортостан переживали активный процесс становления и развития в 1990-е гг. Тогда было создано общественное объединение «Русь», республиканский национально-культурный центр русских Башкортостана «Вече», Собор русских Башкортостана, славянский культурный центр «Святыня» и др. Основанное в марте 1992 г., общественное объединение «Русь» было создано в целях реализации и защиты гражданских, экономических, социальных, политических, культурных прав и свобод русского и других народов; подъема активности и самодеятельности русских, их участия в управлении государством и общественными делами; возрождения духовно нравственных ценностей, казачества, развития научного, технического и художественного творчества, участия в благотворительной деятельности и т. д. 15 декабря 1992 г. прошла учредительная конференция национально культурного центра русских Башкортостана «Вече», на которой был принят устав центра, определены основные направления его работы, такие как сохранение и развитие русской национальной культуры в Республике Башкортостан, научно исследовательская деятельность, научно просветительская работа [8].

На произошедшем 23 мая 1992 г. первом Соборе общественной организации «Русь», участниками объединения была принята резолюция с осуждением «национал-сепаратизма башкирских организаций». В резолюции первого Собора говорилось, что «из-за активных действий национально-сепаратистских сил растет опасность развала России, что может привести не только к потере русскими своей тысячелетней государственности, но и к утрате целостности самого народа» [11, с. 45]. В своих выступлениях лидер общественного объединения «Русь» А. Н. Аринин утверждал, что «национальные отношения в Башкирии ... стали разменной монетой в политике руководства Республики Башкортостан, заинтересованного в укреплении башкирской этнократии» [6].

В 1990-е гг. в Республике Башкортостан создаются первые общественные организации потомками оренбургских, уральских, донских и других казаков. Несмотря на исторически сложившийся многонациональный состав казачества Южного Урала его современное состояние следует определить как субэтническую общность русского народа. Первым шагом в данном направлении стало создание «Землячества Волжских казаков», действовавшего в соответствии со своим уставом, целями и задачами. В 1993 г. в г. Уфе было создано «Уфимское землячество казаков», которое в 1995 г. вошло в состав Волжского казачьего войска (ВКВ) на региональной основе. Землячеству было официально присвоено наименование «Х отдел ВКВ» [5, с. 84].

27 марта 1998 г., согласно постановлению Кабинета министров РБ от 5 февраля 1998 г. № 18, был организован Собор русских Башкортостана. Его основными целями, согласно уставу, является формирование и распространение идей духовного единства, патриотизма, любви к родному краю и его народам, ко всей великой России через сохранение и изучение исторического наследия русского народа; распространение знаний и информации об истории, культуре и современном состоянии русских Башкортостана;

сохранение и развитие русского языка, содействие возрождению национальных обычаев, традиций, обрядов, народных промыслов и ремесел [9]. Однако в начале 2000-х гг. деятельность русских национально культурных центров начала ослабевать. Уже в 1997 г. съезд «Вече» принял срочное постановление о необходимости самоликвидации, 27 января 2000 г. центр русских Башкортостана «Вече» был ликвидирован в соответствии с распоряжением Министерства юстиции. В 2005 г. прекратило свое существование еще одно общественное объединение русского этноса «Русь». На сегодняшний день продолжает свою работу лишь Собор русского народа. Также на территории Башкортостана большую работу, направленную на этнокультурное развитие русского этноса, проводит Башкирское (Аксаковское) отделение Международного фонда славянской письменности и культуры, зарегистрированное в мае 1992 г. [10].

Процесс национальной активизации русских проходил более бурно на фоне мобилизации этничности башкир и активной национальной политики в регионе. Вопреки всем опасениям, русские Башкортостана не стали «диаспорой» или «национальным меньшинством», а продолжают оставаться наиболее многочисленным этносом региона с активной позицией русских национальных организаций, что доказывает деятельность Собора русских Башкортостана.

Русская молодежь Башкортостана предпринимала попытки стихийной самоорганизации, вливаясь в ряды различных неформальных неоязыческих, монархических, ультраправых организаций, зачастую довольно радикального толка.

Самоорганизация вокруг этничности в Башкортостане есть и среди русских, в том числе и среди русской молодежи, например, в Уфе организуются «Русские пробежки», был организован круглый стол, посвященный проблемам русских в Башкирии, в июле же проходил «Первый летний русский молодежный лагерь» [7]. Идеи и лозунги такой самоорганизации также базируются, и на представлениях о собственной ущемленности в актуальных текущих ситуациях, например, преподавание языков в школах, этнические диспропорции во власти, и на представлениях об исторической несправедливости. Активно дискутировался вопрос об организации несколько лет подряд Дней башкирской молодежи Союзом башкирской молодежи в связи с вопросом о необходимости организации мероприятий, направленных на всю молодежь республики: «Молодежь, ориентированная на русскую культуру и общероссийскую ментальность – а это большинство молодежи региона – лишена возможности проводить свои форумы. Если бы такие дни, Дни молодежи всей Башкирии существовали, скорей всего, не было бы необходимости говорить о днях ориентированной на русскую культуру молодежи Башкирии» [3].

В Башкортостане русское население является доминирующим демографически, но не социально-политически, и у них как правило, этническая идентичность совмещается с государственно-гражданской идентичностью. Как отмечают исследователи, при такой идеологической неопределенности к настоящему и проектов на будущее в сфере этнонациональной политики в республике, массовое сознание русских может еще долго опираться на оборонительные и защитные установки [1].

Русские национальные организации оказали значительное влияние на реализацию национальной политики, стали важной составляющей общественно-политической жизни республики. В тоже время, очевидно, что деятельность национальных организаций отчасти становилась объектом манипулирования, использовалась на определенных этапах как политический инструмент региональной властью. В этой связи сегодня понятно огромное значение установок Президента Республики Башкортостан Р. З. Хамитова (19 июля 2010 г. утвержден в должности Президента Республики Башкортостан) на

консолидацию общества, укрепление дружбы и братского сотрудничества народов республики. Следует подчеркнуть, что 11 февраля 2011 г., в день проведения Президиума Госсовета РФ в Уфе, руководители национальных движений и организаций республики подписали Уфимский меморандум «О межнациональном согласии и дружбе народов России», которым была решительно подержана программа 2011 года как «Года укрепления межнационального согласия в Башкортостане».

Список использованных источников

1. Алексеенко С. С., Кучумов И. В., Фатхутдинова А. И. Региональные аспекты идентичности русских в национальных республиках как фактор становления российской нации (на примере Башкортостана): Историко-социологические очерки. – Уфа, 2013. – 116 с.
2. Арутюнова Е. М. Идентичности и этнические установки молодежи Башкортостана // Панорама Евразии. – 2012. – № 2 (10). – С. 39–48.
3. Башкирия: летнему русскому лагерю молодежи – быть! Электронный ресурс. Режим доступа: http://golosufa.livejournal.com/6245.html.
4. Буранчин А. М., Бадранов А. Ш. Республика Башкортостан в системе российского федерализма (конституционно-правовой и политологический анализ). – Уфа, 2009. – 128 с.
5. Кортунов А. И. Образование «Землячества Волжских казаков» на территории БАССР (1991 г.) // Исторический опыт и современные проблемы политических партий и движений: материалы пятой научно-практической конференции 24 марта 2006 года. – Уфа, 2006. – С. 84–86.
6. Партии и общественно-политические движения. Республика Башкортостан. Электронный ресурс. Режим доступа: http://pfo.metod.ru/territories/bashk/issues/politic-part-party/viewpub.
7. Русский вопрос в Башкирии. Электронный ресурс. Режим доступа: http://102.livejournal.com/227471.html.
8. ЦАОО РБ (Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан). Ф.10041. Оп.1. Д.1. Л.1.
9. ЦАОО РБ. Ф. 10284. Оп.1. Д.1. Л.3.
10. ЦАОО РБ. Ф.10256. Оп.1. Д.1. Л.3.
11. Этнополитическая мозаика Башкортостана. – М., 1993. – 336 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВИДЫ СПОРТА КАК ФАКТОР САМОИНДЕФИКАЦИИ ЭТНОСА

NATIONAL KINDS OF SPORT AS A FACTOR OF SELF-IDENTIFICATION OF ETHNICITY

В. В. Шишкин (СибГУФК, г. Омск, Россия)
V. V. Shishkin (Siberian state University of physical culture and sports, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена вопросам анализа национальных видов спорта как фактора самоидентификации этноса.*

Abstract. *The article is devoted to analysis of national kinds of sport as a factor of self-identification of ethnicity.*

Ключевые слова: *национальные виды спорта, этнос, нация.*
Keywords: *national sports, ethnos, nation.*

Российская Федерация является многонациональным государством, вбирающим в себя, целый ряд народов со свойственными им обычаями и традициями.

Отличительными чертами нации выступают язык, национальные костюмы, обряды и верования народа и т. д. По нашему мнению, одной из недостаточно освещенных в научной литературе тем является изучение национальных видов спорта как фактора самоидентификации этноса.

Игра всегда была тем культурно-историческим инструментом, который объединяет людей. Пожалую каждая нация в мире, обладает свойственной только ей игрой и именно она выступает цементирующей основой которая скрепляет нацию.

Ученые всегда понимали социальную значимость спорта в жизни этноса. Спорт в этносе выступает как незаменимый элемент общения, как часть социального контроля, как путь ассимиляции или, наоборот, для национального меньшинства путь групповой идентификации и характеризуется устойчивостью национальных меньшинств к ассимиляции.

Национальному спорту присуща, определенная ритуализированность, так как именно из ритуалов большинство видов спорта и произошло. Анализ спорта как вид ритуала имеет право на существование по нескольким причинам. Во-первых, как справедливо отмечает К. Дием во вступительном слове Фундаментальной всемирной истории спорта «все физические упражнения были изначально связаны с культом» [1, с. 1]. Во-вторых, корни многих современных видов спорта можно найти в ритуальных практиках связанных с плодородием, различных фестивалей и иных религиозных церемоний.

К. Лоренс отмечает, что спорт является «особой ритуализированной формой борьбы, развивавшейся в культурной жизни людей. Как и филогенетически возникшие турнирные бои, он предотвращает социально вредные проявления агрессии и одновременно поддерживает в состоянии готовности ее функцию сохранения вида. Однако, кроме того, эта культурно-ритуализированная форма борьбы выполняет задачу, важность которой не с чем сравнить: она учит людей сознательному контролю, ответственной власти над своими инстинктивными боевыми реакциями. Рыцарственность спорта, которая сохраняется даже при сильных раздражениях, вызывающих агрессию, является важным культурным достижением человечества. Кроме того, спорт благотворен в том смысле, что создает возможности поистине воодушевленного соперничества между надындивидуальными сообществами. Он не только открывает замечательный клапан для накопившейся агрессии в форме ее более грубых, более индивидуальных и эгоистических проявлений, но и позволяет полностью проявиться и израсходоваться ее более специализированной, сугубо коллективной форме» [2, с. 35].

Даже со временем потеряв религиозный смысл спортивное мероприятие, готово вобрать в себя новые смыслы. Примером данной трансформации являются возрожденные П. де Кубертеном Олимпийские игры с их идеей гуманизма.

К сожалению, из спорта все более уходят национальные признаки, придающее им своеобразную изюминку – национальные костюмы, элементы обрядовости. В настоящее время спорт все более становится продуктом эпохи общества потребления, с присущими данной эпохи чертами потреблением и коммерциализацией.

Одними их последних островков выражения этноса в спорте, остаются национальные виды спорта. Национальные виды спорта – виды спорта, исторически сло-

жившиеся в этнических группах населения, имеющие социально-культурную направленность и развивающиеся на территории Российской Федерации.

Национальные виды спорта обладают всеми исключительными чертами присущими только им, в них этнос черпает определенное единство объединяющие его в нацию, без них невозможна самоидентификации этносов как нации.

Традиция культивирования и проведения национальных видов спорта в целом имеет многовековую истории. Многие столетия складывались правила национальных игр регламентируясь при этом этническими обычаями, однако стоит отметить, что на сегодняшний день развитие национальных видов спорта сталкивается с рядом трудностей обусловленных финансовыми проблемами, в следствие ряда юридических пробелов в нормативно-правовом регулирования национальных видов спорта. Так участие не во всех национальный видах спорта, позволяет спортсменам иметь стабильный заработок, что не позволяет им посвятить этому виду спорта всю жизнь. Это связано с тем, что многие национальные виды спорта не входят во Всероссийский реестр видов спорта, что не позволят представителям данного вида спорта рассчитывать на финансовую поддержку из бюджета Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Diem C. Weltgeschichte des Sports, Frankfurt: Cotta, 1971.
2. Лоренц К. Агрессия. (Так называемое «зло»). – М., 1994. – С. 31.
3. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. – № 50. – Ст. 6242.

СЕКЦИЯ 2.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И МОДЕЛИ РЕШЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

THE MAIN REASONS PREDICTORS OF INTER-ETHNIC CONFLICTS IN MODERN RUSSIA

Г. Р. Асадуллина (ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия)
G. R. Asadullina (The Bashkir State University, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена исследованию основных причин, предпосылок возникновения этнических конфликтов в современной России. Рассматривается несколько подходов к решению этнических конфликтов в России – это комплексный подход и подход, подчеркивающий принадлежность причин к политической сфере.*

Abstract. *The article investigates the main reasons prerequisites of ethnic conflicts in modern Russia. We consider several approaches to solving ethnic conflicts in Russia – a comprehensive approach and the approach that emphasizes the affiliation of reasons to the political sphere.*

Ключевые слова: *этнос, этнополитические конфликты, конфликт, политика.*
Keywords: *ethnicity, ethnic and political conflicts, conflict, politics.*

Российская Федерация – многонациональная и многоконфессиональная страна. Для России с ее огромной территорией, множеством национальностей, существенными различиями между регионами федерация является оптимальной формой государственности, условием сохранения единства страны, стабильности. В стране проживают 130 этносов, 26 народов насчитывает каждый примерно по 100 тыс. чел., а 26 народов Севера в сумме составляют примерно 200 тыс. чел. Каждый из этих народов обладает своей спецификой – по численности, социально-профессиональной структуре, типу хозяйственно-культурной деятельности, языку, особенностям материальной и духовной культуры. Преобладающее большинство народов страны складывались как этнические общности веками и в этом смысле являются коренными народами. Отсюда их историческая роль в формировании российской государственности и притязания на самостоятельные национально-территориальные или, по меньшей мере, национально-культурные образования. Хотя российская государственность складывалась столетия-

ми, многие ее современные черты и проблемы являются продуктом недавней восьмидесятилетней истории.

Мировой опыт федеративного государства показывает, что данный тип государства создается при добровольном объединении этносов в единый союз. Это государство в состоянии развиваться как подлинная федерация при условии, если оно будет основываться на принципах равноправия и взаимопомощи всех наций, входящих в его состав. Реальная федерация, таким образом, предопределяет сплоченность наций и их единство. В формировании многонационального демократического государства первоосновой выступает не само государство, а права и свобода этносов.

Россия как крупнейшее многонациональное государство проводит политику, направленную на создание равноправных отношений между народами, формирование демократических механизмов разрешения национальных проблем, поддержку и развитие национально-культурных автономий, объединение усилий всех звеньев государственной системы для борьбы с агрессивным национализмом, достижения межнационального согласия. России не подходит ни «губернизация» республик, ни «республиканизация» областей. Концепция государственной национальной политики положена в основу при разработке федеральных, региональных и местных программ развития.

Требуется, и обеспечить равенство по правам и обязанностям, и создать условия для сохранения национальной самобытности всех народов. Малочисленные народы, в местах их компактного проживания вправе создавать органы территориального общественного самоуправления с учетом национальных, исторических и иных традиций. Однако национальный аспект не должен превалировать, так как он может привести в действие силы геополитического растяжения, подрывающие единство и безопасность страны.

И поэтому совершенствование межэтнических и межнациональных отношений в ней требует углубленного изучения современного состояния и перспектив развития, учета и анализа всех факторов, влияющих на эти отношения. В частности, нуждаются в изучении роль и место этнической идентичности в формировании и развитии межнациональных отношений на современном этапе. В современной России этнокультурные отношения складываются достаточно сложно и противоречиво, подчас приходится сталкиваться с проявлениями ксенофобии, интолерантности по отношению к другим.

В советской модели федерации потенциальные этнонациональные конфликты сдерживались до тех пор, пока действовала жестко централизованная реальная структура власти.

Перемены и реформы последнего десятилетия обусловили глубокие как позитивные, так и негативные изменения. Непосредственное влияние на сложные процессы в межнациональных отношениях оказывает ряд объективно складывающихся тенденций и противоречий между:

- стремлением каждого народа к самоопределению, самоутверждению и объективными процессами интеграции общества в целом;
- возрастающей самостоятельностью субъектов Федерации и объективной потребностью сохранения и упрочения общероссийской государственности в интересах всех народов;
- тяготением к национально-культурной самобытности и исторически сложившейся духовной общностью народов России.

Исследователи выделяют два подхода к решению этнических конфликтов в России – это комплексный подход и подход, подчеркивающий принадлежность причин к политической сфере.

Комплексный подход развивает А. В. Дмитриев. С точки зрения этого российского исследователя, к числу предпосылок возникновения этнических конфликтов относятся:

– неравенство этносов по численности;

– неравенство этносов по политическому статусу в государственно-территориальной системе страны;

– этногенетические различия этносов (их принадлежность к различным расовым и этническим группам, большим языковым семьям, разным религиозным, культурным зонам и традициям);

– асимметрия экономических возможностей регионов России (большая часть из которых - дотационные субъекты Федерации);

– разный этнический состав регионов РФ с преобладанием титульной нации или русских;

– значительные социокультурные различия, разная степень квалификации и образованности работающего населения, насыщенность территории учреждениями образования и науки, интегрированность народов в русскую культуру в регионах РФ;

– широкое распространение в конфликтных ареалах установок этнических групп на столкновение, обусловленных национальным составом населения региона, растущей инонациональной миграцией в индустриальные центры, этнонегативизмом молодежи и лиц пенсионного возраста, маргинализацией населения, ростом числа лиц социопатического склада, с низким уровнем образования.

– погранично- территориальные проблемы, глобализация и столкновение цивилизаций.

А. Г. Здравомыслов считает, что возникновение этнических конфликтов в современной России связано не со стремлением отдельных народов к государственной независимости или повышению своего политического статуса в составе России, сколько с особенностями восприятия русского большинства всеми остальными этносами, оказывающимися по отношению к нему меньшинствами и использованием возникающих в ходе этих процессов столкновений и чувства ущемленности их элитами, провоцирующими этнические конфликты для захвата или удержания собственной власти.

Межнациональные конфликты, по мнению ученого, сами по себе не играют решающей роли, «они лишь используются в качестве средства для решения вопросов иного характера, не выступающих на поверхность с той же очевидностью, как национальные противостояния». С точки зрения А. Г. Здравомыслова, в этнических конфликтах важнейшую роль играют культурные, демографические и политические факторы, а так же осознание этническими группами угрозы их физическому и культурному существованию.

Существуют и иные подходы, подчеркивающие политические причины и факторы этнических конфликтов.

Так, например, С. В. Соколов видит причины этнических конфликтов в естественном стремлении народов России к государственной независимости, в процессах изменения статуса народов СССР, выравнивании в правах автономных и союзных республик, что спровоцировало сепаратизм автономий, которого без обновленного Союзного договора могло и не быть, поддержка «демократическими» силами в Центре

националистических движений и организаций в союзных и автономных республиках как альтернативы находившейся у власти в них партийной номенклатуре.

Из сказанного можно сделать вывод, что причины российских этнических конфликтов лежат не только в политической сфере, но и в области культуры, религии, экономики, демографии, в международных отношениях, выступающих внешней средой по отношению к России.

Мотивами, вследствие которых этнические элиты идут на конфликты на базе сепаратизма, могут являться:

– стремление представителей элиты воспользоваться повышением статуса автономных республик РСФСР до положения союзных республик в результате подписания Союзного договора 1991 г;

– социально-статусные причины – повышение статуса региональных элит до уровня общенациональных, возможность отстаивать свои интересы в противоборстве с федеральным Центром и его элитами;

– ослабление влияния федерального Центра (период с 1991 г. и до подписания Федеративного договора), первых договоров о разграничении полномочий с субъектами Федерации.

Таким образом, причины возникновения и эскалации современных этнических конфликтов разнообразны, но в тоже время тесно переплетены между собой. Выделение одной исключительной причины возникновения этнического конфликта является сложной задачей, так как, по сути, к проявлению конфликтного противостояния приводит обострение сразу нескольких причин, влекущих за собой открытое недовольство конфликтующих сторон.

Список использованных источников

1. Дмитриев А. В. Конфликтология. М., 2000.
2. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997.
3. Соколов С. В. Социальная конфликтология. М., 2001.
4. Султыгов А.-Х. А. Опыт урегулирования этнополитических конфликтов в современных условиях (сравнительный анализ) М., 2005.

РОЛЬ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ СРЕДИ СОЛДАТ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ

THE ROLE OF CHAPLAINS IN THE PREVENTION OF INTERETHNIC CONFLICTS AMONG URGENT SERVICE SOLDIERS

А. Г. Баимов (Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УНЦ РАН г. Уфа)

A. G. Baimov (The R.G. Kuzeyev's Institute of ethnologic studies of Ufa scientific center of Russian academy of sciences)

Аннотация. *В работе рассматриваются основные функции военного духовенства в современной Российской армии в предотвращении конфликтов на этноконфессиональной почве.*

Abstract. *The paper considers the basic chaplains functions of preventing conflicts on ethnic and religious ground in the modern Russian army.*

Ключевые слова: *военное духовенство, армия, межэтнические конфликты, военнослужащий.*

Key words: *military clergy, army, interethnic conflicts, serviceman.*

После коллективного обращения членов Межрелигиозного совета России[1] 21 июля 2009 г., президент Российской Федерации Д. А. Медведев принял решении о воссоздании института военного духовенства. На основании этого решения, 24 января 2010 г. Министр Обороны РФ А. Э. Сердюков подписал «Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации» [6], который регламентирует цели и задачи деятельности военных священнослужителей. Они заключаются в следующем:

- организация и проведение религиозных обрядов, церемоний и удовлетворение религиозных потребностей личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации;
- организация и проведение духовно-просветительской работы;
- участие в мероприятиях, проводимых органами военного управления по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию;
- участие в работе по укреплению правопорядка и воинской дисциплины, профилактике правонарушений и суицидальных происшествий.

Как видно из этого списка, сфера деятельности военных священнослужителей охватывает широкие границы. В их должностные обязанности входит не только удовлетворение духовных потребностей военнослужащих и просветительская работа, на них также возлагается сохранение их семей, обеспечение морально-психологической боеготовности личного состава, правозащитная деятельность, снятие нервной напряженности, вызванная тяготами военной службы. И одной из немаловажных функций военного духовенства также является препятствие появлению конфликтных ситуаций между военнослужащими на этно-конфессиональной почве.

Современная Российская армия полиэтнична и многоконфессиональна. Время от времени, среди военнослужащих возникают взаимное непонимание друг друга, по причине отличия обычаев и культуры, к которым они с детства привыкли. Например, в 2012 г. в одном из воинских частей небольшой спор между представителем Ислама и Православия стал поводом для нарушения воинской дисциплины. Спор же возник во время обеда буквально из-за куска хлеба, который лежал поперек на стакане с компотом у военнослужащего-мусульманина. Второй потребовал от него убрать хлеб, со стакана, прокомментировав это так, что задел религиозные чувства первого. В результате словесная перепалка, быстро переросло в драку.

Военнослужащий по призыву, согласно ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» – это молодой человек в возрасте от 18 до 27 лет [9]. Сами духовные деятели

---

[1] Обращение к президенту подписали: Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, верховный муфтий, председатель Центрального духовного управления мусульман России Талгат Таджуддин, муфтий, председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, муфтий, председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев, главный раввин, председатель Федерации еврейских общин России Берл Лазар, Пандито хамбо лама, глава Буддийской традиционной сангхи России Дамба Аюшеев.

признают, что для молодых людей, недавно начавших практиковать какую-либо религию характерно желание воцерковить окружающих, стремление доказать всем, что их вера самая правильная, а все остальные являются ересью [2]. Следует отметить, что к этому подвержены не только военнослужащие по призыву, но и молодой офицерский состав, в руках которых, в отличии от первых, имеется власть. Противостояние даже малейшему проявлению подобных недоразумений является обязанностью военного духовенства.

Сегодня нередко приходится слышать о бессмысленности и неправомерности взаимодействия армии и духовенства. 14 марта 2011 года доклад главного редактора журнала «Религия и право» Анатолия Васильевича Пчелинцева «Русская Православная Церковь и армия: опыт истории и современные проблемы взаимодействия» на семинаре в Московском Центре Карнеги вызвал оживленные дискуссии среди присутствующих. Аудитория разделилась на сторонников и противников воссоздания института военного духовенства. Последние же видели в этом клерикализацию армии и назвали это событие антиконституционным. Конечно, нельзя не согласиться с утверждением, что современная законодательство РФ не предусматривает деятельность священнослужителей в армии, и в этом отношении является не доработанной. Но, следует помнить, что во всем Мире сегодня существуют только 2 государства (это Китай и Северная Корея), в которых по понятным причинам законодательно запрещена деятельность военных священнослужителей в армии, и Россия не в их числе. Напротив, Федеральный Закон «О статусе военнослужащих» не только сохраняет право военнослужащих на вероисповедание, но и допускает проведение религиозных церемоний на территории воинской части [8]. А Устав внутренней службы ВС РФ обязывает командиров учитывать национальные чувства, вероисповедание, традиции и обычаи своих подчиненных [5]. Таким образом, Российское законодательство не является препятствием для деятельности священнослужителей в армии.

В текущем году исполнилось пять лет, как в Российской армии появилось штатное военное духовенство. Но следует признать, что из-за отсутствия необходимого опыта часто возникают противоречивые и абсурдные ситуации, связанные с их деятельностью. Сюда входит принуждение к участию в религиозных церемониях, освящение казарменных стен, оружия, боевых знамен и т. д. Все это запрещено законодательством РФ. В Федеральном Законе «О статусе военнослужащих» говорится, что участие в религиозных церемониях и обрядах является добровольным, религиозная символика и предметы культа используется военнослужащими индивидуально [8]. Не раз было отмечено, что в современной армии Российской Федерации преимущественным положением пользуется РПЦ. Свидетельством тому служат следующие цифры: по июньским данным 2014 года на штатной основе сегодня служат 132 священнослужителей, из которых 129 православных священников 2 имама и 1 буддист [4]. По мнению Пчелинцева А. В. [7] такое преимущественное положение одной конфессии со временем может привести к дедовщине в армии не только по сроку службы, но и по религиозному признаку. Поэтому в задачах военных священнослужителей не только предотвращать конфликты среди солдат на этно-конфессиональной почве, но и самим не провоцировать их появление.

Таким образом, несмотря на определенные противоречия, в целом введение должности помощника командира по работе с верующими военнослужащими является позитивным моментом в истории России. Государство Россия имеет 200-летний дореволюционный опыт деятельности института военного духовенства, который тогда зая-

вил себя исключительно с положительной стороны. В военном ведомстве Российской империи успешно проходили службу, и справлялись со своими обязанностями сотни священнослужителей различных вероучений [1, 3, 7]. Институт военного духовенства по праву можно назвать инструментом по урегулированию конфликтов на этноконфессиональной почве. Возможность отправления богослужений может помочь изменить отношение к военной службе призывников, практикующих какое-либо вероучение. Появление духовных лиц в армии – важный шаг в сведении к минимуму негативных проявлений, связанных с высокой нервной напряженностью военной службы. Но, следует помнить, что основную роль в воспитании личного состава (как в морально-нравственном, так и в боевом) должен играть командир воинского коллектива. Часто именно от авторитета прямого начальника зависит и дисциплина, и патриотизм, и высокие моральные принципы, не говоря уже о хорошей боевой готовности. А помочь достичь всего вышеперечисленного – является обязанностью помощника командира по работе с верующими военнослужащими.

Список использованных источников

1. Абдуллин Х. М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи: конец XVIII – начало XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 Казань – 2007.
2. Зачем нужно ходить в храм? [электронный ресурс] // Библейско-богословские курсы URL: http://www.bbk-vtk.ru/publ/zachem-nujno-hodit-v-hram#2.2.3 (дата последнего обращения 21.05.2014)
3. Котков В. М. Военное духовенство России. Страницы истории. СПб.: Издательство Литера – 2003;
4. Лукичев Б. М. Военному духовенству Вооруженных Сил России – пять лет [электронный ресурс] // URL: http://kapellan.ru/voennomu-duxovenstvu-vooruzhennyx-sil-rossii-pyat-let.html (дата последнего обращения 14.11.2014)
5. Общевоинские уставы Вооруженных сил Российской Федерации // Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, Часть первая, Глава 3, Статья 78. – Ростов н/Д: Феникс, 2012. – 635, [1] с.: ил. – (Закон и общество), – С 35.
6. Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации [электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Обороны РФ. URL: http://stat.doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10339831@egNPA (дата последнего обращения 5.12.2014)
7. Пчелинцев А. В. Русская православная церковь и армия: опыт истории и современные проблемы взаимодействия [электронный ресурс] // Социальное служение Русской Православной Церкви // URL: http://social-orthodox.info/pages/5_13_pchelintsev_armia_i_tserkov.htm#_ftn1URL: (дата последнего обращения 2.12.2014)
8. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76 – ФЗ (в ред. от 03.02.2014 № 7-ФЗ) «О статусе военнослужащих», Глава II, статья 8.
9. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 01.12.2014) «О воинской обязанности и военной службе», Раздел IV, статья 22, 1а.

БАШКОРТОСТАН КАК ЭТНИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

BASHKORTOSTAN AS THE ETHNIC REPUBLIC

Ю. В. Бакулина (Уфимский государственный университет экономики и сервиса, г. Уфа, Росссия)
J. V. Bakulina (Ufa state university of economics and service, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена понятию многообразия этносов, населяющих республику Башкортостан, как субъект Российской Федерации, основам взаимной общей культуры, исторически сформированной на территории региона, влияющей на позитивное развитие государства и гражданского общества.*

Abstract. *The article is devoted to the meaning of ethnic groups at the territory of republic Bashkortostan – the part of Russian Federation; the article shows the base of general culture that creates real positive development of the state and civil society.*

Ключевые слова: *этнос, культура, религия, человеческое единство, историческое развитие.*

Keywords: *ethnos, culture, religion, human union, historical development.*

Современное развитие государственности показывает, что в условиях модернизации и политических трансформаций многонациональная Россия не утрачивает многообразия этносов, культур, религий, сохраняя при этом гражданское единство и целостность общества. Одним из примеров этнического многообразия в составе Российской Федерации является республика Башкортостан.

В Башкортостане проживает около 4 млн. человек, которые по национальной языковой классификации относятся: к алтайской (башкиры, татары, чуваши, казахи), индоевропейской (русские, украинцы, белорусы, немцы, евреи, армяне, латыши), и уральской (марийцы, мордва, удмурты) языковым семьям. Сложную картину представляет структура верований этих народов. Наибольшую распространенность среди верующего населения имеют две мировые религии – ислам и христианство (православие). Приверженцами ислама являются тюркоязычные башкиры, большинство татар, казахи, небольшая часть чувашей. Православие исповедует подавляющая часть верующих русских, украинцев, белорусов; оно распространено среди верующих чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов, части татар. У финноугорских народов и чувашей бытуют также самобытные формы дохристианских религиозных воззрении: посещая церковь , они поклоняются своим многочисленным богам и духам. Разных направлений верований придерживаются также русские (православие, старообрядцы), украинцы и белорусы (православные, католики), тюркоязычные татары.

В национальный состав Башкирии входят башкиры, русские, татары, чуваши, марийцы, мордва, удмурты и другие народы. Общая численность башкир в СССР, по переписи населения 1989 г., составляла 1 млн. 449,1 тыс. чел., из них 1 млн. 345,3 тыс. на территории России. Основная часть башкир (863,8 тыс, или 59,6%) сосредоточена на своей этнической территории. За пределами республики они обитают в Челябинской (161,2 тыс.), Оренбургской (53,8 тыс.), Пермской (52,3 тыс.), Свердловской (41,5 тыс.), Курганской (17,5 тыс.), Тюменской (41,1 тыс.) областях, Казахстане (41,3 тыс.), Узбекистане (34,8 тыс.), Татарстане (19,1 тыс.) и др. В Приуралье древнебашкирские пле-

мена появились, судя по письменным источникам, в IX в. О «народе из тюрок, называемом башгорд», обитавшем в в Волго-Уральском междуречье, сообщал арабский тешественник Ахмед ибн-Фадлан. В Приуралье башкиры пришли сложившейся древней народностью с самобытной культурой, языком.

Другой многочисленный народ республики – русские. Язык их входит в восточнославянскую группу индоевропейских языков. По своему происхождению русские связаны с восточнославянскими племенами. В их формировании участвовали и некоторые неславянские народы, которые издавна обитали на нынешней современной территории европейской части России.

В XVI–XVII вв. русские начали заселять Нижнее Поволжье, Урал, Северный Кавказ и Сибирь, в XVIII–XIX вв. – расселяться в Прибалтике, Причерноморье, Закавказье, Средней Азии, Казахстане и на Дальнем Востоке. Русское население расселено по территории Башкортостана повсеместно, но неравномерно. Более всего оно сосредоточено в южной, северо-восточной и центральной зонах. В западной, северо-западной и уральской – доля его в структуре населения сравнительно невысока. Абсолютное большинство русских (83,02%) проживает в городской местности. В сельской – они составляют менее 17%. Русские преобладают в старых городах – Уфе, Бирске, Белебее, Стерлитамаке. В относительно новых городах их доля значительно ниже (Баймак, Учалы, Сибай и др.).

В Башкортостане проживает 1120,7 тыс. татар. Так же как и русские, татары – не коренное население. Они формировались в пределах Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Переселение их на восток, в том числе на территорию современного Башкортостана, началось со второй половины XVI века.

Татары, в основном, имеют темный и светлый европеоидный облик. Темный европеоидный тип представлен в 40% казанских татар, 60%-мишарей и до 15% крещеных татар. Светлый европеоидный тип характерен для 20% поволжских татар, 20% .мишарей и 44% кряшен. Кроме того, можно выделить также уральский (волго-камский) тип и монголоидный (южно-сибирский) тип, характерный для татар Золотой Орды, сохранившийся у ряда тюркоязычных народов (в том числе у части башкир юго-востока края).

Из финно-угорских народов в Башкортостане проживают марийцы (105,8 тыс.), мордва (31,9 тыс.), удмурты (23,7 тыс.), эстонцы (447 чел.), коми (230 чел.), финны (89 чел.), коми-пермяки (84 чел.), карелы (81 чел.), венгры (62 чел.). Как видно, самый крупный из них – марийцы (прежнее название – черемисы). Принято считать, что миграция марийцев на восток (в Прикамье, Приуралье и т. д.) началась после падения Казанского ханства и присоединения Среднего Поволжья к России – во второй половине XVI в. Переселенцы расселялись в основном на севере и северо-западе Башкирии. Самая большая часть марийцев в настоящее время компактно живет в Мишкинском – более 19,8 тыс. (69,3% населения района) и Калтасинском – 13 тыс. (47,0%) районах. Марийские поселения имеются также в Бирском, Дюртюлинском, Красно-камском, Балтачевском, Бураевском, Караидельском, Нуримановском, Шаранском и других районах. Марийский язык принадлежит к волжской группе финно-угорских языков. В его лексике немало иранизмов, тюркизмов (особенно из чувашского и татарского языков).

Кроме этого, в республике насчитывается, помимо вышеуказанных наций, 32 тыс. мордвы. Мордва этнически неоднородна и состоит из двух групп: эрзи и мокши. Этнонимами «эрзя» и «мокша» мордва пользуется обычно при общении между собой, при межнациональных контактах больше распространены названия «мордва», «мордвин»,

«мордовка». В нашей республике представлена, главным образом, эрзя. Религия православная. Мордва-эрзя соблюдает многие дохристианские обычаи и обряды, в частности мордовские озксы (моляны). В целом мордва относится к европеоидной большой расе, хотя часть мордвы-мокши впитала в себя монголоидные примеси. Современный мокшанский и эрзянский языки относятся к финно-угорским языкам.

Из других финно-угорских народов в Башкортостане живут удмурты (прежние названия – вотяки, ары, арские люди). Удмурты подразделяются на северных и южных, различающихся между собой особенностями материальной культуры и языка. В культурном и языковом отношении от основной части удмуртов несколько отличается их этнографическая группа – бесермяне, которых считают потомками волжско-камских болгар. Удмуртский язык принадлежит к пермской группе финно-угорских языков и близок к языкам коми. В нем четыре наречия: северное, южное, периферийно-южное, бесермянское. Современный удмуртский литературный язык выработан на их основе.

Из восточно-славянских народов в республике представлены украинцы – около 75 тыс. и белорусы – более 17 тыс. человек. Украинские переселенцы – выходцы, в основном, из Киевской, Подольской, Черниговской и Полтавской губернии. Наиболее компактно они расселены в южной и центральной зонах края.

Из других народов в Башкортостане проживают: немцы (более 11 тыс.), грузины (более 8 тыс.), евреи (4,8 тыс.), казахи (3,5 тыс.), азербайджанцы (2,4 тыс.), узбеки (2,3 тыс.), армяне (2,3 тыс.), латыши (около 2 тыс.), греки (1083 чел.), молдоване (945 чел.), поляки (757 чел.), таджики (735 чел.), цыгане (650 чел.), болгары (509 чел.).

В составе населения республики представлены также эстонцы, туркмены, литовцы, киргизы, осетины, корейцы, коми, лезгины, аварцы, даргинцы, финны, коми-пермяки, карелы, буряты, ингуши, кумыки, венгры, калмыки, гагаузы – 43 национальности с численностью до 51 человека.

Таким образом, Башкирия является одним из самых многонациональных субъектов Российской Федерации. Я считаю, что этот фактор играет важную роль в формировании личности. Человек, живущий в окружении разных культур, религий, становится более развитым, мобильным, более терпимым к другим национальностям и конфессиям. Многонациональность, являющаяся созидательным потенциалом, должна стать главным фактором в стратегии политического развития регионов России и геополитического пространства.

Важным в развитии общей культуры нашего населения является общение, обмен знаниями по истории, религии, культуре, традициям народов, населяющих Башкирию. Для реализации этой идеи можно разработать республиканский Интернет–сайт с информацией о языках, обычаях и традициях народов Башкирии с открытым доступом для исследователей. Межрегиональное и межнациональное согласие в республике должно стать примером как в России, так и зарубежом. С точки зрения геополитики, наличие межрелигиозного, межконфессионального согласия в конкретном регионе может стать показателем для иностранных государств, политическим примером гармоничного союза, который обогащает личностное развитие, укрепляя при этом принципы единства, целостности и красоты межэтнического социума. Наличие исторического согласия этносов в регионах – это одно из условий успешной реализации государственной политики. Я уверена, что опыт нашей республики обязательно поможет конфликтующим государствам и покажет ту необходимую грань, которая соединяет в одно целое абсолютно разные народы, нации и конфессии, что в совокупности представляет собой истинное единство Российской Федерации и человечества в целом.

ЭТНОЭГОИСТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ КАК ФАКТОР ДИСКРИМИНАЦИИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

ETHNOEGOISTICAL MOODS AS FACTOR DISCRIMINATION IN THE MULTINATIONAL STATE

Д. И. Безрукова (ПИ ИГУ, г. Иркутск, Россия)
D. I. Bezrukova (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Аннотация. *В данной статье рассматривается проблема этноэгоистических настроений в полинациональном государстве. Автором раскрывается связь дискриминации и принципами этноэгоизма.*

Abstract. *This article deals with the problem ethnoegoism mood in the polynational state. The author communication of discrimination and the principles of ethnoegoism reveals.*

Ключевые слова: *позитивная этническая идентичность, гиперидентичность, этноэгоизм, дискриминация, этностереотип.*

Keywords: *positive ethnic identity, hyperidentity, ethnoegotism, discrimination, ethnic stereotype.*

Одной из важнейших проблем в многонациональном государстве является проблема этнической самоидентификации индивида и его взаимоотношения с другими этносами, которые являются для индивида аут-группой. Положительная оценка своего этноса индивидом, а также отсутствие негативного отношения к другим этносам, определяет «норму» идентичности. Таким образом, тенденция формирования позитивной этнической идентичности на государственном уровне характеризует здоровую национальную политику.

Следует отметить, что существует отличный тип тенденции развития идентичности – гиперидентичность, под которой понимается кризисная форма изменения самосознания индивида, его стремление к этническому доминированию. В этносоциологии выделяют следующие виды гиперидентичности: этноэгоизм, этноизоляционизм и национальный фанатизм [1].

Этноэгоизм – наиболее легкий тип гиперидентичности, выражается в безобидной форме в виде вербального кода «мой народ», а также в виде психологического напряжения и раздражения при общении с представителями других этнических групп. Однако если в государстве отсутствуют необходимые меры профилактики, то этноэгоизм может трансформироваться в этноизоляционизм или в национальный фанатизм, что в итоге приведет к опасной ситуации, т. е. к появлению в обществе дискриминирующих признаков.

Дискриминация – это нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам [4]. Наличие или отсутствие дискриминации оценивается по результату – непропорциональному воздействию на разные расовые или этнические группы. В связи с этим в научной литературе дискриминация постепенно переосмыслилась как этниче-

ское измерение социального неравенства и как отношения «доминирования» и «эксплуатации» между расовыми или этническими группами как таковыми [2].

Массовые беспорядки в американском городе Фергюсон (штат Миссури) 26 ноября 2014 г. были спровоцированы произошедшей 9 августа 2014 г. гибелью Майкла Брауна [5]. Майкл Браун – восемнадцатилетний афроамериканец, погиб после того, как в него несколько раз выстрелил полицейский Даррен Уилсон. Данная ситуация ярко демонстрирует явление этноэгоизма. Согласно данным расследования, Майкл Браун был в момент задержания безоружен, однако, оказав сопротивление полицейскому, был застрелен. Этносоциологический анализ объясняет произошедшее следующим образом: полицейский Даррен Уилсон поступил в соответствии с механизмом стереотипизации [3, с. 129]. В отношении к Майклу Брауну, как к любому афроамериканцу, применены определенные этнические стереотипы, в данном случае «криминальное, безнравственное поведение», которое создает напряженность в отношения населения и полиции. В результате судебного решения с полицейского снято обвинение. Для многих афроамериканцев решение присяжных говорит о безнаказанности чрезмерного применения силы полицейскими по отношению к афроамериканцам. Данный процесс вызвал резонанс по причине возникновения угрозы дискриминации. Беспорядки в Фергюсоне распространились еще на тридцать шесть штатов США, акция протеста была проведена в Лондоне. Общество требует коррекции предвзятого отношения к этнической группе афроамериканцев.

К сожалению, такой тип проявления этноэгоизма в США не единичен. 27 ноября 2014 г. в г. Кливленд (штат Огайо) был застрелен двенадцатилетний подросток афроамериканец, подозреваемый в ношении холодного оружия, материалы видеосъемки доказывают неправомерные действия полиции, основанные, как и в случае Майкла Брауна, на механизме стереотипизации.

Представленные события демонстрируют собой сбои в проведении национальной политики США. Проблема этнического негативного стереотипа на данный момент не разрешена, она начала проявлять себя в правовой сфере, что крайне отрицательно влияет на борьбу против расовой дискриминации.

Во многих полиэтнических государствах в настоящее время этноэгоизм существует наряду с другими типами гиперидентичности. Этноэгоизм – это скрытая опасность, которая требует особого внимания и коррекции основ государственной национальной политики. Своевременная профилактика, внедрение принципов толерантного поведения, имеющие постоянный характер, сдерживают трансформацию этноэгоизма в более деструктивные формы идентичности и формируют позитивную этническую идентичность.

Список использованных источников

1. Луговой Р. А. Типы этнической идентичности молодежи Дагестана в традиционной и иноэтнической среде. – Дагестан: Изд-во ДГТУ, 2011.
2. Назарова А. В. Понятие и виды расовой дискриминации // Наука и современность. – Пермь, 2014.
3. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, 1999. – 320 с.
4. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996. – № 63-ФЗ.
5. Фергюсон не успокаивается // Ведомости. – 26.11.2014. – № 220 (3724).

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

FORMATION OF THE RUSSIAN NATION: REGIONAL DIMENSION

Е. А. Беляев (Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия)
E. A. Belyaev (Bashkir State University, Ufa , Russia)

Аннотация. *В статье анализируется проблема консолидации российской нации и политические сложности которые препятствуют обретению национальной идентичности на региональном уровне. Доказывается, что консолидация российской нации проблематична без использования механизмов аккультурации и добровольной ассимиляции.*

Abstract. *This paper analyzes the problem of consolidation of the Russian nation and the political difficulties that hinder the attainment of national identity at the regional level . It is proved that the consolidation of the Russian nation is problematic without the use of mechanisms of acculturation and assimilation voluntarily .*

Ключевые слова: *российская нация, национальная идентичность в регионах России, негативная идентичность, интеграция, добровольная ассимиляция.*

Keywords: *Russian nation , national identity in the Russian regions , negative identity , integration, voluntary assimilation*

В каких бы государствах мира не происходили радикальные трансформации, они так или иначе воздействуют на устоявшиеся основания и принципы самоидентификации народов населяющих данное государство, часто приводя к их более или менее спланированной радикальной ломке, что не может не сказаться на соотношении идентичностей в массовом сознании. Национальная и этническая идентичность находятся в постоянном становлении, и корректируется в соответствии с внешними и внутренними вызовами, с глобальным и локальным социальным контекстом. Да и сами опосредствующие изменения факторы исторически и культурно изменчивы. Как правило, глубина изменений, происходящих с национальной идентичностью, характеризует и глубину изменений, происходящих с государством, обществом и всей системы социальных связей объединяющих людей в народ.

Распад Советского Союза сопровождающийся демонтажем советской идентичности, и повышением «общей высокой тревожности» способствовал актуализации этнической идентичности для значительной части населения. В дальнейшем ситуация усложнилась быстрым, значительным и слабо контролируемым притоком иноэтничных мигрантов, в том числе из стран где «выдавливалось» русское население. В итоге по данным социологических опросов часто ощущают близость по этническому признаку 49 % респондентов в целом по стране и 36,5 в «русском» массиве, что усложняет по мнению Л. М. Дробижевой формирование общегражданской идентичности [6, с. 224]. В свою очередь в Республике Башкортостан этническая идентификация в разной степени актуализирована у представителей всех возрастных групп: от 16% в возрасте до 18 лет до 37,7% у респондентов 25–30 лет, и во всех возрастных группах до 40 лет выражена сильнее нежели российская. Российская принадлежность сильнее выражена в старших по возрасту категориях граждан, причем во всех группах звучит более часто, чем позиция «гражданин» Причем у представителей башкирской национальности этни-

ческая идентичность в процентном отношении вдвое превышает гражданскую [8, с. 203]. Согласно опросам Института социологии РАН приведенным Е. М. Арутюновой 30% процентов башкирской молодежи чувствуют себя в первую «человеком своей национальности», а еще у 57% это самоощущение находится в неустойчивом равновесии с общероссийской идентичностью. [1, с. 43].

Эти настроения накладываются сложившиеся в республиканской гуманитарной мысли идеи «ущемляемого народа» и «титульного этноса». Так один из зачинателей данной интеллектуальной традиции, известный философ Д. Ж. Валеев исходил из приоритета этнической идентификации над общенациональной. Именно поэтому он полагал, что в российских республиках должны в законодательном порядке устанавливаться преимущества титульным этносам, а в Башкортостане необходимо обеспечить 50% квоту для башкир во всех структурах власти, с закреплением данного положения в Конституции [3, с. 46]. В свою очередь еще один известный башкирский ученый Дж. М. Гилязетдинов считал, что «суверенитет этноса – это один из самых значимых для человечества типов суверенитета, означающий, что сам этнос определяет содержание и формы своего существования и развития… Суверенитет этноса относится к самым высоким ценностям человечества, стоящим в одном ряду с такими ценностями, как права и свобода личности, равноправие женщин и мужчин, суверенитет государства и др.» [4, с. 231].

По его мнению, для России необходимо иметь в Конституции РФ главу «Суверенитет, права и свободы этносов», а в Конституции РБ главу «Права и свободы этносов и этнических групп». Также согласно Гилязетдинову этнос должен быть признан субъектом международного права [4, с. 232].

Пропагандистская идея «ущемления этноса» стала базовой основой дальнейшей конфронтации идентичностей. В этот период в прессе и в научных публикациях появились этнические стереотипы, состоящие из максимально позитивных характеристик собственной этнической группы, и негативных оценок волн переселенцев, которые «отнимали у коренного народа лучшие угодья, вытесняли его с насиженных мест в бесплодные дебри» [2, с.12], стремились к уничтожению башкирской этнической идентичности, стиранию его исторической памяти, чего башкирам приходилось защищать свое право на существование [7, с. 29].

Если в указанных работах эти вопросы поднимаются в более-менее благопристойном виде «возвращения исторической правды», то проникая в массы идеология «ущемленности башкирского этноса» приобретает форму иррационального «антиимперства» вплоть до русофобии и россиененавистничества. Наряду с позитивной идентичностью собственного «величия», башкирской молодежи навязывается и негативная идентичность, образы «потомков оккупантов» применительно к русскому населению республики, «манкуртов» по отношению к представителям действующего руководства региона. Площадками по распространению негативной идентичности выступают прежде всего сайты и группы в социальных сетях самоорганизованных молодежных движений «Кук Буре» и «Башкорт», а также близкий к последним, неоднократно запрещавшийся проект Р. Загреева «МайданРБ».

Это не праздные рассуждения, так как именно язык выступает важным средством конструирования социальной реальности, язык формирует и закрепляет схемы классификации социальных групп в обществе и осуществляет трансляцию представлений о «своих» и «чужих».

Вышеизложенное актуализирует проблему формирования российской нации в региональном разрезе.

В отношении формирования национальной идентичности конструирование последней осуществляется большинством населения по «проекту национального строительства» через государственный язык, определение границ внутреннего территориального деления и обязательную национальную образовательную программу. Меньшинство, как мы и наблюдаем, в свою очередь также может конструировать этническую идентичность по механизму собственной социальной исключительности и противопоставлению культуре большинства. Разумеется, подобные сегрегирующие практики и сознательное противопоставление национальному большинству потенциально содержит риск перерастания актуализации этнической «инаковости» в противостояние и конфликт.

Возникает проблема согласования и установления баланса процессов установления единства – через обретение национальной идентичности и предотвращения дифференциации в виде приоритетности этнической идентичности.

Само стремление разделять мир на «своих» и «чужих» является одной из базовых установок процесса идентификации, что позволяет говорить не только о позитивной, но и негативной идентификации. Введение данного термина в научный оборот произошло в работах российского социолога Л. Гудкова, который давал ему определение: «самоутверждение от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженное в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя, выступающего в виде чужого, отвратительного, пугающего… антипода» [5, с. 37]. На пугающий образ «чужого» как фактор консолидации членов группы заострял внимание и Э. Эриксон, согласно классическому труду об идентичности последнего «…любая позитивная идентичность… определяется и через негативные образы и… живет за счет унижения других» [12, с. 312].

Соответственно, можно говорить о двух взаимосвязанных и взаимодополняемых способах конструирования национальной идентичности:

– посредством отождествления и идентификации;

– путем противопоставления и дифференциации.

И в этом смысле не должно существовать фундаментального разрыва между национально-государственной идентичностью и этнической. Уже сейчас эти идентичности далеко не для всех являются конкурирующими, а для значительной части населения они совмещаются. В связи с политическим конфликтом на Украине переросшем в гражданскую войну и присоединением Крыма и Севастополя к Российской Федерации, в общественное сознание вошли новые понятия «Русский мир», «Русская весна», «Новороссия». А по данным последнего опроса проведенного специалистами ВЦИОМ, этническая и религиозная принадлежность не являются обязательным условием принадлежности к «русскому миру», для 65 и 67 процентов соответственно. Одновременно отчасти стихийно, отчасти спланировано, возник достаточно коллективный образ «врага» в лице «укрофашистов», «бандеровцев». В этом смысле гражданская или цивилизационная самоидентификация, не в меньшей степени чем этническая, нуждается как позитивно-мобилизующей повестке, так и в негативно-ксенофобной. Ориентация политического руководства России на величие страны, пусть даже имитационное, на «помощь соотечественникам», на преодоление последствий поражения в холодной войне и слом «однополярного мира» легко воспринимаются населением, и способствуют как укреплению позиций и рейтинга действующей власти, так и формированию национальной идентичности. Еще сравнительно недавно роль фобий для производства негативной идентичности играли инокультурные мигрантские

сообщества. Согласно исследованиям Института социально-политических и правовых исследований Академии наук Республики Башкортостан значительная доля населения региона испытывала недоверие и страх к представителям ряда кавказских и среднеазиатских народов, при этом первые места негативным настроениям занимали чеченцы (22 процента), армяне (16 процентов), таджики и цыгане (10 процентов) [11, с. 47].

Еще одной проблемой национального строительства, является то, что в российской научной и гуманитарной традиции термину «ассимиляция» часто придают сугубо негативное значение, считая, необходимым сохранение «цветущей сложности мира», высокого уровня этнического самосознания, традиционных культурных практик вплоть до архаичных, и полагая трагическим событием любой переход этноса к языку, культуре и исторической памяти большиества, что ведет по мнению критиков ассимиляционных практик к отрыву от исторических корней, сопровождается ростом бездуховности и утратой важнейших традиционных морально-этических ценностей. В качестве примера обратной точки зрения можно привести позицию современного русского марксиста Ю. И. Семенова, который в таких этнических процессах, как ассимиляция, интеграция, слияние, инкорпорация, видит моменты сложного процесса становления и развития этноса и его превращения в нацию. При этом исследователь подчеркивает их естественный, объективный характер. Конечно, этими явлениями процесс становления этноса и нации не ограничивается. Безусловно, речь идет и о формировании гражданского сознания, национального самосознания, политического правосознания, формулировании национальных интересов и целей [10].

По нашему мнению, не стоит бояться употребления понятия «ассимиляция». Другое дело, что необходимо соблюдать чувство меры, и уметь различать ее характер, направленность, соответствие или несоответствие воле, потребностям и интересам народов. Здесь важен не столько термин или даже сам процесс ассимиляции как таковой, а методы ее реализации и формы протекания, которые могут носить и вполне естественный характер. Осуждения достойна политика насильственного, принудительного включения одних народов в состав других, как впрочем, и всякое грубое насилие в межэтнических отношениях и практики культурного садизма над дискриминируемыми народами, которые приводит к неприятию между этносами. Надо четко различать естественную и насильственную ассимиляцию, в последнем случае этническим сообществам посредством политико-административного, социально-экономического, а зачастую и силового давления навязываются чуждые ценности.

Наиболее зримым признаком и компонентом этнической ассимиляции является изменение языковой культуры ассимилируемого этноса или его части. Согласно последним переписям населения, проведенным в СССР и РФ, многие этнические группы, компактно проживающие в среде русских, считают своим родным языком русский.

Но из этого нельзя сделать вывод об их безусловной ассимиляции. Большинство носителей русского языка как базового, из числа нерусских жителей Башкортостана, как свидетельствуют данные приведенных опросов, сохраняют этническое самосознание [11, с. 63]. Однако часть граждан все же ассимилировались, и не чувствуют себя национально ущемленными. Случаев естественной ассимиляции, когда тот или иной народ в силу своей малочисленности утрачивал и утрачивает присущие ему национальные признаки, усваивая культуру и языки окружающих его этносов, более чем предостаточно.

В языковом и культурном отношении население России намного сильнее связано общим стандартом, чем во многих странах мира. Социальная коммуникация в России происходит на русском, а русская культура является общей для всех граждан страны, в том числе и большинства тех, кто не идентифицирует себя как русский. Поэтому от своих не-

русских граждан, как и от тех, кто подолгу живет и работает в России, не имея гражданства, государство вправе требовать если не ассимиляции, то во всяком случае аккультурации. Иначе говоря, не идентификации себя как русских, а освоения русского языка как языка социальной коммуникации складывающийся политической нации, а также определенных норм общественного поведения, принятых в русской среде. В то же время государство должно обеспечить тем, кто не идентифицирует себя как русских полное равенство прав если они являются гражданами России. Через такое сочетание российскости и русскости мы можем выйти на осмысленное построение нации, в конце-концов есть пример Великобритании где «британскость» немыслима без «английскости».

Следовательно, во главу угла формирования и реализации приемлемой модели проекта российской нации на региональном уровне должны быть поставлены следующие цели и задачи:

1) окончательное утверждение за категорией «национальная политика» обозначение политики по укреплению позиций страны на внешней арене, обеспечения национальных интересов страны и функционирования общегосударственных сфер общественной жизни (национальные проекты, национальная экономика, национальное образование);

2) отказ от биологических и расологических критериев этнонациональной идентичности в пользу культурно-языковых;

3) управление политикой «национальной памяти» в контексте перехода от государственной поддержки «аквариумной истории» (М. Роднов), замкнутой этнической историографии к интеграции российской и республиканской исторической науки, школьного и вузовского исторического образования;

4) поддержка на региональном уровне государственных практик защиты интересов соотечественников и русскоязычного населения за границами РФ в духе «национализма внешней исторической Родины».

И еще один важный момент. Категория «гражданская идентичность» равнозначна понятию « национальная идентичность» в тех случаях, когда нация рассматривается как согражданство, общность, организованная по государственно-политическому признаку (Б. Андерсон, А. Смит, Э. Гелленер и др.). Не отрицая важности гражданства, мы все же убеждены, что категория «российская нация» должна выступить идентификационной общностью для всех народов причастных к государственному и цивилизационному строительству России, и в этом смысле точкой сборки нации как «учредительного субъекта» служит не рамка постсоветской административной границы РФ, не формальное наличие паспорта РФ, а общий исторический проект, который необходимо продолжать следующим поколениям. Русский народ является органическим ядром этой общности, а коренные народы комлиментарные русскому народу и лояльные российскому государству его полноправными участниками. Осталось лишь закрепить это формулу на уровне Конституции, что уже является предметом обсуждения политической и научной общественности. В конце 2011 года коллективом Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования под руководством С. С. Сулакшина был разработан полномасштабный научный макет новой Конституции России, в преамбуле которой заявлено: «Мы, русский народ и все братские российские народы, соединившиеся в трудах, преодолениях и великих победах в ходе своей общей многовековой истории в единый Народ России» [9]. К сожалению и в нем сохраняется терминологическая путаница относительно определения категории «народ», а в завершении преамбулы логичнее было бы заявить о «единой политической нации», но в це-

лом именно через такое сочетание российскости и русскости мы можем выйти на осмысленную национальную политику, основанную на гражданской, и что не менее но, культурной общности, а не на феодальном сюзеренетете и социальной исключительности квазиэтносословий.

Список использованных источников

1. Арутюнова Е. М. Идентичности и этнические установки молодежи Башкортостана // Панорама Евразии. – 2012. – № 2. С.39–48.
2. Бускунов А. М., Кульшарипов М. М., Мурзабаев И. С. На службе народу. Башкирскому народному центру «Урал» – 10 лет. Уфа: БашГУ, 2000. – 52 с.
3. Валеев Д. Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. Уфа: КИТАП, 1993. – 160 с.
4. Гилязетдинов Дж. М. Трансформация российского общества и этнические процессы. Уфа: БашГУ, 2005. – 364 с.
5. Гудков Л. Б. К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения. – 2000. – № 5. С.35–44.
6. Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. – 2008. – № 7. С. 215–228.
7. Зарипов А. Я. Из истории формирования политической идентичности башкир. // Проблемы востоковедения. – 2010. – № 4. С.29–34.
8. Коровкина Н. В. Государственно-гражданская идентичность в структуре самоидентификации (на примере Республики Башкортостан) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5. С.200–205.
9. Научный макет новой Конституции России / Под общей редакцией С. С. Сулакшина. Электронный ресурс. Режим доступа: http://rusrand.ru/doklad/Maket_konstit_new.pdf - 9
10. Семенов Ю. И. Философия истории. М: Современные тетради, 2003. – 776 с.
11. Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан. М.: Институт социологии РАН, 2012. – 124 с.
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М: Прогресс, 1996. – 344 с.

ПОЛИТИЗИРОВАННАЯ РЕВИЗИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ КАК ТЕХНОЛОГИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

POLITICIZED REVISION OF HISTORICAL CHARACTERS AS THE TECHNOLOGY OF ETHNIC CONFLICT (ON THE MATERIAL OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

А. Т. Бердин (ИГИ РБ, Уфа, Россия)
A. T. Berdin (IGI, Ufa, Russia)

Аннотация. *На материале Республики Башкортостан рассмотрены методология и наиболее знаковые прецеденты политизированной ревизии исторических символов. В частности, рассмотрена попытка дискредитации исторических фигур, выполняющих для Башкирии функции «символов нации», например, профессора Ахмет-Заки*

Валиди. Доказано, что это явление обладает признаками технологии провокации межнациональной конфликтности. Определен генезис, эклектический характер и постмодернистская сущность этого явления. Представлен опыт нейтрализации конфликтного потенциала политизированной ревизии символов как явления информационной экспансии.

Abstract. *The methodology and the most significant precedents of the politicized revision of historical symbols are reviewed on the material of the Republic of Bashkortostan. Particularly, an attempt to discredit the historic figures, such prominent persons as professor Akhmet-Zaki Validi, which are «the symbols of the nation» for Bashkortostan, is considered there. It is proved that this phenomenon possesses signs of provocation technology of an international conflictness. Genesis, eclectic character and post-modernist essence of this phenomenon is defined. Experience of neutralization of conflict potential of the politicized revision of symbols as the phenomena of information expansion is described in the article.*

Ключевые слова: *исторические символы, конструктивизм, примордиализм, Советская цивилизация, ревизионизм, национализм, «культурный садизм», идеология, этнический конфликт, идентичность.*

Keywords: *historical symbols, constructivism, primordialism, Soviet civilization, revisionism, nationalism, «a cultural sadism», ideology, ethnic conflict, identity.*

Исторические символы являются культурными, даже сакральными в какой-то мере, скрепами национального и этнического самосознания [1]. Особым значением обладают исторические персоналии, несущие нагрузку «символов нации». Для Башкортостана наиболее известными из таковых являются Салават Юлаев и А.-З. Валиди.

Соответственно, целенаправленная дискредитация данных символов лежит, как правило, не в жанре «чистой» науки (поскольку наука как способ рационального познания не входит в область коллективного бессознательного, в которой творятся и разрушаются мифы и символы), а в области идеологии. Подобная дискредитация является формой информационной агрессии и направлена на демонтаж атакуемой коллективной идентичности. Негативное социокультурное значение политизированного ревизионизма, который принципиально отличается от постоянно идущего в науке обновления исторического познания, заключается в том, что это явление разрушает понимание обществом истории как единого процесса, фрагментируя его на «рассыпанную мозаику» новых мифов. И тем самым, разрушает этническую и гражданскую идентичность, как таковые. До эпохи Постмодерна монизм познания предполагал монизм символов и если не тождественность, то единые правила их оценки в массовом сознании. Отказ от монизма как важная предпосылка расцвета политизированного ревизионизма и «фолькхистори» проанализирован в отечественной историографии [2]. Поскольку недоверие к «официальной науке» еще не означает возможности предложения реальных альтернатив, тотальная ревизия «устаревших исторических методик» и исторических символов зачастую является предлагаемым обществу суррогатом науки, обогащенным принципиально новыми методиками манипуляции сознанием, возможностями масс-медиа, информационных, в особенности, постмодернистских технологий [3, с.175]. При этом инерция сакральности научной атрибутики в массовом сознании сохранилась, что и эксплуатируется подобным ревизионизмом, симулирующим, по выражению Д. М. Володихина, научные разработки и одновременно профанирующим их [4]. Так, под оба указанных признака «фолькхистори» полностью подпадает серия псевдо-

«исторических» работ Н. А. Швецова, С. А. Орлова и А. А. Дильмухаметова [5], причем откровенно политизированная «фольхистори» первых двух авторов изданы под редакцией проф. Д. М. Исхакова, под грифом и с информационным обеспечением ИЭМ АН РТ [6]. Это – очень тревожный признак, свидетельствующей о целенаправленном симбиозе фолькхистори и политически ангажированной науки Татарстана. Еще более скандальным оказалось участие к.и.н. И. В. Кучумова в опусах маргинального общественника Н. А. Швецова, мягко говоря, эклектично-компилятивных и лишенных даже обязательного качества фолькхистори – литературности, но снабженных всеми сущностными признаками этого жанра, включая профанность, антинаучность и некогерентность. Подробный анализ всей серии фолькхисторических работ Н. А. Швецова и С. А. Орлова под обеспечением АН РТ, включая разбор их «исторических» аргументов произведен нами в отдельных публикациях [7]. Соединение профессионально структурированных мемов консультанта и адаптированной для масс скандальной лексики автора придает воздействию текста кумулятивный характер. Без участия либо консультации профессиональных ученых-гуманитариев указанные работы не были способны оказывать свой деструктивный эффект в области межнациональных отношений.

Согласно интерпретации ряда исследователей, (З. Я. Рахматуллина, Р. Р. Галлямов, А. М. Буранчин), общество Башкортостана обладает собственными системно значимыми элементами традиционного общества (по терминологии К. Поппера). А традиционное общество в российском/евразийском варианте обладает повышенной уязвимостью для ревизии своих символов. Инициаторы политизированной ревизии исторических символов в Башкортостане прежде всего используют методики, оправдавшие себя еще при разрушении Советской цивилизации, и во многом применимые именно к разрушению традиционных обществ вообще.

Попыткам дискредитации Салавата Юлаева посвящена достаточная про объему литература [см. обзор в: 7] и останавливаться на ней нет необходимости.

Здесь мы наметим только теоретический анализ методик, наиболее типичных для данного тренда на конкретном примере: дискредитации образа А.-З. Валиди. Прежде всего, используется методика дискредитации «культа личности». Эта составляющая была оборотной стороной советской идеологии, того же «культа личности Сталина», например. Проникнуться этой диссидентской идеологемой могли только люди, крайне подверженные воздействию идеологем вообще, в том числе официозных. Т. е. воспринимающие их не как необходимую условность (как воспринимал свой «культ» сам И. В. Сталин и высшая часть советского истеблишмента, да немалая часть народных масс; или как воспринимает культ Салавата Юлаева подавляющая часть населения Башкирии), а как данность, истинность которой нуждается в обязательном подтверждении либо ниспровержении.

Наиболее уязвимой для идеологической манипуляции массой оказалась именно интеллигенция. Этот феномен – очередное свидетельство сохранения тоталитарности и безрелигиозности мышления как сущностного критерия российской интеллигенции, подмеченной еще «Вехами». Личности и ее культу ниспровергателями приписывается не меньшее значение, чем их апологетами, только с обратным знаком, с крайне, эмоционально негативной, а не позитивной оценкой. Излишне говорить, что подобный подход находится в области не науки, а манипуляции общественным сознанием.

Характерный пример – та же полемика вокруг личности и «культа» А.-З. Валиди. Прежде всего, целенаправленно создается совершенно ложное впечатление о самом

существовании этого «культа». Культ создавал бы впечатление, что Валидов являлся неким «демиургом» Башкортостана. Естественно, такая интерпретация позволяет легко дискредитировать башкирское национальное движение в целом и легитимацию права башкирского народа на самоопределение, реализованного в возможной для своего времени форме в рамках Республики Башкурдистан, БАССР, Республики Башкортостан, и даже ставит под сомнение этническую идентичность башкирского народа. Так выразился, например, Й. Гревингхольт (в части текста, не имеющей отношения к сущностному смыслу своего серьезного политологического исследования, и зависящей именно от переводчика и редактора, И. В. Кучумова) – у башкир «В начале XX века под влиянием татарского национального движения …стала формироваться собственная этническая идентичность» [8, с.10].

Если слабые попытки апологии А.-З. Валиди и были, до масштаба «культа» они в Башкортостане, безусловно, «не доросли». Напротив, культ стал создаваться «снизу» только сейчас, при резком, в стиле «перестройки», сворачивании вполне умеренного в Башкортостане гражданского почитания А.-З. Валиди. При попытке «замолчать» либо дискредитировать данный образ, уже ставший в ряду исторических символов башкирского народа, его культ отдан маргинальным националистическим группам типа БОД «Кук буре», БОО «Башкорт» и эпатажного публициста Айрата Дильмухаметова. Это свертывание носит ныне крайне конъюнктурный, не просто политизированный, а явно трайбалистский и зачастую скандальный характер, и никак не обоснованно. Именно поэтому инициаторы политизированной ревизии его образа были вынуждены изначально обращаться к прямой лжи, конструируя клеветнический скандальный мем «Валидов – прислужник нацистов», прежде всего силами упомянутого экстремистского проекта «Уфимская губерния» («Уфагубъ»). Обвинения были зачастую абсурдны: Валидову инкриминировалось создание «башкиро-татарских» дивизий SS «Хандшар» и «Кама» (бывших на самом деле хорватско-боснийскими), легиона «Идель-Урал» (к которому он не имел никакого отношения) и т. д. Они были пущены в ход именно потому, что все «обвинения» обрушенные против образа А.-З. Валиди, оказались недостаточны для его дискредитации. Ни его участие в Гражданской войне, ни в басмаческом движении, ни антисоветская публицистика в эмиграции как дискредитирующие населением не воспринимались, тем более на антисоветском идеологическом фоне, сложившимся в постсоветской России. Причем именно РБ выделялась на этом фоне умеренностью и отсутствием «пещерного антисоветизма».

При всех своих недостатках, подход предшествующей администрации РБ в этом вопросе представляется более рациональным: «открытие Валиди» ввели в цивилизованное русло гражданского почитания, с последующей рутинизацией процесса. В данном историческом образе акцентировались именно его созидательные, положительные для государства коннотации (основатель башкирской автономии, великий тюрколог, стоявший у истоков Башкирской республики и федерализации России), тем самым пресекая воздействие коннотаций, негативных с точки зрения конфликтности, которые можно из нее извлечь при соответствующей интерпретации.

Но «антикульт» начал создаваться именно с деструктивными целями и много ранее, превентивными темпами, в рамках противодействия поискам современной национальной и региональной идентичности башкир [9], как в формате научной публицистики, так и в жанре фолькхистори. В настоящее время насаждение антикульта Валиди в Башкирии носит характер информационной экспансии, структурно аналогичной истерической дискредитации И. В. Сталина при перестройке и правле-

нии Б. Н. Ельцина. Она поддержана на уровне изданий «Аргументы недели», «АиФ», ИА REGNUM и «МедиаКорСеть», благодаря деятельности «антиреспубликанского пула» журналистов: Алексея Шушпанова, Светланы Нургалеевой, Сергея Орлова.

Ситуация осложняется рядом обстоятельств. Во-первых, впечатляющее творческое наследие А. А. Валидова, действительно до сих пор не раскрыто в должной мере на его Родине. А для историков масштаб исследуемой личности и наличие источников нередко – ценность самодовлеющая, включая зарубежную историографию: прежде всего, Ричарда Пайпса, С. Зеньковского [10, с. 23–35, 67–134] и Т. Байкару [11]. Апологетический настрой последнего понятен, Т.Байкара – ученик самого Валидова. Зеньковский и Пайпс так же пользовались в качестве источников прежде всего плодами богатого эмигрантского творчества Валидова, отсюда и ощущение, что «все башкирское движение 1917–20 гг. было в основном вызвано к жизни усилиями Валидова» [10, с.114]. Понятен и враждебный настрой современников, отношения Валидова с которыми испортились по различным причинам: И. В.Сталина, С. Максуди, Г. Исхаки, М. Чокаева. Во-вторых, внедрению этого стереотипа немало поспособствовал сам Валидов, в чьи бесспорные достоинства излишняя скромность отнюдь не входила, он так же, как Л. Д. Троцкий, повсюду видел самого себя стержнем и двигателем происходящих событий (М. Чокаев) [12, с. 73–75].

В свою очередь, общая тенденция к возвращению культурного наследия эмиграции, носившая в пост-СССР некритически-экзальтированный характер, так же как и пиетет перед западной историографией в 1990-х гг. способствовала апологетике Валидова и попыткам создания его «культа» и «антикульта». Но и «культ», и «антикульт» одинаково искажают представление об этой замечательной личности и ее эпохе. И главное, создают почву для дискредитации башкирского национальной идентичности через самую уязвимую сторону любого этносоциального феномена – культурно-исторические символы. Интересно, что этот процесс был четко осознан московским историком С. М. Исхаковым, который, тем не менее, сам включился в процесс превентивной дискредитации башкирского лидера. «Легенды о личной жестокости Валидова никак не подтверждаются исторической наукой… появилась «Валидовщина-2», имеющая ярко выраженную политическую, шовинистическую направленность» [12, с. 9]. Если бы интересная, грамотная, но тенденциозная подборка писем А. З. Валидова и М. Чокаева, опубликованная С. М. Ихаковым, не была снабжена его собственным агрессивным предисловием [12, с. 5–20], не оставляющим сомнений в крайне политизированной субъективности автора, упомянутая публикация выглядела бы более убедительнее, даже не лишаясь своей тенденциозности. Но ее тенденциозность оказалась настолько очевидна, что в предложенном исполнении публикация С. М. Исхакова производит впечатление очередного эпизода «битвы мифов», той самой ««Валидовщины-2», имеющей ярко выраженную политическую, шовинистическую направленность» [12, с. 9].

Такой подход разработан еще при жизни А.-З. Валидова главными идейными противниками его лично и башкирского национального движения в целом (Г. Исхаки, С. Максуди), и возрожден в современной пантатаристской публицистике. На этом возрождении татаристских мемов в околонаучной либеральной и националистической публицистике РБ следует остановиться, поскольку оно отражает весьма симптоматичные тенденции.

Во-первых, характерно само обращение самых разных акторов, часто далеких от тюркской проблематики, к татаро-башкирской трайбалистской борьбе с использованием новых, постмодернистских методов.

Во-вторых, превращение конструктивизма из метода научной интерпретации в идеологию и политическую технологию. Именно эта тенденция в свое служила причиной отторжения деятельности акад. В. А. Тишкова в национальных республиках: его пропаганда конструктивизма воспринималась как не научная, а идеологическая, даже политехнологическая интерпретация, естественно, враждебная местным этнонациональным идентичностям. Интереснее ее восприятие в РТ: она была с энтузиазмом использована для экспансионистской части идеологии татаризма – эпатажно агрессивной концепции татарского национализма, обращенной «вовне». Так, главными представителями Сети EAWARN в Урало-Поволжье были «отец татаризма» проф. Д. М. Исхаков в РТ и доц. И. М. Габдрафиков в РБ. Оба эксперта под эгидой учения конструктивизма эксплуатировали ряд методологически разнородных понятий, соединенных исключительно по соображениям идеологической пользы.

Так, в действительности крайне, грубо примордиалистским является краеугольный для идеологии татаризма стереотип о «сословных башкирах», которые якобы являлись на самом деле этническими татарами и при СССР лишь «возвращались в материнский этнос». Предлагается принять примордиалистский мем об «этнических татарах», чья этничность таинственным образом веками скрывалась под «сословной идентичностью» «башкир» и всего лишь «проявилась» при благоприятных условиях. Этничность, заметим, никак не выраженная ранее через общепринятые этнологические маркеры: самоназвание (Ю. В. Бромлей), самосознание (Л. Н. Гумилев). Переписи 1920 и 1989 гг., выбивающиеся из общего ряда переписей 19-21 вв., признаются единственно адекватными, оппоненты замалчиваются в рамках «аквариумной историографии» РТ либо шельмуются вне РТ и т. д. – в общем, идет рутинный процесс создания националистического проекта, не имеющий отношения к науке.

Перепись 1897 года, как и любая перепись, основана прежде всего на устойчивых коллективных представлениях. Являются ли они «сословными» либо «этническими» – уже второй вопрос, к которому следует обращаться во вторую очередь, сначала разобравшись с природой самих этих представлений. «Сословная» и «этническая» коллективная идентичность являются абстрактными обозначениями наблюдателя более позднего времени. Конечно, различие между ними существовало – но ведь оно достаточно отражено в подходах имперской администрации и науки, и все равно признается современными конструктивистами татаризма неубедительной, чтобы счесть башкир этносом, каковым их считали современники. Совершенно не смущаясь естественным в те времена обстоятельством, что в случае с ними понятия этноса и сословия смешаны, не всегда разделимы. Для конструктивизма логичнее интерпретация, при которой неожиданная вспышка «татаризации», проявленная в отдельных, выбивающихся из общего ряда переписях, есть не актуализация мифической примордиальной «татарской идентичности», а результат процесса конструирования народа, целенаправленного нациестроительства с трансформацией традиционных идентичностей: мишарской, башкирской и т. д. в новую, не свойственную им ранее.

Но допустим, подобные сомнения в обозначениях современников переписей справедливы. Но тогда тем более справедливы сомнения в не проявившей себя даже по столь недостаточным якобы критериям «татарской идентичности». Искомой татарской идентичности придается примордиалистский, даже легендарно эссенциалистский ха-

рактер. Здесь мы намеренно не оспариваем саму суть мема о «сословных башкирах», а подчеркиваем методологически ненаучный, логически противоречивый характер «конструктивистских» интерпретаций истории в идеологии татаризма. На самом деле они являются постмодернистской политической технологией, целенаправленно соединяющей в себе эклектичные, несовместимые подходы: примордиальные критерии применяются при построении мифа о Своих, конструктивистские – об Иных. При этом используется идеологический прогрессистский запал конструктивизма, когда оппоненты, отвергающие такую методу, немедленно обвиняются в противодействии прогрессивной методике конструктивизма – как ранее обвинялись в отступлении от единственно верного истмата.

Это напоминает другой, несколько комический и тесно связанный с разбираемым, стереотип: о «татарской государственности». Якобы существование Казанского ханства заложило какие-то примордиальные «традиции татарской государственности», которые, таинственным образом сохраняясь без всякой актуализации на протяжении четырех веков, вдруг органично актуализировались в Республике Татарстан. Мы сейчас не затронем дискуссионные сюжеты о том, можно ли вообще относить этногенез татар к периоду Казанского ханства, не говоря уже об Орде и Булгарии. Хотя и более экзотичные высказывания на уровне Академии наук РТ не редкость: так, заслуженно признанный языковед проф. М. З. Закиев, полемизируя с «татаристами» школы Д. М. Исхакова, сам выдвинул целый ряд фантастических гипотез. Включая происхождение этнонима Казани от Кушанского царства, расшифровку древнегреческих городов с «древнетатарского» (так, Пантикапей переводится как «соленая похлебка»). На этом фоне не вызывает удивления утверждение академика Академии наук РТ, заведующий кафедрой современной отечественной истории Казанского государственного университета проф. Индуса Тагирова, якобы национальная государственность Республики Татарстан берет начало с 2000 года до н. э. [13].

Деструктивный политический потенциал этой постмодернистской идеологии налицо: помимо воспитания башкирофобии и русофобии, практикуемой татаризмом, есть и конкретные уголовно наказанные последствия: так, двое ученых, обеспечивавших эту ревизионистскую кампанию, И. В. Кучумов и И. М. Габдрафиков, к сожалению, справедливо осуждены 23 июля 2012 года (приговор подтвержден Верховным Судом РБ после апелляции 1 ноября 2012 года) после беспрецедентно долгого судебного разбирательства к 2 годам лишения свободы условно за разжигание межнациональной розни при участии в запрещенном за экстремизм Интернет-проекте «Уфимская губерния», распространявшем ксенофобии в самых шокирующих формах, используя техники «культурного садизма» [14].

Важный признак информационной агрессии – работа в символической области коллективного бессознательного, с технологиями, мифологизирующими массовое сознание на уровне «третичного мифа», по классификации А. Шнирельмана [1], с постоянным использованием мифологем: «советские штампы», «советские мифы», «Башкирская республика – выдумка большевиков» и т. п. Т. е. сущность подменяется оценочностью – если «советское», значит плохое, искусственное, ложное. В последнем случае, например, использовались результаты масштабной дискредитации советской цивилизации, отнюдь не отличавшейся теоретической обоснованностью, но поразившей сознание миллионов.

Так, излюбленным сюжетом политизированной фолькхистори в Башкортостане является обвинение Валидова в переходе на сторону Красной Армии в феврале

1919 года [5]. Обвинение, не имеющее для историка никакого смысла, если вспомнить разнородность Белого движения и отсутствие у башкирских автономистов принципиальной идейной связи с таковым (исключая враждебную А.-З. Валидову группу М.-Г. Курбангалиева, который остался верен Белой Гвардии до ее конца) – общими были только противники. Общеизвестно, что «предал» тех деятелей Белого движения, с которыми вступило в союз Башкирское Шуро, не Валидов, а А. В. Колчак, узурпировавший власть и погубивший тем самым Комуч. Вообще, вопрос о «легитимности» в обстановке Гражданской войны возможен только в условной, метафорической степени и только в сравнении. В этом смысле Башкирское Шуро было не менее легитимным и «демократичным», чем главные враждующие стороны. В действительности определяющим мотивом для башкирского движения был не призрачный «монархизм» Колчака, а его унитаризм, отрицание федерации и автономии, прежде всего – национально-территориальной автономии башкирского народа. С этим вынуждены согласиться даже историки, сочувствующие «Белому проекту», например, либерал А. М. Буровский [15, с. 281]. Этот момент также подчеркивается в историографии Башкортостана, но для понимания ситуации он совершенно достаточен, добавление «демократической» мифологемы о «монархизме белых генералов», только ослабляет позицию историков. Поскольку ревизионизм тем и замечателен, что способно из слабости оппонента в отдельном вопросе производить впечатление о слабости (даже ненужности) всей «официальной истории» в целом, включая вопросы, в действительности бесспорные.

Итак, в идейном и сюжетном плане политизированная ревизия исторических символов в РБ в наиболее знаковых случаях является паразитарной по отношению к идеологии татаризма (татарского национализма). Естественно, ее конфликтный потенциал используется для продуцирования фобий и русским, и башкирским национализмом, но все эти попытки носят маргинальный характер – на академическом уровне они поддержаны только со стороны определенных кругов в РТ.

Наш опыт показывает, что нейтрализация подобных гуманитарных технологий, провоцирующих межнациональную конфликтность, возможна по следующим направлениям. Во-первых, мониторинг конфликтов и превентивный, по возможности, перевод конфликтности из области этнокультурных представлений в рациональное рамки – при тактичном отношении к последним. Обратный переход, с языка науки на язык символов продуктивен уже после достижения консенсуса либо рамок конструктивного диалога на уровне экспертного сообщества, включающего влиятельных представителей государства, общественности и науки. Положительным примером может служить нейтрализация конфликта вокруг провокационной попытки установить памятник А. И. Тевкелеву в Челябинске, когда конфликт усилиями делегации ученых ИГИ РБ, БГУ, общественников СБМ ЧО, и ученых Челябинска был переведен в рамки научной дискуссии на круглом столе «А. И. Тевкелев в контексте истории Южного Урала второй трети XVIII века» в октябре 2009 года, и завершен общим согласием историков и общественников Челябинской области и Башкортостана о недопустимости установки памятников столь негативному в истории Башкирии персонажу [16]. Во-вторых, необходимо четкое отделение научных методологий от постмодернистских квази-научных практик, подобных попыткам идеологического использования конструктивизма. Известно много примеров успешных постмодернистских технологий по демонтажу этносов и государств, но пока не представлена миру ни одна созидательная. Постмодернизм является не альтернативой, а преодолимой переходной стадией в культурном развитии сознания. Но это творческое преодоление невозможно без осознанного повышения

гражданской и научной ответственности ученых гуманитарной сферы, поскольку и создание, и распознание, и нейтрализация подобных технологий лежит в значительной мере на экспертном сообществе.

Список использованных источников:

1. Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. Вып. 3. М., 2000.
2. Володихин Д. М. Феномен Фольк-Хистори // Международный исторический журнал. 1999. Сентябрь–октябрь. № 5.
3. Ильин И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М., 1998.
4. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М., 1998;
5. Швецов Н. А. Критические заметки по истории Башкирии. Уфа, 2006; Он же. Критические заметки об одном юбилее. Уфа, 2007; Он же. История одной авантюры. Уфа, 2007; Орлов С. А. Пирамида Салавата. Уфа, 2007; Он же. Ликвидация Уфимской губернии: как это было. Казань, 2006; Дильмухаметов А. А. Воины против ублюдков. Уфа, 2007; Он же. Юбилей манкуртов. Уфа, 2007.
6. Вокруг истории. Стенограмма презентации ЦЭМ АН РТ серии работ Н. А. Швецова и С. А.Орлова // Звезда Поволжья. 2007. № 31. 16–22 августа; Звезда Поволжья. 2007. № 32. 27–29 августа.
7. Бердин А. Т. Призрак «Уфимской Атлантиды»: как он создается. Уфа, 2007; Он же. Молоток для кривых зеркал. Уфа, 2006. Он же. Джихад, которого не было. Уфа, 2009; Он же. Салават: бой после смерти. Уфа, 2014.
8. Гревингхольт Й. Республика Башкортостан. Становление авторитарного режима. Казань, 2006.
9. Борисенок Ю., Шишков А. Заки Валидов. Степной волк, отец русского федерализма // Профиль. № 9 (81) от 09.03.1998;
10. Башкирское национальное движение 1917–1920 гг. и А. Валиди (Зарубежные исследования). (Сост. и вст. ст. И. В. Кучумова). Уфа, 1997.
11. Байкара Т. Заки Валидии Тоган / Сост., пер. на рус. яз., допол. указ. Р. М. Булгакова, А. М. Юлдашбаева. – Уфа, 1998.
12. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924-1932 гг.) / Сост., предисл., примеч. С. М. Исхакова. М., 1999.
13. Тагиров И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2008; Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. М., 2003.
14. В Республике Башкортостан вынесен приговор членам экстремистского сообщества // Новости Следственного Комитета РФ. 23.07.2012. URL: http://sledcomrf.ru/news/45660-v-respublike-bashkortostan-vyinesen.html.
15. Буровский А. М. Крах империи. М., 2004.
16. Бердин А. Т. О позиционировании исторических образов (на примере А. И. Тевкелева) // Доклад на круглом столе «А. И. Тевкелев в контексте истории Южного Урала второй трети XVIII века». (4 октября 2009 г., г.Челябинск). URL: http://rb21vek.com/clio/461-o-pozicionirovanii-istoricheskih-obrazov-na-primere-ai-tevkeleva.html

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ

INTERETHNIC RELATIONS IN MODERN RUSSIA: A VIEW FROM THE REPUBLICS OF THE VOLGA REGION

И. М. Габдрафиков (Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН)
I. M. Gabdrafikov (Institute of Ethnological Studies them. R. G. Kuzeev Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences)

***Аннотация**. Статья посвящена анализу мнений населения на наиболее дискутируемые в обществе проблемы межнациональных отношений в современной России на примере русских и титульных групп в республиках Поволжья.*

***Abstract.** The article analyzes the views of the people on the most discussed social problems of interethnic relations in modern Russia on an example of Russian and titular groups in the republics of the Volga.*

***Ключевые слова:** межнациональные отношения, межэтническая толерантность, национализм, гражданская и этническая идентичность.*

***Keywords:** international relations, inter-ethnic tolerance, nationalism, civil and ethnic identity.*

Поволжье является одним из самых сложных по своему этническому и конфессиональному составу регионов России. По доле нерусских народов в общей численности населения он уступает только кавказскому региону, а по их абсолютной численности занимает первое место в России. Здесь традиционно проживают тюркские народы (башкиры, татары и чуваши) и финно-угорские (марийцы, мордва, удмурты и коми-пермяки). Эти этнические группы обладают специфическими особенностями формирования и развития своей этничности. Процессы многовековых взаимосвязей народов Среднего Поволжья и Южного Урала привели к формированию у них общего, регионального слоя культуры. Это дало основание ученым выделить Среднее Поволжье и Урал в особую Волго-Уральскую историко-этнографическую область [1, с. 5]. Этнолог Р. Г. Кузеев очертил территориальные рамки этой историко-этнографической области – они примерно совпадают с границами современного Приволжского федерального округа.

На этой территории расположены шесть наиболее крупных, из двадцати имеющихся в России, национальных республик. Из них три тюркские – Башкортостан, Татарстан и Чувашия, три финно-угорские – Марий Эл, Мордовия и Удмуртия. В этих республиках еще в первые десятилетия Советской власти этничность титульных народов была огосударствлена, т. е. они самоопределились в форме «национально-территориальных автономий». Однако значительные группы нерусского населения региона с компактным и дисперсным расселением оказались за территориальными пределами «своих» республик. Естественно, этот фактор накладывал и продолжает накладывать свои специфические особенности на процесс этнической идентификации народов как в титульных республиках, так и за их пределами. Возрождение и развитие их этничности за пределами «своих» национально-территориальных образований уже в

постсоветскую эпоху имело свои особенности, обусловленные тем, что в них отсутствовал соответствующий этногосударственный ресурс. При этом развитие этнообщественных движений в республиках, имеющих свою специфику в каждой из них, оказывает существенное, а иногда и определяющее влияние на этнополитическое развитие соответствующих этнических групп в других регионах их компактного расселения. Например, общетатарское движение с центром в Казани – на этнообщественную мобилизацию татар в соседнем Башкортостане; общебашкирское движение с центром в Уфе – на мобилизацию башкир в Оренбургской области.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность нерусских народов в Приволжском федеральном округе составила: башкиры – 1.3 млн. чел., татары – более 4.0 млн., чуваши – 1.3 млн. чел., марийцы – 473 тыс. чел., мордва – 617 тыс. чел., удмурты – 497 тыс. чел. и коми-пермяки – 95 тыс. чел., что в совокупности составляет 32.2% от общей численности населения округа. Самая значительная часть народов проживает непосредственно в территориальных границах «своих» республик: башкиры – 74%, татары – 38%, чуваши – 57%, марийцы – 53%, мордва – 45%, удмурты – 74%. Однако, за исключением двух республик (Татарстана и Чувашии) и Коми-пермяцкого АО[1], титульные этнические группы не составляют абсолютного большинства населения в «своих» регионах.

В докладе на основе результатов социологического опроса «Национальный вопрос в общественно-политической жизни России», проведенного при участии экспертов Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) в России в 2013 г. (в т. ч. в республиках и областях Поволжья) делается анализ мнений представителей различных этнических групп населения России по наиболее дискутируемым в обществе проблемам межнациональных отношений у русских и титульных групп в республиках Поволжья.

Данные опроса свидетельствуют о том, что русские в республиках ПФО более толерантно относятся к нерусским этническим группам, чем русские в столичных регионах, а также областях и краях.

Таблица 1

Могли бы Вы проголосовать за политическую партию, которая главной целью ставит защиту интересов людей вашей национальности, %

Регионы	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Русские в столичных регионах	49	38	13
Русские в областях и краях	45	39	15
Титульные в Татарстане	29	59	12
Титульные в Башкортостане	32	53	15
Титульные в Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Чувашии	46	45	9
Русские в Татарстане	32	52	16
Русские в Башкортостане	26	56	18
Русские в Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Чувашии	37	45	19

[1] Коми-пермяцкий АО с 2004 г. входит в состав вновь образованного Пермского края.

Итоги опроса показывают, что в национальных республиках, входящих в Приволжский ФО русские менее ориентированы на националистические партии, чем в столичных регионах, а также областях и краях. Так, например, почти половина опрошенных русских в столичных регионах (49%) и областях и краях (45%) ответили, что могли бы проголосовать за политическую партию, которая главной целью ставит защиту интересов людей русской национальности. В тоже время так же ответивших среди русских Башкортостана (26%) и Татарстана (32%) почти в 2 раза меньше.

Прослеживается обратная пропорциональная зависимость в ответах тех русских, кто ответил «нет» на вопрос о готовности проголосовать за «свою» националистическую партию. Наибольшая доля ответивших «нет» среди русских Башкортостана (56%) и Татарстана (52%), наименьшая – в столичных регионах (38%), а также областях и краях (39%).

Привлекает также внимание ответы титульных респондентов в республиках и, прежде всего, Башкортостане и Татарстане. Титульные респонденты в этих республиках, как и русские в них, менее всего настроены голосовать за «свою» партию. Так, только 29% татар в РТ и 32% башкир в РБ высказались за то, что могли бы отдать предпочтение политической партии, которая главной целью ставила защиту интересов людей их национальности. В тоже время более половины респондентов-татар (59%) и башкир (53%) в этих республиках ответили «нет», т. е. высказались однозначно против.

Особняком стоят ответы респондентов в Марий Эл, Мордовии, Удмуртии и Чувашии. Во-первых, ответы русских в этих республиках занимают промежуточное положение между ответами русских в столичных регионах, областях и краях и ответами русских в РБ и РТ. Во-вторых, не прослеживаются заметных расхождений в ответах русских и титульных респондентов. В-третьих, в этих республиках, по сравнению с Башкортостаном и Татарстаном, заметно выше людей, которые проголосовали бы за «свою» партию – 46% титульных респондентов, 37% русских респондентов; и, одновременно, ниже доля лиц, готовых проголосовать против «своей» партии – 45% титульных и 45% русских респондентов.

Таким образом, данные опроса свидетельствуют:

Вопреки расхожему мнению, русский национализм в наибольшей степени политизирован в столичных регионах, а также в областях и краях, в наименьшей степени в «мусульманских» республиках – Башкортостане и Татарстане. Промежуточную позицию занимают ответы русских в «православных» республиках ПФО – Марий Эл, Мордовии, Удмуртии и Чувашии.

Ответы респондентов в Башкортостане и Татарстане (и русских и титульных) свидетельствуют о том, что население в этих республиках имеют более высокую степень межэтнической толерантности. И русские, и титульные имеют большой опыт (многовековой) совместного проживания на одной территории. Здесь выработался довольно значительный пласт единой региональной (надэтнической) идентичности, общей культуры и желания жить на единой территории. И у русских и у титульных сложилось представление друг о друге в ходе долгих, постоянных и непосредственных контактов в ходе повседневной жизни, а не через СМИ.

Возможно, немаловажную роль играет и экономический фактор – в ПФО Башкортостан и Татарстан являются наиболее экономически развитыми регионами. Их экономическое благополучие особенно видно на фоне отстающих соседей, в т. ч. и республик (Ульяновской области, Марий Эл, Удмуртии и др.).

Что касается других республик (Марий Эл, Удмуртия), то довольно высокая доля среди титульных, ориентированных на «свою» партию, видимо, связано с тем, что титульные более слабо (по сравнению с Башкирией и Татарией) представлены в органах управления в «своих» республиках. Так, руководителями Марий Эл и Удмуртии являются русские по национальности. Более того, главой Марий Эл долгие годы является бывший депутат Госдумы РФ от ЛДПР Леонид Маркелов, который в свое время допускал нелицеприятные высказывания в адрес лидеров марийского национального движения. В этих республиках (в т. ч. Мордовии и Чувашии) общественные объединения титульных народов находятся, как правило, в оппозиции к руководству республик. Видимо, подобная ситуация также влияет на политические предпочтения респондентов, в т. ч. и русских респондентов.

Относительно высокая доля среди русских респондентов в столичном регионе, а также в областях и краях, готовых проголосовать за «свою» партию, видимо, связано, в первую очередь, с большой волной мигрантов с Кавказа (как с республик РФ, так закавказских государств – Азербайджан, Армения и Грузия) и стран Центральной Азии. Местное население и мигранты в них менее подготовлены, чем, например, в Башкортостане и Татарстане, к совместному толерантному сожительству на одной территории. К тому же руководители этих регионов иногда позволяют себе антимигрантсткую риторику. Также не всегда конструктивную позицию занимают местные СМИ, региональные отделения националистических партий (ЛДПР, НДП и др.), создавая негативные стереотипы у населения относительно иноэтничных мигрантов. Например, высказывание мэра российской столицы Сергей Собянин относительно того, что мигранты в Москве должны быть исключительно сезонными рабочими, а не рассматривать город в качестве постоянного места жительства [20]. Заявление Собянина, что столица России должна оставаться российским, а не узбекским или таджикским городом, безусловно, не способствует позитивному отношению к мигрантам, носителям другой культуры.

Таблица 2

Некоторые политики предлагают законодательно закрепить государствообразующий статус русского народа. Другие политики говорят о том, что в многонациональной России нельзя выделять один народ, %

Регионы	Закрепить	Не выделять	Затрудняюсь ответить
Русские в столичных регионах	33	58	9
Русские в областях и краях	29	63	8
Титульные в Татарстане	5	88	7
Титульные в Башкортостане	8	82	10
Титульные в Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Чувашии	7	80	13
Русские в Татарстане	12	85	3
Русские в Башкортостане	18	74	8
Русские в Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Чувашии	21	73	6

Данные опроса свидетельствуют о том, что русские в республиках ПФО (особенно в Башкортостане и Татарстане) более толерантно относятся к другим этническим группам, чем русские в столичных регионах, а также областях и краях. Так, только 12% русских Татарстана и 18% русских Башкортостана ответили, что поддерживают законодательное закрепление государствообразующего статуса русского народа. В то же время также ответили 33% русских в столичных регионах и 29% – в областях и краях.

Безусловно, незначительная доля русских в республиках ПФО, одобрительно относящихся к законодательному закреплению государствообразующего статуса русского народа говорит о том, что они хорошо осознают к каким негативным последствиям в сфере межнациональных отношений может привести эта мера.

С другой стороны, относительно высокая доля русских в столичных регионах, а также областях и краях, допускающих законодательное закрепление государствообразующего статуса русского народа, вызвано и тем, что по удельному весу в этническом составе населения в этих регионах они составляют подавляющее большинство населения, в отличие от республик, где их доля менее половины численности населения.

Видимо, такой расклад в ответах в определенной степени связан и с тем, что в областях и краях относительно сильны позиции русских националистических партий, а в местных СМИ чаще звучит русская националистическая риторика.

Не смотря на вышесказанное, как в областях, так и республиках, как русские, так и титульные народы в своем подавляющем большинстве высказались против законодательного закрепления государствообразующего статуса русского народа. Ответы свидетельствуют: во-первых, нет необходимости в подобных законах; во-вторых, подавляющим большинством граждан Россия воспринимается как страна всех россиян, а не только русских, что свидетельствует о силе общероссийской идентичности. Для граждан является более важным их принадлежность к Российскому государству, а не к конкретной этнической группе (в данном случае – к русской).

Таким образом, исходя из ответов респондентов на данный вопрос, можно сделать вывод о том, что на мнение граждан влияет, прежде всего, та общественная среда (в т. ч. информационная), в которой они находятся, формирующая определенные стереотипы, а не объективное положение дел в данной конкретной территории. Иначе как объяснить, например, более толерантные ответы русских в Татарстане и Башкортостане, чем в «русских» регионах.

Список использованных источников

1. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992. – 345 с.
2. Собянин о перспективах Москвы, мигрантах и выборах // http://www.mn.ru/multimedia_video/20130530/347671837.html

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

TRANSFORMATION OF RUSSIAN RELIGIOSITY: RESEARCH PROBLEM

Е. Ш. Гибадуллина (ГБОУ ВПО «БАГСУ», г. Уфа, Россия)
E. Sh. Gibadullina (Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена проблеме трансформации российской религиозности, методам ее адекватного и всестороннего исследования в свете новых вызовов и проблем современности.*

Abstract. *The article is dedicated to the problem of Russian religiosity transformation, to the methods of adequate and comprehensive research in the light of new challenges and problems of contemporaneity.*

Ключевые слова: *религиозность, трансформация, современность, тенденции и тренды религиозности.*

Key words: *religiosity, transformation, modernity, trends and trends of religiosity.*

В 21 веке человечество вступило в эпоху, характеризующуюся синтезом и столкновением ценностей различных культур и народов. При этом «становящаяся» глобальная цивилизация несет в себе серьезные вызовы для религиозного сознания и религиозных институтов. Своеобразным ответом на эти вызовы стала трансформация религиозности и межрелигиозного диалога. Механизмы этой трансформации анализируются исследователями неоднозначно. Одни эксперты рассматривают данные изменения сквозь призму «религиозного ренессанса», другие – в свете профонации веры, третьи – в контексте подмены ценностных установок [См., например: 4; 5]. Во всяком случае, религиозность является сферой, от которой зависят приоритеты существования и развития интенсивно изменяющегося мира, поэтому сегодня требуется большее внимание к верующим и представляющим их религиозным организациям, а также учет их интересов, настроений уже преимущественно в политической проекции.

В рамках рассматриваемого вопроса интересна позиция О. Ф. Лобазовой, которая выделяет в развитии современной религиозности центростремительные и центробежные силы. К первым исследователь причисляет следующие позиции: стремление связать национальную, культурно-историческую и вероисповедную принадлежность в неразрывную зависимость, установка власти на стимулирование роста политической роли традиционных религиозных организаций, желание традиционных религиозных организаций возглавить духовные процессы современного общества, стремление ранее разобщенных частей религиозной организации к достижению единства. К центробежным силам автор относит: стремление связать религиозную принадлежность и социальное положение, личностный выбор модели жизненного успеха, стремление к автокефалии национальных отделений ранее единой религиозной организации, разнообразные проявления межконфессиональных и внутриконфессиональных противоречий, процессы выдавливания религии в сферу индивидуального существования человека. [См. 2, с. 270] Действительно, феномен современной религиозности настолько сложен, что

возникает необходимость создания и развития весьма определенной «политики» (по подобию культурной, экономической, национальной и т. п.), которую можно причислить к религиозной. Толчком к этому может послужить тот факт, что сегодня традиционные религиозные конфессии России активно обрисовывают социальные модели государственно-конфессиональных взаимодействий. В качестве демонстрации таких поисков можно привести известную и широко обсуждаемую концепцию Д. В. Поспеловского, выделяющего три возможные модели взаимоотношения РПЦ и государства:

– симфония: идеал свободного союза двух самостоятельных организмов – церкви и государства;

– принцип Кавура: свободная церковь в свободном государстве;

– американская форма полной секуляризации, то есть абсолютного изолирования Церкви от государства. [Подробнее об этом см.: 3].

Следует заметить, что тема трансформации религиозности тесно сопряжена с проблемой целостности России, которой посвящено немало трудов. В данном случае речь идет о концепции евразийства и сторонниках «русской идеи». И если первые апелируют к России как самобытной стране-континенту Евразии, то вторые основывают свою позицию на положении о мессианской исторической роли русского народа. В свете глобализационных изменений выделились и другие конкурентноспособные точки зрения, которые связывают единство России с вхождением в «мировую цивилизацию», или, распознавая невозможность транслирования идеологии и практики западного либерализма на российскую почву, определяют перспективу развития России в сочетании разнородных политических, идеологических элементов капитализма и социализма, традиции и современности, самобытности и новых ценностей. Представляется, что данные параллели являются продуктивной базой для исследования изменений, произошедших с российской религиозностью.

Интересно, что в последние годы в России в некоторых светских вузах ввели преподавание теологии, основ Ислама, которые направлены на заполнение духовных пробелов общества. Тем не менее, введение подобных дисциплин не говорит о проповеди религии или изложении сугубо религиозных догматов, поскольку как гуманитарные дисциплины они призваны, прежде всего, дать человеку более обширную мировоззренческую установку, в которой есть место и свободомыслию, и вере, и науке, а также диалогу с философией, культурологией, психологией и т. д. В этом смысле задачей гуманитарной науки, в том числе, является адекватная оценка состояния религиозности и межрелигиозного диалога в современном мире, выявление факторов, влияющих на них, а также прогнозирование тенденций, ожидающих их в XXI веке. Со сходной целью в России функционирует Межрелигиозный совет России (МСР), в Президиум которого входят традиционные религиозные организации страны: Московский Патриархат, Координационный центр мусульман Северного Кавказа, Совет муфтиев России, Центральное духовное управление мусульман России, Федерация еврейских общин России, Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений России и Буддийская традиционная сангха России. Религиозные организации активно участвуют в духовно-нравственном воспитании граждан, поддерживая усилия органов государственной власти, обращенные к налаживанию социальной стабильности общества.

Итак, можно рассматривать религиозность и ее трансформацию «извне» – то есть с культурологической, социологической, политологической, или конфликтологической точки зрения. Однако не менее эффективным будет взгляд и «изнутри» – с точки зре-

ния доктрины и практики определенной религиозной конфессии. На наш взгляд, необходимо использовать комплексный подход, учитывая ряд положительных обстоятельств, исходящих с такого угла зрения. Во-первых, глобализирующийся мир приводят к необходимости создания «многомерной» социальной картины отдельных народов, признания их равноправия, равноценности, а также формирования моделей мирного сосуществования. Сфера религиозного, конфессионального пространства как духовное ядро мировоззрения и жизнедеятельности общества может выступить основанием, которая позволит взглянуть на происходящие процессы с позиций толерантности. Религия при этом оказывается тесно сплетенной с духовно-ценностными основаниями народа, «кристаллизирующими» их мировоззрение. Во-вторых, на сегодняшний день тенденции развития экономико-политической реальности требуют трансформации религиозности, в соответствии с глобалистскими экономическими, культурными, социальными и антропологическими вызовами. Данные обстоятельства определяют необходимость вычленения позитивных внутренних приоритетов, значимых ориентиров и связей внутри определенного вероучения, по которым осуществляются те или иные изменения. При этом критерии выживаемости того или иного вероучения будут определяться двумя факторами: с одной стороны, прагматизмом, ориентированностью на защиту духовной безопасности и национальных интересов, с другой стороны – устойчивостью и гибкостью к установившимся в том или ином обществе ценностям.

Учитывая вышеизложенное, исследование российской религиозности, а также ее трансформации в изменяющихся реалиях, на наш взгляд, должно исходить со следующих позиций.

Во-первых, осмысление «болевых точек» религиозности необходимо вести с позиций смещения акцентов от трансцендентного (Бога) к имманентному (мир, общество, человек), поскольку эволюция религиозности, прежде всего, связана с эволюцией представлений о трансцендентном, Боге, вере внутри той или иной конфессии и традиций российского общества [См. 1].

Во-вторых, в исследовании антиномий российской религиозности, связанных с противостоянием фундаментальных принципов развития и целостности, прогресса и идентичности. Если в других цивилизациях синтез этих элементов осуществляется в рамках национального устроения, то в России такая система не сложилась. На наш взгляд, что одной из причин такого положения является многоконфессиональность российского общества. При этом акцент на кризисе и духовном вакууме российского общества, восполняемого идеологическими и духовными течениями, в том числе и экстремисткими, существенно сужает круг задач, стоящими перед исследователями. Вследствие чего представляется важным не просто отыскивание негативных тенденций, а выявление и исследование благоприятной и перспективной для российских реалий «модели» религиозности. Иначе говоря, необходима «обратная связь», то есть партнерство государства и конфессий, поскольку в противном случае государство столкнется со стихийно развивающимися религиозными сообществами, продвигающими сугубо корпоративные цели.

Таким образом, нужно отметить, что возродить в России прерванную в советские годы традицию исследования роли религии можно и нужно. При этом на все поставленные задачи невозможно ответить без участия внецерковных, гуманистически ориентированных мыслителей. Помимо отмеченных тенденций, сейчас важно создать здоровый диалог между конфессиями, поскольку каждая религия представляет конкретное миросозерцание, определяющее отношение человека к миру. Религиозность и религия

давно перестали быть закрытой сферой: этому свидетельствуют миграция населения, кросскультурные контакты, межнациональные браки, экуменические движения т.д. Религия не раз демонстрировала способности быть позитивным двигателем в обществе, и в гражданском обществе ее нельзя игнорировать или сознательно исключать. Все это создает объективное основание для создания единого пространства для исследования трансформаций религиозности.

Список использованных источников

1. Гибадуллина Е. Ш. Роль религии в современных общественных процессах: от теологических концептов – к практике российского региона // Современный российский регион: общественно-политические и социально-экономические процессы: коллективная монография / под ред. И. В. Фроловой. – Уфа: БАГСУ, 2014. С. 72–83.
2. Лобазова О. Ф. Факторы динамики современной российской религиозности // Социальная политика и социология. – М., 2009. – № 2. – С. 268–281.
3. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
4. Финогентов В. Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры / В. Н. Финогентов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 298 с.
5. Чеснова Е. Н. Феномен религиозной веры в современном мире: особенности существования и перспективы. // Научный диалог. 2013. № 11 (23). С.164–176.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ЭТНИЧЕСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ[1]

THE FACTORS INFLUENCING FORMATION OF THE SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT, ATTRACTIVE TO MIGRANTS, IN THE VOLGOGRAD REGION

Е. О. Данилова (ВолГУ, г. Волгоград, Россия)
E. O. Danilova (Volgograd state university, Volgograd, Russia)

Аннотация. *В статье описаны результаты социологического исследования, проведенного в Волгоградской области. Полученные данные позволяет судить о специфике миграционных потоков. В работе выявлены параметры «культурного шока». Проблема заключается в том, как сформировать гармоничное сосуществование этнических групп на одной территории, при этом без негативных тенденций в процессе культурного взаимообмена. Актуальность обусловлена целью исследования, которая состоит в выявление факторов, влияющих на формирование привлекательной среды для мигрантов, позволяющей реализовать их экономические интересы.*

[1] *Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ и ПВА (проект №14-13-34016)*

Abstract. *The article is results of the social research conducted in the Volgograd region are described. Allows to judge the obtained data specifics of migratory streams. In work parameters of «cultural shock» are revealed. The problem is how to create harmonious coexistence of ethnic groups in one territory, thus without negative tendencies in the course of cultural interchange. Relevance is caused by a research objective which consists in identification of the factors influencing formation of the attractive environment for migrants allowing to realize their economic interests.*

Ключевые слова: *трудовые мигранты, этническое коммуникативное пространство, экономические интересы, социокультурная среда, экономическая активность, миграция, Волгоградская область, рынок труда, труд, демография.*

Keywords: *labor migrants, ethnic communicative space, economic interests, sociocultural environment, economic activity, migration, Volgograd region, labor-market, labor, demography.*

Трудовой потенциал мигрантов становится одним из главных ресурсов Волгоградского региона, где мигранты уже сформировали особое социальное пространство. Опираясь на теоретические положения Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджес и Р. Маккензи), в которых утверждается, что миграция выступает показателем и ускорителем социальной мобильности, мы исследовали специфику социокультурного пространства Волгоградской области и ее привлекательность для мигрантов.

В первую очередь, необходимо отметить, что Волгоградская область находится на перекрестке внутренних и внешних миграционных потоков, именно данный факт увеличил интенсивность миграции в регион в 1990-е годы. В эти годы миграция в РФ носила преимущественно вынужденных характер. На сегодняшний день преобладает трудовая миграция (преимущественно нелегальная).

На первом этапе исследования мы структурировали генеральную совокупность мигрантов. Основной поток мигрантов – граждане Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, Азербайджана, Украины. Менее мощные потоки идут из Армении и Молдовы. Это трудоспособные граждане 31–40 лет (33%); 21–25 лет (19%); 18–20 лет (16%) и 41–50 лет (12%). Остальные 20% это возрастные группы 15–17 лет и старше 50 лет.

На втором этапе, методом анкетного опроса были выявлены: цели пребывания и основные проблемы мигрантов (метод отбора – стратифицированная выборка, объем выборки – 260). Анализ целей пребывания мигрантов показал, что для 57% целью приезда является поиск работы, для 24,6% – получение гражданства РФ, 18,5% – получение образования. Основные проблемы (предлагалось назвать не более трех наиболее значимых проблем) – материальные трудности (39,2%); проблемы с жильем (22,7%); трудоустройство (18,5%); невозможность обратиться в медицинские учреждения при проблемах со здоровьем (15,7%); оформление временной и постоянной регистрации (11,5%); получением миграционной карты (9,2%).

Прослеживается устойчивая тенденция роста напряженности в отношениях между местным населением и приезжими, это подтверждают данные анкетного опроса (объем выборки составил 714 человек). В соответствии с процентным соотношением в генеральной совокупности была опрошена молодежь с 18 до 35 лет. Мы исследовали как молодежь оценивает социально-экономическую активность мигрантов Волгоградской области.

Таблица 1

Нелегальные мигранты в Волгоградской области

Возраст	Как Вы считаете, какие задачи выполняют в Волгоградской области нелегальные мигранты?				Итого
	Никаких задач не выполняют, они дестабилизируют обстановку, их необходимо отправить обратно	Это дешевая рабочая сила, от которой мы не можем отказаться	Для выполнения ими каких-либо задач, необходимо легализовать их пребывание в РФ	Затрудняюсь ответить	
Итого	27%	53%	18,5%	1,5%	100% 714 чел.

Результаты исследования свидетельствуют не только о недостаточной осведомленности принимающей молодежи о вкладе мигрантов в экономическое развитие региона, не готовности к принятию положительных ценностей новых инокультурных групп, но и о стремлении дистанцироваться от мигрантов. «Культурный шок» может привести к следующим последствиям:

1. Попытка избежать контактов с новой культурой.
2. Формирование новой модели поведения в инокультурных условиях.
3. Сохранение собственной культуры, коммуникабельность в новом обществе.
4. Изменение культурной идентичности.

Тревожным фактом, является и то, что большая часть мигрантов приехали в Волгоградскую область временно и намерены уехать в поисках работы в другие регионы РФ. Скорость, с которой в настоящее время происходят изменения этнической структуры, значительно понижает адаптивный потенциал взаимодействующих этнических групп, так как они подвергаются «культурному шоку». Анализ ситуации позволяет выделить основные параметры понятия в контексте миграционных процессов: социальное напряжение; трудности адаптации; изменение статуса; нежелание общаться с новой культурной группой; маргинальность (путаница в старых и новых социальных ролях); чувство возмущения от ощущения культурных различий; ощущение беспомощности в связи с социальной и экономической не адекватностью в новой культурной среде.

Результаты исследования показали, что мигранты тяжело приспосабливаются к новой модели социального поведения и нуждаются в социальной поддержке, поэтому на третьем этапе нами было проведено фокусированное интервью с руководителями некоммерческих общественных объединений Волгоградской области (объем выборки 28 организаций, генеральная совокупность – 72). В выборку вошли социально активные зарегистрированные организации. Осевое кодирование позволило выявить факторы, влияющие на формирование этнического коммуникативного пространства трудовых мигрантов на территории Волгоградской области.

Во-первых, социально-правовые факторы – «Первым делом, когда человек приезжает, необходимо оказать помощь в регистрации, в размещении, рассказать о правах, обязанностях, о законах РФ и т. д. Осуществляется работа курсов по социальной адаптации мигрантов. В рамках проекта мигранты изучают русский язык и литературу»;

Во-вторых, факторы духовно-культурного развития – «Организация многонациональных праздников. Немаловажно сформировать доброжелательное отношение к приезжим коренного населения»;

В-третьих, экономические факторы – «Материальная поддержка незащищенным категориям».

Проведенный анализ показывает, что при наличии препятствий мигранты в целом адаптируются к экономической ситуации региона, однако, несмотря на поддержку общественных объединений, деятельности в сфере содействия трудоустройства недостаточно. Трудности с поиском работы, правовая неграмотность – все это замедляет процесс развития этнического коммуникативного пространства. Несмотря на это, преимущество объединений состоит в том, что они значительно ближе к населению – выступают посредниками между обществом и государством и, могут лучше оценить потребности мигрантов. Вовлечение некоммерческих национальных объединений в процесс адаптации, включая рынок труда, существенно снижает негативные риски.

В результате анализа полученных в ходе опроса социологических данных, мы систематизировали факторы, влияющие на формирование привлекательной для мигрантов социокультурной среды Волгоградской области, позволяющей реализовать их экономические интересы. Во-первых, выполнение работодателями своих обязательств. Во-вторых, доброжелательное отношение к приезжим коренного населения. В-третьих, эффективная работа миграционных служб.

Таким образом, можно сделать следующий вывод, привлекательность Волгоградской области сегодня находится на стадии развития и только комплексные социологические исследования позволят выработать стратегию привлечения мигрантов в регион. Формирование социокультурного пространства улучшит демографическую и экономическую стабильность региона, будет способствовать реализации экономической активности и экономических интересов этнических трудовых мигрантов. Переселение мигрантов на постоянное место жительства в Волгоградскую область становится одним из источников накопления человеческого капитала и благосостояния.

ВОПРОСЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЕДИНСТВА НАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН[1]

THE PROBLEMS OF RUSSIAN NATIONAL CONSOLIDATION IN THE GOVERNMENT CONCEPTUAL DOCUMENTS OF RUSSIAN FEDERATION AND BASHKORTOSTAN REPUBLIC

А. Р. Даутова (Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия)
A. R. Dautova (Bashkir Academy of Public Service and Administration under the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia)

Аннотация. *В данной статье автор рассматривает ряд основных нормативно-правовых документов, направленных на укрепление единства российской нации в целом. Анализируя существующие документы, автором формируется вывод о значимости роли образования в формировании российской нации.*

---

[1] *Статья подготовлена в рамках гранта Республики Башкортостан по итогам конкурса научных работ молодых ученых и молодежных научных коллективов 2014 г.*

Abstract. *In this article, the author examines a number of basic legal documents aimed at strengthening the unity of the Russian nation as a whole. By analyzing the existing documents, the author formed a conclusion about the importance of the role of education in the formation of the Russian nation.*

Ключевые слова: *российская нация, национальная политика, государственные программы, образование.*

Keywords: *Russian nation, national policies, government programs, education.*

Сегодня наличие развитой способности гражданской нации объединяться на основе общих ценностей и интересов является гарантом стабильности и развития российского общества. Вопросы нациестроительства, проблемы формирования единой российской нации широко обсуждаются российскими этнологами, политологами и философами. В результате длительных научных дискуссии и имеющихся практик реализации российской государственной национальной политики органами власти на сегодняшний день принят ряд законодательных актов, регулирующих вопросы национальной политики, как на федеральном, так и на региональном уровне. Основным документом, координирующим деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере государственной национальной политики Российской Федерации, обеспечения их взаимодействия с институтами гражданского общества стала Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 [12]. В силу ограниченного объема официально принятый документ представляет собой основу по выработке подходов к решению проблем государственной национальной политики Российской Федерации государственными и муниципальными органами, различными политическими и общественными силами и не лишен некоторых недостатков [13]. Другим немаловажным документом цель и задачи которого соответствуют приоритетными задачам развития Российской Федерации и определены в том числе в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года является федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» [14].

Как мы уже отмечали, система государственного проектирования в сфере национального строительства в России представляет собой сложную сетку федеральных, региональных и местных законодательных документов. Так, в законодательной базе Республики Башкортостан на наш взгляд можно выделить следующие основные нормативно-правовые акты в сфере национальной политики:

1) Закон о культуре Республики Башкортостан № ВС-18/19 от 13 июля 1993 г. устанавливает правовые гарантии для свободной культурной деятельности, объединений граждан, народов и этнических общностей в области культуры; принципы и правовые нормы отношений субъектов культурной деятельности; принципы деятельности в области культуры, правовые основы государственной поддержки культуры и гарантий невмешательства государственных органов в процесс творчества [9];

2) Государственная программа «Башкиры Российской Федерации» на 2008–2017 годы, которая направлена на реализацию научно обоснованных принципов государственной национальной политики и всестороннее и гармоничное развитие башкирского народа [1];

3) Государственная программа «Развитие культуры, искусства и кинематографии в Республике Башкортостан 2013–2018 годы», основными задачами которой является сохранение культурной самобытности народов Республики Башкортостан и создание условий для равной доступности культурных благ, развития и реализации культурного и духовного потенциала личности; укрепление общероссийского гражданского самосознания и духовной общности российской нации [11];

4) Концепция развития духовно-нравственной культуры и гражданской активности детей, подростков и молодежи «Молодежь – стратегический ресурс Республики Башкортостан» на 2006 – 2015 годы» [6], которая в свою очередь направлена на формирование следующих качеств молодого поколения башкортостанцев: гражданской и политической культуры; духовной зрелости и нравственной устойчивости; патриотизма и толерантности; социальной самоорганизованности, способностей и стремлений к самореализации; экономической самодостаточности и высокой конкурентоспособности на рынке труда; социальной мобильности и творческого подхода к решению жизненных задач; непрерывного самообразования; информационной культуры и культуры здорового образа жизни.

Руководство республики уделяет значительное внимание вопросам духовно-нравственного возрождения общества и по мере своих возможностей стремиться повысить значимость культуры и искусства в обществе. Однако, мы не можем не отметить тот факт, что в число приоритетных задач входят вопросы укрепления единства народов, проживающих на территории республики, формирования единой гражданственности, результатом которой должно стать уменьшение социальной напряженности в обществе. В конце 2002 г. в Башкортостане была утверждена государственная программа «Народы Башкортостана» на 2003–2012 гг., продленная Постановлением Правительства РБ от 05.06.2013 № 226 на 2013 г. Программа включала в себя систему мер, направленных на поддержку и гармоничное развитее народов Башкортостана, позволяющих обеспечить защиту их политических, социальных, экономических, культурных, языковых и иных прав, сохранить и развить национальное самосознание и этническую самобытность народов [8].

В пояснительной записке к отчету о реализации государственной программы был сделан однозначный вывод о том, что реализация государственной программы «Народы Башкортостана» способствовала развитию национально-культурных центров Республики Башкортостан, сохранению культуры, традиций и обычаев народов, населяющих республику. Очевидна социально-экономическая эффективность программы, ее реализация способствовала расширению и укреплению функций государственных языков; сохранению и развитию родных языков [10]. В действительности активизация деятельности Дома Дружбы народов, его филиалов – историко-культурных центров Республики Башкортостан, культурно-досуговых учреждений республики способствовала увеличению проведенных праздников национальных культур народов Республики Башкортостан, международных, всероссийских и республиканских мероприятий. Так, например, количество мероприятий составило 1044 единиц в 2013 г. Национальные праздники и подобного рода мероприятия служат средством снятия напряжения, гармонизации эмоционально-психологического состояния человека и общества, возвращения подлинной идентичности с природой и социальной средой. Культура, обычай, праздники даже самого малочисленного народа – это часть культуры общечеловеческой или национальной.

Национальная культура складывается исторически – в процессе длительного совместного существования этнических общностей, связанных единой территорией, эко-

номикой, языком. В этом процессе возникает общность духовной жизни и появляются особенности национальной психологии, формируются такие признаки нации, как национальная ментальность и национальное самосознание. По этой причине культура трактуется нами как совокупность исторически сложившихся принципов общественного жизнеустройства, комплекс приемов выживаемости, складывающийся веками и тысячелетиями. При этом культура и традиции народов России возникли не просто так, а были обусловлены существующими именно в этой местности климатом, природными условиями, внешним окружением, численностью и динамикой населения и другими естественными причинами.

«Мы – граждане российского государства» – этот уровень политико-культурной идентификации людей разной этнической принадлежности в одно «воображаемое сообщество» – нацию – должен стать доминирующим», – отмечает Ю. Д. Гранин в своей статье [2, с. 156]. Безусловно, мы согласны с автором с том, что формирование единой российской нации и российской гражданственности возможно при определенных условиях. Прежде всего, речь идет о демократии, развитом институте гражданского общества, стабильной рыночной экономики и общенациональной системы образования.

Так, на наш взгляд, необходимо создать общероссийские программы гражданского образования и воспитания для взрослых, детей и молодежи, ввести эти программы в систему федеральных государственных стандартов образования и, наконец, привести в соответствие с федеральными образовательными стандартами учебные пособия и программы образования национальных республик России. В противном случае, соглашаясь с Ю. Д. Граниным, нам не удастся воспитать истинных патриотов России. По словам К. В. Диденко, «образование, просвещение формируют особый тип нравственно совершенной личности, обладающей государственным видением проблем, способной к деятельности на общее благо, переустройству мира на основаниях истины, добра, справедливости» [4, С. 65]. В республике на сегодняшний день действует Концепция развития духовно-нравственной культуры и гражданской активности детей, подростков и молодежи «Молодежь – стратегический ресурс Республики Башкортостан» на 2006–2015 годы» [6], где отмечено, что сложившаяся в Республике Башкортостан система образования и воспитания, а также реализуемая государственная молодежная политика и деятельность общественных молодежных объединений не обеспечивают в полной мере эффективной социализации и самоорганизации молодежи. Реализация Концепции должна послужить стимулом для соответствующего преобразования государственной молодежной политики в целом.

На федеральном же уровне разработкой стандарта общего образования по поручению Правительства занимается Российская академия образования. Как выделяет Е. С. Куква, одними из ключевых документов в этой работе стали «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» (2009 г.) и «Фундаментальное ядро содержания общего образования» (2011 г.), а также проект Концепции развития поликультурного образования в Российской Федерации (2010 г.), предлагающие современный уровень понимания проблемы интеграции и формирования российской нации [7, С. 4]. В рассматриваемых документах «образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества, его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов, в укреплении социальной солидарности, в повышении уровня доверия человека к жизни в России, к согражданам, обществу, государству, настоящему и будущему своей страны» [3, с. 5].

Не выпасть на периферию мировой политической и экономической системы, сохранить систему устойчивых социальных связей между гражданами и народами, населяющими Российскую Федерацию и Республику Башкортостан, укрепить единство нации возможно только за счет формирования кадрового потенциала государственной и муниципальной службы, возможности и состояния грамотно использовать в своей деятельности новейшие гуманитарные и управленческие идеи применительно к российским условиям. Фактором усиления кадрового потенциала выступает развитое гуманитарное образование, согласованность концептуальных категорий, связи политических и исторических событий программах средних и высших учебных заведений Башкортостана по таким дисциплинам как «Всемирная история», «Отечественная история», «Обществознание», «Культурология», «История культуры», «История Башкортостана», «Культура Башкортостана», «История государства и права Республики Башкортостан» формирующих не только качественные управленческие и общегуманитарные характеристики личности, но и гражданское самосознание.

В Республике Башкортостан есть правовые предпосылки для определения основных направлений развития кадровой политики. 2 октября 2012 года Указом Президента РБ была утверждена Концепция кадровой политики в системе государственных органов и органов местного самоуправления Республики Башкортостан. Важно, чтобы эта реализация этой программы соответствовала заявленному принципу «патриотизма, гражданской лояльности государственных гражданских и муниципальных служащих государству и многонациональному народу Российской Федерации и Республики Башкортостан» [5], и преодолела ориентацию на технократизм и экономический прагматизм развития кадрового потенциала, учитывала, что уровень развития социально-культурного потенциала работника, основой которого выступает образование и гражданское воспитание, не в меньшей мере, нежели его профессиональная и экономическая квалификация определяет эффективность государственного управления.

Необходимость обеспечения непрерывного образования кадров, включающего ступенчатую подготовку кадров, ставит задачу полнее использовать возможности Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан и других высших учебных заведений в плане подготовки специалистов государственной и муниципальной службы с учетом специфики их работы в условиях полиэтничного региона. Существенным преимуществом концентрация научно-педагогических ресурсов, преемственность и скоординированность обучающих программ, и как следствие, большее соответствие содержания образования реальным потребностям.

Большая роль в этом отводится структурам дополнительного образования, а также проведение образовательных семинаров и курсов повышения квалификации не только для государственных и муниципальных служащих, для учителей общеобразовательных школ и среднеспециальных учреждений, журналистов республики и представителей средств массовой информации в целом, т. е. профессиональных сообществ функционально ответственных за гражданскую и национальную социализацию населения. Цель – развитие в обществе, в сознании граждан социально значимых гражданских и патриотических ценностей, способствующих формированию культурной и исторической общности народов РБ и РФ.

Таким образом, мы рассматриваем вопрос укрепления единства нации не в последнюю очередь как деятельность по созданию условий для формирования молодых кадров, способных найти адекватные ответы на внутренние, внешние и глобальные вы-

зовы современности, умеющих эффективно и цивилизованно решать тактические и стратегические задачи, стоящие перед государством и обществом, которые смогут обеспечить должную устойчивость государства и общества и необходимый уровень конкурентоспособности России в мире.

Проблема эффективности государственного управления национальным строительством имеет сегодня ключевое значение. Простым увеличением вложений или разработкой формальных государственных программ существенного прогресса в означенной сфере добиться нельзя. Прежде нужно четко сформулировать цели и определить критерии эффективности, затем отобрать или создать новые социальные и образовательные технологии, способные в соответствии с заданными критериями решать поставленные задачи.

Список использованных источников

1. Башкиры Российской Федерации на 2008–2017 годы: государственная программа // Министерство культуры Республики Башкортостан. Режим доступа: http://minkult-rb.ru/documents/list.php?SECTION_ID=203 (дата обращения 01.12.2014).
2. Гранин Ю. Д. Роль образования в формировании российской нации // Высшее образование в России. 2006. № 10. С. 150–156.
3. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М., 2009. 24 с.
4. Диденко К. В. Общие тенденции развития философии образования в отечественном философском поиске // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2010. № 1. С. 62–67.
5. Концепция кадровой политики в системе государственных органов и органов местного самоуправления Республики Башкортостан: утв. Указом Президента от 2 октября 2012 г. № УП-378 // Информационно-правовой портал Гарант.ру. Режим доступа: http://www.garant.ru/hotlaw/bashkor/425936/ (дата обращения 01.12.2014).
6. Концепция развития духовно-нравственной культуры и гражданской активности детей, подростков и молодежи «Молодежь – стратегический ресурс Республики Башкортостан» на 2006–2015 годы»: утв. Указом Президента Республики Башкортостан от 26 сентября 2006 года № УП-415 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. Режим доступа: http://base.garant.ru/17713099/ (дата обращения 26.11.2014).
7. Куква Е. С. Образование в ресурсе национальной консолидации // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 4. С. 1–8.
8. Народы Башкортостана: государственная программа: утв. Постановлением Кабинета Министров Республики Башкортостан от 31 декабря 2002 г. № 388 // Министерство культуры Республики Башкортостан. Режим доступа: URL: http://www.minkult-rb.ru/documents/list.php?SECTION_ID=203 (дата обращения 28.11.2014).
9. О культуре Республики Башкортостан: закон от 13 июля 1993 г. № ВС-18/19 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/935109610 (дата обращения 26.11.2014).
10. Отчет о реализации государственной программы «Народы Башкортостана» на 2003–2012 годы за 2011–2013 годы (пояснительная записка) // Министерство культуры Республики Башкортостан. URL: http://www.minkult-rb.ru/activities/activity-reports/ (дата обращения 28.11.2014).
11. Развитие культуры, искусства и кинематографии в Республике Башкортостан 2013–2018 годы: государственная программа // Министерство культуры Республики

Башкортостан. Режим доступа: http://minkult-rb.ru/documents/list.php?SECTION_ID=203 (дата обращения 25.11.2014).
12. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. Режим доступа: http://base.garant.ru/70284810/ (дата обращения: 26.11.2014 г.)
13. «Стратегия государственной национальной политики-2012»: взгляд из региона // Власть в современной России и Республике Башкортостан: политологические и социально-экономические аспекты: колл. монография. Уфа : БАГСУ, 2013. С. 46–58.
14. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы): федеральная целевая программа: утверждена Постановлением Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 // Правительство Российской Федерации: документы. Режим доступа: http://government.ru/docs/4022/ (дата обращения 26.11.2014).

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ МИГРАНТСКИХ СООБЩЕСТВ: МОДЕЛЬ И ИНДЕКС ИНКОРПОРАЦИИ[1]

TO THE QUESTION ABOUT THE INTEGRATION DYNAMICS OF MIGRANT COMMUNITIES: A MODEL AND AN INDEX OF INCORPORATION

И. В. Демичев (ИГИ РБ, г. Уфа, Россия)
I. V. Demichev (Institute of humanitarian research, RB, Ufa, Russia)

***Аннотация**. Статья посвящена проблеме моделирования процесса инкорпорации мигрантских сообществ в структуры общества-реципиента. В работе сформулированы типы отношений между мигрантскими и местными сообществами в области идентичности, солидарности и взаимной диффузии, на базе чего выявлены критерии уровня инкорпорированности.*

***Abstract.** The article is devoted to the problem of modeling of the process of incorporation of migrant communities in the structure of recipient society. The author formulate the types of relationships between migrant and local communities in the area of identity, solidarity and mutual diffusion, on the basis of which the identified criteria or the incorporation level.*

***Ключевые слова:** миграция, общество-реципиент, мигрантское сообщество, идентичность, солидарность, инкорпорация, интеграция*

***Keywords:** migration, society-recipient, the migrant community, identity, solidarity, incorporation, integration*

Рассматривая процесс интеграции мигрантских сообществ в структуры и отношения общества-реципиента, необходимо анализировать его протекание в основных областях общественных отношений: социально-экономических, социально-политических,

[1] *Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 12-06-33019 «Моделирование сценариев интеграции инокультурных мигрантов в России до 2030 г. (региональный аспект)»*

социокультурных и бытовых. Инкорпорирование мигрантских сообществ предполагает включение их в организованные объединения соответствующего характера, причем, как в виде сообщества, так и в индивидуальном порядке. Моделирование такого инкорпорирования представляет собой частный вариант моделирования массового социокультурного поведения, в котором необходимо выделять как статистические показатели институализированного поведения, так и установки общественного сознания.

В этом отношении применима концепция социокультурной общности, обращающая внимание как на институализированные формы отношений, организующие солидарность представителей общности, так и на дискурсивные практики, организующие культурно-информационные, коммуникативные взаимодействия, в рамках которых формируются и актуализируются идентичности. Моделируемый процесс, таким образом, складывается из взаимодействия и трансформации идентичностей рассматриваемых общностей, структур и форм их организованных солидарностей и взаимной диффузии их членов, которые разворачиваются в отмеченных выше областях общественных отношений.

1. Взаимодействие идентичностей, организованной солидарности и взаимная диффузия членов могут быть представлены в следующих основных видах.

Взаимная диффузия представителей общностей представляет собой участие членов общностей в отношениях друг друга и может быть четырех типов:

А) взаимное неучастие членов общностей в отношениях друг друга;

Б) участие членов мигрантской социокультурной общности в отношениях общности-реципиента;

В) участие членов общности-реципиента в отношениях мигрантской общности;

Г) участие членов обеих общностей в отношениях друг друга.

Организованная солидарность представляет собой комплекс оргструктур взаимодействия членов социокультурных общностей, сложившихся на некоторых принципах. В этом отношении также возможны четыре типа:

А) мигрантская общность применяет свои принципы во внутренних (между своими) и внешних (с членами общности-реципиента) отношениях;

Б) мигрантская общность применяет свои принципы во внутренних отношениях, во внешних применяет принципы общности-реципиента;

В) мигрантская общность применяет во внешних и внутренних отношениях принципы общности-реципиента, сохраняя, однако, в частных случаях ил в латентной форме свои принципы;

Г) мигрантская общность применяет только принципы общности-реципиента, при этом собственные принципы ее утрачены.

Следует отметить, что в разных областях общественных отношений – социально-экономической, социально-политической, социокультурной и бытовой – эти виды могут различаться: например, мигрантская общность может руководствоваться в социально-экономических отношениях только принципами общности-реципиента, а в бытовых – только своими.

Идентичность общности выражает склонность ее членов ко взаимодействию на соответствующих принципах с членами соответствующих общностей. Здесь также возможны четыре основных типа отношений:

А) идентичность мигрантской общности не связана с идентичностью общности-реципиента;

Б) идентичность мигрантской общности доминирует над идентичностью общности-реципиента;

В) идентичность мигрантской общности подчинена идентичности общности-реципиента;

Г) есть только идентичность общности-реципиента.

В общем виде, отношения типа А) по всем областям взаимодействий соответствует статусу полностью сегрегированной общности, исключенной из процессов и структур общности-реципиента; отношения типа Г) – наоборот, статусу полностью ассимилированной общности. Остальные варианты отражают разнообразие возможных форм взаимоотношений общностей, которые можно распределить по степени вовлечения мигрантской общности в общность-реципиент.

2. Сопоставление возможных типов отношений позволяет проследить следующие закономерности:

– типа отношений Б) и В) взаимопроникновения означают, что основная масса взаимодействий членов мигрантской общности сосредоточена в внутри последней, а отношения с общностью-реципиентом имеют внешний характер. Это обуславливает или обуславливается наличием активной идентичности мигрантской общности и воспроизводством соответствующих принципов отношений, что затрудняет и препятствует участию членов обеих общностей в отношениях друг с другом, кроме особо институализованных. При этом тип Б) диффузии – самосегрегация мигрантской общности соответствует типу Б) ее идентичности, но может реализовать тип Б) и В) организованной солидарности; тип В) диффузии – внешняя сегрегация мигрантской общности соответствует типу В) ее идентичности, но может реализовать типы В) и Г) организованной солидарности.

– тип Г) взаимопроникновения предполагает, что основной объем взаимодействий членов мигрантской общности и общности-реципиента производится совместно, а следовательно, в силу превосходства общности-реципиента в численности, мигрантская общность инкорпорирована в нее. Это может быть обусловлено и может обуславливать типы В) и Г) организованной солидарности и тип В) идентичности.

– тип Г) идентичности снимает выделение мигрантской общности в плане специфики принципов взаимодействий и не предполагает (кроме, может быть, латентного номинала) самой общности.

Таким образом, можно распределить мигрантские общности по следующим общим состояниям для оценки степени инкорпорирования ее с общность-реципиент:

1) сегрегированные общности; этому состоянию соответствуют следующие типы отношений:

– А) и Б) идентичности;

– А) солидарности;

– А) диффузии.

2) адаптированные общности; этому состоянию соответствуют следующие типы отношений:

– Б) и В) идентичности;

– Б) и В) организованной солидарности;

– Б) и В) диффузии.

3) интегрированные общности; этому состоянию соответствуют следующие типы отношений:

– В) идентичности;

– В) и Г) организованной солидарности;

– Г) диффузии.

4) ассимилированные общности; этому состоянию соответствуют следующие типы отношений:

– Г) идентичности;

– Г) организованной солидарности;

– Г) диффузии.

3. Степень инкорпорации мигрантской социокультурной общности отражает степень ее диффузии в общность-реципиент, объем взаимодействия между их членами: взаимодействие только между членами мигрантской общности; взаимодействие преимущественно с членами мигрантской общности при некотором участии членов общности-реципиента; взаимодействие преимущественно с членами общности-реципиента при некоторых отношениях с членами общности мигрантской; наконец, взаимодействие только с членами общности-реципиента, причем члены мигрантской общности не отличаются и не выделяются в их составе. В этом смысле, взаимная диффузия общностей выступает наиболее наглядным показателем и формализуемым показателем интеграции. Сама она выступает функцией от распределения мигрантской общности в пространстве общности-реципиента: чем менее плотна мигрантская общность, тем более ее члены вовлечены в отношения с общностью-реципиентом, и наоборот.

Распределение мигрантской общности возможно в трех отношениях – территориальном (по количеству локальных общностей, в которых представлены мигранты), а также профессиональном (по количеству профессиональных общностей, в которых представлены мигранты) и стратовом (присутствие мигрантов в стратовых общностях общности-реципиента). Все три отношения не только отражают распределение мигрантской общности, но и открывают членам мигрантской общности большее или меньшее разнообразие опыта взаимодействия с членами общности-реципиента, и чем больше этот опыт, тем полнее представлены в отношениях, дискурсах и сознании мигрантской общности принципы общности-реципиента – а следовательно, тем больше вероятность перехода на эти принципы мигрантов. Кроме того, важным показателем выступает семейно-брачные отношения – их наличие означает высокую близость между экзистенциальными и поведенческими установками членов общностей, позволяющую как формировать общие «малые» социальные группы с высокой степенью экзистенциальной и эмоциональной связью, так и воспринимать друг друга, как «своих». Доля таких браков коррелирует с общим уровнем взаимного принятия членов общностей, хотя, возможно, необходимо учитывать некоторую поправку на гендерное неравенство в их принципах.

С другой стороны, инкорпорирование членов мигрантских общностей имеет характер «вторичной социализации и инкультурации» для первых и старших ее членов, содержание которой в определенном ключе модулирует характер первичной социализации и инкультурации для следующих ее поколений, и зависит от опыта взаимодействия между общностями их членами. В этом смысле инкорпорирование представляет собой функцию от времени взаимодействия: чем дольше взаимодействие, тем больше опыт, и тем более, в общем виде, инкорпорирована мигрантская общность и ее члены. Однако здесь необходимо вводить существенную поправку на характер опыта взаимодействия, который может быть конфликтным или бесконфликтным – причем, как правило, конфликтность в силу различий принципов, конкретики распределения и действий оргструктур общностей неизбежна, выступая, своего рода, формой и фоном

взаимного согласования их установок. В общем виде, чем выше конфликтность взаимодействий между членами общностей, тем выше их взаимная отчужденность, сильнее собственные идентичности (которые обретают также конфликтный характер) и ориентация на собственные оргструктуры мигрантов. В этом смысле, важной выступает не только сама по себе конфликтность, но ее распределение по времени взаимодействия: если на первом этапе инкорпорирования она неизбежна и выступает в собственном смысле «формой диалога», то дальнейшая динамика – закрепление ее в идентичностях и оргструктурах обеих общностей, что препятствует взаимной диффузии, либо наоборот, исчерпание и нивелирование, открывающие возможности для диффузии – в значительной степени определяет ход и исход инкорпорирования мигрантской общности.

Таким образом, эти параметры – степень распределения мигрантской общности в пространстве общности-реципиента, время пребывания и уровень конфликтности – в общем виде описывают характер взаимодействия общностей: чем более распределена, дольше пребывает и менее конфликтна мигрантская общность, тем быстрее и глубже она инкорпорируется в общность-реципиент, и наоборот.

4. Формализуя выявленные параметры, можно свести их в некоторую формулу, описывающую уровень инкорпорированности мигрансткого собощества.

Коэффициент распределения мигрантской общности складывается из следующих отношений:

– доля мигрантов по территориальным единицам в отношении к количеству территориальных единиц;

– доля мигрантов в межэтнических браках в отношении к бракам мигрансткой общности;

– доля мигрантов в профессиональных общностях в отношении к профессиональным общностям;

– доля мигрантов в стратах в отношении к численности мигрантской общности.

Чем равномернее распределение мигрантской общности – тем больше она по своей структуре совпадает с общностью-реципиентом и тем меньше оснований для фиксации специфики принципов мигрантской общности, по крайней мере, в конфликтном их варианте. Кроме того, наличие ярко выраженной концентрации мигрантской общности в какой-либо части пространства общества-реципиента (территории, страте, профессии) создает не только условия для возможной конфликтности в силу замыкания ее в себе и сокращения разнообразия опыта взаимодействия, но и для перехода чисто социальных проблем, связанных с соответствующими локусами в формат межэтнических – например, концентрация мигрантов на данной территории при осложении социально-экономического ее состояния может привести к использованию мигрантских (этнических) идентичности и солидарности в сопутствующих конфликтах.

Функцию от времени пребывания можно обозначить, как коэффициент укорененности мигрансткой общности, который складывается из доли мигрантов с определенным сроком пребывания (например, до 5 лет – период предоставления гражданства России) в отношении к общей численности мигрантской общности. Соответственно, чем ниже в составе общности доля мигрантов с короткими сроками пребывания (даже если не учитывать многократных маятниковых мигрантов), тем длительнее опыт взаимодействия ее членов с членами общности-реципиента и больше условий для согласования принципов такого взаимодействия.

Уровень конфликтности отношений между общностями можно формализовать через коэффициент аномии, складывающийся из доли мигрантов в преступлениях, раз-

деленных на категории тяжкие, административные и связанные с нарушением миграционного законодательства в отношении к общему объему преступлений и численности мигрантской общности. В каком-то смысле этот коэффициент выступает вариацией профессионально-стратового распределения мигрантской общности в отношении криминальной части общности-реципиента, поэтому специфического учета мотивов совершения преступлений можно не вводить (связано преступление со специфической «этнической» мотивацией или «в общем порядке»), так как это в любом случае проявление конфликтности мигрантской общности в рамках действующего нормативного порядка общности-реципиента, а детализировать общий уровень аномии последней нет необходимости: он представляет собой, своего рода, константу и отражается в общем уровне преступности.

Выявление численных статистических показателей для указанных параметров представляет собой определенную трудность не только ввиду массива необходимых для обработки данных, но и в силу отсутствия необходимого статистического учета (например, кроме Всероссийской переписи населения, практически не ведется этническая статистика по необходимым показателям – соответственно, данные по ним в значительной степени неполны; миграционный учет ведется по гражданству, а не этническому составу – хотя поведение разных этнических групп мигрантов может существенно различаться; с недавнего времени по факту отменена статистика преступлений мигрантов и в отношении мигрантов и т. д.), поэтому можно в какой-то мере упростить показатели.

Так, за «общую численность мигрантской общности» можно брать сумму данных по национальному составу граждан России и данных по миграционному потоку из данных стран-доноров. Для коэффициента укорененности можно в качестве критерия брать факт получения гражданства и долю граждан и неграждан России соответствующей этнической группы. Аналогично можно упростить и другие показатели, однако это, разумеется, в целом понижает степень адекватности расчетных показателей

Соотношение данных коэффициентов обуславливается следующими соображениями: повышение коэффициентов распределения и укорененности общности увеличивают уровень ее инкорпорированности, повышение коэффициента аномии – понижает. Таким образом, индекс инкорпорации мигрантского сообщества обретает следующий вид:

$$Иинк = ((кРаспр.*кУкор.)/кАном)$$

Общая численность мигрантского сообщества не вводится в расчетную формулу, поскольку не играет самостоятельной роли и учитывается в расчете данных для коэффициентов. Динамика индекса может выступить основным численным критерием для формализованной оценки динамики инкорпорирования данной мигрантской общности, хотя, разумеется, не является достаточной для адекватного отражения ее и требует сопоставления с выделенными выше типами отношений между нею и общностью-реципиентом, выступающими комплексом качественных параметров.

5. Исходя из общих посылок, динамика процесса инкорпорации мигрантской общности, отражаемая графиком индекса, будет иметь вид стандартной S-образной кривой с пологим плечом первого этапа, плечом резкого роста и вторым пологим плечом «насыщения» инкорпорационной динамики. Проблема наполнения содержанием подобного графика и выделения этапов требует отдельного большого рассмотрения, здесь же можно сделать несколько общих замечаний.

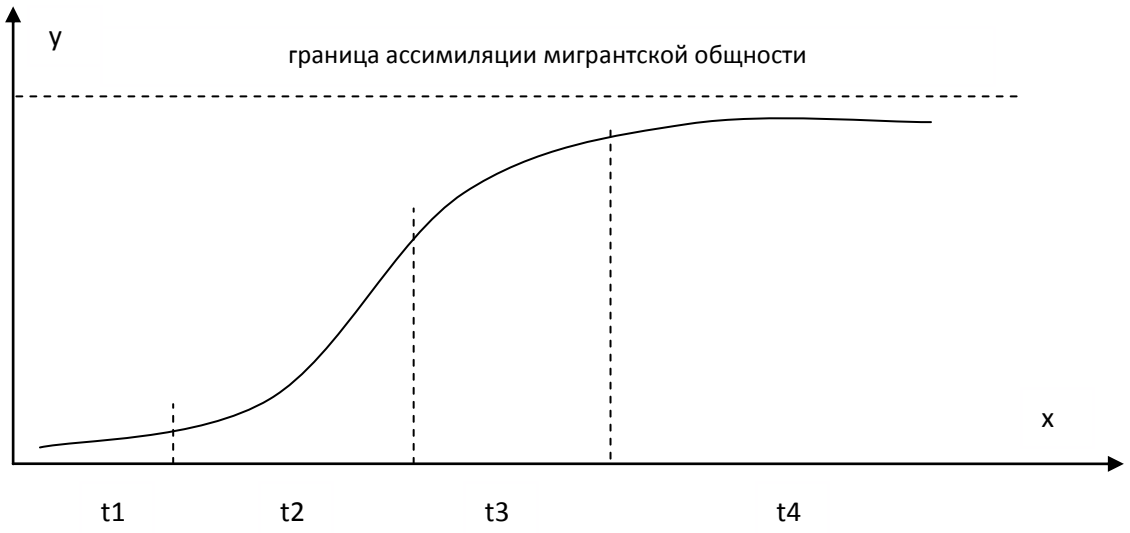


Рис. 1.

По оси Y – уровень инкорпорации мигрантской (этнической) общности;
по оси X – временные промежутки, где t1 – период первоначального включения мигрантской общности в общность-реципиент, t2 – период перехода к адаптации, t3 – период перехода к интеграции, t4 – период интегрированного состояния

Первое «пологое» плечо графика, вероятно, будет соответствовать сегрегированному состоянию мигрантской общности и характеризоваться малой диффузией, а следовательно, и невысокими остальными показателями. Второе плечо «роста» будет соответствовать адаптированному состоянию общности, при котором уже нет институционально налагаемых ограничений распространения мигрантской общности в пространстве реципиента, но объем устанавливаемых отношений еще не исчерпан. Именно рост количества новых отношений между общностями мигрантов и реципиента, а также их членов и составляет содержание этого этапа взаимодействия. Второе «пологое» плечо динамики будет соответствовать интегрированному состоянию мигрантской общности, в целом сохраняющей свою идентичность и специфические структуры организованной солидарности, в остальном же воспроизводящей отношения общности-реципиента в полном объеме (за исключением отношений, прямо противоречащих идентичности и оргструктурам). Сохраняющая это состояние общность может незначительно дрейфовать относительно некоторого среднего значения инкорпорированности, возможно, с некоторым дрейфом в сторону ассимиляции в силу доминирования общей идентичности и организованной солидарности общности-реципиента.

На смещение графика по оси X, отражающей уровень инкорпорации, предположительно оказывает влияние степень различия в установках поведения, идентичности и структур организованной солидарности мигрантской и местной общностей – чем больше различий, тем «ниже» по оси будет располагаться как первое, так и второе «пологие» плечи. Содержательным аспектом здесь будет выступать объем возможных противоречий между принципами обеих общностей, которые блокируют мигрантам возможности, без утраты собственной идентичности, воспроизводить комплексы взаимодействий общности-реципиента и, как следствие, вступать в контакты по спектру соответствующих отношений с ее членами. Вероятно, можно будет выделить некото-

рые ключевые компоненты таких различий, например, в специфике семейно-брачного (так, можно предположить, что резкое различие в гендерных установках мужчин и женщин будет блокировать складывание семей между мигрантами и местными, и даже наоборот, провоцировать спектр конфликтности в этом отношении), трудового или иного поведения; возможно – различия в стереотипах мышления и ценностных ориентациях (когнитивных технологиях общности-донора и общности-реципиента; это, например, будет сказываться на эффективности инкультурации, которая отнюдь не ограничивается владением языком – при несопоставимости картин мира и приемах мышления восприятие, скажем, научной картины мира и светской этики общности-реципиента окажется затруднено или блокировано) и т. п. Однако это требует дополнительного масштабного исследования самих мигрантских сообществ.

Следует отметить, что это – именно общая, «генеральная» модель процесса инкорпорации, а конкретное состояние мигрантской общности представляет собой некоторое динамическое равновесие воздействующих на нее факторов и условий, которые можно в целом обозначить, как «интегрирующие» и «сегрегирующие». В зависимости от сравнения мощи воздействия этих факторов, динамика может резко меняться – делать несколько «перегибов» на графике, в т. ч. и снижать уровень инкорпорации. В ходе дальнейшего исследования предполагается проверка данной гипотезы.

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ И ПРОФИЛАКТИКУ ФОРМ ПРЕСТУПНОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ

INFLUENCE OF MEDIA AT COUNTERING AND PREVENTION OF FORMS OF CRIMINAL ETHNIC POLICY STATES

А. С. Евстифеев (ГБОУ ВПО Башкирская академия государственной службы и управления при президенте Республики Башкортостан г. Уфа, Россия)
Р. А. Иксанов (ФГБОУ ВПО Башкирский ГАУ, г. Уфа, Россия)
A. S. Evstifeev (State budgetary educational institution of higher professional education Bashkir Academy of public service and administration under the President of the Republic of Bashkortostan , Ufa, Russia)
R. A. Iksanov (Federal state educational institution of higher professional education Bashkir state agrarian university, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена изучению влияния СМИ на проведение государственной политики в области межнациональных отношений. Изучен исторический опыт прошлых лет и отражены современные отношения на межнациональной арене. Предложены пути преодоления и профилактики преступной этнополитики и решения национальных конфликтов через средства массовой информации.*

Abstract. *The article studies the influence of the media on implementing State policy in the field of international relations. Explore the historical experience of previous years and reflects modern interethnic relations arena. Suggest ways of overcoming and preventing crime and ethnic policy decisions of national conflicts in the media.*

Ключевые слова: *этнос, нация, этнополитика, влияние СМИ, государство.*
Keywords: *ethnos, nation, ethnic policy, the influence of the media, the state.*

Проблема существования этносов и их взаимодействия друг с другом является актуальной темой XXI века. Ни для кого сейчас не секрет, что данная тема для дискуссии является острой по своей сущности, так как существует необходимость выработки четкого плана взаимодействия этносов между собой без ущемления их прав.

Средства массовой информации довольно открыто и свободно распространяют информацию в мире о проблемах взаимодействия разных народов проживающих как на одной территории, так и на границах конфликтующих государств. СМИ в современном мире является одной из отправных точек взаимодействия разных народов, в связи с тем, что являясь обозревателями событий в мире, они представляют нам картину событий с разных сторон, поскольку разные СМИ одну и ту же информацию преподносят по разному, в результате чего получается разногласия и конфликт мнений.

Влияние СМИ на проблему взаимоотношений народов между собой в XXI веке весьма значительно. СМИ – это периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием) [1]. Из данного определения и выше указанной нами позиции видно, что СМИ преподносят нам информацию о событиях в мире нацеленную на широкую массовую аудиторию, в наше время у большинства людей есть: интернет, телевидение, радио, газеты, журналы и другие источники получения информации. В научном мире сформировалась такая точка зрения, что средства массовой информации представляют в государстве одну из 4х ветвей власти, так как благодаря тому, что СМИ формирует и развивает мнение населения по сложившейся ситуации. Поэтому мы хотим сказать, что в современном, информационном и бурно развивающемся постиндустриальном обществе умаление значение СМИ нежелательно как для страны, так и для его роли в международном масштабе.

В РФ данный феномен как СМИ выступает, как и во всем мире, ключевым звеном взаимоотношений на данном этапе своего развития между населением и государством. РФ является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира. На ее территории проживают представители 193 национальностей (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения граждан) [2]. Многонациональный народ России на всем протяжении ее существования вносил неотъемлемый вклад в развитие страны, этот вклад измеряется, как и с точки зрения культурного наследия, так и защита чести государства в различных военных конфликтах. Культурное и языковое многообразие народов России защищено государством. В Российской Федерации используются 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения [3]. Как мы видим из представленной информации, России нет равных в разнообразии проживающих на ее территории народов, культуры народов и языков. С одной стороны это все облагораживает РФ с положительной стороны, с другой стороны это повод серьезно задуматься о дальнейшем сосуществовании всех народов проживающих в России в мирном русле.

Политика государства является важным регулятором общественных отношений, в том числе и этнических. Проявления ксенофобии, антисемитизма, тенденции национализма в крайней его форме – фашизма, должны служить причиной противопоставления этим явлениям рациональной политики в сфере этнических отношений, направленной на смягчение межнациональной напряженности, на развитие механизма защиты прав и законных интересов этноса как объекта правовых отношений. Складывается достаточ-

но большое количество ситуаций, когда государство само поддерживает и дает импульс к возникновению и развитию деструктивных процессов в политике касающейся отдельных этносов при осуществлении межнациональных отношений, а СМИ содействует этому. Безусловно, такая государственная политика создает почву для совершения правонарушений. Изучить эти явления представляется возможным обратившись к истории различных государств. Наглядным примером в данном случае может служить политика в отношении русскоговорящего населения, которая осуществляется в странах бывшего Советского союза: Страны Балтии и особенно в Украине. Проявления такой политики можно увидеть в отдельных действиях государственных органов среднеазиатских стран бывшего СССР. Такой вывод можно сделать, проведя исследования особенностей миграционных потоков из этих государств в Россию, в частности проведя социологические опросы мигрантов.

Рассмотрев один из аспектов данной проблемы с общей точки зрения, хотелось бы конкретизировать и определить формы преступной этнополитики государств. Выделяют несколько форм преступной этнической политики: рабство, торговля людьми (женщинами и детьми) с целью их сексуальной эксплуатации, апартеид, геноцид.

Одной из древнейших форм преступной этнополитики признается рабство, имевшее достаточно широкое распространение в Римской республике, Вавилонии, греческих государств. Рабство возникает во времена, когда государство начинает понимать, что достижение высокого уровня производства, возможно при извлечении выгоды из работы пленных. В 1948 году рабство было объявлено незаконным во Всеобщей декларации прав человека. В настоящее время рабство запрещено международным правом. Международным правительствам и СМИ необходимо сконцентрировать усилия на развитие движения аболиционизма в мире, поскольку в таких странах, как Судан, Нигер и Мавритания рабство распространено и поныне.

Такой же древней формой преступной этнополитики считается апартеид. Апартеид [4] признается официальной политикой расовой сегрегации, политика принудительного отделения какой-либо группы населения. Обычно упоминается как одна из форм расовой дискриминации (отделение группы по этническому признаку). Наглядным примером служит политика апартеида, активно проводившаяся в ЮАР. Апартеид проникал не только в законы ЮАР, но и в ее культуру: эта идеология активно внедрялась многими СМИ.

Статистика об уровне проституции, в том числе детской, в отдельных странах показывает, что в последнее время широкие масштабы приобретает торговля людьми (прежде всего женщинами и детьми) с целью их сексуальной эксплуатации. Только активная борьба за права детей и женщин на международном уровне при содействии СМИ может благоприятно сказаться на решении этой проблемы.

Самой опаснейшей формой преступной этнополитики в области этнических отношений в полиэтническом государстве может явиться геноцид. Этнические чистки устраивали еще ассирийцы и вавилоняне, чтобы заполучить плодородные земли [5]. Другим историческим примером геноцида является истребление коренных жителей Америки. Освоение земель Нового Света сопровождалось массовым уничтожением индейцев [6]. Международные организации, имеющие эффективные рычаги воздействия, не должны оставлять без внимания проявления преступной этнополитики государств в области межнациональных отношений, например Украины, по сути, проводящих геноцид по отношению к нетитульным этносам.

Основой политики отдельных стран зачастую становится разжигание межгосударственной, межнациональной розни. После распада СССР и провозглашения своей независимости, многие политические верхи новых государств пошли по пути распространения мнений о ревизионистской, имперской политике России, о якобы хищническом использовании Россией природных и трудовых ресурсов коренного населения этих государств.

Определяющим моментом идеологической политики зарубежных государств, в том числе США, стало создание «образа врага», нагнетание деструктивных процессов, стремление разрушить братские государства на основе межэтнической вражды и ненависти.

Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [3] является рациональным, продуманным и своевременным шагом по укреплению отношений между народами. Этот закон, как следует из его положений, направлен на обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод граждан. Данное положение характеризует РФ с точки зрения государства направленное на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, что и является высшей ценностью в РФ согласно статье 2 Конституции РФ.

В этой связи РФ должна развиваться, как государство с толерантным отношением к другим народам, и СМИ в свою очередь должны не разжигать новые конфликты своими, как мы видим, часто двусмысленными и не объективными данными, а наоборот показывать объективную и достоверную информацию, которая не принесет ущерба многонациональному народу РФ. РФ и СМИ в этой среде должны проводить грамотную и взаимообусловленную политику взаимодействия государственных органов и средств массовой информации. Россия не должна повторить ошибок прошлого, когда в становлении РФ как государства переживало тяжелый период, а именно 1990-х годах и именно тогда, мы были на грани межнациональных конфликтов, так как каждый практически регион пытался отделиться от России и строить собственное государство, на этой почве мы могли наблюдать ненависть одних народов по отношению к другим. Яркими примерами таких регионов были Татарстан, Чечня и другие республики. В нынешнее время государство должно своевременно устранять все разногласия, возникающие в регионах и не допускать возникновения межнациональной розни.

Государства, которые не проводят своевременную и рациональную государственную национальную политику обречены на нестабильное развитие общественных отношений государства с обществом. В современном мире, мы можем наблюдать данную тенденцию, когда государство не уделяет особого внимания национальной политике и это приводит к печальным последствиям. Такими примерам могут являться государства: Украина, Великобритания, Испания, Югославия (ныне Сербия и Черногория), Чехословакия (ныне Чехия и Словакия), Сирия, Ирак.

Одним из факторов дестабилизации и выступление народов в этих странах как раз таки и является не уравновешенная государственная национальная политика, народы проживающие в этих странах относятся друг к другу как к врагам. Наиболее чувствительна для нас сейчас проблема на Украине, где возрастает ненависть по отношению к русскоговорящему населению и к русским в частности. Несмотря на то, что нас связы-

вает прекрасное историческое прошло начиная с зарождения Руси, тем не менее государство не с реагировало во время на проблему межнациональной ненависти. Такого явления как ненависть одних народов по отношению к другим не должно иметь места в современном XXI веке. Накопленные знания и исторический опыт нам должны подсказывать, что мы должны идти путем мирного сосуществования. Ненависть одних народов к другим и возвеличение одного народа над другим – это признаки ярко выраженного фашизма. Такая политика в свое время привела к власти А. Гитлера, одного из самых кровавых диктаторов XX века. Итоги этой войны всем нам известны, по обнародованным в округленном виде данных в этой войне погибло 27 млн. человек только в Советском союзе. Эти данные и горький исторический опыт должен показать нам, насколько важно в наше время уделять внимание такому вопросу как межнациональные отношения в РФ.

Считаем необходимым предложить ряд мер по улучшению взаимодействия СМИ с государством РФ:

1) объективная, достоверная информация должна преподноситься путем рационального анализа ситуации. В СМИ должны работать люди с высшим образованием, специальные аналитики, которые способны путем различных манипуляций преподнести обществу истинные данные о произошедшем;

2) деятельность СМИ должна осуществляться на основе воздержания от резких заявлений в отношении той или иной стороны конфликта, удержания независимости мнения и нейтралитета в диалоге;

3) СМИ как можно больше должны пропагандировать здоровый образ жизни, мероприятия, направленные на оздоровление населения, показывать как можно больше положительного взаимосотрудничества между государствами и различными нациями в мире, это будет способствовать, на наш взгляд, развитию доброжелательных отношений между различными нациями.

Именно многонациональность, мультикультурность и полиэтничность на фоне ярко выраженной этнической идентичности по отношению к конкретному этносу являются глобальными и универсальными характеристиками современного мира [7]. Проведение умелой политики в молодежной среде будет способствовать нейтрализации и профилактике таких негативных проявлений, как фашизм, ксенофобия, русофобия, кавказофобия, а также путем активного участия СМИ в решении вопросов, касающихся национальной, этнической идентичности, с учетом исторической особенности и современных тенденций для противодействия негативным проявлениям в области национальных отношений, которым сейчас подвергается все мировое сообщество.

Подводя общий вывод из всего сказанного, хотелось бы еще раз акцентировать ваше внимание на том, что только при грамотном взаимодействии СМИ и государства возможно в наше время способствовать благоприятным отношениям на национальной почве. Государство и СМИ должны воспитывать в гражданах РФ такие прекрасные качества как: доброта, честность, справедливость и всевозможными методами препятствовать возникновению межнациональных конфликтов в регионах.

Список использованных источников

1. Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 (ред. от 02.07.2013 г., с изм. от 14.10.2014 г.) «О средствах массовой информации» Ведомости СНД и ВС РФ", 13.02.1992, № 7, ст. 300.

2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.11.2014г.)
3. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 19.12.2012 г.
4. Апартеид [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Апартеид (дата обращения:16.11.2014г.)
5. Чичерин Б. Н. История политических и правовых учений. СПб.: Лань, 1999. С. 232.
6. Цеханкская К. В. Индейцы США: трагедия и борьба // Расы и народы. М.: АН СССР, 1997. Вып. 17. С. 63.
7. Арутюнов Л. С., Касьяненко М. А. Криминальная политика государства в области национальных отношений «Безопасность бизнеса», 2007, № 3.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОСТРОЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

THE PROBLEM OF FORMATION OF NATIONWIDE IDENTITY AND CREATION OF EFFECTIVE ETHNIC POLICY IN RUSSIA

А. А. Захарова (ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», Пятигорск, Россия)
Zaharova A.A. (the Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Pyatigorsk State Linguistic University», Pyatigorsk, Russia)

Аннотация. *Раскрывается понятие национальной политики, анализируются моменты, препятствующие эффективному построению этнической политики в России. В качестве успешной реализации основных направлений национальной политики приводится опыт Ставропольского края.*
Abstract. *The article demonstrates the meaning of national policy, some moments impeding the effective construction of ethnic policy in Russia are analyzed. There is an example of Stavropol region effectively providing the main lines of national policy.*

Ключевые слова: *этнос, национальная идентичность, национальная политика, межнациональные отношения, конфликтогенность, этноконфессиональные отношения.*
Keywords: *ethnos, national identity, national policy, inter-ethnic relations, conflictogenity, ethno-confessional relations.*

При всех социальных деформациях и политических аномалиях советское общество, в своих базовых проявлениях имело гораздо больше общего, чем отличительного от членов других государственных сообществ, включая и те, которые представляются европейской научной традицией как «нормальные общества». Это общее находило отражение в повседневном стремлении к личному преуспеванию, в создании и функционировании семейно-родственных союзов, этнических и профессиональных коалиций и

формированию национальной идентичности [1]. Крушение советской идеологии, повлекшее за собой полную трансформацию российского государства, привело к кризису национальной идентичности в России в начале 1990-х годов. Несмотря на то, что формирование национальной идентичности являлось важным элементом российской политической действительности, тем не менее, деятельность российской власти по данному направлению в 1990-х годах не принесла желаемых результатов. Вопрос о формировании национальной идентичности вновь появился на повестке дня в 2012 году в Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. В. Путин отметил, что мы должны «сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией <…> Для возрождения национального сознания нам нужно связать воедино исторические эпохи и вернуться к пониманию той простой истины, что Россия началась не с 1917-го и даже не с 1991 года, что у нас единая, неразрывная тысячелетняя история, опираясь на которую мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития» [2]. Важным и ожидаемым событием стало принятие Стратегии государственной и национальной политики Российской Федерации до 2025 года [3], поскольку Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 устарела и не отвечала потребностям в области регулирования этнической политики. Проведение целенаправленной и продуманной национальной политики должно осуществляться не столько на федеральном уровне, сколько на уровне субъектов страны и крупных муниципальных округов, так как без учета региональных особенностей национальная политика государства не будет эффективной.

Укрепление и сохранение многонационального единства Российской Федерации невозможного без четкого определения понятия «этнос». «Этнос – это совокупность людей, которая сама себя идентифицирует и идентифицируется другими в соответствии с этническим критерием, а именно в терминах общих элементов, таких как язык, религия, национальность или раса. Представителей этноса объединяет чувство идентичности с другими членами группы»[4]. Поскольку национальная политика представляет собой деятельность по регулированию взаимоотношений между этническими группами, важной задачей России, государства, населенного различными народами и этносами является оптимизация межэтнических отношений и поддержание наиболее благоприятных вариантов взаимодействия субъектов межэтнических отношений. Построение эффективной этнической политики в границах субъектов Российской Федерации способствует решению широкого спектра проблем как экономических, так и социальных. Консолидация населения на основе ценностей, разделяемых жителями конкретного региона, позволяет региональным политическим элитам мобилизовать членов сообщества для реализации политического курса, разделения ответственности за положение дел в регионе. Тот факт, что Россия является страной многонациональной с несколькими «слоями идентичности» [5] и разнообразием региональных особенностей, означает возможность политического выражения различных протестов со стороны региональных акторов. Одним из источников подобных протестов может выступать культурная дистанция, включающая в себе различные аспекты религиозной, лингвистической или этнической направленности, между центром и менее привилегированными периферийными районами. Негативное влияние на развитие межэтнических отношений также оказывают:

– размывание традиционных ценностей народов Российской Федерации;

– проявление дискриминации по отношению к гражданам различной национальной принадлежности;

– недостаточная образованность и отсутствие культурно-просветительских мер по формированию российской идентичности;

– недостаточное изучению истории и традиций народов России, а также их вклада в укреплении и защиты государства;

– негативные стереотипы в отношении некоторых народов.

Кроме того, катализатором такого рода протестов может служить экономическое неравенство между регионами, высокий уровень социального и имущественного неравенства.

Очевидным является факт, что изначально этническая политика формируется в системе отношений народов и социальных групп, а впоследствии на нее оказывают влияние глобальные процессы, происходящие в мире. Таким образом, процесс построения этнической политики сложен не только сам по себе, но и зависит от сложившейся на данный момент международной ситуации. Наиболее яркий пример последних лет – консолидация населения России, вне зависимости от этнической принадлежности, и подъем патриотизма на волне событий, происходящих на юго-востоке Украины. Поскольку Россия является федеративным государством с национально-территориальным делением, многие регионы являются носителями определенной национальной культуры, что создает определенное препятствие для построения российской идентичности. Одним из факторов, оказывающих благоприятное влияние на процесс построение идентичности, является миграция населения из одного региона РФ в другой, поскольку под ее влиянием меняется этнокультурная мозаика, происходит «вливание» новых этносов в уже сформировавшуюся этническую структуру.

Одним из интересных примеров является опыт Ставропольского края по реализации основных направлений государственной национальной политики. 18 февраля 2011 года Правительством Ставропольского края было принято Распоряжение об утверждении основных направлений реализации государственной национальной политики в Ставропольском крае на 2011–2015 годы, то есть за год до утверждения Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, что говорит о возросшей ответственности за реализацию национальной политики в регионе. Ставропольский край исторически сложился как полиэтнический регион. Тем не менее, при отмечающемся росте полиэтничности, в крае преобладает русское население. Русская ментальность, культура и язык определяют основные социокультурные характеристики Ставропольского края. На состояние межнациональных отношений в Ставропольском крае существенное влияние оказывают миграционные процессы. «По данным Управления Федеральной миграционной службы по Ставропольскому краю в среднем ежегодно в течение последних трех лет в Ставропольский край из республик Северного Кавказа прибывает на постоянное место жительства около 6 тыс. человек» [6], вследствие чего в крае ведется постоянный диалог между Централизованной православной религиозной организацией Ставропольской и Владикавказской Епархией Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) и Централизованной религиозной организацией «Духовное Управление мусульман Ставропольского края». В целом этноконфессиональные отношения в Ставропольском крае можно назвать сбалансированными, несмотря на имеющееся напряжение между коренным населением и мигрантами из республик Северного Кавказа из-за слабой интеграции последних в социокультурную среду края.

Безусловно, основные направления реализации государственной национальной политики в Ставропольском крае базируются на основных положениях Стратегии, но с учетом этнокультурных особенностей региона, межнациональных и этноконфессиональных отношений, основанных на эффективном взаимодействии органов местного самоуправления Ставропольского края с различными общественными организациями. Например, Армянская национально-культурная автономия, Греческая городская национально-культурная общественная организация, Региональная ногайская национально-культурная автономия Ставропольского края, Общественная организация адыгов города Пятигорска (адыгейцев, абазин, кабардинцев, черкесов, шапсугов) «Пятигорские черкесы», Ставропольская краевая общественная организация «Центр культуры курдов «Лалеш» и др.

Важными ориентирами реализации национальной политики в крае являются:

1. Совершенствование системы взаимодействия территориальных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и средств массовой информации по профилактике экстремизма;

2. Разработка и реализация краевых и муниципальных целевых программ, направленных на достижение целей и задач государственной национальной политики в Ставропольском крае;

3. Развитие в Ставропольском крае благоприятной информационной среды для укрепления национальной общероссийской идентичности и патриотизма.

На основании вышеизложенного мы бы хотели отметить, что инициативы органов местного самоуправления, связанные с реализацией национальной политики, должны соответственно поддерживаться и финансироваться на уровне федеральном, поскольку именно власть на местах принимает на себя основной груз работы по решению проблем межнациональных отношений.

В условиях усиления полиэтничности невозможно выработать простую и единственную модель построения национальных отношений, каждый регион должен внести свой вклад в разработку механизмов управления этим непростым процессом.

Список использованных источников:

1. Тишков В. А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. – 2-е изд., перераб. и доп. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – С. 7–8.

2. Послание Президента Федеральному Собранию. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http ://www.kremlin.ru/news/17118

3. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm

4. Ставенхаген Р. Этнические конфликты и их воздействие на международное сообщество // Международный журнал социальных наук. – 1999. – № 24. – С. 155.

5. Стайн Роккан, Дерек В. Урвин Политика территориальной идентичности. исследования по европейскому регионализму // Логос. 2003. - № 6(40). С.120.

6. Лаврухин Р. На Ставрополье всего 2 процента преступников – не русские // Комсомольская правда. 2011. – № 10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://stav.kp.ru/daily/25810.5/2789672.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА ДЛЯ РОССИИ

THE CONSEQUENCES OF THE ANNEXATION OF CRIMEA TO RUSSIA

Н. Г. Ираева (УГУЭС, г. Уфа, Россия)
Э. Р. Калимуллина (УГУЭС, г. Уфа, Россия)
N. G. Iraeva (Ufa state university of economics and service, Ufa, Russia)
E. R. Kalimullina (Ufa state university of economics and service, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена актуальному вопросу, затрагивающему всех жителей России, а именно последствиям присоединения Крыма в состав Российской Федерации. В статье рассматриваются плюсы и минусы данного присоединения как в социальной, так и в экономической сферах.*

Abstract. *The Article is devoted to the topical issue affecting all inhabitants of Russia, namely the consequences of the annexation of Crimea to the Russian Federation. This article discusses the pros and cons of this accession in the social and economic spheres.*

Ключевые слова: *Крым, присоединение, бюджет, нация, Правительство, последствия, плюсы, минусы, международные отношения, демография.*

Keywords: *Crimea, accession, the budget, the nation, the government, the consequences, pros, cons, international relations, demography.*

Как известно, 18 марта 2014 года президент Российской Федерации подписал договор о принятии Республики Крым в состав России. Казалось бы, присоединение Крыма – это первый шаг к воссоединению бывших постсоветских республик и созданию могущественной державы. Но с другой стороны, это событие обострило отношения между Россией и Украиной, а также отношения с мировыми лидерами, такими как США и страны ЕС, что возможно приведет к неблагоприятным экономическим последствиям для России.

В результате референдума, прошедшего на территории Крыма, за вступление данной республики в состав России проголосовало 96,77 %, но данное голосование противоречит конституции Украины, т. к. Украина – это унитарное государство и любые референдумы должны проходить не в рамках отдельной республики или области, а целиком по стране. А т. к. результаты референдума признаны только Россией, то и Крым и Россия могут оказаться в международной изоляции, что приведет к катастрофическим последствиям.

Сейчас президент, Правительство Российской Федерации и граждане России находятся в небольшой эйфории от своей победы. Но на самом деле будущее не так радужно, как хотелось бы. Во-первых, это отразится в том, что придется обеспечивать еще один регион. А это, безусловно, отразится на бюджете страны, т. е. придется пересматривать весь бюджет и сокращать некоторые статьи расходов, которые ранее были запланированы.

Затраты на повышение зарплат и пенсий в Крыму, развитие инфраструктуры безусловно скажутся на экономике России. По данным статистики, средний доход жителя России составляет 39 тысяч рублей, минимальный средний доход в дотационных регионах – от 20 до 30 тысяч рублей. В то же время, в Крыму зарабатывают в среднем 11 тысяч рублей, а пенсия составляет 5 тысяч рублей. Ясно, что эти показатели неизбежно будут «подтягиваться» до среднероссийских показа-

телей. И исходя из того, что в бюджетной сфере Крыма трудится примерно 2 миллиона человек, а 600 тысяч человек – пенсионеры, не трудно будет рассчитать насколько пострадает бюджет России.

Еще одна экономическая проблема – это инфраструктура, а именно, нужно будет перестраивать аэропорт в Симферополе, строить мост через Керченский пролив, прокладывать дороги, чтобы попасть на полуостров. Это очень большие и серьезные затраты, которые оцениваются в несколько триллионов рублей.

Во-вторых, обострятся отношения с братской Украиной. России нужно было думать, не как отобрать Крым, а как наладить дружественные отношения с Украиной в целом. И нужно принять тот факт, что Украина – банкрот и все те, кто находится у власти, тоже в скором времени станут политическими банкротами. Европа не будет вкладывать большие деньги в экономику Украины. Значит, власти Украины все равно будут нуждаться в поддержке России. Однако сейчас Украина настроена серьезно. Она не признает ни независимость Крыма, ни присоединение Крыма к России. А действующая на Украине партия «Удар» призывает украинские власти разорвать дипломатические отношения с Россией, исходя из враждебных действий политического руководства Российской Федерации. Несмотря на это, Правительство России считает, что украинский народ остается для россиян братским, и подчеркивает, что отношения с Украиной остаются важнейшими и ключевыми для России.

В-третьих, Россия столкнулась с негативной реакцией со стороны США и стран ЕС. Международное сообщество осуждает действия Москвы, связанные с Крымом. В частности, США и ЕС готовят санкции против Российской Федерации. Самой жесткой санкцией в отношении России со стороны США может стать открытие американских стратегических запасов нефти, а это, в свою очередь, повлечет за собой падение цен на нефть. США без каких-либо прямых затрат может понизить цены на нефть и нанести значительный урон России. Европа же со своей стороны хочет сократить энергозависимость за счет сокращения спроса на энергию, увеличения энергоэффективности, диверсификации путей поставок, расширения источников получения энергии.

Но пока ответная реакция США заключается в том, что президент Соединенных Штатов распорядился заморозить активы граждан России, которые имеют отношение к дестабилизации ситуации в Крыму. А в Штатах очень многие российские чиновники, депутаты, сенаторы держат деньги на банковских счетах, поэтому ситуация на Украине может серьезно ударить по финансовому положению российской элиты. ЕС вслед за США расширил санкции в отношении российских политиков из-за воссоединения Крыма с Российской Федерацией, но на санкции против экономики России в целом или ее отдельных отраслей Евросоюз пока не решается.

В-четвертых, возможен подрыв международного авторитета России в глазах мирового сообщества. Большинство стран обеспокоено, в частности, правительство Литвы призывает ЕС к немедленной реакции на действия России, т.к. после Украины может настать черед Молдовы и других стран. Премьер-министр Болгарии признал правительство Украины легитимным и надеется, что во внутренние дела Украины больше не будет вмешиваться ни Россия, ни какая-либо другая страна. Турция, Япония, Эстония, КНР, Германия, Казахстан, Великобритания, Дания, Чехия, Испания и ряд других стран выступают за сохранение территориальной целостности Украины и осуждают действия России.

В-шестых, в результате присоединения Крыма снизился кредитный рейтинг России. В свете последних событий рейтинговое агентство Standard&Poor's (S&P) понизило долгосрочный кредитный рейтинг России со «стабильного» на «негативный» – до уровня BBB (платежеспособность считается удовлетворительной). Это объясняется тем, что произошло ухудшение на фоне растущих геополитических и экономических рисков. Санкции Евросоюза и США могут привести к существенным экономическим и финансовым последствиям для кредитоспособности России [1].

Центральный банк России прекратил политику, направленную на увеличение гибкости валютного курса и сосредоточился на стабилизации финансовых рынков, т. к. обесценение рубля на 10% с начала года и существенный отток капитала дают инфляционный эффект. По оценкам S&P, отток капитала из России в первом квартале 2014 года составил около 60 млрд. долларов, а это примерно равно оттоку капитала за весь 2013 год. Замедлится также и экономический рост Российской Федерации. Прогнозы данного рейтингового агентства неутешительны: рост ВВП в текущем году составит 1,2% при 1,3% в прошлом году. И этот показатель может еще опуститься ниже 1%.

В общем, последствия присоединения Крыма к Российской Федерации будут плачевными. На сегодняшний день, к происходящему приковано внимание мировой общественности. США и ЕС ввели санкции для России, НАТО отказалось от сотрудничества. На фоне этих событий снизится доверие к России в плане международных договоренностей, т. к. в Будапеште Россия, США и Великобритания обязались уважать независимость, суверенитет и существующие границы. Таким образом, вторжение России в Крым – нарушение будапештских обязательств.

Особое внимание следует уделить состоянию экономики России. Украинские события вызвали падение на Российском фондовом рынке. Индексы РТС и ММВБ снизились до минимальных показателей. Рубль стремительно дешевеет, а евро перешагнул рубеж 59 рублей, его курс равен 59,3152 руб. Доллар тоже подорожал более чем на 10 рулей (курс 47,2895 руб.). Неопределенная ситуация на Украине, возможно, продолжит оставаться сдерживающим фактором для российского рынка. Но рубль имеет все шансы отыграть часть потерь [3]. И это благодаря действиям Центрального банка Российской Федерации на валютном рынке, которые могут принять более решительный характер на фоне инфляционных ожиданий. Кроме того, украинский вопрос может быть решен в ближайшее время и это снимет неопределенность и опасения с рынков. Под большим давлением остается банковский сектор – ослабление рубля, санкции против Банка России, проблемы с украинским рынком, все это добавит негатива российским банкам [2].

Но правящие круги России пока особых неприятностей не видят, т. к. все санкции бутафорские, направленные либо на чиновников, у которых и так никаких активов за рубежом нет (по закону уже год запрещено их иметь), либо они направлены на близкий круг президента Российской Федерации. Но т. к. правительство знало, куда шло, просчитало все варианты и подстраховалось.

Список использованных источников

1. Город новостей – информационное агентство / [10.11.2014]. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.city-n.ru/view/337765.html (дата обращения: 10.11.2014).

2. Статья Кричевского Никиты – доктора экономических наук, главного научного сотрудника Института экономики РАН. Газета «Московский Комсомолец», № 26483, 22 марта 2014 г., – стр. 3.
3. Статья «Финансовый прогноз на 2014 год», газета «Прайм», № 28 (26116), – стр. 6.

ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

PHILOSOPHICAL REFLECTIONS ON THE RUSSIAN NATIONAL IDEA

А. А. Исаев (УЮИ МВД России, г. Уфа, Россия)
A. A. Isaev (*Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Ufa, Russia*)

Аннотация. *Рассматривается понятие «национальная идея», через призму содержания которого анализируется судьба русской национальной идеи в наше время. Национальная идея русского (российского) народа укоренена в его традициях, выступающих как единый комплекс стержневых идей и ценностей. В выявлении этих традиций и, как следствие, в определении пути формирования современной русской национальной идеи несомненно большую роль должна сыграть философия.*

Abstract. *The fate of the Russian national idea in our time is analyzed through the prism of the content of the concept of the «national idea». The national idea of the Russian people roots itself in its traditions, acting as a single complex of core ideas and values. Undoubtedly, philosophy should play a great role in identifying these traditions and, as a consequence, in determining the path of the formation of the modern Russian national idea.*

Ключевые слова: *национальная идея; национализм; русский народ; традиции; коллективизм*

Keywords: *national idea; nationalism; Russian people; traditions; collectivism*

Прежде чем говорить о судьбе русской национальной идеи в наше непростое время, обратимся к самому понятию «национальная идея». В этой связи возьмем за основу определение, данное В. А. Алексеевой в «Современном философском словаре»: «Национальная идея – систематизированное обобщение национального самосознания в его надвременном бытии, представленное чаще всего в форме социально-философских или общественно-политических текстов, художественных произведений». [1, с. 555] Остановимся подробнее на некоторых моментах данного определения. Во-первых, национальная идея – это *система* самосознания какого-либо этноса, которая «…может иметь, – далее пишет автор статьи словаря, – как рационализированный, так и образно-типизационный способ своего выражения». [1, с. 555]. Во-вторых, самосознание этноса не является конкретно-историческим (оно надвременное), ибо оно отражает смысложизненные вопросы бытия данного народа. Однако национальная идея не является оторванной от «земной» жизни народа, здесь-бытия нации, она «…рано или поздно всегда переходит к социально-ситуативному, даже к конкретно-политическому аспекту своего существования». [1, с. 555]. В-третьих, национальная идея чаще представлена в текстовой, литературной форме. В этой связи нас интересуют, прежде всего, философские тексты и размышления.

Обратимся к двум мыслителям XX века: Н. А. Бердяеву и К. Ясперсу, рассуждающим о роли одержимых какими-либо идеями масс в современном мире. Причем первый из них высказал свои мысли в начале 30-х годов прошлого века, второй – в конце 40-х, т. е. их разделила вторая мировая война. Но в словах мыслителей прослеживается одна и та же тревога. «Масса вообще очень легко поддается внушению, – пишет Н. А. Бердяев, – и приходит в состояние коллективной одержимости. Массы бывают одержимыми лишь идеями, которые допускают простую и элементарную символику. Стиль, характерный для нашего времени. Искание вождя, который поведет за собой массы и даст избавление, разрешит все вопросы, означает, что все классические авторитеты власти, авторитеты монархий и демократий пали и необходима замена их новыми авторитетами, порожденными коллективной одержимостью масс. Вождь должен дать хлеба и зрелищ». [2, с. 322] Причем, по мнению русского философа, вождь дает больше зрелищ, чем хлеба. Он приводит в пример Гитлера, питающего массы зрелищами и ненавистью, которая, как пишет Бердяев, «…может на некоторое время заменить хлеб». [2, с. 322] О роли масс рассуждает и К. Ясперс: «Массы становятся решающим фактором. …Массам нужны представления и лозунги. Им должно быть сказано, чего они хотят. Но для восприятия того, что им говорят, почва должна быть подготовлена. Государственный деятель, художник, поэт должен обращаться к силам массы, если он хочет оказывать какое-либо влияние. Какими они окажутся, предвидеть невозможно». [3, с. 142]. Далее немецкий мыслитель пишет, что хотя масса – понятие многозначное, все же следует массу отличать от народа. Приведем здесь понимание народа Ясперсом, так как оно важно в контексте наших размышлений о национальной идее: «Народ структурирован, осознает себя в своих жизненных устоях, в своем мышлении и традициях. Народ – это нечто субстанциальное и квалитативное, в его сообществе есть некая атмосфера, человек из народа обладает личными чертами характера также благодаря силе народа, которая служит ему основой». [3, с. 142]. Масса напротив лишена всего этого, а потому часто является объектом пропаганды и внушения. Она обладает низким уровнем сознания и не осознает ответственности. В русле размышлений немецкого экзистенциалиста мы понимаем, насколько важна для отдельного человека, личности сила его народа, которая в том числе определяется и поддерживается четкой и устоявшейся национальной идеей. С другой стороны, национальная идея не должна превращать народ в массу, что является первым шагом к процветанию национализма в данной среде. Масса не обладает способностью трезво оценивать предлагаемые идеи, а потому легко поддается внушению и националистической пропаганде. Поэтому национализму всегда выгодно, чтобы нация не выступала определившимся народом с твердой национальной идеей, а была пустой, бесформенной массой. В работе «Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи» (опубликована в 1934 г.) Н. А. Бердяев пишет по этому поводу: «С необычайной силой вспыхнули в нашем мире древние расовые и национальные инстинкты. Национальные страсти терзают мир и грозят гибелью европейской культуре. …Если в прошлом утверждение и развитие национальных индивидуальностей было гуманизацией, то современный национализм есть дегуманизация и бестиализация человеческих обществ. Это есть возврат от категорий культурно-исторических к категориям зоологическим». [2, с. 345]. Подтверждая вышесказанные слова о том, что национализму нужна эмоциональная толпа, а не трезвомыслящая нация, русский философ утверждает: «Национализм есть прежде всего явление эмоциональное, и никакие интеллектуальные аргументы в споре с национализмом не имеют силы». [3, с. 347].

В вышеупомянутой статье «Современного философского словаря» В. А. Алексеева пишет: «Национальная идея неизбежно имеет религиозный аспект, поскольку вероисповедание всегда выступает одним из мощных этноконсолидирующих факторов». [1, с.555]. Все смысложизненные вопросы осмысливаются как промысел Божий в отношении данного народа. Поэтому национальная идея часто трансформируется в идею богоизбранности этого народа и его особой роли в истории человечества. Но эта роль не заключается в возвышении и возведении в ранг элитарной данной нации. Это прежде всего мессианская роль, заключающаяся в спасении всего человечества, а не какой-то его *особой* части. Обратное мы наблюдаем в националистических идеологиях. По этому поводу Н. А. Бердяев писал: «Национализм идолопоклоннически превращает национальность в верховную и абсолютную ценность, которой подчиняется вся жизнь. Народ заменяет Бога. …Религия, церковь для национализма есть исключительно национально-историческая категория». [2, с. 347].

Для того чтобы перейти к рассмотрению и лучшему пониманию русской национальной идеи остановимся на некоторых особенностях русского народа. Сразу же сделаем оговорку, что под русским народом мы понимаем общероссийскую общность людей, а не только русских по национальности. Народный поэт Башкортостана Мустай Карим в одном из своих стихотворений с гордостью заявил: «Не русский я, но – россиянин!», тем самым однозначно причислив себя к единому русскому народу. Конечно каждый этнос, входящий в единую общность российских народов, обладает своим национальным менталитетом и характером, но когда речь заходит о национальной идее, эти особенности уходят на второй план, ведь государство и Отечество у этих народов одно. Об этом же пишет И. Б. Чубайс в своем письме в редакцию журнала «Вопросы философии»: «Многие считают, что *национальная идея* – это идея русских (а остальным становится обидно!), хотя подчеркнутый термин используется в данном словосочетании в том же смысле, что и в понятиях «*национальная* безопасность», «*национальный* проект» или «*национальная* сборная». Речь идет, конечно, об *общенациональной, общероссийской идее*». [4, с. 159]. Национальная идея призвана защитить Родину и очистить ее от всяческих проявлений национализма. Поэтому так важно ее понимание и осознание данным народом.

В своем философском расследовании «Русская традиция» А. П. Андреев и А. И. Селиванов достаточно обоснованно раскрыли особенности русского народа, его менталитет и проиллюстрировали это цитатами из произведений русских писателей, философов и западных мыслителей, занимающихся проблемами России. [См. 5, с. 94–124]. «…Русский народ – народ сердца и совести», - пишут авторы данной работы. Эта особенность позволяет обнаружить «…его крайне противоречивый, даже полярный национальный менталитет». [5, с. 96]. А противоречивость, в свою очередь, есть следствие расположения России между Востоком и Западом. Основное противоречие русского национального характера И. Ильин видел в колебании между слабохарактерностью и высшим героизмом. Данная противоречивость нашла отражение в духовных исканиях самих русских мыслителей. Описывая жизненный и духовный путь К. Н. Леонтьева в книге «Русские мыслители», Д. В. Матяш, Т. П. Матяш утверждают, что в конце своей жизни мыслитель пришел к трагическому для него выводу об ослаблении роли православия, монархии и соборности в русском народе, влекущем за собой усиление тлетворного влияния Запада. Далее они пишут: «В жизни мыслителя наступил самый трудный период: не переставая любить Россию «как мать», он одновременно начал презирать ее «как пьяную, бесхарактерную до низости дуру»». [6, с. 229]. Хо-

тя в молодые годы он придерживался других взглядов о судьбе и предназначении России: «На будущее своей страны Леонтьев в 60-е годы смотрел с восторженным оптимизмом. Историческое призвание родного Отечества он видел в противопоставлении буржуазной прозе и бесцветности новейшего Запада поэзии преображенной жизни России, которая должна наполниться разнообразием и богатством». [7, с. 134]. О жизненной противоречивости русского мыслителя пишет и П. П. Гайденко в работе «Владимир Соловьев и философия Серебряного века»: «Глубокая раздвоенность Леонтьева – самая поразительная особенность его сознания после 1871 г. С одной стороны, суровое аскетическое православие, в котором одном Леонтьев искал спасения души и исцеления от страданий; с другой – страстное увлечение эстетической стороной жизни, от которого ничто не могло освободить его почти до самой смерти» [8, с. 168].

Но именно в русском народе мы находим потенциальные возможности вернуть человечеству то, чего лишил его Запад. Причем в этом уверены и сами западные мыслители. В этой связи авторы работы «Русская традиция» обращаются к немецкому исследователю В. Шубарту, которого они характеризуют как «знатока» России. Он считает, что именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе, поэтому она способна выполнить задачу возвращения людям души, потерянной Западом. С христианских позиций подобную мысль о предназначении России высказывал Владимир Соловьев: «Русский народ – народ христианский, и, следовательно, чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себе вопроса, что сделает себе Россия чрез себя и для себя, но что она *должна сделать* во имя христианского начала, признаваемого ею и во благо всего христианского мира, частью которого она предполагается. Она должна, чтобы действительно выполнить свою миссию, всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви Христовой» [9, с. 632].

Переходя к размышлениям о судьбе русской национальной идеи сегодня, приведем слова авторов «Русской традиции», которыми они заканчивают рассуждения об особенностях менталитета русского человека: «Всякий народный дух утверждает свою независимость, то есть самобытность. Но мог ли русский человек… всегда знать себя? И на этой основе обрести императивы своей национальной жизни? Это всегда было метафизической и экзистенциальной проблемой и нередко (особенно сейчас) трагедией национальной истории. Только на основе самопознания русский человек найдет сейчас пути спасения своего, народа и страны». [5, с. 110] Несомненно, что этот путь должен быть отражен в национальной идее, имеющей метафизические основания, а потому она не может быть выдумана. Вот, что об этом пишет в вышеупомянутом письме И. Б. Чубайс: «…Национальная идея существует почти так же объективно, как законы физики. И если Ньютон **не выдумал**, а **выявил** закон всемирного тяготения, то и *российскую национальную идею надо выявить объективными научными методами*». [4, с. 159]. Думается, что методология такого выявления должна быть выработана философией. Ведь именно «философа интересует дух народа «по ту сторону» случайности обыденной жизни, то есть общественного строя». [5, с.187]. Носителем этого духа выступает народ как «метафизическая субстанция», которую способна проанализировать лишь философия. Не случайно для своей работы «Русская традиция» ее авторы выбрали жанр философского расследования. И. Б. Чубайс, прослеживая генезис кризиса русской национальной идеи, называет имена Ф. М. Достоевского, В. Соловьева, Н. Бердяева,

подтверждая тем самым, что философы всегда были на передовой в борьбе с этим кризисом. [4, с. 160–161]. Здесь уместно привести слова самого Н. Бердяева: «Философия может быть национальной по характеру проблем, по стилю, но ее совсем не будет, если философы не будут прежде всего искать истину». [2, с. 353]. Перефразируя русского мыслителя, можно сказать, что именно философы способны найти и выявить *истинную* национальную идею.

Обратимся к двум цитатам. Первая: «…обозначим наше понимание феномена «русской идеи», которая, на наш взгляд, есть комплексное понятие для обозначения характера русской традиции и ее состояний» [5, с. 188]. И вторая: «*Национальная (русская, российская) идея* – это существующие объективно, сохраняемые многими поколениями и характерные для данного народа **глубинные правила и традиции**, которые отличают его от других народов и порождают иные его особенности и характеристики». [4, с. 163] Даже беглое сравнение показывает, что авторы этих слов сходны в одном – национальная идея русского (российского) народа укоренена в его традициях.

Какие это традиции? Ответив на этот вопрос, мы соответственно определим путь[1] к сегодняшней национальной идее российского народа. Но этот ответ найти не так просто, да и будет он неоднозначным. И. Б. Чубайс в поисках традиций предлагает вернуться в «царскую» Россию, категорически не соглашаясь с теми, кто называет ее лапотной, безграмотной, невежественной (вспомним, что эти клише были придуманы советской идеологией). Автор письма в редакцию журнала «Вопросы философии» приводит факты, свидетельствующие о том, что перед революцией 1917 года Россия имела самые высокие темпы хозяйственного развития, которые предрекали ей перспективу выйти в 20–30-е годы по основным показателям на первое место в мире. Однако эпохальный исторический подъем был прекращен революцией большевиков. «Отход от Бога и начавшиеся реформы завершились катастрофой революционного разрыва, сменой идеи и последующим распадом советского государства. Тем важнее сегодня понять, где же наши корни и истоки, какие правила и ценности следует пытаться возродить, какую символику, топонимику, традиции продолжить» [4, с. 164].

Авторы вышеупомянутого философского исследования русской традиции определяют ее целым комплексом стержневых ценностей. Мы позволим себе привести здесь полностью цитату, в которой перечисляются эти ценности, ибо ее сокращение приведет лишь к частичному рассмотрению данного комплекса. «Базовые метафизические принципы организации духа (и души) русского народа, русской идеи известны и нет оснований для их пересмотра: *коллективизм,* братство, в сфере духа – соборность, духовная община; *социальная справедливость,* основанная на совести, добре и правде (совестливая справедливость), *правдоискательство;* этика служения Целому, долгу, *этика любви и коллективного спасения,* благородства и великодушия, жертвенности; *державность* и патриотизм; *возвышенная духовность,* доходящая до свободы от материального своекорыстия, скромность материальных притязаний («душа всего дороже»); *свобода духа* (в смысле «воли вольной», а не внешней социальной свободы), доходящая до анархичности; *сила духа,* способность к гигантской концентрации физических и духовных усилий; пытливо-творческий интеллект; *дионисичность,* мессианство и безудержная творческая активность духа (в его противоречивости); *терпе-*

[1] Путь, потому что сама современная национальная идея еще не определена, не сформулирована и тем более не укоренена в общественном сознании.

ливость, значительный консерватизм (наследие восточной традиции)». [5, с.189–190]. Эти принципы существуют как единая органическая система, явленность которой в историческом пути русского народа представляет то, что называют русской традицией. «Русская идея» выступает как квинтэссенция этой традиции.

Одной из главных ценностей этого комплекса выступает коллективизм. Он создает условия для существования и осуществления других ценностей системы, сохраняя целостность бытия и человеческого духа. На первый план выходит любовь к другому, которая преобразовывается в русском понимании в «любовь к дальнему» (как в пространственном, так и временном смыслах) [5, с. 192]. Во время трагедии в г. Беслане автор этих строк написал следующие стихи:

Боль потери *где-то рядом,*
Хоть потеря *далеко*.
Я встречаю влажным взглядом
Теледиктора лицо.
Сообщает об утратах,
Траур, скорби нет конца.
Слезы не стесняясь градом
Льются с моего лица.
Не сдержу я слезы эти
И нарушу тишину.
Там погибли *наши* дети,
И неясно почему?

Без осознания и принятия коллективизма как одной из главных ценностей русской традиции, а значит и русской национальной идеи, такие мысли (и чувства) просто не могли быть явлены и изложены в стихотворной форме. Именно сопереживание боли ближнего и дальнего могло вызвать подобное творчество.

Для русского философа Владимира Соловьева коллективистская общность – это единое человечество (категория «всеединство» – одна из центральных в его философии). В своей статье «Русская идея» он пишет: «Раз мы признаем существенное и реальное единство человеческого рода – а признать его приходится, ибо это есть религиозная истина, оправданная рациональной философией и подтвержденная точной наукой, – раз мы признаем это субстанциональное единство, мы должны рассматривать человечество в его целом, как великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации. С этой точки зрения очевидно, что ни один народ не может жить в себе, чрез себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества. Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, – вот ее истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога» [9, с. 623].

Список использованных источников

1. Алексеева В. А. Национальная идея. // Современный философский словарь. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск / «ПАНПРИНТ», 1998.
2. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи. // Бердяев Н. А Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.

3. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
4. Чубайс И. Б. Как закончить спор о русской идее, или Какая Россия нам нужна? // Вопросы философии. 2007. № 10.
5. Андреев А. П., Селиванов А. И. Русская традиция. М.: Алгоритм, 2004.
6. Матяш Д. В., Матяш Т. П. Сторонник особого пути России К. Н. Леонтьев // Русские мыслители. Ростов н/Д: «Феникс», 2003.
7. Хатунцев С. В. Общественно-политические взгляды и идейная эволюция К. Н. Леонтьева в 60-е–начале70-х г.г. XIX века. // Вопросы философии. 2005. № 10.
8. Гайденко П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
9. Соловьев В. С. Русская идея. // Соловьев В. С. Спор о справедливости: Сочинения. М., Харьков: Изд-во «Фолио», 1999.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ КАК ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

COMMUNICATIVE ASPECT AS EMPIRICAL BASIS OF TOLERANCE

О. Б. Истомина (ПИ ИГУ, г. Иркутск, Россия)
O. B. Istomina (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена коммуникативному аспекту проявления толерантности. Коммуникативная толерантность является эмпирическим основанием остальных видов корректных межэтнических взаимодействий. Дискурс выражает характер этноидентификации населения и модели контактов.*

Abstract. *The article is devoted to communicative aspect of manifestation of tolerance. Communicative tolerance is the empirical basis of other types of correct interethnic interactions. The discourse expresses nature of ethnoidentification of the population and model of contacts.*

Ключевые слова: *дискурс, межэтническое взаимодействие, толерантность, этноидентификация, этноконнотация.*

Keywords: *discourse, interethnic contact, tolerance, ethnoidentification, ethnoconnotation.*

В условиях социально-экономической нестабильности значение национальной политики в жизни многонационального государства актуализируется. Вектор национальной политики определяет характер всех социальных отношений, порождает или запрещает условия для реализации межкультурных контактов, для обмена социально-экономическими и культурными благами между этногруппами государства. Принцип единства в многообразии, принятый за основу в российской этнополитике, позволяет минимизировать уровень конфликтности во взаимодействии этногрупп, формирует уважительное отношение к любой иной форме мышления, культурного и социального проявления и, конечно, определяет добрососедский характер хозяйственно-бытовых, социокультурных и лингвокультурных контактов. Единственно адекватной в совре-

менных общемировых тенденциях является модель этнонациональной идеологии, которая бы не ущемляла права ее акторов.

В условиях расширения экономических, политических, научных, информационных, межкультурных контактов этничность выполняет роль механизма отождествлений, выстроенного на базе усвоенных норм, правил социального поведения, традиций, ценностей, а также иных свойств группы, проявляющихся во взаимодействии. Этничность берет на себя свойства субъектов структуры социального контроля: социальной перцепции, самоперцепции, категоризации и самокатегоризации, индивидуальной шкалы оценок, свойственных этногруппе и социальному, а также этнокультурному окружению. Этническая идентификация как часть социализации является средством, связующим поколения, обеспечивающим возможность соотношения индивида с группой, ее прошлым и настоящим.

В эпоху действия симуляций, которые понимаются сегодня как «определенные реальности, которые размывают значения современных и исторических событий, лишают людей памяти» [2; 569], правила бесконфликтных этновзаимодействий на основе принципов толерантности и философии диалога являются условиями грамотной, мирной национальной внутренней и внешней политики.

В современных условиях процессы этноидентификации, характер оценок собственной и иных этногрупп подвержены влиянию широких общественных процессов. Среди них усиление миграционных процессов, изменение национальных структур регионов, влияние СМИ, давление тенденций универсализации и пр. События, происходящие на мировой арене, симуляции стратегического партнерства, диффузность структуры социальных систем увеличили роль информационных средств в формировании иллюзии реальности, гиперреальности, вооруженной патафизическими, воображаемыми решениями, далекими от объективной действительности. Трансформация общества не всегда способствует развитию позитивных этнических оценок, изменения могут являться причиной гипертрофированных состояний этноидентификации как в сторону преувеличения, так и преуменьшения ее социальной значимости.

Формирование этнокультурной идентичности связано со способностью успешно ориентироваться в достаточно широком культурном контексте. При взаимодействии культур, контрастных по каким-либо признакам, наличие фактора неоднородности в социокультурных условиях определяет диспозиционные отношения, которые, в свою очередь, имеют различные варианты реализации. В социально стабильных условиях эти отношения способствуют самоопределению индивидуальной и этногрупповой культуры, благоприятствуют онтологической оценке. И, напротив, в условиях экономической напряженности, социальных потрясений в ситуации этнической неоднородности, диспозиционные отношения способны изменить оценку контактирующей культуры: перейти от характерной для стабильности функции социокультурного зеркала к потенциально опасному образу оппозиционной силы. В ситуации военного конфликта проявление каких-либо иных социокультурных свойств часто становится причиной деструктивного поведения, вызванного деформацией сознания, несвойственного для актора в случае психологического спокойствия.

Увеличение дистанции в отношениях «свой – чужой» между контактирующими субъектами в пределах одного сообщества отражается в утрате признаков толерантной культуры, необходимой для всего мирового пространства. Состояние аномии, «размытости» норм определяет важность толерантности, ее внедрения и распространения для обеспечения межличностного и социального взаимодействия.

Фактором успешной социализации в многонациональной социально-территориальной общности является признание принципов толерантности во всех ее проявлениях: социальном, политическом, религиозном, этническом, экономическом, социокультурном, правовом, бытовом и др. Категория «толерантность» имеет общенаучный характер. В политической науке толерантность оценивается как официально допускаемый плюрализм мнений, позиций, убеждений и т. п. Для философии толерантность есть свойство мировоззрения, которое определяет тип отношений в гетерогенной среде. С позиций лингвокультурологии толерантность можно характеризовать как отношение (в этом значении уместен перевод «терпимость»), а также как деятельность в значении «неприятие насилия». Принципы толерантности обеспечивают аксиологические установки позитивного взаимодействия с другими формами любых культурных образований, расширяют круг личностных ценностных ориентаций. В основе идеи толерантности заложена синкретичность мышления, гуманитарные возможности сотрудничества.

Наличие обязательного коррелята в семантическом поле дефиниции формирует понятие «интолерантность» как враждебность, конфликтность или нетерпимость. В коммуникативном поведении в ситуации радикальных, оппозиционных настроений характерной чертой является агрессивность, непримиримость. Как отмечает Л. П. Крысин, «…необыкновенно активизировался жанр речевой инвективы, использующий многообразные образные средства негативной оценки поведения и личности адресата… Все эти особенности современной речи… тесно связаны с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности» [3; 385–386]. В такой среде потребность в толерантоориентированных устремлениях возрастает. Их принципы определяют отказ от признания своего мнения единственно верным, а значит, способствуют пониманию и принятию идеи полиметафоричности культур, их разнообразия.

Характер дискурса определяется рядом политических, идеологических, социально-экономических, демографических, этнокультурных факторов. Деструктивные социальные изменения порождают сложности в процессах коммуникации и понимания интересов лиц иных социальных характеристик, способствуют расширению негативной коннотации, особенно в отношении этноминативной лексики. Незрелость гражданского самосознания в условиях социально-экономической нестабильности создает риски агрессии в межэтнических отношениях, что является угрозой самого существования многонационального государства. Приобретают характер нормы проявления расистского дискурса: уже стали привычными сочетания «лицо кавказской национальности», «гастарбайтеры», вошло в обиход выражение «лицо славянской внешности» и т. д. В новостных сообщениях в речи персонажей видеосообщений стали частыми выражения: «цветное население», «колорады», «кацапы», «москали», «хохлы», «укропы» и подобная пейоративная лексика. Язык как маркер социокультурного уровня развития общества емко отражает проблемы этнонациональных отношений внутри и вне государства, а также трудности социально-экономической жизни, неспособность политических структур обеспечить общенациональное равновесие. Язык отражает множество открытых вопросов, среди которых, к примеру, военные конфликты, социальные потрясения, неурегулированность миграционной политики и связанный с ней рост фрустрации населения и т. п. Изменения дискурса происходят как на территории постсоветского пространства, втянутого в конфронтацию, так и на территории России. Например, согласно результатам социологических исследований Левада-центра, в современном российском обществе зафиксирован рост враждебности, ее ощущение и

выражение в общении между этнонациональными общностями. «Враждебность со стороны людей другой национальности» испытывают 18% респондентов. Кроме того, 20% респондентов сами ощущают «враждебность к людям других национальностей» [4]. Не теряет актуальности выражение В. Н. Ярской о том, что «расизм институционален: он коренится не только в мировоззрении людей, но и в социальной политике, риторике представителей государственных институтов, проявляется в стигматизации и наклеивании ярлыков посредством расистского дискурса» [7; 47]. Изменение ориентиров развития государства всегда сопряжено сложностями общественного характера. Межэтническое неприятие внутри многонациональной страны, бытовая ксенофобия опасны, как мины замедленного действия.

В современном мировом сообществе происходит усиление нетерпимости к иным формам выражения этнической, религиозной, культурной идентичностей, ксенофобия, которые становятся «идеологической базой для самых радикальных группировок и течений» [6]. Происходит распространение идей национализма, этнофобии, а также этноэгоистических настроений, что разрушает основы бесконфликтного, мирного сосуществования народов.

Социальная стабильность является условием культурного развития и фактором, сдерживающим распространение этнофолизма. Условия социально-экономической дестабилизации, напротив, являются пусковыми для активной деривации пейоративной лексики, просторечий выражающих негативные оценки, эмоции в отношении любых иных групп, чаще выделенных по этническому признаку. Корреляция очень проста: чем более неблагополучно экономическое положение региона или государства, тем чаще в нем происходят межэтнические конфликты, в которых, в своем большинстве, каузальность этноидентификации является заместительной. Но по причине утраты социально-экономического равновесия заместительный характер конфликтов декларируется радикальными группами как реальный, действительный.

В основу этнофолизмов заложена диспозиционность, которая в условиях нестабильности или конфликта выражает чуждость или враждебность представителям иных групп. При этом валентность коннотации может быть выражена в разнохарактерных вариантах: от иронично-пренебрежительного до уничижительного или даже презрительного, бранного. Подобная трансформация валентности доказывает зависимость этноконнотации как элемента культурной коннотации от определенного этнокультурного пространства. Очевидно, что коннотация номинативных единиц выражает отношение коммуникантов не только «к собственному сознанию в процессе идентификации личности, представителя этнолингвокультурной общности», но и к «языку как способу выражения вариативности функционирующих в нем единиц» [1; 357], к локусу, к конкретному типу общественных отношений, которые являются полем для данной деятельности, а также к нарративу своей и иной культур; к культурному наследию этногрупп, населяющих данный ареал. Дискурс, в том числе и пейоративный, является выражением типа этноидентификации населения и принятой модели межэтнических взаимодействий.

В современных условиях коммуникативный аспект проявления толерантности является эмпирическим основанием остальных видов корректных межэтнических взаимодействий. А. В. Перцев называет толерантность «промежуточным этапом в движении от конфликта к действительному взаимопониманию и взаимодействию» [5; 32]. Таким образом, толерантность не самоцель, а условие сотрудничества и взаимопонимания. Ее характер приобретает устойчивость и стабильность в ситуации, когда регу-

лирование межэтнических отношений осуществляется одновременно на рациональном и интуитивном уровнях. Причем большее значение имеет не рассудочная, а эмоциональная составляющая, т.к. она формирует социальную привычку. Сила такой привычки, установок общения органически вливается в менталитет индивида, группы, социально-территориальной общности и становится социально наследуемой. В поликультурном обществе позитивная этническая идентичность выступает условием толерантности по отношению к собственной и другим этногруппам, что, с одной стороны, обеспечивает самостоятельность и стабильность развития самой этногруппы, с другой – определяет бесконфликтность межкультурного взаимодействия.

Список использованных источников

1. Быкова О. И. Этноконнотация как вид культурной коннотации: дисс… д. филол. н. – Воронеж, 2005. – 396 с.
2. Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. – М., 2004. – 624 с.
3. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996. – С. 385–386.
4. Национализм в России // Левада-центр. 26.09.2011. URL: http: //www.levada.ru/26-09-2011/natsionalizm-v-rossii
5. Перцев А. В. Современный миропорядок и философия толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / под ред. Н. А. Купина. – М., 2005. – С. 32.
6. Путин В. Россия: национальный вопрос // Известия. – 2012. – 23 янв.
7. Ярская В. Н. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе / В. Н. Ярская // Социологические исследования. – 2012. – № 6. – С. 46–54.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН[1]

MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RELIGIOUS SPHERE IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Р. Д. Карамышев (ИГИ РБ, г. Уфа, Россия)
R. D. Karamyshev (IGI RB, Ufa, Russia)

Аннотация. *Современная религиозная сфера республики характеризуется межконфессиональным согласием, которое обеспечено мирными отношениями между основными конфессиями республики: исламом и православием. Органы государственной власти проводят взвешенную политику и постоянно готовы к оперативному вмешательству в координацию отношений между конфессиями, несмотря на долговремен-*

[1] *Статья выполнена в рамках государственной научно-технической программы Республики Башкортостан на 2014–2015 гг. по проекту: «Этноконфессиональные отношения в Республике Башкортостан: основные проблемы, тенденции и противоречия»*

ное отсутствие концепции государственно-конфессиональных отношений. Новыми тенденциями, требующими внимания заинтересованных сторон являются: усиление конфессионального фактора в сфере национальных отношений; появление новых религиозных течений внутри конфессий и наличие латентной конфликтности; перспективы новой социализации ислама. Эти тенденции и нерешенность старых проблем в кадровом обеспечении священнослужителями, религиозном образовании, позиционировании религии в информационном пространстве требуют новых организационных и методических, управленческих форм деятельности с применением эффективных социально-культурных технологий.

Abstract. *The modern religious sphere of the Bashkortostan republic is characterized by inter-religious harmony. There are peaceful relations between the major faiths of the Republic: Islam and Orthodoxy. The state authorities conduct a balanced policy and permanently ready to intervene in the coordination of relations between the faiths, in spite of the absence of a long-term concept of church-state relations. There are new trends: strengthening of the confessional factor in the ethnic relations, emergence of new religious movements within traditional confessions and presence of latent conflict, perspectives for a new socialization of Islam which require the attention of stakeholders. These new trends together and unsolved old problems (staffing priests, religious education and the place of religions in the information space) require new organizational and methodological, managerial modalities with effective social and cultural technologies.*

Ключевые слова*: государственно-конфессиональные отношения, межрелигиозный диалог, этноконфессиональный фактор, социализация ислама, латентная конфликтность, социально-культурные технологии.*

Key words*: church-state relations, inter-religious dialogue, ethno-religious factor, the socialization of Islam, latent conflicts, socio-cultural technologies.*

Современную ситуацию в религиозной сфере Республики Башкортостан можно охарактеризовать как стабильную и устойчивую в существующих социально-экономических и политических условиях. Стабильность данной модели межрелигиозного согласия обеспечивают мирные отношения между исламом и православием, которые в своем взаимодействии выработали язык межрелигиозного диалога и составляют большинство религиозных общин республики (68% и 19% от всех религиозных объединений соответственно). Между ними нет принципиальных противоречий и соперничества на конфессиональном поле республики. Напротив, расширяется сотрудничество традиционных конфессий, особенно, в сфере социального служения и сотрудничества с органами государственной власти и местного управления во многих направлениях внутренней государственной и региональной политики.

Органы государственной власти проводят взвешенную, продуманную политику в отношениях с основными конфессиями, новыми религиозными течениями, зарегистрированными религиозными организациями и незарегистрированными религиозными группами. Особенностями данной политики является постоянная готовность государственных органов к оперативному вмешательству в координацию межконфессиональных взаимодействий и консультирование во внутриконфессиональных отношениях.

Это происходит в условиях долголетнего отсутствия концепции государственно-конфессиональных отношений и планового подхода к выстраиванию отношений между государством и религиозными организациями в стратегической перспективе на бли-

жайшие 5–10 лет, а также отсутствия федерального органа исполнительной власти, ответственного за проведение государственно-конфессиональной и национальной политики. В данных условиях роль, функции и ответственность органа государственной власти, ответственного за проведение данного направления внутренней политики постоянно увеличивается и усиливается. В Республике Башкортостан эти обязанности несет на себе Совет по государственно-межконфессиональным отношениям при Президенте РБ, возглавляемый В. П. Пятковым. Так, например, по итогам этноконфессионального конфликта, произошедшего в одном из районов республики, возникшего по поводу разрушения символа, считавшегося частью местного населения религиозным, Совет оперативно вмешался в разрешение создавшейся ситуации и разработал «Типовое положение о порядке взаимодействия органов местного самоуправления Республики Башкортостан с религиозными объединениями при установке религиозных символов на территории муниципального образования». Ведь статус многих символов, который могут быть признанными религиозными до сих пор не определен, что дает возможность использовать их разным политическим силам в своих интересах, в том числе в качестве камня преткновения для реализации своих проектов и мероприятий. Теперь же появляется конкретные ответственные за содержание, монтаж и демонтаж символов, если они будут признаны религиозными, то есть они приобретают определенный статус.

Признавая важность и актуальность этих отношений, в последние годы в республике в каждом районе и городе были созданы Комиссии по вопросам государственно-конфессиональных отношений и взаимодействия с религиозными организациями при главах Администраций муниципальных образований. В составе этих комиссий работают муниципальные служащие, представители конфессий, общественных организаций и органов государственной власти. Таким образом, сфера принятия решений в государственно-конфессиональной политике максимально приближена к реалиям и запросам местного населения и соблюдает демократические принципы местного самоуправления в Российской Федерации.

В сфере национальных отношений наблюдается усиление конфессионального фактора, который может иметь аккумулирующий или даже кумулятивный эффект при условии нарастания межнациональных противоречий. В последние годы среди ученых и публицистов появляется даже термин «этноконфессиональная угроза», связанный с рекрутированием в радикальный конфессиональный сектор национальной молодежи, на что необходимо обратить внимание всем заинтересованным сторонам. Достаточно упомянуть, что только за 2014 г. три события в общественно-политическом и информационном поле республики имели четко выраженный этноконфессиональный аспект: события в Кумертау - массовая драка между сторонниками РНЦ «Патриот» и местными мусульманами; обсуждение и подготовка «Русского марша» 4 ноября в Уфе – лозунги против исламского экстремизма; ситуация вокруг планов по строительству бизнес комплекса «Муслим Сити» с Соборной мечетью по проспекту им. Салавата Юлаева – в непосредственной близости от Покровской церкви.

С другой стороны, религиозные объединения выступают сегодня в ряду тех здоровых сил общества, которые входят в перечень традиционных духовных скреп нашего общества и ратуют за расширение социального партнерства религии и государства. Принципы здорового коллективизма, этика честного труда, традиционная мораль и патриотизм, а также правосознание, связанное с необходимостью соблюдать закон бога и человека во многом противостоят сегодня широко пропагандировавшейся в последние годы либераль-

ной парадигме индивидуального материального успеха любой ценой. И в этом проявляется сегодня определенный мировоззренческий дисбаланс в общественном сознании, который в условиях отсутствия или изменения идеологии государственного и общественного развития может служить источником дальнейших социальных противоречий.

Религия становиться сегодня все более значимым фактором общественной жизни страны. Влияние религиозных организаций на политическую и управленческую сферу ограничено российским законодательством. Поэтому актуальным направлением развития социального сектора религиозной жизни, сегодня и завтра могут являться не дальнейшая политизация, а социализация конфессиональной жизни общества. Об этом, применительно к исламу говорил в своем выступлении 22 октября 2013 г. в Уфе Президент России Путин В. В. Традиционная религия России – ислам, не должна использоваться различными политическими силами: «в целях ослабления нашего государства, для создания на российской территории зон управляемых извне конфликтов, внесения раскола между различными этническими группами, внутри самой мусульманской общины, для разжигания в регионах сепаратистских настроений [1]».

Новая социализация ислама означает расширение усилий по формированию отечественной богословской школы и системы религиозного образования отвечающего современным условиям. «Новая социализация ислама должна рассматриваться как развитие традиционного мусульманского образа жизни, мышления, взглядов в соответствии с современной социальной действительностью, в противовес идеологии радикалов, сталкивающих верующих в средневековье. Здесь важны и новые формы работы – через мусульманские культурные центры, исламские научно-просветительские центры, молодежные, женские клубы [2]» (из выступления Путина В. В. на встрече с муфтиями духовных управлений мусульман России, 22.10.2013, г. Уфа).

Перспективы новой социализации ислама дополняют ее уже сегодня новым содержанием. Набирают силу тенденции развития элементов исламской экономики и банкинга, халяль-индустрии и создания некоммерческих благотворительных, социальных и образовательных организаций религиозной мировоззренческой направленности, развиваются конфессиональные, прежде всего интернет средства массовой информации, формирующие новое мировоззренческое коммуникативное поле, особенно в молодежной среде.

Религиозные организации отстранены от участия в выборах в органы государственного и муниципального управления, однако верующие-граждане России в них участвуют и сами могут избираться, становясь защитниками и проводниками интересов своих единоверцев в местах их компактного проживания.

В рамках территориального общественного самоуправления это можно делать уже и напрямую в сфере благоустройства, культурного развития и охраны общественного порядка. Развитие российского права предоставляет верующим возможность через процедуру медиации использовать нормы обычного (религиозного) права в решении споров, возникающих в сферах гражданского, семейного и трудового права в досудебном порядке. Причем, эти направления новой конфессиональной социализации могут выводить вышеперечисленные структуры из компетенции органов, отвечающих за государственно-конфессиональные отношения, так как не представляют собой религиозных объединений.

Новые тенденции конфессионального развития требуют своего осмысления и выработки новых подходов. При том, что нерешенными остаются многие старые проблемы, те «болезни роста», которые появились объективно в годы бурного возрождения религиозной жизни в 1990–2000 гг. В отношении мусульманских организаций рес-

публики это, в первую очередь, положение отечественной системы религиозного образования, которая, к сожалению, находится в неконкурентоспособном состоянии, по сравнению с аналогичными зарубежными учебными заведениями.

Наряду с этим все еще остается острой проблемой нехватка квалифицированных кадров в мечетях и значительное количество среди них людей преклонного возраста. В населенных пунктах республики новые, только что отстроенные мечети остаются без своих священнослужителей, так как их просто не хватает. А количество выпускников духовных образовательных учреждений на территории республики без изменения существующей динамики данную проблему не решит. По состоянию на 2014 год в республике 96 мечетей не имеют постоянного состава имам-хатыбов, в том числе 42 под юрисдикцией ЦДУМ России и 54 – ДУМ РБ.

На структуру исламской уммы республики сегодня значительно влияют как постоянный приток мигрантов из мусульманских стран, так и новые течения и направления. Открытых столкновений между ними совместными усилиями удается избежать, однако в скрытой, латентной фазе конфликтность существует и проявляется это как в соперничестве между религиозными управлениями и лидерами, так и в вероисповедальных и других различиях между религиозными течениями, прежде всего суфийской и салафитской направленности. Сегодня произошла переориентация религиозных связей – с трансляторов посреднического типа, прежде всего Бухары, естественных для советского времени, на конкурирующие друг с другом всемирно известные исламские учебные центры: Турцию (включая турецкий Кипр) и арабский мир (Саудовская Аравия, Египет) [3].

Радикализм в исламской среде, принесший так много негативного в образ ислама и растиражированный отечественными и зарубежными СМИ, фактически приватизировал крайние формы социального молодежного протеста и привел к запрету ряда организаций на территории Российской Федерации. При изменении социально-политической и национальной ситуации эти факторы могут перейти из скрытой в открытую фазу конфликтности, и потребуется прямое вмешательство для нейтрализации ситуации.

Таким образом, вызовы современности требуют новых организационных и методических, управленческих форм деятельности, с применением технологий, доказавших свою эффективность в социально-культурных процессах последних лет, например, технологии «мягкой силы» (soft power) и др. И, наконец, уже на федеральном или региональном уровне необходимо определиться с концептуальными основами государственно-конфессиональной политики.

В христианской общине на территории республики ситуация более стабильна. Уфимская митрополия Русской Православной Церкви поступательно расширяет социальное служение в рамках своей Социальной доктрины. Активизируется воздействие на население, через воскресные школы, работу с военнослужащими, заключенными, миссионерскую деятельность. Перспективы развития православной жизни разворачиваются на фоне отсутствия существенных конфликтов с другими конфессиями и сложившихся государственно-церковных отношений. После проведенной патриархом Кириллом административно-хозяйственной реформы усилилось организационное единство и влияние РПЦ на общественную жизнь. Церковь наращивает свой рейтинг, который, несмотря на некоторые имиджевые и пиар потери может привести к дальнейшему росту доверия со стороны, как этнических православных, так и простых граждан.

На территории республики в последние 20 лет наблюдается устойчивый рост количества христиан – протестантов, и их организаций при фактическом отсутствии организационного единства.

Старообрядство представлено традиционно, численность христиан-старообрядцев стабильна в определенных районах.

Католики не проводят активной миссионерской деятельности, работают с уже традиционно придерживающимися данного направления этническими католиками и приезжими гражданами.

В иудаизме в республике существуют общины, принадлежащие к разным централизованным религиозным организациям, однако отношения внутриконфессиональных элит среди еврейских общин практически отсутствуют, по причине канонических особенностей и взаимоотношений общероссийских централизованных объединений.

Язычество как религия не представляют собой единой системы верований, а общины не имеют государственной регистрации. При сохранении подобного положения языческие верования, возможно, окончательно станут лишь частью самобытной культурной традиции финно-угорских народов, проживающих на территории Башкортостана.

Таким образом, мы выражаем надежду, что в условиях многонационального и поликонфессионального состава населения Республики Башкортостан при существующих и возникающих проблемах и тенденциях развития религиозной сферы неизменными будут оставаться усилия органов государственной власти и религиозных деятелей, направленные на сохранение межконфессионального и внутриконфессионального мира и согласия, что, несомненно, окажет свое позитивное воздействие на дальнейшее развитие нашего региона.

Список использованных источников

1. Путин призвал лидеров мусульман противостоять политизации ислама // Режим доступа: http://news.mail.ru/inregions/volgaregion/2/politics/15307729/.
2. Начало встречи с муфтиями духовных управлений мусульман России // Режим доступа: http://www.kremlin.ru/transcripts/19474.
3. Бердин А. Т. Историческая и современная динамика взаимодействия общества и государства в конфессиональной сфере Башкортостана //Религиозные объединения Республики Башкортостан. Справочник. – Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2014. – с. 15.

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

THE ETHNIC ASPEKT OF UNITED RUSSIAN NATION

О. Н. Кобяков (Южно-Уральский институт управления и экономики, г. Курган, Россия)
O. N. Kobyakov (South Ural Institute of management and economy, Kurgan, Russia)

Аннотация. *В статье анализируется влияние этнического фактора на процесс формирования российской нации. Созидательная, конструктивная работа институтов гражданского общества, всех уровней государственной власти по целенаправленному формированию российской идентичности будет успешной при условии обеспече-*

ния реального равенства народов, отсутствии дискриминации по этническому признаку на всей территории России.

Abstract. *The author analyses the influence of ethnic factors on the Russian nation formation. Creative, constructive work of civil society institutions, of all levels of government which focused on the formation of Russian identity will be successful, if ensuring real equality of nations with the absence of ethnic discrimination in the entire territory of Russia.*

Ключевые слова: *этнический аспект, российская гражданская нация,идентичность.*

Keywords: *ethnic aspect, the Russian civil nation, identity.*

Россия всегда была полиэтничной. Казалось бы, для сохранения единства страны, ее территориальной целостности, укрепления межэтнического взаимопонимания нет сложных препятствий. Множество народов веками жили вместе на территории страны, строили государственность, создавали духовные и материальные ценности, сближались друг с другом на бытовом уровне. Почему же так называемый «национальный вопрос» будоражит умы наших сограждан, почему от его решения зависит судьба страны?

В поиске ответа на этот вопрос чрезвычайно важно помнить уроки прошлого. Среди многих причин ухода с исторической арены Российской империи и Советского Союза следует выделить наиболее существенную – отсутствие единой гражданской нации. Конечно, и в царской России и в СССР многое было сделано для развития и сохранения многочисленных народов. Однако, политическая элита страны всегда использовала ошибочный подход в процессе российского государственного строительства, она создавала иерархию народов. В российской империи русский народ считался опорой государства, проводилась политика русификации, другие народы назывались «инородцами», «иноверцами», «туземцами». При этом русский народ подвергался жесточайшей эксплуатации и никаких «дивидендов» от своего «главного» положения не имел. В Советской стране русский народ провозглашался «старшим братом», что подчеркивало его особый статус в иерархии народов. Этот статус также не давал никаких привилегий, русские играли роль «цемента», скрепляющего полиэтничное пространство как царской, так и советской империи. Мы считаем принципиально ошибочным выстраивание иерархии народов, деление их на «главные» и «неглавные», на государствообразующие и иные. Разве возможно представить себе российскую нацию без башкирского, татарского или русского народов? Кто имеет право определять какой народ главнее?

Россия является родным домом для всех этносов, веками живущих на ее территории. Государственная политика должна быть направлена на создание условий для соблюдения прав и свобод граждан вне зависимости от их этнической принадлежности. Другими словами башкиры, проживающие вне республики Башкортостан, например в Курганской области, должны иметь все условия для развития своей культуры, языка и не испытывать дискриминации в какой-либо сфере общественной жизни. Так же и русские, проживающие в Башкирии, не должны дискриминироваться по этническому признаку. При соблюдении принципа равноправия, отсутствия дискриминации по этнической принадлежности, многие проблемы в отношениях между народами нашей страны исчезнут.

О влиянии этнического фактора на процесс нациестроительства написаны сотни научных трудов, тысячи статей, однако ключевые проблемы остаются до сегодняшнего дня нерешенными. В научном сообществе нет общепризнанных определений этноса и нации. Практически каждый исследователь вкладывает свой смысл в эти понятия, од-

нако в социальной реальности существуют этносы и нации как феномены, которые необходимо как-то объяснять. Мы не будем вдаваться в дефиниторную казуистику, этнический феномен был бы предметом интереса достаточно узкого круга специалистов, но при одном условии – если бы он не разрушал целостность государств. Кроме СССР, в недавнем прошлом «этнический фактор» способствовал распаду Югославии, Чехословакии, Украины и можно не сомневаться в том, что этот список будет пополняться. Логика нашего исследования этничности направлена на то, чтобы осмыслить ее деструктивную составляющую, рассмотреть возможность ее демонтажа, чтобы Россия не продолжила вышеназванный список разрушенных стран. Западные государства, называющие себя лидерами, эффективно используют этнонационализм для дестабилизации стран-конкурентов, при этом свои страны они охраняют от малейших проявлений этнического сепаратизма и экстремизма. Обращает на себя внимание тот факт, что западные «нации» позиционируются только как гражданские, а российские «нации» являются якобы «недосамоопределившимися».

По итогам последней переписи населения этническим большинством в России являются русские, составляющие более 80% от общего числа граждан страны, наиболее крупными народами являются татары (более 3%), украинцы (более 1%), башкиры (более 1%), чуваши (более 1%) и чеченцы (более 1%). Остальные этносы в отдельности имеют долю менее одного процента от общего числа населения. Русским языком владеют более 99, 4% россиян [6, с. 14]. Несмотря на достаточно высокий уровень гомогенности российского социума, необходимы каждодневные усилия гражданского общества по формированию российской гражданской нации. Учитывая множество подходов и разнообразие мнений можно сказать, что нация как научное определение имеет право на существование. Достаточно полным можно считать такое понятие нации: «Это сплоченная общими чувствами идентичности и солидарности, связанная общими ценностями прошлого и настоящего социокультурная общность людей, политически объединенных в одном государстве, которое совместно с институтами гражданского общества посредством систем массовых коммуникаций и общенациональной системы образования формирует у людей воображаемый ими образ «нации» и «гражданское сознание», которые доминируют над более древними расовыми и этническими идентичностями» [2, с. 16]. В данном контексте нация – это граждане России, не только в юридическом, а скорее в нравственном, духовном значении этого слова. Башкирский народ или русский народ являются для нас этносами, которые составляют формирующуюся российскую нацию, при этом является очевидным то, что еще продолжительное время на «особом» российском категориальном пространстве нацией будут называть этнос, а полиэтничность будет считаться многонациональностью. В условиях современной жесткой конкуренции между странами от успешности политики формирования гражданской национальной идентичности в России зависит существование государства, его эффективность, как во внутренней, так и во внешней политике.

При целенаправленной, систематической работе общественных институтов, направленной на формирование гражданской идентичности важно обратить внимание на то, что российская национальная идентичность ни в коей мере не отнимает у человека его этническую идентичность. О какой-либо унификации, насильственном стирании культурных различий речь не идет. К сожалению, при обсуждении этнонациональной проблематики, из-за терминологической путаницы, недостатка знаний по данному вопросу, те или иные участники пытаются манипулировать общественным сознанием, чтобы и дальше утверждать то, что нас разделяет, что мешает процессу нациестрои-

тельства. Придерживаясь умеренного конструктивистского подхода, мы утверждаем, что поскольку общество создают люди, страны как наиболее устойчивые единицы социальной структуры также являются результатом деятельности людей, нации не в меньшей мере создаются целенаправленными усилиями общества.

По данным российских социологов в 2011 году российская идентичность вышла на первое место среди других идентичностей в предпочтениях россиян. «Если сравнивать с государствами Западной Европы, то по силе связи россияне близки теперь к жителям Великобритании, ФРГ» [3, с. 203–204]. Означает ли это, что политическая (гражданская) нация в России построена? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо снова акцентировать внимание на российской специфике понятийного поля. В силу исторических причин, у нас под гражданской идентичностью часто понимается принадлежность скорее к государству, чем к гражданскому обществу. В этой связи справедливо мнение социолога Леокадии Дробижевой о том, «что мы различаем государственное и гражданское самосознание, но также понимаем, что между ними нет пропасти, и даже в наших российских условиях они в чем-то перекрещиваются, особенно в условиях «демократического перехода» [4, с. 17]. Главным затруднением в анализе процесса формирования нации является проблема соотношения этнического и гражданского компонентов в сознании (самосознании) россиян. Очевидно, что этническое самосознание появилось раньше гражданского. Важнейшим признаком того, что подразумевается под понятием этнос, является самоназвание. Хотя имя этноса может быть дано извне, например другими этническими группами, но, поскольку у этнической группы появляется название, то в связи с этим формируется и самосознание. Этничность проявляется в том случае, когда люди соотносят себя с конкретным народом и отличают себя от других этносов. В результате этого процесса происходит создание образов того или иного этноса, этнические группы наделяются определенными культурными чертами иногда называемые этническими маркерами. Маркерами могут быть и внешние антропологические характеристики людей. Чтобы человек осознал свою этническую принадлежность ему необходимо соприкоснуться с представителями других народов, отличающихся от своего. В процессе таких взаимодействий возникали этнические границы, которые носили условный и подвижный характер. Этничность как процесс интерпретации различий рождает традиции, мифы, в сознании людей возникает образ своего этнического сообщества и образ «других» сообществ, которые могут восприниматься как враги, что в свою очередь может привести к появлению этнических фобий.

По мнению Крейга Калхуна «Этничность занимает некое промежуточное положение между родством и национальностью. Этнические идентичности становились исторически важными везде, где различные группы взаимодействовали друг с другом на общей территории» [5, с. 93]. При этом следует понимать, что сама по себе этничность не является органическим продолжением родства, это способ передачи традиций и общей культуры в полиэтничном социальном пространстве. С этничностью не рождаются, она не передается по наследству, человек «обретает» этничность в процессе социализации. В этом процессе главную роль играют семья, религия, окружающий социум, система образования и др. Если новорожденного ребенка, который родился в русской семье, передать в татарскую семью и эта семья будет воспитывать его как своего, то вырастет этнический татарин. Этничность создается культурой, вопрос «крови» здесь имеет значение только для ученых, которые анализируют социальную реальность через призму «пещерного» биологического примордиализма.

В России деструктивный характер этничности отчетливо проявился в связи с разрушением советского народа. Эта общность была «демонтирована» путем воздействия на

массовое сознание людей новых идеологий, внутри которых содержался значительный этнический компонент. Марксистско-ленинская идеология, аппелировавшая к классовому сознанию потеряла свою актуальность, таким образом, эффективно мобилизовать людей для определенных политических целей можно было с помощью этнической агитации. Этническая агитация всегда обращается к эмоциям, ее главная особенность заключается в отсутствии рациональности. В известном смысле возвращение в политическую сферу этнического фактора (часто и родового и племенного) можно рассматривать как элемент деградации в развитии общества. В обыденном сознании людей, которые не являются специалистами в сфере этничности, этнические группы понимаются как реально существующие цельные организмы, обладающие определенными интересами, целями и действующими как общность. Такой обыденный примордиализм является благоприятной средой для манипуляций общественным сознанием. По мнению Роджерса Брубейкера «Этничность, раса и нация должны быть осмыслены не как субстанции, вещи, сущности, организмы или коллективные личности – к чему нас подталкивает образ дискретных, конкретных, ощутимых, ограниченных и живучих «групп», – но в реляционных, процессивных, динамических, событийных и разукрупненных терминах» [1, с. 29]. То есть, этнический аспект рационально понимается только в конкретной социальной динамике, но не в образах реально существующих групп, которым якобы присущи определенные интересы и цели как акторам общественной жизни. Создание образа реальности этнической общности как группы и актора – это задача дельцов от этнополитики, которые сознательно этнизируют общественные явления в целях получения политических дивидендов. Однако было бы ошибочно отрицать реальность этничности как таковой, мы акцентируем внимание на том, что деструктивный аспект этничности проявляется в моменты ее мобилизации, то есть когда она «откликается» по тем или иным причинам на манипуляции и призывы этнических предпринимателей.

Эффективность призывов и манипуляций зависит оттого, насколько точно затрагиваются эмоциональные зоны этничности в сознании людей, недостаточно компетентных в этих вопросах. Попадание в эти зоны рождает групповость, создает событие, которое затем преподносится как противоречие интересов групп на этнической почве, а в некоторых случаях даже как международный конфликт. Эмоциональная зона этничности как важнейшая часть самосознания индивида включает в себя образ прошлого. Этот образ может быть наполнен обидами и страданиями, которые испытал «свой» народ от других этносов. Страдания и несправедливости, реальные или мнимые, которые происходили в прошлом по вине других народов, тщательно сохраняются и дополняются в процессе создания образа прошлого этническими историками.

Чем же отличается этнический историк от национального? Национально мыслящий историк или философ направляет свои интеллектуальные усилия на укрепление в общественном сознании образа прошлого как общей судьбы, которая объединяет многочисленные народы, способствует их консолидации в нацию. Этнический историк создает миф об угнетателях, от которых надо освободиться. Курт Хюбнер совершенно справедливо указывал на то, «что правильно понятая принадлежность к нации переживается как судьба. В представлении о судьбе в противоположность ее единственной альтернативе – случайности – уже заложено именно трансцендентное, фатальное стечение событий» [7, с. 359–360]. Образ прошлого постоянно воспроизводится в сознании ныне живущих поколений людей, существование нации рассматривается как явление, далеко выходящее за рамки жизни одного поколения.

Необходимо обратить внимание на то, что потребность человека в идентификации как таковой обусловлена психологической необходимостью, при этом потребности в национальной самоидентификации может и не возникнуть. Национальная идентичность может включать в себя какие-либо этнические характеристики, что чаще всего встречается в случае этнического национализма. Но этничность не связана напрямую с национальностью, этнические характеристики являются материалом, из которого создаются определенные идентичности. Только национальная идентичность является системнообразующим фактором, который превращает этнические элементы в основу формирующейся нации. Появление национальной идентичности детерминируется кризисом донациональных идентичностей, кроме этого в обществе появляются идеи, способные создать (изобрести) нацию, таким образом, кризис преодолевается. В процессе формирования российской нации система государственного исторического (и в целом гуманитарного) образования должна создавать фундамент гражданского сознания россиян. Многочисленные конфликты, в которых принимали участие народы, населяющие нашу страну, происходившие в прошлом на ее территории должны рассматриваться как братоубийственные и трагические страницы «единой истории» и «общей судьбы».

Таким образом, этничность сама по себе не является деструктивным фактором, так же как дерево не может существовать без корней, так и человеку необходимо ощущать связь со своим народом, его культурой и традициями. Несмотря на многие трудности и преграды, процесс формирования единой российской гражданской нации развивается, все народы страны заинтересованы в ее процветании. Так называемый «национальный вопрос» нельзя решить раз и навсегда с помощью какой-либо «волшебной формулы», для формирования российской национальной идентичности необходима каждодневная работа каждого из нас, институтов гражданского общества, системы образования, интеллигенции, политической элиты. Наши народы объединяет общая история и общая судьба, а разъединяет стремление некоторых политиков, этнических активистов, посеять вражду, используя этнический фактор. Такие дельцы от этнополитики безразличны к интересам народа, они озабочены собственной выгодой. Что можно этому противопоставить? Только реальное равенство народов России, отсутствие дискриминации по этническому признаку, создание максимально благоприятных условий для развития культур народов, поддержки их традиционных конфессий, языка. Такой комплекс мер окажет существенное положительное влияние на процесс формирования российской нации.

Список использованных источников

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: Высшая школа экономики, 2012. – 408 с.
2. Гранин Ю. Д. Станет ли Россия «национальным государством»? // Вопросы философии.– 2011. – № 1.
3. Двадцать лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад. – М.: «Институт социологии РАН», 2011. – 291 с.
4. Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. - М.: Новый хронограф, 2013. – 336 с.
5. Калхун К. Национализм. – М.: «Территория будущего», 2006. – 288 с.
6. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Российская газета. – 2011. № 284.
7. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. – М.: «Канон +», 2001. – 400 с.

РЕКЛАМА КАК СРЕДСТВО ПРОДВИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

ADVERTISING TO PROMOTE NATIONAL IDEAS

С. А. Ли (УГАТУ, г. Уфа, Россия)
S. A. Lee (Ufa State Aviation Technical University, c. Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена анализу преимуществ рекламы как средства для продвижения национальной идеи.*

Abstract. *This article analyzes the advantages of advertising as a means to promote national idea.*

Ключевые слова: *реклама, продвижение, национальная идея, бренд, национальный лидер, эффективность восприятия.*

Keywords: *advertising, promotion, national idea, brand name, national leader, efficiency of perception.*

Понятие «национальная идея» относится к числу наиболее дискутируемых в научной и политической сферах. Многие политики и общественные деятели без колебаний дают определения этого понятия. Так, по мнению президента РФ В. В. Путина: «Национальной идеей [России] должно быть обеспечение экономического роста, причем не за счет расширения добычи природных ресурсов, а за счет развития инновационных экономики» [2]. Председатель комитета Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству Владимир Плигин считает, что «…основа национальной идеи заключается в сохранении нашего народа… Я имею в виду все народы нашей страны» [3]. А Предстоятель русской Православной церкви патриарх Кирилл определяет национальную идею как «…самопонимание, самоидентификация народа в системе базисных ценностей» [4].

Между тем ученые высказываются по этому поводу с большой осторожностью. Данная осторожность вызвана тем, что пока не выработано общепризнанное академическое определение понятия «национальной идеи». Одной из таких попыток является определение Сектора междисциплинарных исследований общественного сознания Института философии РАН, которое трактует «национальную идею как «компактную связку основополагающих на данный период идеологем (мифологем), упакованных под ключевой, «представительский» символ (метафору, лозунг – или их систему)» [5]. В той же работе предлагается и упрощенный вариант данного определения: «национальная идея» – это самые важные и мотивирующие идеи, собранные под одним лозунгом, и актуальные для всех наций страны «на сегодня»[5]. Таким образом, несмотря на многочисленные и разнообразные определения этого понятия, суть его заключается в том, что национальная идея представляет собой духовный и идеологический стержень общественного сознания граждан государства, который определяет характер его существования, направление и темпы его развития. Именно этим обстоятельством и определяется значимость этого феномена в общественной жизни любого государства. Национальная идея позволяет консолидировать общественное сознание граждан и сосредоточить его на наиболее важных и существенных для сохранения и развития государства проблемах. Примером подобной консолидации в нашей стране является беспримерный подъем патриотизма и всенародной борьбы с немецко-фашистскими за-

хватчиками в годы Великой Отечественной войны. Желание освободить свое Отчество и ненависть к врагу объединили в этот период людей различных социальных слоев, убеждение и национальной принадлежности. Столь же объединяющей силой было и стремление народа к восстановлению разрушенного в годы войны народного хозяйства, мирной жизни. Можно с уверенностью заявить, что, благодаря этой национальной идее, и сформировалась уникальная социальная общность – советский народ. Между тем, события последних двух лет на Украине показали, что вышеуказанная национальная идея, консолидирующая народы и государства на постсоветском пространстве себя исчерпала. Во всех государствах, образовавшихся на базе советских национальных республик, происходит активный поиск собственной национальной идеи, способной не только сплотить своих граждан, но четче идентифицировать свое суверенное национальное государственное образование. Учитывая данное обстоятельство, потребность в национальной идее, как необходимом условии устойчивого развития современного российского общества и государства, является осознанной не только элитой, верхушкой общества, но и самыми широкими народными массами. Указанное осознание, по нашему мнению, существует в общественном сознании россиян уже второе десятилетие, однако, реализовалось оно только в последний год.

Ожесточенно споря о содержании национальной идеи, ее существе и предмете, неоправданно забывают о средствах ее продвижения. Подобное отношение основано на историческом опыте советского государства, когда идеологическая доктрина распространялась и защищалась всей колоссальной мощью государственно-партийного аппарата. Главным методом продвижения доминирующей идеологический доктрины в тот период являлась пропаганда. Необходимо отметить, что данный инструментарий идеологического воздействия на общественное сознание был достаточно эффективен. Во-первых, он полностью соответствовал своему операциональному значению, т. к. в переводе с латинского propaganda означает «подлежащая распространению». Во-вторых, кроме широкого охвата, советская пропаганда отличалась крайне жесткими методами убеждения, граничившими с прямым принуждением. Подобные методы могли приносить положительный эффект только опираясь на широкий спектр репрессий от «запрета на профессию» до уголовного наказания.

В современном демократическом обществе подобный подход неприемлем, поскольку он нарушает основные принципы его социального и политического устройства. В соответствии со статьей 19 Всеобщей декларации прав человека «…каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [1, 6]. Поскольку президент и правительство современного российского государства постоянно подчеркивают свою приверженность избранному демократическому курсу, перед российскими политиками, идеологами, политологами и политтехнологами встает весьма сложная по своему исполнению задача. Трудность этой задачи заключается в разработке системы эффективного распространения и продвижения национальной идеи в современных российских условиях. Ведь эффективность советской пропаганды опиралась на идеологический монополизм и полную подконтрольность средств массовой коммуникации государственно-партийному руководству страны. Теперь ситуация иная. Кроме официальной идеологической доктрины, к слову не очень четко сформулированной, в российском политическом пространстве существует множество политических течений и движений, основанных на

разнообразных, зачастую противоречивых идеологических платформах. Так, в современной политической жизни России присутствуют и либеральное течение, ориентированное на западные ценности, и монархисты, опирающиеся на православие, соборность и традиционные российские духовные ценности. Представлен широкий круг маргинальных политических течений, вобравших в себя черты самых различных идеологем.

К разнообразию политических движений и организаций в нынешней России следует добавить чрезвычайное многообразие каналов коммуникации. Это различные печатные издания, в том числе и явно оппозиционные власти, вроде «Лимонки». С резкой критикой правительства и его политики выступают выходят телеканалы «Дождь», RTVI, радиостанция «Эхо Москвы». И это, не считая лояльного руководству страны огромного количества печатных и электронных СМИ. Но главным отличием от «советского времени» является наличие и достаточно широкое распространение в современной России Интернета. Именно Интернет с его уникальными возможностями – скоростью появления и обновления информации, возможностью обратной связи, анонимностью доступа и минимальной цензурой – стал мощным эффективным средством идеологического воздействия на самые широкие народные массы. Ведь он сочетает в себе черты информационного ресурса и двустороннего канала коммуникации. С его помощью можно в считанные часы распространить на всю страну не только заявления официальных лиц государства, обладающих всей полнотой власти, но и мнение любого гражданина, если оно окажется актуальным и заинтересует сотни тысяч пользователей Интернета.

Необходимо отметить, что события внешнеполитические события последнего года существенно скорректировали мнение о, якобы, снижающемся влиянии телевидения на общественное сознание россиян. Массированный выход специализированных телепередач, ток-шоу и документальных фильмов, посвященных событиям на Украине и внешнеполитическим отношениям России, США и Евросоюза, был обусловлен не только преднамеренной активностью власти в медиапространстве, но и необычно высоким за последние годы интересом большинства жителей России к данной теме.

Приведенные факты свидетельствуют, что продвижение идеологических доктрин при помощи традиционных средств официальной пропаганды в современном российском обществе вновь приобрело актуальность. Необходимо отметить, что, как показала практика советского периода, эффективность данного подхода весьма кратковременна и преходяща. Большинство людей среднего возраста уже испытывали на себе действие советской пропаганды, когда по двум имеющимся каналам телевидения транслировались исключительно «правильные» передачи и кинофильмы. Прямая пропаганда, несмотря на ухищрения современных мастеров медиабизнеса, быстро наскучивает повторением и агрессивным эмоциональным фоном.

И здесь необходимо обратиться к методам рекламы, которая, в отличие от официальной пропаганды, всегда действовала в конкурентной среде. В чем же специфика рекламного продвижения и его отличие от пропагандистского воздействия?

Важное принципиальное отличие рекламы от пропаганды заключается в том, что реклама предлагает товар или услугу, как один из многих или нескольких подобных, причем, в равных для остальных участников рынка условиях. Это правило является важнейшим для рекламной деятельности и специально оговаривается в законодательстве большинства стран. В частности, в статье 5 Федерального Закона о рекламе, содержащего общие требования к рекламе прямо указывается на недопустимость применения в рекламе ряда методов и способов, которые обычно используются в

пропаганде. Так, в пункте 4. вышеупомянутой статьи говорится о том, что реклама не должна «формировать негативное отношение к лицам, не пользующимся указанными товарами или услугами» [6]. В пункте 5 указано на недопустимость «указания на то, что объект рекламирования одобряется органами государственной власти или органами местного самоуправления либо их должностными лицами»[6]. А пункт 10 не допускает «размещение рекламы в учебниках, предназначенных для обучения детей по программам начального общего и основного общего образования, школьных дневниках, а также в школьных тетрадях»[6].

Приведенные выдержки из закона о рекламе, свидетельствуют, что пропаганда не отвечает важнейшим требованиям данного закона. Но она и не должна подчиняться данному закону, ведь он касается, прежде всего, коммерческой рекламы, в то время как пропаганда занимается распространением идеологической информации. Тем не менее, взаимосвязь между этим двумя формами массовой коммуникации имеется. Она состоит в том, что и пропаганда, и реклама имеют совпадающие до мелочей цели: информировать, вызвать интерес, убедить, сформировать (навязать) определенный поведенческий стереотип, побудить к определенному акту деятельности. Подобное функциональное единство позволяет сделать вывод о том, что методы рекламы могут успешно применяться для продвижения идеологической доктрины. Более того, используя рекламные технологии, возможно, не нарушая закон о рекламе, эффективно распространять материалы идеологического содержания, там, где размещать собственно рекламу запрещено. К слову, указанные формальные требования закона о рекламе с успехом можно обойти. Так, запрещение размещать коммерческую рекламную информацию на обложках школьных тетрадей не мешает производителям размещать на них красочные привлекательные изображения автомобилей и мотоциклов. Эти изображения рассматриваются как украшение, эстетическое оформление тетради, ведь на обложке не указываются адреса и телефоны автосалонов, хотя названия марок автомобилей зачастую присутствуют. Более того, вряд ли производители школьных тетрадей заключают договора с соответствующими автопроизводителями. Таким образом, размещаемые на обложках школьных тетрадей изображения автомобилей различных марок с точки зрения российского законодательства не являются коммерческой рекламой. Но то, что они вызывают живой интерес школьников, является несомненным, т. к. они предпочитают тетради именно с такими обложками. Хотя данный вывод основан лишь на результатах многолетнего включенного наблюдения, большинство педагогов, наблюдающих подобную картину, вероятно, согласится с ним. Более того, лидер известной парламентской партии уже несколько лет использует данный способ продвижения своего образа и названия своей партии. И в данном случае мы можем классифицировать эту деятельность не просто как политическую рекламу, но и как канал государственной пропаганды.

Успех рекламных средств продвижения национальной идеи может заключаться в гибком и комплексном воздействии на общественное сознание. Общеизвестно, что в процессе продвижения бренда, имиджевой рекламы и пиар-раскрутки персон в сфере шоу-бизнеса, спорта, политики к числу наиболее эффективных относят методы косвенной рекламы. Ее достоинства заключаются в отсутствии прямого давления на сознание потребителя, болельщика, поклонника, и замены его на эмоционально-когнитивное обоснование достоинств рекламируемого объекта. Иными словами, косвенная реклама, затрагивая наиболее значимые и актуальные для воспринимающего субъекта проблемы, ненавязчиво связывает их возможное решение с использованием товаров и услуг определенного бренда или деятельностью конкретной персоны. Со-

держание подобной рекламы достаточно незамысловато. Как правило, оно предлагает изменить свое отношение к проблеме на менее тревожное или, на примере известной персоны, заверить, что ее решение вам вполне доступно. Ведь нынешнее положение этих персон вполне благополучно, поэтому и вы можете успешно пережить данные проблемы. При этом позитивное эмоциональное восприятие содержания данной рекламы переносится на бренд или конкретную персону, что и является главной задачей указанного метода рекламного воздействия.

Одним из показательных примеров успешности подобного подхода к продвижению является легендарная «бондиана», в которой идеальный образ мужественного, харизматичного и аристократичного агента 007 неразрывно связан с определенными марками и моделями спортивных автомобилей, фасонами мужских костюмов и видами алкогольных напитков. Результатом указанного метода является формирование опорных смысловых символов, олицетворяющих привлекательные черты поведения, стиля и образа жизни. Именно символизм и облегчает задачу идентификации идеального образа для потребителей. В свою очередь символизм облегчает массовое тиражирование данного идеального образа для его воспроизведения и подражания. Так, спорткар «Aston Martin» созданный по спецзаказу для Джеймса Бонда является уникальным, но массовый потребитель может подражать любимому киногерою, выбирая типовой спортивный автомобиль данной марки. Подобное отношение касается не только таких дорогостоящих товаров, как спорткар, но и дешевейших реплик часов и предметов гардероба Джейса Бонда, которые доступны уже небогатым потребителям.

Столь же эффективным является рассмотренный выше метод и при продвижении национальной идеи в российском обществе.

Основные контуры содержания формирующейся национальной идеи российского общества включают такие понятия, как единство граждан всего государства перед лицом внешней или внутренней угрозы, духовную близость традиционных культур народов, населяющих российское государство, консолидация народа вокруг его национального лидера и его всемерная поддержка. В этом случае, образ национального лидера выступает в качестве основного символа национальной идеи в российском обществе, поскольку упомянутые элементы ее структуры трудно идентифицировать с каким-либо конкретным объектом.

В пользу эффективности продвижения национальной идеи с помощью рекламы ее основного символа свидетельствует практический опыт текущего года. Вхождение Крыма в состав РФ большинство населения России восприняло как историческую справедливость [7]. Причем, заслуга этого события по мнению многих россиян принадлежит президенту РФ В. В. Путину. В силу этого обстоятельства именно его образ, в настоящее время выступает в качестве наиболее популярного и значимого символа национальной идеи российского общества. Футболки и толстовки с изображением президента Владимира Путина, поступившими в продажу летом – осенью 2014 года, пользовались и пользуются до сих пор огромным спросом [8]. Такую же популярность у пользователей Интернета приобрел клип с песней «Вежливые люди», записанный знаменитым ансамблем песни пляски им. Александрова [9]. В это же число подобных примеров можно включить и народное творчество – уличные граффити с изображением В. В. Путина на домах в Севастополе, которые появились летом этого года [10].

К сожалению, печальный опыт отечественной пропаганды прошлых десятилетий может существенно снизить эффективность его влияния. Дело в том, что административное навязывание этого образа в качестве символа национальной идеи, мо-

жет оттолкнуть от него большую часть населения, как это уже было в позднесоветский период.

Главное преимущество рекламного воздействия перед пропагандистским, в условиях политической демократии – возможность добровольного выбора. Действуя в условиях конкуренции, реклама всегда апеллирует к глубоко личностным интересам потребителя, различными средствами побуждая его выразить свое личное отношение к предмету рекламы. Если пропаганда, как правило, запугивает или ограничивает выбор субъекта, то реклама старается пробудить в нем самые позитивные чувства и мысли. Достоинства рекламы в формировании добровольного желания, а не страха отказаться от чего-либо. Именно это качество и является фактором формирования устойчивого позитивного отношения к чему-либо. Ведь в этом случае человек считает, что это его выбор, а не чья-то воля, диктующая ему определенную точку зрения.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека. М.: изд-во «Права человека», 2006. – 12 с.
2. Режим доступа: http://ria.ru/politics/20050523/40402414.html
3. Режим доступа: http://www.er-duma.ru/content_files/16704.doc
4. Режим доступа: http://www.city-n.ru/view/137524.html
5. Режим доступа: http://mirozdanie.narod.ru/Lekcii/Konkyr.html
6. Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/advert/26_1.html#p71
7. Режим доступа:http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114766
8. Режим доступа:http://www.gum.ru/news/id/1843796/
9. Режим доступа:http://www.youtube.com/watch?v=vYRswPspgLc
10. Режим доступа:http://www.politnavigator.net/v-sevastopole-poyavilos-graffiti-s-gigantskim-putinym-foto.html

ПРЕПОДАВАНИЕ «ОСНОВ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

THE TEACHING OF «THE BASICS OF RELIGIOUS CULTURES AND SECULAR ETHICS» AS TOLERANCE FORMING TOOL OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS

Т. М. Надыршин (Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УНЦ РАН, г. Уфа)

T. M. Nadyrshin (The R. G. Kuzeyev's Institute of ethnologic studies of Ufa scientific center of Russian academy of sciences)

Аннотация. *В статье рассматриваются краткие итоги преподавания ОРКСЭ, а также объясняется обоснованность внедрения данного курса в российской системе образования в качестве инструмента воспитания толерантности.*

Abstract. *The article describes brief results of «The basics of religious cultures and secular ethics» and explains necessity of its introduction in Russian educational system as tolerance forming tool.*

Ключевые слова: *религия, школа, Ислам, Православие, толерантность, образование, «Основы религиозных культур и светской этики»*

Keywords: *religion, school, Islam, Orthodox Christianity, tolerance, education, «The basics of religious education and secular ethics»*

Обстоятельства внедрения предмета ОРКСЭ связаны в значительной степени с инициативой Русской православной церкви, которая, начиная с 1990х годов, активно выступала с идеей внедрения конфессионального компонента в систему образования.

С 1 сентября 2012 г. во всех субъектах Российской Федерации вводится курс «Основы религиозных культур и светской этики» в соответствии с поручением Президента Российской Федерации от 2 августа 2009 г. № Пр-2009 и Распоряжением Председателя Правительства Российской Федерации от 11 августа 2009 г. (ВП-П44-4632).

В течение 2010–2011 гг. преподавание учебного курса ОРКСЭ осуществлялось в 21 субъектах Российской Федерации в экспериментальном режиме в 4 четверти 4 класса и 1 четверти 5 класса.

С 2012/13 учебного года курс ОРКСЭ становится обязательным во всех общеобразовательных учреждениях РФ. В этом же году курс «Основы религиозных культур и светской этики» включен в обязательную часть образовательной программы 4-го класса начальной школы в объеме 34 часа (1 час в неделю) в течение всего учебного года.

Цель ОРКСЭ декларируется следующим образом: развитие представлений о значении нравственных норм и ценностей для достойной жизни личности, семьи, общества; формирование готовности к нравственному самосовершенствованию, духовному саморазвитию; знакомство с основными нормами светской и религиозной морали, понимание их значения в выстраивании конструктивных отношений в семье и обществе; формирование первоначальных представлений о светской этике, о традиционных религиях, их роли в культуре, истории и современности России; об исторической роли традиционных религий в становлении российской государственности; осознание ценности человеческой жизни; воспитание нравственности, основанной на свободе совести и вероисповедания, духовных традициях народов России; становление внутренней установки личности поступать согласно своей совести.

Задачи комплексного учебного курса определены достаточно широко: знакомство обучающихся с основами православной, мусульманской, буддийской, иудейской культур, основами мировых религиозных культур и светской этики; развитие представлений младшего подростка о значении нравственных норм и ценностей для достойной жизни личности, семьи, общества; обобщение знаний, понятий и представлений о духовной культуре и морали, полученных обучающимися в начальной школе, и формирование у них ценностно-смысловых мировоззренческих основ, обеспечивающих целостное восприятие отечественной истории и культуры при изучении гуманитарных предметов на ступени основной школы; развитие способностей младших школьников к общению в полиэтнической и многоконфессиональной среде на основе взаимного уважения и диалога во имя общественного мира и согласия.

Результаты полевых исследований проведенных в Республике Башкортостан продемонстрировали положительный воспитательный эффект от внедренного курса.

Результаты опроса учителей на вопрос: «К каким положительным результатам привело внедрение курса ОРКСЭ?», с возможностью выбирать несколько вариантов ответов распределились следующим образом:

Расширение кругозора детей	73,53%
Духовное и культурное развитие детей	72,06%
Формирование уважительного отношения к различным религиям	58,82%
Повышение нравственности детей	**82,35%**
Формирование уважительного отношения к старшим	52,94%
Формирование ценности здорового образа жизни	41,18%
Формирование патриотизма и гражданской солидарности	41,18%
Снижение уровня преступности, наркомании в подростковой среде	29,41%
Приобщение молодежи к вере	17,65%

Таким образом, большинство учителей остановились на воспитательных возможностях введенного курса. Также особенно важно, что большинство учителей, что предмет формирует уважительное отношение к религиям.

Среди вопросов, которые предлагались учителям, была возможность оценить, как они определяют отношение родителей, учащихся и коллег к предмету ОРКСЭ.

Отношение родителей к новому предмету вы считаете в основном	Положительным	85,29%
	Равнодушным	5,88%
	Отрицательным	0,00%
	Затрудняюсь ответить	8,82%

Отношение учеников к новому предмету Вы считаете в основном	Положительным	92,65%
	Равнодушным	2,94%
	Отрицательным	0,00%
	Затрудняюсь ответить	4,41%

Отношение коллег к новому предмету Вы считаете в основном	Положительным	73,53%
	Равнодушным	5,88%
	Отрицательным	1,47%
	Затрудняюсь ответить	19,12%

Все три таблицы демонстрируют то, что родители, коллеги и в особенности учащиеся положительно реагируют на внедрение комплексного учебного курса ОРКСЭ.

Рассматривая опыт первых лет внедрения предмета ОРКСЭ можно сказать, что данный курс может служить и служит инструментом формирования толерантности у учащихся начальных классов. Учитывая воспитательный потенциал данного предмета, в течении последующих лет как нам кажется, будет возможно расширение курса на следующие ступени общеобразовательной школы.

Однако на настоящий момент остаются недоработанными следующие механизмы, связанные с объективными причинами: поликонфессиональный состав учащихся большинства общеобразовательных учреждений практически полностью закрывает двери для конфессиональных модулей, потому что выбор модуля на данном родительском собрании становится определенным компромиссом, что как раз и смущает на настоящий момент представителей РПЦ. Другой немаловажной проблемой становится учебно-методическая база школы, обновлять ежегодно которую не представляется возможным.

Данные механизмы будут постепенно регулироваться, пока не будет завершена институционализация курса. На настоящий момент важнейшей для курса ОРКСЭ, безусловно, остается фигура учителя начальных классов, который сам формирует содержание учебного курса, и именно от его позиции зависит влияние предмета.

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

FORMATION OF TOLERANT CONSCIOUSNESS:PEDAGOGICAL ASPECT

Т. К. Платонова (ПИ ИГУ, г. Иркутск, Россия)
T. K. Platonova (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Аннотация. *В данной статье рассматривается вопрос необходимости создания системы условий, способствующих созданию толерантно ориентированной позиции ребенка в образовательном учреждении. Сформулированы педагогические условия, способствующие формированию толерантного сознания школьников.*

Abstract. *This article discusses the need for a system environment conducive to creating a tolerant oriented position of the child in an educational institution. Articulated pedagogical conditions, contributing to the formation of tolerance schoolchildren.*

Ключевые слова: *толерантность, общество, педагогика, методы, формирование.*
Keywords: *tolerance, society, education, methods, formation.*

В современном обществе социальной необходимостью признаны принципы толерантности. Толерантно ориентированная позиция является условием социальной стабильности и бесконфликтного межэтнического взаимодействия в поликультурной среде. Необходимость создания системы социальных и педагогических условий, способствующих формированию толерантных убеждений, взглядов и навыков толерантного поведения в микросреде – в семье, в образовательном учреждении, при участии родителей, педагогов, работников социальной сферы, политики, СМИ и общества в целом, подтверждается общими положениями о правах человека, изложенными в Декларации ООН, и общими положениями о правах ребенка, изложенными в соответствующей Конвенции.

Развитие любого общества с перспективой достижения оптимального политического, экономического и нравственного состояния базируется на образовательной системе, моделирующей и реализующей актуальные социальные потребности. Следовательно, образование становится в современных условиях одним из наиболее

эффективных средств формирования новых отношений и норм поведения, в частности формирования толерантного сознания и соответствующего поведения. Решение данных задач требует новых подходов к организации образовательного процесса, его ориентации на минимизацию проблем интолерантного поведения ребенка, не только обладающего знаниями, умениями и навыками, но и способного к бесконфликтному общению в многонациональной среде. В поликультурной среде необходимо формирование сознания в духе гуманистических идей, готового к сотрудничеству, терпимого к любому иному социальному проявлению. Данные общественные запросы повышают антропологическую и этическую компоненты образования. На современном этапе возрастает роль педагогических технологий и методов формирования толерантности. Подобную совокупность условий и методов формирования толерантности можно обозначить как педагогику толерантности.

Анализ психолого-дидактической литературы, посвященной вопросам толерантности, позволяет сформулировать следующие педагогические условия формирования толерантности в школьном учреждении:

–создание толерантного пространства в дошкольном учреждении;

–подготовка педагога, соответствующая целям и задачам толерантного воспитания;

–применение педагогических технологий, ориентированных на развитие толерантности;

–взаимодействие педагогов и родителей в воспитании толерантности.

Итак, первым условием является создание толерантного пространства школьного учреждения, в котором каждый ребенок, независимо от этнической принадлежности, будет чувствовать себя комфортно, защищенно и будет способен к открытому взаимодействию с окружающим миром. Значимая роль в создании такого пространства принадлежит всему педагогическому коллективу. Необходимо создать в учреждении благоприятный социально-психологический климат как основу формирования толерантного пространства. Чувства собственного достоинства, самоуважения, уважения к окружающим людям независимо от их социальной принадлежности, национальности, расы, культуры и религии – все это необходимо для людей, которые взаимодействуют с подрастающим поколением.

Вторым педагогическим условием является соответствующая целям и задачам толерантного воспитания подготовка педагога. Педагога часто называют «душой образовательного процесса». От его личностного потенциала, профессиональных знаний и умений, от его убеждений, взглядов, мировоззрения зависит эффективность, продуктивность общения и совместной деятельности [8; 240]. Трудно представить, что нетерпимый к другим педагог сможет воспитать у ребенка толерантное отношение к другим культурам. Важнейшими качествами педагога в работе с детским коллективом являются верность общечеловеческим ценностям, духовное богатство и демократизм, эмпатия, способность понимать и чувствовать ребенка. Обобщая, можно перечислить качества, которыми должен обладать педагог в анализируемой педагогической ситуации:

–общенациональная культура педагога, культура сотрудничества и взаимодействия;

–глубокое знание национальной культуры, проявление ее в поведении;

–профессиональное мастерство, освоение новых приемов работы;

–психологическая установка на толерантность, этнокультурное общение;

–отношение к детскому коллективу как свободной общности единомышленников;

–стремление к самоанализу и саморазвитию.

Помимо личностно значимых для ребенка и профессионально необходимых качеств, педагог должен обладать специальными технологиями взаимодействия с детским коллективом. Исходя из этого, третьим педагогическим условием формирования толерантности в детском учреждении является применение педагогических технологий, ориентированных на развитие толерантности. К таковым относятся личностно ориентированные технологии, например, диалог, дискуссия, сотрудничество.

Диалог является одним из ведущих компонентов современной гуманистической парадигмы. В диалоге проявляется индивидуальность и постигается своеобразие другого человека, т.к. именно диалоговое взаимодействие подразумевает равенство позиций в общении. В сфере диалогового общения специфическое место занимает дискуссия. Ее главная цель – развитие коммуникативной и дискуссионной культуры в процессе поиска истины. Умело организованная дискуссия является важнейшей методической формой развития толерантности. Следующей педагогической технологией является сотрудничество, которое подразумевает совместное определение целей деятельности, совместное планирование, распределение сил и средств на основе возможностей каждого. Педагогика сотрудничества предусматривает организацию деловых контактов, совместную постановку задач и анализа процесса их решения. Данный стиль взаимодействия в педагогическом процессе связан с гуманизацией и демократизацией общества, активизацией инициативы и творчества людей, более полным раскрытием личностного потенциала каждого человека, что в полной мере способствует формированию толерантности.

Четвертым педагогическим условием формирования толерантности является взаимодействие педагогов и родителей в воспитании толерантности. Значение семьи в формировании толерантного сознания и поведения ребенка трудно переоценить. Родители являются первыми и основными воспитателями детей, и невозможно сформировать толерантность у ребенка, если они не являются союзниками педагогов в решении этой задачи.

Пятым педагогическим условием формирования толерантности является разработка и внедрение в педагогическую практику детских учреждений специальных программ по формированию толерантности.

В условиях социальной нестабильности проблемы общественного порядка могут получать дополнительную энергию за счет переведения ее в плоскость межэтнических отношений. Очевидно, что для снижения конфликтности на межэтнической почве необходимы эффективные образовательные программы. Формирование толерантной личности начинается с дошкольного и школьного обучения. В структуре образовательных программ должны быть разделы, посвященные формированию «социально-эмоционального» или «нравственного» воспитания, развитию гуманных чувств, формированию этических представлений, навыков культурного поведения, социально-общественных качеств. В основе процессов формировании сознания будущего поколения – педагогика толерантности.

Список использованных источников

1. Асташова Н. А. Проблема воспитания толерантности в системе образовательного учреждения // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): сб. науч. тр. – М., 2003.

2. Кукушин В. С. Воспитание толерантности личности в культурном социуме: пособие для учителя. – Ростов н/Д: ГинГо, 2001.
3. Рожков М. И., Байбородова Л. В., Ковальчук М. А. Воспитание толерантности у школьников. – Ярославль, 2003.
4. Селюкова Е. А. Воспитание толерантных взаимоотношений в школе. – М., 2013.
5. Авакумова И. В., Ермаков П. Н. О становлении толерантности личности в поликультурном образовании // Вопросы психологии. – 2003. – № 3.
6. Клепцова Е. Ю. Психология и педагогика толерантности. – М: Академический проект, 2004.
7. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Толерантность: введение в проблему. – М., 2003.
8. Безюлева Г. В., Бондырева С. К., Шеламова Г. М. Толерантность в пространстве образования: учебное пособие. – М., 2009.

НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РАМКАХ АСИММЕТРИЧНОЙ КОНСТРУКЦИИ «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ И РАВЕНСТВО»

NATION AND NATIONAL MOVEMENT UNDER ASYMMETRIC DESIGN «THE EXCLUSIVITY AND EQUALITY»

С. Ю. Романов (ГБОУ ВПО «БАГСУ», г. Уфа, Россия)
S. Y. Romanov (Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена анализу политического контекста существования национальных политических партий и движений в условиях формирования национально-территориальных образований.*

Abstract. *The article is devoted to analysis of the political context of the existence of national political parties and movements in terms of the design of the national-territorial formations.*

Ключевые слова: *партия, автономия, национальное движение, нация, самоопределение, институт.*

Keywords: *advertising, promotion, national idea, brand name, national leader, efficiency of perception*

В начале XX в. и в 90-х гг. XX в. вплоть до появления в 2001 г. Федерального Закона № 95-ФЗ «О политических партиях» не существовало формулировки: «*Не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности*» [6]. В современной России национальные партии и движения оказались лишены возможности легально вести политическую деятельность и агитацию. Они либо перешли на полулегальное положение, в том смысле, что национальные лозунги открыто не озвучиваются, либо вошли в состав легальных политических партий, став их компонентом. Между тем в начале XX века и в период перестройки весьма эффективно удавалось использовать потенциал национальных движений и партий, действовавших под лозунгами реализации

права на самоопределение. Анализируя вероятные сценарии развития политических событий в России, В. Ленин предположил, что под влиянием буржуазно-демократической революции в России национальные движения под лозунгами реализации права наций на самоопределение могут остановиться на уровне установления равноправного положения наций, выхода из состава России отдельных территорий с образованием на них буржуазных национальных государств. Не исключал В. Ленин и вероятности возникновения цепной реакции. По его выражению: «*Теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию… пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания права на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать ничего насчет другой нации*» [5, т. 25, с. 273–274]. Иными словами, социал-демократическое движение и в вопросе реализации права наций на самоопределения должно исходить из принципа установления действительного равенства между различными нациями.

По этой причине всякое возвышение одной нации, признание ее исключительности или избранности ввиду исторических условий образования и расселения, потенции к самоопределению и исторической роли в образовании государства В. И. Ленин считал уклоном, инициируемым буржуазией в своих интересах. В подобных условиях ущемление прав одних народов за счет расширения прав других неизбежно. По выражению В. Ленина: *«Буржуазии каждой нации нужны гарантии ее выгод без отношения к положению (к возможным минусам) иных наций*» [5, т. 25, с. 274]. Диалектический синтез интересов нации и ее буржуазии приводил к образованию буржуазно-националистических режимов, направленных против революционного движения. По выражению В. Ленина: «*Буржуазии интереснее всего «осуществимость» данного требования (права нации на самоопределение – авт.), – отсюда вечная политика сделок с буржуазией иных наций в ущерб пролетариату. Пролетариату же важно укрепление своего класса против буржуазии, воспитание масс в духе последовательной демократии и социализма*» [5, т. 25, с. 274]. Иными словами, в результате целенаправленной политики буржуазии по воспитанию нации в духе избранности происходило формирование буржуазных наций угнетателей и буржуазных наций угнетенных. В их индивидуальном сознании идеологические установки находятся в единстве с такой конфигурацией экономического базиса и политико-правой надстройки, при которой нация получает наибольший по отношению к другим нациям приоритет. Она превращается в нацию-угнетателя. Другие нации, чьи экономические, политические и иные права ограничены, превращаются в угнетаемые нации. Эту ситуацию В. Ленин иллюстрирует на примере взаимоотношений великорусской нации и других народов, населявших царскую Россию: «*Великорусы в России нация угнетающая, а в национальном отношении, естественно, оппортунизм выразится иначе среди угнетенных и среди угнетающих наций*» [5, т. 25, с. 274]. В данном случае В. Ленин допустил ошибку в историческом обобщении. Она состоит в том, что на протяжении истории Российского государства права национальных меньшинств законодательно защищались и ущемлялись неравномерно. Национальная политика царского правительства носила избирательный региональный характер, разделяющийся на этапы и множество подэтапов в зависимости от местных условий:

Первый основной этап начинался в период присоединения национальных окраин, экономические (прежде всего земельные) и политические права наций их населяющих, не только не ущемлялись, но являлись приоритетными. Особенно это касалась

народов, которые вошли в состав империи в результате дипломатических переговоров. По этой причине сначала кантонным башкирам в XVIII в. были гарантированы вотчинные права, под них создавалась отличная от общероссийской система управления и т. д.: «*После присоединения Южного Урала к Российскому государству возникла проблема охраны растянувшейся на тысячи верст новой границы, отражения набегов степняков-кочевников. Ресурсы центральной власти были еще слишком слабы и фактически с конца XVI и до начала XVIII вв. оборону юго-восточных рубежей несла башкирская родоплеменная знать (тарханы, батыры и т. д.) преимущественно Ногайской дороги. Как и в случаях с казачеством правительству пришлось согласиться с наличием у башкирской верхушки собственных вооруженных сил, которые только и могли успешно отражать набеги из степи*» [7, с. 4]. Наличие собственных вооруженных образований является, как известно, предельным уровнем политических прав, которые подкреплялись законодательно правом на землю: «*Став верховным собственником земель, Русское государство юридически закрепило за башкирскими племенами и родами право владения вотчинными (общинными) землями. Земельная политике царизма в этот период была направлена на сохранение земель у башкир-вотчинников*» [9, с. 22–24]. Вотчинные права, так же как и право не платить подати, гарантировались Соборным Уложением 1649 г., правительственными указами от 1664, 1682, 1694 гг. [1]. Изменения в этой системе взаимоотношений начались в XVIII в. в связи с установлением классического самодержавия в Российской империи. Они положили начало массовым раздачам земель, в том числе и башкирских, военному дворянству и гражданскому чиновничеству, переводу наделов в собственность государства. При этом сложилась ситуация, при которой самодержавие в своих полномочиях ограничивалось на отдельных территориях вотчинными и иными правами, данными национальным меньшинствам в прошлом. Попытка привести политическое и экономическое пространство России к единообразию привела к башкирским восстаниям XVII–XVIII вв., которые грозили реализацией права башкирской нации на самоопределение в форме выхода из состава государства. В результате «*правительство вынуждено было подтвердить сохранение за башкирами вотчинного права*» [9, с. 22–24]. Такая система политических отношений сохранялась до того 40–50 гг. XIX в., то есть до того момента, когда Башкирия, в результате присоединения Казахстана превратилась во внутреннюю территорию. При этом кантонные права и повинности были перенесены на казахов, ставших нацией, расселенной на новой окраине государства. С этого момента начался следующий этап национальной политики самодержавия.

Второй этап был направлен на выравнивание социально-экономических и политических прав национальных меньшинств с правами и обязанностями других народов, расселенных чересполосицей. В его ходе через русификацию, исламизацию и христианизацию, ликвидацию привилегий национальных сословий и наций трансформировалось индивидуальное и общественное сознание национальных меньшинств, их экономическое бытие: «*Начиная с крестьянской реформы 1861 г., земельная политика царизма в Башкортостане была направлена на постепенное выравнивание социального положения башкир-вотчинников и пришлого населения края*» [9, с. 22–24]. Необходимо учитывать то, что социально-экономический, политический и мировоззренческий уровень развития башкирской элиты в этот момент находился на стадии формирования феодальных отношений. Слой феодалов еще не окреп, эксплуатация феодально-зависимого населения не приняла своей классической формы, которая в центральной России вступила уже в стадию распада. Учитывая этот фактор, царизм вел диалектиче-

скую национальную политику: с одной стороны он уравнивал в правах башкир-вотчинников с пришлым населением, создавая, таким образом, класс мелких собственников и сельского пролетариата; с другой стороны, содействовал формированию феодалов: «*10 февр. 1869 был издан Закон о размежевании башкирских земель, на основании которого из единого фонда башкирских земель образовывались 3 категории земельных фондов: 1) душевые наделы башкир-вотчинников; 2) «свободные», сверх душевого надела, земли башкир-вотчинников; 3) запасные земли. Земли 2-й и 3-й категорий могли сдаваться в аренду или передаваться в ведение казны*» [9, с. 22–24]. Класс феодалов получил экономический базис в виде земельных наделов, которые он мог реализовывать на рынке. Ввиду того, что продажа земель приносила быстрый, а, возможно, гораздо больший доход по сравнению с ее эксплуатацией, они стремительно распродавались: «*В итоге за 1869–78 в Уфимской и Оренбургской губернии отчуждено 1047 тыс. десятин башкирских земель*» [9, с. 22–24]. Происходило первоначальное накопление капитала в руках феодальной элиты, которая частично переходила в класс буржуазии.

Правящая элита была разделена на местных феодалов и нарождающийся слой буржуазии, также являющийся в царской России правящим классом. При этом экономическое и политическое положение местных национальных элит в ходе крестьянской реформы не только не ослабло, но значительно укрепилось. Именно это стало причиной того, что национальное движение в Башкирии приняло пролетарский характер. Оказавшись без поддержки местных национальных элит, оно не могло достигнуть уровня, при котором возникал осмысленный лозунг: «*Требуем реализации права на самоопределение». Укрепление государства методом дробления общества на элиту и остальное население подкреплялось мероприятиями административно-территориального характера. В 1865 г. Оренбургская губерния была разделена на Уфимскую и Оренбургскую. Со времен Екатерины II метод дробления губерний приносил положительный, с точки зрения наведения конституционного порядка эффект за счет количественного увеличения численности местной администрации и сил правопорядка. Вплоть до начала XX в. происходило дробление Уфимской губернии на волости, примерно по 10 тыс. человек. При этом соблюдался национально-территориальный принцип при организации местного самоуправления. Эта методика была не только удобной с точки зрения удобства управления и классово оправданной в интересах буржуазии. Эти мероприятия позволяли осуществлять дальнейшую политику по внедрению рыночных отношений в сельское хозяйство: «6 июня 1894 г. подписан Закон «О принятии в казенное заведение башкирских лесов Уфимской и Оренбургской губерний». 20 апр. 1898 г. последовал Указ о размежевании башкирских земель между сельскими обществами. Часть земель отводилась в гос. запас, остальная составляла фонд свободных земель, подлежащих сдаче в аренду или продаже. По Указу правительства от 8 июня 1901 г. частные лица могли получать казенные земли на Урале и в Сибири. В годы Столыпинской аграрной реформы Крестьянским поземельным банком было куплено 417,9 тыс. помещичьих и башкирских земель*» [3, с. 67–68]. Применительно к ситуации в Башкирии начала XX в., ленинская трактовка национального движения и реализации права наций на самоопределение сохраняет свою актуальность. Однако она не учитывает того факта, что массы переселенцев в пореформенный период (кстати говоря, это были не только русские, которые действительной составляли большинство, но и другие нации) оказались в ситуации тройного гнета, который был значительно тяжелее этнополитического и экономического гнета по отношению к башкирскому населению, находившемуся под двойным гне-

том. Данный феномен – местная специфика, сформировавшаяся во второй половине XIX в. в результате реформ. Именно этим объясняется противостояние местной угнетающей и угнетенной буржуазии: «*Поскольку буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, постольку мы всегда и во всяком случае и решительнее всех за, ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения. Поскольку буржуазия угнетенной нации стоит за свой буржуазный национализм, мы против. Борьба с привилегиями и насилиями нации угнетающей и никакого попустительства стремлению к привилегиям со стороны угнетенной нации*» [5, т. 25, с. 275]. Его своеобразие состояло в том, что на общенациональном уровне великорусский народ выступал в роли угнетателя по отношению к башкирскому народу, на местном же уровне башкирский народ имел приоритеты по отношению к общинам переселенцев. Такая трехуровневая система национального гнета сформировалась к началу XX в. Она имела свои неоспоримые политические достоинства в период стабильности социально-экономических и политических процессов, а недостатки актуализовывала вовремя нарастания революционного движения. Возникал феномен противостояния великорусского шовинизма и местного национализма.

Этим противостоянием было достаточно легко воспользоваться в интересах революционного движения. По этой причине В. И. Ленин заявляет о поддержке национального движения: «*Поскольку буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, постольку мы всегда и во всяком случае и решительнее всех за, ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения… Увлеченная борьбой с национализмом в Польше, Роза Люксембург забыла о национализме великорусов*» [5, т. 25, с. 275]. Иными словам, В. Ленин предложил использовать национальные движения в борьбе с великорусским полуфеодальным шовинизмом, поддерживающим самодержавие. Он призывает не бояться оказывать всемерную поддержку местному национализму, если он направлен против самодержавия. По выражению В. Ленина: «*Боясь «помочь» националистической буржуазии Польши, Роза Люксембург своим отрицанием права на отделение в программе российских марксистов помогает на деле черносотенцам великорусам. Она помогает на деле оппортунистическому примирению с привилегиями (и хуже, чем привилегиями) великорусов*» [5, т. 25, с. 275]. При этом дальнейшая политика по отношению к национальным движениям зависела от той формы самоопределения нации, которую избирала местная национальная элита.

Если национальное движение переходило на сторону пролетарской революции и ограничивалось в своих требованиях установлением национального равенства, то оно могло сохранить поддержку большевиков. В противном случае национальные движения и их руководители (примером может служить биография А.-З. Валиди) должны были подвергаться преследованию: «*Поскольку буржуазия угнетенной нации стоит за свой буржуазный национализм, мы против. Борьба с привилегиями и насилиями нации угнетающей и никакого попустительства стремлению к привилегиям со стороны угнетенной нации*» [5, т. 25, с. 275]. Иными словами, диалектика угнетения большими народами малых и наоборот, по мнению В. Ленина, в конкретно-исторических условиях должна определять отношение РСДРП(б) к национальным движениям и их лозунгам, направленным на реализацию права на самоопределение. Возникающие в процессе диалога между сторонами этнополитического процесса противоположности и противоречия интересов приводят к борьбе между нациями на разных уровнях развития общества. Как пишет по этому поводу В. Ленин: «*Возьмем позицию угнетающей нации. Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Ин-*

тересы свободы великорусского населения требуют борьбы с таким угнетением. гая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда такого подавления со стороны «высших» классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках и т. д.» [5, т. 25, с. 276]. Иначе говоря, В. Ленин указывал на противоречия между общественно-политическим бытием национальных меньшинств и общественным сознанием великорусского народа.

Национальные движения угнетенных меньшинств несвободны в своем стремлении к самоопределению и получению приоритетов по отношению к другим народам. Аналогичным образом позиция русского народа, направленная на притеснение национальных меньшинств, ориентирована на сохранение своих привилегий и воспрепятствование реализации их права на самоопределение в форме образования самостоятельного государства: «*Создание самостоятельного и независимого национального государства остается пока в России привилегией одной только великорусской нации. Мы, великорусские пролетарии, не защищаем никаких привилегий, не защищаем и этой привилегии. Мы боремся на почве данного государства, объединяем рабочих всех наций данного государства, мы не можем ручаться за тот или иной путь национального развития, мы через все возможные пути идем к своей классовой цели*» [5, т. 25, с. 276–277]. Данное противоречие приводит к актуализации на всех уровнях политической надстройки противоречий между общественном бытием и общественным сознанием национальных меньшинств и русского народа как нациеобразующего в Российской империи в начале XX в. Здесь, на наш взгляд, В. Ленин допускал умышленную ошибку, связанную с политической конъюнктурой того времени. Он не учитывает того факта, что привилегии великорусского народа, связанные с его нациеобразующим статусом носили региональный характер. Поясним на примерах. Прежде всего, речь следует повести о царствах Польском и Финляндском. Они имели свои законодательные (представительные) органы, местное самоуправление [2, с. 40–52], полицию, армию, собственные национальные движения и т.д. таких привилегий российская элита и русский народ не имели до революции 1905 г.

В национальных регионах России (Татарии, Башкирии и т. д.) вплоть до начала XX в. существовали привилегии для национальных меньшинств – кантонные и вотчинные права, освобождение от военной повинности и уплаты налогов. И национально-территориальные образования и национальные меньшинства имели право на сохранение своих религиозных и языковых традиций и образовательного пространства, В. Ленин абстрагировался от этих фактов и акцентировал свое внимание лишь на государственных привилегиях. Следует отметить, что русский народ в отличие от поляков и финнов, башкир, татар и других народов, которые можно считать национальными меньшинствами Российской империи начала XX в., единственный не имел институтов и механизмов реализации своих прав, формально являвшихся приоритетными. Имеющиеся же государственные институты находились в руках интернационального по своему происхождению, способу образования и мировоззрению, в основном проевропейски настроенному, дворянству. Система локальных национально-территориальных привилегий меньшинств, при общем приоритете русского народа, в единстве устанавливала баланс политической и экономической систем. В результате буржуазных экономических и политических реформ произошла разбалансировка, общество как система перешло в неравновесное состояние. В связи с этим определенный интерес представляет обращение В. Ленина к примеру Украины,

которой он обещал право на образование самостоятельного государства: «*Суждено ли, например, Украине составить самостоятельное государство, это зависит от 1000 факторов, не известных заранее. И, не пытаясь «гадать» попусту, мы твердо стоим на том, что несомненно: право Украины на такое государство. Мы уважаем это право, мы не поддерживаем привилегий великоросса над украинцами, мы воспитываем массы в духе признания этого права, в духе отрицания государственных привилегий какой бы то ни было нации*» [5, т. 25, с. 277]. Необходимо отметить, что Украина, Белоруссия и республики Прибалтики вошли в состав царской России, обладая уже своими государственными, феодальными и постфеодальными институтами, гарантировавшими существование и предельно широкие полномочия местного самоуправления на основе Магдебургского права[1]. В Киеве, как известно, оно продолжало сохраняться до 1835 г. Некоторые из этих прав в трансформированном виде сохранялись в советский период.

В 1913 г. В. Ленин сообщал М. Горькому: «*У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы Мы на это наляжем*» [5, т. 25, с. 162]. По его просьбе рукопись просмотрели и и дополнили Л. Каменев, Л. Красин, С. Шаумян и другие деятели РСДРП(б). Поэтому в определенной мере «Марксизм и национальный вопрос» представлял собой коллективный труд. Появление работы было обусловлено ростом национализма, все более настойчивым проникновением этого идейного течения в ряды европейской и российской социал-демократии. В этот период, накануне первой мировой войны, боролись разные теории нации, две партийные программы: австрийская, поддержанная Бундом[2] и меньшевиками и русская, большевистская. В статье И. Сталин впервые дал марксистское определение нации, которое практически без изменений служит познавательным инструментом для многих поколений обществоведов. Это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, территории, экономической жизни и психологии.

Анализ советской историографии по национальному вопросу показывает, что сначала в партийной (большевистской) печати разрабатываются основные программные материалы, теоретические вопросы по национальной проблеме. Примерно с 1912 г. И. Сталин выступал как партийный пропагандист ленинских идей, разъяснявший в схематичной форме сложные диалектические выводы и положения вождя. Свыше 10 изданий его сборника «Вопросы ленинизма» в России, СССР и в других странах, прежде всего развивающихся и социалистических, свидетельствуют об этом. После доклада в апреле 1917 г. на XII партийной конференции И. Сталин становится главным теоретиком и куратором по национальным делам. Первые годы советского строительства, в период «суверенизации» национальных и территориальных окраин бывшей многонациональной российской империи (Финляндия, Польша, Башкирия, Украина, Грузия, Азербайджан, Киргизия, Татар-

[1] Система правовых норм в области экономики, имущественных прав, общественно-политической жизни и сословного состояния горожан на основе локальной национально-территориальной системы юридических норм.

[2] Бунд – Всеобщий Еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, образовался в 1897 г. В 1898 г. вошел в РСДРП как автономная организация. В 1903 году на II съезде РСДРП вышел из его состава.

стан, Бухарское и Хивинские республики) И. Сталин активно подключался к практической реализации национального вопроса и курировал это направление. Важная роль принадлежит ему в образовании СССР, хотя В. Ленин буквально накануне этого события успел поправить сталинский план «автономизации наций» в рамках РСФСР и добиться их объединения вместе с РСФСР в союзную федерацию. Узкое понимание И. Сталиным советской федерации как объединения наций и народностей в областные автономии не изменилось.

Суть сталинской теоретической модели решения национального вопроса заключалась в том, что народы России вправе реализовать свое право на самоопределение через партийные институты. Угнетенным народам, входящим в состав России, должно быть предоставлено самим решать вопрос – хотят ли они оставаться в составе российского государства или выделяться в самостоятельное государство. Вопрос о праве наций на свободное отделение не позволительно смешивать с вопросом об обязательности самоопределения нации в тот или иной момент. Этот вопрос решается в каждом отдельном случае в зависимости от обстановки, поэтому вопрос о признании права на отделение не следует смешивать с целесообразностью и возможностью отделения. Устройство областных автономий для областей, которые не захотят отделиться и которые отличаются особенностями быта, языка, как, например, Закавказье, Узбекистан, Украина (Доклад на VII апрельской конференции РСДРП 1917 г.) должно быть предельно демократичным. Советская автономия допускает самые разнообразные формы и степени своего развития: от узкой административной автономии (немцы Поволжья, чуваши, карелы) она переходит к более широкой, политической автономии (башкиры, татары Поволжья, киргизы), от широкой политической автономии – к еще более расширенной ее форме (Украина, Узбекистан), наконец, от украинского типа автономии – к высшей договорной форме автономии (Азербайджан).

Советская автономизация как конкретная форма объединения национальных регионов вокруг центральной России, была невозможна без повышения культурного, социально-экономического, политического уровня, создания инфраструктуры государственного управления и поддержания правопорядка. Этим должны были заниматься только те люди, которые хорошо знают особенности мировоззрения и быта коренных народов: «*Необходимо поднять массы до Советской власти, а их лучших представителей – слить с последней. Но это не возможно без автономии этих окраин, т. е. без организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественно-политических и просветительских учреждений с гарантией полноты прав местного, родного для трудовых масс края, языка во всех сферах общественно-политической работы… Автономно-буржуазные группы, возникшие в декабре прошлого года в окраинах приволжских татар, башкир, киргиз, Туркестанского края, постепенно разоблачаются… Для того, чтобы окончательно оторвать от них «их же собственные массы» и сплотить последние вокруг Советов, необходимо «взять» у них автономию, предварительно очистив ее от буржуазной скверны, и превратить ее из буржуазной в советскую. Буржуазно-националистические группы требуют автономии для того, чтобы превратить в орудие закабаления «своих собственных» масс. Именно поэтому, «признавая центральную Советскую власть», они вместе с тем не хотят признать местных Советов, требуя невмешательства и их «внутренние дела»… Не отрицание автономии, а признание ее является очередной задачей Советской власти. Необходимо только автономию эту построить на базисе Советов на местах… Именно поэтому провозглашает Советская власть автономию*

татаро-башкирской территории. В этих же видах проектируется провозглашение автономии киргизской территории, Туркестанского края и т. д. Все это на основе признания Советов волостей, уездов и городов этих окраин на местах» [8, т. 4, с. 27–28]. Иными словами, И. Сталин определил и предопределил проективный характер национальных автономий как временную уступку на пути построения унитарного государства. Это тактическое отступление, необходимое для укрепления советской власти на местах через повышение роли Советов и их лидеров было необходимым этапом в последовательном движении к формированию новой этносоциальной общности – советский народ.

Сталинская теория и ее практическая реализация в Советском Союзе сводилась к следующему: в бесклассовом обществе можно решить национальную проблему, освободив национальные меньшинства от национального гнета, национальных движений и партий, строительства национально-государственных, национально-территориальных образований при доминировании политики демократического централизма и пролетарского интернационализма. Социалистические нации и культуры в процессе их диалектического развития, исчерпав свой потенциал, должны были перерасти в общегражданские и общечеловеческие. Предполагалось, что будет сформирована новая общность – советский человек. Будет создана национальная по форме, социалистическая по содержанию, культура. К 1933 г. число национально-территориальных образований закрепилось на уровне 35 союзных и автономных республик, а также национальных округов. В документах, удостоверяющих личность (паспортах, автобиографических данных, партийных и других документах) вводилась графа, позволяющая фиксировать этническую идентичность человека.

С учетом указанных теоретических разработок на X съезде РКП(б) формировалась первоначальная модель решения национального вопроса, призванная помочь невеликорусским народам догнать ушедшую вперед центральную Россию, а именно: а) развивать и укреплять советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развивать и укреплять действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей, знающих быт и психологию местного населения; в) развивать прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательных, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую очередь для киргизов, башкир, туркмен, узбеков и др.) для ускоренной подготовки национальных кадров.

В связи с этим можно особо отметить, что решение национального вопроса в стране не зависело от степени хозяйственного и культурного развития народов, их численности, постоянства территории и населения, наличия или отсутствия государственности. Указывая на это, В. Сталин отмечал, что в отличие от Запада, на Востоке Европы, в том числе в России, образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и т.д.) произошло раньше ликвидации феодализма. Образование Союза ССР, формирование новых союзных и автономных республик, национально-территориальных образований, создание федеративного государства этнического характера означало, что это государство с центральным ядром – РСФСР – берет на себя ответственность и функцию за подтягивание всех насе-

ляющих союзное государство невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию[1].

По мере укрепления партийно-государственного режима постепенно отпала необходимость научного осмысления и практического решения проблем этнополитического развития. Процессы развития этнонаций, получившие начало в 20-х годах двадцатого столетия, были искусственно прерваны. В памяти народов советский период их жизни остался как время сотрудничества и дружбы народов, социального единства, общих идей и ценностей, время развития национальной культуры, образования, науки, искусства, строительства новых заводов, фабрик и дорог, развитие коллективных форм хозяйств на селе. В то же время советское прошлое омрачало грубые нарушения прав народов, ликвидация ряда АССР и депортация их коренного населения, унижение национальной интеллигенции, репрессии, резкое сужение суверенных прав республик, унификация культуры. Оно обернулось ликвидацией «*неперспективных деревень» и так называемой «совхозизацией» колхозов, появлением сотен и тысяч «соцгородов» и поселений с утерянными истоками этнической культуры, безликих, обедненных по архитектуре, с крайне слабой инфраструктурой. Их многонациональное население, не успевшее за прошедшие десятилетия компенсировать потерю этничности и этнического колорита в культуре высоким развитием общей культуры, оказалось в сущности в положении маргинальных групп*» [4, с. 2–3]. Большая часть этих негативных мероприятий осуществлялись в рамках осуществления кадровых перестановок, укрепления режима личной власти и наказания тех, кто посмел ослушаться. Объективные закономерности этнонационального развития СССР и советские 70 лет, таким образом, определяются субъективными вторжениями в объективный и эволюционный ход событий, грубым нарушением, а нередко разрушением естественного и, как правило, растянутого во времени процесса национального развития [4, с. 5].

Опыт советского периода с теоретической точки зрения интересен тем, что будущее башкирского народа, как и других народов многонациональной Российской Федерации, – в обеспечении естественных темпов их развития и модернизации. Этот опыт также подтвердил научное положение о том, что этнонациональные процессы бесконечны, перманентны, идут всегда и будут постоянным фактом истории, пока существует человечество[4, с. 8]. Еще один важнейший вывод, имеющей методологическое значение. В многонациональных государствах, какими был Советский Союз, национальные движения могут решать свои цели и задачи только при определенных

---

[1] В делегации РСФСР, образованной для выработки Декларации и Договора об объединении советских республик, были включены, наряду с М. Калининым, Л. Троцким, И. Сталиным, А. Рыковым, Л. Каменевым, А. Цурюпой, В. Молотовым и другими представителями центра, и руководители национальных автономий, в том числе БАССР и ТАССР М. Халиков, и М. Саидгалиев. XII съезд по докладу И. Сталина выделил акценты в постановке национального вопроса. Создание новой федерации имело исключительное значение для сохранения и развития взаимоотношений между центром и национальными окраинами». В июне 1923 года по инициативе И. Сталина состоялась IV совещание ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей по реализации практических мер в рамках резолюции XII съезда РКП по национальному вопросу. После доклада И. Сталина с информациями о положении дел на местах выступили представители двадцати парторганизаций. На совещании И. Сталин обрушивается с грубой, резкой критикой на председателя совнаркома ТАССР М. Султангалиева и представителей Башкортостана – М. Муртазина, А. Адигамова, М. Халикова и других. С этого сталинского совещания начались репрессии против лидеров национальных республик, обвинявшихся в национализме.

объективных условиях. Эти демократические преобразования в центре и столичных, крупных городах. Так было в 1917 г., когда возникло башкирское национальное движение, так развивались события в конце 80-х начале 90-х гг. XX столетия в Российской Федерации, когда советская перестройка и демократические процессы в России открыли путь Башкирской АССР к суверенитету. Поэтому методологически важно рассматривать процессы демократизации и национального возрождения в неразрывном единстве. Это диктуют рассмотрения изменений в башкирском обществе, проблем его модернизации с общедемократическими процессами в стране и в мире.

В работах В. Ленина и И. Сталина прослеживается эволюция их мировоззренческих установок. В интересах революционного движения, они постепенно переходят с позиций русского социал-демократического движения, на позиции интернационализма. Рассматривая национальные движения, как одного из возможных союзников в деле борьбы пролетариата за освобождение. Конструкция «право наций на самоопределение» является рамочной и в этом смысле предельно общей. В ее пределах крайне разнообразным может быть самоопределение нации. Их возникновение и существование в дореволюционном и в постперестроечном прошлом было возможно в результате правовой асимметрии территорий, входивших в состав сначала Царской, а затем Советской России и СССР. Хотя причины неравновесности статусов разных территорий были неоднородными и менялись в зависимости от геополитических границ государства и политической конъюнктуры, но общий принцип сохранение исключительности ради равенства сохранялся. Правовая и политическая асимметрия государственного устройства, являлась естественным фактором различия в правах, обязанностях и возможностях наций в их праве на самоопределение.

Список использованных источников

1. Акманов А. И. Земельная политика царского правительства в Башкирии (вторая половина XVI – начало XX вв.): монография. Уфа: Китап, 2000. 208 с.
2. Зелинский К. Восстание или революция? 1905 год в Царстве Польском // Журнал «Неприкосновенный запас». 2005. № 6. С. 40–52.
3. Земельная политика царизма // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Гл. ред. Р. З. Шакуров. Уфа: Науч. изд-во «Башкирская энциклопедия», 1996. 672 с.
4. Кузеев Р. Г. Межнациональные отношения: история, теория, пути демократического решения. Уфа: Знание, 1990. 58 с.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 25. Изд. 5. М.: Издательство политической литературы. 1960. 530 с.
6. О политических партиях: Федеральный Закон Российской Федерации от 11.07.2001 № 95-ФЗ: Принят Государственной Думой 21 июня 2001 г. : Одобрен Советом Федерации 29 июня 2001 г.: // Газ. «Рос. газ.». 2001. 14 июля.
7. Сайфуллина Л. Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века : автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Уфа. 2009. 16 с.
8. Сталин И. В. Полное собрание сочинений. В 18 т. Т.4. М.: Издательство политической литературы. 464 с.
9. Усманов А. Н. Развитие земледелия в Башкирии в 3-ей четверти XVIII в. // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Сборник статей. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 22–32.

ПУТИ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

WAYS AND STRATEGY IMPLEMENTATION MECHANISMS OF STATE NATIONAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Г. В. Рябцовский, Т. С. Болховитина (РАНХиГС, г. Москва, Россия, Брянский филиал)
G. V. Ryabcovsky, T. S. Bolhovitina (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA))

Аннотация. *Статья посвящена проблемам реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Выявлена и обоснована необходимость через традиционные формы государственного управления определить приоритетные направления и эффективные механизмы регулирования государственной национальной политики. На основе проведенного исследования авторами предлагается уделить особое внимание повышению образовательных и культурно-просветительских мер в сфере реализации государственной национальной политики.*

Abstract. *The article investigates the implementation of the «Strategy of the state national policy of the Russian Federation until 2025». Identified the necessity through the traditional form of government to determine the direction of priority orientation and effective mechanisms for regulating the national public policy. The authors offered to pay special attention to improving the educational, cultural and educational measures in the implementation of the state national policy.*

Ключевые слова: *стратегия, национальная политика, государственное управление, культура, воспитание, этничность, идентичность.*

Keywords: *strategy, national policy, public administration, culture, education, ethnicity, identity.*

В мировой практике пройден достаточно сложный, но реальный путь правовой защиты прав человека, гражданина. В то же время происходившие процессы затронули интересы целых этнических групп, поставив на повестку дня проблемы защиты прав народов как субъектов международного права. Современный мир бросает вызовы всем странам, но прежде всего тем, которые выступает за умение граждан жить в согласии друг с другом, особенно трудно достигаемом в обществах с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения. Фактически, детище второй половины XX века – институт прав человека приобретает новую логику своего звучания в соотношении индивидуальных и коллективных форм правовой защиты. Следует отметить еще один фактор – в научной среде не утихают дискуссии относительно того, чему отдавать в реальной жизни предпочтение: этнической или гражданской идентичности. Сторонники идей неолиберализма и геоглобализма, утверждая превосходство индивидуализма, тем самым выступают против любого вида идентичности – этнической идентичности; коллективной идентичности; гендерной; социальной; сексуальной; антропологической[1]

[1] В противовес позиции объективности идентичности некоторые американские социологи, опираясь на последние исследования палеонтологов, уходят от признания рас, разделения людей по этническим признакам или иным признакам. Основной тезис неолиберальной социологии: *«…нет рас – нет этничности – нет национальных меньшинств и национального большинства – нет проблем…»*, базируется на том, что конкуренция по показателю «*богатство социальных функций*» ведет к резкому снижению разнообразия этносоциальных видов (*примеч. автора*).

и т. д. [1]. Логическим продолжением этого процесса может стать отказ от идентичности человека[1], потому что человек – это коллективная идентичность[2]. Однако, гражданское и, тем более, межнациональное и межконфессиональное согласие – это не один раз достигнутое и на века предопределенное состояние общества. Это постоянная динамика, нередко характеризующаяся проявлением различных форм радикализма и экстремизма. Это тяжелейшая работа государства, общества и каждого гражданина, требующая взвешенной политики межэтнических отношений, способной обеспечить и «единство в многообразии» и «многообразие в единстве»[3] [2, 3, 4].

В разные периоды истории России государственная власть формировала различные модели межнациональных и межконфессиональных отношений. Кроме этого, само российское общество, уникальное своим этническим разнообразием, накопило богатый

---

[1] Так некоторые политики и государственные деятели объединенной Европы заявляют о полном провале своей национальной политики за последнее десятилетие. *«…европейский проект по созданию «мультикультуралистического общества», основанного на толерантности, гармонии культур, религий и наций, провалился…»* – с таким заявлением на Мюнхенской конференции по безопасности выступил британский премьер Дэвид Кэмерон.

[2] Современная либеральная идеология дает право человеку самому определять свою идентичность или отказаться от нее, сочетаясь с множеством идентичностей, но тогда сама категория «идентичности» в таких условиях является чем-то вроде *«никнэйма»* в социальных сетях, где принадлежность к определенному этническому сообществу, его нормам, ценностям и культуре уже больше не важны. Так появляются «русские», ненавидящие все русское и прославляющие только западные ценности или «лица кавказкой национальности» (термин, который долгое время был предметом медийного и общественного дискурса – *примечание автора*), «забывающие» ценности своей культуры. Однако, при этом, *«русский»* не становится *«британцем»*, получив паспорт гражданина Великобритании. Для них любая этническая идентичность является препятствием для превращения России в нормативное национальное государство и создания «единой политической российской нации». Государства где конституционно закреплено, и где происходит стирание всех видов идентичностей, традиций и культур для создания на месте исторического многообразия этносов, массы унифицированных сограждан, объединенных политической принадлежностью к государству, то есть гражданством А. Дугин называет этот проект *«этноцидом»*. Опасность этноцида в том, что он имеет как общероссийский, так и международный аспект, когда, например, внутри субъектов России, полноправные граждане Российской Федерации, представители *«нетитульных этносов»* превращаются в *«граждан второго сорта»*. Доказательством этого является, не искоренившееся из российского общественного дискурса, уже долгое время, понятие *«лицо кавказкой внешности»*. Любая националистическая идея разрушает не только единство страны, но является смертельной угрозой для тех этносов, которые националисты стремятся защищать, *«подняв»* их до уровня наций. Нация – это искусственный интеллектуальный конструкт, созданный капитализирующей полномочия и ресурсы элитой и обслуживаемый интеллигенцией, которая мобилизует массы на строительство «национального проекта», используя весь свой интеллектуальный потенциал для мифологизации роли этноса в истории или исторической солидаризации для борьбы с *«завоевателями»*. Национализм изобретает нацию, создает – симулякр, выхолащивая реальное содержание истории и культур этносов. Альтернатива либеральному *«российскому национализму»* и региональным национализмам лежит в придание этносам, но национально-территориальным образованиям особого конституционно статуса. Переход на принципиально новую модель российского федерализма – многоэтничническая федерация, где не 85 субъектов конституционно объединенные ст. 65 Конституции, но никак не привязаны символически к России, к гербу, флагу, гимну или так и не воссозданному девизу России, в отличие от того как это было в СССР, где языки советских республик символизировали герб СССР.

[3] Многоэтничность – это та «цветущая сложность» о которой писал русский философ К.Леонтьев. *«…межнациональное согласие – это не один раз достигнутое и на века предопределенное состояние общества. Это постоянная динамика, это кропотливая работа государства и общества, требующая взвешенной политики межэтнических отношений, способной обеспечить и «единство в многообразии» и «многообразие в единстве»…».*

опытом мирного сосуществования и сотрудничества народов и этносов, отличающихся по своей культуре, языку, расе, традициям, истории, религии, на века сохраняя этот цивилизационный багаж. Вместе с тем, система государственного регулирования межнациональных отношений не всегда была идеальна. И в имперский и в советский период были как положительные, так и отрицательные стороны в этой регуляции. Но главным условием успеха в решения национального вопроса, во многом были связаны, со способностью государственной власти эффективно реализовывать продуманную государственную национальную политику, учитывая самобытность, населяющих нашу страну народов и традиции подлинного федерализма.

Эффективность национальной политики зависит не только от того, насколько власть и в целом общество заинтересованы в сохранении этнической идентичности и защите интересов населяющих страну народов, но также от того, насколько плодотворными будут меры по укреплению единства многонационального народа. То есть насколько эффективно гражданская российскость будет сочетаться с этнической русскостью, татарскостью, башкирскостью, и т. д.[1], внесут свой вклад в создание общего духовного и культурного пространства, в формирование объединяющих нас ценностей и традиций. Сейчас, по словам Президента России В. Путина: *«…наш долг – хранить это уникальное наследие, поддерживать межнациональное согласие, достойно и грамотно отвечать на новые современные вызовы и проблемы…»*. Особенно значимы содержательные и продуманные усилия региональных и муниципальных властей: *«…на деле обеспечить выполнение новой Стратегии государственной национальной политики – разумеется, с учетом специфики и особенностей территорий…»* [5,6].

Подводя промежуточные итоги реформирования государственной национальной политики в Российской Федерации, инициированной майским Указом Президента России В. Путиным от 7.05.2012 № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» и Указом от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» можно констатировать следующее [7,8]:

1. Конституционное закрепление «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», пришедшей на смену «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» и создавшей в сфере национальной политики внятные цели и задачи, позволило определить системные механизмы по предупреждению межнациональных конфликтов на смену, разовых и перманентных мер.

2. Перевод, согласно Стратегии, государственной национальной политики под прямое подчинение Президента России позволил создать стройную систему управления. Сегодня главными ее элементами являются Президентский Совет по межнациональным отношениям, профильные подразделения Администрации Президента и Правительства Российской Федерации. На региональном уровне – уполномоченные органы власти, что позволило регулировать практически весь комплекс направлений деятельности государства в данной сфере. Следующим шагом явилось полноценное вовлече-

---

[1] Российский ученый, академик В. А.Тишков, в частности, отмечал: *«…ни в коем случае не надо из чувашей, русских, евреев, татар и других «делать новых людей», формировать единую российскую нацию. Причем под словом «единая» часто понимается «единственная». Это глубокое заблуждение. Чуваши, русские, евреи, татары, якуты – уже давно многонародная российская нация. Для них принадлежность к стране намного важнее, чем принадлежность к этнической группе. Кроме тех, кто болен этническим национализмом и отвергает российскость…».*

ние органов местного самоуправления в выработке и реализации решений в области межнациональных отношений и ответственность за состояние в этой сфере [9,10].

3. Утвержден план мероприятий на 2013–2015 годы по реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

4. Утверждена федеральная целевая программа «Укрепление российской нации» на 2014–2016 годы с бюджетом 6,8 миллиарда рублей. Несмотря на незначительный бюджет, она позволит совместно с субъектами Федерации начать работу над наполнением региональных программ конкретными мероприятиями и, что особенно важно, профинансировать их из федерального бюджета[1].

Несмотря на то, что Стратегия во многом задает новый курс государственной национальной политики, в ее тексте встречается ряд положений, которые требуют конкретизации механизмом и мер по дальнейшему развитию федеративных отношений, обеспечивающих гармоничное сочетание самостоятельности субъектов Российской Федерации и целостности российского государства. Безусловно, актуальность федерализма в 1990-е годы, безусловно, была значительно выше, чем в современный период, тем не менее, в Стратегии присутствует только обращение к принципам федерализма и подчеркивается только прямая связь содержания Стратегии с развитием федеративных отношений[2].

К сожалению, в качестве целей Стратегии выступают традиционные формулы и принципы, взятые из Концепции 1996 года – упрочнение гражданского самосознания и духовной общности народов России, сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России, гармонизация межнациональных отношений и обеспечение прав и свобод гражданина независимо от его национальности. Но есть и прогрессивные подходы, так добавилась новая цель, актуальность которой в последнее время не ставится под сомнение – интеграция и адаптация мигрантов, что согласуется с утвержденной 13 июня 2012 года Президентом В. Путиным «Концепцией миграционной политики до 2025 года» [11].

С другой стороны, концептуально, отказавшись от воссоздания министерства по делам национальностей, руководство страны решило сделать ставку на повышение эф-

---

[1] Ряд субъектов Федерации уже демонстрируют положительные примеры практической работы. В их числе Оренбургская, Белгородская и Костромская области, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Чеченская Республика, Республика Башкортостан. На фоне активного социально-экономического развития России в этих регионах практически нет конфликтов на межэтнической почве. Анализ официальных документов и сайтов показывает, что в основе успеха всегда совокупность факторов: совместная работа региональных и местных органов власти, правоохранительных органов по мониторингу и ранней профилактике межнациональных конфликтов, активная работа в вузах и общеобразовательных школах, постоянное взаимодействие с национальными культурными автономиями и представителями религиозных организаций, наличие стройной системы управления сферой межнациональных отношений, продуманная экономическая и миграционная политика, разумное квотирование и расселение, контроль над организацией занятости трудовых мигрантов.

[2] В отличии от Стратегии Концепция определялась как система взглядов, принципов и приоритетов в области национальной политики, что не позволяло выделить реальные механизмы и инструменты реализации положений Концепции. Скорее всего, в силу этого фактора, концепция так долго оставалась неким идеологическим призывом, а не реальной программой к действию, и как следствие, так и не позволила принять законопроект о № 369190-3 «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений в Российской Федерации (об установлении правовых основ деятельности органов государственной власти Российской Федерации, общественных объединений и граждан в сфере межэтнических отношений в Российской Федерации)» и, в последствии, законопроект № 340548-6 «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации».

фективности механизмов национальной политики, которые существенно отличаются от тех, которые государство применяет в работе по другим направлениям.

Это объясняется тремя факторами: особой спецификой данной сферы социальных отношений, выражающейся в необходимости апеллировать к весьма абстрактным и противоречивым категориям – этничности и идентичности; согласно устоявшемуся общественному мнению, сфера межнациональных отношений требует крайне деликатного и осторожного подхода, так как потенциально таит в себе последствия межнационального конфликта, от развязывания гражданских воин до распада государства, или потери государственного суверенитета; через традиционные формы институтов государственного управления трудно определить эффективность их работы из-за слишком размытой зоны ответственности, невозможности постановки конкретных целей и неоднозначности мероприятий, связанных с финансированием национальной политики государства.

Помимо прочего в логику содержания государственной национальной политики было положено стремление высшего руководства страны кардинально повлиять на повышение низкой эффективности государственного управления национальной политикой, не только оперируя некими абстрактными цифрами числа преступлений, отнесенных к уголовным статьям, но и политического видения опасной черты стремления народов России к самоопределению через нагнетание межнациональной неприязни. На это указывают и другие конкретные объективные причины: высокая степень социально-экономической дифференциации «национальных субъектов»[1]; региональная локализация национально-территориальных субъектов; высокая безработица; слабая инфраструктура, а также просчеты в действиях государства: сохранение проявлений дискриминации по отношению к гражданам различной национальной принадлежности в правоприменительной практике; недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер; недостаточный уровень межведомственной и межуровневой координации в сфере реализации государственной национальной политики; слабая система регулирования миграционных процессов, трудовой миграции и вопросов социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов [12, 13].

Поэтому для того чтобы получить общую картину функционирования системы формирования и реализации государственной национальной политики в России, следует проанализировать как деятельность, структуру и взаимоотношения профильных органов государственной власти, так и обозначить институты ответственности (de jure and de facto) за артикуляцию позиции государства в данной сфере, опираясь на официальные уставные документы, отчетные материалы, публикации в СМИ и на официальных сайтах этих органов.

Между тем, синтезируя богатую практику государственной национальной политики советского периода в Стратегии активируются процессы, приводящие к формированию эффективных механизмов государственной национальной политики. Среди этих направлений можно выделить ряд конкретных механизмов:

– создание системы мониторинга о раннем предупреждении и выявлении возможных межнациональных конфликтов. В основу автоматизированной информационной системы (АИС – «Национальная политика») должны входить многомерные кластерные метаданные, включающие социологические опросы различных ведомств и агентств[2], анализ

---

[1] ВРП Костромской области в 2011 году составляло – 90442.6 млн. рублей, что меньше г. Москвы – (10021556,80 млн. рублей) в 90 раз или Республики Татарстан (1275531,50 млн. рублей) в 9 раз.

[2] ВЦИОМ, ФОМ, ЛЕВАДА-ЦЕНТР, ЕВРОСТАТ и другие организации.

СМИ и социальных сетей, ведомственная информация[1], данные экспертных, общественных и религиозных организаций для целей оперативного выявление и прогнозирования точек межэтнической напряженности и выработки правильных управленческих решений;

- создание региональных центров оперативного реагирования на конфликтные и предконфликтные ситуациях в регионах, в которые должны входить call-центры по приему информации и телефоны доверия, интегрированные с базой телефонов – службы спасения 112[2], УФСБ, УФМС, УВД, профильных подразделений региональных и федеральных органов власти, и местного самоуправления[3] [14, 15].
- существенная роль должна отводится взаимодействию с институтами гражданского общества, общественными организациями, НКО для активного привлечения в их работу межведомственных комиссий при главах субъектов Федерации.
- в рамках программы предлагается создать вертикально интегрированную систему по национальной политике, верхним звеном которой может стать «Федеральный комитет по национальной политике»[4], а продолжением выступать комиссии по национальной политике при главах субъектов Российской Федерации и главах местного самоуправления;
- проработать вопросы наполнения содержанием, механизмами и основными направлениями деятельности органов власти Российской Федерации в сфере государственной национальной политики, а также исключения дублирования планов и программ с учетом принятой Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года и возможностью комплексного решения проблем миграционной и национальной политики в Российской Федерации;
- МВД, МИД, ФМС, Министерству труда и социальной защиты, Министерству образования и науки, Министерству здравоохранения, Министерству экономического развития, Министерству промышленности и торговли разработать план мероприятий по созданию в республиканских, краевых и областных центрах Российской Федерации «Центров трудовой миграции», обеспечивающих контролируемую трудовую мигра-

---

[1] Логичным представляется концентрировать различные аналитические отчеты федеральных, региональных органов власти и местного самоуправления с показателями эффективности деятельности органов власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления по методике ФСО России; данными ФСБ, МВД, МИД, ФМС и Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

[2] Председатель Правительства Российской Федерации Д. Медведев утвердил распределение субсидий из федерального бюджета на реализацию целевой программы «Создание системы обеспечения вызова экстренных оперативных служб по единому номеру 112 в Российской Федерации на 2013–2017 годы». Всего на создание базовой инфраструктуры по единому номеру 112 субъектов Федерации выделено больше 14 млрд. рублей. В 2014 году федеральные субсидии в сумме 553,67 миллиона рублей получат девять регионов.

[3] Важная задача стоит перед региональными и муниципальными властями в части организации оперативного взаимодействия федеральных, региональных и местных органов власти в формировании совместного «Регламента оперативного реагирования» и порядка взаимодействия всех должностных лиц, в том числе через совместные учения и моделирования ситуаций. О ключевом факторе оперативного реагирования и ответственности должностных лиц заявил Президент России на заседание Совета по межнациональным отношениям в Уфе 22 октября 2013 года.

[4] По мнению автора, считается ошибкой введение в название *«Национального антитеррористического комитета»* термина национальный, так как он семантически включает понятие террористов иные национальности, что утверждает принцип виновности прочих этносов в разрастании терроризма в Российской Федерации. Поэтому следуя предложенной логике, было бы правильнее определить название этого органа термин *«федеральный»*, т. е. *«Федеральный комитет по национальной политике»*, с целью лингвистического закрепления принципов федерализма для такого органа.

цию, социальную защиту и страхование жизни, предоставление услуг здравоохранения, профессионального обучения и переподготовку кадров, что позволит избежать формирование замкнутых анклавов мигрантов по этническому признаку, противодействовать криминализации рынка труда и этнической преступности;

− требуется ввести уголовную ответственность руководителей СМИ, телевидения, радио и Интернет-провайдеров за распространение экстремисткой информации [14, 15, 16].

Альтернативой этим проблемам может стать более активная поддержка на федеральном и региональном уровнях медийных проектов, направленных на укрепление гражданского единства и патриотизма, создание специализированных рубрик и тематических передач на телевидении и радио, посвященных этнокультурным проблемам, более активное присутствие в социальных сетях для воспитания чувства ответственности за судьбу страны в молодежной среде. Среди проектов по активному привлечению СМИ, телевидения, радио и интернет-порталов предлагается на грантовой основе:

− Союзу кинематографистов Российской Федерации совместно с гильдией неигрового кино и телевидения в Положение об учреждении национальной премии в области неигрового кино и телевидения «Лавр» на основании действующей Устава дополнить в ежегодный публичный конкурс на премию в области неигрового кино «Лавр» номинации: а) лучший полнометражный неигровой фильм, снятый на кинопленке о народах Российской Федерации; б) лучший короткометражный неигровой фильм, снятый на кинопленке о самобытности культуры народов Российской Федерации; в) лучший иностранный полнометражный неигровой фильм, снятый на кинопленке о культуре народов мира.

− Министерству культуры, Союзу кинематографистов Российской Федерации совместно с международным Московским открытым российским кинофестиваль в целях развития культурного обмена, взаимопонимания между народами и сотрудничества утвердить Приз Фестиваля: а) за лучший полнометражный игровой фильм об истории, культуре и современности народов мира.

− Министерству культуры совместно с Советом Учредителей Фонда «Академия Российского телевидения» ввести в конкурсную программу Национального телевизионного конкурса «ТЭФИ» номинацию «Телевидение и народы России: национальное богатство» за лучшие телевизионные программы, пропагандирующие проблемы межнационального сосуществования, толерантности к народам, проживающих в России и чувство ответственности за будущее страны.

− Министерству культуры, Министерству образования и науки, Министерству информационных технологий и связи Российской Федерации, Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Русского географического общества совместно с ассоциациями блогосферы, педагогических работников Российской Федерации, народов России, а также со всеми заинтересованными НКО и общественными организация создать Национальную премию в сфере интернета по следующим номинациям: а) конкурс на лучший интернет-портал, раскрывающий весь богатый потенциал мирного сосуществования и сотрудничества народов Российской Федерации; б) конкурс на концепцию лучшей электронной энциклопедии о народах России и мира; в) конкурс на лучшую концепцию сайта об истории этнографических исследований; г) конкурс на лучшую концепцию мультимедийного портала о фольклоре народов России и мира; д) конкурс концепции на лучший учебник по этнологии для средней школы и высших учебных заведений; е) постоянно действующий конкурс на лучшие сайты субъектов Российской Федерации и местного самоуправления по реализации государственной национальной политики.

– Министерству культуры, Министерству образования и науки, Министерству регионального развития, Министерству иностранных дел, Министерству информационных технологий и связи Российской Федерации, Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций разработать программы культурной адаптации трудовых мигрантов и информационного обеспечения прав и обязанностей трудовых мигрантов в период пребывания в стране, а также ускорить работу по созданию учебных программ освоения русского языка и стимулировать создание в странах происхождения мигрантов курсов по изучению русского языка, истории и основ законодательства России местными органами власти[1][17].

В Российской Федерации разработаны в настоящее время, по данным министра регионального развития И. Слюняева успешно действует 45 региональных программ в дополнение к стратегиям и планам мероприятий по их реализации в области межнациональных отношений. Однако большинство не соответствует ни предъявляемым требованиям, ни указанным приоритетам из-за слабой методической базы и нормативного регулирования государственной национальной политики. В связи с этим для успешной реализации Стратегии, планов мероприятий и федеральных целевых программ предлагается:

- создать «Федеральное агентство по национальной политике»;
- Федеральному собранию совместно с Правительством Российской Федерации, Министерством регионального развития, Правовым управлением Администрации Президента Российской Федерации преодолеть правовую коллизию и вернуться к обсуждению проекта федерального закона «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации»[2] с целью дать развернутое юридическое обоснование и

---

[1] Данное направление мероприятий имеет и очень важное геополитическое значение, за время после распада СССР резко снизился интерес, на фоне укрепления национального суверенитета и независимости стран СНГ, на изучение русского языка. Так, например, Президент Казахстана Н. Назарбаев предложил изменение названия страны из Казахстана в Қазақ елі – *(«страна казахов»* или *«казахский народ»*). Основным аргументом Президента Назарбаева явился тот факт, что: «…в названии нашей страны есть окончание *«стан»*, как и у других государств Центральной Азии. В то же время иностранцы проявляют интерес к Монголии... при этом в ее названии отсутствует окончание *«стан»…»*, — пояснил президент. Ранее уже были попытки переименовать страну, в частности, в 2010 году национал-патриоты на курултае (народном сходе) постановили, что страна должна называться Казахским государством. Были предложения назвать Казахстан Қазақ Республикасы (Казахская Республика) и другие варианты. По утверждению авторов идеи – новое название придаст новый образ страны на международной арене, привлечет инвесторов и туристов в страну.

[2] Первоначально законопроект № 369190-3 «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений в Российской Федерации (об установлении правовых основ деятельности органов государственной власти Российской Федерации, общественных объединений и граждан в сфере межэтнических отношений в Российской Федерации)» был зарегистрирован и направлен Председателю ГД 22.09.2003 года. В новой редакции законопроекта (В. И. Никитин, С. К. Смирнова, К. А. Бичелдей, А. А. Аслаханов, С. П. Будажапов, А. П. Бурулько, Р. Н. Гимаев, В. А. Казаковцев, А. А. Никитин, Е. Н. Трофимов, В. С. Катренко, М. А. Аюпов, Г. С. Дорошенко, М. Т. Гаджиев, Б. И. Кодзоев) от 27.01.2006 было изменено название законопроекта «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации». Постановление ГД № 639-6ГД законопроект был отклонен. Основной причиной отклонения является принятие «Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации до 2025 года». Вместе с тем, несмотря на многие недоработки и концептуальные разногласия законопроект открывал возможность нормативного закрепления категориального аппарата в области национальной политики, чего так и не решила Концепция национальной политики 1996 года и Стратегия. Таким образом до настоящего времени нет четких юридических разъяснений многих терминов, так или иначе связанных с национальной политикой и влияющих на систему принятия управленческих решений.

восполнить имеющиеся противоречия в уточнении таких понятий как нация, народ, этнос и другие[1][18].

– в целях преодоления застоя в разработке современных проектов федеральных законов в сфере государственной национальной политики необходимо реанимировать, разработанный в недрах Комитета Государственной Думы по делам национальностей третьего созыва проект Федерального закона «Об Уполномоченном Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по правам народов Российской Федерации»[2] [19].

В последние годы в общественном сознании смешались такие понятия как «соотечественники» и «мигранты». Общественный дискурс изобилует специально придуманным термином «внутренние мигранты». Однако – это настолько демаркирующий термин, что и внутренняя трудовая мобильность приравняла граждан Российской Фе-

---

[1] Интересной представляется позиция рабочей группой по разработке проекта Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, которая предложила свой проект Стратегии государственной национальной политики, в частности они попытались дать определения следующим понятиям: а) государственная национальная политика Российской Федерации – совокупность организационно-правовых, финансово-экономических, культурно-просветительских и информационных мер федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, осуществляемых во взаимодействии с институтами гражданского общества, по обеспечению этнокультурных потребностей и прав граждан, достижению гражданского и межнационального согласия; б) российская нация (многонациональный народ Российской Федерации, россияне) – сообщество граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, осознающих свою историко-культурную и гражданскую общность, политико-правовую связь с российским государством (гражданство); в) политика согражданства – деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления с участием институтов гражданского общества по формированию российской гражданской идентичности и достижению межнационального согласия; г) российская гражданская идентичность – общее и единое для граждан Российской Федерации осознание своей принадлежности к российской нации; д) этническая общность (народ, этнонация) – исторически возникшая на основе общих территории, языка и культуры устойчивая общность людей, обладающая этническим самосознанием; е) национальность – этническая принадлежность (этничность), осознанная человеком на основе самоопределения принадлежность к тому или иному народу; ж) коренные малочисленные народы Российской Федерации – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями; з) иммиграция (внешняя миграция) – въезд иностранных граждан в Российскую Федерацию с целью перемены постоянного места жительства и приобретения российского гражданства, а также совершаемый с целью временного трудоустройства и выполнения работ, оказания услуг (временная трудовая миграция), участия на сезонных работах (сезонная трудовая миграция), получения или продолжения образования (образовательная миграция); и) внутренняя миграция – реализация права граждан Российской Федерации свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства на всей ее территории; к) межнациональные (межэтнические) отношения – взаимодействие между людьми разной этнической принадлежности на индивидуальном и коллективном уровнях по поводу реализации прав на этнокультурное и языковое развитие, участия в общественно-политической жизни общества; л) межнациональный (межэтнический) конфликт – конфликт, в котором хотя бы одна из сторон организуется и действует по признаку национальной (этнической) принадлежности или от имени той или иной этнической группы; м) гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений – обеспечение конструктивных и уважительных отношений между представителями разных этнических общностей (народов) в целях недопущения или преодоления межэтнической напряженности и конфликтов, обретения знаний об истории и культуре собственного и других народов, формирования чувства гражданской ответственности, сотворчества и российской гражданской идентичности.

[2] Позже был принят вариант «Об Уполномоченном Федерального Собрания Российской Федерации по правам народов в Российской Федерации».

дерации к «внешним мигрантам». Всем знакомый термин «понаехали» не просто ведет к напряженности во взаимоотношениях наших сограждан по этническому признаку, но и по социальному не зависимо от этничности[1]. Эта проблема, на которую долгие годы закрывали глаза власти различных уровней, вскрыла другую еще более острую проблему – резкое снижение общего уровня культуры, духовности, взаимного уважения и веротерпимости: «…мы забыли о том, что нравственный человек заканчивается раньше, чем начинается человек законопослушный…» [20]. Действительно, этот период ухода государства из всего, что лежало в плоскости культуры, истории, традиций в 90-е годы XX столетия, не дав взамен новых ориентиров и ценностей, привел к правовому нигилизму, нарастанию межэтнических конфликтов, ксенофобии и отчуждению народов. Поэтому задача власти и общества крайне правильного вовлечения российских граждан в повышение общей культуры в обществе, воспитание традиций взаимного уважения и веротерпимости, патриотизма и бескорыстного служения Отечеству. Воплотить эту формулу можно только через образование, воспитание и просвещение:

– непрерывное повышение квалификации государственных и муниципальных служащих, в компетенции которых находятся вопросы межнациональных отношений. Для этого необходимо Министерству образования и науки совместно с РАНХиГС разработать образовательные стандарты высшего профессионального образования по направлению подготовки «Государственная национальная политика», специальные про-

---

[1] Как показывают социологические исследования за последние 20 лет у нас, так и не изменилась к лучшему готовность к общению с людьми иной национальности. Негативные установки на разные виды контактов колеблется с 1994 г по 2011 годы в пределах от 22 до 47%. Наиболее часто неприязнь на этнической почве опрошенные объясняют тем, что люди инокультуры ведут себя, *«как хозяева на этой земле»* – об этом заявили 63% опрошенных. Следующий аргумент – различия в *«поведении людей, их образе жизни»* – 39%. Вместе с тем, различными исследовательскими центрами подтверждается, что около 89% опрошенных полагает, что *«насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо»*, но одновременно 44% считает, что *«насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа»*, а 41% согласился с тем, что *«все средства хороши для защиты интересов моего народа»*. Причем среди русских такие настроения распространены больше, чем среди представителей других национальностей (43% и 34% соответственно) и лишь единицы около 8% заявляют, что одинаково относятся к представителям всех национальностей. У большинства населения антипатию чаще всего вызывают *«кавказцы»* – 29%, из них около 47% внятно не могут объяснить причины своей антипатии. Среди мотивов – 47%, чаще всего фигурируют угроза терроризма, неуважение к принятым в России нормам поведения – 11% и бескультурье или навязывание чуждых ценностей – 6%. Так, согласно опросам Левада-Центра в 2011 году лозунг *«Россия для русских»* поддерживало 58% респондентов (для сравнения доля *«сочувствующих»* такой позиции в 1998 году составляла 43%, а в 2010 – 54%). Причем 15% участников опроса отметили, что полностью разделяют указанное высказывание. На вопрос «*Возможны ли сейчас массовые кровопролитные столкновения на национальной почве?»* в 2011 году утвердительно ответили 55% опрошенных (для сравнения 49% в 2002 и 23% в 2009). См. подробнее: http://www.levada.ru/press/2011020407.html. 49% респондентов, участвовавших в опросе ВЦИОМ, результаты которого были опубликованы в середине марта 2012 года, указали на наличие страхов относительно возникновения межнациональных конфликтов. Согласно данных опроса этой же организации по тематике межнациональных отношений в Москве и Санкт-Петербурге за 2011 год, 63% и 54% ответивших соответственно подтвердили, что за последний такие отношения стали напряженными (См. подробнее: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112598). Приведенные данные более чем наглядно свидетельствуют о крайне неблагоприятном характере ситуации в сфере межнациональных отношениях в России. Основная цель действующих нормативных положений, на которых базируется государственная национальная политика РФ, а именно *«поддержание межнационального согласия»*, не только не достигается, но, наоборот, ее достижение год за годом лишь усложняется в виду соответствующих общественных настроений. (См. подробнее: Около 47 % россиян отрицательно относятся к гастарбайтерам [Электронный ресурс] // Левада-центр. 2012. 16 октября // URL: http:// www.levada.ru /16-10-2012/ 47-rossiyan –otritsatelno -otnosyatsya-k-gastarbaiteram).

граммы повышения квалификации и переподготовки кадров государственных и ципальных служащих «Реализация государственной национальной политики в ской Федерации в современных условиях» объемом не менее 72 часов.

– Министерству образования и науки подготовить проект федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования и разработке федерального базисного учебного плана, образовательных программ начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования по учебному предмету – «*Этнология*» для реализации пилотных регионах с учетом ситуации межэтнической напряженности;

– Министерству образования и науки совместно с МИД, Федеральным агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству подготовить проект 100 обязательных для изучения в школах и высших учебных заведениях литературных и поэтических шедевров народов России, стран СНГ и мира;

– Министерству культуры и министерству образования и науки совместно с МИД, Федеральным агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству утвердить государственную литературную премию в рамках Международного литературно-музыкального фестиваль Дружбы народов «Белые журавли России» за лучшие поэтические и литературные произведения за умением создавать выразительные реалистические картины самобытной истории, жизни и культуры народов России;

– Председателю Правительства Российской Федерации, Министерству образования и науки совместно с Союзом писателей России, МИД, Федеральным агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству в целях популяризации произведений писателей и поэтов народов России и стран СНГ, а также развития переводческой деятельности на русский язык обратиться к Президенту Российской Федерации с просьбой придать статус журналу «Дружба народов» – статус официального издания Правительства Российской Федерации и присоединить к ФГБУ «Редакция «Российской газеты»» редакцию журнала «Дружба народов»;

– Федеральному собранию российской Федерации, законодательным органам субъектов федерации, общественности инициировать обращение к Президенту Российской Федерации о внесении изменения в Указ Президента РФ от 12.04.2012 № 433 «Вопросы государственной наградной системы Российской Федерации» для изменения статуса ордена Дружбы на орден Дружбы народов[1] и об утверждении государственной награды медали «Дружбы народов» [21].

---

[1] Предлагается ч. 1 «подпункт «б» пункта 2» изложить в следующей формулировке: «*орден Дружбы народов*»; «подпункт «д» пункта 58» – «*знак ордена Дружбы народов*»; пункт «в» «*Статут и описание ордена Дружбы расположить после Статута и описания ордена Почета*» изложить «*Статут и описание ордена Дружбы народов расположить после Статута и описания ордена Почета*»; пункт «г» «*Статут ордена Дружбы изложить в следующей редакции:*» – изложить «*Статут ордена Дружбы народов изложить в следующей редакции: «Статут ордена Дружбы народов: 1. Орденом Дружбы народов награждаются граждане Российской Федерации, а также граждане иностранных государств: за особые заслуги в укреплении мира, дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между народами; за плодотворную деятельность по сближению и взаимообогащению культур наций и народностей; за активную деятельность по сохранению межнационального согласия и преодолению межнациональных конфликтов…»*; пункт 2. *«…награждение орденом Дружбы народов, как правило, производится…»*; пункт 3 *«Знак ордена Дружбы народов носится на левой стороне груди и при наличии других орденов Российской Федерации располагается после знака ордена Почета»*.

Бесспорно, предлагаемые механизмы и инструменты реализации «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года» требуют более широкого обсуждения, как в научной среде, так и в обществе. Растущая российская идентичность, устойчиво совмещаемая с этнической идентичностью, интегрирует людей, но это не снимает напряженности, а в некоторых случаях враждебности, к представителям других национальностей, которые часто есть следствие недовольства существующей системой распределения ресурсов, солидаризации против несправедливостей, неравенства, коррупции, беззакония. Нужны усилия и общества, и власти, направленные на укрепление межнационального согласия, доверия и дружбы народов, чтобы в повседневной практике граждане чувствовали Россию своим общим домом.

Список использованных источников

1. Patterns of Change in the Plio-Pleistoncene Carvinorans of Eastern Africa: Implications for Hominin Evolution. Marraret E. Lewis. Springer Verlag. 2007. URL: www. ScientificAmerican.com / nov2013.
2. Чупина М. Европа собирается «задраить люки»? // Ежедневное интернет-радио «Голос России» от 8 февраля 2011 года [Электронный ресурс] // URL: http://rus.ruvr.ru /2011/02/ 07/4327 1223/ (дата последнего обращения 01.02.2014 года).
3. Дугин А. Г. О Десуверенизации республик, русской и якутской идентичности, великой идее и тотальном бесстыдстве элит [Электронный ресурс] / Статья от 19 декабря 2012 года // [сайт]: URL: http://olonkholand.ru/ stati/aleksandr- dugin-o- desuverenizacii-respublik- russkojj-i- yakutskojj-identichnosti- velikojj-idee-i-totalnom-besstydstve-ehlit.html. (дата последнего обращения: 01.06.2014).
4. Глушкова Т. М. Боюсь, как бы история не оправдала меня // К. Н. Леонтьев. Цветущая сложность. М., 1992. С. 6–67; Леонтьев К. Н. Цветущая сложность: Избр. ст. М.: Мол. гвардия, 1992. – 318 с.
5. Тишков, В. А. 20 лет российской этнополитики // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 году: Ежегодный доклад Сети этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – М.: ИЭА РАН, 2010. С. 9–12.
6. Протокол заседание Совета по межнациональным отношениям в Уфе 22 октября 2013 года [Электронный ресурс] // URL: http://state.kremlin.ru/council/28/news/19475 (дата последнего обращения 01.02.2014 года).
7. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» / Собрание законодательства Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 19 ст. 2339.
8. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 52 ст. 7477.
9. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 28.12.2013, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ, 06.10.2003, № 40, ст. 3822.
10. Федеральный закон от 22.10.2013 № 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и от-

ветственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» / Собрание законодательства РФ, 28.10.2013, № 43, ст. 5454.
11. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г.) / Ваше право. Миграция, июль 2012 г. № 13.
12. Регионы России основные социально-экономические 2012 год [Текст] / Статистический сборник. Информационно-издательским центром «Статистика России», М.: 2013.
13. Безработица в России – ноябрь 2013 года [Электронный ресурс] / ИА «ГАРАНТ», 15 ноября 2013 г. [Электронный ресурс] // [сайт]: URL: http://www.garant.ru /infografika/ 507650, (дата последнего обращения 01.02.2014).
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 958 О системе обеспечения вызова экстренных оперативных служб по единому номеру «112» [Текст]/ Собрание законодательства РФ, 28.11.2011, № 48, ст. 6932.
15. Заседание Совета по межнациональным отношениям в Уфе 22 октября 2013 года. [Электронный ресурс] / URL: http:// state. kremlin.ru/ council/ 28/ news/19475 (дата последнего обращения 01.02.2014 года).
16. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года / Президент утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года 13 июня 2012 года. Кремль. Москва [Электронный ресурс] // [сайт]: URL: http://www.kremlin.ru/acts/15635 (дата последнего обращения 01.02.2014 года).
17. Посещение Президентом Н. А. Назарбаевым Интеллектуальной школы города Атырау и встреча с представителями общественности области 06 февраля 2014 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики, раздел – события //[сайт]: URL: http://akorda.kz /ru/ page/ page_215918_ poseshchenie-intellektualnoi-shkoly-goroda-atyrau-i-vstrecha-s-predstavitelyami-obshchestvennosti-oblasti#page (дата последнего обращения 06.02.2014).
18. К проекту Федерального закона «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации» [Текст] / Комитет Государственной Думы по делам национальностей, Законопроект № 340548-6. М.: Государственная Дума Российской Федерации, 12.01.2012 год.
19. Постановление ГД ФС РФ от 12.01.2005 № 1419-IV ГД «О проекте Федерального закона №99037902-2 «Об Уполномоченном Федерального Собрания Российской Федерации по правам народов Российской Федерации»» [Текст] / Собрание законодательства РФ, 24.01.2005, № 4, ст. 239.
20. Вступительное слово Министра регионального развития И. Н. Слюняева на Всероссийском совещании по вопросам реализации государственной национальной политики и этнокультурного развития регионов России 13 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] // [сайт]: URL: http:// www. minregion.ru /news items /3843? locale=ru (дата последнего обращения 01.04.2014).
21. Указ Президента РФ от 12.04.2012 № 433 «Вопросы государственной наградной системы Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ, 16.04.2012, № 16, ст. 1840.

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ АТЕИСТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛАХ БАШКИРСКОЙ АССР)

FROM THE HISTORY OF ATHEISTIC WORK IN VYSSCHIH SCHOOLS (ON THE MATERIAL OF THE BASHKIR ASSR)

А. И. Тимиргазиева (БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия)
A. I. Timirgazieva (Bashkir state pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia)

Аннотация: *в статье на основе материалов Российского государственного архива социально-политической истории (г. Москва), Центрального государственного архива общественных объединений и Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (г. Уфа) рассматриваются вопросы взаимоотношения власти и религии в советский период, дается оценка атеистической работе в высших учебных заведениях республики.*

Abstract: *article on the basis of the Russian State Archive of Socio-Political History (Moscow), the Central State Archive of public associations and the Central State Historical Archives of the Republic of Bashkortostan (Ufa) addresses the relationship between power and religion in the Soviet period, assesses atheistic work higher educational institutions.*

Ключевые слова: *антирелигиозная пропаганда и агитация, высшие учебные заведения, научно-педагогические кадры.*

Key words*: antireligious propaganda and agitation, institutions of higher education, scientific-pedagogical personnel.*

В современном обществе очень важно оценить место, занимаемое религией, и выстроить концепцию государственно-церковных отношений. Показательным было участие президента РФ в торжествах в Дивеево в 2003 году. В. Путин впервые выступил на сугубо религиозном юбилее – столетии со дня канонизации Серафима Саровского. Патриарх отметил определенную преемственность по отношению к столетней давности приезду императора Николая и заявил, что торжества стали «символом единения Церкви, народа и власти» [1, с. 147].

Позитивной тенденцией нашей общественной жизни стало не только расширение религиозной свободы, но и активное участие всех конфессий в духовном возрождении страны. Большой вес приобретает Межрелигиозный Совет России, который образуют Русская православная церковь, три мусульманские ассоциации, две иудейские и Традиционная буддийская Сангха. Они сотрудничают с центральными и местными властями, представлены на государственных каналах телевидения и имеют свои печатные издания. Хотя религия отделена от государства, она, наконец, заняла присущую ей значительную роль, как и во многих других цивилизованных странах.

Люди старшего поколения были свидетелями той эпохи, когда правящая партия боролась с религией и пыталась заменить ее новой коммунистической идеей. Изучение этого периода, когда атеизм был возведен в ранг государственной политики, представляется интересным и актуальным именно в связи с сегодняшним религиозным ренессансом.

В советской отечественной историографии масса литературы [2], научных изданий [3] посвящены проблемам религии [4] и атеистического воспитания [5]. Авторы,

рассматривая религию в исторической ретроспективе, приходили к заключению, что церковь до революции была опорой самодержавия, а в годы советской власти играла контрреволюционную роль. Главнейшими задачами атеистической работы определялись изучение причин религиозности в стране, борьба с ними и пропаганда научного материалистического мировоззрения.

В постсоветской историографии [6] наблюдалась тенденция переосмысления значения веры и религии, стремления взглянуть на них с новой стороны, оценить их позитивную роль в развитии общественного сознания. В нашей статье предпринята попытка осветить такую недостаточно исследованную проблему, как организация атеистической работы научно-педагогических кадров в 50–80-е годы XX века.

Одним из главных законодательных актов в решении религиозного вопроса явился известный ленинский декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый еще 23 января 1918 года. Для последующего периода, в обстановке всеобщего разлома, Гражданской войны, экстремистский, радикальный настрой был характерен среди самых разных кругов общества. Они страстно стремились покончить с ненавистным прошлым и со всем, что его олицетворяло, в том числе с религией. Например, анархистское периодическое издание «Бессмертие» проповедовало «планетарный большевизм – вселенский коммунизм», «окончательную победу над природой», призывало к штурму мироздания:

Равняйтесь, легионы
На солнечном плацу!
Швырнем лучей знамена
По космоса лицу!
На абордаж планетный!
Штыком мозгов коли!
Земля – станок лафетный
И Солнцем в Солнце – пли!
В комет кривые ромбы
На мировом гробу
Взорвем земные бомбы
У космоса на лбу.

Эта идеология продолжала подогреваться и насаждаться коммунистической партией путем воинствующей, атеистической пропаганды. Воспевались пафос революции и полное развенчание религии. С началом Великой Отечественной войны в общественном сознании произошел определенный перелом.

Война повлияла на изменение основ духовной жизни, дала импульс к перестройке мышления, то есть создала нравственно-психологический задел для будущей действительности. Вопрос о возможности его реализации уже зависел от конкретных условий послевоенных лет [7, с. 47]. Не случайно, 1950–60-е годы – трудное и противоречивое время в развитии общественного мировоззрения.

Война принесла не только великие победы, но и много горя и страдания. Народу нашей страны пришлось залечивать глубочайшие раны – потерю родных и близких. Эти лишения не могли не сказаться на возрождении религиозности в обществе [8, с. 87]. Сама коммунистическая партия, которая традиционно рассматривала религию как вид социального наркотика («опиум для народа») [9, с. 113], в годы войны встала на

путь примирения с православной церковью. 4 сентября 1943 года состоялась встреча Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Сталина и патриаршего местоблюстителя русской православной церкви Сергия; вскоре открылось несколько богословских учебных заведений. Среди миллионов людей уважение к чувствам верующих, ко многим церковным иерархам возросло [10, с. 297].

После Великой Отечественной войны начали превалировать тоталитарные тенденции, которые ярко проявились не только в политическом, но и в духовном развитии страны. Победа в войне стала изображаться прежде всего как доказательство преимущества социалистической системы, руководимой коммунистической партией, стремившейся к укреплению своего господствующего положения в обществе [11, с. 167].

ЦК КПСС принял в 1950-е годы ряд важных постановлений, в которых применительно к новым условиям были определены пути возобновления и дальнейшего углубления секуляризации общества, организации всей атеистической работы в стране [8, с. 88]. Немаловажная роль в этом процессе отводилась научно-педагогическим кадрам как ведущей силе в воздействии на людей, особенно на молодежь. Один из важнейших документов в рамках государственной антирелигиозной политики – это принятое в 1954 году Постановление ЦК КПСС «Об улучшении научно-атеистической пропаганды» [12, д. 1519, л. 10.]. В нем указывалось, что в последнее время оживилась деятельность церковников, сектантов и личностей, пытающихся всеми средствами привлечь в церкви и мечети молодежь. В частности, некоторые студенты вузов начали отмечать религиозные праздники [12, д. 1519, л. 31] .КПСС усматривала в этом ослабление своего влияния на общественное сознание и пыталась восстановить приоритет коммунистической идеологии. Постановление предписывало научно-педагогическим кадрам усилить атеистическую работу как в учебных заведениях, так и вне их стен.

В стране последовал всплеск антирелигиозной пропаганды. Ее основным направлением определялось раскрытие антинаучной сущности религии. Пропагандисты должны были подчеркнуть в своих лекциях то, что в основе любого вероучения лежит вера в чудо и страх перед необъяснимыми природными явлениями. Следующим важным направлением атеистической работы было выявление социальных, классовых корней религии, того, что эксплуататорский класс (помещики и капиталисты) приспособил религию к своим интересам. Пропагандистам предписывалось показать ее исторически преходящий характер: вслед за ликвидацией капиталистического строя отмирание религии неизбежно. Резко осуждалась и внешняя, ритуальная сторона религии: участие в обрядах, наличие икон в домах, паломничество к святым местам и так далее [12, д. 1980, л. 23].

Высшие учебные заведения располагали значительными силами для развертывания подобной активной атеистической работы. При этом особая ответственность возлагалась на кафедры общественных наук как важнейшую часть идеологической системы КПСС. Обществоведы должны были проводить работу не только среди студентов и профессорско-преподавательского коллектива, но и среди широких слоев населения.

В Башкирской АССР к середине 50-х годов насчитывалось 11 кафедр марксизма-ленинизма, политэкономии и философии и 56 преподавателей общественных наук [12, оп. 33, д. 611, л. 30.]. В вузах дисциплины общественно-гуманитарного профиля, особенно курсы диалектического и исторического материализма, насыщались атеистическим содержанием [12, оп. 32, д. 1980, л. 23.]. Планы кафедр общественных наук по усилению атеистического воспитания становились общеинститутскими. Преподаватели

всех дисциплин согласовывали с обществоведами вопросы пропаганды материалистического мировоззрения [13, д. 436, л. 38].

Для всей атеистической работы 1950-х годов было характерно, что преподаватели, во-первых, разоблачая различные суеверия и мракобесие, часто приравнивали их к религиозному мировоззрению, во-вторых, отождествляли антикоммунизм и религию. Эти особенности пропаганды свидетельствовали о недостаточной зрелости атеистической работы, поскольку они не выдерживали конструктивной критики. Религиозные организации в нашей стране не просто пассивно наблюдали за углубляющимся процессом секуляризации, а прибегали к возможным формам защиты своих позиций [8, с. 78]. Церковниками приводились веские аргументы, опровергающие заключения научных работников. Первое, это то, что религиозные предрассудки, которые питает низкий уровень образования людей, нечто совершенно противоположное религиозному мировоззрению. Религиозное мировоззрение дает нравственные ориентиры как отдельному человеку, так и обществу в целом. Религия сама не приветствует суеверия; она предлагает эталон цельной, человеколюбивой личности, стремящейся к достижению вечной жизни. Второе – сама марксистско-ленинская научная теория никогда не отождествляла антикоммунизм и религию. Она далека от положения, что вера в бога равнозначна антикоммунизму [8, с. 114], так как она возникла намного раньше коммунистической идеи. Кроме того, многие верующие в СССР и капиталистических странах поддерживали социалистический строй [8, с. 78].

В 1950-е годы в высшей школе то и дело случались факты религиозных настроений, вопиющих для партийных и советских органов. Так, в Башкирском педагогическом институте заведующий кафедрой Дизенко крестил своего новорожденного ребенка в церкви, за что получил строгий выговор [12, оп. 30, д. 397а, л. 90.]. В Башкирском медицинском институте студент 5 курса Сендерович вступил в брак при участии раввина, за что был осужден коллективом вуза и исключен из партии [13, ф. Р-1303, оп.6, д. 78, л. 63.]. Эти и другие эпизоды расценивались центральным и областным комитетами партии как «нездоровые явления» и свидетельство слабости антирелигиозной пропаганды научно-педагогических кадров [12, оп. 30, д. 397а, л. 90.].

Партийные органы приходили к закономерному выводу, что атеистическая работа понималась и проводилась узко, как безосновательное отрицание религии [14, д. 407, л. 10.]. Развенчать религию, подорвать власть над умами и душами могла не столько агитация против церкви, сколько формирование в обществе целостного, научного, материалистического миросозерцания. Назрела потребность в анализе всего комплекса религиозно-этических проблем. Специальным Постановлением ЦК партии от 2 января 1964 года «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения» был создан Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. На Институт были возложены разработка актуальных проблем атеизма, координация и руководство научной работой в области атеизма в стране, подготовка кадров высшей квалификации и так далее [14, д. 407, л. 3]. Шел поиск новых методов работы, борьба против устаревших представлений в понимании многих проблем, например, таких, как вопрос о причинах живучести религиозных настроений. В СССР ежегодно крестилось около миллиона людей [14, д. 407, л. 19]. Для Института научного атеизма важным являлось установление каналов воспроизводства религии в условиях современного общества. Было определено, что 70 % населения приобщается к религии через семью [14,

д. 407, л. 34], и для государственных органов это означало, что религия будет сопутствовать социуму очень долго.

Государство ставило перед собой перспективную задачу изменить духовный мир человека, его привычки и образ мышления. Для достижения этой цели, по мнению государственных органов, необходимо было время и перевод атеистической работы на новый, более высокий уровень. Он предполагал преодоление крикливости, лозунговости в антирелигиозной пропаганде. Теперь наступательность должна была базироваться на глубоком знании объекта, целей и задач. Работа Института научного атеизма позволила получить и проанализировать эти знания и дала импульс к развертыванию атеистической работы научно-педагогических кадров на принципиально новых условиях. В 60-е годы произошли определенные сдвиги в исследовании многих важных социальных сторон и аспектов борьбы против религиозной идеологии, – развернулась критика религиозных концепций человека, социальных доктрин церкви и так далее. Спор с религией государство все больше стремилось переместить в научную плоскость, к проблеме человека, морально-этическим ситуациям [14, д. 407, л. 35]. В стране за 7 лет после Постановления ЦК КПСС от 2 января 1964 года по вопросам атеизма и религии было защищено 477 диссертаций, в том числе 41 докторская и 436 кандидатских диссертаций [14, д. 407, л. 8].

В высшей школе создавалась система атеистического воспитания, которая пронизывала учебный процесс. В разработке планов атеистической работы принимали участие партийные организации вузов, ректораты, ведущие преподаватели практически всех кафедр. Однако главную роль в формировании атеистической убежденности продолжали играть кафедры общественных наук. К середине 60-х годов в БАССР число работающих там преподавателей увеличилось до 124 [12, оп.73. д. 271, л.10.]. Преподаватели-обществоведы регулярно работали над совершенствованием содержания и тематической направленности лекционных и семинарских занятий в соответствии с новыми научными исследованиями в области атеизма и религии. На всех лекциях с той или иной степенью полноты и глубины, определяемых спецификой изучаемого предмета, раскрывались вопросы, связанные с атеистическим воспитанием. Так, например, в курсе истории КПСС преподаватели, раскрывая темы «Столыпинская реакция», «Буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг.», «Великая Октябрьская социалистическая революция», «Партия в годы гражданской войны», «Борьба партии за индустриализацию и коллективизацию» и другие, уделяли внимание стремлению партии большевиков освободить народные массы от религии. Почти во всех темах курса марксистско-ленинской философии («Борьба материализма и идеализма в домарксистской философии», «Возникновение и основные этапы развития марксистской философии» и другие) преподаватели показывали гносеологические и классовые корни религии, тормозящее влияние церкви на ход общественного прогресса, на развитие мышления и творческих сил человека, на формирование его активной жизненной позиции.

Исключительно важное значение имели факультативные лекции по научному атеизму. На них преподаватели все проблемы освещали с позиций современности – состояние и деятельность существующих церковных организаций, особенности проповедей и аргументаций богословов, принципы идеологической борьбы с религией в настоящих условиях. В проведении факультативных занятий принимали активное участие также комсомольские организации институтов. В студенческих общежитиях преподавателями кафедр общественных наук и самими студентами проводились бесе-

ды на такие атеистические темы,как «Религия – опиум для народа», «Наука и религия» и ряд других.

Во многих вузах начали работу атеистические кружки, где студенты могли заниматься научно-исследовательской деятельностью – готовить доклады, рефераты по проблемам атеизма и религии. Как правило, тематика занятий в кружках увязывалась с профилем высшего учебного заведения. Например, в педагогических вузах она была ориентирована прежде всего на изучение вопросов научно-атеистического воспитания. Об этом свидетельствовали темы занятий: «Ленинские принципы научно-атеистического воспитания», «Комплексный подход к атеистическому воспитанию», «Соотношение критического и позитивного в научно-атеистической пропаганде в школе», «Учет гносеологических и психологических особенностей в атеистической работе среди учащихся», «Проблемы управлением атеистическим воспитанием в школе».Члены атеистических кружков педагогических вузов во время прохождения педагогической практики в школах организовывали атеистические вечера.

Ректораты и партийные бюро вузов, следуя инструкциям государственных органов, пытались придать атеистической работе всеобъемлющий характер и повысить в ней роль коммунистов, комсомольцев и всего профессорско-преподавательского состава, так как формирование научно-атеистического мировоззрения у студентов предполагало совместные усилия научно-педагогических кадров [12, оп. 209, д. 364. л. 24].

Почти все преподаватели кафедр общественных наук являлись внештатными лекторами Башкирского отделения Общества по распространению политических и научных знаний [12, оп. 32, д. 1980, л. 18], созданного в 1947 году по инициативе видных ученых страны, общественно-политических деятелей, работников искусства [12, оп. 33, д. 1426, л. 20]. Важным направлением работы данного Общества являлась научно-атеистическая пропаганда. Педагогические кадры периодически выступали на заводах, предприятиях с лекциями и докладами по вопросам науки и религии [13, оп. 1, д. 110, л. 42].

Широкая атеистическая работа, в которую была вовлечена интеллектуальная сила общества, стала давать определенные внешние результаты. В 1970 году в стране было окрещено 27 тысяч детей школьного возраста и 23 тысячи взрослых людей [14, д. 407, л.19], что примерно в 20 раз меньше, чем в 1950-е – начале 1960-х годов (число людей, исповедовавших ислам, на сегодняшний день не поддается учету). Атеистическая работа отнюдь не приводила к утверждению в обществе идеалов высокой культуры и нравственности. Скорее наблюдался обратный процесс. В вузах участились факты хулиганства среди студентов [12, оп. 66, д. 35, л. 24] и аморальных поступков отдельных преподавателей [12, оп. 81, д. 23, л.6]. Протоколы заседаний обкома изобилуют сведениями о том, что в БГУ, Бирском пединституте и ряде других учебных заведений постоянно нарушались так называемые «правила социалистического общежития», то есть происходили драки и пьянство [12, оп. 77, д. 46, л. 18].

В целом по стране к началу 1980-х годов ежегодно совершалось около двух миллионов различных преступлений. Потребление алкоголя на душу населения к этому времени выросло по сравнению с 1950-ми годами более чем в два с половиной раза. Массовое распространение получили мелкие хищения государственного имущества, падение трудовой дисциплины, апатия и безразличие [15, с. 542]. Нравственные устои общественной жизни размывались, и тому был целый спектр причин, одна из которых оголтелая атеистическая пропаганда. Партийные и государственные органы никогда не усматривали четкой взаимосвязи между религией и моралью. Система эффективной

атеистической работы была создана, но она все больше грозила загнать общество в нравственный тупик. К счастью, этого не произошло.

Несмотря на целостную, действенную систему атеистической работы, триумфа атеизма в стране не было. В обществе росло понимание того, что наука и вера – это две разные сферы общественного сознания и развитие НТР не приводит к отмиранию религии. Религия выступает как духовная потребность человечества. Попытки государственной власти искоренить эту потребность напоминали в большей степени игру в одни ворота, так как религиозные учреждения мало что могли противопоставить массированной государственной пропаганде; открытая, равноправная дискуссия даже не предполагалась. Население могло наблюдать только напряженную атеистическую работу.

Подобная идеологическая монополия с течением времени, с ростом материального благосостояния народа не могла не дать трещину. Демократизация общества середины 1980-х годов явственно показала, что вместо насильного насаждения государством какой-либо идеи для культурного, гармоничного развития страны полезнее фактическая свобода совести. С осознанием того, что религия лежит в основе мировой культуры и цивилизации, мы восстановили естественный ход событий, так называемую связь времен. В Башкортостане к 1993 году стало действовать 90 церквей, в то время как в 1970 году их было 17 [16, с. 631], и за очень короткое время возросло количество мечетей – с 24 в 1990 году до свыше 200 в 1992 году [17, с. 113] и более 400 в 1996 году [16, с. 399].Перед нынешней, более гибкой эпохой уже встают несколько иные проблемы: вопрос равноправия основных конфессий страны, выработка механизмов политического и идеологического сотрудничества власти и религиозных учреждений, учет интересов не только религиозных организаций, но и рядовых верующих и многие другие. Решая эти проблемы, следует помнить, что государственная стабильность достижима при создании ситуации, когда любой россиянин, исповедующий любую веру или не исповедующий никакой, принадлежащий к какой-либо религиозной организации или занимающий автономную позицию, будет чувствовать уважение прав личности и защиту ее интересов.

Список использованных источников

1. Верховский А. М. Власть и религия в современной России / А. М. Верховский // Свободная мысль. – 2004. – № 4.
2. Белов А. В. Не делай себе кумира. Беседы о религии и знании / А. В. Белов. – М.,1984.
3. Бонч-Бруевич В. Д. Избранные атеистические произведения / В. Д. Бонч-Бруевич. – М., 1973.
4. Гуревич П. С. Спасет ли мессия? «Христомания» в западном мире: философско-публицистический очерк / П. С. Гуревич. – М., 1981.
5. Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 годов / Р. Ю. Плаксин. – М., 1968.
6. Валитов Н. Х. Научные подтверждения истин Корана, Библии и Торы. / Н. Х. Валитов. – Уфа, 1999.
7. Дмитренко В. П. История России. XX век / Дмитренко В. П. – М.,1996.
8. Окулов А. Ф. Ленинское атеистическое наследие и современность / А. Ф. Окулов М. 1986.

9. Семенов Е. В. Огонь и пепел науки. / Е. В. Семенов. – Новосибирск, 1990.
10. Островский В. П., Уткин А. И. История России. XX век / В. П. Островский, А. И. Уткин. – М., 1995.
11. История Башкортостана (1917–1990гг.) / Под ред. Р. З. Янгузина. – Уфа, 1997.
12. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). – Ф. 122. – Оп. 32.
13. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортосна (ЦГИА РБ). – Ф.Р-4398. – Оп. 1.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 606. – Оп. 1.
15. Дмитренко В. П., Есаков В. Д., Шестаков В. А. История России. XX век / В. П. Дмитренко, В. Д. Есаков, В. А. Шестаков. – М.,1995.
16. Башкортостан. Краткая энциклопедия / под ред. Р. З. Шакурова. – Уфа, 1996.
17. Гайнутдин Р. Ислам в современной России / Р. Гайнутдин. – М., 2004.

МОДЕЛИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ[1]

MODEL MIGRATION POLICY: POLITICAL RISKS AND SOLUTIONS

К. В. Фофанова, Д. М. Борисов (Мордовский государственный университет, г. Саранск, Россия)
K. Fofanova, D. Borisov (Mordovian State University, Saransk, Russia)

Аннотация. *В статье анализируются модели миграционной политики, сложившиеся в мировой практике, акцентируется внимание на понятиях «нация», «гражданская идентичность» в рамках миграционных вызовов. Акцентируется внимание на особенностях миграционной политики в России.*

Abstract. *The article analyzes the impact of international labor migration on regional security. Focuses on various approaches to the estimation of migration and attitude, peculiarities of migration policy in Russia.*

Ключевые слова: *миграция, миграционная политика, мультикультурализм, ассимиляция, нация, гражданская идентичность*

Keywords: *migration, migration policy, multiculturalism, assimilation, nation, civil identity*

Миграция – это вековой ответ на различия экономических возможностей, уровня социальной безопасности и других факторов. Как отмечает С. Хантингтон, «если демография – это судьба, то перемещения населения – это двигатель истории» [14, с. 308]. По мнению С. Хантингтона, массовая миграция является «центральной проблемой нашего времени» [14]. В этом контексте нельзя не согласиться с образным выражением В. А. Ионцева, отметившим, что «выразителем сущности нашей эпохи является скорее

[1] *Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства РМ (грант № 14-13-13008 а(р))*

кочевник-человек, странствующий из края в край», и что в обществе будущего «все люди, независимо от своей культуры, будут мигрировать» [4, с. 75]. Миграционные процессы непосредственно влияют этническую идентичность, ставят вопрос о гражданской нации. В зависимости от того, как рассматриваются вопросы национальной принадлежности и культурного своеобразия в мировой практике сложилось несколько вариантов отношения к культурному многообразию. Так, профессор политической теории Лондонской школы экономики Ч. Кукатас предлагает пять возможных вариантов реакции на существование в одном обществе людей с разными культурными традициями – изоляционизм, ассимиляторство, «мягкий» мультикультурализм, «жесткий» мультикультурализм и апартеид [9]. Российская исследовательница В. В. Сахарова отмечает, что «все возможные последствия межкультурных контактов, в том числе стратегий адаптации иммигрантов и иммигрантских общин можно поместить в континууме геноцид-ассимиляция» [13, с. 11], в то время как О. В. Щедрина предлагает выделять два основных подхода к интеграции полиэтничного населения: «ассимиляционную модель, или «плавильный котел», при которой бремя и тяготы процесса интеграции ложатся, в основном, на самих мигрантов, и модель признания различий, или мультикультурную, переносящую акцент на создание условий для интеграции, т. е. на усилия принимающей стороны» [15, с. 64]. В докладе глобальной комиссии по международной миграции выделяют три варианта – политика сегрегации, ассимиляции и мультикультурализма [16].

Ученые дают разную оценку миграционной политике, проводимой странами Евросоюза и США. Политика Германии и Франции оценивается как политика сегрегации, Великобритании как расового разделения, Швеции как политика ассимиляции, Голландии и Испании с акцентами на права этнических меньшинств. Кроме того, как считает Е. И. Небываева, «качественно различные модели иммиграционной политики Германии и Франции образуют два крайних полюса возможного решения проблемы. Между этими полюсами с большей или меньшей степенью причастности к одной из моделей располагаются модели 27 государств ЕС, что позволяет, исследуя иммиграционную политику Германии и Франции, получить комплексное представление об оптимальных направлениях формирования общеевропейской иммиграционной политики» [11, с. 6].

Понятие «нация» является центральным для миграционной политики Германии». Это связано с особенностями исторического развития Германии. Нация возникла раньше, чем было образовано единое государство, сформировалась «этнокультурная» концепция нации, в соответствии с которой нация и национальность такие же базовые понятия как этническая принадлежность, общий язык и культура. Однако с середины 1970-х гг., после того как Германия столкнулась с фактом пребывания на своей территории большого числа неассимилированных иностранцев, такая политика стала давать сбои. Власти ФРГ, заключая межправительственные соглашения со странами поставщиками рабочей силы, рассчитывали на принцип ротации, согласно которому рабочие, проработав в Германии несколько лет, будут возвращаться на родину, на их смену приедут другие. Большинство иммигрантов также рассматривали Германию как возможность заработать и вернуться домой. Однако когда правительство приняло решение о прекращении вербовки иностранной рабочей силы, многие гастарбайтеры не захотели вернуться к себе на родину, а напротив, стали вызывать к себе семьи и родственников.

Отличительной особенностью интеграционной модели Германии является ее селективный характер, затрудняющий социальную интеграцию иммигрантов. Как отмечает В. С. Малахов, «уникальность немецкой ситуации состоит в том, что германский закон

определяет национальность по принципу не территории, а происхождения» [10, с. 149]. Разные категории иммигрантов обладают разными правами. К первой категории относятся этнические немцы. Их статус самый высокий среди иммигрантов. Сразу по приезду они получают все гражданские права и привилегии. Вторую категорию составляют иммигранты из стран ЕС и США. Не будучи гражданами, они не участвуют в земельных и федеральных выборах, но обладают правом голоса на местном уровне. В третью категорию включены «гастарбайтеры». К четвертой категории принадлежат иммигранты, подавшие прошение о политическом убежище. К пятой – отнесены нелегальные беженцы [7, с. 24]. Сторонники плюрализма в Германии выдвинули лозунг «Плюралистические и мультикультурные формы общежития под крышей Основного закона» [8, с. 151], что подразумевает не ограничение въезда в страну, а разумное регулирование, создание экономических и социальных условий для интеграции новых граждан.

В 2002 г. в Европе насчитывалось 18,4 млн. мигрантов, из них около 9 млн. являлись выходцами из мусульманских стран Ближнего Востока и Северной Африки, для которых «важно сохранение традиционного уклада» [5]. К 2015 г. мусульмане могут составить 15% всего населения Старого Света, а в крупных городах Франции, Германии и Нидерландов их количество может превысить 30% [5]. Некоторые западные аналитики прогнозируют, что через 50 лет Европа станет главным мировым центром исламской религии благодаря принятию ислама многими европейцами под влиянием процессов миграции, а также большой рождаемости [5]. Многие из них не хотят ассимилироваться, в результате возникают этнические гетто. Бывшие гастарбайтеры, оставшиеся в стране, пытаются избавиться от комплекса гостя, стремятся отстаивать свои права. Наглядным примером этого являются волнения мусульманской молодежи во Франции, проблемы с мигрантами в Германии.

Вместе с тем, современные специалисты, указывают, что сложилась парадоксальная ситуация, когда мультикультурализм на уровне страны оборачивается жестким монокультурализмом и сегрегацией на локальном уровне. К началу 2000-х годов в Берлине лишь каждый двенадцатый из турецких школьников сдавал экзамены за полный курс средней школы, тогда как из числа немецких школьников такие экзамены сдавал каждый третий выпускник. Безработица касается молодых турок в большей степени, чем немцев. В 2006 году 47% молодых турчанок в возрасте до 25 лет и 23% молодых турок являлись безработными и жили за счет социальных пособий [12]. При этом сама возможность получения таких пособий почти без ограничений по времени не стимулирует иммигрантов к интеграции в принимающее сообщество. Более того, социологические исследования показывают, что турецкая молодежь в Германии демонстрирует меньшее стремление к интеграции, чем турки старшего поколения.

Политики европейских стран признают насущную необходимость в привлечении мигрантов вследствие сокращения рождаемости и старения населения. Американский социолог, основатель теории менеджмента, профессор университета г. Клермонт (Калифорния, США) П. Ф. Друкер, оценивая ситуацию в Германии, пишет, «по оценкам заслуживающего доверия исследовательского института DIW (Берлин), к 2020 году Германии придется каждый год принимать по 1 млн иммигрантов в трудоспособном возрасте – только для того, чтобы иметь возможность поддерживать численность своей рабочей силы. Другие богатые европейские страны находятся в аналогичном положении. А в Японии идут разговоры о ежегодном приеме 500 тысяч корейцев – и о том, чтобы по истечении пяти лет пребывания в стране отправлять их домой. Для всех «больших» стран, за исключением Америки, подобные масштабы иммиграции поисти-

не беспрецедентны» [3]. По прогнозам экспертов государствам западного мира придется столкнуться со значительным увеличением в составе их населения выходцев из мусульманских стран и их потомков [5]. Как показывает практика, именно с мигрантами из мусульманских стран возникают конфликты на культурно-политической почве, что приводит к подъему националистических движений на Западе.

Во Франции границы для приезжих открылись в период экономической депрессии 20–30-х гг. XX в. Тогда в страну стали приезжать рабочие из стран Восточной и Южной Европы, в основном испанцы. После Второй мировой войны в массовом порядке во Францию стали мигрировать мусульмане. В 1970-е гг. рабочим из Турции, Ливана, Алжира, Марокко, Туниса, Сенегала и других бывших французских колоний власти Франции разрешили привозить с собой семьи, в результате чего в страну въехали не только жены и дети иммигрантов, но и остальные родственники. Число мигрантов-мусульман увеличилось с 2 млн. в 1978 г. до 4,5 млн. в 2000 г. [5].

Французская модель интеграции иностранцев строится на понятиях «нация» и «гражданство», имеющих специфическое французское значение. «Нация» в данном контексте рассматривается в двух значениях: как сообщество людей, проживающих на определенной территории, обладающих этническими и культурными чертами, языком, обычаями, историческими и религиозными традициями, и как политическое сообщество, существующее по определенным законам [6, с. 32]. «Гражданство» также имеет два значения: гражданство как принадлежность к государству-нации и как «юридическая принадлежность человека к народу, конституировавшему государство [6, с. 33]. При этом подразумевается, что народ объединен общей культурой и ценностями, имеет общее культурное и историческое наследие, которое является достоянием всех и каждого гражданина.

Французская модель до последнего времени была ориентирована на ассимиляцию иммигрантов. Путь к ассимиляции условно делится на три этапа: адаптационный, во время которого иммигранты включаются в трудовые и социальные отношения, знакомятся с обычаями и нравами страны; предоставление гражданства, что уравнивает иммигрантов в правах с коренными французами; ассимиляция, то есть осуществляется переход иммигранта из культуры страны его рождении в культуру страны пребывания. Однако эта модель оказалась несостоятельной, впоследствии Франция столкнулась с созданием на ее территории стабильных, стремящихся к обособлению этнорелигиозных и культурных общин, которые отказываются разделять ценности западного общества и живут в соответствии с ценностями и нормами своей культуры и веры. П. Дж. Бьюкенен пишет о кровавых стычках между французами и алжирцами, происходящими во Франции, о том, что в Европе христианские конгрегации вымирают, церкви пустеют, зато мечети заполняются все активнее. В одной только Франции сегодня проживает пять миллионов мусульман, а на территории Европейского союза в целом от двенадцати до пятнадцати миллионов [1].

Ассимиляционная модель, по мнению Р. Коллинза, ориентирована на «сокращение количества этнических групп, в пределе – до одной этнической общности на государство» [7]. Одно из первых определений понятия «ассимиляция» было дано в рамках Чикагской социологии Р. Парком и Э. Берджесом. В контексте теории ассимиляции были даны первые объяснения причин расширения так называемых этнических границ. Вместе с тем идеи Чикагских социологов были подвержены критики, в частности, со стороны Н. Глейзера. Он один из первых высказался против теории тотальной ассимиляции, выдвигая альтернативную модель культурного плюрализма в США.

Ассимиляционная модель интеграции в социологии и политологии получила название «плавильный котел». Это название возникло под влиянием идеи создания единой американской идентичности. Предполагалось, что приезжающие в Америку могли быть любого происхождения, но, проходя через этот «котел», они вливались в американскую гражданскую нацию. На формирование этой идентичности были направлены усилия государства в области законодательства, идеологии и образования.

Компромиссом между требованием единой идентичности и системы ценностей как основы сохранения государства и требованием права на отличие стал мультикультурализм. Само понятие «мультикультурализм» появилось в 1960-е гг. Новой в концепции мультикультурализма стала идея о структурировании общества, но не по вертикали, а по горизонтали, что создает некую совокупность множеств, расположенных на одном уровне.

Первой страной, принявшей мультикультурализм в качестве официальной государственной политики, стала Канада. Там закон о мультикультурализме был принят в 1988 г. Пришло осознание того, что интеграция – это процесс, идущий поколениями. Длительный временной интервал переходного периода от одной структуры идентичности к другой требовал создания специальных условий и видов помощи для мигрантов, изменения институтов принимающего общества на принципах толерантности и социальной справедливости.

Если рассматривать ассимиляцию и мультикультурализм как модели, то можно выделить их отличие – ассимиляционная модель предполагает, что все проблемы интеграции вынуждены решать в основном мигранты, в то время как мультикультурная модель переносит акцент на создание благоприятных условий для интеграции со стороны принимающего сообщества.

Перед современной Россией стоят задачи, которые стояли перед США, Германией в 60-е гг. XX в., перед Канадой, Францией в 70-80-е гг. XX в. Россия, также как и страны Запада вынуждена решать проблему национального самоопределения. Но при этом Россия имеет свою специфику. В условиях советского пространства отсутствовало разделение на граждан и не граждан по религиозному и национальному признаку. Россия еще в 1917 г., в период действия Временного правительства, в отличие от других имперских государств, устранила все виды дискриминации по национальному или религиозному принципу, предоставив всем народам, входившим в состав Российской империи, равные избирательные права [2]. Впоследствии принцип национального равенства был подтвержден большевистской Декларацией прав народов России. Современная постсоветская Россия, унаследовав от СССР внешние долги, ядерное оружие и постоянное членство в СБ ООН, не применила в полном объеме принцип наследования на прежних соотечественников, но в 1992 г. для бывших граждан СССР была введена облегченная процедура приема в гражданство РФ в порядке регистрации.

Российская специфика сталкивается с негативными и позитивными следствиями в разработке государственной миграционной политики. Крайне сложно в России определить, кто является, а кто не является «соотечественниками» россиян за рубежом. Понятие «коренные народы РФ» довольно неопределенное, так как Россия культурно связана со многими бывшими согражданами по Советскому Союзу – украинцами и белорусами, казахами и армянами, азербайджанцами и молдаванами, проживающими в других государствах. В России складывается двоякая ситуация, с одной стороны, «закрыться от чужих», с другой – консолидация. Поэтому российская миграционная политика должна учитывать эти особенности.

В России в 2012 г. Президентом утверждена «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Концепция представляет собой систему взглядов на содержание и основные направления деятельности органов государственной власти Российской Федерации в области управления миграционными процессами [8]. Цель – обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения Российской Федерации; стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации; содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей.

Миграционная политика России в соответствии с данной концепцией строится с учетом отечественного и международного опыта в сфере управления миграционными процессами и обусловлена необходимостью обозначения стратегических ориентиров миграционной политики во взаимосвязи с ожидаемыми перспективами экономического, социального и демографического развития Российской Федерации, внешней политики Российской Федерации и интеграционными процессами на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств, Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также с общемировыми тенденциями глобализации.

Большой наплыв этнических мигрантов в Россию, внутренняя трудовая миграция, демографический кризис, стремительное старение населения, укрепление в массовом сознании установки «Россия – для русских» диктуют необходимость обращения к концепциям ассимиляции и мультикультурализма в обновленном варианте, учитывающим историческое прошлое России и современные реалии.

Список использованных источников

1. Бьюкенен Дж. П. Смерть Запада; пер. с англ. А. Башкирова. – М. : АСТ, 2007. – 444 с. – (Philosophy). – Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/172187.
2 . Градировский С. Развитие государственности в ситуации демографической трансформации мира // Русский архипелаг : сетевой проект «Русского мира» [сайт]. – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/antrostream/projectanropotok/referat_dokladu/.
3. Друкер П. Ф. Новые демографические показатели // Государство и антропоток : [сайт] / Центр стратегич. исследований Приволжск. Федерал. округа. – Режим доступа: http://antropotok.archipelag.ru/text/a282.htm.
4. Ионцев В. А. Международная миграция населения: Россия и современный мир // Социологические исследования. – 1998. – № 6. – С. 38–48.
5. «Исламская опасность» в зарубежной Европе // ИноСМИ.ру : [сайт]. – Режим доступа: http://www.serebrija.org.ua/?p=1008.
6. Коллинз Р. «Балканизация» или «американизация»: геополитическая теория этнических изменений [Электронный ресурс] / Р. Коллинз // Центр гуманитарных технологий : [сайт]. – Режим доступа: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2701.
7. Кондратьева Т. С. Иммигранты в Европе : Модели интеграции / Т. С. Кондратьева, И. С. Новоженова // Актуальные проблемы Европы. Иммигранты в Европе : Проблемы социальной и культурной адаптации : сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр науч. информ. исслед. глоб. и регион. пробл. отд-ние Зап. Европы и Америки ; редкол.: Кондратьева Т. С., Новоженова И. С. – М., 2006. – С. 9–59.

8. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г.) // – Режим доступа: http://base.garant.ru/70188244/#text#ixzz3JvRXmrbs.
9. Кукатос Ч. Теоретические основы мультикультуризма // inLiberty : [сайт]. – Режим доступа: http://inliberty.ru/library/study/327/.
10. Малахов В. Вызов национальному государству // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3, № 2. – С. 141–154.
11.Небываева Е. И. Современные иммиграционные процессы в странах Евросоюза (политологический анализ на примере Германии и Франции) : автореф. дис. … канд. политич. наук / Е. И. Небываева. – М., 2009. – 26 с.
12. Паин Э. А. Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму / Э. А. Паин // Вестник Института Кеннана в России. – 2011. – № 20.
13. Сахарова В. В. Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада в условиях глобализации : автореф. дис. …канд. политич. Наук. – СПб., 2010. – С. 11.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
15. Щедрина О. В. Возможно ли мультикульутрная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. – 2004. – № 11. – С. 67–74.
16. Migration in an Interconnected World : New Directions for Action : report of the global commission on international migration, October 2005 [Electronic resource] / Global Commission on International Migration. – Switzerland : SRO-Kundig, [2005]. – 88 p. – Режим доступа: http://www.unhcr.org/refworld/ pdfid/435f81814.pdf

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ОСНОВА МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

EXTREMISM AS A SECTARION CONFLICT BASIS IN MODERN RUSSIA

З. М. Хасанов, Г. З. Хасанова (Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Россия)
Z. M. Khasanov, G. Z. Khasanova (Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена исследованию актуальных для современного общества вопросов, связанных с проявлениями экстремизма и нетерпимостью. Рассматриваются современные правовые подходы к пониманию сущности экстремизма, приводится связь экстремизма с религиозными конфликтами.*

Abstract. *This article covers the actual questions of extremism and intolerance. The modern legal approaches to understanding the nature of extremism, provides connection extremism with religious conflicts.*

Ключевые слова: *экстремизм, религия, конфликты, этнос, противодействие.*
Keywords: *extremism, religion, conflict, ethnicity, resistance.*

В современном государстве с развитием гражданского общества появились проблемы, которых раньше не было совсем или они не были столь ощутимыми. Одной из главных таких проблем является экстремизм. Данное негативное явление выступает

основной причиной возникновения межрелигиозных конфликтов и является питательной средой для терроризма.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистская деятельность (экстремизм) – это:

насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч.1 ст. 63 УК РФ;

пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;

публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Международно-правовые стандарты в области прав человека, провозглашая право каждого человека на свободное выражение своего мнения, вместе с тем предусматривают, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию; всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, предоставление любой

помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование; всякая дискриминация на основе религии или убеждений должны быть запрещены законом.

В рамках процессов глобализации преступления экстремистской направленности приобрели межгосударственный характер, свидетельством чему является возникновение большого количества международных террористических и экстремистских организаций. Переход преступлений экстремистской направленности с национального на международный уровень является показателем укрепления позиций таких организаций, а также фактором, влекущим рост совершаемых ими деяний.

В современных общественно-политических условиях одной из основных задач стоящих перед российской правоохранительной системой является устранение угроз связанных с распространением сепаратизма, религиозного радикализма, ростом количества противоправных посягательств со стороны, имеющих экстремистскую мотивацию обособленных религиозных организаций, групп и их отдельных членов.

Использование экстремистскими организациями религиозного учения и символов в качестве фактора мобилизации людей на бескомпромиссную борьбу, противоречивость и острота подобных проявлений, которые можно идентифицировать как религиозный экстремизм, обусловливают высочайшую степень его общественной опасности и вызывают необходимость выработки органами государственной власти комплексной, эффективной и научно обоснованной системы противодействия данному явлению, являющейся важнейшим элементом обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Из истории государств отчетливо видно, что от экстремизма не застрахованы ни высокоразвитые, ни отстающие в экономико-социальном развитии страны. Экстремизм не имеет ни родины, ни языка, ни пола, ни национальности, ни религии, представляет реальную угрозу национальной безопасности государства. Исторический опыт России и зарубежных государств дает основания полагать, что экстремистские проявления в обществе, как правило, наступают именно в периоды обострения социально-политических и социально-экономических противоречий.

Проблема распространения экстремизма в Российской Федерации на фоне глобальных геополитических перемен последнего времени становится одним из ключевых факторов, способствующих ослаблению российской государственности, росту нестабильности в обществе. Разнообразие и дерзость экстремистских проявлений усиливает сепаратистские настроения в отдельных субъектах Российской Федерации, является источником запугивания населения, провоцирует панические настроения, в том числе террористическими методами. Особенные опасения вызывает неуклонный рост ксенофобии и радикализма, основанных на религиозных воззрениях как отдельных граждан, так и целых религиозных объединений. Во многих российских регионах, приверженность к радикальным религиозным группировкам, особенно исламского толка, стала чем-то вроде модной тенденции, в особенности среди молодежи, своеобразным способом утверждения собственной значимости.

Содержание экстремизма во всем мире выражается в устрашении насилием, разжиганием национальной и религиозной розни, организацией мятежа, насильственного захвата власти. В этом содержание экстремизма в какой-то степени сродни с терроризмом. Усиление экстремизма, острота используемых его субъектами форм и методов, интенсивность и повсеместное его распространение сегодня создают реальную угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства.

По мнению видных ученых, экстремизм проник во все области общественной жизни. Вторжение в религию политического фактора повлекло появление новых видов

общественно опасного деяния, например, политико-религиозного экстремизма, что требует адекватного правового регулирования и борьбы с ним. Религия – это вечная ценность человечества, прежде всего уважение к верующему человеку и она должна быть лишена любого посягательства. Вмешивать политику в дела религии или наоборот представляется недопустимым. Неслучайно одной из наиболее опасных и распространенных форм политической преступности признается политический терроризм.

Транснациональный характер угроз терроризма и экстремизма побуждает многие государства выработать единые подходы к решению ряда принципиальных задач. Юристы многих стран пытались дать единое определение экстремизму и сформулировать его основные признаки, рассматривая их в различных аспектах. Понятие «экстремизм» в уголовно-правовом аспекте не тождественен его криминологическому пониманию. С точки зрения уголовного права экстремизм охватывает весьма широкий спектр перечней составов преступлений, а криминологическое несет в себе общую характеристику и раскрывает социально-правовую суть данного явления и, следовательно, является более емким понятием. Широкое же значение экстремизма охватывает терроризм, национальный экстремизм и религиозный экстремизм.

Национальный экстремизм является результатом крайнего разбухания своекорыстия и нетерпимости к другим нациям. Можно выделить следующие типы экстремизма: экспансивный и консервативный. Первый приводит к империализму, фашизму и гегемонизму, а второй – к ксенофобии и сепаратизму.

Религиозный экстремизм использует однобокие взгляды безграничного преувеличения и абсолютизации для толкования системы вероисповедания некой религии, раздувает религиозный фанатизм и занимается террористической деятельностью. Это продукт перерождения религий от некоторых религиозных доктрин по мере развития социальных отношений. Религиозный экстремизм может проявляться в применении силы для захвата власти, узурпации власти, изменения конституционной структуры государства, посягательствах на общественную безопасность посредством насилия, а также в пропаганде идей религиозного экстремизма.

Анализ приведенных дефиниций позволяет сделать вывод о том, что национальный экстремизм и религиозный экстремизм оказывают друг на друга влияние, взаимопроникая, являясь причиной или следствием порождения одного другим.

Помимо несбалансированной государственно-конфессиональной политики и проблем в межнациональных и межконфессиональных отношениях, являющихся во многом политическим наследием бывшего СССР, важной причиной роста радикализма и ксенофобии в российском обществе является использование религиозного фактора транснациональными организованными преступными сообществами в качестве идеологической основы для объединения своих членов.

Как раз под прикрытием религиозной риторики их организаторы, преследуя политические, экономические, религиозные и другие цели, все чаще пытаются спровоцировать активное противоборство между последователями различных религиозных учений, внедряют в массовое сознание лозунги, направленные на насильственное изменение основ конституционного строя России, верховенство одной нации над другими.

Реальным подтверждением указанных угроз выступают целенаправленные политические устремления зарубежных религиозных центров экстремистского толка на субъекты Северо-Кавказского федерального округа. Опираясь, прежде всего, на социально-экономические трудности населения юга России, они стремятся придать созна-

нию и поведению населения северокавказского региона устойчивую антиправославную, а в конечном итоге – антирусскую и антироссийскую направленность.

В последнее время в Приволжском федеральном округе, преимущественно в мусульманских республиках увеличивается количество уголовных дел о преступлениях экстремисткой направленности. Во всех регионах России, характеризующихся значительным представительством мусульманского населения, продолжается популяризация взглядов, а также распространение литературы, отражающей идеологические, политические, военные, специальные и информационно-пропагандистские аспекты теоретических разработок известных исламистов, которые являются основой для подготовки исламских боевиков по всему миру.

Необходимо отметить, что кроме активности религиозных организаций, в Российской Федерации существует деятельность сектантских течений иностранного происхождения, лидеры которых пользуются методами психологического давления и запугивания, отрицают общечеловеческие ценности, ограничивают своих последователей в гражданских и личных правах. Многие из них обнаружили свою причастность к разжиганию межнациональной и межконфессиональной розни, совершению акций, подрывающих основы гражданского сознания и толерантности.

Причины межконфессиональной агрессии, рост проявлений экстремизма связаны не только с внешними воздействиями, но и с проблемами внутри страны. Несовершенство действующих правовых основ и практики администрирования отношений между органами государственной власти и религиозными организациями, недостатки в работе правоохранительных органов, отсутствие комплексного системного подхода к решению проблем противодействия экстремизму приводит к неуклонно растущему количеству совершенных преступлений экстремистской направленности.

К сожалению, реальность сегодняшнего дня – рост межэтнической и межконфессиональной напряженности. Национализм и религиозная нетерпимость становятся идеологической базой для самых радикальных группировок и течений. Поэтому важно сотрудничество государства с религиозными организациями, выстраивание продуктивного диалога.

На территории Башкортостана проживает более 4 миллионов человек, порядка 130 национальностей. Ведущими религиями у нас являются ислам (67%) и православие (22%). В республике действуют 9 религиозных духовных центров, 1501 объединение различных конфессий – всего более 22 направлений. На территории республики расположено более 900 мечетей, свыше 270 православных храмов и более 40 культовых зданий иных конфессий [9]. Башкортостан – уникальный субъект Российской Федерации с насыщенным конфессиональным и национальным колоритом. Несмотря на это, все чаще в газетах, новостях встречается информация об экстремистских ячейках, обнаруженных в городах и деревнях республики. Печально, что субъектом преступлений экстремистского характера выступает молодежь.

Психологическая сила воздействия экстремистских идей на молодых людей велика, потому что у них практически нет никакого мировоззренческого противовеса, поскольку в нашем меняющемся обществе переоценка ценностей среди значительной части населения еще не завершена. Возможно молодые люди не находят в духовных управлениях того, что отвечало бы их чаяниям. И поэтому молодежь создает что-то новое, которое будет отрицать старое. Такова диалектика развития многих общественных процессов. Сегодняшняя неуверенность молодежи, ненужность, слабые социальные лифты также являются причиной ее радикализации. В общественном сознании сложилась явная диспропорция: красивая жизнь, которую показывают СМИ, и реальная

жизнь, которую видит молодежь. Бандитизм сегодня не популярен, но только среди «братьев», в рядах малой социальной группы, авторитет и самооценка молодого человека поднимается, он чувствует себя защищеннее, увереннее. Это уход от действительности, непризнание «несправедливой» реальности.

Вся работа по противодействию экстремизму должна быть основана на законности, гласности и неотвратимости наказания за экстремистскую деятельность. Несмотря на то, что преступления, сопряженные с проявлением экстремизма, составляют незначительную долю среди всех регистрируемых преступлений, их высокая степень общественной опасности обусловливается прежде всего качественными свойствами. Кроме этого, следует отметить и высокую степень латентности указанных деяний.

Задача противодействия экстремизму в условиях развития технологий обработки и передачи информации приобретает особое значение. Большинство нормативных актов, регулирующих вопросы противодействия экстремизму, не учитывают специфику распространения материалов экстремистского характера в сети Интернет. Отсутствие адекватной реакции на размещение таких материалов культивирует чувства вседозволенности и безнаказанности у лиц, совершающих эти деяния.

Успешное противодействие экстремистской деятельности со стороны установленных законом субъектов и всего общества возможно только при наличии достаточной законодательной регламентации процесса борьбы с экстремизмом, правовых гарантий практической реализации нормативных правовых актов, направленных против экстремистских проявлений во всех без исключения сферах общественной жизни; при значительных усилиях всего общества и соответствующей государственной воле.

Главная причина экстремизма – недостаточный уровень толерантности, то есть терпимости во взаимоотношениях между людьми, различными национальными, религиозными и иными группами. При этом, к сожалению, уровень толерантности может быть низким вне зависимости от социального положения человека. Проявление терпимости не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Напротив, терпимость означает, во-первых, признание права каждого человека свободно придерживаться своих убеждений, и, во-вторых, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим.

В большей степени отсутствие терпимости обусловлено культурными факторами, в связи с чем в профилактике экстремизма должны принимать активное участие семья, в частности, и общество в целом. Ведущая роль здесь должна принадлежать государственным и муниципальным органам власти, целенаправленная работа которых возможна только при наличии соответствующего правового обеспечения. В школах и университетах, дома и на работе необходимо укреплять дух терпимости и формировать отношения открытости, внимания друг к другу и солидарности. Воспитание в духе терпимости должно способствовать формированию у каждого члена общества, и прежде всего у молодежи, навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на общечеловеческих моральных ценностях.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета, № 138-139, 30.07.2002.
2. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета, № 88, 19.05.2009.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2011.
4. Залужный А. Г., Беляева Т. Н. Экстремизм: современные представления об общественной опасности // Современное право. 2012. № 6. С. 7–10.
5. Интервью председателя Совета по государственно-межконфессиональным отношениям при Президенте Республики Башкортостан В. П. Пяткова для канала «БСТ» от 19 апреля 2011 года.
6. Корнилов Т. А. Возникновение, развитие и понятие экстремизма // Российский следователь. 2011. № 17. С. 23–25.

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ У СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА

FOSTER TOLERANT ATTITUDES IN MODERN SCHOOLBOYS IN THE CONDITIONS OF POLYETHNIC REGION

С. В. Шанин (Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова, г. Саратов, Россия)
S. V. Shanin (Saratov State Agrarian University Named After N. I. Vavilov, c. Saratov, Russia)

***Аннотация**. Статья посвящена рассмотрению проблемы воспитания толерантности школьников с учетом требований ФГОС в условиях полиэтнического региона с целью гармонизации межэтнических отношений, успешной социальной адаптации школьников.*

***Abstract.** This paper deals with the problem of tolerance education pupils with the requirements of the GEF in a multi-ethnic region with a view to harmonizing inter-ethnic relations, successful social adaptation of pupils.*

***Ключевые слова:** толерантность, процесс воспитания в общеобразовательной школе, воспитание толерантности учащихся, полиэтничность.*

***Key words:** tolerance, the process of education in secondary school, education pupils tolerance, polyethnicity.*

Глобализация, ставшая причиной культурного и этноконфессионального многообразия, обостряет проявление в массовом сознании различных предрассудков и страхов: ксенофобии как реакции на встречу с чужим человеком и культурой, мигрантофобии, антисемитизма, приводящих к ущемлению прав человека, национализму, дискриминации и связанной с ними нетерпимости.

Проблема толерантности также актуальна для современной России в силу ее многонационального состава и многоконфессиональности, усиления проявлений в массовом сознании различных предрассудков и страхов, снижения согласия и терпимости в социуме.

Именно обострение межнациональных отношений в современном мире стало одной из главных проблем современности. Корни и истоки всякой ксенофобии – в отсут-

ствии понимания феномена культуры, интеграции одной культуры в другую на уровне личностного общения. Потому что, общение, взаимопроникновение культур являются необходимыми условиями отсутствия ксенофобии.

Воспитание толерантности, которая рассматривается как средство достижения мира и согласия, является объективной потребностью общества в современной России, стране с множеством культур. Одновременно, эта проблема остро стоит и в Саратовской области – регионе, в котором проживают представители 135 национальностей. В области проживает свыше 2,5 млн. человек, из них 87,6% составляют русские. Среди наиболее многочисленных народов региона – казахи, татары, украинцы, чуваши, мордва [2].

Образование сегодня играет решающую роль в жизни общества, по сути дела оно определяет социальный облик будущего страны. Поэтому особую актуальность приобретает проблема воспитания толерантности школьников в образовательных организациях региона.

Деятельность по поддержанию стабильной общественно-политической и этноконфессиональной ситуации осуществляется на основе «Концепции государственной национальной политики в Саратовской области».

Особенности миграционной ситуации определяются географическим положением Саратовской области, которая является также участником Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом.

Толерантность как способность человека, сообщества слышать и уважать мнение другого дает возможность невраждебно встречать отличающиеся от своего мнения и убеждения. Умение вести межнациональный диалог и с пониманием относиться к вопросам вероисповедания во многом определяют стабильность жизни полиэтнического и многоконфессионального региона [3].

К сожалению, нетерпимость к представителям иных культур все чаще проникает и в школу. Ксенофобия, националистические предрассудки, дискриминация становятся распространенным явлением в детской среде. Проблема распространение нетерпимости встала во весь рост именно сейчас, в эпоху глобализации, когда потоки людей и информации распространяются все с большей скоростью. Люди оказываются неготовыми к этим изменениям, испытывают дискомфорт, с которым далеко не все умеют справляться.

Не обошло стороной межнациональное напряжение и Саратовскую область, подтверждением чему являются случаи конфликтов, возникающие на национальной почве.

В конце 2010 года на телеканале «ТНТ–Саратов» проходил опрос среди зрителей. Им предлагали ответить на вопрос: «Считаете ли вы, что в Саратовской области существует проблема межнациональных отношений?». Подавляющее число дозвонившихся (540) считает, что она существует; 142 человека отрицают наличие сложностей в отношениях между народами. 179 саратовцев считают, что проблема возникает время от времени.

На вопрос анкетирования: «Как вы относитесь к лозунгу «Россия для русских», проведенного в одной из школ Саратовской области 6% школьников ответили, что разделяют эту позицию; 24% считают, что каждый имеет право на свое мнение; 31% школьников ответили, что их это не касается и только 39% старшеклассников это возмущает. Среди причин появления неонацизма в нашей стране 10% назвали низкий уровень жизни населения, 41% – наличие большого числа нерусского населения, а 49% ответили – оттого, что им нечем заняться. Учитывая данные тревожные факты, а также рост числа национальных диаспор в Саратовской области в последнее время, необходимость воспитания толерантности школьников в системе образования приобретает

особую значимость. Речь идет именно о воспитании, поскольку все человеческое в человеческом существе не задано от рождения, а приобретается им. Воспитание является наиболее эффективным средством предупреждения нетерпимости – эта позиция Декларации принципов толерантности, принятой на Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года четко отражает задачи современной системы образования.

Важно подчеркнуть важность воспитания толерантности как уважения к многообразию культур. Именно так понимают толерантность авторы Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО. В преамбуле Устава ООН толерантность обозначается как проявление терпимости и способность жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи [5]. В этом ракурсе толерантность выглядит как активная жизненная позиция и воспринимается в виде условия успешной социализации.

Принятые в мае 2012 года федеральные государственные образовательные стандарты среднего (полного) общего образования среди важнейших задач образования выдвигают:

- ✓ толерантное сознание и поведение в поликультурном мире, готовность и способность вести диалог с другими людьми, достигать в нем взаимопонимания, находить общие цели и сотрудничать для их достижения;
- ✓ навыки сотрудничества со сверстниками, детьми младшего возраста, взрослыми в образовательной, общественно полезной, учебно-исследовательской, проектной и других видах деятельности;
- ✓ нравственное сознание и поведение на основе усвоения общечеловеческих ценностей [6].

Толерантность пока, к сожалению, не стала целевой установкой воспитания подрастающего поколения. Несмотря на то, что воспитание в духе терпимости признается в качестве безотлагательного императива, отсутствует система целенаправленных действий по формированию толерантного сознания и поведения обучающихся [4].

В современной школе весьма распространены случаи, когда в классе появляется один или несколько детей другой по отношению к большинству учащихся национальности. Или вследствие внедрения инклюзивного образования в класс приходит больной ребенок. Часто в такой ситуации возникает проблема отношения к такому не похожему на других ребенку – не столько даже со стороны одноклассников, сколько со стороны родителей, которые полагают, что совместная учеба с таким ребенком их детям неполезна, потому что в результате они недополучат знания, внимания учителя и так далее. Родители считают, что в итоге образование их детей пострадает из-за присутствия в классе такого ребенка. Таким образом, возникает еще одна важная проблема – это создание системы работы с родителями в данном направлении, поскольку они являются основными трансляторами ценностей для ребенка. Правильное понимание ими толерантности предполагает приложение определенных усилий, создания ситуаций, способствующих проявлению у ребенка сдержанности, уступчивости, терпимости.

Недостаток многих предлагаемых путей воспитания толерантности в том, что они ориентированы на дополнительные спецкурсы, факультативы, учебные модули и в недостаточной степени используется содержание школьных предметов. Возникает потребность разработки таких методик, применение которых было бы возможным в рамках обычной школьной программы, на обычных уроках и внеклассных занятиях со школьниками.

Творческий поиск в этом направлении детерминирован необходимостью разрешения ряда противоречий, характерных для современного образовательного процесса в школе и семье:

– между потребностями общества и государства в формировании толерантных личностей и недостаточной реальной практикой конструирования педагогического процесса как средства развития толерантности у школьников;

– между потенциальными воспитательными возможностями школы и семьи в преодолении интолерантного поведения и недостаточной теоретической и практической разработанностью технологий ее формирования;

– между темпами совершенствования новых востребованных технологий и готовностью школы, семьи к внедрению их в свою деятельность;

– между нормами, ценностями семьи школьника, социальной и этнической группой, к которой он принадлежит, и нормами, ценностями общества, членом которого он является;

– между увеличивающимися интеграционными процессами в образовании, миграционными потоками, приводящими к увеличению числа школьников-мигрантов и отсутствием наработок по построению толерантной образовательной среды в образовательных учреждениях;

– между требованиями ФГОС к уровню гуманистической позиции педагога, общей культуры, включая культуру толерантности, которая определяет характер и стиль педагогической деятельности и реальным состоянием дел, включая подготовку педагога в высшей школе и системе повышения квалификации [1].

Таким образом, развитие толерантности, которая рассматривается как средство достижения мира и согласия, является объективной потребностью общества в условиях глобализации. Процессы образования и воспитания школьников играют ключевую роль в данном вопросе.

Список использованных источников

1. Каменчук, И. Л. Культура толерантности в обществе риска. Ценности, риски, коммуникации в изменяющемся мире: Сборник ученых трудов / И. Л. Каменчук / Материалы шестых Аскинских чтений. – Саратов.: Издательство «КУБиК», 2012. – С. 126–131.

2. Каменчук, И. Л. Проблема толерантности в полиэтническом регионе / И. Л. Каменчук // Народы Саратовской области. История. Культура. Потенциал развития, 2011. – № 2. – С. 18–20.

3. Коповой, А. С. Адаптация детей-мигрантов в условиях массовой общеобразовательной школы / А. С. Коповой, В. В. Константинов. – Пенза.: Издательство ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2007. – 191 с.

4. Коповой, А. С. Межнациональная толерантность как основа нравственного воспитания в условиях общеобразовательной школы / А. С. Коповой, О. В. Коповая // Научный потенциал, 2011. – № 2. – С. 23–25.

5. Преамбула устава ООН // Сайт ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/charter/preamble.shtml (дата обращения 06.12.2014).

6. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования // Сайт министерства образования и науки РФ. – URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/m1897.html (дата обращения 06.12.2014).

СЕКЦИЯ 3.
ДИАЛЕКТИКА ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В РАЗВИТИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ (ПО ДАННЫМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БАШКОРТОСТАНЕ)

THE ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE DEVELOPMENT OF INTERETHNIC RELATIONSHIPS IN THE POLYNATIONAL REGION (ACCORDING TO THE DATA OF ETHNOSOCIOLOGICAL RESEARCH IN BASHKORTOSTAN)

С. Р. Абрамова (БГУ, г. Уфа, РФ)
С. С. Алексеенко (ИЭИ УНЦ РАН, г. Уфа, РФ)
А. И. Халиулина (ИЭИ УНЦ РАН, г. Уфа, РФ)
S. R. Abramova (BSU, Ufa, Russia)
S. S. Alexeenko (IES USC RAS, Ufa, Russia)
A. I. Khaliulina (IES USC RAS, Ufa, Russia)

Аннотация. *В данной статье на основе данных переписи населения и результатов этносоциологических исследований предпринята попытка показать роль русского языка в развитии межэтнических отноешений в полинациональном регионе.*

Abstract. *This article based on the data of the polpulation census and the results of ethnosociological research reveals the role of the Russian language in the development of interethnic relationshops in the polynational region.*

Ключевые слова: *этничность, родной язык, межэтническая толерантность, русский язык, полинациональный регион.*

Key words: *ethnicity, native language, interethnic tolerance, Russian language, polynational region.*

Стабильность межэтнических отношений в регионе, прежде всего, зависит от этнодемографической и этноязыковой структуры населения. В данном докладе на основе данных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. [1], а также результатов этносоциологических опросов, проведенных в Башкортостане [2], предпринята попытка раскрыть этноязыковую ситуацию и влияние русского языка на межэтнические отношения в республике. Как показывают данные переписи населения в Башкортостане, русские, составившие по переписи 1989 г. 1 548 тыс. чел., сократились в 2002 г. до 1 490 тыс. (на 57 576 чел.), а в следующий межпереписной восьмилетний период, т. е. с 2002 г. по 2010 гг., уменьшение численности русского населения составило 57 809 чел. – столько же, сколько было за преды-

дущий межпереписной тринадцатилетний период. Таким образом, с 1989-го по 2010 гг. численность русских в Башкортостане уменьшилась на 115 385 чел., при сокращении их доли в этнической структуре населения с 39,3% до 36,0% .

Из всего русского населения Башкортостана в 1989 г. 263 008 (17,0%), в 2002 г. 258 426 (17,3%) проживало в сельской местности, а в 2010 г. 333 188 чел. (23,2%), т. е. рост составил 74 762 чел. Не исключено, что в состав русского населения была инкорпорирована небольшая часть православных чувашей, мордвы и других этносов, проживающих в сельской местности. Несмотря на эти «вливания» численность русских в республике имела тенденцию сокращения.

По переписи 2010 г. 96,9% башкир, 97,9% марийцев, 99,9 % – мордвы, 95,9% удмуртов, 99,3% чувашей, 98,7% татар, 99,9% украинцев отметили свое владение русским языком.

По переписи 2002 г. по сравнению с 1989 г. у представителей титульного этноса имеет место незначительное сокращение (на 4,5%) признание родным языка своей национальности. Как отмечено в данных переписи 2010 г., 935 810 чел. признали свое владение башкирским языком, а по данным переписи 2002 г. таковых было 1 056 871 чел. Получается, что за восемь лет 121 061 чел. забыли башкирский язык. Однако, как мы знаем, языковая ситуация имеет тенденцию стабильного сохранения, резкие колебания и изменения за такой короткий срок просто невозможны.

За этот период увеличилась численность башкир, владеющих татарским языком, достигнув 449 207 чел., что составляет 36,8% всех башкир в республике, хотя по переписи 1989 г. доля таковых составляла всего лишь 20,7%. В республике в 2002 г. 1 396 947 чел. отметили свое владение татарским языком, т. е. 34,04% населения республики было татароязычным. В 2010 г. данный показатель сократился до 1 007 282 чел. [1, с. 80], т. е. за восемь лет численность лиц, владеющих татарским языком, или татароязычное население, сократилось на 389 665 чел., составив уже всего лишь 25,4 % от всего населения республики. (Получается, что забыли язык?).

Если провести анализ этноязыковой идентичности и владения языками, то с 1970-го по 1979 гг. среди башкир признание родным язык своей национальности выросло на 39 004 чел. с родным татарским, наоборот, происходит уменьшение на 7 149 чел. С 1979-го по 1989 гг. численность башкир с родным башкирским увеличилась на 42 645 чел.; при этом из всех башкир доля признавших язык своей национальности увеличивается с 64,4% до 74,7% при уменьшении численности башкир с родным татарским языком с 307 632 (32,9%) до 178 449 чел. (20,7%), т. е. происходит сокращение на 129 183 чел. По переписи 2002 г. 875 376 чел. отметило свое владение башкирским языком, что на 212 025 больше, чем по предыдущей переписи. Одновременно увеличилось количество татароязычных башкир на 62 тыс. чел., составив 240 968 чел. По переписи 2010 г. из всех башкир 881 672 чел., или 75,3%, отметили в качестве родного башкирский, 197 119 чел.(16,8%) – татарский и 90 302 (7,7%) – русский языки.

Среди татарского населения наблюдалась обратная тенденция: снижение доли признания родным татарского языка. Если в период советских переписей данный показатель снижался небольшими цифрами, то между переписями 1989 и 2002 гг. – на 9,9% – почти настолько, насколько выросла доля башкироязычного населения. Данные показатели не выдерживают логики развития объективных тенденций этнической и этноязыковой идентичности самих этносов и процессов, происходящих внутри них.

Доля и численность татар с родным русским языком из переписи в перепись увеличивались. Если в 1989 г. численность татар с родным русским языком составила

74 171 чел. (6,6%), то в 2010 г. она достигла 140 405 чел., увеличившись почти вдвое, и составила 13,5% от численности всех татар республики. Иными словами, русский язык все более проникает не только в общественную, но и семейно-бытовую сферу полиэтничного общества. Доля татар с родным татарским языком за этот период уменьшилась с 92,9% до 85,3%.

Среди удмуртского населения республики в 2002 г. 21 475 чел., т. е. 94,9% , отмечали в качестве родного язык своей национальности. По итогам переписи 2010 г. всего владеющих удмуртским языком насчитывалось 19 223 чел., что составляет 89,6% от всего удмуртского населения. За этот период численность владеющих удмуртским языком сократилась на 2 252 чел. Подтверждением этого является то, что 8,6 % удмуртов в качестве родного признали русский язык, а 96,3% отметили свое свободное им владение. Словом, среди удмуртского населения, как и у других нерусских народов республики, доля владеющих русским языком превышает долю владеющих языком своей национальности.

Аналогичные тенденции наблюдались также и среди чувашей и марийцев республики. Резкое уменьшение численности, почти на 10 тыс. чел., произошло среди чувашского населения республики. Такое масштабное сокращение численности чувашского населения в республике практически никогда не наблюдалось. Если среди чувашского населения в 2002 г. о владении чувашским языком отмечало 98 488 чел. (83,9%), то в 2010 г. таковых сократилось на 16 259 чел., составив 82 229 (76,6%). По данным переписи населения 2010 г. 22,5% чувашей признали в качестве родного русский язык.

Среди марийцев республики соответственно в 2002 г. 98 786 чел. отмечали свое владение марийским языком, что на 7043 чел. меньше, чем во время предыдущей переписи, а в 2010 г. сокращение составило 7236 чел. О владении марийским языком отметили 91 550 чел., что составляет 88,4 % от всего марийского населения республики, тогда как 11,1% в качестве родного отметили русский язык, а свое владение им признали 97,9%.

Таким образом, анализ владения языками показывает, что, несмотря на принятые меры по внедрению изучения родных языков, в республике наблюдается значительное расширение и распространение русского языка. Доля владеющих русским языком почти у всех нерусских народов больше, чем владение языком своей национальности, причем этот показатель из переписи в перепись только увеличивается. По данным переписи 2010 г. 98,7% населения Башкортостана отмечало свое владение русским языком.

Это является свидетельством того, что русский язык выступает объединяющим фактором в формировании этноязыковой идентичности, знание которого обусловлено жизненной необходимостью. Показательно то, что для всех татар, башкир, чувашей, мари, удмуртов и других народов русский язык выступает единым маркером языковой идентичности, т. е. русскоязычностью. Более того, русский язык остается не только языком межнационального общения, а является языком обучения в образовательных учреждениях, языком общения в трудовых коллективах, языком культуры и т. д. Такая широкая функциональная нагрузка русского языка сложилась еще со времен Советского Союза. Поэтому неудивительно то, что, несмотря на усилия и принимаемые меры по возрождению и развитию национальных языков, русский язык выступает цементирующим элементом в формировании межэтнической толерантности, что ярко проявляется на примере полиэтничного Башкортостана. Востребованность изучения русского языка и языка обучения на русском языке подтверждается и данными этносоциологического исследования. Респонденты всех без исключения национальностей, проживающих в республике в своем абсолютном большинстве, разделяют мнение о необходимости препода-

вания русского языка во всех школах Башкортостана. С этим мнением солидарны 94,8% башкир, 91,7% татар, 92,2% русских и 90,5% респондентов других национальностей.

Иными словами, попытки предать анафеме русский язык в пользу языка титульных этносов в 1990-е гг. не принесли желаемых результатов. Итоги переписей населения показали, что за указанные годы с 1989-го по 2010 гг. значительно выросло абсолютное и относительное число владеющих русским языком.

Несмотря на то, что часть русского населения в Башкортостане, по данным как переписи населения, так и этносоциологических исследований, уже не стопроцентно признает в качестве родного язык своей национальности, все же признать, что русские в массовом порядке изучают или же владеют нерусским языком, преждевременно нельзя. Более того, одной из мощных опор в сохранении русского языка среди русского и *нерусского* (курсив наш – С. Р., С. С., А. И.) населения является сфера образования и работы. В этом смысле политика и экономика будут определять будущую ситуацию гораздо в большей степени, чем сфера домашнего общения [3, с. 562].

Список использованных источников

1. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года. Статистический сборник. В 2 ч. Часть II – Уфа: Башкортостанстат, 2013. – С. 80.
2. Этносоциологический опрос был проведен по исследовательскому проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» в январе 2014 г. Опрошено 1000 респондентов. Рук. исследования А. И. Фатхутдинова.
3. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013.

ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

CIVIL AND ETHNIC IDENTITY: THE PROBLEM OF COEXISTENCE

Н. А. Абузарова (УГАТУ, г. Уфа, Россия)
N. A. Abuzarova (Ufa state aviation technic university, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена анализу сущности гражданской и этнической идентичностей, анализируется значение этнической идентичности для индивида и значение гражданской идентичности для государства.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the essence of the civil and ethnic identity, the value of the ethnic identity for the individual and the civil identity for the state is being analyzed.*

Ключевые слова: *гражданская идентичность, этническая идентичность, этнос, нация, сосуществование.*

Keywords: *The key words: the civil identity, the ethnic identity ,ethnos, nation, coexistence.*

Формирование общероссийской гражданской идентичности остается актуальной для России. Актуальность проблемы обусловлена тем, что Россия представляет собой полиэтническое государство, и этническая идентичность в массовом сознании оказывается более значимой по сравнению с гражданской идентичностью. Гражданская идентичность понимается как осознание индивидом своей принадлежности к сообществу граждан того или иного государства. Осознание индивидом своей принадлежности к сообществу граждан государства включает в себя представления об идентифицирующих признаках. Такими признаками выступают общая территория, общее историческое прошлое, настоящее и предполагаемое совместное будущее, общая культура, сходный образ жизни. Гражданская идентичность объединяет население данного государства и выступает фактором его стабильности. Любое государство заинтересовано в существовании единой гражданской идентичности. Ибо гражданская идентичность укрепляет единство государства и является залогом ее стабильности. Интегральным показателем гражданской идентичности является образ своей Родины. Этот показатель включает объективные характеристики, как территория, политическое устройство, население страны, имеющее свою культуру, свой язык, а также субъективное отношением к ним.

Приоритет этнической идентичности рассматривается в качестве причины, препятствующей формированию общероссийской гражданской идентичности. Поэтому устранение данной причины рассматривается как условие формирования гражданской идентичности по принципу «одно государство – одна нация». Этот принцип реализован в США, любой гражданин этой страны независимо от своей этнической принадлежности является американцем. Возможна ли реализация данного принципа в полиэтнической России? Сопряжено ли формирование гражданской идентичности с устранением этнической идентичности? Чаяния на создание суперэтноса в условиях России представляются весьма проблематичными в силу ряда исторических и культурных причин.

На территории России проживают автохтонные этносы, «ядро этнических меньшинств сложилось не в результате их миграции, а вследствие предшествующей колонизации этнических территорий» [1; 153]. Гражданская идентичность не может устранить этническую идентичность, которая глубоко укоренена в сознании этноса, в его культуре, традициях и обычаях. При едином государстве, единой территории, общей истории россиян существуют фундаментальные предпосылки для сохранения этнической идентичности. В условиях социальных, экономических, политических преобразований, росте социальной нестабильности именно этнос оказывается той общностью, которая дает человеку поддержку, защиту и психологический комфорт. Именно этническая идентичность является защитной реакцией на нестабильность социальной среды. Этническая идентичность – это результат сравнения своей общности с другой. Она проявляется в сравнении «нас» с «другими». Этот феномен начинает четко осознаваться именно в полиэтнической среде. Позитивная этническая идентичность предполагает общность с позитивно значимыми «мы», что не приводит с необходимостью к жесткому противопоставлению с другими. Она является результатом осознания индивидом своей этнической принадлежности, отождествления себя с представителями своего этноса и обособления от других этносов.

Этническая идентичность включает в себя и личностно-значимое переживание своей принадлежности к определенной этнической общности. В структуре данного феномена «обычно выделяют два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков) и аффективный (оценка качеств собственной

группы, отношение к членству в ней, значимость этого качества) [2; 241]. Этническая идентичность, включающая в себя осознание своей этнической принадлежности, подразумевает солидарность с ценностями, стандартами, идеалами своей общности. Она включает и оценку значимости для индивида своего членства в ней. Индивиду необходимы культурно- смысловые ориентиры, образцы поведения и нормы взаимоотношения с окружающим миром. Этническая идентичность помогает человеку адаптироваться в обществе, найти свое место в нем, дает возможность гармонично строить свои отношения с окружающим миром, с представителями других этносов. Важно отметить то, что этническая идентичность, являясь одной из форм социальной идентичности, не означает жесткого и непримиримого противопоставления другим, этническая идентичность которых иная. Иная этническая идентичность может восприниматься так же позитивно, как и собственная идентичность. Позитивное отношение к иному в свою очередь требует формирования толерантности к другим этносам и их культурам.

Этническая идентичность не должна восприниматься как нечто противоположное и несовместимое с гражданской идентичностью. России необходима общероссийская гражданская идентичность. Гражданская идентичность является фактором стабильности и единства государства, фактором, препятствующим проявлениям центробежных тенденций. Механизмом устранения центробежных тенденций «выступает не сила, не административное принуждение и даже не столько пропаганда и просвещение, сколько социально – экономические меры, повышающие привлекательность гражданской интеграции по сравнению с этническим изоляционизмом и сепаратизмом» [1, с. 153]. Однако утверждение гражданской идентичности не предполагает с необходимостью устранения этнической идентичности. Гражданская идентичность не должна противоречить ценностям и интересам этносов. Гражданская и этническая идентичности не являются антиподами, и их противопоставление может привести к напряженности. Сосуществование, совместимость этнической и гражданской идентичностей – потребность сегодняшнего дня. Игнорирование этой потребности представляет собой угрозу стабильности государства. Их разумное сосуществование в условиях полиэтничности в немалой степени является результатом разумной национальной политики. «Но именно поэтому, чтобы общероссийская идентичность стала привлекательной для других народов России, ее ценности, символы, представления, ассоциирующиеся с российскостью, должны соответствовать также и их интересам и ценностям» [3, с. 29]. В связи с этим представляется весьма актуальной национальная политика государства, которая должна решать двуединую задачу: сохранение этнического многообразия и сохранение единства государства. Решение данной задачи видится в возможности и необходимости сосуществования этнической и гражданской идентичностей.

Список использованных источников

1. Паин Э. А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М.: Новое издательство, 2004. – 248 с.
2. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2006
3. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В. С. Магун. – М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. – 327 с.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

FACTORS OF FORMATION OF CIVIL IDENTITY OF RUSSIANS (ON AN EXAMPLE OF BASHKORTOSTAN)

Н. В. Коровкина (Башкирский государственный университет, Уфа, Россия)
N. V. Korivkina (Bashkir State University, Ufa, Russia)

Аннотация. *В статье проанализированы факторы единства и дезинтеграции россиян как основания формирования гражданской идентичности. Показаны изменения значимости факторов в зависимости от возраста, места жительства и национальности респондентов.*

Abstract. *This article analyzes the factors of unity and disintegration of Russians as the bases of formation of civil identity. The author noted the difference in attitude to factor depending on age, place of residence, ethnicity.*

Ключевые слова: *социетальная общность, гражданская идентичность, интеграция.*

Keywords: *societal community, civil identity, integration.*

Со второй половины 90-х гг. XX в. наблюдается повышенный интерес в науке и политическом дискурсе к проблеме формирования государственно-гражданской идентичности. Актуальность данной темы принято связывать с естественным разрушением концепта «советский народ» и усилением глобализационных процессов. Ряд ученых особенно подчеркивают ситуативный характер интереса к проблеме гражданской идентичности среди политиков как ответ на общественные вызовы, наблюдаемые в последнее время. Мнения по поводу современного состояния гражданской идентичности расходятся, но можно наметить несколько концептуальных положений.

Во-первых, большинство исследователей сегодня сходятся на том, что национальная идентичность в России существует в форме государственной, но не гражданской идентичности. [1, с. 220–221]. Во-вторых, государственная идентичность в России носит иерархизированный характер, в котором несколько превалируют уровни местной и региональной идентичности над национальной. В-третьих, в идентификационной матрице жителей полиэтничных регионов особое место занимает этническая принадлежность. В-четвертых, вопрос о гражданской идентичности в России сегодня продолжает носить проблемный, дискуссионный характер, так как конституированию новой гражданской идентичности препятствует отсутствие идеологического, ценностного компонента.

Вопрос о государственно-гражданской идентичности сегодня неизбежно отсылает нас к социокультурным основаниям национальной идентичности. Особый интерес представляют факторы объединения и разобщения россиян как социетальной общности. Задача выявить их была поставлена в ходе проведения исследования по проблемам коммуникативных механизмов регулирования межэтнических отношений в молодежной среде Республики Башкортостан в декабре 2012 г.

В ходе стандартизированного интервью респондентам было предложено проранжировать последовательно факторы объединения и разобщенности россиян по шкале «очень важно», «скорее важно», «скорее не важно», «не важно», «затрудняюсь ответить». В таблице 1 представлены результаты ответа на вопрос о факторах, обеспечивающих, по мнению респондентов, единство россиян. Количество выбравших вариант

«затрудняюсь ответить» в среднем не превышает 10%. Факторы расположены по мере убывания их значимости с точки зрения опрошенных.

Таблица 1

Факторы объединения россиян (в %)

Факторы объединения	**очень важно**	**скорее важно**	**сумма ответов «важно» и «очень важно»**	**не важно**
Общая история соседства, совместного проживания народов России	48	36,6	84,6	8,9
Общая территория и экономика	41,1	41,8	82,9	13,7
Русский язык как средство общения	45,8	34,8	80,6	14,7
Участие разных народов в войнах против иноземных захватчиков	36,7	37,1	73,8	16,8
Схожесть традиций, характера народов	24,9	46	70,9	22
Традиционные религии – православие и ислам	28,3	38,2	66,5	25,2
Центральная государственная власть	28,2	37,3	65,5	24,2
Многообразие национальных культур	28,6	36,4	65	24,3
Опасности, угрожающие России от некоторых стран	27,7	30,5	58,2	28,1

Наиболее значимым фактором объединения респонденты считают общую историю соседства, совместного проживания. Данный фактор указали 84,6%, при этом 48% оценили его как очень важный. Несколько меньшую значимость по каждому из этих показателей демонстрирует фактор «общая территория и экономика» – 82,9% и 41,1% соответственно. Далее по суммарному показателю «очень важно» и «скорее важно» следует русский язык (80,6%), а по оценке «очень важно» он уступает лишь общей истории (45,8%). Данное обстоятельство представляется как очень значимое, так как население России носит многоэтнический характер и в повседневной практике использует и другие языки (башкирский, татарский и т. д.), помимо русского. Более того, в общении с членами семьи и друзьями они могут превалировать. Результаты ответа на данный вопрос подкрепляются и частотой упоминания другого фактора – традиционные религии (православие и ислам) – 66,5%. Разные, одинаково широко представленные в республике, они подавляющим большинством респондентов рассматриваются как объединяющий фактор. На четвертом месте по частоте упоминания факторов единства стоит участие в войнах против иноземных захватчиков. Его назвали три респондента из четырех (73,8%). Данное обстоятельство не вызывает вопросов, так как внешняя угроза всегда рассматривалась как мощный объединяющий фактор, в отличие, например, от поликонфессионального характера населения России. Схожесть традиций оказалась на пятом месте (70,9%), а центральная государственная власть – на седьмом (65,5%), лишь на 1% уступая традиционным религиям. Замыкает список объединяющих факторов многообразие национальных культур (65%) и опасности от некоторых стран (58,2%).

Значимыми представляются результаты ответа на вопрос о разобщающих факторах (см. табл. 2). Существование национальных республик, многонациональность населения, религиозные различия, разные языки общения, несхожесть традиций были указаны менее, чем каждым вторым респондентом. При этом как «очень важно» данные факторы оценил лишь каждый пятый-шестой респондент. Эти данные согласуются с результатами вопроса о факторах единства. Лидирует в перечне дезинтеграционных факторов разделение общества на богатых и бедных – его озвучили три респондента из четырех, при этом практически половина опрошенных (43,5%) оценивают его как очень важный. Немногим уступает оторванность власти от населения (72,5%). 66,1% вспомнили о межнациональных конфликтах в прошлом. Отмечали респонденты и фактор миграции, но внешняя расценивалась как более разобщающий фактор (62,9%), чем внутренняя (54,4%). 61,4% вновь обращаются к экономическим факторам, указывая на частную собственность. И 56,3% респондентов видят элементы разобщенности не только в экономических условиях и полиэтничности россиян, но и в причине несколько иной плоскости – различии во взглядах и ценностях молодежи и старшего поколения.

Таблица 2

Факторы разобщенности россиян (в %)

Факторы разобщения	**очень важно**	**скорее важно**	**Сумма ответов «важно» и «очень важно»**	**не важно**
Разделение общества на богатых и бедных	43,5	31,6	75,1	17
Оторванность власти от населения	43,4	29,1	72,5	16,7
Межнациональные конфликты в прошлом	31	35,1	66,1	20,9
Миграция из Средней Азии и Закавказья	27,1	35,8	62,9	23,4
Частная собственность на землю и природные богатства	28,8	32,6	61,4	25,1
Разные взгляды и ценности молодежи и старшего поколения	22,9	33,4	56,3	30
Миграция из других регионов России	22,5	31,9	54,4	32,2
Непохожесть традиций, характеров народов	15,6	34,1	49,7	38,1
Различия в языках общения	15,2	34,4	49,6	40,1
Религиозные различия	18	30,9	48,9	40,1
Многонациональность России	18	26,6	44,6	42,3
Существование в России национальных республик	15,4	26,1	41,5	44,7

Интересным представляется проследить корреляции значимости тех или иных факторов с возрастом, национальностью и местом проживания респондентов. Обратимся первоначально к различным возрастным категориям.

Таблица 3

Частота упоминания факторов объединения россиян респондентами различных возрастных категорий (в %)

Фактор объединения	**Возраст**				
	До 24	**25–30**	**31–40**	**41–50**	**Старше 51**
Общая история соседства, совместного проживания народов России	79,4	83,1	91,5	87,5	87,6
Общая территория и экономика	79	85	85,9	83	85,4
Русский язык как средство общения	79,3	79,9	81,6	83,6	79,6
Традиционные религии – православие и ислам	68,1	64	50,3	70,6	75,5
Участие разных народов в войнах против иноземных захватчиков	68,5	77,6	68,3	82,2	76,4
Схожесть традиций, характера народов	71,6	66,9	66,2	77	71,8
Центральная государственная власть	65,2	69,6	62,6	67,6	61,7
Многообразие национальных культур	65,2	56,7	62,5	65,9	74,6
Опасности, угрожающие России от некоторых стран	57,7	46,1	56,3	62,3	69,5

Относительно факторов объединения (см. табл. 3) не наблюдается больших различий по возрастному признаку – во всех группах лидируют общая история, экономика и русский язык. Особенно высок процент респондентов, указывающих на общую историю, в возрасте от 31 до 40 лет (91,5%). Они же наиболее высоко оценивают значимость общей экономики – 85,9%. Фактор русского языка – респонденты от 41 до 50 лет (83,6%), а религиозный – опрошенные старше 51 года (его указали три респондента из четырех).

Таблица 4

Частота упоминания факторов разобщенности россиян респондентами различных возрастных категорий (в %)

Фактор разобщения	**Возраст**				
	До 24	**25–30**	**31–40**	**41–50**	**Старше 51**
Разделение общества на богатых и бедных	73,3	79,3	75,9	72,4	75,8
Оторванность власти от населения	69,1	79,4	73,6	75,2	68,3
Межнациональные конфликты в прошлом	67,8	67,6	65,2	63	64,6
Миграция из Средней Азии и Закавказья	65,5	63,2	59,2	61,1	62,6
Частная собственность на землю и природные богатства	56	65,5	65,3	65,9	59,8

Окончание таблицы 4

Разные взгляды и ценности молодежи и старшего поколения	56,1	51,4	65,9	50	60,4
Миграция из других регионов России	56,9	54,8	55,7	54,7	47,8
Непохожесть традиций, характеров народов	53,1	48,1	43,4	48,3	51,6
Различия в языках общения	51,2	52,5	50,4	41,4	50,9
Религиозные различия	54,8	50,3	47,6	40,2	45,7
Многонациональность России	51	51,7	36,2	35,9	39,7
Существование в России национальных республик	44,1	49,4	40,1	36,5	33,9

Относительно дезинтегрирующих факторов (см. табл. 4) также наблюдается высокая степень единогласия: все возрастные группы особенно активно отмечают разделение общества на богатых и бедных и оторванность власти от населения. Прослеживается наиболее высокая оценка фактора многонациональности населения у респондентов до 30 лет – свыше 50%, в то время как у более старших возрастных групп этот показатель зафиксирован примерно на отметке в 40%. Данная возрастная группа также демонстрирует относительно высокий показатель по религиозному фактору – 54,8% в группе до 24 лет и 50,3% с 25 до 30 лет.

В полиэтничном регионе интерес представляет и распределение ответов по признаку национальной принадлежности респондентов. Последние в таблице распределены по четырем группам: русские, башкиры, татары, как наиболее широко представленные категории, и все другие национальности (см. табл. 5 и 6).

Таблица 5

Частота упоминания факторов объединения россиян респондентами разных национальностей (в %)

Фактор объединения	**Национальность**			
	Русский	**Башкир**	**Татарин**	**Другая**
Общая история соседства, совместного проживания народов России	86,3	84,4	86	79
Общая территория и экономика	83,3	78,4	87,4	82,2
Русский язык как средство общения	81	78,7	81,8	80,9
Традиционные религии – православие и ислам	74,3	68,4	66,3	76,3
Участие разных народов в войнах против иноземных захватчиков	74,4	75,1	73,3	70,9
Схожесть традиций, характера народов	74,3	68,4	66,3	76,3
Центральная государственная власть	62,9	66,9	64,7	69,7
Многообразие национальных культур	61	63,6	66,2	73,1
Опасности, угрожающие России от некоторых стран	53,7	61,8	55,2	65,8

Во всех этнических группах факторы соседства, общей экономики и русского языка оказались превалирующими, заняв три первые позиции. В отношении русских

респондентов верной является и последовательность частоты упоминания факторов по степени их значимости. У башкир русский язык незначительно обошел экономический фактор. Напротив, респонденты из числа татар наиболее часто упоминали именно экономический фактор – его назвали 87,4% опрошенных, что составляет абсолютный максимум по всем факторам и этническим группам. Подобным образом ситуация обстоит и в отношении других национальностей, которые поставили на первое место фактор общей территории и экономики, на второе – русский язык.

Таблица 6

Частота упоминания факторов разобщенности россиян респондентами разных национальностей (в %)

Фактор разобщения	**Национальность**			
	Русский	**Башкир**	**Татарин**	**Другая**
Разделение общества на богатых и бедных	76,7	71	77,1	75,3
Оторванность власти от населения	75,4	69,1	75,1	68,4
Межнациональные конфликты в прошлом	74,7	59,5	62,7	66
Миграция из Средней Азии и Закавказья	66	56,8	67,2	60,7
Частная собственность на землю и природные богатства	64,1	61,4	64,4	50,6
Разные взгляды и ценности молодежи и старшего поколения	55,8	53,9	62,7	51,3
Миграция из других регионов России	56,7	47,6	56,5	58,7
Непохожесть традиций, характеров народов	52,4	44,5	44,3	62,7
Различия в языках общения	48,6	46,7	49	58
Религиозные различия	51,4	44,2	46,3	57
Многонациональность России	46,1	44,3	42,4	45,3
Существование в России национальных республик	44,5	35,8	40,9	47

Некоторые различия наметились по дезинтеграционным факторам. В ответах респондентов из числа русских последовательность осталась прежней: имущественное расслоение, оторванность власти, межнациональные конфликты – назвали три респондента из четырех. В этой категории оказалось наибольшее количество тех, кто обозначил факторы «межнациональные конфликты в прошлом» (74,7%), «многонациональность России» (46,1%). По ряду факторов ответы русских респондентов уступают по частоте упоминания лишь респондентам, представленным различными национальностями. Но необходимо учитывать то обстоятельство, что в абсолютных показателях последние составляют меньшинство. К таковым относятся факторы религиозных различий (51,4% и 57% соответственно) и существования национальных республик (44,5% и 47%).

Респонденты из числа башкир на первое и второе место также поставили расслоение общества, оторванность власти от народа, но на третьей позиции с небольшим перевесом оказался еще один экономический фактор – наличие частной собственности на землю и природные богатства (61,4%). Башкиры проявили наибольшую терпимость к

мигрантам из Средней Азии и Закавказья, как и к внутренней миграции, а также к языковым и религиозным различиям и факту наличия национальных республик.

Опрошенные из числа татар на первое место в числе разобщающих факторов поставили имущественное разделение, на второе – оторванность от власти, на третье – миграцию из Средней Азии и Закавказья. При этом по первому и третьему фактору респонденты показали самую высокую активность по сравнению с другими группами (77,1% и 751%). Также более высоко, чем другие опрошенные, они оценили значимость фактора разных поколений (62,7%).

Результаты опроса позволяют утверждать, что жители поликонфессионального, полиэтнического, поликультурного региона не воспринимают существующие на этой основе различия как способствующие дезинтеграции российского общества. На первое место выходят экономические и политические условия, выраженные в существенной разнице между богатыми и бедными, наличии частной собственности на ресурсы, принадлежащие гражданам страны в целом, оторванности власти от населения. Лидирующие позиции также занимают факторы межнациональных конфликтов в прошлом и миграция из Средней Азии и Закавказья. Даже различие во взглядах и ценностях представителей различных поколений воспринимается жителями республики как более серьезные угрозы единству российского общества, чем многонациональность, различия в традициях, разная вера.

Результаты оценки позитивных утверждений о факторах интеграции в значительной степени подкрепляют эти выводы. Первые позиции заняли такие объединительные факторы, как общая история и экономика. Русский язык как средство общения, по оценке опрошенных, также играет важную роль в формировании единой общности россиян, что особенно важно с учетом полиэтнического состава населения республики. Более того, три респондента из четырех согласны с утверждением о том, что религия и культура выступают в качестве факторов интеграции.

Длительное проживание на единой территории разных народов, обладающих своими особенностями, культурными образцами, традициями, языком, способствовало особому восприятию дифференцированной по многим основаниям общности ее членами. Данное обстоятельство воспринимается ее представителями не как препятствие для существования социетальной общности, но исторически сложившаяся особенность, на сегодняшний день выступающая как неотъемлемая, значимая характеристика ее содержания.

Отношение к факторам в определенной степени зависит от идентификации с различными группами, в частности – по возрасту, национальной принадлежности, месту проживания. Однако нельзя не отметить, что существенных изменений в оценке значимости факторов в зависимости от указанных выше характеристик практически не наблюдается. В некоторых ситуациях лишь произошло смещение акцентов. К примеру, религию как фактор интеграции более склонны рассматривать респонденты старшей возрастной категории. Экономически активное население в возрасте от 31 до 40 лет делает ставку на соответствующие факторы – общую территорию и экономику. По дезинтеграционным факторам наблюдается высокая устойчивость оценки их значимости вне зависимости от возраста респондентов. Можно лишь отметить, что многонациональный характер населения и религиозные различия в среднем на 10% чаще называют респонденты до 30 лет, чем представители старших возрастных категорий.

Ответы респондентов всех национальностей относительно интеграционных факторов демонстрируют высокую степень взаимного согласия, с некоторыми различиями в присвоении места фактору в иерархии значимости. По дезинтеграционным факторам

можно отметить, что башкиры проявили более высокую, чем другие национальности, терпимость по отношению к условиям, характеризующим поликонфессиональный и полиэтнический состав населения страны, а также к мигрантам. Они менее склонны рассматривать данные обстоятельства как источники дезинтеграции общества.

Уфимцы полагают, что главный фактор объединения – русский язык, являющийся неотъемлемой частью деловой жизни большого города. У жителей других городов фактор борьбы против иноземных захватчиков лишь немного уступил русскому языку, занявшему третью позицию. Респонденты из села, как и жители средних городов, особенно отметили экономику и общую территорию.

Для проживающих в столице республики наиболее актуально различие в уровне жизни богатых и бедных, в то время как респонденты из других городов чаще указывали на межнациональные конфликты, а жители села – на оторванность власти от населения. Однако значимость фактора имущественного расслоения во всех группах оказалась безусловно высокой.

Результаты исследования раскрывают проблемы, актуальные для представителей разных социальных групп и оцениваемые ими как источник угрозы единству российского общества. И дифференцированный в культурном и этническом отношении состав населения страны ни одной из указанных выше групп не воспринимается как наиболее существенный фактор дезинтеграции, а, скорее, рассматривается как ценностное основание российского социума.

Список использованных источников

1. Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. – Вып. 7. – М., 2008. – С. 220–221.

К ПОИСКУ ОБНОВЛЕННОЙ МОДЕЛИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

THE NEW MODEL OF INTERETHNIC INTERACTION

Н. Е. Малахов (РНТИК БТИ, г. Уфа, Россия)
К. Г. Фурман (ОНМА, г. Одесса, Украина)
N. E. Malakhov (RNTIK BTI Ufa, Russia)
K. G. Furman (Odessa National Maritime Academy, Odessa, Ukraine)

Аннотация. *Статья посвящена нетрадиционному обновленному подходу к объяснению современных межнациональных отношений и опасностям при игнорировании существующих проблем в этой области.*

Abstract. *This article is devoted to the updated unconventional approach to the explanation of modern interethnic relations and risks, in the conditionals when problems in this area are ignoring.*

Ключевые слова: *этнос, этнический, модель, композиция, композит.*
Keywords: *ethnos, model, composition, composite.*

Известен целый ряд опытов межэтнической интеграции в мире из истории становления современной цивилизации [1, с. 176]. Это, например, широко разрекламированная модель «плавильного котла» (или *тигля*), которой так гордятся идеологи, прославляющие американский образ жизни. В этом случае, как известно, происходила ассимиляция различных народов и этносов по единому англосаксонскому стандарту в единую унитарную нацию эмигрантов.

Другой пример, Советский период прошлого нашего Отечества в чем-то схож с американским аналогом. Но при этом имел и свои особенности. Так в США, несмотря на общепринятый вектор развития к состоянию «100% янки», сохранялись также и различные национальные и конфессиональные общины. А в СССР наряду с доминирующей советизацией и атеизацией были сохранены отдельные элементы национально-религиозного самоуправления. Но при этом национальная самоидентичность допускалась лишь в сфере (на структурном уровне социальной системы) таких элементов общественного сознания, как свой национальный язык, искусство и самобытная культура. При этом более фундаментальные составляющие (институты) социальной структуры в СССР и странах социалистической ориентации ревностно ограждались от тлетворных веяний излишнего национализма.

И вот только с переходом к перестроечной демократизации и рыночным реформам некоторые из прежних ограничений были устранены. Тем самым фактически были заложены основы новой концепции и формирования обновленной модели межнациональных отношений и взаимодействий. Такую модель, если следовать прежней технической анологии, следовало бы определять, как структуру ***композиционного*** **материала.** Ведь такая структура предполагает наличие специальных структурных фаз различного качества, которые объединены общей *переходной* фазой (фракцией). В случае социума роль такой соединительной фазы принадлежит смешанное на генетическом уровне население, в том числе за счет распространения интернациональных браков. А также и общий язык межнационального общения со статусом государственного. Роль такого языка в случае нашей страны должна, безусловно, принадлежать русскому языку, как наиболее продвинутому в современных условиях.

Однако, если далее следовать технологическим и экологическим аналогиям аналогиям, то насколько проще последующая утилизация сплавов из тигля, то настолько сложнее и дороже процессы утилизации отслуживших свой срок конструкций из композиционных материалов [1 с. 176]. Так и в случае возможного в будущем при переходе к более высоким ступеням развития социумов и глобальной цивилизации в целом, придется столкнуться с большими трудностями, чем прежде, в плане баланса межнациональных и национальных интересов…

XXI-й век в нынешнем беспокойном мире заявляет о себе в качестве времени дальнейшей балканизации, продолжающей набирать темпы на международной арене. Продолжает расти численность независимых государств и политически самоуправляемых территорий. Так если в начале XX-го века количество государств в мире едва превышало сотню, то уже в начале XXI-го века их число неуклонно приближается к 200 и это еще не является пределом. При этом, чем больше игроков на поле мировой политики, тем больше и противоречий между ними, в том числе и межнациональных и межконфессиональных. Ведь, как гласит восточная мудрость: даже у двух субъектов отношений число особых мнений может превышать три, что мы и можем часто наблюдать в современных обществах, где идет острая внутриполитическая борьба. Яркие примеры тому обстановка на Ближнем Востоке, Сирии, Ираке, а также в Украине между офици-

альными властями и внесистемной непримиримой оппозицией. С продолжающимся ослаблением и распадом транснациональных империй в современном мире не может не расти напряженность в сфере межнациональных отношений. И наша многонациональная и много- конфессиональная страна не может быть исключением на фоне этих тревожных процессов.

Однако, как демонстрирует историческая практика, наиболее острые противоречия могут возникать между наиболее этнически близкими народами, которые бок обок проживали на сопредельных территориях. Наиболее яркий тому пример арабы и евреи – древние этносы Ближнего Востока, которые являются представителями общего семитского корня. Также и славянские этносы Балканского полуострова, например, Сербы, Хорваты и другие народы бывшей Югославии. А вспомним вековую враждебность в отношениях католиков поляков и православной Руси. Сколько было сломано копий из-за Литвы, Украины, Белоруссии и прочих сопредельных территорий. И вот теперь дело дошло до внутриукраинских противоречий. И этим пагубным процессам не видно конца. Еще великий поэт А. С. Пушкин в своем произведении «Клеветникам России» охарактеризовал такое положение, как «семейную вражду» [2, с. 339] «…Славянские ль ручьи сольются в русском море, оно ль иссякнет, вот – вопрос?...». Отсюда напрашивается возможный общий вывод, что такие обострения случаются между народами и этносами претендующими на одну и ту же нишу своего исторического существования, чтобы исполнять одни и те же функции без взаимного «разделения труда». При этом нынешняя Россия имеет в этом плане так называемое композиционное преимущество перед равноэтническими государственными сообществами. Поскольку в современных условиях она состоит во многом из самых различных этнически и конфессионально народов. Так наиболее крупные тюркские этносы вышли из состава нашего государства с распадом СССР. Но при этом иногда продолжают проявлять амбиции и выяснять отношения в обновленных политических реалиях. Не раз вспыхивали волнения на национально-политической почве в республиках Средней Азии. При этом оставшиеся этносы в основном имеют возможности проявлять свои преимущества в самых различных индивидуальных областях. В этом заключаются, на наш взгляд, секреты композиционной устойчивости нынешнего российского общества. Тем более, что народы, населяющие просторы России, при всех их различиях и самобытности, обладают очень сходной ментальностью (как достоинствами, так и недостатками). В этом залог не только взаимной толерантности, но и функционального сотрудничества. В СССР, например, республики Прибалтики, обладали во многом отличным менталитетом от других регионов страны. Но теперь они обречены, искать свои специфические пути национального возрождения, в опоре на собственные силы, лишив себя возможности опираться на плечи народов многонационального государства. Таким образом, общность менталитета является одним из важнейших элементов российского композиционного материала в постсоветской истории.

Однако при этом существенную опасность для состояния единства страны представляет некоторая, поддерживаемая официальными инстанциями, тенденция поддержки национальных и конфессиональных векторов развития мировой и отечественной экономики и этнических анклавов компактного проживания населения. Инвестиции и деньги не должны ничем «пахнуть» кроме деловой эффективности. Поэтому поощрение, например, банковской деятельности с восточным запахом типа Исламских банков вряд ли будет способствовать выравниванию экономико-хозяйственного пространства страны. Следует помнить, что увлечение растаскиванием

экономики единого государства по национальным квартирам в будущем чревато вспышками взаимной этнической зависти. То же самое строительство поселков для компактного проживания прежде репрессированных народов, например, в Крыму, или для обеспечения наглядности для так называемого этнического туризма. В этом плане Советский союзом нам было оставлено положительное наследие опыта совместного проживания самых различных групп населения. Чего мы не видим в частности в рамках современного американского общества, поделенного на общинные замкнутые анклавы, часто нетерпимые друг к другу. И там примирению часто не способствует даже многочисленная переходная фаза в лице целой прослойки мулатов и метисов, к которым этнически принадлежит нынешний президент США Барак Обама.

Вместе с тем для России также как и для США существует реальная опасность развала во второй половине XXI-го века на почве межнациональных противоречий, как это якобы произошло с СССР [3], [4, с. 4]. Однако, при этом, следует помнить, что главной причиной развала СССР явился кризис экономической архаизации, использованный национальными так называемыми «элитами» в своих классово-бюрократических интересах. Об этом уроке истории также не следует забывать.

Вместе с тем Россия также имеет огромное преимущество перед Западным миром по качественным характеристикам нынешней трудовой эмиграции. В подавляющем большинстве своем это – вчерашние граждане СССР, которые ментально близки народам России, а часто и принадлежат к родственным этносам, такие, как жители Украины и Средней Азии. Эмиграция в страны Запада не имеет такого положительного сходства с населением стран пребывания. Переходная фаза формирующегося европейского композита пока в зачаточном состоянии, поскольку гастарбайтеры замыкаются в своих национальных общинах, часто генерируя мафиозные и нелегальные структуры. Ситуация напоминает положение евреев в прежние времена, что в немалой степени послужило поводом к появлению фашистских националистических движений. Сегодня те же евреи во многом ассимилированные в общества стран Запада часто и принадлежат к той переходной фазе, скрепляющей прочие фракции композитных обществ.

Таким образом, возможно, проследить следующий диалектический процесс становления, развития и замещения концепций межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений:

Тезис – колониальные отношения господства и подчинения, разделение независимых путей развития (система апартеида подобно тому, как в ЮАР в прошлом).

Антитезис – плавильный котел (тигель) для переваривания этносов в единую нацию, как в США и в СССР.

Синтез – композиционно структурированное на фракции-фазы общество по их функциональному назначению, включая объединительную фазу.

Список использованных источников

1. Опыт реализации языковой политики в субъектах Российской Федерации. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. г. Уфа, 31 октября 2013 г. /отв. ред. Г. С. Кунафин, Г. Ф. Хилажева; сост. А. Р. Мажитова. Уфа, Восточная печать, 2013. – 288 с.
2. Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 20 т. – М.: Художественная литература, 1948.
3. Сорокин В. Теллургия. М., 2013
4. Соколов Б. Теллуровое Бирюлево. Еженедельник «ЕС» № 37(640), 22–26 октября 2013.

СУБЭТНОСЫ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ: ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ[1]

SUBETHNOSES OF THE ALTAI REPUBLIC: FEATURES OF ETHNIC AND CIVIC IDENTITY

О. В. Нечипоренко (Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск, Россия)
O. V. Nechiporenko (Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена анализу современного состояния этнической и гражданской идентичности этносов населяющих Республику Алтай. Показано, что в сознании коренного населения Улаганского района сегодня доминирует моноэтническая идентичность, а также двухуровневая гражданская идентичность. Значительная часть населения, независимо от своей субэтнической идентификации, склонна рассматривать различные субэтнические группы алтайцев как единый этнос.*

Abstract. *The article is devoted to analyzes of the current state of ethnic and civic identity of ethnic groups living in the Altai Republic. It is shown that the minds of the indigenous population today dominated by mono-ethnic identity, as well as a two-tier civil identity. Much of the population, regardless of their sub-ethnic identity tends to treat various sub-ethnic group of the Altai as a single ethnic group.*

Ключевые слова: *этническая идентичность, гражданская идентичность, этносы, субэтносы, этническое самосознание, коренные малочисленные народы*

Keywords: *ethnic identity, civil identity, ethnic groups, subethnos, indigenous peoples*

Этническая идентичность в современном мире является крайне сложным феноменом, поскольку существует не в вакууме, а в реальном мире, в котором вынуждена сосуществовать с целым спектром других идентичностей. Процессы развития этнического самосознания постоянно испытывают на себе влияние целого ряда факторов, политических, социальных, экономических, следствием которого является возникновение новых форм идентичности и появлений новых оснований, на базе которых и происходит формирование современных этнокультурных маркеров. Одной из самых важных проблем в этом плане является проблема взаимопересечений и взаимовлияний этнической идентичности и идентичности гражданской.

Целью данной работы является анализ современного состояния этнической и гражданской идентичности этносов, проживающих в Республике Алтай, а также выявление взаимопересечений и взаимообусловленности в развитии этих двух феноменов. Эмпирической основой предлагаемых выводов и обобщений послужили результаты социологического исследования, проведенного в 2012 г. на территории Улаганского района Республики Алтай при участии сотрудников Института философии и права СО РАН.

Улаганский район традиционно является местом компактного проживания теленгитов, являющихся одним из алтайских субэтносов, входящих в группу южных алтайцев. Итоги переписи 2010 г. показали, что, несмотря на активные процессы этнического самоопределения, многие теленгиты идентифицируют себя с алтайским этносом в це-

[1] *Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00170*

лом. Между тем, на сегодняшний день теленгиты являются одним из самых многочисленных субэтносов Республики Алтай. По оценкам экспертов численность теленгитов в районах их компактного проживания достигает 16 тыс. человек.

Определяя свою этническую принадлежность, население Улаганского района продемонстрировало достаточно узкий спектр этнических идентичностей (табл. 1). Подавляющее большинство респондентов (более 80%) продемонстрировали моноэтническую идентичность, соотнеся себя только с одной этнической группой. В том, числе 43% опрошенных отнесли себя к теленгинам и чуть меньше – 40% отнесли себя к алтайцам. Лишь 10% респондентов акцентировали внимание на своей двойной этнической принадлежности, считая себя представителями, как в целом алтайского этноса, так и теленгитов, указав, соответственно, что они – «алтайцы-теленгиты».

Таблица 1

«Кем Вы себя считаете по национальности?», массовый опрос, %

	все
алтаец	40
теленгит	43
алтаец-теленгит	10
другое	4
нет ответа	3

Определение своей этнической идентичности представителями различных возрастных групп показало, что в младшей и старшей возрастных группах доля респондентов, считающих себя теленгитами, превышает долю респондентов считающих себя алтайцами (табл. 2). Особенно эта тенденция характерна для респондентов младшей возрастной группы, где каждый второй (50%) указал, что он является теленгитом. В этой же возрастной группе алтайцами себя назвали 42% респондентов и еще 8% считают себя алтайцами-теленгитами. В старшей возрастной группе достаточно высокой оказалась доля респондентов, акцентирующих свою двойную этническую принадлежность (17%). Респонденты средней возрастной группы продемонстрировали иную структуру ответов, оказавшись единственной возрастной группой, в которой доля тех, кто идентифицирует себя как алтайцев, значительно превышает долю тех, кто считает себя теленгитами (40% и 27%) соответственно. Кроме этого 13% респондентов в возрасте от 30 до 50 лет затруднились определить свою этническую принадлежность.

Таблица 2

«Кем Вы себя считаете по национальности?», массовый опрос, %

	до 29 лет	от 30 до 49 лет	старше 50 лет
алтаец	42	40	39
теленгит	50	27	44
алтаец-теленгит	8	7	17
другое	0	14	0
нет ответа	0	13	0

Таким образом, анализ этнической идентичности коренного населения Улаганского района демонстрирует наличие в сознании большинства из них моноэтнической идентичности, проявляющейся в их самоидентификации либо только со своей субэтнической группой, либо с алтайским этносом в целом. Как показало исследование, для коренного населения Республики Алтай вопросы этнической идентичности (единство или различие алтайских этнических групп) тесно переплетены с проблемами идентичности гражданской (сохранения статуса республики и сохранения за алтайцами статуса титульного этноса).

Изучение содержания гражданской идентичности алтайских субэтносов позволило проанализировать, как соотносятся у представителей алтайских этнических групп их республиканская и общероссийская идентичности. Выяснение значимости этих идентичностей осуществлялось путем анализа ответов респондентов на вопрос: «Скажите, кем Вы себя, прежде всего, считаете?». Для ответа на данный вопрос респондентам было предложено несколько вариантов ответов (табл. 3).

Таблица 3

«Скажите, кем Вы себя, прежде всего, считаете?», массовый опрос, %

	все	до 29 лет	от 30 до 49 лет	старше 50 лет
только россиянином	23	19	7	39
только гражданином республики	13	8	13	22
тем и другим, но больше гражданином Республики	18	19	20	17
тем и другим, но больше россиянином	12	8	20	11
и тем и другим в равной степени	32	42	40	11
ни тем, ни другим	0	0	0	0
нет ответа	2	4	0	0

Как видно из данных таблицы, идентификация современного населения Республики Алтай только с Республикой не является единственной и даже не столь распространена, как можно было бы предположить. Лишь 13% опрошенных считают себя только гражданами Республики и не идентифицируют себя с Россией в целом. В то же время идентификация только с Российской Федерацией и полное отсутствие идентификации с Республикой продемонстрировали 23% опрошенных. Большинство респондентов (62%) чувствуют себя одновременно и гражданами своей республики и россиянами. При этом из них 32% опрошенных идентифицируют себя с республикой, и с Россией в равной мере, 12% – все же ощущают себя больше россиянами, 18% – ощущают себя больше гражданами республики. Таким образом, на основании данных опроса можно заключить, что республиканская идентичность большинства представителей алтайских этнических групп не противостоит общероссийской идентичности. У большинства людей республиканская и общероссийская идентичности выражены в равной степени.

Особенно ярко отмеченные тенденции в идентификации проявляются среди респондентов младшей и средней возрастных групп. В возрастной группе до 30 лет совокупная доля тех, кто заявил о двойной идентичности, составила 69%, причем 42% из них в равной степени идентифицируют себя и с Республикой и с Федерацией. В возрастной

группе от 30 до 50 лет совокупная доля тех, кто заявил о двойной идентичности составила 80%, из которых каждый второй в равной степени идентифицирует себя и с Республикой и с Федерацией. Напротив, в старшей возрастной группе высока доля респондентов заявивших о своей моногражданской идентичности: идентификация только с категорией гражданина России характерна для 39% респондентов; напротив доля лиц, идентифицирующих себя только как граждан Республики, несколько ниже и составляет 22%.

Анализ гражданской идентичности в зависимости от субэтнической принадлежности респондентов показал, что среди респондентов-алтайцев больше распространена двойная гражданская идентичность (табл. 4). Гражданами и Федерации и Республики считают себя 63% респондентов этой группы. Среди респондентов-теленгитов о двойной идентичности заявили лишь 50% опрошенных. При этом среди теленгитов доля тех, кто идентифицирует себя только с Россией наиболее высока и составляет 31%.

Таблица 4

«Скажите, кем Вы себя, прежде всего, считаете?», массовый опрос, %

	алтаец	теленгит	алтаец-теленгит
только россиянином	21	31	17
только гражданином республики	13	19	0
тем и другим, но больше гражданином Республики	17	19	17
тем и другим, но больше россиянином	17	4	17
и тем и другим в равной степени	29	27	50
ни тем, ни другим	0	0	0
нет ответа	4	0	0

Таким образом, анализ гражданской идентичности представителей алтайских субэтносов демонстрирует наличие в сознании большинства из них усложненной двухуровневой гражданской идентичности, проявляющейся в их самоидентификации одновременно и с Республикой Алтай и с Российской Федерацией в целом.

При рассмотрении этнической идентичности алтайских субэтносов важно не упускать из вида то обстоятельство, что и в советское время алтайские субэтносы: кумандинцы, тубалары, челканцы и теленгиты, – сохраняли свою «локальную» субэтническую идентичность. Однако местное этническое самосознание обладало меньшей интенсивностью и в целом алтайские этнические группы осознавали себя представителями единого алтайского этноса.

Всерьез вопрос идентичности алтайского этноса актуализировался в ситуации наделения кумандинцев, тубаларов, челканцев и теленгитов правовым статусом коренных малочисленных народов. Идентификация с алтайским этносом стала ослабевать в период перестройки (прежде всего, в среде северных алтайцев), что способствовало нарастанию кризиса коллективной общеалтайской идентичности. С этого времени пред-

ставители алтайских субэтносов по-настоящему задумались над своей идентичностью: «Мы – один этнос или разные этносы?», что привело к существованию в современном алтайском интеллектуальном дискурсе взаимоисключающих мнений.

Выявление преобладающего типа самосознания, «этнического» или «субэтнического» показало, что 60% респондентов в обследованном районе считают все алтайские этнические группы одним народом (табл. 5). С ними не согласилось 36% респондентов. Распределение ответов по субэтнической принадлежности респондентов показало, что среди респондентов алтайцев 71% опрошенных склонны рассматривать алтайские народы как единый этнос и 29% считают их различными народами. Среди респондентов теленгитов каждый второй указал, что коренное население Алтая являются разными народами. В то же время 46% теленгитов считают всех алтайцев единым этносом.

Таблица 5

«Как Вы считаете, алтайцы – это один народ или разные народы?», массовый опрос, %

	все	алтаец	теленгит	алтаец-теленгит
коренное население Алтая является одним народом	60	71	46	67
коренное население Алтая является разными народами	36	29	50	33
затрудняюсь ответить	4	0	4	0

В заключение можно суммировать, что в сознании коренного населения Улаганского района сегодня доминирует моноэтническая идентичность, проявляющаяся в самоидентификации либо только со своей субэтнической группой, либо с алтайским этносом в целом. В то же время подчеркивать свою принадлежность к теленгитскому субэтносу более склонно молодое поколение.

На современном этапе истории у алтайцев более выражен этнический тип самосознания, а у представителей теленгитского субэтноса этнический и субэтнический типы самосознания выражены практически в равной степени. Однако, несмотря на то, что субэтническое самосознание в последние годы усилило свои позиции, значительная часть респондентов, независимо от своей субэтнической идентификации, склонна рассматривать различные этнические группы алтайцев как единый этнос. Общеалтайская идентичность не является мифом, многие представители алтайских субэтносов продолжают осознавать и ощущать взаимосвязь друг с другом и сохраняют коллективную память о принадлежности к одному народу.

Анализ гражданской идентичности представителей алтайских субэтносов демонстрирует наличие в сознании большинства из них усложненной двухуровневой гражданской идентичности, проявляющейся в их самоидентификации одновременно и с Республикой Алтай и с Российской Федерацией в целом. Большая часть населения обследованного района не ощущает противоречия между двумя этими идентичностями. В то же время среди теленгитов кризис идентичности выражен более ярко. Каждый второй из этой группы считает себя либо только гражданином Республики, либо только россиянином, причем доля идентифицирующих себя с Россией значительно превышает долю тех, кто идентифицирует себя только с Республикой.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

IDEOLOGICAL MOBILIZATION OF YOUNG PEOPLE: EXPERIENCE OF NAZI GERMANY

А. С. Никонова (НИУ БелГУ, г. Белгород, Россия)
A. S. Nikonova (Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia)

Аннотация. *В статье приведено описание процесса идеологической мобилизации молодого поколения Германии 30х годов XX века под влиянием нацистской идеологии.*

Abstract*: This article describes the process of ideological mobilization of young generation, which took place in Germany in the thirties of the last century, under the influence of Nazi ideology.*

Ключевые слова: *идеологическая мобилизация, Германия, нацизм, гитлергюнд, гитлеровской молодежи.*

Keywords*: ideological mobilization, Germany, Nazism, gitlergyund, Hitler Youth.*

Немецкое общество в 30-е годы XX в. не являлось монолитным.

Понимая, что не все готовы поддерживать режим, политическая элита направляла основные усилия на самое слабое звено – молодежь.

Прекрасно понимая, что молодежь – это завтрашний день страны, Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП) уже в 1922 г. создала в Мюнхене Молодежный союз НСДАП, ставший прообразом гитлерюгенда, объявленного в 1933 г. единственной молодежной организацией в Германии.

Его руководителем стал потомок старинного дворянского рода (с примесью американской крови) Б. Ширах. В 1939 г. в гитлерюгенде состояли 7,73 млн юношей.

Молодые люди едва ли не с пеленок попадали под влияние нацистской идеологии. Мальчики от 6 до 10 лет проходили курс ученичества в организации «Пимпф», затем переходили в «Юнгфолък». С 14 до 18 лет они пребывали в гитлерюгенде, а затем направлялись в трудовые лагеря, где возводили мосты и рыли каналы, строили автобаны и пограничные укрепления. После этого их ожидала двухгодичная армейская служба.

Девушки с 10 до 14 лет состояли в организации «Юнгме-делъ», а с 14 до 18 лет – в Союзе немецких девушек.

В организациях гитлерюгенда юноши получали разностороннюю подготовку – учились жить в полевых условиях, совершали длительные переходы, занимались спортом, знакомились с азами нацистской идеологии. Военизированный характер организации подчеркивался строгой униформой. Юноши носили коричневые рубашки с черным галстуком и шорты, девушки – белые блузки, длинную синюю юбку и совсем не женские тяжелые ботинки военного образца.

Хотя девушки также совершали продолжительные походы с тяжелыми рюкзаками, но в их воспитании упор делался на основное предназначение женщины – быть здоровой матерью крепких детей.

Руководство гитлерюгенда состояло в основном из представителей средних слоев – учителей, студентов, торговцев, но каждый пятый наставник являлся рабочим. Постепенно среди руководителей молодежи становилось все больше студентов и людей с высшим образованием.

Поскольку к весне 1939 г. около 4 млн юношей и девушек все еще оставались вне нацистских молодежных организаций, то был принят закон об обязательности такого

членства. Родителям, которые противились принудительному вовлечению их детей в организации, пригрозили, что подростки, которые не вступят в гитлерюгенд, будут направлены в воспитательные или сиротские дома.

Но со стороны казалось, что юноши и девушки полны энтузиазма, верят в светлое будущее их отечества и самих себя, в товарищество, не знающее ни социальных, ни материальных различий.

Третий рейх готовил свою молодежь к будущей жизни *в* условиях главенства арийской расы очень серьезно. И он преуспел в этом, воспитав сильное и безжалостное поколение, перед которым содрогнулся весь мир.

По сути дела, на педагогов возлагалась функция воспитания будущих солдат. Один из основных нацистских идеологов А. Розенберг подчеркивал, что учителя имеют революционную миссию в качестве «политических солдат», и отмечал, что от них во многом зависит формирование молодого поколения национал-социалистов.

Начиная с десятилетнего возраста юноши и девушки Германии вовлекались в разнообразные политические и культурно-массовые организации и мероприятия, проводимые НСДАП.

Решающая роль в воспитании молодого поколения в духе национал-социализма отводилась организации «Hitler-Jugend», основной целью деятельности которой стало формирование у немецкой молодежи готовности к агрессивному бескомпромиссному решению т. н. «еврейского вопроса», а также проблемы «жизненного пространства» для германской нации.

Нацистская идеология активно внедрялась и в сознание военнослужащих вермахта. Директива генерального штаба сухопутных войск от 7 октября 1940 г. требовала «не только учить солдат вермахта военному делу, но и формировать у них определенное мировоззрение», основанное на национал-социалистских идеалах.

Фашистское руководство требовало от офицеров вермахта постоянно заниматься изучением материалов нацистской партии. Офицеры проходили специальную подготовку по «овладению» фашистской идеологией; многие из них заканчивали особые курсы при школах НСДАП. Командиры рот и равных им подразделений регулярно проводили занятия с солдатами «по воспитанию их в национал-социалистском духе». Тематика занятий разрабатывалась центральным руководством нацистской партии, министерством пропаганды и военным командованием.

Отдел военной пропаганды верховного главнокомандования германской армии разрабатывал и регулярно издавал пособия для занятий с солдатами и, кроме того, закрытые бюллетени – «Материалы для духовного обслуживания войск». В каждое подразделение поступало не менее четырех экземпляров этих пособий и бюллетеней, которые доводились до офицеров и солдат.

Аналогичные занятия проводились и с офицерским составом.

Немецкой пропагандой в политических целях было грамотно использовано и стремление молодежи других стран избавиться от европейской разобщенности народов, в результате чего тезис о создании т. н. «Великой германской империи» был подхвачен в некоторых кругах молодежи других европейских стран.

Независимо от того, на какие объекты была направлена нацистская пропаганда и какие задачи перед ней ставились, в конечном счете преследовалась единая цель – подготовка к будущей тотальной войне для пересмотра итогов Первой мировой войны.

Во всей истории человечества нет таких зверств, которые бы не превзошла немецко-фашистская армия убийц, бандитов и мародеров. Гитлеровские головорезы тер-

зают детей, пытают женщин, сжигают живьем раненых. Так обработаны фашистами миллионы немецких юношей, превращенных гитлеровской бандой в диких, бешеных зверей. Она искоренила в них всякое подобие мышления и совести, лишила их человеческих чувств, человеческого облика.

Гитлеровцы создали и пустили в ход целую систему морального разложения молодежи, начиная с самого раннего детства.

Один из фашистских главарей пьяница Лей заявил: «Мы начинаем уже с трехлетнего ребенка».

О том, какие «идеи» вбивают фашисты в детские головы, видно из текста одной из наиболее распространенных песен, которые распевают дети в Германии: «Если весь мир будет лежать в развалинах, к чорту, нам на это наплевать! Мы все равно будем маршировать дальше, потому что сегодня нам принадлежит Германия, завтра – весь мир».

Руководящий фашистский ежемесячник с непревзойденным цинизмом открывает суть школьного «воспитания» в Германии: «Школьный класс должен быть передан фельдфебелю, и насыщенный гуманностью школьный работник должен отступить на задний план».

Куда направляется сознание немецкого ребенка, видно из того, что даже преподавание арифметики фашистские изверги используют для того, чтоб морально растлить детей.

Вот немецкий учебник арифметики Бельца. Этот типичный школьный учебник пестрит задачами такого рода: «Для разрушения одного квадратного километра застроенной поверхности требуется 195 тонн взрывчатого вещества. Сколько тонн фугасных бомб потребуется для этого, если взрывчатое вещество составляет 55% бомбового веса?

Одно легкое (без крови) весило 540 граммов. Легкое солдата, умершего от отравления фосгеном, весило 2.650 гр. Сколько граммов крови проникло в легкое?» и т. д.

Немецкому ребенку еще с дошкольного возраста внушается, что прав тот, кто сильнее. Культ насилия входит в плоть и кровь немецкого ребенка.

«Фюрер» немецкой молодежи Бальдур фон Ширах поучает: «Руководитель коллектива маленьких мальчиков обладает почти без исключения физическим превосходством, признание его авторитета коллективом базируется в большинстве случаев на кулачном праве…».

Фашистский детский «журнал «Пимпф» в апрельском номере 1938 г. поместил под заголовком «Ворота в жизнь» сообщение, в котором одна фашистская детская организация «об'являет войну» другой организации. Там говорится: «Мы, храбрые сыны бессмертного звена третьего отряда, объявляем вам, недостойной твари, войну. Мы вызываем вас выйти на открытое сражение, поскольку ваши рабские души остались еще живы. Снизойдем до того, чтобы достойно покарать вас, презренный сброд. Вы – собаки, начните копать себе могилы».

Фашистский детский журнал добавляет: «Вот это язык, так должна говорить и действовать немецкая молодежь».

В годы гитлеровского режима драки и побоища невероятно распространились среди молодежи. Вооруженная револьверами, кинжалами и железными палками, одна группа молодежи нападает на другую. В результате этих побоищ зачастую бывают убитые и тяжело раненые.

Программа «воспитания» молодежи изложена «фюрером» следующим образом: «Всеобщее образование – это яд, наиболее опасный и разрушающий. Именно потому немцы проиграли последнюю войну, что они были слишком образованы. Мы варвары и мы хотим быть варварами. Это почетное звание. Культура, цивилизация, гуманность и

т. п. есть выражение помеси глупости, трусости и самомнения. Надо иметь мужество возвратиться к последовательному невежеству и язычеству. Нас предают анафеме, как врагов мысли. Ну что же, мы ими являемся».

Перепевая эти бредовые «идеи» обербандита, руководитель «гитлеровской молодежи» Ширах провозглашает: «Молодежь не питает никакого уважения к науке». Один из фашистских руководителей Узадель изрекает следующее: «Лучший путь к национальному социализму – всеобщее необразование, уравнение невежества».

«Мне не нужно интеллектуального воспитания, знаниями я испорчу молодежь, ибо образование и знания таят известную опасность для нас – слоя господ», – заявил Гитлер своему бывшему данцигскому гаулейтеру Раушнингу. Школа и «гитлеровская молодежь» – это очаги, где вырастают неспособные мыслить, преисполненные разнузданного зверства бандиты.

Задача руководителей союза «гитлеровской молодежи» – убивать в ребенке и в молодых людях все человеческие чувства, пробуждая в них самые низменные, звериные инстинкты и жажду убийства. Руководитель областной организации «гитлеровской молодежи» Г. Штельрехт дает в своей книге указания по воспитанию молодежи. Содержание этой книги можно коротко подытожить так:

Цели и содержание войны вас не касаются. Для вас действителен лишь один принцип: война сама по себе хороша. Наивысший идеал – война.

Отсюда совершенно понятно, как могут возникать в фашистской Германии омерзительные факты, вроде того, что приведен Максимом Горьким в статье «Пролетарский гуманизм». Говоря о немецких подростках гитлеровской Германии, Горький писал в 1934 г.: «Психика этих подростков характеризуется фактами такого рода: в Германии в первых числах текущего мая в г. Эссене Гейнц Христен, подросток 14 лет, убил своего приятеля, Фрица Валькенгорста, мальчика 13 лет. Убийца хладнокровно рассказал, что вырыл для своего приятеля заранее могилу, бросил его туда живым и держал его лицом в песке до тех пор, пока Валькенгорст не задохся. Убийство он мотивировал тем, что очень хотел овладеть принадлежавшей Валькенгорсту формой гитлеровского ударника». Фашистскому гаденышу Христену было в 1934 году 14 лет. Если бы он дожил до начала советско-германской войны, он вместе с другими гитлеровскими бандитами бросился на нашу землю убивать, жечь, грабить, насиловать. Вот откуда взялись эти звери. Их надо истреблять без пощады!

С самого детства молодое поколение Германии становится узником гитлеровских организаций принудительного воспитания, лозунгом которых являются слова Гитлера: «Я хочу, чтобы молодежь была грубой, властной и жестокой, чтобы из ее глаз смотрел дикий зверь». Школа, «гитлеровская молодежь», трудовая повинность, «сельская служба» – все это используется для того, чтобы убить в молодежи всякий порыв к самостоятельному мышлению, цепкое стремление к культуре, знанию, уважению человека, других народов. Девять лет подряд учителя из штурмовых и охранных отрядов обрабатывали в этом варварском духе немецкую молодежь. Таким образом, Германия мобилизовала всю молодежь и воспитала настоящее зверское поколение, которое заставило содрогнуться из за своей жестокости весь мир.

Список использованных источников

1. Ulfried Geuter The Professionalization of Psychology in Nazi Germany. – Cambridge University Press, 2012.

ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

REASONS FOR THE FORMATION OF NEW STATES

В. Е. Обухов (УГАТУ, г. Уфа, Россия)
Н. Е. Малахов (БИРО, г. Уфа, Россия)
Л. В. Семенова (БГМУ, г. Уфа, Россия)
V. E.Obukhov (Ufa State Aviation Technical University)
N. E. Malakhov (Bashkir Institute of Educational Development)
L. V. Semenova (Bashkir State Medical University)

Аннотация. *Статья посвящена анализу основных причин появления новых государственных образований. К числу этих причин относятся, главным образом, экономические. В последнее время все большее значение приобретают причины, связанные с конфликтом правящих элит.*

Abstract. *This article analyzes the main reasons for the emergence of new states. Among these reasons are mainly economic. In recent years, are becoming increasingly important reasons related to the conflict of the ruling elites.*

Ключевые слова: *нация, гражданская нация, самоопределение, народонаселение, этнос.*

Keywords: *nation, civil nation, self-determination, population, ethnicity.*

Главной причиной возникновения новых государств с середины XX века была борьба наций за самоопределение, иначе говоря, за политическую, а далее и за экономическую, а также этнокультурную независимость. При этом, на практике как правило, новые государства следовали исторически сложившемуся «стандарту» вида: один этнос – одно государство.

Во второй половине прошлого века ситуация постепенно изменилась, пока не приобрела вид борьбы **гражданских наций** за самоопределение. Причины этого следующие. Подчеркнем, что современные демократические политические элиты самых разных стран (будь то Грузия, или, скажем Великобритания) открыто демонстрируют резкое неприятие права наций на самоопределение, так как это право ставит под угрозу экономические и политические интересы «материнского государства» и, впоследствии, соответствующей правящей элиты. Достаточно вспомнить отношение самых разнообразных современных демократий к проблеме самоопределения, например грузинского руководства к проблеме независимости Абхазии и Южной Осетии, британского истэблишмента (с **многовековыми,** подчеркнем, демократическими традициями) к возможности выхода Шотландии из состава Соединенного Королевства, а испанской элиты к опасности самоопределения каталонского гражданского этноса.

Поэтому, в сложившихся условиях адекватное противодействие все более активному давлению Центра неизбежно приобретает форму оппозиции народонаселения **конкретной области** в целом, закономерно отличающегося общими для всех социальными и иными чертами, вследствие чего данное население может именоваться **гражданским этносом** (**гражданской нацией**) [см. об этом, напр.: 1] современным эквивалентом национальной идентичности в форме идентичности гражданской [см.: 2]

Иначе говоря, стремление **наций** к самоопределению в наше время трансформировалось в стремление **гражданских наций** (т. е. полиэтничных социальных образований) к самоопределению.

Ныне оно чаще всего приобретает форму экономических требований, когда регион-донор не хочет кормить перципиентов, Так, в Италии жители немецкоговорящего региона Южный Тироль (автономная провинция Больцано-Боцен) тоже стали подумывать о независимости [3]. Аналогичны настроения во Фландрии, желающей по экономическим же соображениям отделиться от Валлонии (т. е. Бельгии) [4]. Наблюдаются в вопросе отделения и преимущественно политические причины, Таков был, например, «бархатный развод» Чехии и Словакии [5]

Подведем итоги. Наблюдающаяся ныне тенденция наций к самоопределению приобрела новые, по сравнению с прошлым веком, формы, что необходимо учитывать, в частности в многонациональной Российской Федерации. Эти формы имеют по преимуществу, экономический генезис, хотя на этапе слабости центральной власти решающую роль могут играть факторы политические.

Список использованных источников

1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 29.11. 2014).
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 29.11. 2014).
3.[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fondsk.ru/news/2014/08/18/smijuzhnyj- tirol-po-primeru-shotlan-dii-dumaet-otdelitsja-ot-italii-29029.html (дата обращения: 29.11. 2014).
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://otvet.mail.ru/question/170394884 (дата обращения: 29.11. 2014).
5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 29.11. 2014).

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В ГРАЖДАНСКОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

FORMATION OF POSITIVE ATTITUDES IN THE CIVIC EDUCATION OF ETHNIC STUDENTS

Т. Ф. Пушкина (ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный педагогический университет», г. Воронеж, Россия)
T. F. Pushkina (Voronezh State Pedagogical University , Voronezh, Russia)

Аннотация. *В статье рассмотрены особенности этнокультурного аспекта в структуре гражданственности личности. Обоснованы условия эффективного формирования позитивных межэтнических установок в гражданском воспитании российского школьника.*

Abstract. *In the article the features of ethno-cultural aspects in the structure of citizenship identity. Conditions Are effective formation positive interethnic installations in the civic education of the student.*

Ключевые слова: *Гражданственность. Интернационализм. Толерантность. Гражданские ценности.*

Keywords: *Citizenship. Internationalism. Tolerance. Civic values.*

В условиях модернизации всех сфер российского общества гражданское воспитание признано приоритетным. Гражданственность личности, как результат гражданского воспитания, качество интегративное. Становление личности, способной в равной степени с другими участвовать в жизни семьи, общества и государства должно осуществляться на основе проверенных временем гражданских ценностей. Гражданские ценности вобрали в себя лучшие традиции многонациональной российской государственности. Это и стремление к единению, и веротерпимость, и добрососедство с другими народами, взаимопомощь, умение сплотиться в ситуации внешних трудностей, высокие требования к личности как служительнице общим идеалам и др.

В наши дни наиболее актуально включение в систему гражданского воспитания задач формирования позитивных межэтнических установок. «В педагогической практике недостаточно уделяется внимания подготовке молодежи к жизни и деятельности в поликультурном многонациональном обществе, привитию чувства уважения как к другим культурам, так и к родному этносу, его культуре, истории, языку, чувства принадлежности к национальным и общечеловеческим ценностям и достижениям» [1, с. 6]. При этом важно учитывать особенности современной социокультурной ситуации.

Работая в составе жюри областного конкурса авторских программ педагогов дополнительного образования детей, обратила внимание на одну особенность. Формулируя задачи воспитания в своих программных документах, все педагоги без исключения указали важность развития толерантности у воспитанников. Это важно, нельзя не согласиться. Толерантность предполагает терпимость к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, мнениям, идеям. В одной из программ прочитала и легенду об этом явлении. Авторство термина приписывается П. Талейрану. Он в своей карьере пережил самые разные политические режимы, руководствуясь правилом: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли». Напрашивается вывод: мы воспитываем граждан, которые будут вежливо «терпеть» друг друга, вместо того, чтобы дружить, обмениваться ценностями и помогать нуждающимся в помощи, вместе отстаивать справедливость, бороться с национализмом.

Другое наблюдение. Выявляя уровень знаний школьников о значимых качествах гражданственности личности, мы обратили внимание на то, что чаще всего респонденты «озадачивают» нас вопросом: «А что такое «интернационализм?» Чувствуется, что школьники явно считают слово устаревшим. В специальной литературе находим ответ. Интернационализм – это международная солидарность людей различных наций и рас, основа их совместного выживания на планете, взаимопонимания, взаимного доверия, взаимопроникновения культур, ценностей, знаний и технологий; противоположен национализму. Реалии дня сегодняшнего говорят в защиту этого понятия в условиях гражданского воспитания в многонациональном государстве. Попытка замещения его на «толерантность» неправомерна.

Актуальная проблема формирования российской гражданской нации, культурного развития этносов ее составляющих, должна решаться на нравственной основе. Феномены дружбы, доброго отношения к малым народам (в настоящей семье всегда любят самых маленьких), взаимная поддержка – вот те нравственные основания, на которых возможна успешная работа по воспитанию у школьников позитивного отношения к со-

гражданам разных национальностей, принятия как ценности, наряду со своей культурой, культур других наций.

Школьный возраст – период активного становления личности, осознания себя гражданином многонациональной страны. Задача формирования позитивных межэтнических установок на практике чрезвычайно сложна. Наиболее успешно ее решение происходит в условиях специально организованного педагогического пространства. В таких ситуациях подготовка к мероприятию, как правило, более длительна, более трудоемка.

Гражданское становление личности происходит в определенной социокультурной среде. Чем больше поле ее взаимодействия с фактами воспитывающего содержания, тем сильнее эффект присвоения личностью достижений, основанной на взаимном признании достоинств разных национальных культур. Эффективно включение школьников в разновозрастное общение, когда в творческую деятельность вовлекаются люди разных национальностей, возрастов, профессий. Отметим, что главным преимуществом такого сотрудничества является не назидательное, а естественное постижение этнокультурных ценностей. Углубляется представление детей о гражданственности в условиях многонационального государства, о ее содержательных сторонах. В таких условиях среда не противостоит человеку, а формирует его внутренний мир.

Приведем примеры воспитательной деятельности, организованной на базе ОГОУ ДОД «Воронежский областной центр дополнительного образования, гражданского и патриотического воспитания». В июне 2011 года в рамках Акции «Наша общая Победа» состоялось необычное мероприятие – эстафета «Венок Памяти». Творческой группе удалось так спланировать мероприятие, что уже на этапе подготовки оно объединило людей разных национальностей, возрастов, профессий и увлечений. Объединение такого интеллектуального потенциала и действенная мотивация создавали особое психоэмоциональное напряжение для участников. Даже время начала каждого этапа эстафеты отвечало общему замыслу. Учитывалась и добровольность участия: затронула тема, присоединяйтесь. Большая роль отводилась мотивации участия в средствах массовой информации и в социальных сетях.

Место сбора – почитаемый воронежцами комплекс памяти воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. В 17.00 дается старт эстафеты. Начинается она Парадом байкеров с факелом, зажженным от Вечного огня. Это не могло не привлечь внимание жителей Воронежа и области. Стихийно участниками становились все новые и новые люди, увеличивалась колонна транспорта, сопровождаемая сотрудниками госавтоинспекции. Присоединялись семьями на своем автомобиле.

Не случайным было и место проведения. Переправа через Дон, южнее Воронежа у с. Малышево. Именно здесь 5 июля 1942 года передовые фашистские части форсировали реку. Именно здесь бойцы Красной Армии разных национальностей оказали ожесточенное сопротивление противнику, фашисты, так и не смогли полностью овладеть Воронежем.

Костер Памяти «Мой прадед защищал Родину» собрал огромное количество участников, каждому желающему было предоставлено слово. Речь даже не заходила о регламенте. Поскольку слова выступающих диктовались сердцем, многие фразы их приобретали для слушателей роль жизненных установок: «Вместе выстояли, вместе победили и должны жить в мире и согласии!»

По прибытии на место разворачивается туристический лагерь. В общение включаются люди разных национальных традиций. Находятся общие интересы, налаживает-

ся взаимодействие. Чуть позже начинается концерт, в котором добровольно принимают участие лучшие представители творческой интеллигенции, коллективов художественной самодеятельности, науки, ветераны труда земли Воронежской. Репертуар ограничен темой «Великой Отечественной…»

Поминальный ужин, подготовленный представителями национальных диаспор с элементами национальных традиций поминовения павших за Родину, создавал особый настрой, возникало уникальное чувство общности всех присутствующих, связи поколений.

Акция продолжалась и ночью. По-иному, необыкновенно торжественно, со смыслом, смотрелись спектакли о событиях первого дня войны, фильм о защитниках Брестской крепости июня 1941 года. На экранах демонстрировались презентации об уникальных страницах результатов поисковой работы школьников области. Каждый факт отличался не только новизной, но и нес в себе огромный воспитательный потенциал.

В три часа тридцать минут начинается завершающий этап эстафеты. Действует правило свободного микрофона. В звенящей тишине предрассветного утра вспыхивает костер от факела, зажженного от Вечного огня. Голос каждого участника усиливает эхо: «Я, Иванов Константин, помню своего деда, защищавшего родину с первого дня войны …». «Мне, Бердыгалиеву Ерболату …», «Я Стецко Оксана ...». Нет ни «москалей», ни «хохлов», никто не усмехается, услышав неправильное ударение или падежное окончание. Есть ощущение сплоченности, общих ценностей.

В четыре часа утра фонограмма взрывов снарядов и свиста пуль переносит участников в утро лета 22 июня 1941 года. На воду спускаются венки со свечами, зажженными от большого костра, который, в свою очередь, стал продолжением огня Вечного. Одновременно под фонограмму песни «Мне кажется порою, что солдаты…» в небо уплывают десятки белых шаров. Неравнодушны все, вытирают слезы дети и взрослые, воспитанники и педагоги, персонал, обслуживающий мероприятие [2].

Уже сегодня, глядя на фотографии лиц юных участников этой акции, можно говорить о том, что именно так, питая души разумным, добрым, вечным, актуальным для человека любой национальности, нужно и можно воспитывать гражданственность школьников государства с вековыми многонациональными традициями: общая победа, общие ценности, взаимопомощь, единение и согласие во имя сильной Родины-защитницы.

Как видим, формирование позитивных межэтнических установок наиболее эффективно на нравственной основе в грамотно организованном поликультурном общении. Прав был А. де Сент-Экзюпери: «Случается, долго бредешь бок о бок с людьми, замкнувшись в молчании, либо перекидываясь незначительными словами. Но вот настает час опасности. И тогда мы друг другу опора. Тогда оказывается – все мы члены одного братства. Приобщаешься к думам товарищей и становишься богаче … Человек – общая мера для всех народов и рас» [3, с. 327].

Список использованных источников

1. Кадацких И. Ю. Особенности этнокультурного «Я» в структуре самосознания формирующейся личности / И. Ю. Кадацких, Г. С. Степанова. – Воронеж, 2010.
2. Пушкина Т. Ф. Гражданское воспитание личности современного школьника средствами краеведения / Т. Ф. Пушкина; отв. ред. О. Н. Мосолов. – Воронеж, 2011.
3. Сент-Экзюпери А. де. Планета людей. – Кишинев, 1973.

ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

ETHNIC AND CIVIC IDENTITY: INTERACTION IN A MULTI-ETHNIC REGION

Э. В. Садретдинова (Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия)
E. V. Sadretdinova (Bashkir State University)

Аннотация. *Статья посвящена анализу состояния, интенций и тенденций идентификации в условиях социальной трансформации и глобализации. Проанализировано соотношение государственной, гражданской и этнической идентичности в полиэтничном регионе. Выявлены ценностные основания гражданской идентичности, а также факторы, препятствующие ее формированию.*

Abstract. *The article is devoted to analysis of the state, intentions and identify trends in terms of social transformation and globalization. Analyzed the relationship between state, civil and ethnic identity in a multi-ethnic region. Identified value basis of civic identity, and the factors affecting its formation.*

Ключевые слова: *идентификация, гражданская идентичность, этническая идентичность.*

Keywords: *identity, civic identity, ethnic identity.*

Известно, что идентификация социальна по своей природе; идентичность формируется в результате взаимодействия и усвоения выработанных в процессе коммуникаций символических систем (включая язык). Используя модель обусловленности социального действия Т. Парсонса, можно выделить существование следующих типов идентификации: 1) Я-идентификация (самоидентификация), детерминирована интересами и способностями личности; приводит к формированию Я-идентичности; 2) социальная идентификация, опосредована системой социальных ожиданий и ролей; лежит в основе социальной идентичности (Мы-идентичность); 4) культурная идентификация, обусловливает культурную идентичность. Эти типы идентификации образую единую систему.

Исходя из предпосылки о том, что идентичность обладает сложной многоуровневой структурой, обратимся к оценке степени выраженности определенных идентификационных факторов, соотношению различных видов идентичности в сознании личности в условиях полиэтнического региона (на примере Республики Башкортостан). Эмпирической базой послужили результаты авторского исследования 2012 г.[1]

В современном обществе в структуре идентификаций индивида, независимо от национальности, пола, возраста, наиболее актуализирована принадлежность к малым, реальным общностям с постоянными взаимодействиями (семья, родственники, друзья). При этом принадлежность к номинальным общностям, в частности этническая, региональная и государственная идентичности могут носить индифферентный характер.

[1] Исследование «Межнациональное общение и социальные проблемы в Республике Башкортостан» (опрос постоянно проживающего населения республики методом стандартизированного интервью в ноябре 2012 г.; выборка многоступенчатая, N – 1000 респондентов).

Вместе с тем в условиях социальной трансформации наблюдаются изменения процессов идентификации. Так, на первом этапе социальных преобразований в российском обществе отмечался рост значимости этнической идентичности как более древней и устойчивой формы информационного структурирования мира. К тому же на групповом уровне этническая идентичность обеспечивала политическую мобилизацию, выступая средством достижения групповых интересов. Проведенное авторское исследование показало, что этническая идентификация в настоящее время преобладает над государственно-гражданской в силу специфики выполняемых функций.

Основными формами этноидентификации для большинства людей независимо от этнопроисхождения выступают *коммуникативная* (на основе языка) (38,7%) и *предписанная* (в основе которой – происхождение, национальность родителей) (36,05%). При этом у русских коммуникативная идентификация (43,1%) доминирует над предписанной (34,8%). Объяснение этого видится в возможных различиях механизмов идентификации. Коммуникативная идентификация русских основана на языковой компетенции и имеет интегрирующее значение, тогда как для людей с нерусской идентичностью язык часто выступает в качестве культурно-дифференцирующего фактора. Не случайно, при ответе на вопрос о понимании смыслозначения родного языка значительное число нерусских (33,8% к 7,5% у русских) разводят представления о языке как средстве коммуникации и механизме сохранения традиций.

Функционирование предписанной идентификации также различно у русских и других постоянных этносов региона. Русские активнее признают желание самого индивида в процессах идентификации (19,05% к 15,8%); чаще готовы признавать множественную идентификацию (21,0% к 16,4%). Таким образом, в полиэтническом коммуникативном пространстве идентичность подвержена трансформациям в результате коммуникативного влияния; вероятна возможность многообразия идентичности, в том числе на уровне личности.

Второе по значимости место в идентификационной матрице занимают *этноконфессиональная* (ее базис – религиозная принадлежность) (45,8%) и *ментальная* идентификация (ее основания – стереотипизированные представления об особенностях национального характера) (39,1% в целом по выборке).

Каковы причины религиозного возрождения и механизмы его воздействия на процессы идентификации? Представляется, что высокий уровень религиозности этносов можно объяснить «компенсаторным» характером конфессиональной идентификации, проявляющимся на личностном, групповом и социетальном уровнях.

На социетальном уровне в ситуации нормативно-ценностной аномии последних двух десятилетий церковь стала олицетворением психологической устойчивости, неизменности и основательности, ценимой в нестабильном обществе его членами, не всегда уверенными в завтрашнем дне. Не случайно некоторым традициям, связанным с религиозными обрядами и праздниками, следуют даже индивиды, считающие себя неверующими или колеблющимися. Так, обряда крещения или обрезания детей придерживаются 85–90%. Религиозные обряды, связанные с погребением, соблюдают 80–85%. Более половины посещают церковь по большим праздникам и венчались (или принимали участие в церемонии венчания) [1].

На групповом уровне конфессиональная принадлежность обеспечивает мобилизующую функцию для солидаризации группы. В этом случае процесс идентификации одновременно носит интегрирующий («идентификация с…») и дифференцирующий («идентификация от…») характер. Особенно наглядно это проявляется в условиях

крупных городов (которые в большинстве своем полиэтничны). В Башкортостане с середины 1990-х г.г. городские жители демонстрируют большее число крепко верующих (47,3%), чем сельчане (40,4%) с гораздо меньшим процентом колеблющихся (20,4% – город, 37,1% – село).

На личностном уровне конфессиональная идентификация также выполняет компенсирующую функцию, обеспечивая в условиях неопределенности социальных процессов и смены идеологических парадигм континуальность идентичности. Данный тезис подтверждается тем, что в содержательном плане конфессиональная идентификация сегодня проявляется как соотнесение индивида с определенной религией при отсутствии религиозной убежденности. Религия в сознании большинства индивидов есть компонент культурной традиции этноса, с которым мы себя отождествляем [3].

В городе по сравнению с сельскими поселениями существенное влияние приобретает ментальная идентификация, постепенно вытесняющая традиционную культурную идентификацию. Объяснение этого мы связываем с наблюдающейся утратой знаний этнических традиций и обычаев (демонстрируют около 1/2 всех опрошенных): понимают смысл и всегда соблюдают традиции лишь 22,65% русских и 16,2% нерусских; понимают смысл и иногда соблюдают 37,85% русских и 29,8% нерусских. На смену этническим обычаям возможно приходят некие универсальные урбо-традиции, что может свидетельствовать о формировании особой урбанистической нормативно-ценностной системы.

На третьем месте по значимости – *солидарная* (помощь людям своей национальности, общение с людьми своей национальности) и *расовая* (в основе – антропологические признаки: внешность, черты лица, цвет кожи) идентификация. Распространение солидарной идентификации имеет не однозначный характер. У русских она выражена менее интенсивно, нежели у нерусских этносов. Это позволяет предположить, что у людей с нерусской идентичностью в условиях складывания мегаполисной нормативно-ценностной системы солидарная идентификация призвана обеспечить чувство безопасности.

Отмечая растущее влияние расовой идентификации (29,5%; среди русских – 30,5%), можно предположить, что эта форма идентификации у горожан призвана выполнять дифференцирующую функцию, поскольку в сельской местности (где поселения часто этнически гомогенны), этого не происходит.

Наименее выражена в идентификационной матрице «тоталитарная» идентификация как соотношение самоидентификации и социальной идентификации в пользу последней (ставить интересы нации выше всего). У большинства индивидов идентичность носит позитивный либо индифферентный характер; доля этноакцентированных составляет около 1/5 всех опрошенных.

Говоря о состоянии и динамике этнической и гражданской идентификации отметим, что свыше 90% респондентов независимо от национальности и места проживания (крупный город, средний город, село) указывают на значимость принадлежности к семье в узком (96,2%) и широком (родственники – 9,3%) значении. Лишь немногим по значимости уступает такая общность как друзья (89,%). При этом разница проявляется не в факте наличия принадлежности, а в степени ее выраженности: 90,5% оценивают принадлежность к семье как очень важную, в то время как подобный ответ относительно друзей держится на отметке 60,1%.

Подавляющее число респондентов высоко оценивают значимость своей принадлежности к городу (селу), в котором проживают – 81,2%. В отношении национальной

принадлежности эти показатели меняются незначительно – 80,0%. Существуют различия в оценках значимости критерия этноидентификации в зависимости от типа поселения (53,8% – уфимцы, 77,9% – жители среднего города, 82,8% – сельские жители). Практически в одинаковой степени выражены государственная и региональная принадлежность: 62,5% и 64,0% соответственно, в то время как о значимости принадлежности к такой общности как «жители Европы» заявляют только 45,3%. Региональная идентичность оказалась наиболее выражена у башкир (74,0%) и респондентов, определивших свою национальность как смешанный башкир и татарин (75%). Далее следуют татары, 64,9% которых относят себя к общности жителей республики. Из числа русских на данную принадлежность указали 57,6%. Жители села чаще отмечали свою региональную принадлежность (73,0%), чем жители Уфы (57,9%) и других городов республики (62,7%). Соответствующая тенденция прослеживается и в отношении оценки значимости российской принадлежности. Таким образом, в структуре идентификаций индивида, независимо от национальности, пола, возраста, наиболее актуализирована принадлежность к малым, реальным (примордиальным) общностям с постоянными взаимодействиями.

Что касается гражданской идентичности, необходимо дифференцировать понятия государственной и гражданской идентичности. Критериями государственной идентичности являются осознание принадлежности к стране, лояльность к государству. Гражданская идентичность требует гражданского самосознания. Условно в структуре идентичности принято выделять три компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. И гражданская идентичность также должна эффективно работать на каждом из данных уровней. В российском обществе сегодня отмечается дисфункция не только на поведенческом уровне, но и когнитивном. Ситуации, когда индивид ощущает себя россиянином в полной мере, в большей степени носят пассивный характер и не предполагают полноценного участия в управлении гражданским обществом, а также понимания механизмов его функционирования.

Для оценки состояния государственной идентичности респондентам был предложен вопрос о *факторах единства россиян*. Лидирующие позиции при ответах заняли: – общая история соседства, совместного проживания народов России (84,6%); – общая территория и экономика (82,9%); – русский язык как средство общения (80,6%); – центральная государственная власть (65,5%).; – многообразие национальных культур (65,0%). Среди *факторов разобщенности*: *разделение общества на богатых и бедных* (75,1%); *оторванность власти от населения* (72,5%); *межнациональные конфликты в прошлом* (66,1%); *миграция из Средней Азии и Закавказья* (62,9%); *частная собственность на землю и природные богатства* (61,4%); разные взгляды и ценности молодежи и старшего поколения (56,3%); *миграция из других регионов России* (54,4%); непохожесть традиций, характеров народов (49,7%); различия в языках общения (49,6%); религиозные различия (48,9%); многонациональность России (44,6%); существование в России национальных республик (41,5%).

Таким образом, исследование гражданской идентичности выявило ее иерархизированный характер: наличие локального (идентификация с населенным пунктом – 81,2%), регионального (идентификация с республикой – 64,0%) и общегражданского (концепт «россияне» – 62,5%) и глобального уровней (общность «жители Европы» – 45,3%). Для характеристики темпов формирования гражданской идентичности респондентам был предложен вопрос *«Каким будет национальный состав нашей страны через 50 лет?»*.

Практически половина опрошенных выразили уверенность в том, что спустя пятьдесят лет национальный состав России не изменится, в то время как 25,9% предположили, что некоторые нации исчезнут, либо окажутся на грани вымирания. Только 6,5% респондентов считают, что национальность не будет иметь значения, так как все будут в первую очередь представлять единую общность – россиян. Наиболее активно идею о формировании единой нации поддержали жители Уфы – 7,8% против 5,1% из числа жителей села. Напротив, практически каждый второй респондент, проживающий в селе, выступает за сохранение наций, хотя и признает их источником конфликтов.

Таким образом, отношение к рецепту «сложится одна нация – не будет конфликтов» сложное. 41,3% из числа опрошенных согласились с тем, что именно многонациональность является источником конфликтов, но выразили несогласие с идеей о слиянии наций. 24% не считают, что причина конфликтов – многонациональность.

Оценка содержания концепта «россияне» показала следующие результаты: *российская нация* – это: – это русские (6,5%); – да, это те, кто независимо от национальности говорит по-русски, связан с русской культурой (17,6%); – это все, кто имеет гражданство РФ (17,7%); – это все, кто ощущает себя россиянином, независимо от национальности, языка и культуры (22,3%); – россияне – не нация, а граждане разных национальностей (20,2%); затруднились ответить (15,5%). Таким образом, ведущими факторами гражданской идентификации являются *ментальный* (самоощущение, самосознание, базис которого – обычаи и традиции) и *коммуникативный* (русский язык как средство межнационального общения).

Здесь во многом под влиянием процессов глобализации и миграции возникает определенный когнитивный диссонанс. Наиболее значимый критерии гражданской идентификации – ментальный (обычаи, традиции). Однако в результате глобализации именно традиционные нормы и ценности размываются. Вместе с тем более половины респондентов (65,0%) к числу важнейших факторов, объединяющих россиян, относят многообразие национальных культур. Следовательно, этническая и гражданская идентичности соотносятся не в категориях «или-или» (одна должна вытеснить другую), а в категориях «и-и». Этничность в условиях российского социума становится одним из важнейших оснований гражданской идентичности.

Список использованных источников

1. Богатова О. А. Этнические границы в Мордовии: парадокс многоуровневой идентичности // Социс. – 2004. - № 6. – С. 69–75.
2. Данилова Е. Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Гражданские, этнические религиозные идентичности в современной России / Ред. В. С. Магун, Л. М. Дробижева, И. М. Кузнецов. – М., 2006. – С. 74–103.
3. Мчедлов М. П. Религиоведческие очерки // Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. – М., 2005. – С. 91–134.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия / Под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – М., 2002. – 879 с.
5. Шайхисламов Р. Б., Варганова О. Ф., Садретдинова Э. В., Коровкина Н. В. Диалоговые механизмы управления межэтническими коммуникациями в условиях крупного города // Вестник Башкирского университета. – 2012. – № 1 (I). Т. 17. – С. 709–713.
6. Шайхисламов Р. Б., Ирназаров Р. И., Коровкина Н. В. Гражданская идентичность: региональное измерение глобализации // Вестник ВЭГУ. – 2013. - № 3. – С. 79–86.

ЭТНИЧНОСТЬ И ЯЗЫК В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

ETHNICITY AND LANGUAGE IN THE FORMATION OF THE REGIONAL AND ALL-RUSSIAN IDENTITIES

Ф. Г. Сафин (ИЭИ УНЦ РАН, г.Уфа, Россия)
А. И. Халиулина (ИЭИ УНЦ РАН, г.Уфа, Россия)
F. G. Safin (IES USC RAS, Ufa, Russia)
A. I. Khaliulina (IES USC RAS, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена изучению этнической, региональной и общегражданской идентичностей. Немаловажным фактором, оказывающим влияние на формирование идентичностей оказывает языковой аспект. Речевая деятельность индивидов, независимо от этнической принадлежности в той или иной степени является значимым маркером в определении ими той или иной идентичности.*

Abstract. *The article is devoted to the study of ethnic, regional and all-Russian identities. One of the important factors influencing the formation of identities is the linguistic aspect. The sppech activity of individuals, independent of their ethnic relation, plays a significant role in the determination of their identity.*

Ключевые слова: *этничность, региональная и общероссийская идентичность.*
Keywords: *ethnicity, regional identity, all-Russian identity.*

Процесс суверенизации и постсоветское развитие национальных республик внесли коренные изменения в сферу государственной и гражданской идентичностей. Общенародная общность – советский народ канул в прошлое. Во вновь образованных национальных республиках Российской Федерации появились свои теоретические выкладки относительно формируемой новой общности типа: татарстанской или башкортостанской модели.

В то же время в ряде законодательных документах республик была подчеркнута, что источником власти и носителем суверенитета является ее многонациональный народ того или иного субъекта, тем самым была выражена мысль о региональной идентичности сообщества.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., принятой в декабре 2012 г. отмечалось, что одним из приоритетных направлений является упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации).

По мнению известного российского ученого В. А. Тишкова «проживаюший в нашей стране народ может с полным основанием считаться многоэтничной гражданской нацией» [2, с. 5].

В этом отношении роль языкового фактора, прежде всего, русского языка, в последующем упрочении и развитии общероссийской идентичности становится все более значимой. В данном докладе на основе итогов Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., а также результатов многочисленных масштабных этносоциологических исследований предпринята попытка показать роль языкового фактора в формировании и развитии общероссийской идентичности на примере многонациональной Рес-

публики Башкортостан в контексте проявления как государственного, так и гражданского самосознания в зависимости от социально-психологических установок опрошенных респондентов.

В этом смысле, вслед за известным этносоциологом Л. М. Дробижевой «принципиально важно различать государственное и гражданское самосознание» [1, с. 16]. По ее мнению, между государственным и гражданским самосознанием… нет пропасти, и даже в наших российских условиях они в чем-то перекрещиваются, особенно в условиях «демократического перехода» [1, с. 17]. Но в целом пока можем говорить в общей форме как о национально-гражданской или государственно-гражданской идентификации [1, с. 252].

Немаловажное влияние на формирование идентичности оказывает языковой фактор. В зависимости от того, на каком языке протекает воспитательный процесс, происходит формирование самосознания личности. Показательными являются данные о том, на каком языке обучаются дети и внуки опрошенных респондентов. Например, у детей, обучавшихся в школах на башкирском языке в учебниках отмечается, что «столица моей родины – Уфа», в татарских учебниках «столица родины – Казань». Все эти факторы в той или иной степени оказывают непосредственное влияние и формируют в большей степени региональную идентичность, нежели общероссийскую. В старших классах, когда идет процесс приобщения к русской литературе и культуре закладываются основы общегосударственной общности, т. е осознание себя больше представителем российской государственности. Возможно, его еще нельзя обозначить как общегражданское самосознание общее с россиянами, но назвать как общероссийская государственная идентичность (российская нация) возможно.

Таблица 1

Представителем какой государственности Вы себя считаете*

	Башкиры		Татары	
	Разговаривают с близким другом на языке			
Варианты ответов	башкирском	русском	татарском	русском
только преставителем Башкортостана	21,2	8,0	10,0	6,9
Больше представителем Башкортостана, чем россиянином	28,2	29,9	13,7	12,1
в равной мере представителем Башкортостана и россиянином	45,9	52,9	60,0	65,3
больше россиянином, чем представителем Башкортостана	–	4,6	7,4	4,0
только россиянином	1,2	–	2,6	2,3
затрудняюсь ответить	3,5	4,6	6,3	9,2

Как показывают данные этносоциологических исследований [3; 4], респонденты, разговаривающие в повседневной жизни на русском языке, считают себя больше рос-

сиянами, чем представителями своего региона, а употребляющие национальный язык больше склонны ассоциировать себя региональной идентичностью. Так, например, башкиры, в своем большинстве разговаривающие в повседневной жизни на башкирском языке, больше ассоциируют себя только как представители республики, нежели россиянами.

Таблица 2

Представителем какой государственности Вы себя считаете?*

	башкиры	татары	русские	другие
только представителем Башкортостана	26,5	16,7	6,2	6,3
Больше представителем Башкортостана, чем россиянином	10,3	7,9	5,4	7,9
в равной мере представителем Башкортостана и россиянином	48,4	47,6	41,1	47,6
больше россиянином, чем представителем Башкортостана	5,8	11,5	21,3	19,0
только россиянином	7,7	10,1	23,6	14,4
затрудняюсь ответить	1,3	6,2	2,4	4,8

*Таблица составлена по данным опроса «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» (2014 г.).

Удельный вес респондентов башкир, разговаривающих на русском языке и считающих себя в равной степени как представителем Башкортостана, так и россиянином, превышает более половины опрошенных (52,9%), тогда как доля башкир, предпочитающих свой родной язык в повседневном общении с близкими друзьями достигает 45,9% . Среди русскоговорящих татар и башкир, удельный вес, отмечающих только региональную башкортостанскую идентичность, занимает весьма незаметную долю, соответственно 6,9% и 8,0%. Две трети русскоязычных татар, как выяснилось в ходе опроса, отмечают в равной мере как региональную, башкортостанскую, так и общероссийскую идентичность.

Хотя следует заметить, что указанный показатель для национально-язычных татар оказался довольно высоким (60,0%), не говоря уже о самих русских. Вместе с тем, следует отметить, что жители республики наряду с общероссийской идентичностью в 2002 г. в значительной степени ассоциировали себя и с региональной идентичностью.

Таким образом, в сфере этногосударственных отношений там, где формируется и проявляется гражданская идентичность, для русскоязычных башкир и татар чувство общности с гражданами России является преобладающим. Среди русскоязычной части башкир и татар, доля считающих себя одновременно представителем Башкортостана и гражданином России выше, чем такие же показатели у башкироязычных башкир и татароязычных татар.

В контексте этногосударственных отношений в формировании общероссийской гражданской идентичности в разных субъектах, особенно в полиэтничном регионе, немаловажным является соотношение этнической, региональной и общегражданской идентичностей.

Таблица 3

Что для Вас является Родиной?*

	башкиры	татары	русские	другие
Моя родина – бывший СССР	16,8	20,7	21,7	23,8
Моя родина - Россия	41,3	41,0	55,0	33,3
Моя родина - Башкортостан	40,0	34,3	21,3	34,9
затрудняюсь ответить	1,9	4,0	2,0	8,0

*Таблица составлена по данным опроса «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» (2014 г.).

В этом смысле период трансформации российского общества наложил определенный отпечаток на формирование этих показателей. Как выяснилось в ходе этносоциологического опроса, самый высокий показатель, когда респондентов больше всего объединяет чувство общности, отмечено в индикаторе «с гражданами России». Соответственно наибольший удельный вес показали респонденты русской (48,1%), затем башкирской (39,4%), татарской (38,8%) и других национальностей (34,9%). На второй позиции располагались результаты региональной идентичности. Несмотря на произошедший еще 23 года назад распад Советского Союза, на памяти жителей республики все еще присутствует ностальгия по бывшему Советскому Союзу. Определенная часть респондентов выразила свое чувство общности с гражданами бывшего СССР. Самые высокие показатели этого индикатора отмечены среди респондентов других национальностей (25,4%).

Таким образом, анализ результатов переписей населения 2002 и 2010 гг., а также данных этносоциологических исследований в Башкортостане показывает, что русский язык выступает важным и значимым фактором по формированию общероссийской государственно-гражданской идентичности.

Список использованных источников

1. Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М.: Новый хронограф. 2013.
2. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука. 2013.
3. Этносоциологический опрос был проведен по исследовательскому проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» в январе 2014 г. Опрошено 1000 респондентов. Рук. исследования А. И. Фатхутдинова.
4. Этносоциологический опрос по проекту «Электрокардиограмма толерантности и солидарности» был проведен в августе 2002 гг. под рук. Ф. Г. Сафина. Опрошено 1000 респондентов.

ПОДПИСКА НА ПЕРИОДИЧЕСКУЮ ПЕЧАТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

SUBSCRIPTION TO THE PERIODICAL PRESS AS THE MANIFESTATION OF ETHNIC AND LINGUISTIC IDENTITY OF POPULATION

Э. Ф. Сафина (БГУ, г. Уфа, Россия)
З. Х. Сунагатуллина (БГПУ, г. Уфа, Россия)
А. И. Халиулина (ИЭИ УНЦ РАН, г. Уфа, Россия)
E. F. Safina (BSU, Ufa, Russia)
Z. K. Sunagatullina (BSPU, Ufa, Russia)
A. I. Khaliulina (IES USC RAS, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена анализу подписки на периодические издания в Республике Башкортостан в разрезе районов. Подписка на СМИ показывает, прежде всего, языковую компетенцию и языковые ориентации населения того или иного региона. Чтение газет и журналов на том или ином языке служит дополнительным маркером этнической и языковой идентичности населения.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the subscription to the periodical press in a number of districts of the republic of Bashkortostan. The subscription to the press shows the language competence and the linguistic orientation of the population of a region. The fact of reading newspapers and magazines in this or that language is one more demonstration of ethnic and linguistic identity.*

Ключевые слова: *периодическая печать, подписка, этничность, идентичность, языковые ориентации*

Keywords: *periodical press, su scription, ethnicity, identity, linguistic orientation*

Несмотря на то, что в век глобализации и распространения электронных систем информации важным показателем в удовлетворении национально-культурных потребностей населения остается подписка на периодические издания. Подписка на периодические издания, выпускаемые как на федеральном, так и на республиканском уровнях, является показателем языковых предпочтений населения в той или иной языковой среде. Для раскрытия полной картины в сфере средств массовой информации показать выпуск газет и журналов, издаваемых в республике на языках с раскрытием в районном разрезе. Такой поход даст более обширную информацию, насколько народы республики наиболее полно удовлетворяют свои национально-культурные потребности в языковой сфере.

В данной статье на основе материалов Текущего архива Управления Федеральной почтовой связи по Республике Башкортостан предпринята попытка анализа подписки на периодическую печать, издаваемую на языках народов республики.

Анализ динамики подписки на периодические издания в западных и северо-западных районах показал, что подписка башкироязычной прессы составляет весьма малую долю. Так, например, самый низкий тираж общественно-политической газеты «Башкортостан» на январь 2010 г. составил 50–54 экз. (здесь: Бирский, Мишкинский и Татышлинский районы). Самый высокий тираж зафиксирован в Илишевском районе – 1 013 экз., что, видимо, объясняется тем, что основными подписчиками данного издания являются не читатели, а в основном организации, учреждения, общеобразовательные школы, сель-

ские дома культуры и т. д., для которых подписка является обязательной. Причем нужно отметить, в рассматриваемых районах динамика подписки различная. Если в Бакалинском, Благоварском, Буздякском, Караидельском и в ряде других районов за последние пять лет подписка резко сократилась, то в Калтасинском, Краснокамском, Туймазинском имела тенденцию к увеличению.

Аналогичная ситуация наблюдается с молодежным изданием «Йашлек» на башкирском языке, подписка на которое невелика. Несмотря на то, что с 2005 по 2010 год в Миякинском и Кигинском районах подписка сократилась в два раза, составив соответственно 231 и 233 экз., она осталась относительно высокой по сравнению с другими районами западного и северо-западного регионов.

Особой популярностью пользуются еженедельные семейные газеты «Азна», «Атна», «Неделя» частного Издательского Дома «Неделя», разовый тираж которых в среднем составляет около 10 тыс. экз. Разовый тираж газеты «Атна» на татарском языке за указанный период в среднем составлял 20 тыс. экз., что в 2 раза превышает тираж газеты «Азна» на башкирском языке. Если по итогам подписки 2007 г. в отделениях связи Белебеевского района было зафиксировано – 47 экз., Дюртюлинского – 12, Туймазинского – 11 экз. газеты «Азна», то разовый тираж газеты «Атна» на татарском языке составил в Белебеевском – 692 экз., Дюртюлинском – 2 515, Туймазинском – 1 425 экз. [1].

Динамика подписки на русскоязычные республиканские газеты в западных и северо-западных районах несколько иная. В 1999 г. самый большой тираж газеты «Республика Башкортостан» направлялся в Белебеевский район – 1 167 экз., к 2010 г. тираж выписываемой продукции сократился в 1,8 раза. С 2005 по 2010 год наблюдалось сокращение в 1,6 раза подписки на данное издание в Дюртюлинском районе. Что касается, республиканской «Молодежной газеты» на русском языке, то в последние годы аудитория ее читателей увеличилась. В Чишминском районе, например, за последние пять лет подписка выросла почти в 5 раз. Некоторое увеличение наблюдается также в Туймазинском, Балтачевском, Илишевском районах [2].

Таблица 1

Динамика подписки на молодежные издания в западных и северо-западных районах РБ в 2000-е гг., число экземпляров

Районы	**«Йашлек»**			**«Омет»**			**«Молодежная газета»**		
	1999	**2005**	**2010**	**1999**	**2005**	**2010**	**1999**	**2005**	**2010**
Аскинский	104	128	117	1 379	1 317	689	24	65	77
Бакалинский	21	12	58	1 630	1 379	781	181	165	163
Балтачевский	20	54	33	1 348	1 404	1 219	7	117	136
Белебеевский	20	21	46	240	355	250	112	186	143
Бирский	15	34	37	138	214	126	48	160	124
Благоварский	15	7	28	1 360	1 126	731	32	74	38
Благовещенский	15	15	25	116	113	89	87	155	93
Буздякский	73	28	53	2 148	1 748	1 052	13	52	18
Бураевский	13	21	29	3 004	2 846	2 810	40	131	72

Окончание таблицы 1

Дюртюлинский	33	14	114	2 594	2 794	2 921	129	89	43
Ермекеевский	6	37	40	949	802	438	41	159	58
Илишевский	235	166	185	3 513	3 102	2 059	55	114	188
Калтасинский	1	10	47	215	241	131	58	83	118
Караидельский	35	82	47	557	411	195	38	100	49
Краснокамский	21	16	56	621	385	150	22	64	100
Кушнаренковский	12	12	15	1 730	1 887	1 039	52	105	76
Мишкинский	10	26	11	729	598	324	99	232	138
Татышлинский	12	16	10	1 311	1 066	617	44	112	32
Туймазинский	37	68	112	1 316	2 833	1 610	137	212	248
Чекмагушевский	19	8	46	3 247	2 734	1 925	77	75	60
Шаранский	2	19	15	871	757	455	92	105	59
Янаульский	22	30	51	1 140	1 046	504	57	95	120
Чишминский	146	88	51	1 236	1 043	495	74	46	222
Миякинский	872	510	231	2 423	1 637	923	37	41	15
Кигинский	721	516	233	916	718	346	13	34	34

Очевидно, что самая большая доля татароязычной прессы (республиканские и выписываемые из Республики Татарстан издания), приходится на западные и северо-западные районы. Общественно-политическая и культурная газета «Кызыл тан» особой популярностью пользуется в Балтачевском, Бураевском, Дюртюлинском, Илишевском, Чекмагушевском районах, в которых подписка на 1 января 2010 г. составляла более тысячи экземпляров. В одном Балтачевском районе подписка достигала 1 622 экз. Небольшое количество подписчиков зафиксировано в Бирском, Благовещенском и Мишкинском районах (среднее кол-во 81 экз.), что вполне объяснимо: в первых двух преобладает русскоязычное население, в последнем – марийское. Хотя следует отметить, что молодежная газета «Омет» в этих трех районах более популярна, чем общественно-политическая и культурная газета «Кызыл тан».

Например, в том же Бирском районе подписка на издание «Омет» в 1,3 раза выше. Такая же тенденция наблюдается и в остальных районах. Самая высокая подписка выявлена в Дюртюлинском и Бураевском районах, соответственно 2 921 и 2 810 экз., что в 2 раза превышает подписку на газету «Кызыл тан» (по данным на 1 января 2010 г.). Нужно отметить, в 2005 г. почтовое отделение связи Илишевского района было в числе первых среди 54 административных территорий Республики Башкортостан по подписке на молодежную газету «Омет» на татарском языке, которое зафиксировало 3 102 экз., что составило 7% всей печатной продукции данного издания. В рассматриваемый период в Илишевском районе количество данной газеты существенно сократилось, составив 0,6%. Подписка на молодежное издание «Омет» увеличилась только в Дюртюлинском районе, в остальных западных и северо-западных районах подписка, по данным текущего архива УФПС РБ – филиал ФГУП «Почта России», в 2010 г. сократилась.

Большим спросом у татароязычного населения западных и северо-западных районов пользуется еженедельная семейная газета «Атна». На январь 2007 г. самая высокая подписка была зафиксирована в объединенном почтовом отделении следующих районов: Дюртюлинского и Илишевского – 2 515 экз., Бакалинского и Чекмагушевского – 2 345 экз., Туймазинского и Шаранского – 1 425 экз. Итоги подписки последующих лет показывают, что тираж газеты в районах не претерпел существенного сокращения, а в некоторых районах: в Белебеевском, Караидельском, количество подписчиков увеличилось [1].

Весьма ограниченный перечень республиканских татароязычных газет дополняют журналы «Аллюки» и «Тулпар» («Пегас»). Ежемесячный журнал «Аллюки» освещает проблемы дошкольного и школьного образования, разовый тираж которого, в рамках госзаданий на 2010 г., составил 6800 экз.

Общественно-политический и литературно-художественный молодежный журнал «Тулпар» издается один раз в два месяца, т. е. шесть номеров в год. При этом в 2005 г. общий разовый тираж по республике составлял 15 051 экз., а в 2010 г. – 6 897 экз. Следовательно, сокращение составило в 2,1 раза, тогда как разовый тираж аналогичного журнала «Шонкар» на башкирском языке, напротив, увеличился на 600 экз. [2].

Если обратиться к сводке разового тиража журнала «Тулпар» в районном разрезе, то самая высокая подписка в 2005 г. была зафиксирована в Бураевском районе – 1 054 экз., далее следуют Дюртюлинский (871 экз.), Миякинский (860 экз.) почтовые отделения. В 2010 г. 2–4% от общего разового тиража составляли Балтачевский, Бакалинский, Буздякский, Кушнаренковский, Чишминский, Шаранский, Караидельский отделения почтовой связи. Как видим, в указанных татароязычных районах подписка на журнал «Тулпар» на татарском языке высокая. В башкироязычных районах, как Абзелиловский, Мечетлинский, Хайбуллинский данное издание среди населения не столь популярно. К примеру, в Абзелиловском районе разовый тираж представлен 5 экз., в Хайбуллинском – 14 экз. [2]. Потребность в татароязычном, отметим «единственном в своем роде», журнале в районах с преобладающим башкирским населением, как видно, невысока.

В ряде районов ситуация с подпиской на журнал «Тулпар» представляет особый интерес. Например, подписка в Аскинском районе составила 99 экз., Илишевском – 386 экз., Татышлинском – 91 экз. В свою очередь, подписка на аналогичный по тематике журнал «Шонкар» на башкирском языке выявила иные цифры, что расходятся с этническим составом населения этих районов: в Аскинском – 19, Илишевском – 46, Татышлинском – 13 экз. Таким образом, несмотря на данные Всероссийской переписи населения 2002 г., население рассматриваемых районов больше тяготеет к татароязычным изданиям [2].

Вместе с тем в указанных районах национально-культурные потребности населения, связанные с подпиской на татароязычные издания, не удовлетворяются полностью, подтверждением чему является высокий уровень подписки на издания на татарском языке по федеральной почтовой связи из соседней Республики Татарстан. Тематическая и возрастная разноплановость изданий дает возможность широкого выбора подписки татароязычному населению Республики Башкортостан.

Из Республики Татарстан общий газеты «Юлдаш» на татарском языке, выписываемой татароязычным населением республики в 2005 г. составил 10 279 экз., а в 2010 г. – 6 523 экз.

Самой популярной среди этих изданий является газета «Юлдаш» на татарском языке, общий тираж которой в 2005 г. для Республики Башкортостан достигал более 10 тыс.

экз., а в 2010 г. составил 6 523 экз., тогда как общий тираж республиканских газет на татарском языке за 2005 г. распределился следующим образом: «Кызыл тан» – 31 382 экз., «Омет» – 43 922 экз. и частное издание «Атна» – 20 317 экз. Примечательно, что газета «Юлдаш» также популярна в Баймакском и Ишимбайском районах с преобладающим башкирским населением [2].

Газета «Юлдаш» особенно популярна в татароязычных районах Башкортостана. В 2005 г. разовый тираж для читателей Дюртюлинского района превысил более тысячи экземпляров, и составлял для почтовых отделений районов: Белебеевского – 452, Буздякского – 536, Бураевского – 694, Туймазинского – 944, Янаульского – 755 экземпляров.

Газеты «Мэдэни жомга», «Иман», «Ислам нуры», «Сабантуй», «Татарстан яшьлэре», журналы «Магариф», «Сююмбике», «Казан утлары», «Салават купере» и другие интересные содержательные издания пользуются большим спросом в Башкортостане, особенно в отмеченных татароязычных районах.

В 2005 г. общий разовый тираж исламской просветительской газеты «Иман» для Республики Башкортостан составлял 552 экз., а аналогичной газеты «Ислам нуры» – 421 экз. Самый высокий тираж подписки был зафиксирован в Белебеевском, Караидельском районах: 54 и 41 экз. Туймазинском районе разовый тираж составил 22 экз., в Чекмагушевском – 24 экз. Эти газеты популярны и в таких башкироязычных районах, как Куюргазинский, Мелеузовский, Салаватский, в этнической структуре которых значительной долей представлено татарское и татароязычное население. По данным 2005 г., газету «Ислам нуры» в Куюргазинском районе выписывали в количестве 28 экз., в Мелеузовском – 17 экз. [2]. Популярность этих исламских просветительских газет объясняется тем, что в нашей республике не было подобных отдельных изданий, кроме небольших приложений. В этих газетах наиболее полно разъясняются истинность и значение ислама в жизни всего человечества; читатель найдет ответы на многие важные вопросы, касающиеся ислама, которые актуальны для каждого верующего.

Художественно-литературный журнал «Казан утлары» имеет постоянных читателей в Буздякском (21 экз.), Бураевском (27 экз.), Дюртюлинском (26 экз.) и других районах (данные 2010 г.).

Самый большой тираж журнала для женщин «Сююмбике» в 2005 г. был зафиксирован в Дюртюлинском (102 экз.) и Уфимском (152 экз.) районах [2].

Журнал «Магариф» на татарском языке долгие годы выполняет важную функцию в современном медийном и информационно-образовательном пространстве соседних с Татарстаном республик. Он является активным проводником государственной политики в области образования, позволяет читателям черпать необходимую научно-педагогическую и методическую информацию со своих страниц, способствуя позитивным процессам обновления системы образования. В связи с политикой оптимизации, которая непосредственно коснулась и сферы образования, подписка на журнал «Магариф» в 2010 г. во многих районах сократилась, например, в Белебеевском районе – в 2,1 раза, Буздякском – в 4,3, Дюртюлинском – в 3,7, Чекмагушевском – в 3,5, Янаульском – в 3,8 раза.

Аналогичная ситуация сложилась вокруг подписки на детские татароязычные издания «Салават купере», «Сабыйга», «Ялкын». Если в 2005 г. разовый тираж журнала «Салават купере» в Дюртюлинском районе составлял 103 экз., то в 2010 г. – лишь 5 экз., а в Янаульском районе подписка сократилась в 23 раза [2]. Ситуация оставляет желать лучшего, если учесть, что на рынке печатной продукции Республики Башкортостан практически нет специализированных детских журналов и газет подобного содер-

жания на татарском языке. Национально-языковые потребности детей удовлетворены частично в виде незначительных приложений в республиканских и частных изданиях.

Количество и доля русскоязычной прессы в республике преобладает, чему способствует широкий выбор центральной, региональной печатной продукции.

Большой популярностью пользуются газеты «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Российская газета», «Труд», «Известия», «Парламентская газета», российская газета «Неделя». Например, в 2010 г. общая подписка на газету «АиФ» составила почти 20 тыс. экз., значительная часть которой приходится на Белебеевский (1 074 экз.), Белорецкий (736), Ишимбайский (431) районы и города Уфа (2 393), Стерлитамак (708), Туймазы (661), Учалы (653) [2] и т.д.

Тираж газеты «Комсомольская правда» в 1995 г. составлял 11 696 экз., а в 2010 г. – 14 870 экз., что свидетельствует об актуальности издания. Тираж газеты «Труд» за 15 лет, наоборот, сократился в 6,1 раза, составив в 2010 г. 4 727 экз. Небольшая читательская аудитория зафиксирована у «Парламентской газеты» – 552 экз. по состоянию на 2010 г.

В том случае если центральные и республиканские газеты не полностью удовлетворяют потребности читателей, приходят на помощь частные издательства, предлагающие разные специализированные издания. Так, в последние годы в республике русскоязычные газеты частного Издательского Дома «Неделя» «нашли» широкий круг своих читателей, как в городах, так и районах. Например, издания на русском языке «Женская Неделя», для детей «Детская Неделя», для пожилых людей и тех, кто внимателен к своему здоровью «Здоровье-Неделя», для широкой публики «Полезные советы». По итогам 2007 г. газета «Здоровье – Неделя» направлялась в следующие районы: Белебеевский – 287 экз., Бураевский – 516, Калтасинский – 260, Бакалинский – 225, Янаульский – 194 экз. Востребованной остается газета «Детская Неделя», подписка на которую составляла, например, в Бирском – 836 экз., Белебеевском – 717, Караидельском – 643 и Калтасинском районах – 768 экз. Газета «Полезные советы» также пользуется большим спросом у населения Белебеевского (692 экз.), Бураевского, Балтачевского (595 экз.) и Бирского (401 экз.) районов [1].

Высокий процент подписки на русскоязычные издания в целом по республике обусловлен не только преобладанием русскоязычного населения в тех или иных районах, но и языковыми предпочтениями нерусского населения (татар, башкир, чувашей, марийцев и др.), которые в последние годы ориентированы больше на русский язык. Кроме того, широкий выбор печатной продукции представлен в большинстве своем на русском языке, а редакции центральных, республиканских и частных изданий уделяют большое внимание содержанию и эстетичному оформлению печатной продукции, что немаловажно для сегодняшнего избирательного читателя.

Таким образом, анализ подписки на периодические издания в районах республики показывает, что население в целом ориентировано на чтение газет и журналов на родном языке. В то же время, русскоязычные издания также остаются востребованными для населения республики, что является свидетельством более широкого употребления и применения русского языка в национально-язычной среде.

Список использованных источников

1. Текущий архив Издательского Дома «Неделя». Отдел кадрового обеспечения. 2007.
2. Текущий архив Управления федеральной почтовой связи РБ филиал ФГУП «Почта России». Отчет за 1999, 2005, 2010 гг.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

INTERMARRIAGE AS A FACTOR IN STRENGTHENING ETHNO CULTURAL INTERACTION PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

З. Л. Сизоненко (УГАТУ, г. Уфа, Россия)
Z. L. Sizonenko («Ufa State Aviation Technical University», Russia)

Аннотация. *В статье представлена информация о социодинамике межнациональной брачности в Республике Башкортостан, а также данные, свидетельствующие о широкой распространенности межнациональных браков.*

Abstract. *In article presents information about social dynamic of international marriage in the Republic of Bashkortostan as well as facts showing about prevalence of international marriage.*

Ключевые слова: *межнациональный брак, полиэтничность, межэтническое взаимодействие, толерантность.*

Keywords: *international marriage, polyethnic, ethnic interaction, tolerance.*

Современный мир, вовлеченный в процессы глобализации, стремительно превращается в песочную мозаику различных видов коммуникаций, сетей, миграционных потоков и культур, границы между которыми все чаще размыты, неявны или, напротив, искусственно созданы и нарочито позиционируются как естественные, исторически обусловленные, а потому нуждающиеся в сохранении и защите от каких-либо посягательств. Речь идет прежде всего об этнических общностях, само происхождение которых неоднозначно оценивается специалистами, а в эпоху модерна и глобальных изменений их существование и перспективы требуют глубокого научного анализа. Для российского социума, пережившего распад Советского Союза, в немалой степени спровоцированного межэтническими противоречиями, крайне важно и актуально предупреждение негативных процессов в этносоциальной сфере. Задача цивилизованного сообщества – формирование благоприятного климата межэтнического взаимодействия, условий для мирного сосуществования народов с разным этнокультурным содержанием, национальными и расовыми характеристиками. В связи с этим миссия социологии, способной выявлять назревающие очаги социальной напряженности, вызревания межэтнических конфликтов и разногласий, видится в научном осмыслении происходящего и проектировании требуемых условий жизнедеятельности цивилизованного социума. Соответственно в современных условиях возрастает роль этносоциологии, теории социальных процессов, социального проектирования и моделирования.

С одной стороны, в мировом сообществе активизируются процессы этнокультурного обмена, взаимопроникновения культур, ассимиляции и аккомодации, с другой – заметно стремление отдельных народов к сохранению этнокультурной самобытности, обособлению, ограничению межэтнического взаимодействия и контактов. Отмеченные тенденции в равной мере могут обусловливать проявления этнической, национальной, расовой нетерпимости, межэтнических локальных или масштабных конфликтов и по-

громов. Традиция рассматривать национальные проблемы однобоко сложилась в стране давно: маятник качается от состояния полного удовлетворения до откровенного паникерства, когда любая шутка, упоминание о национальном воспринимается как угроза межнациональной стабильности. Нас уже «штормило» и не раз: то мы объединяем народы и конструируем однородную общность «советский народ», то «раздаем суверенитет», беспощадно критикуя любые попытки слияния как потерю культурной идентичности, своего лица, ассимиляции и вырождения отдельных народов. В том же русле проблема оценочных суждений о роли русского народа: «старший брат, покровитель» или «разрушитель и грабитель»? Где золотая середина в решении национального вопроса? И существует ли он – национальный вопрос, или все это выдумки идеологов? О реальности проблемы свидетельствуют жертвы конфликта на Манежной площади в Москве, теракты в Дагестане, Чечне, Ингушетии, события в Украине. Межнациональная и межконфессиональная неприязнь, нетерпимость выступают причиной разрушений и создают порой впечатление отсутствия перспектив мирного цивилизованного развития народов.

Тем не менее, есть регионы с относительно благополучной межнациональной средой, в которой представители различных этносов, в том числе миграционные сообщества, чувствуют себя вполне комфортно. Причем такого рода относительным спокойствием отличаются полиэтничные по составу населения регионы. К ним, на наш взгляд, можно отнести Башкортостан, Удмуртию, Мордовию и некоторые крайние северные субъекты Российской Федерации. По статистике в данных регионах практически нет этноса, численность которого превышала бы половину имеющегося населения. В некоторых регионах из числа названных в составе населения насчитывается около 100 (а в некоторых субъектах и более) различных этнических групп. Например, в современном Башкортостане проживают представители более 130 национальностей, наиболее многочисленные из них – русские, башкиры, татары, чуваши, марийцы, украинцы, удмурты, белорусы, немцы.

При этом трудно не согласиться с мнением И. Орловой, которая отмечает, что полиэтничность состава населения не является фактором межнациональной стабильности: «… полиэтничность государств может стать источником многих проблем: социальных, политических, культурных. Особенно остро такие проблемы стали ощущаться в европейских государствах в конце XX – начале XXI веков, когда под воздействием многих факторов этническая структура заметно изменилась. Многие западноевропейские ученые заговорили о том, что под вопрос ставится сама культурная идентичность их стран. Источником проблем является не этническое разнообразие как таковое. Соединение различных наций в одном государстве – условие столь же необходимое и естественное, как сочетание людей в обществе. Культурное и этническое разнообразие, разноцветье традиций, обычаев, стилей жизни дает дополнительный импульс для развития. Это богатство, которое надо оберегать и сохранять. Большие и малые народы, взаимодействуя, обогащают культуры друг друга. Проблемы возникают лишь тогда, когда этничностъ политизируется. Тогда на ее почве можно спровоцировать сепаратизм, распад государства, ксенофобию, войну, геноцид. Этничность является одной из наиболее мощных сил, способных при определенных условиях вызвать центробежные тенденции и расколоть государство, чему в истории немало примеров» [1]. Поэтому важен не сам полиэтничный состав населения региона, а его этническая структура: мозаичная, т. е. представленная относительно равными этническими группами, либо с явным доминированием одной,

двух или трех, которая, в свою очередь, может стать ядром государственности или источником сепаратизма и причиной распада целостности. Согласно мнению той же И. Орловой, благоприятные условия для сепаратизма создает наложение этнического фактора на территориальный, или, точнее, совпадение этнических и территориальных границ.

В вышеназванных регионах России, по данным переписи населения 2010 года, отмечается двух-, трех- и многополюсная этническая структура населения (в терминах Организации Объединенных Наций). Это означает, что две или три крупные диаспоры несут ответственность за формирование этносоциальной среды, межнационального мира и согласия. Какие факторы детерминируют их относительно благополучное поликультурное и поликонфессиональное развитие? Если вновь обратимся к статистике, то обнаружим, что в этих регионах широко распространены межнациональные браки. Например, в 2010 году в Республике Башкортостан, по данным республиканского Управления записи актов гражданского состояния, в регионе зарегистрировано 34 819 браков, из них межнациональных – 13 222 или 38%[1]. В Татарстане за период с 1970 по 1994 г.г. количество межнациональных браков удвоилось и составляет примерно 15% от общего [3].

Не является ли именно это обстоятельство фактором межнационального согласия? Современные политики отмечают, что нормы толерантного общения усваиваются наиболее успешно в среде межнациональной семьи. Так, президент Республики Башкортостан Р. З. Хамитов в своем выступлении 20 мая 2011 года на пленарном заседании VIII международного конгресса «Семья и демография: социальный потенциал развития межнационального согласия» отметил: «Самое очевидное проявление толерантности – это межнациональные браки. В среднем каждый третий брак в республике – смешанный. Это в два раза выше, чем в целом по стране. Причем число таких браков растет. Например, если в 2005 году русские и татары создали менее полутора тысяч семей, то в

[1] Как сказала начальник Управления З. Абубакирова, четкой статистики по вопросу межнациональных браков нет. – Графа «национальность» была исключена из паспортов, и заполняется только по собственному желанию людей, вступающих в брак. Поэтому все приводимые цифры базируются на данных, которые люди указали по собственному желанию. Сегодня 10% пар не заполняют данную графу. Тем не менее, мы полагаем, что наших данных вполне достаточно, чтобы показать общую картину, которая наблюдается в семейно-брачной демографии. По словам руководителя Управления, для Башкортостана характерны межнациональные браки между основными этносами – русскими и татарами, башкирами и татарами, причем с каждым годом число таких семей возрастает. – В 2005 году было заключено 1412 браков между русскими и татарами, в 2010 году эта цифра увеличилась до 3224, – говорит З. А. Абубакирова. – Примерно такая же ситуация складывается, если смотреть браки, заключенные между башкирами и татарами. В 2005 году – 1372 брака, в 2010 – 3214. Конечно, есть союзы, заключаемые между башкирами и русскими, русскими и чувашами, татарами и чувашами, русскими и марийцами и т. д. Актуальность приобретают и браки, заключаемые с выходцами из стран СНГ. Смешанные браки в Башкирии – явление обычное, привычное, не вызывает у людей отрицательных эмоций, это, несомненно, свидетельствует о здоровом социальном климате в регионе, в котором дружно живут представители десятков национальностей и разных конфессий. Люди отходят от стереотипов – больше понимания, меньше границ в общении. На вопрос о количестве разводов в смешанных браках, З. А. Абубакирова ответила, что специальную статистику по национальной принадлежности разводящихся ведомство не ведет. – Человеческие качества не зависят от национальности, – считает она. – В отношениях супругов важны взаимопонимание и доверие к друг другу. Если люди выбрали друг друга, полюбили, никто не может им противоречить. Мы можем пожелать им только мира, добра и счастья. [Электронный ресурс: http://news.mail.ru/inregions/volgaregion/2/]. (Дата обращения: 08.02.2011 г.).

прошлом году эта цифра превысила три тысячи. То есть, выросла вдвое. Между башкирами и татарами в 2005 году было заключено менее 1400 браков, а в 2010 – более трех тысяч. Более чем двукратный рост. Такая статистика, несомненно, свидетельствует о здоровом социальном климате в регионе» [4].

Приведенные данные относятся к статистике и скорее эмоциональным высказываниям политиков. Что представляет собой межнациональная семья с научной точки зрения? Возможно ли воспитание толерантности в среде межнациональной семьи? Насколько терпимы россияне к этнически смешанным бракам? Рассмотрим феномен межнациональной семьи подробнее.

Фактически нет достоверных сведений о том, когда именно появилась первая межнациональная семья. В условиях первобытно-общинного строя действовало правило экзогамии, что можно считать своего рода принуждением к смешанным бракам. Смешанные семьи на Руси складывались по мере освоения славянами территорий за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке, в Казахстане, Средней Азии, Закавказье, Прибалтике. В 1593 году казанский митрополит Гермоген писал, что «многие-де русские полонянники и неполонянники живут у татар и у черемисов, и у чувашей, и пьют с ними и едят с одного и женятся у них». В семнадцатом веке было принято несколько постановлений о церковных браках между русскими служивыми людьми и крещенными инородческими женщинами», тем не менее браки между представителями разных рас и наций в царской России были допустимы лишь в пределах одного социального круга или одной религии и представляли собой исключительное явление. Например, в Своде законов российской империи прямо указывалось на то, что лицам православного и римско-католического исповеданий запрещается вступать в брак с нехристианами. Ислам, бывший до революции основным источником брачно-семейных традиций у восточных народов России, также резко отрицательно относился к бракам мусульман с людьми, принадлежащими к другим религиям. Точных данных о количестве таких браков не было и нет, однако статистика подтверждает, что в России количество межнациональных браков стало расти уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции, превратившись к настоящему времени в широко распространенное социальное явление. Интересно, что именно в этот период традиционная семья практически прекращает свое существование, сменяясь современным типом семьи с явно ослабленными институциональными характеристиками, межнациональная же семья начинает формироваться именно как социальный институт.

В 50-е годы в бывшем СССР межнациональным был каждый 10-ый брак, в 80-е годы – уже каждый 7-ой, а в некоторых республиках – каждый 5-ый. Республика Башкортостан, согласно материалам переписи населения, становится второй в Волго-Уральском регионе по численности межнациональных браков. Каждый третий ребенок рождается в межнациональной семье (на 1 млн. 50,3 тыс. семей, учтенных переписью, пришлось 262,4 тыс. межнациональных семей).

В некоторых обществах разные этносы живут бок о бок в течение столетий – и не смешиваются. В СССР межнациональные барьеры были сильно ослаблены, и смешанные браки были широко распространены. Число этнически смешанных семей (на 1 тыс.) составляло в среднем по СССР в 1959 г. 102, а в 1989 г. – 175. Вот как это число изменялось по союзным республикам [5].

Таблица 1

Число этнически смешанных семей (на 1 тыс.) в союзных республиках СССР

Республика	Год переписи		
	1959	1979	1989
Латвийская ССР	158	242	275
Украинская ССР	150	219	253
Белорусская ССР	110	201	246
Молдавская ССР	135	210	246
Казахская ССР	144	215	239
Эстонская ССР	100	158	173
Киргизская ССР	123	155	165
Таджикская ССР	94	130	148
РСФСР	83	120	147
Туркменская ССР	85	123	133
Литовская ССР	59	113	128
Узбекская ССР	82	105	127
Грузинская ССР	90	104	122
Азербайджанская ССР	71	76	79
Армянская ССР	32	40	38

Не вызывает сомнений, что подобный рост обусловлен прежде всего отменой частной собственности – главной основы экономической и моральной зависимости молодых людей от воли родителей при вступлении в брак. Советская власть упразднила самое действенное наказание за нарушение семейного кодекса, и результат не замедлил сказаться: молодые семьи, скрепленные одобряемым родителями браком и не одобряемым, оказались в равном экономическом, политическом и социальном положении, что в свою очередь спровоцировало свободу относительно самостоятельного выбора брачного партнера.

Помимо указанных доводов весомую роль в расширении национально-смешанной брачности сыграло ослабленное положение института религии, утрата им регламентирующего влияния в сфере межличностных отношений людей разной этнической принадлежности.

Изменилась и позиция государства: при царизме правительство, боясь сближения и совместной борьбы народов против феодально-колониального гнета, запрещало смешанные браки (сильному стеснению подвергал браки башкир с казанскими татарами-переселенцами указ от 11 февраля 1736 года, брак разрешался лишь с позволения казанского губернатора), при Советской власти положение резко изменилось. Межнациональные браки могли способствовать укреплению дружбы и взаимопонимания между людьми различных национальностей. Межнациональная семья должна была стать и стала, как свидетельствуют публикации недавнего прошлого, своеобразным символом дружбы народов многонационального Союза Советских Социалистических Республик. Однако в 90-е годы после распада Союза отношение к межнациональным семьям изменилось, что связано с процессами пробуждения национального и религиозного самосознания. Тем не менее, межнациональная семья – распространенное явление в современном социуме, и число таких семей неуклонно увеличивается.

Изучение межнациональной брачности, непосредственно влияющей на формирование этнического самосознания и идентификации индивида и, как следствие, на численность и сплоченность этнических общностей и групп, – одно из важных направлений этносоциологии. Соотношение понятий «брак и семья» и «межнациональный брак и семья» подчиняется диалектическому закону соответствия общего и особенного. Подобно всякому особенному, межнациональные браки и семьи обладают теми же свойствами, что присущи «браку» и «семье» вообще, а их «особенность» обусловлена тем, что в таких семьях происходит взаимодействие представителей разных наций, культур, обычаев и традиций.

Список использованных источников

1. Орлова И. Всероссийская перепись: цифры и комментарии // Наш современник. № 8, 2004.
3. Ярмиева Р. М. Роль семьи в формировании и развитии языка // Социологические исследования. № 1, 2008. – С. 65.
4. Конгресс «Российская семья» в Уфе [Электронный ресурс: http://sterlegrad.ru/newsrb/9418-kongress-rossiyskaya-semya-v-ufe.html]. (Дата обращения: 26.05.2011 г.).
5. Согласно данным, приведенным в работе М. Н. Руткевича «О демографических факторах интеграции» // СОЦИС, 1992, № 1.

БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ

BASIC PRINCIPLES OF CIVIC EDUCATION OF YOUNG PEOPLE AS THE BASIS OF FORMATION OF RUSSIAN CIVIL NATION

Е. В. Чащин, К. Д. Камышев (ПНИПУ, КСППК, Пермь)
E. V. Chashchin, K. D. Kamyshev (PNIPU, KSPPK, Perm)

Аннотация. *В данной статье рассматриваются принципы гражданского образования молодежи как основы формирования российской гражданской нации. Актуальные проблемы и тенденции современного развития общества в контексте развития современного гражданского образования в России. А также проблемы формирования российской нации и значение образования в данном процессе.*

Abstract. *This article discusses the principles of civic education of youth as a basis for the formation of the Russian civil nation. Current problems and trends of modern society development in the context of the development of modern civic education in Russia. And also the problem of the formation of the Russian nation and the importance of education in this process.*

Ключевые слова: *Принципы гражданского образования, межэтнические и межконфессиональные отношения.*

Keywords: *Principles of civic education, interethnic and interfaith relations.*

В условиях неопределенности сама идея построения гражданского общества начинает восприниматься как элемент современной мифологии. Как следствие скепсис

молодого поколения критически настроенное к сложившимся официально декларируемым установкам. Некие объективно происходящие процессы и отдельно от него, и часто вопреки ему, существует понимание данных процессов со стороны молодежи. Идея социальной справедливости, несмотря на свое позитивное содержание, не воспринимается молодыми россиянами как достижимая ценностная установка.

Патриотическое воспитание необходимо ли? Ура-патриот или самокритичный космополит. Российская образовательная система поверхностно поменяла установку на воспитание пролетарского интернационализма на «толерантность» или советского патриотизма на патриотизм российский. При этом включилась система западной индивидуалистской системы ценностных установок. При этом и либерально-демократические и коммунистические установки имею глобалистское, а не национально-государственное измерения.

В определенной мере, проявления патриотизма многими начинают воспринимается как националистические либо шовинистическими. В результате мы получаем личность: а) не целостную в своих мировоззренческих установках, пытающую совместить в себе и идеалы космополитизма, и установки на социокультурной идентификации, при чем на том уровне понимания и первого и второго, на котором какой-либо компромисс оказывается недостижимым в принципе; б) неудовлетворенною своим положением в обществе, воспринимающим его как поле битвы за ресурсы, пространство деструктивной конкуренции (выраженной часто уже в реальном экстремизме); в) не воспринимающую свое наличное бытие как результат самоактуализации).

Роль мужчины в современном российском обществе. В рамках современных основ законодательства Российской Федерации предусмотрена защита материнства и детства. Но обходится стороной такой важнейший институт общества как отцовство. Вторая волна феминизации и падение роли мужчины в российском обществе (в котором исторически женщина играла большую роль, чем в патриархальных общества Востока и сексистских Запада). В рамках традиционной культуры принято, чтобы мужчину воспитывал мужчина. Именно поэтому в различных малых этнических группах РФ, сохраняется роль мужчины (мальчика в случае гибели отца воспитывал дядя, дед, старший брат или другой родственник мужского пола). Мужчины в доминирующих этнических группах РФ в связи с геостратегическим положением нашего государства периодически массово гибли прежде всего от войн. Таким образом, женщина была вынуждена воспитывать мальчика. Актуальной психологической проблемой (поднимаемой современной педагогической психологией) является поиск образа отца (роль отца). Именно поэтому необходимо дополнительное подкрепление такого явление как мужская социализация. Таким образом, требуются государственные мероприятия по повышению роли мужчины в современном обществе. Традиционные гендерные ориентиры во многом обусловленные биологически, нарушаются, что создает ситуацию гендерно-ролевого диссонанса, ведущего к ряду социальных проблем (от экономических и демографических до военно-политических).

Перемена жизненных стратегий между мужчиной и женщиной (весьма распространенное в условиях неопределенности) имеет как позитивные так и негативные стороны. Лучшее понимание проблем противоположного пола, портят перегибы вроде «родителя номер один» и «родителя номер два» получившими распространение в ряде стран.

Межэтнические отношения.

Мультикультурализм разрушает краеугольные основы демократического общества – власть большинства. Она стремится политизировать различия. Тем самым раскалывая,

атомизируя современное общество. Сама по себе стимулируя возникновения новых групп, многие из которых имеют эфемерную основу (курильщик-некурильщик, сторонник-противник Pussy Riot, верующие-неверующие). Происходит искусственная и зачастую опасная потенциальной агрессивностью поляризация. Эфемерные группы начинают требовать предоставление особых прав, зачастую переходящих в привилегии в качестве нового меньшинства. Меньшинство не должно навязывать своего мнения большинству.

Примером тому служит родина континентальной (не англосаксонской!) демократии – Франция. Пресловутый закон о гомосексуальных браках и разрешении усыновления для таких семей вывел на улицу большинство французских граждан. Базовый принцип демократии – принцип большинства, если большинство выступает «против», то закон не должен приниматься. Но принцип мультикультурализма – «Все для меньшинства», толкает на нарушение базовых демократических принципов.

Толерантность, как терпимое отношение чревата подавлением и самоподавлением личности. Само понятие толерантность начало формироваться в условиях Реформации в Европе XVI–XVII вв., которая сопровождалась кровавыми конфликтами (Религиозные войны в Германии, Варфоломеевская ночь во Франции, наконец – Тридцатилетняя война). Таким образом, толерантность рождалась в условиях сильнейшего противостояния, переходящего в насилие (в том числе и в организованной форме). Первым документом, призывающим к толерантному, то есть терпимому отношению было сочинение Дж. Локка «О веротерпимости». Данная концепция основана на системе сдержек и противовесов и ориентирована на предотвращение конфликтных ситуаций в будущем. То есть толерантность исходит из того, что интересы взаимодействующих субъектов либо антагонистичны, либо находятся в некотором противоречии.

Этнические группы формируются в определенных природно-климатических, исторических, социокультурных условиях. Многие, из которых меняются в процессе естественного развития. Но если в процесс естественного этнического развития вмешивается внешняя сила, она неизменно наталкивается на сопротивление, которое особенно остро проявляется в ментальной сфере. В образовательный стандарт может быть внесено понятие макрорегиональной идентичности как условия интеграции и взаимообогащения национальными культурами. Взаимообогащение должно происходить не за счет уничтожения или искусственной унификации национальных культур. Необходимо наиболее эффективно использовать достижения каждой культуры ради достижения целей прогрессивного развития всего человечества. Таким образом, новой парадигмой межэтнических взаимоотношений должна стать концепция взаимообогащения национальными культурами, которые послужит основой гармонизации межэтнических отношений.

Существует противоречие между трендом на развитие мультикультуральности и естественным стремлением нации сохранить социокультурную идентичность. В условиях растущего социально-экономического расслоения и попыток подавления институтов выражающих интересы национальных элит приводит к необратимым процессам межкультурной дезинтеграции. Это выражается в нарастании напряженности, обусловленной не только традиционными для конца 20 в. межконфессиональными макроэкономическими и регионально-политическими противоречиями. Это выражается не только в характерных скорее для конца 19 – нач. 20 вв. конфликтов между странами метрополий и новыми колониями и транснациональной финансово-экономической элитой и эксплуатируемыми пауперезированными элементами, как в странах-сателлитах, так и в метрополиях. Последние события в США в штате Миссури (последний штат который был принят в Союз в статусе рабовладельческого), который стал ярким примером проявления накапливающегося столе-

тиями противоречия, спусковым крючком которого стало убийство афроамериканского подростка белым полицейским, с последующим оправданием судом присяжных подсудимого. Эти противоречия приобретают новую актуальность.

Светский характер Российского государства, гарантированный конституцией, при обеспечении равенства всех представителей религиозных конфессий основанной на принципе свободы совести. Любое изменение в данной основе образования может привести к катастрофическим последствиям. Многие изначально религиозные элементы лежат в основе ментальности российского общества, но с течением времени превратились в сугубо светские основы. Так елка, символизирующая древо, под которым родился Христос, в России приобрела исключительно светское значение – начало Нового года. Но инцидент 2012 г. в датском городе Коккедал, показывает, что некоторые представители религиозных конфессий могут пересмотреть данное явление и воспринять ее установку как оскорбление религиозных чувств. Аналогичная ситуация в России складывается вокруг панк-молебна в Храме Христа Спасителя, точнее общественной истерией нагнетаемой вокруг него. В светском обществе, где церковь и государство отделены друг от друга, храм рассматривается как одно из общественных мест. Кроме того, христианство учит всепрощению, тем не менее, резкие высказывания деятелей православной церкви показывают их христианский «гуманизм» (Для сравнения в свое время – а это 18 век, православные иерархи не поставили подпись под приговором Е. И. Пугачеву). Таким образом, только светский характер государственной политики может гарантировать права и безопасность гражданина поликонфесиональной Российской Федерации.

Светское образование, в том числе, позволяет соблюсти баланс в межкультурных взаимоотношениях, достичь определенного паритета между национальным конформизмом и экстремальными проявлениями регионализма.

Принцип разумного баланса регионального и общенационального компонентов идентичности. Таким явлением характеризуется полисоциосферный сепаратизм… Актуальная ситуация в Украине, центробежные тенденции в Шотландии, итальянской области Венетта, Каталонии, стране Басков и др. Глубинные противоречия проявляются в социокультурных стереотипах, проникающих в сферу образования и воспитания накапливаясь и трансформируясь показывает нам новую грань проблемы «отцов и детей». Она выражается в нигилизме и полном отрицании социокультурного опыта отцов, который отождествляется с ценностными установками индустриального или даже традиционного обществ. По удачному выражению М. Горького «И заметно, что у родителей-атеистов дети – церковники…». При разумном балансе региональной и общенациональной идентичности в преподавании социально-гуманитарных дисциплин может быть достигнуто понимание бессмысленности радикальных форм общественно-политической деятельности, с одной стороны, и зрелой рациональной оценкой псевдообъединительных тенденций, навязываемых транснациональным корпоративным лобби, с другой.

Принцип здоровой свободной конкуренции идей, ценностей и мыслей. Многообразие этнокультурного мышления создает условие для их здоровой конкуренции. Это стимулирует гибкость мышления, большую устойчивость в кризисных ситуациях. Что способствует формированию новой более адаптированной к современным жизненным ситуациям личности.

Но задачи многокультурного образования в том, что различные нации и народности должны видеть многонациональный мир как данность. Изучать другие национальные культуры означает обогащать собственную. Достигнуть в собственной культуре понимания общечеловеческих ценностей означает сделать шаг к созданию мирового

сообщества. Ответственной миссией образования становиться развитие интереса к другим культурам, выступающего как способ понимания мироустройства.

Список использованной литературы

1. В Дании запретили праздновать Рождество Режим доступа: http://pro100news.info/obshhestvo/v-danii-zapretili-prazdnovat-rozhdestvo.html
2. Горький Максим. Жизнь Клима Самгина. Часть 3. Режим доступа: citaty.info/book/maksim-gorkii-zhizn-klima-samgina
3. Лурье Л. И. Моделирование региональных образовательных систем. «Гардарики», 2006 г.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. Т. АКСАКОВА В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ

THE SHAPING OF NATOINAL IDENTIFI ON THE WORKS BY AKSAKOV S.T. IN PRIMARY SCHOOL

С. А. Юсупова (БГПУ им. Акмуллы, г. Уфа, Россия)
S. A. Yusupova (The Bashkir state pedagogical University a name of M. Akmulla of wood, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена воспитанию и формированию национального самосознания у детей в поликультурном обществе Республики Башкортостан, путем использования регионального материала, описанного в произведениях С. Т. Аксаковым.*

Abstract. *The article is devoted to the education of children and to build children's national identity in the multicultural society of the Republic of Bashkortostan through the use of regional material described in the works of Aksakov S.T.*

Ключевые слова: *национальное самосознание, краеведение, исследование, образование, толерантность.*

Keywords: *national identity, local history, research, education, tolerance.*

В настоящее время, при введении ФГОС второго поколения, в школе вновь становится актуальным и начинает занимать достойное место патриотическое воспитание учащихся. Оно должно строиться на принципиально новой основе через освоение богатств, оставленными нам национальным прошлым, через знакомство с материальной и духовной культурой, созданной предшествующими поколениями русских, башкир, татар, чуваш и т. д., в частности с башкирским укладом жизни, в которой и быт всегда был окрашен духовностью.

Очень важная роль в решении этой задачи принадлежит литературному краеведению. По словам Д. С. Лихачева, оно «воспитывает молодежь в моральном климате памяти семейной, памяти народной, памяти культурной», а память – основа восприятия и понимания ценностей культуры.

Культурное наследие выдающихся художников слова – главный предмет литературного краеведения; в Башкортостане это, прежде всего аксаковедение – область фи-

лологии, связанная с изучением жизни и творчества нашего замечательного земляка – Сергея Тимофеевича Аксакова. Его произведения несут в себе огромный воспитательный потенциал, и потому дидактический аспект аксаковедения – один из самых важных для духовного становления детей и подростков.

Общество сегодня выделило «Краеведческое образование», чтобы «воспитать молодежь в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной», – и тем самым определило в нем место литературы, как пласта культуры, наиболее ярко и полно раскрывающего общечеловеческие ценности, а именно они имеют решающее значение в воспитании подрастающего поколения.

Краеведческо-литературное образование школьников – одна из первостепенных задач современной школы. Именно школа призвана сформировать «Литературно-краеведческое сознание» ребенка, краеугольным камнем которого, по мнению Лихачева, – является память как одна из основ поэзии, эстетического понимания культурных ценностей».

Ведущую роль должны играть творческие методы обучения. В арсенале инновационных педагогических средств и методов особое место занимает исследовательская творческая деятельность.

На базе МБОУ СОШ №110 Советского района ГО г. Уфа РБ был проведен эксперимент, который выявил уровень сформированность этнической толерантности у школьников в начальной школе, умение проводить исследовательскую работу, уровень знаний произведений С. Т. Аксакова, уровень знаний национальных ценностей Республики Башкортостан.

Основанием для оценки послужили анкеты, тесты, беседы, наблюдения за детьми в процессе учебной и внеклассной деятельности, так же их общение со сверстниками. В качестве критериев мы выделили когнитивный, эмоциональный и деятельностный компоненты. Для каждого компонента были определены уровни сформированности этнической толерантности: высокий, средний и низкий.

Когнитивный компонент определялся нами в результате выяснения знаний детей о национальном составе человеческого сообщества, о знаний учащихся о многообразии культур разных народов, о личности С. Т. Аксакова и его произведений. При этом нас интересовала широта представлений школьников о разнонациональном окружении, соответствие знаний действительности и их полнота; опора на знания своей этнической культуры, а так же культуры другой этнической группы.

Для выявления эмоционального отношения к людям разных национальностей, их культуре и другим отличиям мы использовали наблюдение за учащимися во время урочной и внеурочной деятельности, а так же провели тест, разработанный на основе методики Б. И. Додонова «Шкала оценки значимости эмоций». Экспертные данные показывают, что у большинства детей эмоциональный компонент этнической толерантности относится к высокому и среднему уровням, что говорит о положительном отношении к представителям других культур, но все равно есть учащиеся, которые имеют негативное отношение к людям другой национальности.

Для выявления уровня сформированности деятельностного компонента этнической толерантности у школьников, использовались задания, в которых необходимо было решить проблемные ситуации. Цель: выявить особенности поведения ребенка, мотивы личных предпочтений в общении, в разнообразных жизненных ситуациях. Данные этого исследования говорят о том, что дети в целом умеют реализовать себя в этническом взаимодействии.

По итогам констатирующего эксперимента были сделаны выводы о том, что у большинства учащихся недостаточно сформировано отношение к людям другой национальности, ограничены знания о многообразии культур разных народов и своего в частности. Так же, следует отметить, что дети не знакомы с содержанием и техникой исследовательской работы. Хотя ознакомительные внеклассные мероприятия, проведенные в экспериментальном классе, выявили позитивную динамику формирования этнической толерантности, а так же возрос интерес учащихся к личности и к произведениям С. Т. Аксакова.

Вследствие чего, была разработана программа по литературному краеведению – аксаковедению, направленная на формирование этнической толерантности на произведениях С. Т. Аксакова в процессе исследовательской деятельности в начальных классах.

Программа предусматривает работу в следующих направлениях:

– развивать у ребенка интерес к творчеству С. Т. Аксакова – краеведа;

– развивать историческую память, естественную связь с опытом прошлого путем ознакомления с укладом жизни башкирского народа в частности (а в целом с культурой и жизнью народов многонационального Башкортостана);

– развивать воображение, культурно-ассоциативное мышление;

– расширять знания и представления о человеке и окружающем мире;

– стимулировать творческую активность учеников путем изучения родного края и произведений, наиболее ярко отражающих жизнь и культуру башкирского народа.

Программа направлена на возрождение башкирской традиции духовного осмысления мира и приобщение детей к истокам башкирской культуры. Она строится на рассмотрении конкретных деталей быта: именно такой подход, думается, лучше всего поможет детям этого возраста понять, что одухотворяет быт, как национально-башкирское своеобразие уклада жизни вливается в сокровищницу мировой культуры.

При реализации на практике было использовано много методов и приемов. Наиболее эффективными оказались: исследовательская и проектная работы, дидактические игры, экскурсии, наблюдения, инсценировки школьниками отрывков из произведений, устное изложение.

Всю систему работы по аксаковской тематике мы разработали и проводим в данном ключе. Мы считаем, что выбрали правильный путь, потому что результат этой работы – увлеченность детей, их желание больше узнать о быте и нравах башкирского народа, о самом С. Т Аксакове, его семье и творчестве.

Мы полагаем, что на уроках и внеурочных занятиях в условиях многонационального Башкортостана целесообразно использовать созданную нами методическую систему взаимосвязанного произведений русской и краеведческой литературы, которая органически вписывается в общую систему образования учащихся начальной школы и активно применяет роль национально-регионального компонента образования в формировании гражданина России.

Список использованных источников

1. Аксаков, С. Т. Собрание сочинений / Сергей Тимофеевич Аксаков; под ред. Горнфельда. – СПб: Типо-лит. Т-ва «Просвещение», 1999. – 447 с.
2. Тест-анкета «Эмоциональная направленность» (Б. И.Додонов) / Диагностика эмоционально-нравственного развития. Ред. и сост. И. Б. Дерманова. – СПб., 2002. – 140 с.

СЕКЦИЯ 4.
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ БАШКИРСКОЙ АССР В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (В КОНЦЕ 80-Х НАЧАЛЕ 90-Х ГГ. XX В.)

THE DEVELOPMENT OF THE CULTURAL LIFE OF THE BASHKIR ASSR IN THE PERESTROIKA YEARS (THE END OF 80-ES OF THE XX CENTURY – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)

А. А. Арсланбаева (УГАТУ, г. Уфа, Россия)
A. A. Arslanbaeva (The Ufa state aviation technical University, Ufa, Russia)

Аннотация. *На переломных моментах истории происходят заметные перемены не только в общественно-политической жизни, экономике страны, но и в сфере образования и культуры. Одним из таких этапов в истории страны являются годы, получившие название «перестройки», которые ознаменовались глубокими не всегда однозначными переменами общественно-политической и культурной жизни страны и ее регионов.*

Abstract. *At crucial moments in the history of undergoing profound change not only in political life, the economy, but also in the sphere of education and culture.One of these stages in the history of the country years are called «perestroika», which was marked by a deep not always unambiguous change of socio-political and cultural life of the country and its regions. At crucial moments in the history of undergoing profound change not only in political life, the economy, but also in the sphere of education and culture.*

Ключевые слова: *образование, средство массовой информации, телевидение, периодическое издание, население, культурно-просветительные учреждения, культурная жизнь.*

Keywords: *education, mass media, television, periodical, population, cultural institutions, cultural life.*

Начавшийся в середине 1980-х гг. процесс перестройки и обновления положил начало изменению социально-экономических условий для развития многонациональной культуры Башкирской АССР. Декларация о государственном суверенитете Республики Башкортостан и ее практическая реализация открыли новый этап в национально-культурном развитии всех народов республики. Происходила переоценка многих сложившихся идеологических стереотипов в их истории, духовной культуре.

Из многих аспектов культуры в годы перестройки резко возросли роль и значение таких ее составных частей, как образовательные учреждения, СМИ и культурно-

просветительные учреждения в городской и сельской местностях. В данной статье была сделана попытка изучения данных направлений.

Башкирская АССР располагала сетью высших учебных заведений, готовивших профессионалов высокого уровня, внесших заметный вклад в развитие Башкирской АССР в исследуемый период. Большая работа по подготовке кадров для базовых отраслей промышленности и народного хозяйства республики велась в Уфимском государственном авиационном институте, Уфимском нефтяном институте, Башкирском сельскохозяйственном и Башкирском государственном медицинском институтах.

Одной из особенностей функционирования крупных технических вузов явилась передача части полномочий по подготовке инженерно-технических кадров в филиалы, образованные в новых центрах машиностроения, нефтедобычи и нефтехимии. Такая внутривузовская специализация и кооперирование усилий различных учебных и научно-технических структур наиболее активно учитывали региональные особенности в подготовке инженерно-технических кадров и старались приблизить учебный процесс к реальным потребностям производства. Все это наглядно видно на примере Салаватского филиала Уфимского государственного нефтяного института, Белорецкого вечернего факультета Магнитогорского горно-металлургического института им. Г. И. Носова и т. д.[1].

В работе вузов имелись определенные проблемы и в формировании контингента студентов. Так, некоторые учебных заведений практически не могли набрать необходимое количество студентов. Причинами недобора абитуриентов являлись, прежде всего, невостребованность специальностей и отсутствие жилья для иногородних, а также слабая профориентационная работа среди старшеклассников[2].

Система высшего образования, помимо проблем, общих для всей системы народного просвещения, столкнулась с проблемой дефицита преподавателей, многие из которых уходили из вузов в коммерческие фирмы или уезжали за границу.

Имелись трудности в подборе преподавателей, работающих на условиях почасовой оплаты труда. К чтению теоретических курсов принимались преподаватели средних специальных учебных заведений. В ряде случаев некоторые из них не имели соответствующего образования. Также недостаточно уделялось внимание изучению опыта других вузов и внедрению в учебный процесс современных, активных методов и технических средств обучения.

В середине 80-х – начале 90-х гг. XX в. культурная жизнь Башкирской АССР значительно изменилась под воздействием общественных перемен. Одну из ведущих ролей в развитии республики сыграли средства массовой информации, в том числе ставшие более доступными жителям провинции региональные, выступающие одновременно и как часть культуры, и как ретрансляторы культурных ценностей.

В годы перестройки в республике наиболее развивающимся являлся газетный рынок. Чтобы сохранить информационное поле республики, были выделены государственные инвестиции для внедрения новых технологий в издательстве «Башкортостан», которые позволили печатать многостраничные и многотиражные газеты в цветном исполнении.

---

[1] ГАРФ Ф. Р-9606. Оп. 3. Д. 1021. Л. 3; Ф. Р-9606. Оп. 3. Д. 1022. Л. 8.
[2] ГАРФ Ф. Р-9606. Оп. 3. Д. 1021. Л. 30.

Средства массовой информации, особенно телевидение, которому принадлежала значительная роль в проведении досуга, оказали сильное воздействие на процесс культурного развития. В 1990-е гг. жители Республики Башкортостан предпочитали смотреть дни народного творчества, праздники, обряды, концерты, спектакли на экране телевизора. Наряду с освещением событий культурной жизни, средства массовой информации республики во многом способствовали усилению позиций западной массовой культуры в российском обществе, которые не способствовали раскрытию творческого потенциала народа, формировали потребительское отношение к культуре и были ориентированы на невзыскательные вкусы.

В республике клубные учреждения являлись и являются самой массовой сетевой единицей отрасли культуры. Особенностью Башкирской АССР являлось то, что удалось не только сохранить сеть государственных клубных учреждений, но и увеличить ее. Они составляли 96% от клубных учреждений всех ведомств. В республике, по сравнению с другими регионами, имелась самая высокая доля сельских клубов. Для культурного обслуживания отдаленных сел были сохранены автоклубы. Однако на протяжении всего изучаемого периода сохранялась низкая заработная плата творческих работников, падал престиж их профессий, быстрыми темпами сокращалась посещаемость большинства учреждений культуры и искусства, которые не смогли найти решения своих проблем. Попытки внедрения «новой системы хозяйствования» в учреждения культуры не имели значительных результатов. В соответствии с требованиями наступающего рынка учреждения культуры и искусства вынуждены были расширить перечень представляемых населению платных услуг, увеличивать цены на билеты в кино, концертные залы, театры, но безрезультатно.

Несмотря на положительную, в отличие от большинства регионов, динамику в обеспеченности населения клубными учреждениями, оставалась проблема недостаточного развития клубной сети в отношении многих сел[1].

Широкомасштабный перевод учреждений культуры на самофинансирование привел к снижению заработной платы, неустойчивости ситуации, понижению социального статуса, что способствовало массовому оттоку квалифицированных кадров из учреждений культуры, в первую очередь, сельских**.**

В целом культурные последствия перестройки неоднозначны. Наряду с несомненным положительным эффектом, который принесла демократизация (обретение наследия писателей, художников и музыкантов, творчество которых замалчивалось, общее оживление культурной жизни), нельзя не заметить и отрицательные последствия не вполне продуманных реформ (углубление кризиса в системе образования, проблема кадровой политики, жилищных условий и т. д.).

Список использованных источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-9606. Оп. 3. Д. 1021. Л. 3, 30.
2. ГАРФ Ф. Р-9606. Оп. 3. Д. 1022. Л. 8.
3. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ) Ф. Р-933, Оп. 12. Д. 2401. Л. 48.

[1] ЦИА РБ Ф. Р-933, Оп. 12. Д. 2401. Л. 48.

РАЗВИТИЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ЭТНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА БАШКОРТОСТАНА В КОНЦЕ 1980-х – 2000-е гг.

THE DEVELOPMENT OF AMATEUR ETHNIC ART OF BASHKORTOSTAN IN THE LATE 1980S – 2000S.

С. А. Бадретдинова (СФ БашГУ, г. Стерлитамак, Россия)
S. A. Badretdinova (Sterlitamak branch of Bashkir State University, Sterlitamak, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена анализу жанров и форм самодеятельного этнического творчества Башкортостана в их развитии в конце 1980-х – 2000-е годы. Рассматривается роль самодеятельного творчества в сохранении традиционной культуры народов республики, укреплении межнационального согласия.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of genres and forms of Amateur ethnic art of Bashkortostan in their development in the late 1980s – 2000-ies. Examines the role of Amateur creativity in the preservation of the traditional culture of the peoples of the Republic, strengthening of interethnic consent.*

Ключевые слова: *самодеятельное творчество, культурная политика, этническая культура, национально-культурные центры, фольклор.*

Keywords: *Amateur creativity, cultural politics, ethnic culture, national-cultural centers, folklore.*

В связи с демократическими переменами периода «перестройки» вопросы сохранения этнокультурного разнообразия приобрели особую значимость. Признаком этого явления стало образование с конца 1980-х годов в Башкирии национально-культурных объединений, клубов национальных культур. Так, в мае 1989 г. учреждено Общество любителей башкирской культуры. На его основе в августе был образован Башкирский народный центр «Урал». Возникли также клубы национальных культур: русский, татарский, чувашский, марийский, украинский, немецкий, еврейский. По их инициативе в этом же году в Уфе был образован Центр национальных культур «Дружба» в целях объединения усилий национальных движений в решении культурно-языковых проблем населения, предупреждения напряженности в межэтнических отношениях. Впервые о данных проблемах заговорили открыто.

Подъем этнического самосознания, проявившийся в конце 1980-х, способствовал повышенному интересу к народной художественной культуре. В самодеятельном народном творчестве явно стала прослеживаться этнокультурная направленность. Разумеется, мероприятия, имеющие национальную окраску, организовывались и в доперестроечные годы. К ним можно отнести такие массовые театрализованные представления, как «Каз омэхе» (Праздник гуся), «Тальян гармун», «Проводы русской зимы», а также «Сабантуй». Однако они были единичными, да и проводились клубными работниками под контролем партии. В целом же, в то время господствовала тенденция всеобщей унификации в отношении этнических культур.

К концу 1980-х годов на фоне общей отрицательной динамики развития клубных формирований художественной самодеятельности все больше стало появляться в периодической печати информации о новых национальных праздниках, новых фольклорных коллективах. Большую популярность, например, имел в Уфе клуб любителей рус-

ской песни при ДК им. Калинина. Благодаря ему в стенах данного учреждения часто организовывались праздники русской песни, на которые приглашались самодеятельные коллективы г. Стерлитамака: народный хор русской песни ДК Химиков (в 1990 г., например, он представил на суд зрителей фольклорные песни, записанные в Благоварском районе), мужской вокальный ансамбль (особенно эмоционально в его исполнении звучали сельские припевки и частушки) и народный хор русской песни клуба завода строительных машин [9].

Возрождались народное празднество «Науруз», славянский праздник «Красная горка». Фольклорными любительскими объединениями стали проводиться такие мероприятия, как «Башкирские гостиницы», «Русские посиделки», «Украинские завалинки», чувашские, татарские молодежные вечера отдыха и т. п.

Стали появляться и народные праздники со статусом «республиканские». Неоценимый вклад в их организацию внесли национально-культурные объединения. Так, с 1989 г. берет свое начало Республиканский праздник русской песни и частушки, проводившийся в Белокатайском районе. Заслуженному деятелю искусства Башкортостана Фатыху Иксакову принадлежала идея создания Республиканского праздника гармони. Множество писем, которые он получал от любителей тальянки, подвигли его на проведение фестиваля «Играй, гармонь!» в 1985 году. Кстати, он стал импульсом к созданию одноименной популярной телепрограммы известного гармониста Геннадия Заволокина. В начале 2000-х годов этот праздник возродился и традиционно проходил на янаульской земле [4, с. 2].

Создание условий для развития этнокультур стало важнейшим направлением и постсоветской культурной политики. Об этом свидетельствует, в частности, появление новых национально-культурных центров. Свою деятельность они осуществляли в тесной связи с Домом дружбы народов Республики Башкортостан, образованным в 1995 году. Данное учреждение культуры клубного типа стало координирующим центром в работе всех национально-культурных объединений, зарегистрированных в республике. В настоящий момент в Доме дружбы функционируют 16 историко-культурных центров и 38 национально-культурных центров дружбы народов Республики Башкортостан [11]. Каждый год на их базе проводятся различные культурно-массовые мероприятия, направленные на сохранение и развитие национально-культурного наследия народов, языка и традиций.

В 1990-е гг. совместно с национально-культурными центрами начали проводиться Дни польской, немецкой, еврейской культур. В Мелеузовском районе стали ежегодно организовать фестивали национальных культур, где каждой культуре отводился отдельный день. В Архангельском районе, кроме традиционных праздников башкирской, русской, татарской культуры, проводились праздник белорусской культуры Ивана Купалы и латышский праздник «Лиго», который с 1998 г. прошел как республиканский с участием Латвийской республики [6].

Большую роль национально-культурные и историко-культурные центры сыграли и в организации *фестивалей*, которые стали ярким событием культурной жизни республики постсоветского периода. Необходимо отметить, что в 1990-е годы фестивали охватывали практически все регионы страны. Министерство культуры РФ утвердило перспективный план их организации, определяющий статус, периодичность проведения. Целями их провозглашались стимулирование народного творчества, вовлечение новых слоев населения в художественно-творческую деятельность [7, с. 130].

Несмотря на трудности, связанные с финансированием, самодеятельные коллективы клубных учреждений РБ активно участвовали как в республиканских, так и во всероссийских мероприятиях. В Башкортостане организовывались и фестивали международного масштаба. В большинстве своем они относились к вокальному жанру и были направлены на развитие национальных культур. Это, прежде всего, проводившийся с 1990 г. Международный фестиваль исполнителей башкирской и татарской песни «Дуслык моно» – единственный в регионе Поволжья и Урала фестиваль башкиро-татарского музыкального искусства. Ежегодно на него съезжались молодые исполнители из многих районов Башкортостана, Татарстана, гг. Москвы, Нижневартовска, Екатеринбурга, Златоуста, зарубежных стран – Турции, Финляндии, Австрии.

Крупные массовые мероприятия организовывались не только для творческих объединений, представляющих численно преобладающие в республике нации (русских, башкир и татар), но и другие. Так, с 1991 г. в Мишкинском районе начал проводиться Международный фестиваль культуры и искусств финно-угорских народов «Самоцветы Прикамья». В 1996 г. эстафету его проведения подхватил г. Нефтекамск – центр региона с компактным проживанием марийцев. Здесь это мероприятие стало очень популярным. В нем стремились принять участие финно-угорские коллективы различных жанров самодеятельного творчества северо-западного региона Башкортостана, а также республик и областей, населенных финно-угорскими народами [6].

С 1992 г. ежегодно Уфа стала собирать талантливых исполнителей эстрадной песни из тюркских стран, тюркских республик России на конкурс-фестиваль «Урал моно». В эти дни столица РБ становилась центром единения тюркской молодежи. Цель «Урал моно» – пропаганда современного национального музыкального творчества, сохранение традиций тюркских народов, развитие культурных связей между ними.

В г. Уфе стал проводиться с 1994 г. и другой молодежный фестиваль – «Йешлек шоу». В его основе лежали смешанные башкиро-татарские вокальные и инструментальные жанры. В этом республиканском конкурсе принимали участие эстрадные коллективы и солисты-вокалисты, работавшие в разных стилях музыки, в возрасте от 16 до 35 лет.

С 1995 г. берет свое начало Республиканский конкурс чувашской песни «Шапчак сасси», с 1996 г. – Республиканский конкурс молодых исполнителей татарской песни «Туган тел». Появились во второй половине 1990-х годов и новые конкурсы, посвященные башкирской песне: Межрегиональный фестиваль башкирской песни «Уралым», Региональный конкурс башкирской протяжной песни «Озон кюй», Республиканский конкурс исполнителей башкирской песни «Ирендек мондары» [6].

Среди крупных мероприятий в сфере инструментального жанра следует выделить Республиканский праздник курая (1999 г.), в котором особое место занял конкурс кураистов, кубызистов, думбыристов и исполнителей узляу [5, 1999 г.]. Проведение I съезда кураистов РБ и создание союза кураистов республики в рамках этого мероприятия дало возможность объединению профессиональных и самодеятельных музыкантов, способствовало сплочению любителей этого древнего национального инструмента башкир. Праздник курая проводится до сих пор в целях сохранения и дальнейшего развития исполнительских традиций на башкирских народных инструментах, выявления талантливых исполнителей, приобщения молодежи к башкирскому инструментальному фольклору.

В 2000-е годы национально-культурная политика была еще более активизирована. Этому способствовало реализация Государственной программы «Башкиры

Российской Федерации», Республиканской программы «Народы Башкортостана», «Программы по изучению, возрождению и развитию фольклора народов Башкортостана», а также комплексных программ по развитию культуры и искусства Башкортостана, где проблемам сохранения и развития национальных культур уделялось особое внимание.

Стали проводиться новые национальные праздники: праздники русской культуры в Уфимском районе, культуры народа кряшен в Бакалинском районе, чувашского творчества «Акатуй» в Бижбулякском районе, мордовского творчества в Кармаскалинском районе, украинского творчества «Ой радуйся, земле» в Чишминском районе, Латышский праздник Лиго в Архангельском районе; Дни удмуртской культуры и искусства РБ в Татышлинском районе, латышской – в Архангельском районе, белорусской – в Иглинском районе, польской – в г. Уфе, марийской – в Мишкинском районе и др. [5, 2002–2005 гг.]

Следует отметить, что фестивали, конкурсы, смотры народного творчества предыдущих лет не стали мероприятиями-однодневками, а прочно вошли в традицию. С помощью РЦНТ в начале 2000-х годов удалось обеспечить координацию работы по упорядочению их проведения. Данные мероприятия стали иметь места «постоянной прописки». В большинстве из них с каждым годом наблюдался рост уровня исполнительского мастерства, расширялась география участников, что способствовало повышению их статуса. Так, в 2000-е годы такие республиканские мероприятия, как конкурс исполнителей чувашской эстрадной песни «Шапчак сасси», конкурс красоты «Науруз гузале», праздник Курая, молодежный сабантуй, праздник русской песни и частушки, стали межрегиональными, праздник национальной культуры кряшен – республиканским. С 2001 г. Международный конкурс-фестиваль музыкального творчества тюркской молодежи «Урал моно» стал проводиться под эгидой Международной организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства «ТЮРКСОЙ» [5, 2000–2002 гг.] .

Помимо ставших традиционными мероприятий предыдущих лет, в начале 2000-х гг. появилось много новых крупномасштабных фестивалей и конкурсов самодеятельного творчества. Среди них следует выделить фестиваль-эстафету народного творчества «Здравствуй, XXI век!», который проводился с участием всех городов и районов в течение 2001 года. В 2002 г. ярким событием в культурной жизни РБ стал Республиканский фестиваль народного творчества «Самоцветы Башкортостана», целью которого являлись популяризация и развитие самобытной музыкально-песенной, танцевальной, празднично-обрядовой культуры, декоративно-прикладного искусства народов Башкортостана. Он проводился во всех городах и районах в форме праздников национальных культур с организацией выставок декоративно-прикладного искусства и народных ремесел [5, за 2002]. Фестиваль продемонстрировал возрастающий интерес населения к самодеятельному творчеству как наиболее доступной возможности найти применение своим способностям, удовлетворению духовных запросов, что особенно было важно на селе, где нет профессиональных театров и филармоний.

В этом же году в г. Белорецке был организован I Республиканский фестиваль-конкурс хоров, хоровых и вокальных ансамблей «Звезды Белоречья». Место для проведения одного из самых зрелищных конкурсов выбрали не случайно. Белорецкий район всегда славился хоровыми коллективами, многие из которых вели свое начало с 20-х годов прошлого столетия. Среди них и знаменитые кагинские хоры [3, с. 5].

Вокальный жанр получил развитие и в другом мероприятии 2002-го года – Республиканском конкурсе-фестивале колыбельной песни «Бишек йыры», организованном по инициативе Исполкома Всемирного курултая башкир. Главная его задача – повышение интереса молодежи к истокам народной культуры, возрождение традиций исполнения колыбельной песни. В конкурсе участвовали не только самодеятельные, но и профессиональные коллективы без ограничения возраста, рода занятий, представители различных национальностей. Интересно, что в отличие от профессиональных исполнителей самодеятельные артисты сумели продемонстрировать, по мнению жюри, более высокий уровень исполнения и сценической культуры [5, 2002 г.].

Деятельность по сохранению фольклора была сопряжена с развитием системы стимулирования у молодежи желания перенимать опыт народных мастеров фольклора. Этому во многом способствовало новое культурно-массовое мероприятие – Республиканский фестиваль фольклора «Тере шишмэлер – Живые родники», объединивший в г. Кумертау представителей различных национальностей.

Проведенный в 2003 г. в г. Баймаке Международный конкурс сэсэнов в какой-то мере способствовал развитию древнего сказительского искусства и возрождению традиции словесно-песенного состязания (айтыш). Однако устно-поэтический фольклор распространен только в нескольких районах республики (в Абзелиловском, Баймакском, Зилаирском, Хайбуллинском) [5, 2003 г.], где проживало преимущественно башкирское население.

Следует отметить, что с 2003 г. развитие фольклорного творчества в республике особенно активизировалось. С этого года началась реализация «Программы по изучению, возрождению и развитию фольклора народов Республики Башкортостан».

К сожалению, до 2000-х годов не велась статистика фольклорных коллективов и их участников. Статические показатели же начала XXI в. характеризуют возрастающий интерес населения к данному жанру самодеятельного творчества. Если в 2001 г. в клубных учреждениях Министерства культуры насчитывалось 1876 фольклорных коллективов, то в 2012 г. – 2406 [10]. Они создавались, как правило, в местах компактного проживания определенных этнических групп населения.

Анализ отчетов РЦНТ и Министерства культуры и национальной политики РБ, проводимые в начале 2000-х годов, позволил выявить неравномерность развития фольклорного творчества по районам республики. Наибольшее количество объединений данного жанра насчитывалось преимущественно в восточных, южных и центральных регионах Башкортостана. Не было народных фольклорных коллективов в Аскинском, Кигинском, Миякинском, Салаватском, Туймазинском районах, гг. Агидели, Благовещенске, Дюртюли, т. е. преимущественно в северных и западных регионах.

Выявилась и видовая, этническая специфика фольклорного творчества отдельных районов. Так, хорошо сохранились традиции обрядово-игрового и песенного чувашского фольклора в Аургазинском, Бижбулякском, Куюргазинском районах; башкирского – в Абзелиловском, Альшеевском, Баймакском, Бурзянском, Белорецком, Давлекановском, Зианчуринском, Зилаирском, Хайбуллинском, Учалинском районах. Русские песенные традиции широко бытовали в Архангельском, Белокатайском, Дуванском районах, гг. Уфе, Салавате, Октябрьском. Инструментальный и песенный фольклор марийцев более всего распространен в Мишкинском, Нуримановском, Караидельском, Бирском, Краснокамском, Илишеском районах. Мордов-

ский фольклор развивался в Федоровском, Ермекеевском, Дуванском, Стерлитамакском районах; удмуртский – в Балтачевском, Калтасинском, Татышлинском, ульском; украинский – в Чишминском; немецкий – в Благоварском; кряшенский – в Бакалинском; татарский – в Буздякском; Кушнаренковском; Чекмагушевском; Чишминском [5, 2002–2004].

Развитию фольклора, несомненно, способствовал Международный фестиваль национальных культур «Бердэмлек» («Содружество»), который берет свое начало с 2003 года. Одной из его задач было развитие культурных связей между народами Башкортостана, России и стран ближнего и дальнего зарубежья. В рамках данного мероприятия прошли IV Международный фестиваль культуры и искусства финно-угорских народов «Самоцветы Прикамья» в г. Нефтекамске, Республиканский праздник Курая в г. Октябрьском, праздник славянской культуры «Бирские потехи» в г. Бирске, Всероссийская Фольклориада в г. Уфе, праздник Тальянки «Монга бай гармун байрамы» в г. Янауле [8, с. 21]. Организовывалась серия круглых столов с участием руководителей национально-культурных центров, представителей самодеятельных коллективов, общественности и государственных органов. География участников «Содружества» с годами расширялась. В 2013 г., например, в нем приняли участие коллективы и солисты из Индии, Турции, Нигерии, Чад, Латвии, Польши, Китая, Кыргызстана, Казахстана, Северной Осетии [5, 2013 г.]. Фестивали подобного уровня, безусловно, способствовали повышению авторитета РБ во всероссийском и международном масштабе, укреплению межнационального согласия, интереса населения к народному творчеству.

Как уже отмечалось, значительную роль в организации фестивалей, праздников, выставок играл Республиканский центр народного творчества, с его филиалами в Нефтекамске, Кумертау и Белебее. Многонациональный состав республики ставил перед ним задачу исследования, поддержки и развития традиционной культуры всех народов Башкортостана. Помимо развития фольклорного творчества, не менее важным направлением деятельности РЦНТ являлось возрождение и развитие народных промыслов и ремесел. Интерес к ним стал активно проявляться в 1990-е годы. Однако в работе по возрождению народных промыслов и ремесел имелись и серьезные проблемы. Самые главные из них: отсутствие системы обучения традиционным видам народных ремесел, особенно ковроткачеству, войлоку, теснению по коже; недостаточное развитие материальной базы клубных учреждений для создания домов ремесел, домов мастера; отсутствие льготных условий налогообложения клубных учреждений. В результате, многие виды традиционного декоративно-прикладного искусства (например, пуховязальное, ковроделие, резьба по дереву) развивались как «домашние» виды ремесел, при которых передача опыта, традиций мастерства происходила «из рук в руки», от родителей к детям [2].

Большую роль в решении вышеперечисленных проблем сыграло принятие в 1999 г. закона РБ «О народных художественных промыслах». В целях развития данного направления народного творчества в галерее народного искусства «Урал» РЦНТ ежегодно проводятся более 20 различных выставок, организуются выездные выставки и семинары, организуются различные праздники фестивали, в т. ч. межрегионального и республиканского уровня (Межрегиональный фестиваль башкирского паласа, Республиканский конкурс по войлоку «Тамга», Республиканский фестиваль лоскутного шитья «Корама-туй», Республиканский фестиваль башкирской шали). Активно участвуют

клубы народных ремесел и в мероприятиях всероссийского уровня, проводимых за пределами Башкирии [5, 1999–2013 гг.].

Подводя итоги, следует отметить, что самодеятельное этническое творчество обладает широким спектром возможностей в области возрождения и развития этнокультурных ценностей, интеграции этносов в российское и мировое социально-культурное пространство, сохраняя при этом собственное национальное своеобразие. По мнению О. И. Бычковой и Н. А. Костиной, «реализуя свободный выбор участников самодеятельности в соответствии с их склонностями и интересами, гармоничное включение личности в уникальную систему этнокультурного наследия, самодеятельное творчество позволяет его участникам плавно перейти от восприятия культуры собственного народа к культуре соседних народов, а затем – к пониманию мировой культуры». Таким образом, и для Российской Федерации, как многонационального государства, и для Республики Башкортостан, объединяющей в себе более ста этносов, самодеятельное этническое творчество во всем его многообразии играет важную роль в укреплении межнационального мира и согласия.

Список использованных источников

1. Бычкова О. И., Костина Н. А. Самодеятельные этноколлективы как форма развития поликультурного образования и воспитания // Аналитика культурологии. – 2013. – № 27. – С. 121–124.
2. Выступление заместителя Премьер-министра, Министра культуры и национальной политики РБ Х. Х. Ишмуратова на заседании коллегии по вопросу «Состояние клубных учреждений Республики Башкортостан, основные задачи по их дальнейшему развитию и пути их решения» (февраль 2002 г.) // Текущий архив Министерства культуры и национальной политики РБ за 2002 г.
3. «Звезды Белоречья». Республиканский фестиваль хоров, хоровых и вокальных ансамблей / Министерство культуры и национальной политики РБ, Республиканский центр народного творчества, Администрация муниципального района Белореций район. – Уфа, 2008. – 17 с.
4. Зиновьева А. «Бердэмлек» – знамя дружбы // Рампа. – 2005. – № 7–8 (41–42). – С. 2–3.
5. Информационные отчеты о деятельности РЦНТ за 1999–2013 гг. // Сайт Республиканского центра народного творчества Республики Башкортостан // http://rcntrb.ru/page/3
6. Информация о развитии народного творчества за период с 1995 по 2002 гг. // Текущий архив Министерства культуры и национальной политики РБ за 2002 год.
7. Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему. – М.: Либерия, 1998. – 296 с.
8. Министерство культуры и национальной политики. Единство многообразия. – Уфа, 2003.
9. Мирхадиева Л. С любовью к народной музыке // Советская Башкирия. – 1990. – 10 июня.
10. Народное творчество и досуговая деятельность Республики Башкортостан. 2012 г. // Сайт Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры Российской Федерации // http://www.givc.ru/projects/passportculturalregions/443/item4154/
11. Сайт Дома дружбы народов Республики Башкортостан // http://ddnrb.ru

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА В ФОРМИРОВАНИИ СЦЕНИЧЕСКОЙ ХОРЕОГРАФИИ

THE ROLE AND IMPORTANCE OF FOLKLORE IN THE FORMATION STAGE CHOREOGRAPHY

Е. Л. Вишнякова (МГУ им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия)
E. L. Vishnyakova (Mordovian state university. N. P. Ogarev, Saransk, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена проблеме сохранения аутентичного фольклора, сценическим формам народной танцевальной традиции.*

Abstract. *The article is devoted to the problem of preservation of authentic folklore, stage forms of folk dance traditions.*

Ключевые слова: *фольклор, традиция, танец, хореография, искусство.*
Keywords: *folklore, tradition, dance, choreography, art.*

Отражая жизненный опыт народа, творчески обобщая и осмысливая его, фольклор является ярким выражением художественно-исторической памяти, важным фактором социальной экологии и в этом качестве может способствовать культурному «выживанию» человека. Усиливается значение фольклора в наши дни и для хореографического искусства, не только как арсенала выразительных средств, но и как своеобразного источника фантазии хореографов.

Таким образом, сохранение богатств и традиций танцевального фольклора, ограниченное включение их в современную хореографическую культуру является важнейшей практической и теоретической задачей для всех работающих в этой сфере: фольклористов, балетмейстеров, искусствоведов.

В развитии сценического искусства ведущую роль играет фольклорная традиция, а не сам образец фольклорного танца. Знание ее основных черт, понимание гармонии художественного образа, которая создавалась многими поколениями одаренных творцов, может способствовать рождению нового образца, который сохранит подлинную традицию.

Аутентичный фольклор в переводе означает действенный, подлинный, соответствующий подлиннику. Информация, полученная от непосредственных носителей народной культуры, как правило, людей пожилого возраста, на быт и культуру которых не повлияла инородная среда, веяния профессионального искусства.

Фольклор в буквальном переводе означает понятие «Народная мудрость», трактуется в науке многозначно, в том числе и как «устное народное творчество» [2, с. 7]. Фольклор – это еще и народное творчество, совокупность народных обрядовых действий.

К фольклору, в частности и танцевальному нужно относиться бережно хотя бы уже потому, что это – творческое наследие поколений целого народа. При отношении к танцу можно перенять лишь внешний рисунок и абсолютно невозможно постичь внутреннюю жизнь людей.

В основе понятия фольклорный танец заложено значение народного творчества что, казалось бы, исчерпывает и само понятие народный танец. Исходя из этого, необходимо дать конкретное определение народного танца, чтобы развести эти два понятия.

Народный танец – один из древнейших видов народного искусства. Он складывался и развивался под влиянием географических, исторических и социальных условий жизни народа, где конкретно выражает стиль и манеру исполнения каждого народа и неразрывно связан с другими видами искусства, главным образом с музыкой. Народный танец – неотъемлемая часть народных обрядов и празднеств. Постепенно, отходя от обрядовых действий, народные танцы наполнялись новым содержанием, выражавшим новые особенности быта. Народный танец – это результат коллективного творчества. Переходя от исполнителя к исполнителю, из поколения в поколение, из одной местности в другую, он обогащался, достигая в ряде случаев высокого художественного уровня, виртуозной техники. У каждого народа сложились свои танцевальные традиции, пластичный язык, особая координация движений, приемы соотношения движений с музыкой.

Собственно, фольклорный танец исполняется в быту, т. е. в некой жизненной ситуации. Поводом для танца мог быть любой обряд – трудовой, семейный, календарный или народные посиделки – вечерки, гулянья, устраиваемые на улице, на поляне, в лесу, в чьей-либо избе. В сценической практике танец может существовать в форме народного танца или танца с народной первоосновой.

Фольклорный образ танца бытует очень локально, как во времени, так и в пространстве. На большей территории можно найти варианты такого танца и чем больше расширяются эти пространства (временные и территориальные), тем более размытыми окажутся и порядок, и образ обычного обрядового действия. А затем и вообще исчезнут эти черты, уступив место другим, в чем-то напоминающем образец, перекликающимся с ним, но впитавшим новый порядок, правила, обычаи. Определить те, наиболее устойчивые черты, которые и сохраняют данный фольклорный образец в пространстве, не разрушая его, а прочитывая как варианты – задача фольклористов.

Фольклорный образец, или аутентичный фольклор, как всякое произведение подлинного искусства многослоен по своей структуре,

он содержит в себе как бы пучок возможностей для различных прочтений и трактовок, поэтому каждая из хореографических интерпретаций его разными балетмейстерами не будет повторяться.

Выходя на сцену фольклор, начинает подчиняться ее законам и переходит в ведение искусствознания. Фольклорный материал рассматривается в многообразии его связей с географическими, историческими, социальными условиями бытования в единстве пластического, музыкального, вокального и игрового начала, в живом функционировании в быту. Основной принцип классификации фольклорных образцов – структурный, который является по сравнению с другими наиболее универсальным, ибо в структуре танца, в его формосодержании отражается множество факторов, связанных с жизнью народа, от его мироощущения, идеалов, связей и функций самой хореографии. Анализ структуры танца позволяет заметить, что он слагается из некоего количества пластических элементов.

Следовательно, структурный принцип систематизации образов танцевального фольклора оказывается и конкретно-историческим, поскольку в структуре фольклорных произведений нашли отражение многие факторы действительности, «отпечаталась» там, и социально-бытовая функция танца. Так прикладная роль хореографии, включенность в обряд лишала танец самостоятельности и законченности, уменьшала возможности для импровизации участников, регламентировала лексику. Изменения в танцевальном искусстве произошли, естественно и тогда, когда он утратил свой при-

кладной характер и из средства превратился в цель, т. е. обрел самостоятельную художественную, эстетическую ценность. Но и здесь его структура во многом зависела от социально-бытовой функции. Исполнение танца крестьянами на деревенских вечеринках обуславливало естественную и живую лексику, нередко круговую пространственную композицию, общий для всех рисунок. Расчет же на вкусы аристократов делал танец более сдержанным и церемонным, демократический круг, в котором все равны уступая место построению в колонну, где в первых рядах шли самые знатные аристократы.

Кроме того, структурный анализ оказывается необходимым и при современной интерпретации фольклора. Создание сценического произведения на основе фольклора часто является как бы второй ступенью, последующей после анализа структуры первоисточника и представляет собой действие, как бы обратное работе по дифференциации.

Нынешняя жизнь фольклорных традиций действительно в значительной мере связана со сценической площадкой, с практикой этнографических, фольклорных коллективов.

Современная сценическая хореография может приобрести и сохранить свое лицо лишь при фундаментальной опоре на танцевальный фольклор, и что основной формой работы с ним в коллективах должна быть трансформация. Сценическая хореография способна вобрать в себя те фольклорные пласты и элементы, которые были не освоены ранее, и одновременно, те, которые, при переносе на сцену требуют совершенно иного подхода и нетрадиционных методов интерпретации. Для того чтобы фольклор стал живой и органичной частью нашей духовной жизни, многое уже сделано, но многое еще остается неизвестным. Доктор искусствоведения А. Г. Бурнаев пишет: «Мы не можем отметить естественную смену форм пластического мышления народа, но может, дав традиционным формам иное бытование, сохранить их как элемент национальной культуры. Дальнейшая судьба многих старинных танцев связана с деятельностью этнографических, фольклорных, самодеятельных или профессиональных коллективов» [1, с. 32]. Продукты их деятельности не являются фольклором, но это способ сохранения фольклорной традиции.

Ныне известны две формы существования хореографических фольклорных традиций: в их собственной естественной среде и в сценическом искусстве. Для полноценного функционирования фольклорной традиции в естественной среде необходимо существование адекватной или бытовой сферы художественной деятельности. Условия же жизни и быта крестьянства, основного носителя этих традиций, начали меняться давно. Уже в XIX веке в традиционном пласте естественно начались процессы энтропии (от греч. «превращение») – старинные танцы стали уходить из быта, вытесняться новыми. Причиной ухода этого пласта явилось несоответствие его образного строя художественному созданию общества, изменившемуся под влиянием многочисленных экономических, социальных, культурных факторов.

Хореографический фольклор еще жив, а подчас и чрезвычайно ярок, но условия для полноценного репродуктирования и функционирования фольклорной традиции в естественных условиях во многом уже исчезли. К тому же фольклор является далеко не единственной формой удовлетворения эстетических и творческих потребностей народа.

Танцевальные коллективы своей творческой деятельностью претворяют народное танцевальное искусство в жизнь. Их практическая деятельность отличается друг от друга, как способами интерпретации фольклорной традиции, так и некото-

рыми другими параметрами, решая тем самым задачи сохранения и развития фольклорных традиций.

Традиции удается возродить там, где их понимают не как простое повторение прошлого, а как развитие, обогащение, наполнение новым смыслом. В этом плане по всей России накапливается плодотворный опыт проведения таких традиционных народных календарных и семейных праздников, как зимняя Масленица, летний праздник Ивана Купалы, осенний сбор урожая и ярмарка, свадьба и т. д. В этих праздниках, старые традиции переплетаются с новым, широкое и инициативное участие принимает молодежь, трансформируются древние ритуалы, перерождаясь в нынешние обычаи.

В практике народно-сценической хореографии отчетливо проявляются отрицательные, негативные тенденции, отрыв от традиций, их забвение. Нередко первоисточником для сценического произведения ныне служит не фольклорный оригинал, а постановка, созданная балетмейстером.

Некоторые коллективы пошли по более легкому пути и занялись заимствованием произведений, созданных профессионалами, упрощая, приспосабливая их для иных исполнительских возможностей. На сцене получили распространение «вторичные» и «третичные» танцевальные формы, в которых утрачивалась самобытность, оригинальность фольклорного первоисточника, а демонстрировались лишь приемы его обработки. Сложившийся стереотип приемов художественной трансформации фольклора, от обработки до стилизации, неоднократная повторяемость ходов, композиционных построений, рисунков, лексики, трюков, делали похожими друг на друга не только танцы одного народа, но порой и танцы разных национальностей.

Крайности в претворении на практике идеи трансформации фольклора на сцене вызывают тревогу за судьбу как народно-сценической хореографии, так и фольклорной традиции.

Для устранения негативных явлений в качестве важнейшей и первоочередной задачи встает проблема укрепления и расширения связей сценического танца с фольклорными первоисточниками, проблема изучения всего арсенала средств танцевального творчества.

Мастера профессионального искусства собирают, изучают народное творчество, обрабатывают его для показа на сцене. А затем эти танцы подхватываются художественными коллективами, возвращаясь обратно к народу. Возрождается, собирается все лучшее, самобытное, народное в танцах любой национальности. И на основе народных, фольклорных танцев уже созданы и создаются новые замечательные сценические варианты.

Нынешняя жизнь фольклорных традиций в значительной мере связана со сценической площадкой, с практикой этнографических, фольклорных коллективов.

На современном этапе развития ученые представляют фольклор не как коллективное художественное творчество, а определяют его как особого рода синтетическую культуру без письменной традиции. Культурно-творческая деятельность хранителей этой традиции порождает духовные произведения, их художественную ценность.

Как правило, с течением времени изменяются условия, и фольклорные танцы начинают уходить из жизни, они все реже исполняются, живут в памяти отдельных людей, и, в конце концов, забываются. С целью выявления хореографического фольклора организуются экспедиции, в задачи которых входит поиск информаторов, способствующих воссозданию, воспроизведению рисунка танца, музыкальному оформлению хореографического текста, а также определение манеры, характера исполнения, места и времени.

Уходя корнями в глубокую древность, народный танец все еще существует, исполняется в народе, но процесс его передачи сейчас не возможен без фиксации образцов, без научного изучения, без придания ему академичности с обязательной разработкой новой методики и многого другого.

Итак, рассмотрев проблемы сохранения аутентичного фольклора, мы пришли к следующему выводу:

во-первых, процесс формирования новых элементов народного танца имеет двусторонний характер. С одной стороны – рожденные народом хореографические движения в силу их художественной значимости и ценности становятся лучшими образцами танцевального наследия народа, с другой стороны – на их основе специалисты создают высокоэффективные произведения профессионального танцевального искусства;

во-вторых, процесс взаимовлияния и синтеза народных и сценических компонентов танца в наши дни характеризуются не только стремлением хореографа возродить формы национально танца, а также становится предметом пристального изучения образного содержания танцевальных элементов, развития техники исполнительского мастерства.

Список использованных источников

1. Бурнаев А. Г. Особенности пластики этнического танца мордвы и обработка фольклорного материала // Проблемы национального хореографического искусства в 20 веке: Материалы к курсу «Мордовский танец» / Сост. А. Г. Бурнаев, М. И. Каргина. – Саранск : Руз. Печатник, 2000. – С. 32.
2. Основные принципы изучения и разработки хореографического фольклора: Информация, опыт. – М.: ВНМЦ и КПР, 1989. – 34 с.

ТРАДИЦИОННЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В БАШКОРТОСТАНЕ

TRADITIONAL MUSICAL FOLKLORE AS RESOURCE FORMATION OF A CIVIC NATION IN BASHKORTOSTAN

Ф. Г. Галиева (ИЭИ УНЦ РАН, г. Уфа Россия)
F. G. Galieva (Kuzeev Institute of ethnological researches, Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья анализирует процесс формирования этнокультурной общности народов Башкортостана в области музыкальной культуры. Показана роль многоэтничной среды и влияние политических установок на сохранность традиций.*

Abstract. *The article analyzes the formation of ethno-cultural community of peoples of Bashkortostan in the field of musical culture. The role of multi-ethnic environment and influence political attitudes to preserve the tradition.*

Ключевые слова: *музыкальный фольклор, переселенцы, формирование гражданской идентичности, многоэтничная среда, взаимодействие культур.*

Keywords: *folk music, migrants, the formation of civic identity, multi-ethnic environment interaction of cultures, mutually beneficial cooperation*

Неожиданное совмещение понятий – музыкальный фольклор и нациестроительство в Башкортостане – лишь на первый взгляд. В реальной жизни они пересекаются и взаимодействуют, начиная с периода формирования Волго-Уральского региона как многоэтничного, то есть со второй половины XVI века [10], активизируются в XX и продолжаются в XXI веке.

1. Наш опыт этнографического исследования русского населения Башкирии [6] показал, что многоэтничная среда является *важным фактором успешной адаптации многочисленных переселенцев из разных губерний России к местным природно-географическим и социально-политическим условиям.* С момента покупки или оформления в аренду башкирских земель переселенцы вступали в хозяйственные контакты с местным населением, причем *хозяйственные взаимодействия носили взаимовыгодный характер.* В этом вопросе мы отрицаем роль русского населения как «старшего брата» для других этносов. Русские горнолесных районов от башкир переняли прием тебеневки (содержание лошадей в зимнее время на подножном корме), татарский плуг для поднятия целины, более легкий украинский плуг, белорусскую пудовку (плетеную из соломы коробку), от латышей восприняли посадку клевера для повышения удоя коров и опыт создания маслодельческих артелей [21] и т. д. Хозяйственные контакты помогали решать локальные межэтнические конфликты, в том числе связанные с изъятием у башкир вотчинных земель, в обмен на сельхозпродукты, выращенные русскими крестьянами [20, с. 11]. Безусловно, межэтническая гармонизация была невозможной без наличия такого фактора, как толерантность башкир с одной стороны, а с другой – способность к быстрой адаптации и межэтнической консолидации переселенцев [22]. В конечном итоге сложилось не только хозяйственное взаимодействие народов, но и сближение этносов в области народной одежды [12], языка, системы питания [19], обрядовой культуры [8; 9].

2. Нами проведены фольклористические исследования башкир, русских [1], украинцев [17], белорусов [16] и некоторых других народов. Установлено, что к концу XIX века у народов сложился общий музыкальный инструментарий. На башкирской свадьбе место кураиста и скрипача стал занимать гармонист, он же стал неотъемлемым атрибутом татарских, удмуртских, чувашских и иных праздников. Многие современники считают его родным инструментом, хотя гармоника пришла в регион вместе с русскими переселенцами лишь во второй половине XIX века и распространилась в разных вариантах (саратовская, хромка, минорка и т. д.). Она быстро проникала в быт народов не только благодаря громкости и красоте звучания, но и тому, что стала символом прогресса. Об этом мы находим информацию в произведениях русских писателей того времени [2].

Общий пласт культуры народов сформировался в дореволюционный период и в песенной культуре, прежде всего, родственных народов: русских, украинцев и белорусов; башкир и татар. Но они имели место в более сложных сочетаниях. В связи с тем, что удмурты, марийцы, чуваши в республике освоили сразу несколько языков (чаще русский и татарский), но и в песенный репертуар проникали иноэтничные песни. Вместе с гармоникой получили развитие соответствующие инструментальные наигрыши, а также частушки, шуточные и игровые песни.

3. В первые годы советской власти процесс формирования общей музыкальной культуры продолжился. Например, у башкир и татар фиксировалась варианты песни «Марсельеза», воспринятой через русских, переведенных на родной язык и методически переделанной под пентатонику [5]. Однако проект по образованию общности «со-

ветский народ» основным ориентиром выбрал не этнические или межэтнические ценности, а западные. В открывшихся в 1920-х годах музыкальных школах республики приоритетным стало обучение на «классических» инструментах – фортепиано, скрипке и т. п. [11, с. 95–98]. Народные инструменты были объявлены пережитком прошлого. В результате архивные материалы 1930-х годов ленинградского ученого Н. П. Колпаковой свидетельствуют, например, что башкирский курай в башкирских селениях стал большой редкостью, о думбыре и кыл-кубызе во многих районах совсем ничего не было известно [14, л. 42]. У чувашей забывались волынка-пузырь (шапар), гусли, скрипка, дуда, барабан [15], у марийцев волынка (шувыр), барабан, деревянные трубы (тумбыр), самодельные гусли, скрипки), у удмуртов – волынки и барабаны [7; 18, с. 102, 143, 146]. Некоторые советские ученые на страницах периодики высказывали протесты таким подходам. Они безрезультатно призывали возродить исчезнувшие и исчезающие музыкальные инструменты башкир, татар, чувашей и других народов Волго-Уральского региона [13], их усовершенствовать и ввести нотную письменность [4].

Культработники стали проводниками директив чиновников. По инструкциям последних практически в каждом селении они создавали хоровые коллективы, ранее чуждые для башкирского и татарского народа, не соответствующие их моноголосным, а не многоголосным культурам. Выступление хоров стало необходимым условием смотров художественной самодеятельности. В конце 1924 г. в республике было 70 хоровых кружков, а музыкальных – 43 [3, с. 138]. К 1980-м годам количество хоров в Башкортостане достигло более тысячи (Архив Центра народного творчества Республики Башкортостан). (Подобная ситуация наблюдалась в иных национальных республиках с сольными вокальными традициями [4, с. 69–72]). Репертуар этих коллективов зачастую составляли обработки народных песен с механическим внедрением европейских средств выразительности (хотя было много примеров талантливых фольклорных аранжировок и создания композиций, органично объединивших башкирскую монодию с многоголосным сопровождением). Со временем искусственно созданные коллективы распались, но хоровое творчество стало частью общей культуры республики наряду с ансамблевым и оркестровым исполнительством.

4. В постсоветский период проблема развития этносов в полиэтническом пространстве стала государственной проблемой, как и проблема нациестроительства. В государственных республиканских программах «Народы Башкортостана», «Фольклор народов Башкортостана» и подобных районных проектах акцент делается на необходимость изучения и сохранения этнических культур, их возрождение (хотя возрождение утраченного в прежнем виде невозможно). На практике в деятельности национально-культурных центров одно из центральных мест занимают т. н. народные фольклорные коллективы, хотя фольклор они не поют, а работают на принципах фольклоризма (с участием руководителя коллектива, постановщика номеров на сценических площадках, нередко разучивая песни из песенников). Некоторые культработники «возрождают обряды» по книгам, написанным на их прежней родине и не отражающими своеобразие сложившейся местной культуры. Состав творческих коллективов как правило интернациональный. Без них не обходятся народные праздники. Не только тюркский по происхождению Сабантуй стал общенародным праздником, но и языческая Масленица и Ивана Купала, христианская Пасха и Троица. У праздников, которые проводят историко-культурные и национально-культурные центры, сформировался общий (или схожий) сценарий, включающий спортивные мероприятия, выставки деко-

ративно-прикладного искусства, выступления «фольклорных» коллективов и пр. По большому счету это способствует единению людей и формированию общегражданской идентичности. Современные белорусы говорят: «Мы не белорсы, мы – башкирские белорусы». Украинцы отмечают, что настоящие украинцы живут на Украине. Латыши утверждают, что сейчас у них есть возможность реэмигрировать в Латвию, но они вряд ли смогут интегрироваться в их общество, настолько сильно отличается ментальность, язык, культура.

В заключение. Для успешного решения задач по развитию этнических традиций в Башкортостане необходима выработка четкого механизма взаимодействия всех структур – министерств, организаций, учреждений, национально-культурных объединений. Выполнение программ должно быть не на бумаге, а на деле, при консультациях этнографов, фольклористов и других специалистов. Урок прошлого – нельзя навязывать широким массам людей то, что им чуждо. Многочисленные хоры в республике распались, а инструментальные сохранились. Любовь к народным инструментам и мелодиям сохранилась и продолжает жизнь в новых поколениях граждан Республики Башкортостан.

Список использованных источников

1. Ахатова Ф. Г. Восточнославянские песни в Башкортостане (фольклорные процессы в полиэтничном регионе). – М.: Наука, 2006. – 268 с.
2. Башкирия в русской литературе: В 5 т. Уфа, 1961–1968; То же: В 6 т. Уфа, 1989–2004.
3. Беляев Б. Смотр народных музыкантов // Сов. музыка. – 1939. – № 11. – С. 164.
4. Брук Г. Настоящее и будущее музыкальной самодеятельности // Сов. музыка. – 1941. – № 1. – С. 69–72.
5. Галиева Ф. Г. Переделки русских песен у народов Башкортостана // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова. – СПб., 2011. – С. 120–128.
6. Галиева Ф. Г. Русские Башкортостана: Крестьянский быт, календарныеобряды и праздники. – Уфа: Китап, 2014. – 260 с.
7. Галямшин Р. Б., Садиков Р. Р. Удмурты // Народы Башкортостана. Энциклопедия. – Уфа, 2014. – С. 288–310.
8. Гареева С. М. Календарно-обрядовые традиции русских Башкортостана (конец XIX – начало XXI в.). Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.07. – Ижевск, 2012. – 31 с.
9. Камалеев Э. В. Свадебный обряд татар Башкортостана (сохранение традиций в условиях трансформации общества в конце XIX – начале XXI в.). Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.07. – Санкт-Петербург, 2013. – 23 с.
10. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992. – 345 с.
11. Культурное строительство в Башкирской АССР. 1917–1941 / Центр. гос. архив Башкирской АССР, Партийный архив Башкирского обкома КПСС; Сост. В.П. Черемис и др. – Уфа: Башкнигоиздат, 1986.
12. Нечвалода Е. Е. Одежда русского населения Дуванского района Республики Башкортостан // Русские Айско-Юрюзаньского междуречья. История, антропология, культура. – Уфа, 2012. – С. 99–143.
13. Новосельский А. К вопросу об организации массового производства национальных музыкальных инструментов / Сов. музыка. – 1934. – № 5. – С. 34–50.
14. Отчет о работе фольклорной экспедиции за 1938–1940 гг. // Архив Уфимского науч. центра РАН. – Ф.3. – Оп. 12. – Д. 323. – Л. 142–143.

15. Петров И. Г. Чуваши // Народы Башкортостана: энциклопедия. – Уфа: Башк. энциклопедия, 2014. – С. 336–357.
16. Песни белорусских переселенцев в Башкортостане / Вступ. ст., примеч., сост. Ф. Г. Ахатовой. – Уфа, 2001. – 78 с.
17. Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии / Вступ. ст., сост., примеч. В. Я. Бабенко и Ф. Г. Ахатовой. – Киев; Уфа, 1995. – 240 с.
18. Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. (Matkat udmurttien ja marine luo. Uno Holmbergin kirjeitä vuosilta 1911 ja 1913). / Под ред. С. Лаллукки, Т. Г. Минниахметовой, Р. Р. Садикова. – СПб.: Европейский дом, 2014. – 224 с. (на рус. и фин. яз.).
19. Русские Айско-Юрюзаньского междуречья. История, антропология, культура / Ин-т этнологич. исслед. им. Р. Г. Кузеева Уфим. науч. центра Рос. академии наук; Сост., отв. ред. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2012. – 380 с.
20. Село родное Ярославка / Авт. и сост. С. А. Брагина, А. В. Ковин, А. П. Ковин. Дуван, 2009 (?).– 237 с.
21. Чегодаев Е. А. Роль латышей в формировании маслодельческого производства Уфимской губернии // Этнос. Общество. Цивилизация: III Кузеевские чтения. – Уфа. 2012. – С. 95–99.
22. Хасанова З. Ф. Традиционные хозяйственные занятия башкир инзерского бассейна (середина XIX – начало XXI в.). – СПб., 2014. – 189 с.

САБАНТУЙ В БАШКОРТОСТАНЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТ НАРОДНОГО ТЮРКСКОГО ОБРЯДА К ОБЩЕНАРОДНОМУ ПРАЗДНИКУ

SABANTUY IN BASHKORTOSTAN: THE EVOLUTION FROM FOLK TURKISH CEREMONY TO NATIONAL HOLIDAY

С. М. Гареева (СФ БашГУ, г.Стерлитамак, РБ)
S. M. Gareeva (SF BashGU, Sterlitamak state, RB)

Аннотация. *В статье речь идет о тюркском по происхождению обряде Сабантуй, который стал общенародным праздником. Традиции празднования уходят корнями в далекое прошлое башкирского народа. Однако современная обрядность праздника, его составляющие элементы и объединяющие начала находят живой отклик в сердцах не только башкирского, но и восточнославянских народов, проживающих в многоэтничном Башкортостане и даже далеко за его пределами.*

Abstract. *This article is about the ceremony Sabantuy of Turkish origin, which has become a national holiday. The traditions of the ceremony are deeply rooted in the distant past of Bashkur people. However, the modern rites of the holiday its constitutive elements and uniting bases are finding a broad response in the hearts not only Bashkir people but even Eastern-Slavonic peoples, living as in multinational Bashkortostan and as outside the country .*

Ключевые слова: *обряд, майдан, состязания, борьба куреш, скачки, праздник.*
Keywords: *a ceremony, midan, competitions, the struggle kuresh, horse-race, holiday.*

На протяжении XX века празднично-обрядовый календарь народов России претерпевал существенные изменения, связанные с социально-политическими преобразо-

ваниями в стране, построением сообщества «советский народ» с социалистической идеологией, в которой нет места религиозным и народным обрядам. Сабантуй (*сабан* – плуг, *туй* – праздник, торжество) как народный земледельческий обряд не явился исключением. Так, например, обрядовые действия, связанные со сбором продуктов на Сабантуе, были объявлены «побирательством» [12]. Тем не менее, Сабантуй остался в жизни людей любимым праздником, наиболее полно отражающим народную философию и психологию. Он сконцентрировал в едином действии народные песни, танцы, игры и спортивные состязания. В XX столетии усилилось его значение как консолидирующего многие народы. Исследованию эволюции обрядового комплекса Сабантуя, переход его из статуса обряда тюркских народов в категорию государственного общенародного праздника в Башкортостане посвящена данная работа.

Известный татарский этнограф Р. К. Уразманова указала, что Сабантуй имеет давнюю историю в культуре татар, а также карачаев, балкарцев, ногайцев [13, с. 121–123]. Башкирские ученые Р. З. Янгузин и З. Р. Рахматуллина указали, что «по мировоззренческим основаниям, календарно-обрядовой направленности, духовно-смысловому наполнению» башкирский и татарский Сабантуй во многом созвучен аналогичным обрядам народов Поволжья: Агапайрам («Праздник сохи») марийцев, Кереть озкс («Моление плуга») мордвы, Агаяшка / Акаяшка / Геры поттон («Вывоз плуга») удмуртов, Акатуй («Праздник сохи») чувашей [15, с. 45–55]. Башкирский исследователь З. Г. Аминев нашел аналогии в географически и исторически далеких культурах, в том числе в Древней Индии (праздник Раджасуя), Китае и Древней Греции. Он пишет: «Еще древние греческие авторы отмечали поклонение плугу кочевников-саков, скифов <…>. О праздновании кочевниками хунну ритуального общенародного праздника, похожего на башкирский Сабантуй, сообщается в китайских хрониках Хань-шу» [1, с. 164–175].

Сабантуй у башкир возник «в далеком языческом прошлом» как один из древнейших земледельческих обрядов [11], «смысл которого заключался в задабривании многочисленных богов и духов природы, от милости которых зависела полноценная, обеспеченная, гарантированная жизнь башкирского народа <…>. Древние башкиры его праздновали непосредственно перед уходом на летовку» [15, с. 46–47]. Во второй половине XVIII века Сабантуй, по сообщению И. Г. Георги [4, с. 103], на востоке губернии проводился перед началом пахоты (в апреле), по И. И. Лепехину, – между пахотой и покосом [6, с. 25–26]. Позднее он стал приурочиваться к окончанию весенне-полевых работ. И. Г. Георги отметил: «Пахотный их праздник Сабантуй во всем, кроме молитв, творимых муллою, сходствуют с Анга Соареном черемисским. Хотя земледелие у них не в чести, однако ж в праздник сей съезжается верхом всякая деревня, не исключая ни жен, ни детей, на свои пашни, слушает приносимые муллою моление о плодородии земли и изобилии в траве, и забавляется потом попойкою, пляскою, песнями, ристаниями взапуски и тому подобными» [6, с. 103].

В XIX веке, по М. В. Лоссиевскому, Сабантуем у башкир и татар именуется «праздник весны», который сохранился как «остаток прежних языческих верований», ибо «его сущность – приветствие доброго духа – олицетворителя весны и вместе с тем проводы зимы». С этой целью «татары, башкиры, киргизы из года в год сходятся (каждые, конечно, особо) под ярко-веселыми лугами красного солнышка куда-нибудь на простор, на широкое место и встречают весну разными играми, шумными бишбармаками и весельем» [7].

Из произведений исследователей края и русских писателей XIX века очевидно, что участниками таких событий были не только башкиры, но и русские, и другие народы. Н. П. Задорнов описал Сабантуй, куда съезжались башкиры, татары, рус-

ские [5, с. 386]. Л. Н. Толстой проводил конные состязания на своих землях в Бузулукском уезде Самарской губернии, куда съехалось несколько тысяч башкир, казахов, уральских казаков и русских крестьян. Все участники и зрители пили кумыс и чай, ели мясо, слушали песни и мелодии курая [10, с. 66–67].

По нашим исследованиям, многие русские информаторы (особенно в русских селениях Дуванского района – Метели, Вознесенка, Тастуба) считают Сабантуй старинным русским обрядом. По материалам Ф. Г. Галиевой, Сабантуй был обязательной частью празднично-обрядовой культуры русского населения Башкортостана уже в первые десятилетия XX столетия и проводился совместно с соседними русскими, башкирскими и татарскими селениями [3]. По архивным источникам, Сабантуй как обряд перед началом земледельческих работ проводился еще на прежней родине русских переселенцев Дуванского района – Кунгурском уезде Пермской губернии [8].

Благодаря научным и литературным сочинениям прошлых столетий, есть возможность проследить динамику развития Сабантуя до наших дней. Из рассказа «Ушкуль» писателя-историка XIX века Ф. Д. Нефедова узнаем о содержании Сабантуя того периода: «Съехались гости, башкиры с семействами, прискакали на лихих конях удалые джигиты и батыры, приехали за сотни верст князья с женами, сыновьями и дочерьми. Вблизи княжеских терьм, на берегу реки, в медных котлах варят баранину для угощения народа, прибывшего на праздник из разных мест. Над аулом расстилается дым: там ласковые хозяйки стряпают кушанья, которыми станут потчевать своих гостей <…>. На жертвеннике были приготовлены животные, поставлены серебряные и вызолоченные кувшины с медом, просом, ячменем и холодною водою, навалены сухие ветви; тут же стоял и небольшой из красной меди сабан <…>. После каждого обращения князь закалывал по одному барану в жертву божества, осыпал просом и ячменем и обливал медом, а другие князья резали мясо на части и клали на сухие ветви. Скоро вспыхнули огни, над жертвенником поднялось облако дыма и белым столбом понеслось к самому небу. Пение и радостные крики огласили окрестность; боги приняли жертвы, и моление князя с народом было услышано». Из рассказа узнаем о спортивных и музыкальных конкурсах на Сабантуе: «В степи вступили в единоборство батыры, выказывая великую силу и ловкость. По высоким гладким столбам взбирались смельчаки, чтобы достать с макушки награду; появились мальчуганы-подростки, с дубинками в руках, и стали катать шаром. То там, то сям собирались девицы и парни, плясали свою любимую «перепелку» и пели песни, заводили разные игры и веселились, как только умела веселиться здоровая молодежь, сыновья и дочери свободных башкир <…>. Сколько силы, ловкости и смелости показали джигиты и батыры! Быстро, как птица, пролетали они ристалище, перескакивали через самые трудные преграды, поднимали с седла, не касаясь земли, разные вещи, брошенные из живых стен народа, пускали из лука меткие стрелы, попадая в чуть заметные глазу точки... Шумными кликами народ приветствовал победителей» [9, с. 183–189].

В. М. Черемшанский описал скачки на лошадях, когда ездоки «объезжают вокруг деревни и потом отправляются от избранного места на несколько верст в степь, и оттуда же – по известному сигналу – бросаются, как стрелы, с визгом и гиком, скакать к назначенному месту, где ожидает их толпа зрителей всех возрастов и полов, а удальца-скакуна – и приз в руках одной из прелестниц, избранной для этого по общему голосу» [14, С. 157].

Как отметили Р. З. Янгузин и З. Я. Рахматуллина, имели место многочисленные варианты проведения Сабантуя в разных башкирских родах и племенах, «даже в соседних селениях праздник имел свой неповторимый колорит». Но неизменными этапами долгое время оставались общественные моления; сбор по дворам продуктов и средств

для его проведения, призов и подарков для победителей; майдан (состязания); вечерние молодежные игры [15, с. 50].

В XX веке не стало общественных молений, сбора средств и подарков для победителей. Постепенно из обряда земледельцев Сабантуй превратился во всенародный праздник животноводов, нефтяников, машиностроителей, учителей, врачей и т. д., и ныне называется «народным праздником труда, культуры и спорта». Сабантуй называется также «праздником межнационального общения». В народе появился термин «сабантуйчик», которым могут назвать любую шумную посиделку в честь какого-либо радостного события («Устроим Сабантуйчик?», «Устроили тут Сабантуй!»).

Более того, в Башкортостане в XX веке Сабантуй приобрел признаки государственного праздника. Он проводится по графику, установленному Указом Президента Республики Башкортостан («пора Сабантуев» – с мая до конца июня месяца), во всех районах и городах республики, согласно выделенным правительством источникам финансирования. На Сабантуе администрации районов и городов совместно с руководителями сельскохозяйственных предприятий и организаций подводят итоги деятельности предприятий агропромышленного комплекса, организуют чествование и поощрение передовиков производства. Самым достойным и уважаемым доверяют поднятие флага Сабантуя, передовикам вручают подарки. В рамках праздника проводятся ярмарки товаров народного потребления, конкурсы на лучший дом, улицу, населенный пункт с награждением победителей. Организаторы праздника приглашают почетных гостей – именитых односельчан – артистов, ученых, писателей, поэтов, политиков, а также представителей вышестоящих органов власти, заблаговременно высылая им по почте приглашения с указанием программы Сабантуя, места и времени проведения.

Стало традицией участие правительственных делегаций из Башкортостана в организации и проведении Сабантуев, проходящих в других субъектах России и зарубежья: в Кунашакском районе Челябинской области, Октябрьском районе Пермской области, Новосибирской области, в Саратове, Санкт-Петербурге, Москве, Анкаре (Турция) – там, где есть башкирская и татарская диаспоры. С каждым годом в каждом из этих поселений, как гласит статистика, число участников Сабантуя растет.

Благодаря организации Сабантуя за пределами республики, люди получают возможность увидеть традиционные жилищные и хозяйственные постройки башкир и народов Башкортостана, их национальную одежду, непосредственно принять участие в красочном традиционном празднике, попробовать блюда национальной кухни и купить в качестве сувениров предметы традиционного быта. Это способствует взаимообмену культурными формами, новой информацией и опытом, укреплению толерантного отношения между представителями разных этносов, взаимовыгодному экономическому и культурному сотрудничеству разных регионов.

Особенность современного Сабантуя заключается не только в его популяризации во всем мире, включении разных народов в его празднование. Произошло изменение его содержания и переосмысление обрядовых действий. В современном Сабантуе исчезли некоторые традиционные обряды подготовки к празднику. Всем ходом праздника раньше заведовали влиятельные старики деревни. Они посылали джигитов собирать подарки «бэйге булэге», назначали жюри для награждения победителей, следили за порядком во время состязаний. Это был своего рода совет Сабантуя. На время праздника к нему переходила вся власть в деревне. Сейчас суетятся культработники и все сельское или поселковое руководство.

Майдан (*майзан*) раньше устраивался на возвышенности близи деревни так, чтобы с южной стороны полукругом располагались холщевые палатки, открытые к центру, майдан замыкался полным кругом. Там же стояла высокая жердь с привязанными к ее вершине собранными у населения для призов вышитыми полотенцами и платками, указывающими издали на место сбора. Сейчас расположение объектов Сабантуя чаще осуществляется по периметру. Отдельные места отведены: трибуне для почетных гостьей, месту стоянки автотранспорта, торговым рядам, месту для проведения игровых видов и конных скачек. Праздник проводится из года в год на постоянном месте, недалеко от селения, а для вновь прибывших гостей отмечается указателями.

Раньше одна из деревень, устраивая Сабантуй, приглашала к себе соседнюю, часто из другого рода. Каждое приглашение на праздничную трапезу вызывало ответное приглашение и это являлось твердым обычаем [2, с. 74]. Сейчас проводится общий на несколько деревень праздник. Раньше приезжали на подводах, вплетали в гривы лошадей разноцветные ленты, дугу обертывали цветной тканью, к дуге подвешивали колокольчики. Их место заняли автомобили. В прошлом собирались на майдан после полудня, по выходе стариков из мечети после молитвы. Сейчас – в 10 или 11 часов утра. Праздник обычно продолжается до вечера, молодежь по его окончанию собирается в Доме культуры на дискотеку.

Атрибут современного праздника в районе – парадное шествие колонн с театрализованным представлением их участников на подмостках движущегося автотранспорта. В 2010 г. в Учалинском районе оно было посвящено картинам истории и напомнило время советских демонстраций с транспарантами. Так, 1930-е гг. – время коллективизации, 1940-е роковые – годы Великой Отечественной войны, когда Учалинский район отправил на войну 13437 своих сыновей. Прошли колонны, представляющие Миндякский и Амангильдинский сельские советы. Годы 1950-е – время восстановления разрушенного войной народного хозяйства (их представили Имангуловский и Кунакбаевский сельские советы). Весело и озорно проиллюстрировали участники Сабантуя 1990-е гг.: над колоннами появились транспаранты «Прихватизация», «МММ», «Хочу стать миллионером».

Традиционными элементами башкирского Сабантуя с давних времен и до наших дней являются: конные скачки, бега; национальный вид борьбы курэш; прохождение по наклонному шатающемуся шесту, один конец которого закопан в землю, а к другому концу привязан белый баран в награду. Большое оживление вносят различного рода шуточные состязания: вытаскивание денег из катыка *(катыктан акса эзлэу)*; бег с ложкой во рту с положенным в нее яйцом *(йомортка ташыу)*; ношение воды на коромыслах, наполненных водой *(кейэнтэлэп һыу ташыу)*; бег в мешках *(ток кейеп йүгереү)*. Много смеха вызывает бой мешками, набитыми сеном, который ведут сидя на бревне *(ток менэн һуғышыу)*, надувание воздушных шаров до максимальных размеров. Очень популярны перетягивание каната, лазанье на высокий гладкий столб, на верхушке которого подвешен приз. Выстраиваются очереди из желающих пройти по наклонному шесту и разбить горшок деревянной палкой с закрытыми глазами *(кершэк вытыу)*, а также попрыгать на батуте или поучаствовать в традиционном с советских времен соревновании велосипедистов на самый тихий ход [2]. Раньше такие состязания проводились как магические обряды, направленные на плодородие, приплод скота, благополучие людей, сейчас – как спортивные соревнования-увеселения, в которых самое активное участие принимают подростки и дети.

Уже несколько столетий обязательным соревнованием, собирающим, пожалуй, больше всего зрителей, является борьба (*курэш*), которая устраивается в центре круга и сопровождается одобрительными репликами присутствующих. Борцы, в отличие от прошлых лет, сразу приходят в спортивной одежде (раньше сбрасывали с себя верхнее платье, оставаясь в штанах и сорочке, засучив рукава рубашки), затем сходятся, перекинув друг другу через спину кушак (*бильбау*), и пытаются положить противника на лопатки. Среди борцов и взрослые мужчины, часто приехавшие из отдаленных селений, и дети. Главный богатырь (*батыр*) традиционно получает живого белого барана.

По-прежнему обязательными являются скачки на лошадях (*бэйге*). Случается, что их выигрывают не опытные мужчины, а мальчишки. Одни легко, с визгом и криком, преодолевают дистанцию в шесть-семь километров, другие сходят с дистанции, но обещают обязательно выиграть байги на следующий Сабантуй. По старинному обычаю, победитель скачек адресует свой приз любимой девушке или жене, оказывает ей прилюдное внимание.

В современной программе появились новые соревнования в подъеме пудовой гири, в армрестлинге, набивании мяча, прыжках через скакалку. Стали популярными мини-футбол, волейбол.

Одновременно проводятся состязания певцов, чтецов, танцоров. Причем богатырями в борьбе, победителями в скачках, беге и других видах состязаний, творческих выступлениях оказываются не только башкиры, но и люди других национальностей. Характерной чертой всех состязаний на Сабантуе является то, что любой присутствующий в любой момент может включиться в них. Единство выступающих и зрителей делает его настоящим праздником. Украшением этого праздника становится концертная программа с участием лучших вокалистов, эстрадных и фольклорных коллективов города или села, сопровождаемая волшебными звуками курая, кубыза, гармошки и других почитаемых народных инструментов. Зрители не только смотрят, слушают, но и сами пританцовывают и подпевают. Народные гуляния не обходятся без наслаждения вкусными национальными блюдами русской и башкирской кухни.

Таким образом, Сабантуй, по происхождению тюркский обряд, в XX – начале XXI столетия стал общенародным праздником, ярким интернационально-культурным событием в Башкортостане и за его пределами. Национальная самобытность, традиционное гостеприимство, добрый дух этого праздника привлекает к нему людей разных национальностей и веры, объединяя и сближая их. Сабантуй был и остается «не только своеобразным механизмом социального и духовного единения, приумножения радостей совместной жизни, но и настоящим, ничем не стесненным образно-эмоциональным «пиршеством» национального духа, демонстрацией и закреплением глубинных жизненных ценностей национального бытия, интенсификацией творческой энергии народной души, чувствующей свое неразрывное единство с миром природы и миром других» [15, с. 51].

Список использованных источников

1. Аминев З. Г. Мифоритуальные основы башкирского праздника «Сабантуй» // Ватандаш. – 2006. – № 6. – С. 164–175.
2. Бикбулатов Н. В. Башкирский аул. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1969. – 214 с.
3. Галиева Ф. Г. Адаптация восточнославянского фольклора в творчестве народов Башкортостана / ИЭИ УНЦ РАН. – Уфа, 2010. – 84 с.

4. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. – М.: Библиотека РУСАЛа, 2007. – 128 с.
5. Задорнов Н. П. Могусюмка и Гурьяныч // Башкирия в русской литературе: В 5 т. Т. 5. – Уфа, 1968. – С. 365–432.
6. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия академика Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства: в 1768, 1769 и 1770 году. – СПб., 1795–1802.
7. Лоссиевский М. В. // Оренбургский листок. – 1876. – № 43 (17 окт.).
8. Мюллер Ф. Г. Об исследовании в странах Урала и Кавказа в историческом, географическом и этнографическом отношении. Пер. М. М. Гельдта с нем. яз. // Государственный архив Оренбургской области. – Ф. 168. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 158.
9. Нефедов Ф. Д. Ушкуль // Башкирия в русской литературе: В 6 т. – Уфа: Башкнигоиздат, 1991. – Т. 2. – С. 128–183.
10. Рахимкулов М. Г. Народной мудрости родник: Башкирский фольклор в русской литературе. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. – 182 с.
11. Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955; Янгузин Р. З. Дореволюционные земледельческие обряды башкир // Фольклор народов РСФСР. – Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1980. – Вып. 7. – С. 158–163.
12. Свободная энциклопедия – Википедия // http://ru.wikipedia.org// Сабантуй. (дата обращения: 13.02.2012 г.)
13. Уразманова Р. К. Общетюркские и особенное в праздничной культуре татар Поволжья [Текст] // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. Июнь 9–13. 1992. г. Казань. – М.: Инсан, 1997. – С. 121–123.
14. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа: Типография Оренбургского губернского правления,.1859. – 472 с.
15. Янгузин Р. З., Рахматуллина З. Я. Башкирский сабантуй – праздник весны (история и современность) // Ватандаш. – 2003. – № 6. – С. 45–55.

РОДИННЫЕ ОБРЯДЫ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

CEREMONIES ASSOCIATED WITH CHILDBIRTH AMONG THE PEOPLES OF URAL-VOLGA REGION: GENERAL AND SPECIAL

Ю. Г. Диникеева (ИЭИ УНЦ РАН, г. Уфа, Россия)
Y. G. Dinikeeva (Kuzeev Institute of ethnological researches, Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящается родинным обрядам народов Башкортостана. Рассматриваются общие черты и некоторые особенности в этнических культурах русских, башкир, татар, украинцев, марийцев, мордвы и удмуртов.*

Abstract. *Article is dedicated to the rites associated with childbirth among the peoples of Ural-Volga region. Discusses the features and similarities in ethnic cultures Russian, Bashkirs, Tatars, Ukrainians, Mari, Udmurt and Mordovians.*

Ключевые слова: *традиционная культура, этническая культура, родинный обряд, ритуал, народы Башкортостана, роженица, повивальная бабка.*

Keywords: *traditional culture, ethnic culture, rite associated with childbirth, ritual, peoples of Bashkortostan, woman in labor, midwife.*

Родинные обряды, наряду с другими обрядами семейного цикла, в традиционном обществе включают в себя различные ритуальные действия, отражающие этнический характер, психологию, мировоззрение, и потому представляют собой историко-культурную ценность. Ритуалы в традиционном обществе, как отмечает А. К. Бабурин [2, с. 39], особенно связанные с рождением ребенка, у разных народов мира считались очень важными, рассматривались как единственно возможный способ считать малыша «вполне родившимся», относящимся к конкретному социуму. Они носили сакральный характер и у народов Башкортостана, что обеспечивало их длительную сохранность, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности. Своеобразие Волго-Уральского региона – полиэтничность, сложившаяся в результате переселения сюда народов с разных регионов России после присоединения к ней Башкирии (2 пол. XVI в.) – могла способствовать межкультурным заимствованиям и формированию общих обрядовых традиций как результата интеграционных процессов [4]. Некоторые ритуалы были схожими не по причине заимствований, а в силу общности древних воззрений. В связи с этим, целью нашей статьи является исследование общего и особенного в родинных обрядах русских, башкир и других народов Башкортостана. Актуальность данной темы обусловлена усилением интереса населения к своим корням, и в связи с тем, что в результате значительных социально-экономических, политических, культурных преобразований многие обрядовые традиции претерпели изменения, но все же продолжают существовать и модернизироваться.

В родинных обрядах в любом традиционном обществе можно выделить этапы: дородовый, сами роды и послеродовый. Обрядность разных народов, включая русских, башкир, татар, чувашей, имеет систему запретов, предписаний, регламентирующих поведение беременной женщины, особого отношения к ней со стороны окружающих. Сюда относятся действия, в том числе магического характера, направленные на рождение здорового ребенка, а также ряд очистительных и охранительных мер. Так, беременность в разные времена и у разных народов как можно дольше старались держать в тайне, боясь сглаза, влияния злых сил на будущую мать и ребенка. У русских и других народов о забеременевшей женщине говорили «тяжелая», «пузатая», «на сносях» («сностях»), «брюхатая» (три брюха принесла). Повседневный быт женщины практически не менялся. Она выполняла всю прежнюю работу до самых родов, правда в семье старались оградить ее от поднятия тяжести, но и это часто не выполнялось. Считали, что если женщина будет достаточно работать, то легко родит.

Существовали общие для разных народов запреты, регламентировавшие действия беременной женщины в быту, прежде всего, имитирующие круговые движения «кручение», «выкручивание». По полевым материалам автора, собранным в Бирском и Караидельском районах Башкортостана, у русских нельзя было перешагивать через коромысло (чтобы было правильное положение плода или будет болеть спина), через березовое полено (иначе ребенок будет плаксивый), перешагивать через осину (не то горько будет). Не рекомендовалось закручивать в воде белье, когда его полоскаешь (ребенок будет обвит пуповиной) [12, Бирский р-н]. С этой же целью нельзя во время вязания соединять нитки между собой узлами [12, Караидельский р-н]. Беременные

старались не перешагивать различные незнакомые предметы из-за боязни приобретения сглаза от них [12, Караидельский р-н]. Повсеместно складывались особые взаимоотношения с домашними животными: нельзя пинать кошек и собак (у ребенка будет щетина или будет «собачья старость»), и весь домашний скот [12, Бирский р-н]. Подобные предписания наблюдаются в культуре башкир [3, с. 196], украинцев [1, с. 209], чувашей [6, с. 119], татар [16, с. 41].

У разных народов республики отмечалась особая связь между миром живых и мертвых. Считалось, что мать и ребенок находились между ними в «пограничном» состоянии. Поэтому роженице нельзя смотреть на покойника, быть возле гроба, а в некоторых случаях и посещать кладбище, так как ребенок может не родиться или умереть позже. Обережными мерами было ношение булавок (обязательно новые 3 штуки) или украшений (серьги, кольца), использование металлических предметов.

Нам и сделан вывод, что в русской традиционной культуре под влиянием православной религии в меньшей степени признавалось воздействие угрожающих «злых сил», «порчи», « дурного глаза». Многие информаторы утверждают, что не верили в суеверия, предрассудки, в «сглаз», а надеялись лишь на Господа, «на волю Божью». Жили, стараясь исполнять христианские заповеди. По православным традициям, русской женщине предписывалось регулярно ходить в церковь на службу и чаще причащаться. Следовало читать определенные молитвы, посвященные вынашиванию здорового ребенка и благополучному исходу родов. Нельзя было работать в религиозные праздники.

У многих народов (тюркских, славянских) отношения к беременной женщине сложились в определенные нормы поведения. Имелись представления о «нечистоте» беременной женщины, которая была носителем переходного состояния ребенка «из одного – невидимого мира, в видимый, из асоциального – в социальный». Обижать и пугать беременную женщину было нельзя из-за боязни неприятных последствий для нарушителя. Впоследствии эта норма соблюдалась для спокойствия ребенка, чтобы он был в «покое» [12, Бирский р-н]. В желаниях еды не отказывали беременной женщине («потому что ребенок требует»), боялись, что это невыполненное желание проявиться в физическом здоровье или на теле ребенка. В свою очередь беременной совсем не следовало ругаться, с этим связывали благополучный исход родов и будущее здоровье ребенка. Легкие роды означали благоразумное поведение во время беременности и правильное отношение окружающих ее людей.

Схожими у народов Башкортостана были и предсказания пола будущего ребенка, например, по форме живота: если острый, «шилом» – будет мальчик, если круглый - девочка. Если живот сверху – то девочка, если опущенный – мальчик [12, Бирский р-н]. Определяли по лицу женщины: если «оставалось чистым, то будет девочка, становилось не чистым – мальчик». Узнавали пол ребенка и по пищевым пристрастиям беременной женщины: хотелось острой еды – будет мальчик, сладкой – девочка) [5], хотелось красного вина – будет мальчик [12, Бирский р-н]. Ориентировались: на какую ногу опиралась женщина при вставании с пола или лавки (на правую – будет мальчик, на левую – девочка). Определяли пол ожидаемого ребенка, разгадывая сны роженицы. Если снятся предметы женского рода, относящиеся к быту, рукоделию, то будет девочка, если мужского рода - мальчик.

В семье приветствовалось наличие детей разных полов. Нами зафиксирован метод планирования пола ребенка: если в семье рождались девочки, а желали мальчика, то в брачное ложе под подушку клали топор, чтобы была девочка – веретено [12, Бир-

ский р-н]. В случае пожелания мальчика под подушку клали шапку или фуражку, девочки – платок [12, Краснокамский р-н]. Сегодня этот метод планирования пола ребенка не используется и принимается как шутка.

Традиционно роды проходили в доме, при отсутствии всех членов семьи, у башкир в избе могли специально огородить пространство [15, с. 61], у татар проходили в чистой половине дома [18, с. 134]. У русских рожали лежа на полу, на койке или на печи, которую застилали соломой [12, Дуванский р-н]. Подобные положения использовались украинскими женщинами [1, с. 209]. Благоприятным местом для проведения родов также была баня, « если роженица еще терпит, баню затопляли, в бане рожать – чтоб никто не видал, не слыхал, чтобы потом все смыть» [12]. Роды могли проходить в бане и у марийцев [9, с. 38], чувашей [6, с. 129]. С целью уединения, скрытности использовали хлев и другие постройки.

Главную роль в родильных обрядах у всех народов играла повивальная бабка (повитуха), ею была опытная женщина, которая помогала в родах, знала молитвы, заговоры и способная оказать медицинскую помощь. При трудных родах она совершала акты, усиливающие родовую деятельность и определенные магические действия: распускала волосы роженице, снимала все украшения, кольца. В доме везде раскрывались замки, печные заслонки, развязывались все узлы, пояса. Все это должно было способствовать быстрым родам. При затянувшихся родах допускалось участие мужа в родинном обряде. Так, у башкир проводился обряд «снятия вины» [14, с. 3], у русских муж переодевается в женское платье и имитировал роды [7, с.48], муж переступал через роженицу (у мордвы) [17, С. 81]. У удмуртов и бесермян мужа заставляли каяться в изменах, если они были после женитьбы [11, с. 45].

Особое значение имели молитвы, заговоры и приговоры. У русских, помимо приговоров, повитуха читала молитвы «Отче наш», «Богородице» перед иконами и просила: «Распростай Господи человека (имя)», а затем заставляла роженицу повторять эти молитвы [12, Дюртюлинский р-н]. В доме зажигали свечи (венчальные), молодую женщину умывали святой водой. В особо тяжелых случаях просили священнослужителя открыть царские врата в церкви [8, с. 320]. Исходя из этого же принципа «раскрывания», открывали или снимали двери мечети (например, у башкир) [3, с. 196]. Роды проходили в позе лежа, с согнутыми коленями, стоя, держась руками за полотенце, закрепленным к перекладине, на коленях или сидя на корточках (характерна для тюркоязычных народов, в том числе башкир [14, с. 26–27]. Подобное положение было также зафиксировано у русских [12, Бирский р-н].

После появления на свет ребенка повивальная бабка перерезала пуповину ножницами или ножом. В традиционной культуре этому уделялось особое внимание, ведь от того, кто перерезал и где это происходило, зависела дальнейшая судьба ребенка. Существовали определенные ритуалы в отношении последа и пуповины ребенка. Они представлялись связующим звеном жизни малыша с потусторонним миром (или связывали его с землей, еще как часть духа ребенка). Поэтому их часто, предварительно вымыв, закапывали в чистую землю, где никто не ходил («в не хожалое место»), под забором, под сараем, под пологом бани, а также у башкир – в ряде случаев под порогом, под основанием дома, в подполе. У марийцев послед закидывали на чердак бани, завернув в старые лапти [10, с. 172]. Старались сохранить это место в тайне, чтобы никто не мог навредить ребенку. Многие информаторы до сих пор не знают, кто занимался их утилизацией, и где они находятся. Пуповину и послед могли хранить на протяжении всей жизни, используя их как оберег.

У многих народов также очень важными были первые произнесенные благопожелания младенцу, сопровождающиеся некоторыми действиями. Например, когда повитуха мазала ротик ребенка маслом и медом с пожеланием сладкой жизни и доброй натуры у башкир [14, с. 31], татар [16, с. 107]). Просто обмывая младенца, произносила: «будь здоровый, будь счастливый» [12, Дюртюлинский р-н].

Сразу после родов, в тот же день или на следующий, обязательно купали ребенка, в основном в бане. Когда она становилась нежаркой, повитуха (или мать, свекровь) помогала помыться роженице и искупать младенца, где она «правила» головку и другие части тела, придавая им «нужную» форму. Парила младенца, произнося различные приговоры, благопожелания. Баню топили три дня подряд, в каких-то семьях неделю, а в некоторых случаях и до сорокового дня. Первое купание символично и наполнено магическим смыслом, находит отражение во многих культурах как часть обряда очищения. В обряде участвовала молодая мама и повитуха. Читались очистительные молитвы и действия. По православным традициям женщина считалась «нечистой» после родов 40 дней, по истечению этого срока в церкви читалась «очистительная» молитва, затем она исповедовалась и причащалась.

Таким образом, родинные обряды в традиционной культуре народов Урало-Поволжья были наполнены магическим смыслом, что вело к обязательному их исполнению. А это является одним из условий существования этнической культуры. Единство представлений, взглядов, а последующем, межэтнические взаимодействия в результате интеграционных процессов, межкультурного взаимодействия, обусловили наличие общих обычаев в обрядовой культуре разных народов. Сегодня многие из них, с точки зрения рефлексии, являются иррациональными, но все они направлены на благополучный исход родов, поддержание здоровья ребенка и матери, успешную его социализацию в обществе.

Список использованных источников

1. Бабенко В. Я. Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. – Уфа, 1992. – 260 с.
2. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб.: Наука,1993. – 240 с.
3. Бикбулатов Н. В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002. – 248с.
4. Галиева Ф. Г. Факторы сохранения русского традиционного фольклора в Башкортостане» // Современные исследования социальных проблем. (электронный научный журнал). Красноярск: Научно-инновационный центр, – 2012. – № 6 (14). URL: http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/6/galieva.pdf (дата обращения: 20.06.2012).
5. Галиева Ф. Г. Этнографические исследования русского населения Башкортостана. Уфа, 2012. –140 с.
6. Егорова О. В. Этнография детства чувашей Волго-Уралья во второй половины XIX – первой трети XX вв.: традиционная родильная обрядность и социализация ребенка: дис…д-ра ист. наук. – Чебоксары, 2010. – 538 с.
7. Еремина В. И. Ритуал и фольклор. – М., 1991. – 207с.
8. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – 511 с.

9. Молотова Л. Г. Концепция «картина мира у марийцев» (анализ традиционных взглядов на рождение и смерть) // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. Вып. 29. – М.: Наука, 2003. – С. 34–62.
10. Молотова Т. Л. Марийцы в этнически смешанных селениях в Башкирии // Башкортостан и Марий Эл: исторический перспективы сотрудничества. – Бирск; Йошкар-Ола. 2007. – С.168–178.
11. Попова Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX – 90-е годы XX в.). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 238 с.
12. Полевые материалы автора. – 2013–2014 гг.
13. Сайфутдинова Г. Б. Мир детства у татар: обряды и практики социализации: дис….канд. ист. наук. – Казань, 2011. – 261с.
14. Султангареева Р. А. Семейно-бытовой фольклор башкирского народа. – Уфа: Гилем, 1998. – 243 с.
15. Султангареева Р. А. Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнограыическое исследование башкирских семейных обрядов. – Уфа: Гилем, 2005. – 344 с.
16. Уразманова Р. К. Современные обряды татарского народа. (Историко этнографическое исследование). – Казань: Татарское кн. издательство, 1984. –144 с.
17. Федянович Т. П. Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка (XIX – 70-е годы XX в.) // Советская этнография. – 1979. – № 2. – С. 79–89.
18. Этнография татарского народа / Авт.-сост. Р. С. Хакимов, Р. Н. Мусина, Р. С. Валеев…. – Казань: Магариф, 2004. – 287 с.

ПРЕДМЕТЫ ТРАДИЦИОННОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ ДЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)

OBJECTS OF TRADITIONAL MATERIAL CULTURE OF CHILDREN AMONG THE RUSSIAN POPULATION OF BASHKORTOSTAN (ON THE BASIS OF FIELD DATA)

Ю. Г. Диникеева (ИЭИ УНЦ РАН, г. Уфа, Россия)
Y. G. Dinikeeva (Kuzeev Institute of ethnological researches, Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences. Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена изучению материального мира детской культуры, в частности предметов детского назначения и специфических средств по уходу за детьми, у русского населения Башкортостана.*

Abstract. *The article studies the material world of children's culture, especially children's of objects and devices associated with caring for children among the Russian population of Bashkortostan.*

Ключевые слова: *материальная культура, мир детской культуры, предметы детского назначения, приспособления, зыбка.*

Keywords: *material culture, world of children's culture, children's objects, devices, baby cradle.*

Материальная культура является частью общей традиционной культуры народа. Именно по ней можно судить об уровнях экономического, социального развития, об отношениях внутри группы и общества, а также о культуре народа в целом. Целью данной статьи является исследование предметов детского назначения и специфических средств по уходу за детьми у русского населения Башкортостана. Источниками для написания статьи послужили полевые материалы автора, собранные в 2012–2014 гг. в районах Республики Башкортостан. Информаторами стали преимущественно женщины 1920–1940 годов рождения.

Материальная детская культура связана с младенческими и детскими предметами, которые использовались в повседневной жизни для заботы и воспитания детей. Некоторые из них сохранились в музеях республики (Караидельский р-н, Дуванский р-н, с. Ангасяк Дюртюлинского р-на, г. Дюртюли, г. Бирск, г. Уфа и др.), а от информаторов была получена информация об их изготовлении и бытовании.

Самым распространенным предметом мира детской культуры была детская колыбель-*зыбка*. Она использовалась не только для сна, в ней ребенок находился большую часть времени. Наибольшее распространение получила подвесная зыбка, которая представляла собой деревянную раму, обшитую сверху тканым полотном. Полотно служило и дном люльки. Изготавливалось оно из самотканой ткани (*холстинка*, *холщ, мешковина*) [1, 2]. По мере ее изнашивания в процессе длительного использования, ткань заменяли на новую. В основном зыбки изготавливали из липы или использовали дерево илем (*илемник*) [4]. Подвешивалась она за веревки. Так, в углах рамки делали специальные отверстия, либо к угловым стойкам крепили кольца, в которые и продевали веревки или ремни. Которые наверху соединялись.

Встречалась еще одна форма люльки (в северо-восточных и южных районах республики), которую делали в виде ящичка, сколоченного гвоздями, могли украшать резьбой, «точеными столбиками», боковины при этом делали высокими, чтобы ребенок не выпал [13]. Зыбки первоначально держались на *очепе.* Он представлял собой жердь, которая продевалась через кольцо, закрепленное в матице (*матке*). Один конец упирался, а на другом фиксировалась зыбка. Жердь была достаточно упругой, для изготовления которой использовали березу и липу. «Очеп – это жидкая палка такая, из березы, она сгибалась, и зыбка качалась» [5]. Позднее, с середины прошлого столетия, повсеместно вместо *очепа* стали использовать пружину, которая вешалась на вбитый крюк или одевалась на вбитые гвозди [6]. В некоторых домах устраивали двойную пружину: внутри – узкую, снаружи – широкую. В случае отсутствия пружины использовали бельевую резинку: «покупали резинку, складывали в несколько слоев и приделывали к кольцу» [7].

К бокам люльки крепили веревку, которая свисала почти до пола, так, чтобы сидя можно было раскачивать ее ногой. При этом женщины занимались домашними делами – шили, вязали, вышивали. Зыбку в основном устанавливали рядом с койкой матери: «если ребенок заворочался, встал раз, раз его и позыбал» [8]. Иногда ее устанавливали посредине избы или рядом с печкой. В некоторых домах делали переносную зыбку: «жердь вынимали из кольца и вкладывали другим концом, меняя расположение зыбки в избе в зависимости от времени года» [14, с. 243].

Для того, чтобы ребенок не выпадал, зыбку «наращивали» («делали вторые бока»). Над основной рамой ставили четыре перекладины, но так, чтобы они не были слишком высоко от основы, иначе части тела ребенка могли застрять между ними. Были известны смертельные случаи, когда голова ребенка оказывалась зажатой [3; 7].

С этой же целью бока зыбки со всех сторон зашивали тканью. Или надставляли зыбку «крестовиной» из дерева, выше основы [10]. Еще одним способом было привязывание чуть выше рамки по всему периметру веревок – *пронцев* [12]. Вместо веревки использовали тряпки, марлю, сложенную в несколько слоев. Сверху колыбель обязательно накрывалась *пологом* (*положек, балаган*), который защищал «от сглаза», света и насекомых. Шили его из ситцевой ткани, старой юбки или марли.

Дети находились в зыбке, пока не достигнут годовалого возраста, но бывало, и дольше, «спали в зыбке, пока следующий не родится». Большие семьи имели не одну зыбку. Пока ребенок маленький, его клали в маленькую люльку, когда подрастал – в большую и нарощенную. В такой он мог спать до трех лет.

Зыбки использовались многократно и передавались из поколения в поколение. В сельской местности их применяли до 70–80 х гг. XX в. В некоторых семьях колыбелью служила деревянная «коечка», с высокими бортами, сделанная под заказ, или *качка* (кровать-качалка) [11].

Когда ребенок мог самостоятельно сидеть (месяцев с 5-ти), использовали приспособление для усаживания, которое называли *стоялка* или *сиделка*. Она представляла собой «бочку» из цельного ствола дерева, с выдолбленной серединой (в виде «дупелка») без дна [7]. *Стоялка* была тяжелой, так что ребенок не мог из нее выпасть. В диаметре – до пятидесяти сантиметров. Сверху была «скошенна»: спереди было ниже, чем у спинки, так что можно было облокотиться руками. Внутри делали скамеечку, так Е. А. Богданова вспоминает: «внутри попереченку делали, так чтобы дитя мог сидеть и стоять, ее застилали тряпкой, чтобы мягонько было» [5]. Встречались и *стоялки,* в которых внутренние лавочки изготавливали поперек, и ребенок садился на нее верхом, ноги при этом ставились по разные стороны. При этом под ножки было вырезано более узко, а место для сидения оставляли более широким. Ребенку в ней также можно было стоять и сидеть [7]. *Стоялку* могли поставить рядом с табуретом, стулом, куда раскладывали игрушки, занимая малыша. Или к ней самой прилаживали небольшой столик [6]. Это приспособление была переносным, что позволяло маме находиться рядом, присматривать за ребенком и заниматься своими делами. Информаторы сообщают, что стоялки были в употреблении вплоть до 30-х–40-х гг. XXв., и их дети ими уже не пользовались. Такую же функцию что и *стоялка*, в некоторых семьях, выполнял перевернутый табурет, в который усаживали детей и обкладывали подушками, отвлекли игрушками [4].

Когда малыш уже мог стоять на ножках, использовали *ходульки* (*ходунки*). Они делались из палочек, которые обшивались тканью. Кверху были зауженной формы, чтобы стоящий в ней ребенок не провалился. С этой же целью «их делали до уровня его подмышек»[3]. *Ходульки* опирались об пол палочками [3], либо были на деревянных колесах (ходунки) [8]. Описывают *ходунки* также треугольной формы, представленные в виде двух соединенных треугольников. В основании «из трех палок делали большой треугольник, повыше – более узкий», их крепили между собой, чтобы конструкция была устойчивой и ребенок не провалился. Высоту делали, исходя из роста малыша, чтобы он мог держаться. Книзу приделывали деревянные колеса: «выточать дырку и вставят в ось», таким образом, чтобы спереди было одно колесо, а сзади два [5]. Ребенка ставили в ходунки и он, держась за бортики, мог перемещаться.

Для удобства передвижения и переноса малыша, сооружали *коляски,* в основном, в виде деревянного квадратного ящика на колесах. Дно застилали тряпками. Изготавливали *коляску* и круглой формы, и приделывали к ней колеса. Дно укладывали до-

щечками, а сверху накрывали подстилкой. Внутри *коляски «*делали маленькую дощечку, чтобы сидел» [10]. Ручки у колясок не делали, ее просто толкали за основание.

Еще одним важным предметом в быту ребенка был *стульчик* (детский горшок). Представлял собой маленький низкий стул, изготовленный, как правило, из фанеры, с цельными боковинами, из которых выпиливали ножки. В седушке посередине сделана небольшая дырка. Под *стульчик* ставили глиняный, эмалированный горшок или керамическую крынку [3]. Такой детский горшок был необходим для семей, где воспитывались дети, и поэтому являлся достаточно распространенным предметом быта. Если же не было *стульчика,* использовали глиняные, а позже эмалированные горшки с ручкой – *урыльник* [10].

Отдельно можно выделить приспособления для кормления младенцев. Если у матери не было грудного молока или его было недостаточно, прикармливали ребенка коровьим (козьим) молоком из *рожка.* Из коровьего рога выдалбливали середину и тщательно вычищали ножом. Информатор А. С. Иванова вспоминает: «рожком кормили <…>, так он очищенный был, как стеклянный и светлый становился» [9]. Узкий его край спиливали и натягивали на отверстие «коровью титьку» (сосок коровьего вымени), которую также очищали разными способами. Ее «вымачивали и вываривали в соленой воде, а затем, выскабливая, вычищали» [7], или «коровью титьку долго держали в кислой гуще, в простокваше, чтобы она готовая была, а потом чистили» [2]. Если она плотно держалась за *рожок,* ее ни чем не фиксировали. А если была широкой, ее привязывали ниткой. Для этого чуть выше края делали выемку, по которой наматывали нитку поверх «соска». Протыкали маленькую дырочку, чтобы молоко «бежало не сильно», вначале давали младенцу рог, и потихоньку вливали молоко. Если не было «коровьей титьки», к *рожку* привязывали тряпочку и также поили [5]. Позднее к рожку стали приделывать резиновые соски, которые стали продаваться.

Описанные выше элементы материальной традиционной культуры детства крайне редко можно найти в домах и в музеях из-за продолжительного использования этих предметов и их изнашивания. А также по причине утилизации с появлением более современных их форм. Собранные материалы о предметах детского назначения позволяют составить определенные представления об их бытовании, значении в жизни семьи и общества. Объекты детской традиционной культуры продолжали существовать в среднем, до 60–70-х гг. XX в., в основном в сельской местности республики. В результате значительных изменений во всех сферах жизни общества материальная культура также трансформировалась. Современные родители имеют возможность выбрать различные приспособления детского обихода в магазинах, которые представлены в огромном ассортименте.

Список использованных источников

1. Полевые материалы автора (далее – ПМА) 2012 г. Информатор Д. П. Выдрина (1931 г. р.), с. Бурново Бирского р-на РБ.
2. ПМА 2013 г. Информатор А. Ф. Дударева (1926 г. р.), г. Бирск Бирского р-на, урож. с. Абызово Караидельского р-на РБ.
3. ПМА 2014 г. Информатор В. Р. Подорожняя (1935 г. р.), с. Месягутово Дуванского р-на РБ.
4. ПМА 2013 г. Информатор З. П. Карпова (1931 г. р.), с. Бурново Бирского р-на РБ.
5. ПМА 2014 г. Информатор Е. А. Богданова (1926 г. р.), с. Ангасяк Дюртюлинского р-на РБ.

6. ПМА 2013 г. Информатор В. И. Ярославова (1931 г. р.), с. Бурново Бирского р-на РБ.
7. ПМА 2014 г. Информатор Н. А. Столярова (1929 г. р.), с. Байки Караидельского р-на РБ.
8. ПМА 2013 г. Информатор П. А. Корепанова (1932 г.р.), с. Бурново Бирского р-на РБ.
9. ПМА 2014 г. Информатор А. С. Иванова (1933 г. р.), с. Ангасяк Дюртюлинского р-на РБ.
10. ПМА 2014 г. Информатор М. М. Чукавина (1932 г. р.), с. Ангасяк Дюртюлинского р-на РБ.
11. ПМА 2013 г. Информатор А. А. Климина (1923 г. р.), г. Бирск Бирского р-на РБ.
12. ПМА 2014 г. Информатор К. И. Третьякова (1921 г. р.), с. Ангасяк Дюртюлинского р-на РБ.
13. Полевые материалы Галиевой Ф. Г. 2009–2013 гг. Дуванский, Мечетлинский, Белокатайский, Куюргазинский р-ны РБ.
14. Филипцова О. В. Мир детской культуры: повседневные предметы, игры, развлечения в будни и праздники // Русские Айско-юрюзаньского междуречья. Уфа, 2012. – С. 243–257.

ПРАЗДНИК КАК ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАЧАЛО НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

HOLIDAY AS THE UNIFYIG PRINCIPLE OF FOLK CULTURE

М. В. Лунина (Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Институт национальной культуры, Республика Мордовия, г. Саранск)
M. V. Lunina (National Research Mordovia State University name N. P. Ogareva, Institute of National Culture, Republic of Mordovia , Saransk city)

Аннотация. *Статья посвящена теме праздника в народной культуре. Автор приводит примеры основных жизненных ценностей, характерных для всех этносов, и их насыщенность праздниками и обрядами.*

Abstract. *The paper concerns the celebration in popular culture. The author gives examples of basic life values common to all ethnic groups, and their saturation holidays and rites.*

Ключевые слова: *этнос, праздник, обряд, народная культура.*
Keywords: *ethnos, public holiday, rite, folk culture.*

Народная культура – это сформированная столетиями исторического развития действительность, объединяющая в себе духовное бытие и повседневную будничность. В традиционную народную культуру входят материальные и духовные ценности передаваемые посредством празднично-обрядовых, семейно-бытовых и этнопедагогических традиций этноса. Традиционные праздники, обряды, ритуалы и художественное творчество воплощали духовно-нравственные ценности народа.

Любой этнос представляет собой сложную социальную систему, которая обладает рядом характеристик, как отличных от других этносов, так и сходных с другими общностями. Этническое самосознание базируется на архетипах, т. е. универсальных для всех народов прообразов, заставляющих человека неосознанно-одинаково на них реагировать.

Ценности народной культуры, выделившиеся в мифологический период, закреплены в архетипах в виде синтеза миропонимания и практики, и выражаются в форме конкретных

смыслообразов: *«земля», «урожай», «труд», «семья», «дом».* Эти, и производные от них ценности, имеют два основных значения для человека. Во-первых, знаменуют своим появлением окончание «бездомного» существования человека, во-вторых, они становятся «формулой» его выживания и ложатся в основу каждого этноса. Все эти ценности и смыслообразы существует в неразделенном единстве. На этапах первобытного общества они не отделимы друг от друга, но в то же время, каждый образ имеет свою уникальную систему ритуалов и обрядов, а во многих случаях и систему праздников.

Человечество развивается по одной и той же схеме, проходит одни и те же этапы, каждая культура имеет в своем начале этап аграрного развития. Следовательно, одним из основных видов деятельности народа, определившим дальнейшую судьбу человечества, по праву можно считать земледелие. Вокруг него выстраивался сельскохозяйственный год. «Природный и производственный циклы сливались в цикл религиозных ритуалов, церемоний и праздников» [1, с. 279]. Начало важнейших производственных работ знаменовалось молитвами и ритуальными действами, окончание сельскохозяйственного цикла – праздниками.

Первобытный человек посредством ритуалов пытался повлиять на природу, засеяв поле он приносил жертвы, совершал ритуально-магические действия. Все это и многое другое должно было иметь влияние на будущий *«урожай».* Тема плодородия – сквозная тема народной культуры, поэтому в искусстве получили большое распространение многочисленные символы и образы урожая и плодородия. Большое количество народных праздников имеют в своей основе образы плодородия.

Для получения хорошего урожая необходимо было много и упорно трудиться, поэтому «труд» выделился в отдельный смыслообраз. Земледелие и сельское хозяйство «это вынужденное, неизбежное усилие, всегда диктуемое необходимостью, наглядней всего проявляется в деятельности, которую принято называть трудом…» [2, с. 138]. *«Труд»*, в повседневном, рутинном его понимании есть то что противопоставляется праздникам.

«Семья» – отдельная, особая категория, отношение к ней человека разных эпох было разным но всегда оставалось празднично-обрядовое оформление ключевых моментов жизни семьи, будь то рождение нового ее члена, инициация, смерть или свадьба.

Проблема возрождения народных традиций остается актуальной для современной науки, еще Гуревич А. Я. Писал: «Ныне проблема «народной культуры» стала актуальной в науке, которая пытается расслышать голос поколений людей, не имевших доступа письменности и тем самым как бы исключенных из истории» [1, с. 13]. Таким образом изучение традиций прошлого делает возможным диалог культур прошлого и настоящего.

Единым для всех этносов остается пространство праздника, преследуя одни и те же цели, осуществляет одинаковые жизненные ценности, различия остаются на уровне их реализации. Так как жизнь человека всех исторических эпох и культурно-исторических типов зависит от осуществления основных жизненных ценностей, то они, сохраняют свою значимость и по сей день обеспечивая единство этносов внутри пространства праздника.

Список использованных источников

1. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. О спортивно-праздничном чувстве жизни / Ортега-и-Гассет Х. // Философские науки. – 1991. – № 12. – С. 137–152.

«КУНГУРЯКИ» АЯ И ЮРЮЗАНИ В XIX – НАЧ. XX В.: СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РУССКОГО СЕЛА В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ

«CONDURACHI»AYA AND YURYUZAN IN THE XIX – EARLY XX CENTURY: THE SOCIAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN VILLAGE IN THE DYNAMICS OF DEVELOPMENT

Е. Е. Нечвалода (ИЭИ УНЦ РАН, Уфа, Россия)
E. E. Nechvaloda (IEI USC RAS, Ufa, Russia)

Аннотация. *В статье рассматривается изменение социальной структуры русских сел 3 и 4 стана Здатоустовского уезда Уфимской губернии, основанных вольными крестьянами-переселенцами из Пермской губернии, протекавшие во второй пол. XIX в. под давлением развивающейся торговли и местных производств, под влиянием нарождающейся сельской интеллигенции.*

Abstract. *The article discusses the changing the social structure of Russian villages 3 and 4 mill Zlatoust uyezd, Ufa province, based liberated peasants displaced from the Perm province, proceeding to the second floor. The nineteenth century under the pressure of increased trade, and local productions, under the influence of the nascent rural intelligentsia.*

Ключевые слова: *Русские, Южный Урал, социальная структура, крестьяне, ремесленники, купцы*.

Keywords: *Russian, South Ural, social structure, peasants, artisans, merchants.*

Русское население Башкортостана пока мало изучено в этнографическом плане. Русское село как историко-этнографический феномен пока также слабо исследовано, хотя уже есть работы, посвященные истории и традициям отдельных сел [3, 4, 7 и др.], М. И. Роднов осуществил глубокое исследование социальной структуры [12].

Русские северо-восточных районов РБ – большая и компактная группа, костяк которой сформировался в результате миграционной волны крестьян – вольных переселенцев из северных областей (преимущественно из б. Пермской (Кунгурского и Красноуфимского уездов) и Вятской губерний) [11]. Предки этих крестьян были выходцами из других северных областей – Новгородской, Вологодской, Архангельской земель [1]. Опыт предшествующих массовых миграций оказался полезным, позволил выработать определенную стратегию переселений, минимизирующей издержки [1, с. 18–19; 14, с. 271]. Она вновь оказалась востребованной, когда крестьян б. Пермской губ. стали приписывать к работам на заводах, «что горше каторги считалось…» и «кунгуряки» вновь стали покидать насиженные места, уходя на юг – в междуречье Ая и Юрюзани [11]. Вероятно, еще до переселения на эту территорию русские крестьяне уже имели представления о землях, лежащих к югу. Вполне возможно, что отдельные члены сообщества бывали на них проездом. По территории междуречья проходили дороги, связывающие города и заводы Южного и Среднего Урала, пролегал почтовый тракт. В зимние месяцы многие крестьяне зарабатывали извозом. Не случайно первыми возникли на новых землях села Тастуба и Дуван, стоящие на почтовом тракте.

Суть упомянутой выше стратегии переселенцев заключалась в том, что первоначально на новые земли выдвигаются наиболее свободные и пассионарные элементы сообщества, которые присматриваются на месте, ведут переговоры об аренде удобных

для жизни и земледелия участков, рубят дома. Только после этого переселяются семьи: «жители некоторых селений Кунгурского уезда Пермской губернии стали приезжать в башкирскую Дуван-Мечетлинскую волость и кортомить (т. е. брать в аренду) новые, удобные для хлебопашества земли. Эти крестьяне кунгуряки имели свой временный притон в маленькой мордовской деревушке <…>. Земля пахотная – вновь была столь плодородная, что пришельцы задумали построить, с согласия башкир, свои дома» «Довольные своим новым житьем, новые поселенцы стали приглашать селиться своих земляков. И вот потянулись семьи не только из Кунгурского, но из других уездов Пермской губернии», – так писал В. Касимовский о с. Дуван, основанном Павлом Токаревым и Савватием Швалевым и Денисом Ширяевым [6, с. 2–3]. Уже через 10–15 лет в Дуване было около 50 дворов, а через 30 – около 200 [6, с. 3]. М. И. Роднов заметил: «Буквально на пустом вчера еще месте возникали огромные русские села в сотни дворов <…>, структура расселения косвенно свидетельствует о целенаправленной «подготовленной» миграции, когда наиболее «пассионарные» элементы из соседних деревень сговаривались для ухода на новые места» [11, с. 12]. У русских переселенцев в Сибирь был схожий «механизм освоения новых территорий: выбросы в неосвоенное пространство промысловых форпостов <…>, перемещения в новые локусы небольшими родственными и соседскими группами и в то же время сохранение связей с оставленными в тылу фронтира колонистами» [14, с. 271]. Кунгуряки сохраняли связи с территорией исхода: из Кунгура на местные ярмарки привозили расписные туеса, стеклянные кувшины и деревянные жбаны, шорный товар, из Суксуна – самовары [6, с. 6]. На кладбище с. Метели Дуванского р-на сохранился надмогильный камень 1891 г., надпись на котором гласит, что под ним погребена девица – уроженка Суксунского завода [13, с. 57].

Обстоятельства формирования группы имели большое значение для понимания специфики ее социальной структуры. Переселенцы во многих поколениях (начиная с XVI в.) всякий раз начинали с «чистого листа», стартовые условия в группе переселившихся семей были приблизительно равными. Очевидно, что в таких условиях сообщество в социальном отношении было в значительной степени гомогенно. Социальное напряжение внутри коллектива, которое зачастую бывает замешено на материальном и правовом неравенстве, было минимальным. Это определяло добродушие и корпоративную взаимопомощь «кунгуряков»: «общественный быт прост. Взаимная доверчивость и дружелюбие <…>. Мироед – явление редкое и не везде встречающееся <…>. «Зажиточный крестьянин зовет своих односельчан пособить ему поработать, за работу угощает вечером и считает себя обязанным отходить на помочь ко всем пособившим ему» [6, с. 25, 26]; «Важных уголовных преступлений бывает вообще немного <…> убийство же в видах воровства и грабежа не совершается русскими, потому что они живут в довольстве [6, с. 21].

Достаток в семье зависел от трудолюбия ее членов. Мечтой каждого было разбогатеть, построить мельницу и жить обособленной хуторской жизнью (по поговорке: «хлеба много – заводи свиней, денег много – мельницу») [6, с. 8, 27]. Эта «кунгурякская» мечта увлекала людей, манила, заставляла работать с утроенной энергией. Крепкий хозяин – вызывал уважение, а не раздражение, потому что его богатство – итог его честного крестьянского труда. В праздники она надевал сапоги, а в будний день, как и все – он в лаптях и в рабочей одежде.

Крестьянский мир русских сел 3 и 4 стана Златоустовского уезда Уфимской губернии все же не был монолитен. Конфессионально обособлены были старообрядцы,

которые проживали во многих селах «кунгуряков». Они селились отдельными концами или улицами. На кладбищах у них был свой участок, а иногда существовало по 2 кладбища в одном селе – православное и старообрядческое. (Как, например, в с. Корлыханово Белокатайского р-на РБ или в с. Озеро Дуванского р-на РБ).

Социальная структура основанных «кунгуряками» сел со временем постепенно усложнялась. В селах открываются школы, училища, больницы, ремесленные мастерские и небольшие производственные цеха, и, соответственно, появлялись люди, не связанные профессионально с сельским хозяйством. Так, в Дуване школа открылась уже в 1840 г., а в конце 70 гг. XIX в. функционировали уже два училища – для мальчиков и девочек. Школы земские и церковно-приходские, училища существовали практически во всех крупных селах.

К коммерческим операциям еще в 70-е гг. XIX в. богатые крестьяне относились «с крайней осторожностью» [6, с. 28], предпочитая торговать своим хлебом, продавая его жителям Юрюзанского, Катав-Ивановского и Усть-Катавского заводов [6, с. 8]. Но в селах все же постепенно открывались мастерские, минизаводы, торговые лавки. По данным 1870 г., в с. Тастуба функционировали свечной, мыловаренный, кожевенный, маслобойный заводы, в с. Метели – кожевенный и 2 красильных, в с. Ярославка – 2 кожевенных и красильный, в с. ст. Белокатай – 2 кожевенных. В селах Сикияз, Месягутово зарабатывали работами на судах; в с. Сикияз вели торговлю 39 лавок, в Ногушах – 36, в Дуване, Месягутово, Емашах – 20, в Метелях, Тастубе, Ярославке, Старом Белокатае – 15–17 лавок [9, с. 279–288]. В. Касимовский также отмечал: «есть у кунгуряков заводы – кожевенные, мыловаренные, салотопные. Есть между ними валенщики, суконщик, шляпники» [6, с. 27]. В начале XX в. в с. Вознесенка существовало гончарное производство, в выселке Чертан – кирпичное, в с. Емаши – пимокатный цех.

Наиболее заметные изменения в социальной структуре сел «кургуряков» происходят в начале XX в. Первые робкие коммерческие опыты крестьян в начале XX в. – уже успешный бизнес. Среди купцов были даже купцы 1 гильдии [3, с. 20]. Функционирование в селах купцов, их торговых лавок, заводов, требовало целого штата подрядчиков, экспедиторов, писцов. Ими становились выпускники сельских школ и училищ. Показателен такой внутренний монолог героини одного из мемуарных произведений о будущем своих детей: «Окончат двухклассное училище, я им говорю: теперь вы грамотные, взрослые, куда хотите, туда и идите. Можете батрачить, как и раньше, можете поступать в ремесленное училище, можете в приказчики к купцам проситься или в крендельную Климина поступать…» [5, с. 53]. Школа воспринималась как социальный трамплин: «Степкина мамка все жилы давным-давно вытянула на работе, а ребятишек своих правильно в жизнь выводит – все ардашата в школе учатся» [8, с. 20].

В начале XX в. в селах формируется интеллигенция села, свое «общество» – слой обеспеченных и образованных людей. «Общество» от крестьян-односельчан отличал не только уровень дохода, но и ориентация на городскую культуру. Это проявлялось не только в ношении одежды городского типа, но и во многих других сферах культуры. Важными проводниками этих культурных импульсов служили школы и библиотеки: «в селе Дуване игра в рюхи вместе с игрой в бабки, горелки и лапту была одной из любимых игр. Крокет только входил в игорный обиход, да и то лишь в школьный…» [5, с. 44]. В библиотеках дети знакомились с классикой художественной и научной литературы, в школах функционировали драмкружки, ставили спектакли [8, с. 18, 24].

Села росли, численность населения в наиболее крупных из них была соотносима с численностью населения городов Уфимской губернии. Так, по данным 1870 г., в г. Белебей

проживало 2453 чел., в Бирске – 3846, в Стерлитамаке – 5779, а в Дуване в тот же период проживало 3586 чел., в Тастубе – 2066 [9, с. 279–288]. В начале XX в. в Дуване численность населения превышала уже 6000 человек, а в селах Месягутово, Метели, Ногуши, Тастуба, Старый Белокатай она составляла свыше 3000 человек [11, С. 13]. В с. Старый Белокатай в 1912 г. провели телефонную линию, а чуть позже – и телеграф [2]. В селах действовали даже фотомастерские (Г. Г. Рудакова – в Дуване, А. А. Малинина – в Вознесенке) [10, с. 308]. Развитая торговля и ремесленное производство, действующие школы и училища превращали крупные села в начале XX в. в своеобразные протогорода.

К началу XX в. резче становились социальные контрасты, глубже экономическое неравенство. Нарастало социальное напряжение. Так, в с. Ярославка (Дуванский р-н) в начале XX в. батрацких хозяйств было 2%, 28% – бедняцких, середняцких – 30%, середняцко-крепких – 20%, кулацко-зажиточных – 20% [3, с. 28], в Метелях – слой зажиточных крестьян составлял 10 %, безлошадных хозяйств в Метелях – 123, с одной лошадью – 153, имевших двух – 176, трех – 78, четырех и более – 140 [7, с. 10]. Бедные нанимались на разного рода работы к богатым – обслуживали: обстирывали, убирали, работали в поле. В литературных произведениях мемуарно-биографического характера, отразивших уклад крестьянского быта, жизнь села и отношения между разными социальными слоями в начале XX в., есть описания и противопоставление крайней бедности и богатства, взаимной неприязни представителей полярных в экономическом отношении групп: «где же предел бедности? Самой бедной семьей он считал свою, но только до встречи с берсенятами. Он был, как и братишки с сестренками, как-то одет, во что-то обут, а они ведь совершенно голые и босые…» [5, с. 31].

Социальное неравенство проявлялось и в сфере образования: «кто учится? Четверо – священниковы «барчата», шестеро – купчата, еще шестеро – дети учителей да из богатых семей двенадцать человек. Нас, бедняков, всего двое» [8, с. 20]. В хозяйстве бедняка дети нередко не имели возможности учиться, так как в бедных семьях дети – это работники, помогающие своей семье выжить: «сестренка Саша с семи лет идет в няньки. Надо зарабатывать свой кусок хлеба. В десять о нем начинаю задумываться и я: пасу коров или работаю на пахоте и бороньбе» [8, с. 12]. Социальное неравенство порождало социальное напряжение. И судьбы этих детей, поколения – ровесника века, тому яркое подтверждение. Представители его в начале XX в. учились (или не имели возможности учиться) в сельских школах, а после 1917 г. они активно участвовали в кровавом гражданском конфликте.

Так, в течение XIX в., преимущественно во вторую его половину, сообщество крестьян – вольных переселенцев с изначально незначительным уровнем экономического расслоения, объединенных взаимопомощью, общностью хозяйственной деятельности, культурных традиций и ценностей, дифференцировалось в профессиональном и имущественном отношениях. В начале XX в. кроме крестьян в жизни села большую роль играли ремесленники, купцы, учителя, врачи, приказчики, экспедиторы, писари и другие. Изначально гомогенное сообщество расслаивалось, социальная структура села становилась сложнее. При этом одна часть сообщества односельчан в быту, одежде, жилище сохраняла приверженность традиционной культуре, другая же переходила на городские формы.

Список использованных источников

1. Александров В. А., Власова И. В., Кремлева И. А., Листова Т. А., Макашина Т. С., Чагин Г. Н. На путях из Земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. – М., 1989. – 352 с.

2. Белокатайский р-н: история и современность. Режим доступа: http://www.novo-belokatay.ru/village-councils-and-villages/139-village-starobelokatay.html
3. Брагина С. Я., Ковин А. В., Ковин А. П. Село родное Ярославка. Без в.д.
4. Галиева Ф. Г. Русское село Вознесенка Дуванского района Башкортостана. – Уфа, 2013. – 92 с.
5. Долгов. Блеск в тучах / рукопись. – 262 с.
6. Касимовский В. Исторические очерки о Дуване. – Месягутово, 1991. – 29 с.
7. Кашаева А. Село Метели (краеведческий очерк). – Месягутово, 2003. – 27с.
8. Кучин П. П. Покуда сердце бьется. Средне-Уральское издательство. – Свердловск, 1969.
9. Населенные пункты Башкортостана. Ч. I. Уфимская губерния. 1877. – Уфа, 2002.
10. Нечвалода Е. Е. Собрания предметов материальной культуры русских айско-юрюзальского междуречья в музеях Дуванского р-на Башкортостана // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – С. 302–320.
11. Роднов М. И. Краткий очерк истории русского населения северо-восточной Башкирии // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – С. 10–13.
12. Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917): социальная структура, социальные отношения. – Уфа, 2002. – 314 с.
13. Рыбалко А. А. Традиционная архитектура русских сел Дуванского района Республики Башкоротостан // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – С. 57–98.
14. Шелегина О. Н., Мамсик Т. С. Колмлева Е. В. Адаптационные механизмы и практики среди русского населения Сибири в XVI – начале XX в. // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. – М., 2010. – С. 270–277.

СОБРАНИЕ ПРЕДМЕТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ БАШКОРТОСТАНА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ МУЗЕЯХ РБ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

THE COLLECTION OF OBJECTS OF MATERIAL CULTURE OF RUSSIAN BASHKORTOSTAN IN THE STATE AND PUBLIC MUSEUMS OF THE REPUBLIC OF BELARUS AS A HISTORICAL SOURCE

Е. Е. Нечвалода (ИЭИ УНЦ РАН, Уфа, Россия)
E. E. Nechvaloda (IEI USC RAS, Ufa, Russia)

Аннотация. *В статье обобщаются материалы о собраниях артефактов традиционной материальной культуры русского населения Башкортостана, отражающих особенности хозяйственной деятельности, ремесел, бытового уклада, одежды в музейных фондах.*

Abstract. *The article summarizes the materials of the meetings of the artifacts of the traditional material culture of the Russian population of Bashkortostan, reflecting characteristics of economic activities, crafts, household structure, garments in Museum collections.*

Ключевые слова: *Этнография русских Южного Урала, музейные собрания, Башкортостан.*

Keywords: *The Russian Ethnography of the southern Urals, the Museum's collection, Bashkortostan.*

Исследование этнографических собраний по народам и регионам в фондах государственных и общественных музеев, их описание, фотофиксация, каталогизация – насущные, актуальнейшие задачи в современной этнографии, исполнение которых позволяет ввести в научный оборот огромный корпус новых материалов. До настоящего времени научный потенциал музейных коллекций остается слабо реализованным. Музейные собрания наряду с полевыми, опубликованными и архивами материалами являются важнейшим источником этнографических исследований. В будущем их роль в этом качестве на фоне размывания и забвения этнических традиций будет все возрастать. Музейные этнографические коллекции, которые в России создавались в XVIII–XX вв. и продолжают формироваться в настоящее время, позволяют увидеть этнические культуры в их развитии на большом хронологическом интервале. Ни один другой этнографический источник не дает таких возможностей. Научный потенциал этнографических фондов реализован пока неудовлетворительно – лишь малая часть артефактов из запасников введена в научный оборот: опубликована в научных трудах или в музейных каталогах. Русское население Южного Урала изучено неравномерно. Русские Республики Башкортостан – малоизученная в этнографическом плане локальная группа и именно на ней будет сосредоточено внимание в этой статье.

Предметы этнографии русских РБ из музейных собраний пока опубликованы «штучно». Не изданы каталоги этнографических предметов этой группы русских в фондах государственных музеев.

Русские этнографические коллекции, приобретенные на территории Уфимской губ, а позже – Республики Башкортостан имеются в центральных музеях: незначительная по объему коллекция, состоящая большей частью из случайных предметов, хранится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) [6], в Российском этнографическом музее - свыше 100 экспонатов. В последние годы (начиная с 2011 г.) в РЭМ поступают коллекции по этнографии русских РБ, собираемые известным этнографом И. И. Шангиной. В фондах Национального музея РБ содержится интересная коллекция русской одежды и текстиля – всего более 140 экспонатов. Самые ранние из них поступили на хранение еще в Губернский музей, а последние приобретения относятся к 2002 году. Национальный музей РБ располагает некоторыми уникальными предметами: *епанечкой*, кокошником, комплектами южнорусского костюмного комплекса из рубах, глухих *понев* и туникообразных передников с рукавами. В коллекции представлены рубахи как с прямыми, так и косыми *поликами*, как южный поневный, так и северный сарафанный комплексы женской одежды, а также предметы мужской и детской одежды, чулки, пояса и другие элементы традиционного костюма, а также бытовой текстиль.

В фондах Музея археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН коллекция предметов этнографии русских РБ комплектовалась не одним поколением собирателей. Первые экспонаты для МАЭ были собраны В. Я. Бабенко, коллекции предметов этнографии русских были переданы Е. С. Данилко, З. И. Миннебаевой, Р. И. Якуповым, И. В. Кучумовым, И. М. Габдрафиковым, М. Г. Муллагуловым, Ф. Г. Галиевой, Е. Е. Нечвалодой. В собрании МАЭ нашли отражение различные сферы традиционной культуры

русских: материальная и культово-обрядовая. Благодаря последовательным сборам в МАЭ хранятся изделия из различных материалов: из прута и лыка, из луба и дерева, из металла и глины из текстиля [1]. Коллекции артефактов русской традиционной культуры, собранных на территории РБ, хранятся ныне в музеях городов РБ (в Белорецке, Белебее, Нефтекамске, Бирске, Стерлитамаке и других) и иных южноуральских музеях (в гг. Челябинске, Златоусте, Магнитогорске, Миассе) [3]. Уникальнейшим по составу и количеству экспонатов является собрание «Этнографического музея» на с. Юматово (Уфимский р-н РБ). Богатые этнографические коллекции имеют Музей М. Цветаевой в с. Усень-Ивановское (Белебеевского р-на РБ), Музей Чапаевской дивизии с. Красный Яр (Уфимского р-на РБ) и многие другие. Ценные предметы традиционной культуры хранят не только государственные музеи, но и нередко этнографические собрания общественных музеев в сельских населенных пунктах РБ. Коллекции сельских музеев, имеющих статус общественных, не учтены в реестрах, не имеют каталогов и не введены в научный оборот, но объем хранимых в них этнографических артефактов колоссален [4]. Существование сельских общественных музеев и их этнографических коллекций обеспечено, как правило, только энергией энтузиаста-создателя. Зачастую сельские музеи не располагают надлежащими условиями для хранения, а при закрытии школ или уходом хранителя экспонаты таких музеев исчезают безвозвратно и гибнут для науки. Описание и фотофиксация этнографических предметов из общественных музеев – кропотливая, но насущно необходимая работа.

Аккумулированные в музейных коллекциях предметы отражают многие грани материальной культуры русского населения Башкортостана – быт, хозяйство, домашние и ремесленные производства.

В русских селах в прежние времена работали кузнецы, плотники, столяры, гончары, пимокаты, бондари, чеботари, сапожники, портные. Мастера делали мебель, вили веревки. Потребности в предметах бытового и хозяйственного назначения покрывала продукция не только мастерских разного профиля, но и различных домашних производств. Распространенным женским занятием было ткачество, у мужчин – плетение лаптей, пестерей, кошелей, изготовление нехитрой домашней утвари – коромысел, ложек, туесов и другого инвентаря. Представленные в музейных фондах предметы – продукция существовавших некогда производств – разнообразны по назначению, по технологиям и материалам, использованным при изготовлении. Широко представлены в музеях предметы, связанные с земледелием – основным занятием населения: цепы, грабли, вилы, серпы, косы, *четуха* (ведро для нагребания зерна), *грохот* для провеивания зерна.

Как писал В. Касимовский, «Скотоводство при больших запашках у крестьян немалое: лошадей держат по нескольку десятков» [2, с. 8]. В селах, стоящих на тракте в прошлом было распространено извозничество. Коневодство, получившее в прошлом значительное развитие, отражено в музеях такими предметами, как деревянные седла, бубенцы (*ширканы*), подковы, стремена и другими. В хозяйствах держали коров и овец. Приспособления для обработки шерсти и шкур – основных продуктов овцеводства – в местных музеях представлены мялкой для шкур (школьный музей с. Лемазы) и устройством для взбивания шерсти (школьный музей с. Тастуба). Из овчинных шкур шили шубы, тулупы и шапки, из шерсти валяли валенки на зиму и войлоки, которые стелили на пол или на печь для мягкого сна, из шерстяных нитей вязали чулки и варежки, ткали шали, делали пониточное сукно (основа - льняная нить, уток – шерстяная).

Наряду с земледелием и скотоводством, традиционным занятием являлось собирательство. В лес отправлялись за грибами (*губами*), разнообразной ягодой, хмелем, травами, традиционно употреблявшимися в пищу (*пиканами, кислицей*) [2, с. 6], в военные голодные годы собирали желуди (*желудки*), крапиву, свербигу, лебеду, сарану, сныть. Корзины, лубяные короба, туеса, которые служили обычной тарой при собирательстве, есть практически в каждом музее. В дорогу, в поле, в лес брали с собою плетеные из лыка кошели, которые также присутствуют в музейных собраниях.

В селах были свои гончары. Их продукция и сегодня не только встречается в домах, но порою и используется по прямому назначению. Собрания керамической посуды в музеях полно раскрывают разнообразие их форм и размеров. В большом количестве присутствуют *корчаги, цедилки, крынки*, кувшины, горшки, масленки, тарелки (*латки*), формы для выпечки традиционного лакомства – *каравашек.* В тастубинском, ярославском и других музеях хранятся *цедилки* и *корчаги* с отверстиями для слива. В школьном музее с. Дуван имеется глиняный подсвечник местного производства. Гончарное производство существовало и «при колхозах». В музейных собраниях широко представлен круг предметов, с которым соприкасалась в основном женщина – кухонная и бытовая утварь, предметы, связанные с обработкой льна или конопли, с ткачеством, одежда домашнего пошива, предметы, связанные с воспитанием детей и другие.

Кроме гончарной посуды, описанной выше, в музеях хранится в большом количестве деревянная: долбленая, бондарная и берестяная. Это – различных размеров и назначений долбленые *дупла (дупелки)*, а также блюда, бочонки, *квашни* (емкости для теста), *туеса, бураки, пестери, сельница* – емкость для просеивания муки, *русленник* – продолговатое корытце из дерева с отверстием для стока, использовавшееся для отцеживания солода и для рубки капусты. Хорошо представлена в музеях и другая кухонная утварь: старые *сечки* – кухонные топорики для рубки с плоским дисковидным лезвием на ручке, а также ухваты, лопаты, *мутовки* из ели или сосны, скалки, лопаточки для муки, деревянные ложки и т. п.

Важное место среди других женских работ занимали обработка льна и ткачество. В музеях полно представлены инструменты и приспособления для обработки льна: мялки, трепала в виде плоской дощечки на ручке, чесалки с железными зубьями из гвоздей, щети из щетины для расчесывания волокон, *пряхи* – расписные прялки с донцем и широкой лопастью, мотовила, тюрики, скальницы, воробы, ткацкие станки (*кросна*) и детали к ним, челноки, веретена.

В музеях хранятся *тапки́* – маленькие квадратные дощечки для изготовления поясов. В каждом музее представлены изделия ткачих – скатерти и полотенца, выполненные в технике многоремизного ткачества, полотенца из пестряди, половики-дорожки, одежда сшитая из домотканины. В школьных музеях северо-восточных районов РБ встречаются редкие экспонаты – старинные полотенца, украшенные в технике ажурного ткачества.

Женщина – крестьянка была многодетной матерью. В музеях представлены предметы, связанные с воспитанием детей: люльки (*зыбки*), седухи в виде полого цилиндра, выдолбленного из ствола дерева, в который вставлялось сиденье (по центру) и подножие (у нижнего края). В тастубинском школьном музее хранится рожок для кормления грудного ребенка из коровего рога, усеченного с конца, с кольцом утолщением на краю. На конец рога перед кормлением одевалась кожа, снятая с коровьего сосца, с отверстием для вытекания молока. Она фиксировалась на рожке за утолщением.

В музейных собраниях отражены также и «мужские» инструменты – это рубанки, пилы продольные и поперечные, топоры, кочедыки (*кочетыки, катачики*) и колодки

для плетения лаптей, деревянные колодки для шитья кожаных туфель и ботинок. Много в музеях кованых изделий.

В музеях представлены предметы, наполнявшие интерьеры крестьянских домов – лавки, столы, стулья, шкафы кустарного производства, зеркала, покупные сундуки, самовары, светцы, фонари, филейные и тканые скатерти, вязаные крючком салфетки, «кружки»-половички, вышитые полотенца, подзоры кроватей и другие.

Вещный мир русских крестьян был не только функционален, но и декоративен. Предметы украшены писаными или вышитыми цветами, птицами, вырезанными на дереве солярными розетками и другими геометрическими фигурами. Музейные собрания хранят произведения различных видов декоративного творчества русского населения: узорного ткачества, вышивки, резьбы и росписи по дереву. На текстильных предметах в музеях можно встретить различные приемы вышивания. Тамбурная вышивка с контурным рисунком, основа которого – очерченный одной непрерывной линией стилизованный растительный мотив, встречалась на самых старых полотенцах (изготовленных в XIX в.). Для украшения одежды и полотенец широко применялась вышивка крестом. В начале XX в. были распространены филейные вышивки, образцы которых тоже представлены в музеях. Вышивка гладью встречалась и на предметах начала XX в. (например, на свадебной мужской рубахе из с. Вознесенка), но особенно часто – на изделиях середины – второй половины XX в.: вышитых панно, салфетках, покрывалах и других. В то же время в моду вошло вышивание в технике «ришелье» на подзорах, салфетках, оконных занавесках. Основой для вышивки служили в разное время разные материалы – пестрядь, фабричные ткани (камлот, ситец, сатин), ткань с «вафельной» фактурой.

Украшением музейных коллекций служат резные деревянные предметы: пряничные доски (формы для выпечки), *вальки, трепала, швейки*. Резным орнаментом украшались иногда части ткацких станков – *набилки, ставины*. Резчиками использовалась преимущественно двухгранно- и трехгранновыемчатая резьба, значительно реже – ногтевидная. Эксклюзивным экспонатом – прекрасным образцом скульптурной резьбы является деревянная утка (манок – ?) из школьного музея р.ц. Месягутово. Реализм скульптурного изображения выявляет искусность резчика: при лаконизме трактовки соблюдены безупречно точные пропорции, формы, силуэт птицы.

Хорошо представлены в музеях предметы, украшенные росписью. В большинстве случаев она исполнена в технике свободной кистевой росписи. Чаще роспись встречается на *пряхах*. В писаном орнаменте основные мотивы – цветы-бутоны и крайне стилизованные, условно трактованные птицы. Расписные *пряхи* и сегодня можно встретить в домах, где они по-прежнему сохраняют свое функциональное назначение. В музеях есть и другие предметы, украшенные росписью – бураки, туеса, вальки, трепала. На Урале существовало несколько центров декоративной росписи. В Кунгуре и округе работали мастера-профессионалы, расписывавшие прялки, бураки, коромысла [5]. Расписанные предметы имеют близкие аналоги, изготовленные в б. Пермской губернии. Для расписных предметов из Дуванского района, также как и для кунгурских, были характерны темно-зеленые, темно-синие фоны. Вероятно, многие расписные предметы попадали в дома крестьян б. Златоустовского уезда Уфимской губернии благодаря ярмаркам. О том же писал В. Касимовский: «Из Кунгура привозят раскрашенные берестяные туеса (бураки)» [2, с. 6]. Прялки, изготовленные самими крестьянами могли быть расписаны и проходившими по селам мастерами [5].

Популярным мотивом на декорированных изделиях были птицы (петушки, голуби и другие), которые встречались не только в росписи, но и в вышивке (крестиком, гла-

дью, в филейной), в красочном штапованном орнаменте. Реже встречаются в музеях предметы с сюжетной вышивкой. В школьном музее с. Тастуба хранится очень интересный, редкий экспонат – полотенце с вышитым крестом бытовым сюжетом: русская семья за столом. Женщины изображены в сарафанах, мужчины с бородами. Эта вышивка – почти этнографическая зарисовка начала XX в. Другая сцена вышита на полотенце из музея р. ц. Большеустьикинское Мечетлинского р-на: парень и девушка стоят под деревом рядом с домом.

Некоторые предметы имеют вытканные, вышитые или вырезанные надписи, содержание которых – имя хозяина, имя того, кому был предназначен в дар предмет, пожелания, даты. Наиболее характерные предметы с текстами – это именные пояса. Чаще на поясах был выткан текст подобного содержания: «СЕЙ ПОЯС НОСИТЬ НЕ ТЕРЯТЬ ПРИНАДЛЕЖИТ ТАТЬЯНЕ ЗАХАРОВНЕ КИСЕЛЕВОЙ», «СЕЙ ПОЯС ТКАН НАИМЕ ...», но иногда встречаются и более поэтичные надписи: «СЕЙ ПОЯС АЛОЙ МАКОВКЕ САДОВОЙ ЯГОДКЕ КСЕНИЕ ГРИГОРЬЕВНЕ ГРОБОВОЙ НОСИ НЕ ТЕРЯi», «(Н)Е КОМУ В РУКИ НЕ ДАВАИСЯ ДАИСЯ ТОМУ КТОМИЛЬ СЕРЧУ МОЕМУ АЛЕКСАНДЬРЕ ИВАНОВНЕ БАЛЬДИНОЙ», вкрапленные в текст цитаты: «СЕЙ ПОЕС НАИМЕ ЕВДОКИЕ ПЕТРОВНЕ ФАМИЛИИ ВОРОНОВОi БЖЕ ЧАРЯ ХРАНИ ПОУТРУ РАНО ПТАШЕЧКА СТАЕi».

На одной из швеек (из школьного музея с. Ярославка) вырезана заботливая, вероятно дарственная надпись: «мама опочинивайся». В школьном музее с. Тастуба хранится *тюрик* (барабан для наматывания нитей) с вырезанной на нем датой – «1862». Возможно, это, один из наиболее старых предметов из дерева в исследованных музеях. Во всяком случае, дата, вырезанная на нем – самая ранняя из других, которыми, отмечены некоторые предметы из указанных собраний.

Кроме этнографических предметов, в музеях хранятся старые фотографии (начала XX в. и первых десятилетий советского времени), которые сами по себе представляют интереснейший источник для этнографических и антропологических исследований. На них отражен не только физический тип населения, прически и одежда, но и традиционные занятия, средства передвижения. Фотографии в местных музеях – это не только фотодокументы, но и живые свидетели процветания сел.

Предметы из музейных собраний позволяют проследить в некоторых случаях эволюцию традиции в ее различных аспектах: изменения в технологии, используемых материалах и технике изготовления. Порою только предметы из музейных собраний позволяют визуализировать устные рассказы информаторов, представить конструкцию предметов. В сложившейся ситуации, когда последовательные, поэтапные комплексные этнографические исследования материальной культуры русского населения РБ находятся лишь на начальном этапе, роль музейных коллекций как источника для этнографических исследований становится особенно важной, а порою –исключительной.

Музейные собрания позволяют проследить не только эволюцию традиций, но и их локальные варианты. Например, нетрудно заметить на музейных материалах как различается русская керамика северо-восточных районов от керамики из Ишимбайского р-на, как северный сарафанный комплекс переселенцев из б. Пермской губ., осевших в северо-восточных районах РБ, отличался от южнорусского поневного комплекса переселенцев из б. Тульской губ.

Дальнейшее исследование и публикация русских коллекций в фондах музеев РБ позволит мобилизовать и ввести в научный оборот огромный корпус новых материалов, сделать доступным для работы важнейший источник этнографических исследова-

ний, и на этой основе выявить локальные варианты культуры одной малоизученной группы русского этноса, и проследить как в каждом из них протекали эволюционные процессы, оценить их темпы и характер, выявить группы, в которых традиции сохранялись наиболее консервативно, определить факторы консервации и модернизации для каждой из групп, проследить процессы внутриэтнического взаимодействия на примере стирания исходных этнографических различий переселенцев и сближения традиций на основе распространения общих форм, рассмотреть процессы межэтнических взаимодействий на примере выявленных заимствованных элементов.

Список использованных источников

1. Ахатова Ф. Г. Русские коллекции // Музей археологии и этнографии: Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2007. – С. 181–182.
2. Касимовский В. Исторические очерки о Дуване (1868 г., 1877). Месягутово, 1991.
3. Лаженцева Л. В. Собрание предметов из села Ярославка Дуванского района РБ в фондах Златоустовского краеведческого музея // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – С. 327–330.
4. Нечвалода Е. Е. Собрания предметов материальной культуры русских айско-юрюзаньского междуречья в музеях Дуванского района Башкортостана // Русские айско-юрюзаньского междуречья: история, антропология, культура (историко-этнографические очерки) / сост. Е. Е. Нечвалода. – Уфа, 2011. – С. 302–320.
5. Соколова М. С. Художественная роспись по дереву. [электронный ресурс] // http://www.webartplus.narod.ru/folk5.html.
6. Станюкович Т. В. Каталог коллекций отдела Европы МАЭ. Общие сведения о коллекциях отдела Европы и их собирателях // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XXXVIII. – Л., 1972. – С. 153–198.

ТРАДИЦИОННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

TRADITIONAL ART IN THE CONTEMPORARY WORLD

О. Г. Беломоева (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева», г. Саранск, Россия)
O. G. Belomoeva (The Mordovia State University, Saransk, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена проблемам позиционирования народного искусства в современном мире.*

Abstract. *Article is devoted to the problems of positioning Folk Arts in the modern world.*

Ключевые слова: *традиционная культура, народное искусство, локальная, национальная, транслокальная культура, диалог культур.*

Keywords: *traditional culture, folk art, local, national, translocal culture, dialog of cultures.*

Современная художественная культура представляет собой весьма сложное, многослойное явление. Одним из значимых ее пластов по-прежнему является народная художественная культура, ядро которой составляет народное искусство. Ориентация на традицию является в нем в буквальном смысле слова определяющей чертой его специфики как типа народной художественной культуры. В силу этого оно рассматривается нами как явление, наиболее ярко ассоциирующееся с понятием «традиционная культура». Прослужив человеку на протяжении столетий, на рубеже XX–XXI вв. народное искусство оказалось в весьма трудной ситуации, ставящей под вопрос само существование его как феномена культуры. Новая культурная парадигма, характеризующаяся как эпоха трансформаций, которые затронули все наиболее значимые ценности, выработанные человечеством в предыдущие столетия, попросту попыталась отказать традиции в самом праве на существование, провозгласив курс на ее отрицание.

В новом глобализирующемся мире, в котором нарастают черты унификации и стандартизации, казалось бы возникла безальтернативная ситуация: опасность поглощения этнонациональных культур. Однако не все оказалось так однозначно: одновременно заявила о себе и противоположная тенденция, выразившаяся в частности в феномене так называемого национального возрождения – заметного усиления интереса людей к своим этническим, национальным корням, истории, традиции, выработанной предками. Тем самым возникли новые возможности для сохранения и развития традиционной культуры, более того, ее позиционирования в глобальном пространстве, ее включения в содержание современных культурных практик. Ярким примером может послужить художественный опыт этнофутуризма. Это – известный художественный феномен современной культуры финно-угорских народов, синтезировавший художественный язык постмодернизма и архаические образы народного искусства. Эстетической программой этнофутуризма становится актуализация этнических форм в поле постмодернистской культуры. В архаическом искусстве как бы заново были открыты опыт интуитивного прозрения коллективного бессознательного, сопутствующая архаике могучая магическая энергия, вера в жизнь. В этом искусстве, пользующемся весьма условным художественным языком, нашли воплощение важнейшие элементы традиционной картины мира, тем более, что для него наиболее характерны космогонические и этногонические сюжеты и мотивы. Формой их выражения помимо станковых произведений непременно становятся хэппенинги, перформансы, инсталляции, традиционные для искусства авангарда. Построенный на единстве двух удаленных друг от друга во времени художественных и культурных феноменов – архаической традиции и авангардных поисках новой выразительности рубежа XX–XXI вв. – этнофутуризм представляет собой «не просто пересказ общепонятным современным языком содержания древней магии и первичных художественных структур, а попытку воссоздать утраченную человечеством картину мира как целого, модель мироздания» [6, с. 150].

Другим проявлением обозначенной тенденции является рождение этно- и экотуризма, также представляющих собой возвращение нашему современнику традиций народной культуры, выработанных в веках. В этом же русле находятся и попытки создания своего рода сетевых взаимодействий, объединяющих культуру на уровне диаспор, мест бытования этнических или национальных культур вне исконного места жительства их носителей. При этом традиционная культура расширяет ареал своего распространения. На этих принципах основан, например, проект «Русский мир», целью которого, по мысли авторов, является расширение бытования русской культуры в мировой пространстве.

Русский мир рассматривается в данном случае как культурный регион, созданный по типу сетевой структуры, которая могла бы обеспечить «развитие рынков человеческого, социального и интеллектуального капиталов, на морфологии русскоязычной диаспоры» [2, с. 47]. Это позволит осуществлять реальную поддержку русскоязычной культуры в странах ближнего зарубежья, укрепить связи с диаспорами дальнего зарубежья, выпускниками советских и российских вузов, работающих по всему миру.

При реализации этого проекта произойдет объединение не территориальных, а транслокальных культур, поскольку исторически сложилось искусственное сегментирование русскоязычной культуры. Смысл такого рода культурной регионализации состоит «не в обособлении русскоязычной культуры, а в ее воссоздании и интеграции в глобальные межкультурные взаимодействия» [2, с. 48].

Новая эпоха, отмеченная процессами глобализации, породила одну из острейших проблем современности – формирование культурной идентичности, осознание человеком своей принадлежности к той или иной этнической, национальной культурной традиции. Это попытка определить свое место в быстро меняющемся мире, своего рода островки стабильности, некие неизменные духовные ориентиры. Вряд ли она может быть решена без обращения к феномену «традиционная культура».

Конечно, современный человек живет в очень сложном мире. Он принадлежит различным культурным пластам, в силу того, что его жизнь может протекать не только в пространстве локальной (этнической, национальной) культуры, наиболее ему привычной, но и в условиях инокультурных установлений, которые при определенных условиях могут стать для него постоянной средой обитания. Следует отметить также, что в настоящее время даже пространство локальной культуры бывает насыщено инокультурным присутствием, что заставляет человека адаптироваться к новшествам. Поэтому в силу интенсификации культурных взаимодействий наиболее актуальной моделью культурной идентичности личности представляется вариант, включающий три слоя, образующих единство: этническая культура, национальная культура, транслокальная культура.

Этнические (традиционные) культуры наиболее закрыты для контактов и взаимодействий, сосуществуют, проявляя понимание и терпимость, но и усматривая друг в друге угрозу. Национальные культуры более открыты для контактов, поэтому способны к диалогу, готовы к продуктивному взаимодействию. Транслокальная культура программно космополитична, существует поверх национальных границ как продукт информационной эпохи. Культурные взаимодействия развиваются между ними в трех модификациях: этническое – национальное, национальное – транслокальное, этническое – транслокальное.

В отношении культурной идентичности личности это означает, что современный человек в той или иной мере оперирует ценностями всех трех известных ему типов культур. Другими словами, его жизнь в пространстве глобальной культуры не лишает его национальной принадлежности, приверженности к локальной культуре. Более того, как считает Н. Н. Федотова, при обретении новых уровней идентичности происходит «сакрализация локального» [8, с. 55]. При этом под сакральным понимаются не обязательно только религиозные явления, но и священные для индивида феномены его повседневной жизни. Именно в этом проявляется значимость традиционной культуры для современной эпохи. В ней заключены фундаментальные ценности, смыслообразующие слагаемые бытия. Фактически в ней нашла отражение коллективная память поколений. Но, как пишет Ю. С. Обидина, «коллективная память – это не внешняя среда,

а индивид, выразитель персональной памяти, имеющей историческое значение» [5, с. 26–27]. Она характеризует личное, глубоко укорененное в человеке, составляя наиболее глубокий уровень, ядро его культурной идентичности.

В этой связи становится очевидным, что традиционная культура способна соответствовать вызовам времени и способна сыграть определенную роль в формировании гражданского единства. Для России как страны многонациональной и многоконфессиональной этот вопрос весьма важен, поскольку в основе менталитета российской культуры лежат славянский, финно-угорский и тюркский компоненты, а население России составляет более 150 этнических групп. На протяжении столетий, в процессе формирования российской государственности между ними сложились добрососедские отношения, именно в этом смысле, как неоднократно отмечал В. В. Путин, Россия представляет собой уникальный опыт диалога культур.

В ряду культурных взаимодействий казалось бы наиболее сложно должен протекать диалог традиционных культур, в контексте которых изначально родилось народное искусство. Они были рождены в доиндустриальную эпоху и по-прежнему остаются архаичными, земледельческими в своей основе. Их характеризуют как замкнутые, ориентированные на изоляцию, непроницаемые и т. п. Каждая из них формирует собственную, уникальную картину мира, рожденную особенностями природных и исторических условий жизни этноса. Так же многообразно и традиционное народное искусство, которое существует в реальности как искусство этноцентричное, выражающее уникальную картину мира, систему ценностей народа, выраженную в только ему присущей художественной форме. Как пишет М. В. Логинова, «… инвариантность художественного творчества в пределах «этносферы» обусловлена устойчивостью этнического характера, психического склада или, в более свободной формулировке – «дух народа», которые кристаллизуются в искусстве» [3, с. 121].

Тем не менее восприятие народного искусства, как правило, не вызывает трудностей у любой, даже неподготовленной публики, в то время как произведения профессионального искусства подчас могут вызвать отрицательные эмоции, непонимание, отторжение. По-видимому, это свидетельствует о том, что в основе любого этнического варианта народного искусства в первую очередь лежат некие всеобщие, общечеловеческие моменты, которые делают его общепонятным. Известна точка зрения Л. Н. Толстого, который считал, что каждый народ употребляет различные приемы для выражения «общего идеала», и что благодаря именно этому мы испытываем особое наслаждение, вновь находя идеал выраженным новым и неожиданным образом [Цит. по 4].

Народное искусство является наиболее ранним типом народной художественной культуры. В его основе лежит этническая картина мира – представления народа об окружающей действительности, сложившиеся под влияние многочисленных внешних и внутренних факторов. Как тип народной художественной культуры, народное искусство берет истоки в культуре первобытности, но возникло оно в классовом обществе, в связи с разделением труда, по мере утраты синкретизма первобытной культуры. В нем ярко выражена связь с мифологией находит выражение картина мира свободного общинного крестьянства, которое к этому времени сформировалось в единый этнос. Она была прежде всего нацелена на отражение представлений о природе, воспринимаемой как извечно существующий исток жизни. Не удивительно, что главной темой народного искусства стала, как пишет М. Н. Некрасова, тема победы смерти жизнью. [4]. Идея бессмертия, вечного продолжения жизни, понимаемой как циклический путь рождения,

развития, смерти и… нового рождения как начала очередного круга, действительно пронизывает традиционное искусство разных народов.

Ее главенствующее положение была связана с той неразрывной связью человека с живой природой, календарным циклом, которая определяла его жизненные ритмы. Изначальная слитность человека и природы, крестьянского труда и природных условий действительно характерны для народного мироощущения. Народный мастер чувствует себя внутри природы, поэтому образы народного искусства являются не отражением внешнего мира, а, как указывает Г. К. Вагнер, «самим бытием»: «В них как бы закреплены самые непосредственные, а поэтому и самые фундаментальные представления о вечном порядке и гармонии мироздания, о незыблемости круговорота жизнедающих сил природы» [1, с. 37]. Одной из существенных особенностей образов народного искусства становится то, что они не сочиняются, а помнятся, передаются из поколения в поколение, поскольку в основе их лежат архетипы, составляющие структуру коллективного бессознательного. Оно как бы составляет фундамент его содержания.

К. Юнг определял архетипы как элементы универсальные и наследуемые, как модели инстинктивного поведения. Они присутствуют в психике любого человека. В этой связи одна из последовательниц К. Юнга А. Яффе подчеркивает, что «если все люди имеют общие и врожденные стереотипы эмоционального и рассудочного поведения (названные Юнгом архетипами), то вполне естественно ожидать, что мы обнаружим их плоды (символические фантазии, мысли и действия) практически в любой области человеческой деятельности» [10, с. 306].

Знакомство с традиционным искусством различных народов позволяет выявить целый ряд образов, которые широко распространены у многих из них. К числу наиболее часто встречающихся относятся дерево, конь, баба, птица, круг, квадрат, ромб и т.п. Как показывают многочисленные исследования в области семантики образов народного искусства, в них заключается символика космологического характера: в народном искусстве мир понимается как целостность, человек чувствует себя частью космоса, в котором все подчинено общему с природой порядку. Б. А. Рыбаков, развивая идею об отражении модели мироздания в народном искусстве, считает, что у различных народов в нем нашла воплощение картина мира, основанная на неподвижности земли и на круговом движении солнца над и под плоской землей, возникшая около 4000 тысяч лет назад и оказавшая влияние на народное искусство XIX–XX вв. [7].

В формировании общности этого мировидения также играет известную роль подсознание, в котором К. Юнг отводил немаловажное место феномену самости. Он понимается им как чувство целостности, которое, охватывая всю психику человека, изначально присуще каждому индивидууму. Ощущение себя как некоей целостности порождает и отношение к миру как единому целокупному явлению. Как считает, фон Франц, «…у каждого человека его психическое ядро каким-то образом переплетается со всем миром, как внешним, так и внутренним.… Каким-то абсолютно неизвестным для нас образом наше подсознание также настроено на окружающую среду, на наш круг или общество в целом и, кроме того, на пространственно-временной континуум и всю природу» [10, с. 205].

В этой связи чрезвычайно актуальны идеи М. Элиаде, который, касаясь проблемы мифа и истории, подчеркивал, что «народная память с трудом удерживает «индивидуальные» события и «подлинные» лица. В своем функционировании она опирается на отличные от истории структуры: использует *категории* вместо событий, архетипы вместо *исторических персонажей*… воспоминания об исторических событиях и подлин-

ных персонажах трансформируются в течение двух или трех веков, и только затем получают возможность войти в матрицу архаической ментальности, отторгающей *видуальное* и сохраняющее только «*образцовое*». [9, с. 70–71, курсив автора].

Таким образом, не смотря на особенности традиционного искусства, вступающие подчас в противоречие с современными социокультурными реалиями, следует обозначить тенденцию к диалогу культур разного типа, объективно отражающую характер бытия традиционной культуры в современном мире. При этом потенциал, заложенный в содержании народного искусства, отражающего мифологические представления о мире, в свою очередь заключающие в себе универсальные архетипы, является тем зерном, которое становится отправной точкой культурного взаимодействия традиции и новейших тенденций. Понимание природы как источника жизни на земле, способность народного искусства к воплощению идей мироздания, близких каждому человеку, делают его достоянием любого народа. Не случайно народное искусство не знает барьеров для диалога культур, как правило, оно не требует особых пояснений. Коллективный опыт бытия, заложенный в его произведениях, созвучен опыту многих народов, поскольку он основан на базовых ценностях, по существу единых в своей основе для всех.

Именно это обстоятельство свидетельствует о том, что традиционная культура и ее ядро – народное искусство способны играть существенную роль в формировании гражданского единства современного многонационального общества.

Список использованных источников:

1. Вагнер Г. К. Трудности истинные и мнимые // Декоративное искусство СССР. – 1973. – № 7. – С. 37–38.
2. Малиновский П. В. Глобализация 90-х годов: время выбора // Глобализация: контуры XXI века: реф. сб. – М., 2002. – Ч. 1. – С. 5–49.
3. Логинова М. В. Актуальные проблемы этнического искусства // Этнические миры и культурные универсалии: материалы Междунар.науч.-практ. конф. – Саранск, Мордов. ун-т, 2013. – С. 119–122.
4. Некрасова М. А. Народное искусство России. Народное искусство как мир целостности. – М.: 1992.
5. Обидина Ю. С. Роль исторических мифов в формировании идентичности и трансляции этических ценностей // Проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья: сб. материалов VI, VII. Всерос. науч-практ. конф с междунар. участием. – Йошкар-Ола, 2014. С. 25–27.
6. Розенберг Н. Традиционная культура финно-угров Поволжья и Приуралья в условиях глобализации // Глобализация и локальная культура: сб. науч ст. / сост. и отв. ред. Г. И. Зверева. – М., 2002. – С. 146–153.
7. Рыбаков Б. А. Макрокосм в микрокосме народного искусства // Декоративное искусство СССР. – 1975. – № 1. – С. 25–32.
8. Федотова Н. Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. – 2003. – № 6. – С. 50– 58.
9. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. – СПб: Алетейя, 1998. – 250 с.
10. Юнг К. Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / Под общ. ред. С. Н. Сиренко. – М.: Серебряные нити, 1997. – 308 с.

ИДЕИ СОЛИДАРИЗАЦИИ И СПЛОЧЕНИЯ В ПРАЗДНИЧНО- ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ БАШКИР

IDEAS OF SOLIDARITY AND COHESION IN PUBLIC HOLIDAY- RITUAL FOLKLORE OF BASHKIRS

Р. А. Султангареева (ИИЯЛ УНЦ РАН, г. Уфа, Россия)
R. A. Sultangareeva (Institute of History, Language and Literature, Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences. Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена изучению башкирских обрядовых праздников хабантуй и йыйын. Особенности и специфика архитектоники, а также идейно-функциональные, структурные, эпизодические составляющие исследуются в контексте нового мифоритуального прочтения и целостном комплексном единстве фольклорно-этнографических, мифологических, антропологических компонентов. На основе анализа раскрываются архаичные истоки и значения празднеств, связанные не столько с земледельческими, а с воинскими состязаниями и идеей защиты мест обитания, страны – Иль (имя богини матриархата), культом и единством мужского и женского начал, умирания и воскрешения, освещены трансформации сакрализации Земли, плодородия, Древа жизни, мужской силы и женской красоты, коллективных обращений божествам.*

Abstract. *The article is devoted to the study of Bashkir ceremonial holidays habantuj and jyjyn. The features and specifics of architectonics, as well as the ideological and functional, structural, and episodic components are studied in the context of the new miforitual reading and holistic integrated unity of folklore-ethnographic, anthropological, mythological components. On the basis of the analysis reveals the archaic origins and values of the festivals associated not so much with the farming and military contests and idea protection of habitats, the country-Ile (the name of the goddess of Matriarchy), cult and unity of male and female started talking transformation of land covered, tree of life, fertility, male power and female beauty, collective petitions to the gods.*

Ключевые слова*: обрядовый праздник, культ, миф, функция, Древо жизни, воинские традиции , идеи единения родов.*

Keywords*: the ritual feast, the cult, the myth, the function, the tree of life, military tradition, the idea of Union labor.*

Башкирские пахотные празднества Хабантуй, маркирующие окончание весеннего посевного периода, принято связывать с почитанием зерновых культур и земледельческими традициями. Хабантуй (сабантуй у татар), проводимый как «праздник яровых, весеннего сева», перенимая древние традиции, связан с идеей поклонения зерну (һаба ашы – һоло, арыш), с посевом которого отмечается период начала нового урожая и цикла жизни. Культ зерна, отмеченный еще в эпоху неолита и энеолита, «соединяет также идеи диалектической триады жизнь – смерть – жизнь» [22, с. 69].

Однако комплексное исследование праздника в мифоритуальном контексте позволяет сделать достоверные проекции его на более глубокую древность. Так, семантика названия слова хабантуй восходит к архаичным доземледельческим традициям и в своих мифлогических, обрядовых замыслах связана с почитанием Матери – Земли,

также идеями закрепления, защиты места обитания, переживающей очередное оживление в новом витке времени. Подтверждает тезис тот факт, что на основе обширного материала исследователями выражается также сомнение о применении плуга как только пахотного «орудия». Термин сабан применялся не только как пахотное оружие, но и обозначает различные в функциональном отношении в целом орудия [15, с. 131]. Впервые зафиксирован в «Диване турецких языков» Махмуда Кашгари и вбирает такое же значение.

В половецком словаре термин «сабан» употребляется в значении «поле», «пашня», «земельный участок», а также имеются производные от термина: «сабан темир» (наконечник пахотного орудия, лемех), «сабанчи», земледелец, пахарь [15, с. 131]. Термин был распространен как в Восточной Европе, так и лесной Северо-Восточной и Северо-Западной Руси с XI–XII в. [15, с. 132–133]. Значение «сабан» как единица обложения, мера земли (по Срезневскому) идет в подтверждение искомого смысла «хабантуй» как охраняемой или искони завоеванной воинами-всадниками земли и праздника, посвященного соревнованиям в честь защиты священной страны-Иль и родной земли. В этой связи примечателен факт, что по историческим данным на территории Южного Урала в V–VI вв. до н. э. фиксируется появление новых социальных групп башкир воинов-всадников-һыбай [18, с. 66]. Отсюда семантично развитие «хабантуй» (хыбай+туй) в экстрополяции на имя мифологического Хаубан. Он − главный герой эпоса «Акбузат» − неимоверной силы преемник Урал-батыра. Если миссия Урала состоит в создании земель Урала, то главное назначение Хаубана − верность стране и устроительство институтов защиты и крепости страны-Иль: он объединяет крупные рода и назначает их глав. На наш взгляд, эти реалии обусловили идеи солидаризации, укрепления родовых связей и дружбы, первородно заложенные в замыслах Хабантуй и Йыйын (об этом нами было сказано и ранее). с этого времени как больших майданов с конными ристалищами, боевыми игрищами (имеющими значение воинских учений) при многолюдном собрании народа органично связывается с ними. Эти майданы издревле имели не развлекательные, а практические защитные цели. Большие собрания людей издревле начинались с бросания кличей (оран) и громких сигналов. Последнее совершалось у башкир ударами по полому бревну и называлось «һөнә һуғыу» [5]. Во время подворного собирания всадников даров один из егетов ритмично ударял об бревно, громко созывая: «Һабантуйға! Һабантуйға! Барығыҙ! Бүләк алығыҙ!» («На Хабантуй! Идите! Подарки возьмите!»). У казанских татар аналогично проводится обряд «сөрән сугу» [7, с. 25]. В названии этимологизируется процесс ударов, сопровождающих клич. Это один из первых компонентов организации, созывания родового коллектива для обращения к божествам (аналогичны обряды инициирования дождя, погодных предупреждений, восходящие к первобытным традициям).

Идея ограждения священного защитного и специализированного для проведения функциональных собраний места очень архаична, восходит к первобытным традициям и мифам о творении, окультуривании обитаемого пространства. Функциональность мест обряда и отсюда переходность, инициионность как константы в ритуалах освещены на материале свадебных, погребальных традиций [26, с. 100–103, 132], далее освещены на мифологическом материале [2]. Маркировка магического пространства имеет различные трансформации и ясно проецируется как в календарных («Кукушкин чай», «Каргатуй», «Сумбуля» и т. д), лечебно-магических (ограждают место исцеления, обводят вокруг больного круг, делают возле круговые хождения, «забирая болезнь»), иг-

ровых эпизодах (в «Убыр эбей» Мать-иней-кош очерчивает вокруг детей охранительный круг), защитных действах (перед ночлегом в поле огораживают себя кнутом , пропитанным конским потом) и т. д. Обязательность выделения пространства йыйын действовал традиционно и был обрядово фиксирован [17, с. 25]. Очерчивание земли, пространства хабантуй и йыйын – один из главных маркеров особого места назначения обрядовых праздников. Вспахивая возле деревни магический круг, старики произносили величание Аллаху (тәкбир әйтеү). Традиции создания магического круга вспахиванием земли, защищающего от мора и болезней деревню, имели место у чувашей [3, с. 43]. Башкиры в этот период ворота деревни закрывали и путников, странников не пускали. Во время мора, эпизоотий в селах башкиры вспахивали вокруг деревни землю, громко произнося такбар. (Записано в Караидельском, Давлекановском и др. районах). Так создавался магический обережный круг, пространство для событий особой важности. Эту сакрализованную территорию хабантуй маркируют обряды, символичные в контексте мест обращения к божествам и клятвоприношений − жертвоприношение коня, подворное собирание пищи, кличи, установление в середине майдана высокого столба, наличие судейства, участие народа из различных сел и родов, системность отдариваний – устойчиво знаковые компоненты хабантуй как искони военизированного празднества и способа солидаризации родов.

Традиционно связываемая с плугом (хабан) семантика праздника, таким образом, в свете нового прочтения согласуется с обрядами военизированных игр, нацеленных во имя солидаризации родов и укрепления защиты родных земель. Это подтверждается в контексте мифологического прочтения названия страны, земли и функций, назначения древнего празднества, имеющего первородные цели обеспечения безопасности и сохранения страны – Иль. Женщина по имени Хелль персонифицирует страну и в древности считалась богиней матриархата [19, 29]. Отсюда весь комплекс и замысел праздника структурируется с высшим поклонением, умилостивлением и усилением духа страны – Иль и специализированной функциональной ролью женщины в хабантуй. В народных празднествах устойчиво символичны обычаи выделения красивой и достойной женщины: так, борцы: «борются за платок, который держит женщина, славящаяся красотой» [28, с. 157], «победителя конных скачек и сабанного рыцарства отдаривает красивая женщина» [17, с. 26; 21, с. 274]. Так, в архитектонике хабантуй на языке мифоритуальной символики воплощена идея почитания в лице женщины духа страны – Иль. Показательны в этом сопутствующие данному почитанию, мифу компоненты единения. Праздник этот справляется по деревням так: «сегодня здесь, завтра на другой, ближней деревне, послезавтра в третьей и т.д., пока народ не возьмется за пашню» [14, с. 19].

Идея дуальности – главный компонент как мифов, эпических сюжетов, сказок, ритуалов, отражающих не только башкирскую, но и мировую философию древних. В этой связи примечательна в структуре празднеств особая символика мужчины, мужской роли. Знаменательны и неслучайны названия состязаний как «рыцарство» [17, с. 26; 25, с. 274], акценты на сохраняющуюся функциональную роль всадников в собирании даров [17, с. 25] и далее отмеченная как «многовековая доминанта мужского начала» [27, с. 99]. У башкир нижней Демы в деревнях молодые парни на полном скаку срывали с рук девушек наиболее ценные подарки – вышитые полотенца, которые привязывали к длинной пике, втыкаемой в землю. В ходе состязаний эти полотенца дарили победителям. Устойчиво сохраняющиеся силовые состязания хабантуя обнаруживают прямые параллели с играми военно-инициационного значения, развитыми в эллинскую,

греческую эпохи и традициями ведийских ариев, «где конные скачки были связаны с основной формой – жертвоприношений богам» [9, с. 456–457]. Башкирский хабантуй по времени (активное солнце), месту (вдали от поселения) и способу проведения, насыщенности праздника силовыми играми, состязаниями боевого характера – борьбой, стрельбой из лука и т. д. явственно проявляет родство с ведическими скачками, «имевшими мотив обыгрывания побед бога войны» [9].

В обрядовых празднествах, таким образом, проводятся не столько земледельческие, сколько идеи физической, боевой подготовки во имя борьбы и защиты страны. В первородности «хабантуй» по сути маркирует культ защитника, посвященность праздника покровителям духа народа и обитаемого пространства, усиления и воспроизводства, демонстрации боевого духа этноса и его солидаризации.

С усилением оседлого образа жизни,ьземледелия в названии, содержании обрядового праздника постепенно утверждается посевная символика. Весьма показателен тот факт, что в земледельческих обрядах многих народов мира конные скачки и жертвы коня вообще не присутствуют [22, с. 83–88], и более всего выражена аграрная символика, что подтверждает искомое значение весенних собраний хабантуй. Так, праздник Хабантуй формируется как место выявления самых сильных, ловких и мужественных мужчин, боевых тренировок и инициионное поле действий, где определялись зрелость юноши, ловкость и сила батыров, мудрость сэсэнов. По духовному содержанию, ментальности этот обряд запечатлел традиции, нормативы и принципы самозащиты, свойственные только коренному народу, издревле проживающему на местах обитания и заинтересованному в безопасности и воспроизводстве народа.

Обряд инициирования дождя, устраиваемый после празднеств хабантуй, имел всеобщий характер приобщения к магии воды. Проводится эпическая идея обеспечения страны животворной водой, «живущей» под покровительством демиурга, батыра (сыновья эпического Урал-батыра рассекают скалы и появляется вода). Посев символизирует оплодотворение земли. Отсюда символична и выразительна роль мужчин. «После посевных работ мужчины проводили обряд вызывания дождя в специальном месте [25, с. 18]. В непосредственном после посевных работ отправлении обряда «хабан хыуы» – (вода зерна) (обливали водой траву, дома, скот) [20, с. 40–45] проводится замысел помощи «оплодотворенной» земле.

В дальнейшей модификации обряда происходит слияние пахотных традиций празднеств Хабантуй и **Йыйын** (народные собрания), по смысловой, функциональной сути сосемантичных и близких по направленности. Йыйын сформировался как совет, собрание народа для обсуждений вопросов, консолидации родов. И демонстрации боевых потенциалов родов. В архитектонике хабантуй символичны эпизоды, отражающие идеи приветствия нового периода и мироустройства.

Башкиры медленно осваивали новый тип хозяйствования – земледелие. Поклонение живой земле-матери, знание о ее неприкосновенности, прочное в сознании народа в течение тысячелетий, влияло на установление новых земледельческих обрядов. Обширные земли, благодатные пастбища давали «возможность содержать многочисленные стада и потому для себя большей нужды в земледелии не имеющие башкиры» [23, с. 8] «питали такое отвращение к земледелию, что готовы лучше умереть с голоду, чем принудить себя взять соху в руки» [38, с. 148]. Переход от полукочевого скотоводства к земледельчеству, утверждение аграрных традиций занимает большой исторический период. Фактически произошло контаминирование йыйын, коллективных конных ристалищ с символическими действами посевного

производительного значения. На этом фоне и формировалась обрядовая земледельческая культура праздника, соединяющая различные в стадиальном отношении реалии, традиции: (культ земли, неприкосновенности обитаемого пространства, почитания зерна) и функции (защита сил этноса и боевая подготовка). В посевной практике в течение многих веков были устойчивы элементы языческого почитания живой матери-Земли (Ер-Әсә): перед посевом проводили раскатывания яиц по первой борозде, произносили просительно-умилостивительные моления сакрально чистой, неприкосновенной земле и плугу и т. д. Хабантуй как праздник усиления земли, плодородия, со временем восполняется и религиозными компонентами: «По окончании рыцарства вся деревня идет в мечеть, «на молитву» и просят бога урожая хлеба» [17, с. 26], «вся деревня съезжается на свои пашни, слушают приносимое муллою моление о плодотворной земле и изобилии в траве» [8, с. 103].

Особенностью обрядовой культуры является устойчивость ее эпизодов, отражающих по сути вековые нормативы, мировоззренческие стереотипы общества, бытовавшие на протяжении длительного исторического времени. В этой связи следы древнейших обрядов органически проецируются и в практике более поздних периодов. Показательные в исследуемой теме компоненты обряда хабантуй еще фиксировались учеными в XVII–XVIII вв: это жертвоприношение в складчину, участие нескольких деревень, силовые состязания, моления в поле, многообразие силовых состязаний, половая символика ритуалов, собирание по домам угощений, обязательных даров-пошлин и т. д. При том, что ареальными различиями в стиле хозяйствования корректируются способы и сроки проведения, основной сценарий праздника оставался неизменным. Это свойство является свидетельством многовековой давности и каноничности обрядового праздника, на фоне непрерывной традиции коренного народа приобретшего значение органа управления, школы боевых и жизневедческих искусств. Ареальный компонент как «западные башкиры в основном занимались земледелием, а восточные – скотоводством» включается в архитектонику значительно позднее .

В Хабантуй различаются эпизоды, представляющие обрядовой праздник как культово – мифологический ритуал с символикой первотворения, жизнеутверждения, умирания и воскрешения. Силовые состязания (куреш, бега, скачки), обнаруживая поразительную устойчивость во времени, показывают первородные функции Хабантуй и Йыйын, как боевых игр, восходящих культу силы (имевшему самостоятельное значение в мировоззрении башкир) и защиты земель обетования.

Таким образом, возникший в глубокой древности Хабантуй санкционирует защиту земли и призывание жизненных сил в важный момент входа человека в новый виток времени, вмещает и символику мироустройства и защиты оружием – хабан (сабан).

Атрибутика празднично-обрядового комплекса создается из многих составляющих компонентов культово-мифологического замысла. Например, в обрядах смех и веселье искони функциональны и восходят к их магии, идеям увеличения производительных, чувственных сил [26]. Отсюда в игровой культуре хабантуй и йыйын традиционно устойчивы бои с мешками, бега, одев на ноги мешки, бега с яйцами, положив их в ложки, доставания ртом монеты со дна полного катыка посуды, состязания в такмаках и т. д. Яйцо – активное в обрядовой практике многих народов, проводит идею увеличения жизненной силы.

Обрядово-функциональное содержание единения, солидаризации имеет высокий столб, водружаемый в середине пространства праздников. Издревле повелось так, что посреди майдана башкиры всегда водружали высокий столб – символ Древа жизни

(Ырыу ағасы). Проставляя свои тамги на этом Древе-столбе, башкирские рода приносили клятву верности земле, родной стране – Иль. Взбирание на высокий шест, столб (бағанаға менеү) выявляло истинного батыра, повелителя. Столб, как рудимент фаллического культа, закрепляет семантику мужского плодородного начала, как во многих традициях.

Возведение в середине майзана ҡолға – высокого столба олицетворяет Древо жизни, действует как знак освоения земли, маркирует принадлежность обитаемого пространства и связь с небесным Тэнгри, проводит природопоклонческие, социальные значения весеннего коллективного собрания во имя сохранения рода, Иль (страны). Доисламские идеи о магии плодородия (Природы, земли, зерна) согласуются с брачными: многие свадебные обряды, проводы невесты приурочивались ко времени Навруз, Йыйын, Хабантуй. Имели место мотивы почитания Солнца, земли, жизни, а также на языке символов-обрядов обыгрывались жизненные противоречия (бега, скачки, борьба), демонстрировался культ мужской силы (курэш, стрельба из лука, бросание камня-таш ташлау и т. д.), женской красоты (одаривания, танцы, песнопения, право решающего голоса и т. д.)

Особое место имеют эпизоды, относящиеся к почитанию красоты и молодости, женской силы как возбудителей новой жизни, когда «вопрос о праве владения платком от рук женщины решают борьбой или состязанием из лука. Шест с платком держит в руке женщина или девушка, славящаяся красотой, шегольством и искусством в рукоделии» [28, с. 157]. Победителей основных состязаний (конных скачек, куреш) также отдаривала красивая женщина. «На некотором расстоянии от зрителей на дороге молодой парень, или красивая молодая женщина держит на древке привязанный белый платок, вышитый по углам разноцветным шелком, который и достается в награду тому, кто всех на своей лошади перегонит и первый ее сорвет с шеста» [14, с. 26]. «Абсолютную победу решает борьба – курэш и сабанное рыцарство отмечает женщина, моложе всех замужем» [24, с. 274].

К летнему циклу по времени порведения относится **йыйын.** Йыйын представляет очень важную составляющую часть жизневедческой культуры и сложную форму башкирского йола в его идейной сути и полуфункциональности, соединяет миф, быт, идейно-нравственные, социальные задачи. Отсюда как правовые, управленческие, так и нормативные (обрядовые) и санкционирующие события функции башкирского йыйын. Вопросы кочевок, землепользования, войн, избрания биев – глав рода, клятвоприношения на верность родов решались на йыйын, практиковавшихся и в доисламскую эпоху. [5, с. 207]. Многолюдные майданы издревле имели социально-общественные, сплачивающие межродовые отношения функции. Мифологический замысел Йыйын (от слова собираться) восходит к культу Ер-һыу (Земли-Воды), идеям родовой защиты, охраны священных мест проживания и по времени проведения приходится на начало лета. Почитание земли акцентируется в ритуале сакрализации пространств и йыйын, и хабантуй – очерчивании земли (как и в хабантуй). Несколько всадников объезжают поле по кругу, прикрепив к седлу привязанный другим концом к бревну аркан (обряд называется ер һыҙыу. Записан нами в 1989 году в Давлекановском, 1991 г. − в Зианчуринском р-не РБ). След от бревна (раньше прокладывали борозду, обводили металлическим предметом) обладал обережными свойствами. Обычаи объезда или опахивания земли вокруг деревни во время эпидемий, очерчивание пространства вкруговую для защиты от змей, воздвижение каменных сооружений – комарткы (ҡараскы) на вершинах гор и холмов – все

они проводят идеи защиты и обеспечения неприкосновенности освоенной священной территории. Ныне сохраняются в Караидельском, Аскинском, Бураевском (ер әйләнеү), в Бардымском районе Пермской области. В центр обозначенного места водружают баған − высокий столб. Таким образом, магический круг маркирует пустоту и сакральную могучую точку с обозначенным центром ер кендеге (сакральный пуп земли). Создается микромодель мира, в котором визуально обыгрываются все жизненные реалии, поражения и победы, противоречия и решения конфликтов, жизнь и смерть.

Устойчивость функционального замысла, форм проведения и структуры, правил и атрибутики, также масштабность и отработанность действ, соблюдаемые в неизменности много веков, проецируют значение йыйын как высшего демократического органа консолидации и единения родов, власти и управления родами. «Йыйын на горе Янузак (ныне Стерлитамакский район) собрал народы из долин рек Тук, Соран, Иргиз, Ашкадар [3, с. 229]; «27 июня 1709 года возле озера Ыргызак Каип хан собрал всех беев и их войска, также башкир Нугайской, Казанской, Сибирской дорог и провел большой йыйын-туй» [6, с. 92]. Вопрос о присоединении к Руси решался на всенародном собрании возле села Орда на берегу реки Калмаш [18, с. 101]. Йыйын был местом обсуждения важных вопросов юрматинцев [1, с. 47; 12, с. 48].

Йыйын сформировался в глубине веков (X–XII вв. до н.э.) как орган сплочения племен и развития народной культуры: особенности борцовского, певческого, танцевального, словесного искусств и судейских (правовых) норм обнаруживают общность с ведийскими medha – майдан. Мастера слов, молитв благословляли, утверждали идеи сплочения и культ победы на майдане. На этих традициях укреплялась школа народного искусства и воспитания лучших представителей лидеров, батыров. Так, на йыйын Тамъян-Катайского рода действовали строгие требования по выявлению настоящих мастеров: певец, дошедший на третью ступень состязаний, должен знать историю песен и спеть две новые песни по заданию судей, а голос его должен быть слышен на 5 верст, звуки мелодий кураиста – на 10 верст по ветру…» [4, с. 217–218].

Мифологический замысел йыйын маркирует высокий столб – баган в центре майдана, связанный с культом (фаллическим) мужского плодородного начала. Возле столба закреплялись узы дружбы и единства: в знак солидарности, соблюдения решений йыйын, хранения родовых тайн совершали обряд клятвоприношения и вырезали (накладывали) свои тамги на большом дубе, называемом «Ырыу бағанаһы» (Родовой столб) или Ырыу ағасы (Родовое древо). [5, с. 207].

Сакрализация пространства проводится в том, что народные собирания всегда проходили на особых географически закрепленных «святых» местах. Известны места «Айҙа болон» (на границе современного Зилаирского района), поляны Тарауыл (Бурзянский район), Чесноковка возле г. Уфы [10, с. 267].

Могучий орган самоуправления и сплачивания межродовых уз, институт духовного воспроизводства и приобретения ментальных сил, йыйын вызывал серьезные опасения у царских властей, ищущих способы подавления и ограничения волевых действий непокорного, гордого народа. Указ о запрещении йыйынов был сообщен кантонным начальникам 17 ноября 1831 г. «Йыйын, собирающий тысячи башкир, татар, тептярей, рассматривался как недопустимые собрания многонационального населения края, не совместимые с регламентом военно-феодального режима» [11, с. 315]. Сужение функций йыйын, а затем и его запрет с течением времени привели к превалированию увеселительного, игрового состязательного компонентов. «Йыйын» пережил

различные модификации и, сливаясь с «Хабантуй», способствовал развитию обновленной формы празденства, народного творчества, этнической культуры.

Силовые (скачки, бега, борьба и т. д.) и художественные состязания (певцов, сэсэнов, танцоров) в этом празднестве проводят не столько идеи первотворения и защиты мира (как в хабантуй), сколько закрепления и официального санкционирования решений могучего органа единения и власти.

В календарно-обрядовых празднествах генеральной линией организации, целью и замыслами их проведения является идея солидаризации, сплочения и укрепления коллектива (рода, селения) во имя устойчивости сил и гарантий выживания в макрокосме человеческого сообщества и природы. В век индивидуализма эта идея располагает огромным потенциалом воспроизводства духовных, нравственных сил этноса.

Список использованных источников

1. Акманов И. Г. Общественный строй башкир // История башкирского народа. – Уфа, 2011. – С. 89–103.
2. Аминев З. Г. Космологические воззрения башкир. – Уфа, 2005.
3. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. В XIV. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1937. – 336 с.
4. Башкирское народное творчество. – Уфа, 2010.
5. Башҡорт халыҡ ижады. Йола фольклоры. 1-се том / Төҙөүселәре Ә. М. Сөләймәнов, Р. Ә. Солтангәрәева. – Өфө: Китап, 1995. – 560 бит.
6. Валиди Ахметзаки. История башкир (на башк. яз.). Уфа, 2005. 300 с.
7. Гайнутдинова Г. Р. Историко-лингвистический анализ лексики календарного обряда весеннее-летнего цикла «Сэрэн сугу» (слова, связанные с атрибутикой обряда) // Урал-Алтай: через века в будущее. – Уфа, 2014. – С. 25–27.
8. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. –СПб., 1776, ч. 2.
9. Елизаренкова Т. Я. Риг-веды, Мандалы I–IV. – М., 1989.
10. Иҙелбаев М. Х. Боронғонан аманат. – Өфө, 2007.
11. История Башкортостана. 1917–1990 гг.: в 2-х томах. – Уфа, 2004.
12. История башкирского народа: в 7 томах. – СПб., 2011.
13. Камалиева Г. З. Осенний календарный обряд Сомболэ // Актуальные проблемы современной фольклористики. Материалы межд. науч.-практ. конференции. – Казань, 2009. – С. 284–285.
14. Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 1 июля 1897 г. по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии. – Казань, 1898. – С. 18–25.
15. Краснов Ю. Календарные празднества. – М.,1987.
16. Кузнецов Б. И. Бог и маздаизм. – СПб.: Евразия, 2001. – 224 с.
17. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия академика Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768–1772 гг. – СПб., 1795–1814. – Ч. I–IV.
18. Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана. – Уфа, 2009.
19. Мифы народов мира. – М., 1980. – Т. II.
20. Нагаева Л. И. Башкирские народные праздники, обряды и обычаи. – Уфа, 1999.

21. Негмати А. Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. – Душанбе, 1989.
22. Покровская Л. Н. Земледельческая обрядность // Календарные обряды. – Л., 1983.
23. Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. – Ч. 3. М., 1813. – С. 110.
24. Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. – М.; Л., 1955. – 394 с.
25. Рычков П. И. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Труды Вольного Экономического Общества по поощрению в России земледелия и домостроительства. – СПб., 1767. – Ч. IV.
26. Султангареева Р. А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. – Уфа, Гилем, 1998.
27. Фатыхова Ф. Ф. Мужчины и женщины в традиционной календарной обрядности у тюркоязычных народов Урало-Поволжья: роли и статус // Феномен евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. Уфа; Сибай, 2009. – С. 97–100.
28. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом отношениях. – Уфа, 1859.

ОТГОЛОСКИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НАРОДА В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЯХ БАШКИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2014 ГОДА В ЗИАНЧУРИНСКИЙ РАЙОН РБ)

ECHOES OF MYTHOLOGICAL THINKING PEOPLE IN MODERN RECORDINGS BASHKIR FOLKLORE (BASED ON THE EXPEDITION 2014 ZIANCHURINSKY DISTRICT RB)

Г. Р. Хусаинова (ИИЯЛ УНЦ РАН, г. Уфа, Россия)
G. R. Khusainova (Institute of History, Language and Literature, Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences. Ufa, Russia)

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению отголосков мифологического мышления народа в современных записях фольклора. Судя по материалам, они обнаруживаются в разных жанрах, таких, как легенды и предания, загадки, а также в обрядах и обычаях башкир.*

Abstract*: This paper deals with the repercussions mythology thinking people in modern folklore records. Judging by materials, they are found in a variety of genres as legends, mysteries, and in the rites and customs of the Bashkirs.*

Ключевые слова: *фольклор, записи, современный, мифология, легенды, обряды*
Keywords: *folklore, recording, modern, mythology, legends, rituals*

Экспедиционный опыт показывает, что с каждым годом выявлять и записывать фольклор становится сложнее. С этой проблемой мы столкнулись нынче в одном из башкирских районов в южной части Республики Башкортостан – Зианчуринском районе. По сравнению с прошлым годом, когда наша экспедиция работала в Кугарчинском районе, материала оказалось в два раза меньше. Тем не менее, полевые исследования продолжают-

ся и, к счастью, пусть мало, но информация есть. Самое интересное: в народной памяти продолжают сохраняться остатки древних воззрений народа.

Во время экспедиции, которая работала в Зианчуринском районе Республики Башкортостан в текущем году, наряду с образцами традиционных жанров фольклора записаны и интересные сведения по древним воззрениям башкирского народа. Например, названия двух текстов топонимических легенд связаны с мифологическими персонажами: «Элек шайтаннар, әсәйҙәр әйткәнсә, яҙын, халыҡ йәйләүгә сыҡҡан мәлдә, бирелəр ҙә яҙ йәйләүгә сыҡҡан. Шуларҙың йәйләгән урынын Биреғол үҙәге тиҙәр». (Раньше шайтаны, как говорили родители, весной, когда народ уходил из деревни на летовку, бире (бесы) тоже отправлялись на летовку. Место их летовки называют Бирегул) и «Шайтан тауының башы ташлы, ҡаялы. Шуға уны Шайтан тауы тигәндәр» (Вершина Шайтан тау каменистая, скалистая. Поэтому ее назвали Шайтан гора) (1). Последняя легенда перекликается с легендой «Шайтан йылғаһы», услышанной и записанной нами в дер. Аккужино Учалинского района от Шарапова К. Ш., 1933 г. р., в 2007 году, которая гласит: «Йыл әйләнәһенә тыныс ағып, яҙғы ташҡын мәлендә шайтан кеүек ҡотороп баҡсаларҙы баҫа, күперҙең өҫтөнән ағып сыға, юлындағы нәмәләрҙе ағыҙып алып китә. Шуға уны, ауыл уртаһынан аҡҡан бәләкәй генә йығаны, «Шайтан йылғаһы» тиҙәр» (Круглый год спокойно течет, но во время весеннего половодья эта маленькая речушка становится неузнаваемо большой, шумной, накрывает водой огороды, мосты, смывает все на своем пути) [ПЗА]. Как видно из примеров, «шайтан» ассоциируется в случае с горой с каменистостью, скалистостью, а в случае с речушкой с сильным разливом реки в весеннюю пору, быстрым, шумным, бурлящим течением.

Отголосками первобытного мифологического мышления являются поверья и легенды о «хозяине дома», «хозяине гор» и т. п. Например: «Эйәһеҙ өй булмай. Күрше ауылда йәшәгәндә үҙебеҙ сығып китәбеҙ. Өҫтәл өҫтөнә будильник ултыртып китһәк, иҙәндә ята торғайны. Булыша торғайны. Мейес аҫтында йәшәй ул. Урыҫ үҙе менән алып китмәгән өйөнөң эйәһен. Өй эйәһен саҡырмаһаң, ул ҡала. Яңы хужаһын яратмай. Һәр кемгә беленмәй» (Дома без «хозяина» не бывает. Когда жили в соседней деревне, к нашему приходу будильник, стоявший на столе, валялся на полу. Это дело «хозяина». Живет он под печкой. Русский с собой не позвал «хозяина». Если, переезжая, хозяина с собой не позовешь, он остается. Новых хозяев дома он не любит. Не все чувствуют его присутствие); «Әсәй әйтә ине, тау эйәһе, була тип. Тауға барғанда: «Тау эйәһе, мин килдем. Йыуа алам», – тип һорайҙар, имеш тип» (Мама говорила, что у горы есть хозяин. Когда поднимаешься на гору, будто, надо просить разрешения: «Хозяин горы, я пришел. Дикий лук возьму»); «Балыҡ тоторға беренсе барғанда әсәй ике йомортҡа бирә ине, һыу эйәһенә бир тип. Һыуға ағыҙа инек: «Балыҡ тотам инде, ашарға, рөхсәт ит», – тип» (Когда первый раз шел на рыбалку, мама давала мне два яйца для хозяина воды. Мы бросали их в воду и говорили: «Я буду ловить рыбу, разреши, пожалуйста»); «Түбәләс – һыуҙың уртаһы. Шунда йылан-аждаһа кешене ҡосаҡлап ала ла ебәрмәй икән» (Тубэлэс – середина воды. В том месте змея-аждаха обнимает и не отпускает человека оказывается) (1). Скудными оказались материалы по обрядовому фольклору. Из свадебного обряда привлекли внимание названия двух эпизодов: сноx, которые организовывают брачную ночь молодым, у зианчуринцев называют «тотторған еңгә» (вручившая сноха); в отличие от башкир других районов, здесь свадьба начинается на стороне жениха, после свадьбы мать невесты остается и проводится «килен яулығы», где невеста раздает подарки» (2).

Интересный пример зафиксирован по знахарству: «Кәстрүлгә һыу һалдым, шуға өшкөртөлгән тоҙ һалдым. Аҡ сепрәккә баҫтым да, әҙерләгән һыуҙы аяғыма ҡойҙом, сихыры ваҡ ҡына ҡыл булып, аҡ сепрәккә йәбешеп ҡалды» «В кастрюлю налила воду, посыпала туда заговоренную соль. Встала на белую ткань и налила приготовленную воду на ноги, ворожба в виде мелких волос осталась на ткани) (4)».

Во время экспедиции были выявлены и зафиксированы также сведения по обычаям: «әйтеү әйткәндә аҡ ҡорбан салалар» (в заявленном случае в жертву приносят животного белого цвета), «нигеҙ ҡорған ваҡытта стакан менән һыу ултырталар, тулы ғына ултырһа таң атҡансы, шул тыныс була» (на месте, где задумали поставить дом, на ночь оставляют стакан воды, если утром обнаруживают его в неизменном виде, т. е. без мусора, не пролитую, место считают спокойным) (3), «өй һалыр урынға таба түңкәрәләр төнгөлөккә, дымланһа һәйбәт була, өй һалалар» (на месте, где будут строить дом, на ночь оставляют опрокинутую сковородку, если к утру она будет влажная, место считается хорошим (4), «бала тормаһа, ҡораманан тегеп, эт күлмәге тип, йәш балаға кейҙерәләр ине. Әҙерәк кейҙерә лә, һыуға ағыҙалар көсөк күлмәген» (если дети не выживают, очередному родившемуся ребенку надевают сшитую из лоскутков рубашку, которая называется собачьей. Через некоторое время ее снимают и бросают на речку (5) и т. п.; запретам: «ҡыйлы урынға, өс юл сатына өй һалмайҙар» (на перепутье трех дорог, на месте, где лежал мусор, дом не строят), «шишәмбе көн нигеҙ ҡормайҙар, ҙур эш башламайҙар» (во вторник дом строить не начинают, вообще большую работу не начинают (4), «Ир кешенең кейемен алама тип, иҫке кейемен, тупһаға һалырға, аяҡ һөртөргә ярамай, абруйы төшә кеше араһында» (старую одежду мужчины на порог не кладут, ноги не вытирают, происходит урон его авторитета среди людей (6), «Яулыҡты өскөлләп ябынмайҙар, фәрештә ҡунмай. Боронғоса ябынырға кәрәк» (4) (Нельзя завязывать платок в трехугольной форме, ангелов напугаешь. По-старинному надо завязывать).

«Өс силәк менән һыу ташыма, балаларың игеҙ була» (нельзя таскать воду тремя ведрами, двойняшек родишь) (2); календарным праздникам: «ямғыр теләгәндә уҡынып ярыҡ ҡаҙанды йылғаға түңкәрәләр» (при засухе на речку опрокидывают треснутый казан) (1); «булмаһа ла булмай икән баҙарҙа сөсикмәк» (8), «Үҙеңдеке – үҫтергәнсе, балаңдыҡы – үлгәнсе»(2), «үҙәкле малға үлем бар» (8); загадки: «15 ерҙән ишелә, туҙҙы ниһә тишелә» (септә һуғыу), «арттан китмәҫ арт» (ултырғыс) (8), «көлдөксәлә ҡомған – ике күҙен йомған» (бесәй), «Дөбөр-дөбөр дүртәү, ағалиме алтау, Сәфәр ағай яңғыҙ (һыйыр имсәге, күҙе, ауыҙы, ҡойроғо» (9).

Таким образом, по изложенным выше материалам комплексной экспедиции 2014 года, на наш взгляд, можно получить некоторое представление о мифологическом мышлении древних башкир, об их сохранности в памяти нынешних поколений.

Список информантов:

1. Кадырбеков Р. Н., 1935 г. р. (дер. Яныбаево).
2. Кувандыкова М. М., 1937 г. р. (дер. Идяшево).
3. Идельбакова Ф. Б., 1948 г. р. (дер. Утягулово).
4. Ишкильдина Х. Г., 1940 г. р. (дер. Юнаево).
5. Тайсина З. М., 1927 г. р. (дер. Сирегулово).

6. Ишмухаметова С. Ф., 1943 г. р. (дер. Садалы).
7. Абдуллина М. Р., 1923 г. р. (дер. Байдавлетово).
8. Мурзабаева А. С., 1954 г. р. (дер. Ибраево).
9. Акбутина З. Х. , 1966 г. р. (дер. Ибраево).

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОСНОВЕ ВЫБОРА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

INDIVIDUAL APPROACH AND INTERETHNIC INTERACTION IN BASIC OF SELECTION OF EDUCATIONAL TECHNOLOGY FOR FOREIGN MILITARY.

И. Е. Шемякина (Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт) имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия)
В. М. Брегиня (Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт) имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия)
I. E. Shemyakina (Tyumen Higher Military Engineer Command School of Marshal of Engineeren troops A. I. Proshlyakova, Tyumen, Russia)
V. M. Breginya (Tyumen Higher Military Engineer Command School of Marshal of Engineeren troops A. I. Proshlyakova, Tyumen, Russia)

Аннотация. *Работа посвящена выявлению и решению проблемы обучения естественнонаучным дисциплинам иностранных военнослужащих в одном из военных вузов России. Предложена образовательная технология в основе которой выбраны индивидуальный подход и взаимодействие курсантов в том числе и межэтническое.*

Abstract. *The paper on the revelation and problem solving of training of naturally disciplines at the one of the Russian military institute of higher education. Educational technology is proposed and based on Individual approach and interaction between military students with interethnic interaction.*

Ключевые слова: *обучение естественнонаучным дисциплинам, иностранные военнослужащие, межэтническое взаимодействие.*

Keywords: *training of naturally disciplines, foreign military, interethnic interaction.*

Одним из направлений в решении гуманизации инженерного образования в России является личностно-ориентированное обучение [1, с. 31]. В приказе № 319 [Приказ МО РФ № 319 от 2.08.2005 г.] указано, что высшее военно-учебное заведение может осуществлять в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, подготовку военных инженеров для вооруженных сил других государств. Для получения качественного результата обучения, считаем, необходимостью использовать индивидуальный подход к каждому прибывшему обучаться в военный вуз из другого государства.

Работая в данном направлении, преподаватели кафедры естественнонаучных и общепрофессиональных дисциплин провели обследования, на основании которых и выстраивают свою педагогическую деятельность в обучении курсантов ближнего и дальнего зарубежья естественнонаучным дисциплинам на первом и втором курсе.

Одним из обследований стала проверка развитости наглядно-образного мышления, т. к. оно является необходимым для восприятия и изучения естественнонаучных и общепрофессиональных дисциплин, а также является основой развития их абстрактно-логического мышления. При обследовании была использована методика «Пиктограмма» [2], разработанная отечественным нейропсихологом А. Р. Лурией в 1936 году. Испытуемым курсантам предлагалось нарисовать образ (пиктограмму) к нескольким понятиям, предложенным на русском языке (например, веселый праздник, развитие, счастье и др.). С полными результатами данного обследования можно познакомиться в работах [3, с. 55–57] и [4, с.163–170]. В кратком изложении преподаватели подтвердили наличие проблемы в работе с иностранными военнослужащими – трудность в понимании слов русского языка, тем более научных терминов. Вместе с этим было выявлено, что только

– у 74% курсантов в норме обоснованность связи между словом и нарисованным курсантом пиктограммы слова;

– у 63% курсантов в норме воспроизведение слова или выражения, заданные в методике спустя отсроченный период;

– у 47% курсантов в норме соответствие пиктограммы курсанта реальному объекту.

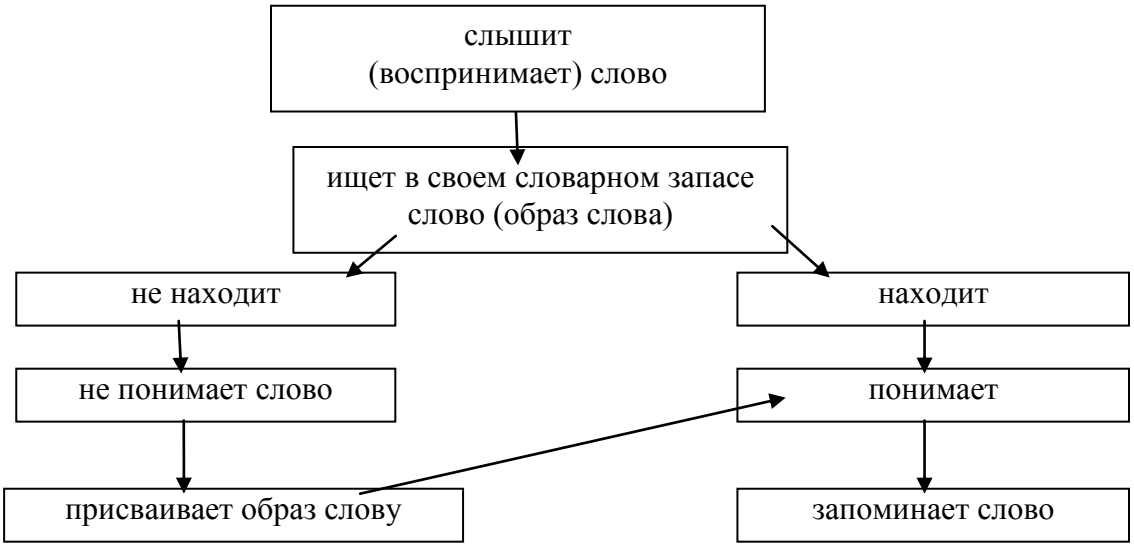
Результаты обследований на распознавание текста, на развитие наглядно-образного мышления и собственные наблюдения позволили нам всех курсантов поделить на группы по возможности восприятия учебного материала как имеющих высокий, средний, низкий уровни.

Таблица 1

Группы курсантов по возможности восприятия учебного материала

№ группы	Возможности курсантов в восприятии учебного материала
Группа 1	Владение русским языком в понимании объяснения преподавателем учебного материала, чтения учебных пособий и книг, в которых используются русские слова.
Группа 2	Владение аппаратом естественнонаучных дисциплин в выполнении практических заданий.

Процесс восприятия, понимания и запоминания терминов курсантом преподаватели попытались изобразить с помощью блок-схемы:



Из блок-схемы видно, что процесс распознавания научных терминов на русском языке для курсантов, имеющих трудности с переводом, имеет больше звеньев, а значит и по времени осуществления он больше. Таким образом, можно сделать вывод, что процесс восприятия, понимания и запоминания складывается за счет создания образов и накопления их в словарном запасе.

В результате нашего обследования и выводов мы приходим к необходимости решать вопрос: как учить? На помощь приходит такая форма работы преподавателя с курсантами, как разработка и создание тренажеров, установок, как неких образов научных терминов и действий с ними по изучаемым темам (смотреть рисунки 1 и 2).

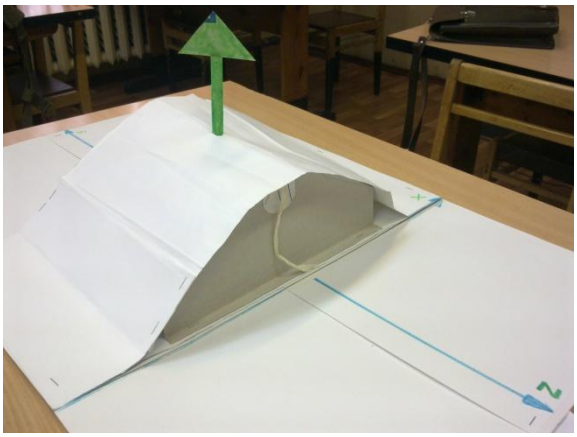


Рис. 1. Вычисление поверхностного интеграла

Рис 2. Вычисление объема тела вращения

По отзывам курсантов, выполнение подобных работ помогает им не только понять новое, запомнить изучаемое, но и оставляет много интересных воспоминаний о совместной работе, в том числе и посредством межэтнического взаимодействия, что, как мы предполагаем обязательно останется приятным в памяти об их студенческой жизни. По отзывам преподавателей и офицеров, выполнение подобных работ сближает личный состав между собой, курсанты увлеченно заняты делом, раскрываются таланты умения и навыки. При выполнении работ усиливается фактор мотивации и взаимной интеллектуальной активности курсантов, повышается эффективность их познавательной деятельности, в соответствии с требованиями обучения в вузах, где самостоятельная работа студентов должна являться развитием и самоорганизацией личности обучающихся [1, с. 125]. Такая форма работы с иностранными военнослужащими повышает эффективность учебного процесса, а значит, способствует развитию профессиональных способностей, необходимых им в будущем военным специалистам. Ведь именно развитое наглядно-образное мышление помогает командиру «оперировать содержащимися в памяти образами явлений, действий подразделений, что, в частности, позволяет лучше представить реальную обстановку, нанесенную на карту условными знаками» [5, с. 41]. И пока современные возможности образовательной среды военного вуза (информатизация и компьютеризация) сталкиваются со спецификой военно-профессионального образования (секретность) технология создания образов научных терминов будет являться одной из востребованных современных образовательных технологий.

В направлении формирования гражданского единства мы считаем, что необходимо знакомиться с традиционной культурой народов, представленных единично или ма-

лой группой в нашем вузе. С целью помочь в адаптации к иноязычной образовательной среде военного вуза среди иностранных военнослужащих была запущена анкета, вопросы и ответы представлены ниже. Считаем важным понимание, что не только наставлениями, но и вопросом можно направлять мыслительную деятельность курсанта в нужных направлениях, являющихся в современном образовании наиболее ценными в развития его самообразовательной деятельности [7, с. 293–297] и [8, с. 29–32].

Анкета

У русского народа есть пословица «Век живи – век учись!»

Напишите, пожалуйста,

1. Откуда Вы? Какой народ (этническую группу) представляете?
2. Чему на Ваш взгляд русскому народу нужно поучиться у Вашего народа?
3. Чему на Ваш взгляд можно поучиться у русского народа?

Ответы курсантов:

Чему на Ваш взгляд русскому народу можно и нужно учиться у Вашего народа?

Таджикистан: «Трудолюбию, гостеприимству, уважению, жить в любой ситуации».

Монголия: «Мы соседи, необходимо знать культуру стран, истории, необходимо учить языки. Нужно уважать друг друга. Мы не всегда жили вместе. Поэтому необходимо учиться жить вместе».

Казахстан: «Дружбе, гостеприимству. Скромности в женской одежде. Уважению к старшим».

Бурятия, народ буряты: «Стрельбе из лука, конному спорту, вольной борьбе, мудрости, доброте и юмору».

Дагестан, народ даргинцы: «Делать острые клинки, мечи, танцевать лезгинку. Наш народ очень гордый и жесткий. Сказал – как закон и все, далее не обсуждается».

Кыргыстан, народ кыргызы: «Гостеприимству, быть менее эгоистичными, трудолюбию, простоте, спокойствию, уважению старших и близких».

Белоруссия, народ белорусы: «Спокойствию, производству сельхозпродукции».

Армения, народ армяне: «Уважению старших, единству – вместе мы сила».

Йемен, народ йеменцы: «Любви к Родине, стремлению к миру, мужеству, уважению к воинам».

Афганистан, народ таджики: «Любви к Родине, патриотизму, гостеприимству, доброте».

Чему на Ваш взгляд можно и нужно учиться у русского народа?

Таджикистан: «Тому, что в какой бы вы ситуации не были, вы всегда найдете выход из сложной ситуации».

Монголия: «Скромности, культуре, высшему образованию».

Казахстан: «Терпению, уму, дружбе, стремлению всегда и везде быть первым».

Бурятия, народ буряты: «Щедрости, радости, пунктуальности».

Дагестан, народ даргинцы: «Уметь жить, радоваться, весело проводить время».

Кыргыстан, народ кыргызы: «Быть четким, честным, работать с техникой, романтичности».

Йемен, народ йеменцы: «Военной силе, многовековой истории, патриотизму и защите суверенитета, любви к образованию и работе».

Афганистан, народ таджики: «Изучению наук».

В заключение, мы приводим общее мнение курсантов: «И вообще нет разницы у какого народа учиться. Главное чтобы люди были хорошие, т. к. у хороших людей всегда есть чему поучиться».

Таким образом, считаем, что в основе выбора образовательной технологии обучения иностранных военнослужащих должно присутствовать взаимодействие, в том числе и межэтническое. Такое взаимодействие преподаватели могут использовать во внедрении новых форм и методов обучения естественнонаучным и общепрофессиональным дисциплинам, в повышении внутренней и внешней мотивации обучающихся, что в свою очередь позволит военному вузу обеспечить заказ других государств в подготовке достойных специалистов их военной инженерии.

Список использованных источников

1. Педагогика и психология высшей школы: Учебное пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 544 с. ISBN 5-222-02284-6
2. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии (В. Д. Балин, В. К. Гайда, В. К. Гербачевский и др. Под общей ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. – 2-е изд., доп. И перераб. – СПб.: Питер, 2007. – 560 с.: ил.- (Серия «Практикум по психологии»). ISBN 5-8046-0100-8, ISBN 978-5-8046-0100-4
3. Шемякина И. Е. Образовательная технология обучения иностранных военнослужащих математике // Проблемы инженерного и социально-экономического образования в техническом вузе в условиях модернизации высшего образования: материалы региональная научно-методической конференции. – Тюмень: РИО ФГБОУ ВПО «Тюм ГАСУ», 2014. – 188 с.
4. Шемякина И. Е., Плесовских Е. А. Обучение курсантов ближнего и дальнего зарубежья // Научный сборник, Тюмень: ТВИИВ, 2011. – с. 234.
5. Шрамченко А. Ф. Командир и формирование его личности: Учеб.-методич. Пособие. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 272 с. ISSN 5-279-03019-8
6. Калашникова С. Б. Интенсификация предвузовской подготовки иностранных студентов на основе личностной ориентации обучения: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.п.н.: Спец. 13.00.08 / Калашникова Светлана Борисовна; [Рост. гос. пед. ун-т]. - Ростов н/Д: 2002. - 27 с.: ил.; 20 с
7. Шемякина И. Е. Самообразование – основа становления субъектности курсантов в современных условиях социально-педагогических изменений образовательной среды высшего военного учебного заведения // «Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал». – Орел: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2013. – № 5 (55).
8. Шемякина И. Е. Формирование и развитие компетенций самоорганизации и самоуправления // «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития», научный журнал 2014 Том 3, выпуск 1 (9),Саратов: Саратовский государственный университет, 2014. – 98 с.